ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Леонид МЛЕЧИН

ЗНАМЕНИТЫЕ САМОУБИЙЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герои этой книги – руководители государства, видные политики и общественные деятели, крупные военные, руководители спецслужб, писатели, ученые – ушли из жизни при странных и загадочных обстоятельствах. Большинство из них покончили с собой, хотя многие уверены, что в реальности их убили или заставили совершить самоубийство. Вокруг их смерти ходит множество слухов, мифов и пересудов. Со временем удалось выяснить, что именно произошло с этими людьми. Но сомнения и подозрения не исчезают.

- Леонид Млечин
  - От автора
  - Глава 1
    -
    - Не везет в любви?
    - Чекисты и художники
    - Страх перед старостью?
    - «Угнетен и подавлен»
    - Игра по-крупному
    - Время острое. И позднее
    - Огонь и пепел
  - Глава 2
    -
    - Секретное письмо
    - Маменькин сынок
    - Максим Горький возражает
    - Разговор с товарищем сталиным
    - Попойка на квартире Булгаковых
    - Доносы на друзей
    - Переписка с вождями
    - Вино и женщины
    - Дурная услуга старого друга
  - Глава 3
    -
    - Телята в каждый клуб
    - Первый начальник Андропова
    - «Он вдохнул новую жизнь в наш город»
    - Пища королей и бедняков
    - Ночная охота за маслом
    - Личное оружие осталось в сейфе?
  - Глава 4

- Дорога в столицу
- Самые трудные дни
- Первый секретарь
- Свидание с красной императрицей
- Хозяйка города
- Свадьба с приданым
- Матриархат, патриархат и секретариат
- Перерезанные вены
- На идеологическом фронте
- Слишком чувствительна!
- Каково быть мужем бабушки?

○ Глава 5

- Покровитель Горбачева
- Как становятся хозяином края
- Особенности жизни члена политбюро
- Ссора после юбилея
- Наследник Кулакова

○ Глава 6

- Самолеты танцуют шимми
- На президентском посту
- Расстрелянный брат
- Болезнь и смерть

○ Глава 7

- Что делал Папутин в Афганистане?
- Спецоперация в Кабуле
- Тост, произнесенный стоя на коленях
- Подарок убитого Амина

○ Глава 8

- Украденные бриллианты
- Днепропетровский клан
- Шестнадцать выстрелов
- Серый кардинал
- Последняя поездка на дачу

○ Глава 9

- Поэт и прозаик
- Как завоевать друзей
- Первые аресты
- Цепь самоубийств в республике

- Следователи – народные герои
- Процесс над Чурбановым

○ Глава 10

-
- Кузница кадров
- Схватка с Шелепиным
- За что его любили в милиции?
- Обед с Леонидом Ильичом
- Любовь к антиквариату
- Щелоков и Андропов
- «Зачем ты меня прослушиваешь?»
- В компании с Медуновым
- Черненко ему не помог

○ Глава 11

-
- Тайные переговоры в Киеве
- Избавление от Шелеста
- «Видишь это кресло?»
- Чернобыль: виновные и жертвы
- Оплот застоя

○ Глава 12

-
- Отец и сын
- Власть тайная и явная
- Раскол в республике
- Главный контролер
- Министр внутренних дел
- Битва за прибалтику
- Рижский ОМОН
- Август без президента
- Упрямый хозяин большого дома
- Группа захвата опоздала

○ Глава 13

-
- Полвека в армии
- Золотая Звезда
- Встреча с врагом
- Письмо президенту

○ Глава 14

-
- Он унес свои тайны в могилу
- Конец ЦК – конец жизни?
- «Я всего лишь завхоз»
- Империя благ и привилегий

- Что делать с деньгами?
- Дело не закрыто

Вместо послесловия

Леонид Млечин
Знаменитые самоубийцы

От автора

Все герои этой книги – руководители государства, видные политики и общественные деятели, крупные военные, руководители специальных служб, писатели, ученые – ушли из жизни при странных и загадочных обстоятельствах.

Большинство из них покончили с собой, хотя многие уверены, что в реальности их убили или заставили совершить самоубийство. Другие ушли из жизни естественным путем, но опять-таки считается, что на самом деле они покончили с собой.

Вокруг их смерти ходит множество слухов, мифов и пересудов. Может быть, нас насторожило то, что эти самоубийства, подлинные или мнимые, происходили в моменты крутых политических перемен? Внезапный уход из жизни героев этой книги имел самые серьезные последствия для нашей страны. Они исчезали, и перед кем-то открывалась широкая столбовая дорога.

Но, скорее, все дело в том, что с самого начала от нас пытались скрыть правду. Со временем удалось выяснить, что именно произошло с этими людьми. Но сомнения и подозрения не исчезают. Опять-таки, может быть, потому, что большинство из нас уверены в том, что всей правды нам никогда не скажут.

Часто эта уверенность имеет под собой основания.

Глава 1
Маяковский. Последняя любовь, последний выстрел

И через много лет после смерти Маяковского Вероника Полонская не могла забыть то, что она увидела, вбежав в комнату, где только что застрелился влюбленный в нее поэт: «Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые».

14 апреля 1930 года актриса 1-го Московского Художественного академического театра Вероника Витольдовна Полонская, вся в слезах, давала показания следователю милиции. Она описала, как утром пришла к Владимиру Владимировичу Маяковскому.

«Было около десяти часов утра. Я не раздевалась, он разделся; я села на диван, он – на ковер, который был постлан на полу у моих ног, и просил, чтобы я с ним осталась жить хотя бы на одну-две недели. Я ответила, что это невозможно, так как я его не люблю».

Свидетелем интимного свидания был курьер Госиздата, который доставил Маяковскому два тома Советской энциклопедии:

«Женщина, которая мне не известна, сидела, а гражданин Маяковский стоял перед ней на коленях. Женщина примерно лет двадцати четырех, худощавая, лицо белое. Больше показать по данному делу не могу».

Не везет в любви?

«Я собралась уходить в театр на репетицию, – рассказывала Полонская следователю. – Маяковский дал мне десять рублей на такси, простился, пожал мне руку. Я вышла за дверь. И в это время раздался выстрел. Я сразу поняла, в чем дело, но не решалась войти, стала кричать. На крики выбежали квартирные соседи, и мы вошли в комнату. Маяковский лежал на полу с распростертыми руками и ногами с ранением в груди. Подойдя к нему, спросила, что вы сделали? Но он ничего не ответил. Что было дальше, не помню…»

Вероника Полонская была замужем за молодым тогда и очень талантливым актером Михаилом Михайловичем Яншиным, которого ждала всероссийская слава. Допросили и Яншина. Он отрицал измену жены:

«Когда я был занят на спектаклях, моя жена ходила в кино или в ресторан вместе с Владимиром Владимировичем. Были случаи, когда и на квартире у Владимира Владимировича моя жена встречалась с ним без меня из-за моей занятости. Но у меня и мыслей не было предосудительных. Владимир Владимирович был самым «джентльменистым» (если так можно выразиться), самым обходительным, внимательным. Вообще более порядочного человека трудно было найти».

Современники скептически относились к великодушию мужа-рогоносца. На первом допросе Полонская тоже все отрицала:

«За все время знакомства с Маяковским в половой связи с ним не была, хотя он все время настаивал, но этого я не хотела. Причина самоубийства Маяковского мне не известна, но надо полагать, что главным образом послужил мой отказ во взаимности, так же как и неуспех его произведения «Баня» и нервное болезненное состояние».

Через много лет после смерти поэта Вероника Полонская станет куда откровеннее:

«Я была беременна от него. Делала аборт, на меня это очень подействовало психически, так как я устала от лжи и двойной жизни. Меня навещал в больнице Яншин. Опять приходилось лгать. Было мучительно. После операции, которая прошла не совсем благополучно, у меня появилась страшная апатия к жизни вообще и, главное, какое-то отвращение к физическим отношениям.

Владимир Владимирович с этим никак не мог примириться. Его очень мучило мое физическое равнодушие. На этой почве возникало много ссор, тяжелых, мучительных, глупых. Я считаю,

что я и наши взаимоотношения являлись для него как бы соломинкою, за которую он хотел ухватиться».

В деле о самоубийстве Маяковского хранится донесение агента оперативного отдела Объединенного государственного политического управления, так тогда называлось ведомство госбезопасности. Оперотдел занимался обысками, арестами и наружным наблюдением. Агент сообщал:

«Во время поездки за границу в 1929 году поэт Маяковский познакомился в Париже с Яковлевой Татьяной Алексеевной, которая в 1925 году уехала во Францию к своей бабушке. Маяковский по возвращении из заграницы рассказывал некоторым своим друзьям, что в лице Яковлевой он впервые нашел женщину, оказавшуюся ему по плечу. Он рассказывал о своей любви к ней».

Свидетельницей бурного романа была обосновавшаяся в Париже Эльза Триоле, сестра Лили Брик и жена французского писателя-коммуниста Луи Арагона:

«Татьяна Яковлева была в полном цвету, ей было всего двадцать с лишним лет, высокая, длинноногая, с яркими, желтыми стравленными волосами, довольно накрашенная, «в меха и бусы оправленная»… В ней были молодая удаль, бьющая через край жизнеутвержденность, разговаривала она, захлебываясь, плавала, играла в теннис, вела счет поклонникам…

Ей казалось, что так любить, как ее любит Маяковский, можно только раз в жизни. Неистовство Маяковского, его «мертвая хватка», его бешеное желание взять ее «одну или вдвоем с Парижем». Откуда ей было знать, что такое у него не в первый и не в последний раз? Откуда ей было знать, что он всегда ставил на карту все, вплоть до жизни?»

«В январе 1930 года, – информировал свое начальство сотрудник оперативного отдела ОГПУ, – родные и знакомые Татьяны Яковлевой получили извещение о ее выходе замуж за виконта дю Плесси, атташе французского посольства в Варшаве. Ее сестра Людмила рассказывала, что Маяковский говорил ей о своих страданиях, которые он переживает впервые в жизни. Маяковский предлагал Яковлевой стать его женой, но она не захотела возвращаться в СССР и отказаться от роскоши, к которой привыкла в Париже…»

«Татьяна Яковлева не хотела ехать в Москву, – рассказывала Эльза Триоле. – Трудному Маяковскому в трудной Москве она предпочитала легкое благополучие с французским мужем из хорошей семьи. Я утешала и нянчила Володю, как ребенка, который невыносимо больно ушибся…»

Главный редактор «Известий» Иван Михайлович Гронский

однажды ночью гулял с Маяковским по Москве:

«Маяковский заговорил о том, что ему не везет в любви. «На Сережку бабы вешаются, а от меня бегут». Сережка – это Есенин. «Я, – говорит, – не понимаю, почему». Эта тема, мужская, заняла довольно много времени. Я говорю: «Не может быть, чтобы от вас девушки бежали». «Да нет, – говорит, – бегут». Вот – ухаживал за такой-то, за такой-то. Он даже называл имена. Личной жизни устроить ему так и не удалось».

Маяковский всегда пользовался успехом у женщин, Кто мог предположить, что и его преследовали неудачи? Женщины охотно увлекались им, но им доставало короткого романа с известным поэтом и щедрым мужчиной. На более серьезные отношения не соглашались. А он влюблялся по уши и требовал того же от женщины.

«Маяковский, – вспоминала Вероника Полонская, – рассказывал мне, что очень любил Лилю Юрьевну Брик. Два раза хотел стреляться из-за нее, один раз он выстрелил себе в сердце, но была осечка…»

Так что же, Владимир Владимирович покончил с собой из-за любовных неудач? Не выдержал тягостной сцены, когда любимая женщина в буквальном смысле уходит? Но почему в этой истории незримо присутствуют политическая власть и госбезопасность?

Есть люди, которые уверены, что Владимир Маяковский не по своей воле покинул сей мир: он вовсе не покончил с собой, а был убит чекистами по приказу высшей власти.

Чекисты и художники

«О самоубийстве Маяковского, – рассказывал главный редактор «Известий» Иван Гронский, – мне сказал председатель ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода. Мы с ним дружили, на совещании сидели рядышком, у окна. Он меня информировал о подробностях самоубийства Маяковского».

На квартиру № 12 по Лубянскому проезду, дом 3, где покончил с собой Маяковский, сразу приехали чекисты. Благо от ведомства госбезопасности недалеко. Старшим был начальник секретно-политического отдела ОГПУ Яков Саулович Агранов. Секретно-политический отдел занимался борьбой с «антисоветскими элементами».

Известный в ту пору литературный критик Корнелий Люцианович Зелинский застал Агранова у тела Маяковского: «В его манере было нечто вкрадчивое, спокойное и заставляющее настораживаться. Тонкие и красивые губы Якова Сауловича всегда змеились не то насмешливой, не то вопрошающей улыбкой. Умный был человек».

Когда в 1922 году Ленин приказал выставить из страны «контрреволюционных» ученых, он попросил Дзержинского поручить это дело толковому чекисту. Поручили Агранову. И Ленин, и Сталин к Агранову благоволили.

Появление высокопоставленного чекиста в квартире поэта служит основанием для предположений о том, что он-то и руководил «операцией по уничтожению Маяковского». И Агранов сам занялся похоронами поэта, потому что заметал следы… Но какие?

Художница Елизавета Лавинская видела в руках Агранова снимок мертвого Маяковского. Не тот, который всем известен, а совсем другой: «Распростертый, как распятый, на полу с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом».

Снимок этот теперь опубликован. Самоубийство сопровождается болью, муками, страданием, так что последние секунды жизни Маяковского были ужасны. Скрывали эту фотографию не потому, что хотели спрятать концы в воду, а потому, что поэту-коммунисту и после смерти полагалось выглядеть достойно.

Крупные чекисты охотно участвовали в богемной жизни Москвы, дружили с мастерами искусств, как тогда говорили, изображали из себя меценатов. Сотрудникам секретных служб льстит внимание властителей дум. А поэтов, артистов и

художников волнует мистическая притягательность тайной власти.

Начальник ведомства госбезопасности Генрих Ягода торчал в доме Максима Горького не потому, что следил за писателем. Ягоде, как уверяют, нравилась сноха писателя, жена Пешкова-младшего, а еще больше льстил интерес, с которым ему внимал цвет художественной интеллигенции. А следить за писателями было кому и помимо наркома и его заместителей. На недостаток осведомителей ведомство никогда не жаловалось.

Вот еще один вопрос: почему Маяковскому чекисты подарили пистолет? Говорят, «это было приглашением к самоубийству. Ему пистолет был не положен»… Очень даже положен. И в наши-то дни Министерство внутренних дел, Министерство обороны и другие силовые ведомства одаривают деятелей культуры личным оружием, а уж в те времена, после Гражданской войны, многие держали дома пистолет или револьвер. Отбирать их стали позже, когда начался массовый террор.

«Владимир Владимирович, – рассказывала Вероника Полонская, – всегда носил при себе заряженный револьвер. Рассказал, что однажды какой-то сумасшедший в него стрелял. С тех пор он всегда ходил с оружием».

Есть те, кто так считает: «В тридцатом году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали»…

Но почему именно в тридцатом Маяковского надо было убрать? Главным врагом Сталина был Троцкий. Приказ об убийстве Троцкого был отдан не в 1930 году, а позже. Что же, выходит, Маяковский был более опасен, чем Троцкий?

Страх перед старостью?

Возможно, лучше всех Маяковского знала Лиля Юрьевна Брик, одна из самых ярких женщин той эпохи. Художественная натура, она сама писала и переводила, играла в кино, но главное – была музой Маяковского многие годы:

«Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Глухой, тихий голос Маяковского: «Я стреляюсь. Прощай, Лилик». Я крикнула: «Подожди меня!» – что-то накинула поверх халата, скатилась с лестницы, умоляла, гнала, била извозчика кулаками в спину.

В его комнате на столе лежал пистолет. Он сказал: «Стрелялся, осечка, второй раз не решился, ждал тебя». Маяковский вынул обойму из пистолета и оставил только один патрон в стволе. Зная его, я убеждена, что он доверился судьбе, думал – если не судьба, опять будет осечка, и он поживет еще.

Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях…»

Поэты – самый ранимый род людей. То, что со стороны кажется малозначительным, для них трагедия вселенских масштабов. Хотя депрессия как таковая свидетельствует о том, что организм человека не способен адекватно реагировать на обстоятельства жизни, это болезненная реакция.

«В Маяковском, – рассказывала Лиля Брик, – была исступленная любовь к жизни, ко всем ее проявлениям – к революции, к искусству, к работе, к женщинам, к азарту, к воздуху, которым он дышал. Его удивительная энергия преодолевала все препятствия. Но он знал, что не сможет победить старость, и с болезненным ужасом ждал ее с самых молодых лет.

Как часто я слышала от Маяковского слова: «Застрелюсь, покончу с собой, тридцать пять лет – старость! До тридцати лет доживу. Дальше не стану». Сколько раз я мучительно старалась убедить его в том, что ему старость не страшна, что он не балерина…»

Но страх перед старением или любовные неудачи, возможно, не привели бы к роковому выстрелу, если бы не те публичные оскорбления и поношения, которые обрушились на Маяковского в последние месяцы его жизни. В этом смысле можно говорить о доведении до самоубийства. Вокруг него создалась атмосфера, губительная для всего талантливого и неординарного.

В подкрепление своих слов позволю себе сослаться на

показания надежного свидетеля. Очевидца. На записки моего дедушки – Владимира Михайловича Млечина, который знал Маяковского и оставил мне свои воспоминания. Он был известным в театрально-литературном мире человеком. В тридцатые годы возглавлял столичный Репертком – комитет по контролю за репертуаром и зрелищами.

Ни один спектакль, ни одна постановка, ни одно представление в Москве (включая эстрадные номера) не могли появиться без разрешения председателя Реперткома.

Была такая история. Сталин устроил прием в честь летчиков, и невероятно популярный тогда Валерий Чкалов попросил, чтобы Леонид Утесов исполнил блатную песенку «С одесского кичмана». Сталин говорит: пожалуйста. В гримерную, где Утесов готовился к выступлению, пошел сотрудник охраны и передал просьбу включить в программу вечера песню «С одесского кичмана».

– Что вы, – испуганно ответил Утесов, – мне ее запретил петь товарищ Млечин!

– Кто? – переспросил сотрудник охраны.

– Товарищ Млечин, начальник Реперткома.

– Сегодня можно, – сказал чекист. – Товарищ Сталин разрешил…

«Угнетен и подавлен»

«Был день, даже почти сутки, которые мне довелось провести в обществе Маяковского, – вспоминал Владимир Млечин. – Из моей памяти ни день этот, ни вечер, ни тем более ночь, ночь последней беседы с Владимиром Владимировичем, никогда не изгладятся. Я не знал бремени обрушившихся на него бед и не мог постичь неимоверной боли, которая, наверное, недели и месяцы точила сердце поэта. Когда возвращаешься мысленно к той далекой поре, кажутся непостижимыми равнодушие, слепота и глухота людей, знавших поэта близко, его друзей и соратников.

На открытии Клуба мастеров искусств я впервые услышал, как Маяковский читал вступление к поэме «Во весь голос». Меня поразила невысказанная боль, охватившая сердце поэта. Он обращался к потомкам, потому что отчаялся услышать отклик современников. Как можно было пройти мимо его трагической настроенности?! Бас Маяковского рокотал, но некогда было оценить всю силу и глубину образа, неповторимую инструментовку стиха, изумительное искусство звукописи. Совсем другое ощущение охватило меня: внутренняя дрожь, неосознанное чувство тревоги, беспокойство».

Вечером того памятного дня Владимир Млечин должен был вступительным словом открыть диспут в Доме печати о пьесе Маяковского «Баня», поставленной театром выдающегося режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

О Мейерхольде пишут как о своевольном, анархическом и неукротимом алхимике, театральном фокуснике, который «никаких резонов не понимал», ни с кем не считался и действовал как бог на душу положит, подчиняясь лишь произволу своей неуемной фантазии, лишь бы было почуднее, пооригинальнее, лишь бы эпатировать зрителя.

Нет ничего ошибочнее. Мейерхольд был безмерно талантлив и образован, искренно и увлеченно стремился сказать в искусстве новое слово в уверенности, что все старые уже сказаны и бессмысленны.

«Зритель его премьер, в том числе по пьесам Маяковского, – вспоминал Владимир Млечин, – я могу засвидетельствовать: мне никогда не доводилось переживать подобное, хотя видел я спектакли поистине чудесные, гармонические и совершенные, волнующие и незабываемые. Были поразительные режиссерские открытия, были изумительные актерские достижения. Но таких потрясений все же не было. Это переживания особого рода, когда жизнь и сцена сливались воедино.

А тогда, после просмотра «Бани», хор негодующих был яростным, стройным. Над Маяковским пронесся критический ураган в двенадцать баллов. Его поносили за «издевательское отношение к нашей действительности». Не пощадила Маяковского «Комсомольская правда»: «Продукция у Маяковского на этот раз вышла действительно плохая, и удивительно, что театр Мейерхольда польстился на эту продукцию».

Я ощутил необыкновенно болезненную реакцию Владимира Владимировича на критику пьесы, хотя кто-кто, а он, казалось, привык к таким разносам и разгромам, – вспоминал Владимир Млечин. – Но таково уж, видимо, было настроение поэта в те дни, такова была степень его ранимости, которую обычно он умел великолепно прикрывать острой шуткой, едкой репликой, а то и явной бравадой. Маяковский был угнетен и подавлен.

Да и весь привычный облик Маяковского, всегда собранного, всегда настроенного как бы воинственно, агрессивно, не вязался с мыслью о назревающей, если уже не вполне созревшей трагедии».

Сразу после выступления Маяковский шепнул Владимиру Млечину:

– Поедем отсюда, тезка.

Вышли на улицу. Маяковский был сумрачен и молчалив. Шел двенадцатый час ночи. Маяковский махнул проезжавшему свободному извозчику.

– Может, в «Националь»? – предложил Млечин-старший, полагая, что Маяковский хочет поиграть на бильярде.

– Нет уж, – сказал Владимир Владимирович, – давайте в «Кружок».

Игра по-крупному

«Кружок» – так в обиходе московской литературно-театральной богемы именовался Клуб мастеров искусств, располагавшийся в подвальчике в Старопименовском переулке. Здесь собирались боги тогдашнего театрального и литературного Олимпа, знаменитые живописцы, а потом и прославленные летчики и тщеславные военачальники…

Владимир Млечин:

«Я думал, что Маяковский хочет поужинать, поиграть на бильярде, – ради этого, собственно, и ездили в «Кружок». Но мы не ужинали. Не играли. Устроились в коридорчике, который вел к ресторану. Дважды, может быть, трижды подходил к нам официант, предлагая поесть, потом сообщая о предстоящем закрытии кухни. Маяковский благодарил, но в ресторан не пошел. Приехали не позже двенадцати. Ушли последними, когда клуб закрывался, стало быть, не ранее четырех часов утра.

Почему Маяковский выбрал в собеседники именно Млечина-старшего?

Демобилизовавшись после Гражданской войны, Владимир Млечин поступил в архиакадемическое и архитрудное Московское высшее техническое училище на инженерно-строительный факультет. И вдруг вся жизнь перевернулась.

«ЦК играет человеком», – писал некогда поэт Александр Безыменский. Меня вызвали в ЦК партии, сообщили, что есть решение мобилизовать двести коммунистов для укрепления промышленных районов страны. Я поехал в Брянск, заведовал в губкоме отделом печати и редактировал губернскую партийную газету. Но наезжавший в Брянск секретарь ЦК комсомола Александр Мильчаков, веселый и решительный парень, настоял на том, чтобы меня откомандировали в распоряжение ЦК комсомола.

Кажется, что в отношении ко мне, как к «боевому комсомольцу», сказалось и то, что я мог, «не спотыкаясь и не заикаясь», выпить подряд три «комсомольских ерша». Рецепт такой: треть стакана водки, треть пива и треть совершенно убийственного портвейна».

Решением оргбюро ЦК Млечин-старший очутился в Москве, в издательстве «Молодая гвардия». Здесь летом 1926 года познакомился с Маяковским. И попросил написать для издательства замечательную вещь- «Эта книжечка моя про моря и про маяк». Наверное, ее все в детстве читали.

Владимир Млечин:

«Отношения с Маяковским сразу установились простые и, я бы сказал, сердечные. Он поразительно умел находить товарищеский и дружелюбный тон, едва чувствовал искренность и заинтересованность собеседника. Мы встречались у наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. Нашлось и еще одно поле для встреч – бильярдное».

Маяковский вообще любил азартные игры. Увлекался он и бильярдом. Манера игры раскрывала многие черты его самобытного и яркого характера. Играл Маяковский очень хорошо – для любителя, разумеется. У него был поразительно точный и сильный удар. Он сразу разбивал пирамидку. Если ему удавалось при этом положить шар, можно было считать партию выигранной.

Маяковский с профессионалами играл редко. Не потому что боялся: игру всегда можно было уравновесить форой. Ему претили ухищрения профессиональной игры, обязательно связанной со сложными тактическими ходами, со сверхосторожным отыгрышем и с известной долей коварства.

Но не любил он и «пустой» игры, то есть без всякой ставки. Пусть маленький «интерес», хоть полтинник, хоть бутылка сухого вина, но заинтересованность в игре должна быть. Исключения он делал только для партнеров заведомо слабых. Так он играл с наркомом просвещения Луначарским, который пользовался любой свободной минутой, чтобы «покатать шарики», но играл чрезвычайно слабо.

«Человек – это стиль» – говорят французы. И в стиле бильярдной игры, в каждом движении Маяковского сквозило то своеобразие, которое было свойственно всем проявлениям его неповторимой индивидуальности – прямота, напор, смелость, порой дерзость, и вместе с тем – отличная выдержка, стойкость, поразительная корректность.

Тем более удивительным, непохожим на себя показался Маяковский в тот памятный день последней встречи. Чувство глубокой горечи, недоумения, можно сказать, обиды слышалось едва ли не в каждой фразе, в каждом жесте, даже в междометиях Маяковского.

Нельзя забыть и ощущения растерянности, которая явно владела им в тот день и так не вязалась с его обликом человека всегда собранного, уверенно шагавшего по своей земле, уверенно беседовавшего со своим читателем, бросавшегося в смелую атаку против своих недругов».

Время острое. И позднее

Разговор в Клубе мастеров искусств продолжался несколько часов. Млечин-старший попытался убедить Владимира Владимировича в том, что никакой директивы критиковать его нет и быть не может.

Маяковский прервал его:

– Удар наносится по мне – сосредоточенный, злобный, организованный. Непристойные рецензии – результат организованной кампании.

– Организованной? Кем? Кто заинтересован в такой кампании против вас?

– Мне наносится удар за ударом – с явным намерением подорвать доверие ко мне, вывести меня из строя. С восемнадцатого года меня так не поносили.

Млечин-старший сделал попытку перевести беседу в юмористическое русло:

– Так чего вам сокрушаться, Владимир Владимирович? Ругались прежде, кроют теперь…

– Как же вы не понимаете разницы! Теперь меня клеймят со страниц родных мне газет!

– Но все-таки к вам хорошо относятся.

Маяковский:

– Кто?

– Например, Анатолий Васильевич Луначарский говорил, что в ЦК партии вас поддержали, когда возник вопрос об издании вашего собрания сочинений.

Луначарский был наркомом просвещения.

– Да, Луначарский мне помогал. Но с тех пор много воды утекло.

Маяковский говорил о травле. Утверждал, что поход против него стал особенно яростным в связи с выставкой, которую он организовал к двадцатилетию своей литературной деятельности. Маяковский был уверен, что враждебные ему силы находят у кого-то серьезную поддержку. Только этим можно объяснить, что никто из официальных лиц не пришел на его выставку, что не откликнулись большие газеты, а журнал «На литературном посту» устроил ему очередной разнос.

Маяковский:

– А почему эту разносную статью перепечатала «Правда»? Что это означает? Булавочные уколы, пустяки? Нет, это кампания, это директива! Только чья, не знаю.

– Вы думаете, что «Правда» действовала по директиве?

– А вы полагаете, что по наитию, по воле святого духа? Нет, дорогой. Вы правы в одном: статья в «Правде» сама по себе не могла сыграть большой роли. Но вы никак не объясните, почему вокруг меня образовался вакуум, полная и мертвая пустота?

Владимир Млечин:

«В словах Маяковского звучала глубокая тоска. И слова эти меня очень удивили. Я знал, что на выставке перебывало много народа, что у Маяковского полно друзей, последователей, целая литературная школа. Все это я с большой наивностью и высказал.

Маяковский:

– Друзья? Может, и были друзья. Но где они? Кого вы сегодня видели в Доме печати? Есть у меня друзья – Брики. Они далеко. В сущности, я один, тезка, совсем один…

Я не понимал безнадежности попыток убедить Маяковского, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, а его огорчения – следствие мнительности или, пуще того, необоснованных претензий. Я не понимал, что выставка «За двадцать лет» для Маяковского – итог всей трудной жизни и он вправе, именно вправе, ждать признания от высших органов государственной власти».

И Млечин-старший задал вопрос, который Маяковскому, вероятно, показался если не бестактным, то весьма наивным:

– Чего же вы ждали, Владимир Владимирович? Что на выставку придут Сталин, другие члены политбюро?

Ответ последовал неожиданный:

– А почему бы им и не прийти? Отметить работу революционного поэта – обязанность руководителей советского государства. Или поэзия, литература – дело второго сорта?

Владимир Млечин:

«Что я мог сказать Маяковскому? Я не знал, как относятся к нему руководящие деятели партии тех лет, в частности Сталин. И, главное, я вовсе не был уверен в том, что Владимир Владимирович прав и государственные деятели обязаны выказывать внимание поэту».

– Время надвигается острое… И позднее, – вдруг добавил Маяковский.

Эти слова Млечин-старший никогда не забудет. Вот, что я нашел в его записках:

«Что ни говори, изрядно досталось моему поколению. Я жил в полную меру сил, дышал, что называется, во всю глубину легких, ввязывался в любую драку – кулачную или, позже, идейную, если считал дело справедливым. Нравы были суровые, и это закаляло. С младенческих лет эмпирически постиг истину: полез в драку, не жалей хохла.

Мы жили бесстрашно, верили в грядущий день. Что значили невзгоды в атмосфере энтузиазма и непреклонной силы веры? Вот-вот начнется царство социализма на земле. Мы верили, как первые христиане. Пока небо не раскололось над головой.

Когда-то Достоевский больше всего потряс меня изображением детских страданий. Может быть, потому что рос я в условиях отнюдь не легких, помню мать в слезах, когда не было хлеба для ребят. Помню ее маленькую, слабую с мешком муки – пудик, полтора – за спиной, кошелкой картофеля в одной руке, а в другой ручка двухлетней сестры, шлепающей по грязи Суражского тракта, помню окружающую нищету, неизмеримо более горькую, чем у нас. Словом, страдания детей – мой пунктик.

И по сию пору не могу забыть крестьянских ребятишек, которых в 1929 году вместе с жалким скарбом грузили в подводы и вывозили из насиженных мест, порой в дождь, в слякоть, в холод. Я этого видеть не мог. И стал постигать, что идеей революционной целесообразности прикрываются дела невыносимые, преступные, ужасные».

Маяковский поднялся и зашагал к гардеробу. Они вышли во двор. Светало, надвигалось утро. Они отправились к Малой Дмитровке. На углу стояли извозчики.

– Поедем, – предложил Млечин-старший.

– Нет, – ответил Владимир Владимирович, – я, пожалуй, пройдусь пешком.

«Мы распрощались, я уехал», – сказано в записках моего дедушки. Он жил здесь, в Печатниковом переулке, дом № 21, квартира 1. Больше он Владимира Владимировича не видел. Утром 14 апреля ему домой позвонил сотрудник «Вечерней Москвы». Сказал всего два слова: «Маяковский застрелился».

Огонь и пепел

Кандинский, Прокофьев, Стравинский, Эйзенштейн, Маяковский, Мейерхольд… Этот великолепный список талантов, прославивших Россию в начале XX века, свидетельствовал о мощном выбросе творческой энергии, сокрушавшей все и всяческие авторитеты, традиции и каноны. Модернисты свободно экспериментировали, не обращая внимания на то, что прежде считалось обязательным с точки зрения формы и содержания.

Этот пафос обновления приветствовали в послереволюционной Москве, назвав модернизм революционным искусством. В Москве, вздыбленной, бурлящей, создалась критическая масса таланта, невиданная концентрация одаренных индивидуальностей.

Но Москва оказалась ловушкой для модернистов; их сочли подозрительными бунтарями, и для них не нашлось экологической ниши в жестко структурированном иерархическом обществе. Модернизм мог существовать до тех пор, пока искусство не превратили в государственное дело и не начали использовать для обслуживания системы, пока критерием оценки не стала идеологическая полезность.

«Когда Маяковский застрелился, самые близкие к нему люди, Лиля и Осип Брики, находились в Лондоне, – рассказывал Корнелий Зелинский. – Веронику Полонскую допрашивал следователь, и она плакала. А женщина, которой Маяковский посылал цветы, Татьяна Яковлева, танцевала на светском вечере в Париже. Как всегда, было много народу. И в двенадцать часов ночи негры на золотых блюдах выносили голых женщин, лежавших среди ананасов и яблок».

Организацией похорон Маяковского ведал Владимир Андреевич Сутырин, секретарь по организационным вопросам Федерации объединений советских писателей, бывший партийный работник. Он знал, как действовать:

«По городу шло много слухов и сплетен, причем один слух был очень злонамеренным. Из числа причин самоубийства Маяковского указывалось, что он был болен сифилисом. Я понял, что эти сплетни надо прекратить».

Оргсекретарь Союза писателей снял трубку и позвонил Агранову на Лубянку, а потом заведующему агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии Александру Ивановичу Стецкому. Сказал, что надо произвести вскрытие, дабы медицинская экспертиза установила и зафиксировала в специальном акте истинное положение вещей.

«Я не знаю, было ли специальное решение ЦК, – вспоминал Сутырин, – но часов в десять вечера приехали судебная экспертиза и медики. Маяковский был вынут из гроба, и началась экспертиза. Результаты вскрытия показали, что злонамеренные сплетни не имели под собой никаких оснований».

Через несколько лет Лиля Брик, в которую был влюблен Маяковский, отправила письмо Сталину. Она жаловалась на то, что Маяковский несправедливо забыт.

Сталин написал на письме: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти – преступление…» Велел Николаю Ивановичу Ежову: «Сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами».

Будущий нарком внутренних дел Ежов был тогда председателем Комиссии партийного контроля. Он принял Лилю Брик незамедлительно:

– Почему вы раньше не писали в ЦК? Я Маяковского люблю.

Сталин попросил заняться этим делом Ежова, потому что знал: исполняя его поручение, тот сделает все мыслимое и немыслимое. Николай Иванович не подвел: принял все необходимые решения о почитании Маяковского.

И выдающегося поэта-бунтаря, жаждавшего обновления жизни и поэзии, превратили в музейный экспонат, в скучный абзац из школьного курса литературы.

Гражданскую панихиду устроили в клубе писателей на Поварской улице, которая в советские годы носила имя Воровского. Хоронить Маяковского в земле не стали. Поздно вечером тело кремировали.

«Я встретил Бориса Пастернака, – вспоминал Корнелий Зелинский, – и он мне сказал, что вот было много огня, а пепла осталось немного. Но я подумал, что огня осталось много, пепла, может быть, немного, а огня много. Он оказался жарче, объемнее, сильней, нежели тот, что сжег его гроб, обитый красным сукном, и расплавил подковки на его ботинках. Огонь поэта… чем его измеришь?»

Глава 2
Фадеев. Партия в бильярд с Лаврентием Павловичем

Александр Александрович Фадеев всегда плохо спал, пригоршнями глотал снотворное, вставал поздно и с трудом. В ту ночь никак не мог уснуть, утром отказался от завтрака, сказал: пусть его позовут к обеду, а покуда он будет дремать. Наступило время обеда. Маленький сын Миша пошел звать отца и скатился вниз с ужасным криком:

– Папа застрелился!

Выстрела никто не слышал.

Это произошло 13 мая 1956 года.

Жена Фадеева – известная актриса МХАТа Ангелина Осиповна Степанова – находилась на гастролях в Югославии. На дачу в Переделкино примчались писатели Алексей Александрович Сурков и Евгений Аронович Долматовский.

«Фадеев, – вспоминал Долматовский, – лежал на широкой кровати, откинув руку, из которой только что – так казалось – выпал наган, вороненый и старый, наверное, сохранившийся от Гражданской войны. Белизна обнаженных плеч, бледность лица и седина – все как бы превращалось в мрамор».

Александр Фадеев был не только известнейшим писателем, но и крупной политической фигурой. Разбираться в обстоятельствах его смерти прибыли начальник следственного управления КГБ генерал Михаил Петрович Маляров, его заместитель полковник Козырев и начальник первого отдела Четвертого управления КГБ Филипп Денисович Бобков, который всю жизнь занимался слежкой за интеллигенцией и со временем стал генералом армии и первым заместителем председателя комитета госбезопасности.

Бобков заметил, что одежда Фадеева аккуратно разложена на стуле. По всему было видно, что он заранее все обдумал и приготовился к смерти. Фадеев оставил прощальное письмо.

Секретное письмо

«Маляров, – вспоминал Бобков, – потянулся к письму, собираясь прочесть его, но Козырев остановил генерала:

– А надо ли, Михаил Петрович?

– Письмо ведь адресовано в ЦК, – поддержал его я.

Свидетельствую: никто не читал письма, пока оно не дошло до адресата. Пусть не выдумывают «очевидцы». В ЦК познакомили с ним А.А. Суркова, М.А. Шолохова, К.М. Симонова, А.Т. Твардовского и, по-моему, К.А. Федина. Об этом рассказал мне Сурков, намеревавшийся и меня посвятить в содержание письма. Я возразил:

– Алексей Александрович, вы дали слово в ЦК не говорить о том, что написал Фадеев. Если сейчас расскажете мне, что там написано, вы нарушите слово и потом, как честный человек, будете переживать. Я же приучил себя к тому, что не предназначенная мне информация не должна меня интересовать.

Разговор происходил в кабинете Суркова в доме Союза писателей на улице Воровского. Алексей Александрович встал, подошел к шкафу и вернулся с бутылкой грузинского вина. Открыл ее, наполнил стаканы и со словами: «Научил старика!» – предложил выпить».

Воспоминания генерала Бобкова оставляют странное впечатление. А как же могло вестись следствие по делу о самоубийстве без знакомства с предсмертной запиской самоубийцы? Если чекисты и следователи и в самом деле не заглянули в письмо Фадеева, значит, не выполнили свои профессиональные обязанности. Если заглянули, к чему эти нравоучительные сентенции?

Предсмертное письмо держали в тайне от страны тридцать лет. Теперь оно рассекречено. Александр Фадеев, подводя нерадостные итоги, горько жаловался на власть, искалечившую его жизнь. Он возмущался не только жестокими сталинскими временами, но и тем, что делалось уже при Хрущеве:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено.

Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные

ценности, умерло, не достигнув сорока-пятидесяти лет.

Литература – эта святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун – таких как Московская конференция или XX партийный съезд, раздался новый лозунг: «Ату ее!»

Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленное™ и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинки».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был все это исправить. Литература отдана во власть людей, неталантливых, мелких, злопамятных…

Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения, даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

О расследовании обстоятельств смерти Фадеева на следующий день председатель КГБ генерал армии Иван Александрович Серов доложил в ЦК:

«13 мая 1956 года, примерно в 15:00, у себя на даче, в Переделкино Кунцевского района, выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством кандидат в члены ЦК КПСС писатель Фадеев Александр Александрович.

Предварительным расследованием установлено, что накануне, т. е. 12 мая с.г. Фадеев находился у себя на московской квартире, где имел встречу и продолжительную беседу с

писателями С.Я. Маршаком и Н. Погодиным.

Вечером того же дня Фадеев вместе с 11 – летним сыном Мишей приехал на дачу в Переделкино, где и находился до самоубийства.

Как показала его секретарь Книпович, в 12 часов дня 13 мая с.г. Фадеев сказал ей, что после разговора с Маршаком он не мог уснуть и на него не действовали снотворные средства.

По заявлению домработницы Ландышевой, Фадеев утром 13 мая приходил к ней на кухню и, отказавшись от завтрака, снова ушел к себе в кабинет. При этом, по мнению Ландышевой, Фадеев был чем-то взволнован.

Около 15 часов в кабинет Фадеева зашел его сын Миша и обнаружил Фадеева мертвым.

При осмотре рабочего кабинета сотрудниками КГБ Фадеев лежал в постели раздетым с огнестрельной раной в области сердца. Здесь же на постели находился револьвер системы «Наган» с одной стреляной гильзой. На тумбочке возле кровати находилось письмо с адресом «В ЦК КПСС», которое при этом прилагаю.

Труп Фадеева отправлен в институт Склифосовского для исследования.

Рабочий кабинет Фадеева А.А. опечатан.

Следствие продолжается».

Самоубийство недавнего руководителя Союза писателей, широко известного в стране и за рубежом, было неприятнейшим сюрпризом для членов президиума ЦК КПСС, а его письмо признали возмутительным. Меньше всего Хрущеву и его соратникам хотелось признавать самоубийство Фадеева актом протеста против политики партии в области литературы и искусства. Выстрел в себя мог быть только актом слабости больного, спившегося человека. Следствие должно было подтвердить эту версию.

22 мая генерал Серов доложил в ЦК о результате допросов тех, кто общался с Фадеевым накануне его смерти:

«Маршак утверждает, что по ходу беседы нельзя было сделать какого-либо вывода о пессимистических настроениях со стороны Фадеева А.А.

Допрошенная в качестве свидетеля Зарахани Валерия Осиповна, которая является родственницей Фадеева и его личным секретарем, показала, что примерно год тому назад она днем зашла в спальню Фадеева и увидела его лежащим в кровати, а рядом на столе были – бутылка водки, пистолет и записка.

Она забрала оружие, выругала его, после чего он успокоился. Содержание записки якобы было нехорошее, но она его не

помнит.

Допрошенный гражданин Чернобай К.С., работающий в течение десяти лет сторожем на даче у Фадеева, рассказал, что примерно за два часа до самоубийства Фадеев разговаривал с ним по вопросу устройства приусадебного участка и обещал ему достать в Литфонде машину для доставки удобрений. Затем они пошли с Фадеевым в столовую, где Чернобай выпил 100 гр. водки, а Фадеев съел простоквашу.

В ходе расследования выяснилось также, что за полтора часа до самоубийства Фадеев разговаривал по телефону со своей родной сестрой Татьяной, которой жаловался на бессонницу, заявив, что много приходится принимать снотворного. Сказал, что положение на культурном фронте, а особенно на литературном, неблагополучно и это его сильно волнует.

Далее он ей рассказал о своем намерении направить в ЦК КПСС письмо, в котором поставить волнующие его вопросы и внести предложения об улучшении дела в области культуры. Одновременно пожаловался на пониженную работоспособность и сильное нервное возбуждение.

Примерно в таком же духе сообщают и другие знакомые Фадеева, встречавшиеся с ним перед смертью. На основании материалов следствия можно прийти к выводу, что самоубийство Фадеева является результатом расстройства нервной системы, нарушенной длительным злоупотреблением алкоголя, и общего болезненного состояния».

14 мая на заседании президиума ЦК Хрущев сурово осудил поступок, недостойный коммуниста, и распорядился:

– Пусть врачи напишут, сколько он лечился от алкоголя. Вообще все надо сказать и опубликовать.

15 мая Александр Трифонович Твардовский записал в дневнике: «Смерть Фадеева. Узнал вчера утром. Самое страшное, что она не удивила. Это было очень похоже. Сегодня газеты хамски уточняют причины самоубийства».

Увидев мертвого Фадеева, Алексей Сурков и Евгений Долматовский из Переделкино поехали в Москву, в Союз писателей, располагавшийся на улице Воровского (ныне Поварская), чтобы сочинить некролог для завтрашних газет. Сурков в то время был фактическим руководителем Союза писателей, проводить в последний путь Фадеева входило в его обязанности.

«Всю дорогу, – вспоминал Долматовский, – мы с Алексеем Александровичем подбирали самые глубинные душевные мысли для последнего слова. Но, приехав на улицу Воровского, узнали, что опоздали. Некролог – жесткий и краткий – кем-то уже был

написан и передан в печать…»

Текст, короткий и злой, составили в ЦК.

Никита Сергеевич Хрущев настолько разозлился на ушедшего из жизни Фадеева, что об алкоголизме руководителя Союза писателей открыто написали в официальном некрологе, – это было невиданным позором.

В некрологе, опубликованном «Правдой», говорилось:

«В последние годы А.А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные врачебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством».

Люди читали и не верили своим глазам. Кандидату в члены ЦК не полагалось быть самоубийцей и алкоголиком. Михаил Александрович Шолохов, по словам литературного критика Михаила Романовича Шкерина, потрясая газетой, неистовствовал:

– Ну, ты подумай, какую подлую причину выставили! Прочитал вот, звоню в президиум ЦК. Разговаривал с Ворошиловым. Зачем, спрашиваю, такую версию опубликовали, посмертно унизили талантливейшего писателя, героя Гражданской войны, вместе с делегатами десятого съезда штурмовавшего мятежный Кронштадт в двадцать первом году, тяжело раненного в том бою, – зачем? И знаешь, что сказал в ответ Ворошилов ноющим голосом? Он, слышь, нам страшное письмо оставил, на личности членов политбюро перешел!

О том, что Фадеев пьет, писательская Москва знала. Но некролог произвел странное впечатление. Привычка не верить официальным версиям возобладала. Говорили, что в последние месяцы Александр Александрович вообще не пил и будто бы даже готовился к уходу из жизни, встречался со старыми друзьями.

Называли другие возможные причины самоубийства – потеря должности, опала, равнодушие со стороны начальства. Кроме того, врачи, чтобы заставить его не пить, говорили, что его печень в ужасном состоянии. Кстати, вскрытие это не подтвердило. Но Фадеев со слов врачей мог считать, что жить ему осталось недолго. Кроме того, после XX съезда из мест не столь отдаленных стали возвращаться писатели, которые публично говорили, что это Фадеев их посадил, и называли его негодяем.

Разве мог он все это выдержать?

Маменькин сынок

Два человека определили жизнь Фадеева. Это прежде всего его мать, Антонина Владимировна Кунц, обрусевшая немка, властная женщина с суровым характером, которая воспитала его в революционном духе (подробнее см. статью Натальи Ивановой «Личное дело Александра Фадеева» в журнале «Знамя», № 10/1998).

Когда она ушла из жизни, Фадеев писал:

«Она всю свою жизнь была тем беспартийным активом, который большевики имели в народе еще в условиях нелегальной борьбы… Необыкновенно дельный человек, выдержанный по своим моральным устоям (даже в одежде!), по заветам своей юности, она была народной фельдшерицей по глубокому идейному призванию и проработала около пятидесяти лет в глухих деревнях и в рабочих районах».

Вторым человеком, на которого Фадеев равнялся, которому подражал, с которого брал пример, был Сталин. Вождь в определенном смысле отвечал ему взаимностью, даже по-своему любил Александра Александровича и многое ему прощал.

Вдова Фадеева, актриса МХАТ Ангелина Степанова, рассказывала, как Сталин позвонил Фадееву, который недели две отсутствовал на работе.

– Где вы пропадали, товарищ Фадеев?

– Был в запое, – честно ответил Фадеев.

– А сколько у вас длится такой запой?

– Дней десять-двенадцать, товарищ Сталин.

– А не можете ли вы, как коммунист, проводить это мероприятие дня в три-четыре? – поинтересовался вождь.

Это, конечно, байка, но какие-то особые отношения между ними существовали.

Отец Фадеева, Александр Иванович, крестьянин, к тридцати годам окончил гимназию и стал учителем. Он был близок к народовольцам и попал в тюрьму. Его будущая жена пришла к нему на свидание, выполняя партийное поручение, а потом влюбилась в необычного узника. Фадеев родился в железнодорожной больнице при станции Кимры.

Но брак оказался неудачным. Отец ушел из семьи, оставив жену с тремя детьми. Фадеев тяжело переживал потерю отца, но заставил себя о нем не вспоминать. Его мать вновь вышла замуж – за фельдшера Глеба Свитыча, сына польского революционера.

Александр Фадеев вообще вырос в революционном окружении. Одного из его двоюродных братьев, Всеволода

Симбирцева, оккупировавшие Дальний Восток японцы сожгли в паровозной топке вместе с героем Гражданской войны Сергеем Лазо. Второй двоюродный брат, Игорь Симбирцев, раненный в бою с белыми под Хабаровском, чтобы не попасть в плен, застрелился. Сам Фадеев юношей вступил в партизанский отряд, сражался за установление советской власти на Дальнем Востоке, был ранен.

В двадцать лет, избранный делегатом X съезда партии, он приехал в Москву. Прямо во время работы съезда примерно триста делегатов, имевших военный опыт, отправили в Петроград и распределили по воинским частям, которым предстояло атаковать мятежный Кронштадт. Красноармейцы не горели желанием сражаться против кронштадтских матросов. Делегаты съезда должны были поднять их в бой.

Здесь Фадеев получил второе ранение. Пять месяцев он пролежал в госпитале. Поправившись, поступил в Горную академию, но курс наук не осилил. Учиться вчерашнему партизану было трудновато. Он перевелся в Электротехнический институт. Но недоучился, потому что после смерти Ленина его мобилизовали на партийную работу. Фадеева командировали в Краснодар – инструктором областного комитета, потом утвердили секретарем райкома.

Здесь у Фадеева проснулся литературный дар. Начал писать. Его первые рассказы печатал журнал «Молодая гвардия». Фадеев твердо решил стать писателем, но его не отпускали с партийной работы. Он обратился за помощью к Розалии Самойловне Землячке, которая была членом Юго-Восточного бюро ЦК, с просьбой способствовать его возвращению в Москву или переводу в газету.

Землячка, в ту пору влиятельнейшая фигура среди большевиков, прониклась симпатией к красивому и искреннему молодому человеку. Она распорядилась поддержать молодой талант. Фадеева перевели редактором отдела партийной жизни в газету «Советский юг», выходившую в Ростове-на-Дону. Он приступил к работе над лучшим, пожалуй, своим романом «Разгром». Ему даже дали творческий отпуск для работы. В сентябре 1926 года он с готовой рукописью вернулся в Москву.

«Разгром» сделал его знаменитым.

Забавно, что цензура прицепилась даже к такому благонамеренному автору, как Фадеев. Бдительный цензор заметил, что страницы «Разгрома» «пестрят недопустимыми словами и выражениями». Разрешение на выпуск книги Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при наркомате просвещения выдало «при условии внесения

следующих изменений:

Стр. 12 – исключить слова «твою мать».

Стр. 19 – исключить слова «на передок слаба».

Стр. 62 – исключить со слов «заделаешь тебе», кончая словами «не поспеваешь».

Стр. 72 – исключить слова «твою мать».

Стр. 139 – исключить слова «в бога мать».

Стр. 144 – исключить слова «твою мать».

Фадеев, даже став членом ЦК, не посмел восстановить в тексте романа слова, выброшенные цензурой…

«Разгром» десятилетиями изучали в школе. Роман входил в обязательный курс советской литературы. Многие читали его с удовольствием. Но «Разгром» был лишь началом пути, как справедливо заметила его первая жена Валерия Анатольевна Герасимова, великолепной заявкой. Герасимова, с которой Александр Александрович познакомился в Ростове-на-Дону, сама занималась литературным трудом, редактировала журнал «Смена».

Если бы Фадеев продолжал упорно трудиться над словом, он явно стал бы хорошим прозаиком. Но Фадеев выбрал другую жизнь: вместо ежедневной работы за письменным столом – заседания, совещания, руководящая деятельность в Союзе писателей. Сыграли свою роль его бурный политический темперамент, окружение, да и исторические обстоятельства.

В Москве молодого писателя с опытом партийной работы сразу же избрали оргсекретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), образованной в январе 1925 года. Это была крайне агрессивная организация, которая считала, что главное для литературы – переводить стоявшие перед советской властью задачи «с политического языка партийных документов на художественный язык образов». В ассоциацию входили писатели-коммунисты, поставившие перо на службу партии.

Генеральным секретарем РАПП был молодой литературный критик Леопольд Леонидович Авербах. Он в шестнадцать лет стал членом партии, в девятнадцать – редактором журнала «Молодая гвардия», в тридцать три – руководителем РАПП. Кроме того, он редактировал журналы «На литературном посту» и «Вестник иностранной литературы».

Его карьере способствовали родственные связи. Он был племянником Якова Михайловича Свердлова, шурином будущего наркома внутренних дел Генриха Григорьевича Ягоды, да еще и женился на дочери Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, который при Ленине был управляющим делами правительства.

Впрочем, родственные связи не спасут Авербаха в годы большого террора.

Российскую ассоциацию пролетарских писателей распустили постановлением ЦК в апреле 1932 года. Сталин больше не хотел делить писателей на пролетарских и непролетарских. Они все должны были служить советской власти – или исчезнуть. Рапповцев обвинили в том, что они разъединяют писателей на группы, хотя давно настало время объединяться.

Для Фадеева ликвидация РАПП была как гром с ясного неба. Он возмущенно писал секретарю ЦК Лазарю Моисеевичу Кагановичу, который ведал всеми организационными делами в партийном аппарате:

«Я должен сказать Вам, что текст извещения о ликвидации РАППа незаслуженно оскорбителен для меня, человека, уже не первый день состоящего в партии и служившего ей верой и правдой в самые трудные моменты революции.

Ведь подписанием этого текста я, в ряду других товарищей, должен признать, что по крайней мере восемь лет моей зрелой партийной жизни ушло не на то, чтобы бороться за социализм на литературном участке этой борьбы, ушло не на то, чтобы бороться за партию и ее ЦК с классовым врагом, а на какую-то групповщину и кружковщину, в которой я должен – в ряду других товарищей, боровшихся со мной плечом к плечу, расписаться всенародно на посмешище всем врагам пролетарской литературы».

Возмутились и другие видные рапповцы.

Но характер Фадеева проявился в том, что он преодолел обиду и быстро осознал, что ЦК всегда прав. Через день, 12 мая, Сталин и Каганович информировали членов политбюро:

«Ввиду того, что тт. Фадеев, Киршон, Авербах, Шолохов, Макарьев взяли свои заявления обратно и признали свою ошибку, считать вопрос исчерпанным».

В дальнейшем Александр Александрович не возмущался резкими поворотами партийной линии, а воспитал в себе умение с готовностью принимать любые указания. И вскоре принял участие в уничтожении недавних товарищей по руководству РАПП.

Максим Горький возражает

В мае 1932 года постановлением оргбюро ЦК Фадеева включили в состав организационного комитета Союза советских писателей, которому предстояло превратиться в своеобразное министерство по делам литературы. Максим Горький сопротивлялся этому назначению. Он писал Сталину 2 августа 1934 года:

«Фадеев остановился в своем развитии, что, впрочем, не мешает его стремлению играть роль литературного вождя, хотя для него и литературы было бы лучше, чтобы он учился».

Горький хотел сам подобрать писателей, которые могли бы возглавить союз, Он, в частности, намеревался сделать Леопольда Авербаха одним из руководителей нового Союза писателей, но этому, напротив, воспротивился Сталин. Он числил Авербаха среди молодых сторонников недавнего члена политбюро Николая Ивановича Бухарина, которые подлежали уничтожению.

Авербаха убрали из Москвы назначили секретарем Орджоникидзевского райкома партии в Свердловск. 4 апреля 1937 года его арестовали, 14 июня приговорили к высшей мере наказания в особом порядке, то есть без суда…

Сталин командировал в Союз писателей молодого партийного работника – заместителя заведующего орготделом ЦК Александра Сергеевича Щербакова. Он стал секретарем только что созданного Союза советских писателей (то есть играл роль комиссара при Максиме Горьком). Подобранные Щербаковым и утвержденные Сталиным руководящие писательские кадры вызывали у Горького протест. Он обратился с письмом в ЦК:

«Писатели, которые не умеют или не желают учиться, но привыкли играть роли администраторов и стремятся укрепить за собой командующие посты, – остались в незначительном меньшинстве. Их выступления на съезде были идеологически тусклы и обнаружили их профессиональную неграмотность.

Эта малограмотность позволяет им не только не понимать необходимость повышения качества их продукции, но настраивает их против признания этой необходимости, – как это видно из речей Панферова, Ермилова, Фадеева, Ставского и двух-трех других.

Однако т. Жданов сообщил мне, что эти люди будут введены в состав правления Союза. Таким образом, люди малограмотные будут руководить людьми значительно более грамотными, чем они».

Именно эти люди, названные Горьким малограмотными,

долгие годы руководили советской литературой.

Правда, после первого съезда писателей осенью 1934 года Фадеев, который еще хотел писать, на год уехал в родные места – на Дальний Восток. Он писал там роман «Последний из удэге» – о том, как преображается жизнь в советской стране. Роман так и остался неоконченным.

Фадеева отозвали в Москву и посадили на организационную работу в Союзе писателей. Первоначально он был на вторых ролях, но умело пережил склоки и интриги в аппарате Союза и после массовых репрессий стал писательским начальником. Постановление политбюро от 25 января 1939 года, утвердившее Фадеева секретарем президиума правления Союза писателей, зафиксировало его руководящее положение в литературном ведомстве. Он руководил союзом с присущими ему энергией и темпераментом.

Разговор с товарищем сталиным

«Он выработал особый стиль прохода по коридору или залам клуба писателей, – вспоминал хорошо знавший его Евгений Долматовский, – поднимет голову, смотрит куда-то вверх и вбок – никто не подойдет с просьбами…

Он обладал удивительным умением переходить от одного дела к другому, от одного собеседника к другому, словно переворачивал лист книги. Некоторые писатели на него обижались – только что внимательно выслушал, улыбнулся, что-то доверительно шепнул и тут же отвернулся и занялся другим вопросом, другим разговором или чтением».

Руководитель союза соблюдал дистанцию в отношениях с писателями и демонстрировал демократизм в отношениях с обслуживающим персоналом. Это называлось партийной простотой.

Писатель Корней Чуковский вспоминал, как Фадеева показывал артистичный Ираклий Андроников:

«Андроников выпрямляется, словно проглотив аршин, напруживает шею, закидывает голову, шагает сквозь толпу приветствующих его литераторов, как сквозь чащу кустарников, ни с кем не здоровается, не отвечает на многоголосое: «Здравствуй, Саша», «Здравствуйте, Александр Александрович», – и вдруг видит в сторонке уборщицу: здравствуйте, тетя Маруся…»

Фадеев пережил эпоху Большого террора, прекрасно понимая, что происходит в стране. Напутствуя в тридцать седьмом одного писателя перед поездкой на Дальний Восток, объяснял:

– Постарайся быть сдержанным, будь осторожен. Прибывших в город уполномоченных начальники обычно приглашают к себе ночевать. Не поддавайся, ночуй в гостиницах, в доме колхозника. Ночью могут за ними прийти, вот и придется тебе вставать с раскладушки и подписывать протокол.

Никакая осторожность не спасла бы самого Фадеева. И на него в НКВД тоже собирали показания.

12 ноября 1955 года литературный критик Иван Макарьев, который девятнадцать лет провел в лагерях, обратился Фадееву с просьбой написать о нем отзыв для

Комиссии партийного контроля, которая должна была восстановить его в партии: «Меня о тебе в свое время допрашивали с полмесяца. Думаю, что я могу попросить у тебя в обмен за это десять минут».

Переживший лагеря писал Фадееву: «Сам я, конечно, не тот уже Ванька Макарьев, которого ты знал, а больной и

искалеченный старик… Могу тебе сказать, что в очень сложной обстановке этих двух десятилетий я держал себя как коммунист – так мне, по крайней мере, кажется».

Этот несчастный человек считал, что он все еще должен доказывать свою невиновность и преданность стране, а не принимать извинения за то, что с ним сделали…

Сталин пожелал сохранить Фадеева, и собранные чекистами показания не понадобились. В 1939 году вождь включил Александра Александровича в состав ЦК партии. 21 декабря пригласил на свое шестидесятилетие. Вечером в Екатерининском зале Кремля состоялся ужин по случаю юбилея вождя. Собралось всего человек семьдесят-восемьдесят. Так что приглашение было знаком особого расположения.

Писатель Корнелий Люцианович Зелинский оставил крайне любопытные воспоминания о своих разговорах с Александром Александровичем Фадеевым. Зелинский пришел к Фадееву жаловаться на то, что его вызывали на Лубянку, угрожали.

Александр Александрович отмахнулся:

– Подумаешь, кто-то тебя там оскорбил, кто-то на тебя возвысил голос. Ты на фронте, вот что ты должен помнить.

Фадеев рассказал Зелинскому о том, как в 1937 году он сам присутствовал на съезде компартии Грузии и покритиковал потом в письме Сталину культ первого секретаря республиканского ЦК Берии. Берия это запомнил. Прошло время, Лаврентий Павлович стал наркомом внутренних дел. Аресты продолжались. Фадеев был очень лояльным человеком, но иногда пытался вступиться за кого-то из тех, кого знал и любил.

Сталин недовольно сказал ему:

– Все ваши писатели изображают из себя каких-то недотрог. Идет борьба, тяжелая борьба. Ты же сам прекрасно знаешь, государство и партия с огромными усилиями вылавливают всех тех, кто вредит строительству социализма, кто начинает сопротивляться. А вы, вместо того чтобы помочь государству, начинаете разыгрывать какие-то фанаберии, писать жалобы и тому подобное.

Тем не менее, когда арестовали женщину, которую он хорошо знал, Фадеев письменно поручился за нее. Прошло несколько недель, прежде чем ему ответили. Позвонили домой:

– Товарищ Фадеев?

– Да.

– Письмо, которое вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и дело это проверил. Человек, за которого вы лично ручались своим партийным билетом, получил по заслугам. Кроме того, Лаврентий Павлович просил меня – с вами говорит

его помощник – передать вам, что он удивлен, что вы, как писатель, интересуетесь делами, которые совершенно не входят в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя.

Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая ответа.

– Мне дали по носу, – заключил Фадеев, – и крепко.

Но совсем ссориться с писателем номер один, которому

Сталин откровенно симпатизировал, Лаврентий Павлович не хотел и однажды позвал Фадеева в гости на дачу. После ужина пошли играть в бильярд. Берия заговорил о том, что в Союзе писателей существует гнездо крупных иностранных шпионов.

Фадеев ответил, что нельзя обращаться с писателями, как с ними обращаются в НКВД, что требования доносов нравственно ломают людей.

Берия зло сказал ему:

– Я вижу, товарищ Фадеев, что вы просто хотите помешать нашей работе.

Фадеев, по его словам, ответил не менее жестко:

– Довольно я видел этих дел. Таким образом всех писателей превратите во врагов народа.

Берия разозлился. Фадеев улучил минуту и сбежал с дачи, пошел в сторону Минского шоссе. Внезапно он увидел машину, отправленную ему вдогонку:

– Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян.

Руководитель Союза писателей и член ЦК спрятался в кустах, дождался, когда преследователи исчезнут, потом долго шел пешком, пока не сел на автобус…

Но это рассказ самого Фадеева, который после смерти вождя склонен был видеть себя защитником несправедливо обиженных. Документы рисуют иную картину.

Вот характерный пример.

29 января 1937 года Фадеева вызвали в Комиссию партийного контроля при ЦК для беседы о судьбе писателя Ивана Катаева. За этим талантливым писателем давно присматривали сотрудники секретно-политического отдела главного управления государственной безопасности НКВД.

Чекистам даже и стараться не надо было. Им активно помогали братья-писатели. В конце августа 1936 года два дня заседала партгруппа правления Союза писателей, разоблачавшая врагов в собственных рядах.

29 августа отдел культурно-просветительской работы ЦК докладывал секретарям ЦК Кагановичу, Андрееву и Ежову:

«В процессе обсуждения был вскрыт ряд важных фактов.

Писатель Иван Катаев (член партии с 1919 года) в 1928 году ездил к сосланному в Липецк троцкисту Воронскому за директивами о работе литературной группы «Перевал». Активные связи с осужденными троцкистами Катаев поддерживал систематически, оказывая им денежную помощь… Решением партгруппы постановлено исключить Ивана Катаева из партии».

Литературный критик Александр Константинович Воронений, за встречу с которым исключали из партии, был когда-то видным литератором, редактором журнала «Красная новь». Он много сделал для развития отечественной литературы, но имел несчастье во время внутрипартийных дискуссий поддержать точку зрения Троцкого. В январе 1929 года Воронского арестовали и приговорили к пяти годам заключения в политизоляторе. За него вступился кандидат в члены политбюро Серго Орджоникидзе, и Воронского сослали в Липецк в 1929 году. Потом разрешили вернуться, дали работу. В годы массовых репрессий, когда Орджоникидзе не стало, вновь арестовали и расстреляли.

Фадеев после беседы в Комиссии партийного контроля сформулировал свое отношение к обреченному Катаеву в письменной форме и отослал партийным инквизиторам:

«Знаю Ив. Катаева с 1926 г. Знаю, что во все время нашего знакомства и в разговорах, и на партийных собраниях выступал и голосовал против уклонов, в том числе и против троцкизма. Но принадлежал к литературной группе «Перевал», созданной по инициативе Воронского, создавшего там троцкистское ядро. Несомненно, не понимая того, что группа используется троцкистами, либеральничал.

Я всегда считал его человеком честным, прямодушным, и потому возможность его связи с врагами народа теперь тоже мне кажется маловероятной. Однако по разговору с ним некоторое время спустя после его исключения я понял, что в нем по-прежнему не изжиты интеллигентские пережитки и что человек он недостаточно авангардный, «расплывающийся» в беспартийном окружении, малоспособный вести за собой.

Писатель он даровитый. Творчество его, будучи коммунистическим по мировоззрению, тоже всегда несло интеллигентские пережитки ложно понимаемого «гуманизма».

Как оценить такую характеристику? С одной стороны, Фадеев благородно назвал Катаева честным человеком и даровитым писателем, то есть не толкнул в спину падающего человека, не стал его добивать. А, с другой стороны, не посмел вступиться за коллегу, в невиновности которого внутренне был уверен, а предположил, что не все с ним чисто. Впрочем, а кто в те времена

вступался за товарищей и друзей?

Ивана Катаева 18 марта 1937 года арестовали, а 19 августа приговорили к расстрелу. После XX съезда Катаева реабилитировали. Вдова, поэт Мария Кузьминична Терентьева, издала в шестидесятые годы книгу его прозы. Писателя уничтожили, когда он еще только входил в творческую силу.

Дарованное Сталиным положение сделало Фадеева одним из самых заметных людей в стране. Он был окружен почетом, ему разрешалось ездить за границу. За несколько докладов научный совет Института мировой литературы имени М. Горького присудил ему научную степень доктора филологических наук без защиты диссертации.

Но за все следовало платить, и Фадеев подписывал бумаги, которые обрекали на смерть подведомственных ему писателей. Иногда проявлял инициативу и сам натравливал ЦК и госбезопасность на писателей, которых уничтожали.

Сталин учил своего любимца:

– Имейте в виду, Фадеев, люди обкатываются, как камешки морской водой. Но вы не умеете обкатывать людей – вот ваша беда. Политик не имеет права быть чересчур впечатлительным. Мало ли какие бывают у людей острые углы, жизнь их обтачивает в интересах общего дела…

Александр Александрович старался.

Попойка на квартире Булгаковых

Фадеев нравился вождю даже чисто по-человечески. Вождь подарил Александру Александровичу должность генерального секретаря, сделал его «писательским Сталиным». Фадееву сходило с рук то, что другим стоило бы жизни.

Он запил в начале войны, вернувшись с фронта, – не выдержал того, что увидел. Запил и исчез, не появлялся в доме на улице Воровского, где находился аппарат Союза писателей. Его подчиненные привыкли к внезапным исчезновениям своего руководителя. Но Фадеев срочно понадобился секретарю ЦК Александру Сергеевичу Щербакову, который отыскал его с помощью чекистов.

Фадеев терпеть не мог Щербакова:

«Я ненавидел Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки».

По указанию Щербакова партийные органы провели следствие. Установление истины не составило труда. Фадеева решили наказать. 23 сентября 1941 года политбюро утвердило постановление бюро Комиссии партийного контроля при ЦК:

«По поручению Секретариата ЦК ВКП(б) Комиссия Партийного Контроля рассмотрела дело о секретаре Союза советских писателей и члене ЦК ВКП(б) т. Фадееве А.А. и установила, что т. Фадеев А.А., приехав из командировки с фронта, получив поручение Информбюро, не выполнил его и в течение семи дней пьянствовал, не выходя на работу, скрывая свое местонахождение. При выяснении установлено, что попойка происходила на квартире артистки Булгаковой.

Как оказалось, это не единственный факт, когда т. Фадеев по нескольку дней подряд пьянствовал. Аналогичный факт имел место в конце июля текущего года. Факт о попойках т. Фадеева широко известен в писательской среде.

Бюро КПК при ЦК ВКП(б) постановляет:

считать поведение т. Фадеева А.А. недостойным члена ВКП(б) и особенно члена ЦК ВКП(б), объявить ему выговор и предупредить, что если он и впредь будет продолжать вести себя недостойным образом, то в отношении его будет поставлен вопрос о более серьезном партийном взыскании».

Елена Сергеевна Булгакова, у которой скрывался Фадеев, – это вдова писателя Михаила Булгакова, автора знаменитого романа «Мастер и Маргарита». Фадеев хорошо относился к Булгакову, а еще лучше к его вдове.

Фадеев отделался выговором, хотя в военное время такую эскападу могли бы приравнять к дезертирству. Это была личная милость вождя.

Во время поспешной эвакуации из Москвы в октябре сорок первого Фадеев опять попал в черный список. Его обвинили том, что он фактически бежал из столицы и бросил товарищей-писателей на произвол судьбы. Эвакуированные в Ташкент писатели были недовольны Фадеевым, считая, что он перестал руководить Союзом писателей и плохо заботится о литераторах.

В эти трудные годы и месяцы Фадеев, оказавшийся в Куйбышеве, и в самом деле метался, не зная, чем занять себя. 13 декабря 1941 года Фадеев написал оправдательную записку секретарям ЦК Сталину, Андрееву и Щербакову:

«Среди литераторов, находящихся в настоящее время в Москве, распространяется сплетня, будто Фадеев «самовольно» оставил Москву, чуть ли не бросив писателей на произвол судьбы…

Я выехал под утро 16 октября после того, как отправил всех писателей, которые были мне поручены, и получил указание выехать от Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина…

Работа среди писателей (в течение пятнадцати лет) создала мне известное число литературных противников. Как это ни мелко в такое время, но именно они пытаются выдать меня сейчас за «паникера».

Это обстоятельство вынуждает меня сказать несколько слов о себе. Я вступил в партию в период колчаковского подполья, был участником Гражданской войны (от рядового бойца и политрука пулеметной команды до комиссара бригады), участвовал в штурме Кронштадта в 1921 г. и дважды был ранен.

Я делал немало ошибок, промахов и проступков. Но на всех самых трудных этапах революции, включая и современный, я не был просто «поддерживающим» и «присоединяющимся», а был и остался активным борцом за дело Ленина и Сталина. Изображать меня «паникером» – это глупость и пошлость.

Как и многие большевики, я с большой радостью остался бы в Москве для защиты ее, и как у многих большевиков, все мои помыслы и желания направлены к фронту.

Если бы мне разрешили выехать на фронт в качестве корреспондента или политработника, я смог бы принести пользы не меньше других фронтовых литераторов».

Не дожидаясь ответа на письмо, на следующий день он отправил секретарю ЦК Андрееву короткую телеграмму:

«Прошу разрешить выехать на Западный фронт».

Андреев переправил телеграмму начальнику главного

политуправления Красной армии Льву Захаровичу Мехлису, человеку резкому и несентиментальному. Тот ответил немедленно:

«Писатель Фадеев прислал телеграмму с просьбой посодействовать перед ЦК ВКП(б) о направлении его на фронт в качестве корреспондента, как будто ему кто-то мешает. Прошу Вас передать Фадеева на несколько месяцев в распоряжение ГлавПУРККА, а мы заставим его обслуживать армию художественным словом».

Но Щербаков возразил против отправки Фадеева на фронт, считая, что он должен работать в Союзе писателей. Во время войны Сталин не то, чтобы охладел к Александру Александровичу, но во всяком случае другие литераторы выдвинулись на первый план, те, кто был на фронте и писал на военные темы, прежде всего молодой Константин Михайлович Симонов, чья поэзия и драматургия оказались созвучными настроениям солдат и офицеров действующей армии.

19 января 1944 года Фадеев был освобожден от руководства Союзом писателей. Вместо него поставили беспартийного большевика – поэта Николая Семеновича Тихонова, известного своими стихотворными строчками о коммунистах:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Николай Тихонов обладал внушительной фигурой, говорил степенно и убедительно, поэтому его неизменно определяли на высокие должности, но обычно представительского характера. Он не обладал энергией и организаторскими способностями Фадеева. Да и вождь все-таки привык к Фадееву, так что опала была недолгой. 13 сентября 1946 года оргбюро ЦК приняло решение о смене руководства Союза советских писателей.

Николая Тихонова освободили от должности председателя правления ССП. Саму должность упразднили. Ввели пост генерального секретаря, назначили на этот пост Фадеева, а его заместителями сделали того же Тихонова, Константина Симонова, драматургов Всеволода Вишневского и Александра Корнейчука, автора пьесы «Фронт», которую редактировал сам Сталин.

Писателя Бориса Горбатова Сталин предложил сделать секретарем партийной группы правления. По воспоминаниям Симонова, Фадеев был крайне недоволен. Он хотел бы руководить и работой партгруппы, а то получилось, что и к нему приставили комиссара. Для него это было непривычно. Он сам

привык быть комиссаром.

Когда главой Союза писателей избрали Тихонова, известный питерский писатель Михаил Зощенко заметил:

«Страшная вещь: на Фадеева раньше нападали многие, а теперь все в Москве изменилось: Фадеева Москва все-таки любит, а Тихонова – нет, так как Фадеев – человек, любящий советскую литературу, а Тихонов – человек холодный, равнодушный…»

Доносы на друзей

22 февраля 1947 года постановлением политбюро Фадеев возглавил комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Присуждение премий, в котором участвовал сам вождь, превращалось в расширенное совещание по идеологическим вопросам. Сталин неизменно высказывал свое мнение, когда речь шла о книгах. Он придавал литературе особое значение и сам много читал. Другие виды искусств его интересовали значительно меньше. Он принимал окончательное решение, кому какую премию дать, но к мнению Фадеева прислушивался.

Это позволяло Александру Александровичу чувствовать себя уверенно в разговорах с другими руководителями партии. Он позволил себе открыто возражать новому секретарю ЦК по идеологическим вопросам Михаилу Андреевичу Суслову. На заседании комитета по Сталинским премиям Суслов высказался против кандидатуры выдвинутого на премию татарского поэта. Фадеев взвился:

– Товарищ Суслов, а вы читали его стихотворения? Читать нужно, товарищ Суслов, а уже потом высказывать свое мнение.

Суслов проглотил невероятно резкую по тем временам реплику Александра Александровича. Только Фадееву такие слова могли сойти с рук.

Послевоенные годы оказались тяжелыми для литературы и искусства. Константин Симонов рассказывал, как Сталин собрал у себя руководство Союза писателей. И стал говорить о «неоправданном преклонении перед заграничной культурой».

– Эта традиция идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами-засранцами, – Сталин позволил себе неприлично пошутить. – У военных тоже было такое преклонение. Теперь стало меньше…

По всей стране развернулась борьба с «низкопоклонством перед Западом». Все, что шло из западных стран, даже в точных науках, называлось реакционным. Ученым приходилось вычеркивать ссылки на иностранных авторов. Таким примитивным образом утверждался приоритет отечественной науки.

Советских писателей старательно отгораживали от иностранных коллег, от мировой литературы. Фадеев писал члену политбюро Вячеславу Михайловичу Молотову, ведавшему

международными делами:

«1-й Европейский отдел МИД СССР направил нам полученные из посольства СССР в Бельгии материалы о созыве 11–15 сентября в Бельгии международного конгресса поэтов.

Конгресс организуется бельгийским «Домом поэтов» и комиссариатом туризма Министерства коммуникации Бельгии. Приглашения посланы представителям всех стран, входящих в ЮНЕСКО, а также представителям СССР.

Советское посольство в Бельгии, как сообщил нам и.о. заведующего 1-м Европейским отделом МИД тов. Сергеев, «считает выгодным для дела пропаганды советской поэзии в Бельгии и других странах» принятие этого приглашения…

Секретариат Союза советских писателей СССР со своей стороны не считает целесообразным участием советских поэтов поддерживать эту эстетскую, совершенно невлиятельную организацию и просит разрешения отклонить участие в этом конгрессе…»

Вот ведь как ставил вопрос Фадеев. Даже осторожные дипломаты считали полезным приезд советских поэтов. Но глава Союза писателей твердо проводил партийную линию – никаких контактов с вредоносным Западом.

В 1948 году Фадеев отправил Сталину и секретарю ЦК Георгию Максимилиановичу Маленкову самый настоящий донос на две прекрасные и веселые книги:

«Секретариат Союза Советских Писателей считает грубой политической ошибкой издательства «Советский писатель» выпуск в свет книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»…

Секретариат считает недопустимым издание этой книги, потому что она является клеветой на советское общество… Авторы позволяют себе вкладывать в уста всяких проходимцев и обывателей пошлые замечания в духе издевки и зубоскальства по отношению к историческому материализму, к учителям марксизма, известным советским деятелям, советским учреждениям…»

В те годы в Союзе писателей, как и в других идеологических учреждениях, развернулась борьба с «сионистами» и «космополитами», которая оказалась выгодным делом. После подметных писем и открыто антисемитских выступлений освобождались места и должности. Карьеры стали делаться почти так же быстро, как и в 1937 году, когда расстреливали вышестоящих, открывая дорогу нижестоящим. Еще оставалось некоторое количество евреев на достаточно заметных местах; они вносили вклад в науку, медицину, искусство. В первую очередь с

ними боролись как с конкурентами.

8 февраля 1949 года политбюро ЦК постановило:

«Принять предложения правления Союза советских писателей СССР (т. Фадеева):

а) о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске;

б) о закрытии альманахов на еврейском языке «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев)»

Фадеев презирал антисемитов, но лично возглавил антисемитскую кампанию в советской литературе. 28 января 1949 года в «Правде» появилась большая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Молодому читателю, наверное, даже трудно понять, почему статья, посвященная как бы узко цеховому вопросу, привела к тяжелейшим последствиям, искалечившим общество.

Театральных критиков, которые подвергли взыскательному анализу слабенькие пьесы неумелых драматургов, выставили злобными противниками русской культуры. Там, где был профессиональный разбор пьесы, увидели злой умысел. Пьесы разбирались невероятно плохие, зрители на них не ходили, но авторы были людьми известными, при должностях, со связями. Они нашли способ сквитаться с критиками. Поскольку «антипатриотическую группу критиков» подобрали почти из одних евреев, то кампания приобрела политическое звучание. Это был сигнал к поиску внутренних врагов, что, судя по всему, должно было стать обоснованием нового большого террора.

В те годы было уничтожено все, что можно было уничтожить: еврейские театры, еврейские газеты и журналы, книжные издательства. А ведомство госбезопасности вело дело к уничтожению и всех носителей еврейской культуры.

Писатели старшего поколения навсегда запомнили тот день, когда Фадеев на пленуме правления Союза советских писателей со свойственным ему пылом произносил обличительный доклад о «космополитах». Твардовский когда-то подметил в его ораторской манере «натужный пафос и напряженную рыдательную задушевность»… В разгар его выступления в Дубовом зале Центрального дома литераторов погас свет. Внесли свечи, и Фадеев продолжил свою мрачную речь при свечах.

Люди, которых он называл врагами советской литературы, были ему прекрасно известны. Еще недавно он их поддерживал как талантливых искусствоведов и знатоков театра. С некоторыми дружил. И всех их он предал. Такова была цена, которую он платил за свое высокое кресло. Говорят, впоследствии Фадеев каялся, что принял участие в этом позорном деле. Выпив, он

говорил, что его вызвали в ЦК и заставили произнести этот доклад:

– Что я мог ответить Иосифу Виссарионовичу? Что я мог?

Но он не только исполнял указания сверху, но и проявлял инициативу. 21 сентября 1949 года Фадеев обратился в ЦК с личным доносом:

«В связи с разоблачением группок антипартийной критики в Союзе советских писателей и Всероссийском театральном обществе, обращаю внимание ЦК ВКП(б) на двух представителей этой критики, нуждающихся в дополнительной политической проверке, поскольку многие данные позволяют предполагать, что эти люди с двойным лицом.

Дайреджиев Б.Л., член ВКП(б) с 1919 года. Дайреджиев появился в литературной критике в период существования РАПП как активный «деятель» антипартийной группы Литфронт, вожаками которой были враги народа Костров, Беспалов, Зонин. В начале 30-х годов выпустил троцкистскую книгу «На отмели» с предисловием ныне арестованного А. Зонина, книгу, содержащую клеветнические утверждения о перерождении партии. Трудно представить себе, как в те годы Дайреджиев сохранил партийный билет, будучи автором этой антипартийной книги…

После войны начал довольно активно выступать в печати и на собраниях со статьями, ставящими своей целью дискредитировать темы советского патриотизма и ниспровергнуть многие лучшие произведения советской литературы…

Альтман И.Л. родился в гор. Оргееве (Бессарабия). Свой путь начал с левых эсеров в 1917–1918 годы В ВКП(б) вступил в 1920 году. Принадлежал к антипартийной группе в литературе Литфронт. Свою литературную деятельность начал с большой работы о Лессинге, в которой проводил взгляд о приоритете Запада перед Россией во всех областях идеологии. Будучи перед войной редактором журнала «Театр», проводил линию на дискредитацию советской драматургии на современные темы…

За извращение линии партии в вопросах театра и драматургии был снят с должности редактора журнала «Театр» постановлением ЦК ВКП(б)…

Следует дополнительно проверить факты тесного общения Альтмана с буржуазно-еврейскими националистами в еврейском театре и в Московской секции еврейских писателей, поскольку тесная связь Альтмана с этими кругами широко известна в литературной среде…

Со своей стороны считаю, что Дайреджиеву и Альтману не место в партии и прошу ЦК ВКП(б) разрешить Секретариату

Союза советских писателей поставить вопрос перед Президиумом об исключении Дайреджиева и Альтмана из Союза писателей».

Трудно представить, что столь коряво написанное письмо принадлежит руководителю Союза писателей, считавшему себя тонким стилистом. Донос тем поганее, что Альтман, фронтовик и старый коммунист, был другом Фадеева и по его личной просьбе пошел работать завлитом в еврейский театр и все об этом знали.

«Фадеев – талантливый человек, – рассказывал пенсионер Хрущев. – Но талантливых или даже гениальных писателей у нас все же хватало. Отчего же Сталин в послевоенное время особенно благоволил именно к Фадееву? Потому что Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов».

30 августа 1952 года Фадеев написал Георгию Маленкову, который стал вторым человеком в руководстве страны, записку «Об очищении репертуара театров от идеологически порочных и антихудожественных произведений»:

«Секретариат Союза Советских Писателей считает совершено недопустимым, что в действующем репертуаре наших театров и эстрады до сих пор продолжают находиться произведения лиц, арестованных и осужденных органами Советской власти за контрреволюционную деятельность.

Эти произведения открыто исполняются в широких аудиториях, хотя многие зрители (слушатели) хорошо знают, что авторы этих произведений арестованы и осуждены органами Советской власти.

По справке Всесоюзного Управления по охране авторских прав, в 1952 году в театрах и особенно на эстраде довольно широко исполнялись произведения 13 репрессированных авторов (Л. Шейнина, И. Маклярского, М. Улицкого, Л. Рознера, Л. Хайта, Я. Смелякова, В. Козина и др.), хотя в большинстве случаев эти произведения являются идеологически порочными и антихудожественными и давно должны быть сняты с репертуара безотносительно к тому, арестованы и осуждены их авторы или нет.

Органы охраны авторских прав автоматически собирают за публичное исполнение таких произведений обязательные авторские отчисления, значительная часть которых нередко попадает в карманы родственников осужденных лиц…

Секретариат Союза Советских Писателей СССР просит ЦК ВКП(б) дать категорическое указание Главлиту и Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР:

а) о запрещении издания и публичного исполнения произведений, написанных лицами, осужденными за

контрреволюционную деятельность;

б) о более активном пересмотре (с участием Союза советских писателей СССР) действующего репертуара театров и эстрады и очищении его от идеологически порочных, антихудожественных и устаревших произведений».

Какой мелкой злобы исполнено это письмо! Его цель-лишить куска хлеба семьи несправедливо арестованных. В фадеевском списке – замечательный поэт Ярослав Смеляков, почитаемый и по сей день певец Вадим Козин, автор «Записок следователя» Лев Шейнин. Все они впоследствии были оправданы.

Конечно, Александр Александрович не походил на других литературных чиновников, для которых Союз писателей был просто кормушкой. В отличие от них он понимал и любил литературу. Фадеев собирал писателей и читал им написанное, плакал над собственными страницами. Выполняя свой партийный долг, изничтожал то, что считал политически вредным, хотя при этом прекрасно понимал, кто талантлив, а кто бездарен. И бдительно выискивал повсюду идеологическую крамолу.

В январе 1953 года Фадеев читал главы из поэмы Александра Твардовского «За далью даль». В рассуждениях о состоянии литературы он обнаружил политические двусмысленности и выговаривал автору:

«Есть у писателя в современной исторической обстановке более опасный враг, ибо он господствует во всех странах кроме стран нашего блока, а у нас чаще всего выступает троцкизмом, – носитель иллюзорной буржуазной «свободы», «свободы» от диктатуры рабочего класса, «свободы» от коммунистов и их руководства трудящимися, «свободы» от коммунистического мировоззрения, от партии коммунистов, от их деятелей, в том числе и от их редакторов.

Твой удар будет верен, если ты в своем сознании будешь помнить и об этих врагах нашего народа и нашего писателя и не позволишь (даже единой запятой своей) примазаться этим сволочам к твоей справедливой критике».

Это были особые времена. Необходимость и готовность совершать паскудные поступки калечили даже приличных людей. Наблюдательный Корней Чуковский обратил внимание на то, что даже обычные человеческие эмоции и то стали опасны. Люди старались не реагировать, не показывать своего отношения! Вместо лиц – маски.

«У руководителей Союза писателей – очень неподвижные лица, – записывал в дневнике Корней Иванович. – Застывшие. Самое неподвижное-у Тихонова. Он может слушать вас часами и не выражать на лице ничего. Очень неподвижное у Соболева. У

Фадеева, у Симонова. Должно быть, это – от привычки председательствовать.

Впрочем, я заметил, что в нынешнюю волевую эпоху вообще лица русских людей менее склонны к мимике, чем в прежние времена. Мое, например, лицо во всяком нынешнем общественном собрании кажется чересчур подвижным, ежеминутно меняющимся, и это отчуждает от меня, делает меня несолидным…»

Писавший детские стихи Корней Чуковский и представить себе не мог, в каком мире существовал Фадеев.

Однажды Александра Александровича вызвал Сталин:

– Слушайте, товарищ Фадеев, вы должны нам помочь. Вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в борьбе с врагами. Мы вам присвоили громкое звание «генеральный секретарь Союза советских писателей», а вы не знаете, что вас окружают крупные международные шпионы.

– А кто же эти шпионы?

Сталин улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которые, как Фадеев знал, не предвещали ничего доброго.

– Почему я должен вам сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион – ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. И наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала?..

Иногда даже Фадеева охватывал ужас. Комсомольский писатель Марк Борисович Колосов, который много лет был близок к Фадееву, рассказывал:

«Саша пришел. Выпил, но немного. И вдруг, зарыдав, упал на пол (это с ним бывало). Он повторял: «Не могу… больше не могу».

В тот день Фадеев вернулся с заседания политбюро, на котором исключили из партии жену Молотова (ближайшего соратника Сталина!) Полину Семеновну Жемчужину. Затем ее посадили. Неизвестно, какие еще испытания ждали советскую литературу, но все кончилось в марте 1953 года.

5 марта поздно вечером в кабинете главного редактора «Правды» Дмитрия Трофимовича Шепилова собрались известные писатели – Симонов, Фадеев, Корнейчук. Пока они разговаривали, Шепилову позвонили по вертушке. Это было

около десяти вечера. Дмитрий Трофимович снял трубку, выслушал, что ему сказали, и поделился новостью с остальными:

– Позвонили, что товарищ Сталин умер.

Переписка с вождями

Поначалу казалось, что никаких перемен не последует и новое руководство продолжит сталинский курс.

19 марта «Правда» поместила статью Фадеева «Гуманизм Сталина». В ней говорилось: «Сталин, как никто другой, определил великое гуманистическое значение художественной литературы как силы воспитания и перевоспитания человека в духе коммунизма, назвав писателей инженерами человеческих душ».

Фадеев и Симонов доложили в ЦК, что продолжают очищать Союз писателей от евреев, хотя ставшие у руля страны люди спешили откреститься от наиболее одиозных сталинских акций и уже решили реабилитировать и выпустить из тюрьмы «врачей-убийц».

Странно видеть в этом контексте имя Константина Симонова. В нашей памяти он не ассоциируется с гадкими страницами отечественной истории. Но, увы, и он принял участие в последних сталинских мерзостях. Очень молодым он был вознесен Сталиным на вершину славы и власти. За это придется платить. «И сам Константин Симонов, – писал известный писатель Даниил Данин, – будет публично лизать эту бьющую руку. И еще благодарить за то, что она протянута для лизания!»

Но отдадим должное Константину Михайловичу Симонову – в отличие от многих других своих современников он искренне сожалел о некоторых поступках в своей жизни и, что мог, небезуспешно старался исправить.

А тогда Хрущев был раздражен ненужными фадеевскими инициативами. Новые руководители страны, освободившиеся от Сталина, не собирались играть роль его наследников и вообще хотели, чтобы затянувшаяся панихида по вождю быстрее прекратилась. Заодно они пожелали сменить некоторые лица, прочно ассоциировавшиеся с вождем. Среди них значился и Фадеев.

Смерть Сталина стала для Александра Александровича тяжелым ударом, который, возможно, и предопределил его собственный уход из жизни. Во всяком случае при Сталине он был нужен власти, после смерти вождя новые руководители пожелали увидеть во главе Союза писателей кого-то другого. Фадеев олицетворял ушедшую эпоху, он сам был Сталиным в Союзе писателей.

Он был просто влюблен в Сталина, восхищался им. Возможно, в определенном смысле вождь заменил ему отца, о

котором Фадеев никогда не вспоминал, обиженный его уходом из семьи. Он так и не понял, как к нему относился Сталин. Тот выделял литературного начальника, благоволил к нему, но подлинное отношение вождя так и осталось для Фадеева загадкой.

– Иосиф Виссарионович, – говорил о нем Александр Александрович, – как известно, был большим артистом и по-разному мог разговаривать – и с подковыркой, а когда нужно, мог и так человека увлечь, так приласкаться, такой натурой показаться, что, кажется, ты ему должен всю душу доверить.

Фадеев рассказывал Долматовскому:

– Когда я в присутствии Самого расчихался ужасно, Сталин даже всерьез спросил: не надо ли врача?

Однажды писательского генсека вызвали наверх, когда он мыл голову.

«Седина Фадеева, – писал Долматовский, – имела одну особенность – она быстро приобретала неровный желтый оттенок. Почему-то Фадеев очень стеснялся этого. Борьба с желтизной его седины велась при помощи обыкновенной хозяйственной синьки».

Он не успел домыть голову и предстал перед Сталиным с волосами синего цвета. Вождь посматривал на Фадеева с ухмылкой, но ничего не сказал. Хрущева поражало то, что Фадеев приходил пьяный на заседания комитета по Сталинским премиям. Сталин говорил членам политбюро:

– Еле держится на ногах, совершенно пьян.

Но все это сходило Фадееву с рук.

Писательница Валерия Герасимова, первая жена Александра Фадеева и двоюродная сестра известного кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова, рано разобралась в происходящем и возненавидела Сталина. Однажды она с удивлением сказала сыну о бывшем муже:

– Знаешь, Саша искренне любит Сталина.

Александр Фадеев до последнего оставался солдатом

партии. Но и у него отношение к Сталину, особенно после начавшихся разоблачений, быстро изменилось. Увидев после долго перерыва Валерию Герасимову, он вполголоса признался ей:

– Дышать стало легче.

24 марта 1953 года отдел художественной литературы и искусства ЦК направил секретарю ЦК Петру Николаевичу Поспелову записку «О неблагополучном положении в Союзе советских писателей и реорганизации правления ССП». Записку подписал заведующий отделом ЦК Владимир Семенович Кружков. До этого он руководил Институтом Маркса-Энгельса-Ленина. Из

этого документа следовало, что Фадеев больше не в фаворе:

«Генеральный секретарь ССП А. Фадеев по существу около двух лет не принимает участия в руководстве писательской организацией, лишь появляясь время от времени в Союзе писателей (год находился в творческой командировке и около года был болен)».

Александр Александрович перестал быть «писателем номер один». Его больше не приглашали в ЦК, мнения не спрашивали, совета не просили. Уязвленный Фадеев попытался вступить в переписку с новым руководством партии и государства.

Летом и осенью 1953 года Фадеев написал три обширные записки в ЦК: «О застарелых бюрократических извращениях в деле руководства советским искусством и литературой», «Об улучшении методов партийного, государственного и общественного руководства литературой и искусством», «Об одной вредной передовице «Правды», о тяжелом положении МХАТа и еще раз о передаче идейно-художественного руководства искусством в руки партийных органов».

Он предлагал, чтобы ЦК напрямую руководил и театром, и кино, и музыкантами, минуя Министерство культуры и другие ведомства. Он писал и много справедливого, но его предложения были отвергнуты со ссылкой на то, что «его пессимистические оценки можно объяснить лишь оторванностью Фадеева от жизни творческих организаций и его болезненным состоянием».

Он пытался попасть на прием к секретарю ЦК Хрущеву и председателю Совета министров Маленкову. Его не принимали. Прежде такое было невозможно. Перед Фадеевым раскрывались двери любых кабинетов. Он переживал, нервничал, злился.

За сатирическую поэму «Теркин на том свете» Твардовского прорабатывали в ЦК и в июле 1953 года в первый раз сняли с поста главного редактора «Нового мира». Александр Трифонович запил и на президиуме ЦК отсутствовал. Фадеев ему за это попенял, хотя ему меньше других следовало на сей счет высказываться. Твардовский обращался к нему за душевной поддержкой. Фадеев не смог выдавить из себя ни слова сочувствия. На президиуме ЦК он тоже распекал Твардовского за мнимые ошибки. А после заседания поучал:

«Остаются только два пути: один, мужественный и честный путь, открытый для каждого сознательного члена партии, – продумать свои ошибки, признать их по совести и сообщить об этом письменно и путем устного разговора с первым секретарем. И второй путь – путь борьбы с партией, скверный и бесчестный путь…»

Федеев предложил освободить ведущих писателей от всех

должностей, чтобы они могли писать. Но писательские генералы прекрасно понимали, что только руководящие должности в Союзе писателей, в журналах и издательствах дают им положение и материальные блага.

Издавали не по таланту, а по положению. В первую очередь выходили книги тех авторов, кто был при должности. И чем выше должность – тем больше книг, переизданий, сборников и собраний сочинений. Не говоря о том, что поездки за границу, возможность пользоваться кремлевской медициной и получать кремлевские пайки тоже были привилегией писательского начальства. Поэтому никто не желал расставаться с креслом. А вот самого Фадеева решили убрать, чтобы занять его место.

23 мая 1953 года Фадеев отправил подробное письмо Суркову, который вместо него руководил Союзом писателей:

«Дорогой Алексей Александрович!

Прошу извинения перед тобой и перед секретариатом в том, что я не смог ознакомиться с проектом организационной перестройки ССП и возвращаю пакет нераспечатанным. Я болен. Я болен не столько печенью, которая для врачей считается главной моей болезнью, сколько болен психически. Я совершенно пока что неработоспособен…»

Алексей Сурков перепечатал фадеевское письмо и немедленно переправил его секретарю ЦК Петру Поспелову с припиской: «Приношу глубокое извинение за дилетантскую машинопись. Снимал копию «в целях конспирации в аппарате» сам лично, а машинистка я не очень квалифицированная».

29 мая 1953 года руководители Союза писателей Сурков, Симонов и Тихонов отправили Никите Хрущеву послание, в котором резко возражали против фадеевских идей, его «неверной панической оценки состояния литературы и неполадок в руководстве ею»:

«Для нас ясно, что на характер и тон письма не могло не повлиять болезненное состояние, в котором находится в настоящее время А.А. Фадеев…

На протяжении последних трех лет, в силу своей все прогрессировавшей болезни и по другим обстоятельствам,

А.А. Фадеев фактически отошел от повседневного руководства Союзом писателей, что создавало ненормальную обстановку…

Мы считаем, что в интересах самого А.А. Фадеева и для того, чтобы наконец наладилась нормальная работа Союза писателей, следует удовлетворить желание тов. Фадеева – работать только над своим романом и освободить его от обязанностей генерального секретаря Союза писателей».

Фадеев не ожидал этого от товарищей-писателей. Онто хотел, чтобы ему продлили отпуск, оставили при должности, но не заставляли приходить на работу. Но товарищи быстро уловили, что после смерти Сталина отношение к Фадееву изменилось, и спешили, устранив его, поделить власть.

Обращение писателей старший помощник Хрущева Григорий Трофимович Шуйский переправил секретарю ЦК Николаю Николаевичу Шаталину, отвечавшему за кадры. Тот прочитал и передал профильному секретарю – Петру Поспелову, догматику, сыгравшему ключевую роль в первом изгнании Александра Твардовского из журнала «Новый мир» в 1954 году.

30 мая Поспелов доложил Хрущеву:

«За последнее время в ЦК КПСС поступил ряд сигналов о неблагополучном положении в Союзе советских писателей СССР. Особую тревогу вызывает письмо генерального секретаря ССП СССР т. Фадеева А.А. к своему заместителю т. Суркову, оглашенное на заседании Секретариата Союза писателей.

В этом письме т. Фадеев А.А. панически преувеличивает отставание советской литературы, считая, что она за последние годы катастрофически катится вниз. В качестве меры преодоления этого отставания он предлагает освободить всех ведущих писателей от руководящей работы в ССП СССР, а также от других общественных поручений…

Панический и бесперспективный тон письма т. Фадеева А.А. может быть объяснен только его крайне тяжелым болезненным состоянием.

В письме на Ваше имя заместители генерального секретаря ССП СССР Сурков А.А., Симонов К.М. и Тихонов Н.С. правильно оценивают ошибочную позициют. Фадеева А.А. в вопросе о состоянии советской литературы и намечают полезные мероприятия по улучшению работы ССП.

Считаю возможным поддержать предложения т.т. Суркова А.А., Симонова К.М. и Тихонова Н.С.:

а) об освобождении т. Фадеева А.А. от обязанностей генерального секретаря ССП в связи с его серьезным заболеванием, оставив его в качестве члена Секретариата Союза…»

1 сентября на заседании президиума ЦК КПСС было решено изменить руководящую структуру Союза писателей на съезде, намеченном на 1954 год. Пилюлю смягчили и создали для Фадеева почетный пост председателя союза. Но фактически его отстранили от руководства Союзом писателей. Он жаловался в письме известному в те годы литературному критику, лауреату Сталинской премии Владимиру Владимировичу Ермилову: «Я не

понят в лучших своих стремлениях, и относятся ко мне как к нервнобольному или неуравновешенному и капризному человеку».

Фадеев продолжал отправлять Хрущеву и другим руководителям партии и правительства обширные записки со своими предложениями о реорганизации системы управления литературой и искусством. По инерции его записки докладывались Никите Сергеевичу, но они вызывали, скорее, неудовольствие и раздражение.

Изумленный Фадеев пожаловался партийному руководству на то, что к нему не прислушиваются даже на партийном собрании московских прозаиков:

«Мои попытки улучшить состав намечаемого партийного бюро секции прозы за счет творчески ценных кадров вызвали грубые окрики по моему адресу председательствовавшего на собрании члена партийного комитета т. Маковского».

Александр Борисович Маковский, будущий член ЦК и главный редактор «Литературной газеты», всегда тонко чувствовал конъюнктуру и в прежние времена не позволил бы себе перечить самому Фадееву. Но времена стремительно менялись, и руководитель союза оказался в меньшинстве. Об этом руководитель секции московских прозаиков Степан Злобин, хороший писатель и порядочный человек, писал Хрущеву:

«Фадеев, как и прочие, ощутил, что партийные организации творческих секций превращаются в подлинную партийную демократическую силу, способную сломать хребет бюрократическому существу установившихся в ССП порядков.

Основоположник административных начал руководства литературой, тов. Фадеев в ответ на такое проявление «непокорности» партийной организации быстро добился через ЦК партии указания об упразднении секционных партийных организаций».

Но Фадеев не был однозначным человеком. Он воспользовался послесталинской оттепелью, чтобы исправить несправедливости, к которым сам был причастен. 21 октября 1953 года в Москве открылся первый за несколько лет пленум правления Союза писателей. Фадеев подготовил вступительную речь. Он считал нужным восстановить справедливость в отношении таких талантливых писателей, как Валентин Катаев (известный романом «Белеет парус одинокий»), Вениамин Каверин (автор «Двух капитанов»), Эммануил Казакевич (по его повести «Звезда» уже в наше время поставлен ставший популярным фильм), Василий Гроссман (чей главный роман «Жизнь и судьба» был опубликован только после его смерти). Все

они подверглись несправедливой и разносной критике в сталинские годы.

Тут против Фадеева выступили те, кто принимал участие в травле этих писателей. Поэт Николай Матвеевич Грибачев (известный фразой о том, что писатели – автоматчики партии) пришел в ЦК, где заявил:

– Если Фадеев возьмет под защиту группу писателей одной национальности, то это может дезориентировать писателей.

Все понимали, что имелись в виду писатели-евреи. Антисемитизм, широко распространившийся в руководстве Союза писателей в последние сталинские годы, превратился в механизм изгнания более одаренных и успешных коллег. Скажем, Валентин Катаев, не был евреем, но «идеологически чуждые» писатели приравнивались к евреям… Невозможно не вспомнить, что в нацистской Германии это называлось борьбой с «белым еврейством», то есть с евреями не по крови, а по духу.

19 октября Фадеев отправил в ЦК срочное письмо Маленкову и Хрущеву:

«В связи с тем, что пленум правления Союза писателей откроется утром 21 октября, прошу ЦК дать мне указание или совет, встречает ли посланный в ЦК 16.10 с.г. проект моего вступительного слова принципиальные возражения со стороны ЦК. Ибо без рассмотрения в ЦК проекта моего вступительного слова, оно не может быть произнесено на пленуме».

Как член ЦК, Фадеев просил принять его. Но вот принимать его как раз и не хотели.

В один из февральских дней 1954 года он пришел к милейшему Корнею Ивановичу Чуковскому и, испытывая неодолимое желание высказаться, каялся в своих грехах:

– Какой я подлец, что напал на чудесный, великолепный роман Гроссмана. Из-за этого у меня бессонные ночи. Все это Поспелов, он потребовал у меня этого выступления… И за что я напал на почтенного милого Гудзия?

Фадеев возмущался невежеством писателей – Софронова, Бубеннова, Мальцева, которых сам же награждал премиями и восторженными рецензиями:

– Я говорю им, как чудесно изображена Вера в «Обрыве», и, оказывается, никто не читал. Они ничего не читают. Да и писать не умеют…

Фадеев пытался что-то исправить. Написал в Воениздат письмо, рекомендуя выпустить отдельной книгой роман Василия Гроссмана «За правое дело», в разгроме которого когда-то принял участие, и честно это упомянул:

«Автор этих строк очень сожалеет, что в его статье в

«Литературной газете» («Некоторые вопросы работы Союза писателей») тоже были допущены неоправданно резкие оценки, вызванные привходящими и устаревшими обстоятельствами литературной дискуссии того времени. На XIV пленуме правления Союза писателей мною были сделаны первые попытки оценить роман объективно».

Во время второго съезда писателей в 1954 году Твардовский записал в дневнике: «Фадеев сидит с мнимой важностью и мнимой непринужденностью в президиуме, где он уже не председатель».

В 1955 году должность генерального секретаря в Союзе писателей ликвидировали (поскольку в партии отменили пост генсека). Первым секретарем сделали Алексея Александровича Суркова как человека, никогда не отклонявшегося от партийной линии. Фадеев перестал был писательским министром и оказался всего лишь одним из одиннадцати секретарей.

На XX съезде партии Шолохов, давно ожидавший этого момента, свел счеты с Фадеевым:

– Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. Пятнадцать лет тянулась эта волынка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате мы не имеем ни генсека, ни писателя. Некогда ему было заниматься такими «пустяками», как писание книг… Если к таким литературным руководителям, как Фадеев или Сурков, никто из их товарищей по профессии за решением творческих вопросов не ходил, не ходит и ходить не собирается, то, спрашивается, зачем же нам такие руководители нужны?

Твардовский записал в дневнике 7 июля 1955 года:

«Фадеев то и дело задремывает на заседании. В машине: «А вот на XX съезде нас с тобой уже не изберут, и будет нам полегче (пить?)».

На XX съезде партии Фадеева избрали уже не членом ЦК, а всего лишь кандидатом.

Корней Чуковский писал: «Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб – что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением».

Но ведь после смерти Сталина в опале оказался не только Фадеев, но и, скажем, Константин Симонов, который был его заместителем в Союзе писателей и главным редактором «Литературной газеты». Но Симонов пережил потерю должности,

опалу, стал много писать, обрел новую литературную славу, не менее громкую. А Фадеев ничего не написал и застрелился.

Вино и женщины

Спился? Говорят, что алкоголизм – самый медленный путь самоубийства. Фадеев вспоминал, что впервые приложился к самогону, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке. Не хотел отставать от взрослых и крепких мужиков. Потом привык, уже не мог без алкоголя. Говорил так:

– Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить, спросите об этом летчиков-испытателей.

Фадеев достиг таких высот, где страшно было находиться.

Когда у Фадеева начинался запой, он прятался от врачей, но его находили. Появлялись санитарная машина и два медбрата в белых халатах – на тот случай, если бы он не пошел. Его упрятывали в кремлевскую больницу на несколько месяцев. А когда выпускали, у него на радостях опять начинался запой, и его снова укладывали.

Многие полагали, что Фадеева еще и спаивали.

9 июля 1949 года начальник Второго главного управления Министерства госбезопасности Евгений Петрович Питовранов переслал агентурное донесение своему министру Виктору Семеновичу Абакумову. Тот переслал бумагу Сталину. Агент госбезопасности излагал свой разговор с драматургом Николаем Федоровичем Погодиным о положении в Союзе писателей:

«У всех создалось впечатление, – заявил Погодин, – что Фадеев верит только Софронову. Симонов, после того как Софронов на собрании назвал его пособником космополитов, почти не вмешивается в эти дела. Фадеев же почти не бывает в Союзе.

Мне известен, например, такой факт. По возвращении из Барвихи Фадеев сказал, что надо собрать драматургов и обсудить ошибки, допущенные в пьесе «Карьера Бекетова» (пьеса Софронова. – *Авт.)* Тогда Софронов сделал все возможное, чтобы избежать этого. Накануне обсуждения его пьесы он приехал к Фадееву с каким-то приезжими с Дальнего Востока, оказавшимися товарищами Фадеева. Было выпито много вина, и после этого Фадеев больше не появлялся в Союзе писателей.

Ведь мы все знаем, что Фадеева надо беречь и ни в коем случае не приглашать его выпить. Это всем известно уже давно. У нас, старых писателей, создается впечатление, что Софронов в нужный момент просто спаивает Фадеева. После того случая Фадеев уже не занимался делами, а Софронов с 1 июля уехал на два месяца в отпуск».

Фадеев много лет был министром по делам литературы. И

постоянно говорил, что мечтает сбросить это бремя и вернуться к творчеству. Сталин заботился о своем главном писателе, создавал ему условия для успешной творческой работы. В 1949 году это оформили постановлением политбюро:

«Принять предложение Союза советских писателей СССР о предоставлении членам Секретариата Союза, в связи с их перегруженностью организационными и общественными обязанностями, ежегодно трехмесячных творческих отпусков с сохранением заработной платы».

Иначе говоря, помимо обычного месяца на отдых еще три месяца Фадеев, оставаясь на казенном коште, мог, отложив все дела, беспрепятственно писать. Такие условия не создавались даже для членов политбюро. Когда он брался писать роман, ему давали и более продолжительный творческий отпуск. Но ему постоянно что-то мешало вернуться к литературному творчеству.

Он возмущенно писал коллегам по секретариату правления Союза писателей:

«Мне давали на один год «отпуск». Что же это был за «отпуск»? Шесть раз в течение этого года меня посылали за границу. Меня беспощадно вытаскивали из Магнитогорска, Челябинска, Днепропетровска еще недели за две до заграничной поездки, чтобы участвовать в подготовке документов, которые отлично могли быть подготовлены и без меня, притом примерно столько же уходило на поездку, потом неделя на то, чтобы отчитаться.

Два месяца ушло на работу в комитете по Сталинским премиям. Я участвовал в проведении Всесоюзной конференции сторонников мира. В условиях этого так называемого «отпуска» я имел для своих творческих дел вдвое меньше времени, чем для всего остального…»

Добавим еще, что Фадеев был депутатом Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, Московского Совета. Александр Александрович без тени сомнения говорил о своем большом литературном таланте, повторял: вот освобожусь от всего и наконец-то засяду за книги, которые станут подарком читателю.

Не любивший Фадеева Шолохов ехидно замечал:

– Если бы Саша по-настоящему хотел творить, разве стал бы он так трепаться во всех писательских дрязгах? Нет, ему нравится, что его ожидают в прихожих, что он член ЦК и так далее. Ну, а если бы он был просто Фадеев, какая была бы ему цена?

Вот это вопрос: какова цена писателю Фадееву?

После освобождения Донбасса от немецких войск руководители украинского комсомола доложили первому

секретарю ЦК Компартии Украины Никите Сергеевичу Хрущеву о подпольной организации в шахтерском поселке Краснодон. 8 сентября 1943 года Хрущев отправил докладную записку Сталину с предложением наградить руководителей «Молодой гвардии» (подробнее см. «Отечественная история», № 3/2000). Вождь согласился с предложением. На следующий день был подписан указ Президиума Верховного Совета.

Олегу Кошевому, Ивану Земнухову, Ульяне Громовой и Любови Шевцовой присвоили звания Героев Советского Союза (посмертно), еще сорок пять человек получили ордена, среди них мать Кошевого. Это был первый случай такого массового награждения подпольщиков. Восхищенный подвигом молодежи, Фадеев поехал в Краснодон. Думал, ненадолго – написать статью для «Правды». Статья под названием «Бессмертие» появилась в газете 15 сентября. Но он увлекся темой. Меньше чем за два года словно в лихорадочном возбуждении написал роман «Молодая гвардия». Он вышел в 1945 году и пользовался большим успехом, но с литературно-художественной точки зрения для писателя Фадеева это был, скорее, шаг назад от «Разгрома».

Читателей подкупало не столько мастерство писателя, сколько сама трагическая история юношей и девушек, которые так мужественно, так героически держались в застенках немецкой полиции. Его первый роман «Разгром» можно читать и сегодня, но едва ли кто возьмется за «Молодую гвардию». Иначе говоря, за двадцать лет, прошедших после написания первого романа, Фадеев как писатель лишь растратил то, что имел, и ничего не приобрел. Разумеется, этого ему тогда никто не сказал. Сам он почувствует это через несколько лет, когда попытается вернуться к письменному столу, но у него ничего не выйдет.

А тогда, после выхода «Молодой гвардии», претензии к нему были другие. Известный кинорежиссер Сергей Аполлинариевич Герасимов, лауреат Сталинской премии, экранизировал «Молодую гвардию». Вождь посмотрел фильм, вернулся к книге и обнаружил у Фадеева крупные недостатки – отсутствие руководящей роли партии и описание эвакуации в сорок первом году как беспорядочного бегства.

Сталин считал, что партизанское движение, подполье должны изображаться как хорошо организованная и заранее подготовленная партией работа. А в романе Фадеева получалось, что героическая молодежь мужественно сражалась с врагом, а те, кому следовало этим заниматься до долгу службы, сбежали.

Фадеев узнал о недовольстве вождя через газету. В разгромной редакционной статье под названием «Молодая гвардия» в романе и на сцене», помещенной в «Правде» 3 декабря

1947 года, говорилось:

«Из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, быт, работу комсомола, – это руководящая, воспитательная работа партии, партийной организации. Партийная организация, по сути дела, целиком выпала из романа

А. Фадеева. Автор не сумел проникнуть в жизнь и работу партийной организации, изучить ее и достойно показать в романе… Большевики-подпольщики, методы их работы показаны в романе не только не полно, но и вопиюще неверно».

Автора вызвали к вождю, и он услышал все замечания из первоисточника. «Фадеев, – вспоминал Константин Симонов, – с присущей ему в такие моменты холодной взвинченностью напрочь отсек всякие попытки сочувствовать ему». Он получил творческий отпуск и засел за переделку «Молодой гвардии».

31 марта 1951 года Фадеев писал Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Прошу предоставить мне отпуск сроком на один год для написания нового романа.

Со дня выборов меня Генеральным секретарем Союза Писателей в 1946 году я почти лишен возможности работать как писатель.

Впервые в 1948 году мне был дан более или менее длительный отпуск – на три месяца, но он был нарушен. Мне был поручен одновременно большой доклад о Белинском к сотой годовщине со дня его смерти, а через некоторое время я был вызван из отпуска для проведения конгресса в защиту мира в г. Вроцлаве, в Польше.

В 1950 году мне был снова предоставлен более или менее продолжительный отпуск – на четыре месяца, который я использовал как писатель на все сто процентов. За этот относительно короткий срок мною было написано около 10 печатных листов нового текста – «Молодая гвардия»… Мне буквально не хватило одного месяца, чтобы сдать все… Таким образом, даже фактически выполненная работа повисла в воздухе на неопределенный срок…»

Фадеев перечислил свои планы:

«1. Роман о молодежи крупного советского индустриального предприятия в наши дни. Фактически это роман о нескольких поколениях русского рабочего класса, роман о партии и комсомоле. Фактически это роман о победе индустриализации нашей страны. И я знаю, что смогу лучше, чем многие, показать подлинную поэзию индустриального труда, показать нашего рабочего младшего и старших поколений во весь рост.

2. Роман о современной колхозной молодежи. Тема эта опять-

таки много шире и глубже, чем простой показ жизни современной колхозной молодежи.

3. Мой старый роман «Последний из удэге» давно уже внутренне преобразован мною. Прежняя тема приобрела третьестепенное значение. Название изменено. В роман должны быть введены исторические деятели, в первую очередь Сергей Лазо, которого я близко знал лично. В романе будет широко показана японская и американская интервенция. Наша дружба с корейским и китайским народами.

Я не говорю уже о том, что мне хотелось бы ближе связаться с одной из гигантских строек коммунизма. Я смог бы написать о них не хуже многих – нет, не хуже.

Я не говорю уже о тех многих рассказах и повестях, которые заполняют меня и умирают во мне неосуществленные. Я могу только рассказывать эти темы и сюжеты свои друзьям, превратившись из писателя в акына или в ашуга…»

Фадеев жаловался на обилие общественных обязанностей:

«Несмотря на присущие мне иногда срывы, я работаю с подлинным чувством ответственности и добросовестно… Работники отделов ЦК, отделов Совета Министров, мои товарищи по работе не всегда понимают этого глубокого противоречия и внутренних трудностей при выполнении мною всякой работы в ущерб моему призванию. Они частенько рассматривают меня как обычного руководителя обычного ведомства, привлекают к решению десятистепенных вопросов, которые могли бы быть решены и без меня…

И это в пору наибольшего расцвета моего дарования. Я не имею права здесь скромничать, потому что мой художественный талант – не мое личное дело… Такое повседневное насилие над своим дарованием систематически выводит меня из душевного равновесия и истощает нервную систему…»

Сталин велел своему помощнику Поскребышеву передать письмо Маленкову. Секретариат ЦК разрешил Фадееву отпуск на год.

К осени 1951 года он работу над «Молодой гвардией» закончил, и роман, заметно прибавивший в объеме, вышел в новой редакции. Всякий, кто пожелает сравнить обе книги, убедится, что вторая редакция хуже первой…

Но главная проблема романа «Молодая гвардия» заключалась в другом.

Информации о реальных событиях в годы оккупации было немного. Руководители комсомола в основном полагались на рассказы матери погибшего Олега Кошевого. Расследованием обстоятельств смерти юных подпольщиков занялись органы

Главного управления военной контрразведки Смерш, искавшие предателей. В провале «Молодой гвардии» обвинили людей, которые на самом деле заслуживали благодарной памяти. И Фадеев, не дожидаясь, пока станет известна вся история «Молодой гвардии», поспешно назвал предателями достойных и порядочных людей.

В Краснодоне этим возмущались. Фадееву пришлось объясняться. Но менять что-либо в романе по этой причине он не захотел. Фадеев был упрям и не любил отказываться от прежнего мнения. Он ответил родителям погибших: «Я писал не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, который не только допускает, но даже предполагает художественный вымысел. Поэтому ни вы, ни родители других молодогвардейцев не должны требовать от меня абсолютной точности».

Но речь шла о добром имени погибших и об их родственниках. Людям приходилось, убегая от незаслуженного позора, менять фамилии, уезжать из родного города.

Справедливость восторжествовала не скоро. Виктор Третьякевич, выведенный в романе под фамилией Стаховича, был в реальности первым руководителем подпольной группы и погиб одним из первых. Его сбросили в шахту живым… Из-за фадеевского романа двум его братьям пришлось тяжело – они прожили жизнь с клеймом «брат предателя». Только в 1960 году его наградили посмертно орденом Отечественной войны первой степени, и в «Правде» написали о нем – «Отважный сын Краснодона». После этого режиссер фильма «Молодая гвардия» Сергей Герасимов выбросил из фильма сцены с мнимым предателем.

Что касается двух девушек, обвиненных в предательстве, – Ольги Лядской и Зинаиды Выриковой, то Фадеев назвал в романе их подлинные имена, что причинило обеим дополнительные страдания.

Ольга Александровна Лядская, которая в момент ареста сотрудниками Смерша еще училась в школе, была осуждена в октябре 1949 года особым совещанием при Министерстве государственной безопасности. Только в марте 1990 года ее дело пересмотрел военный трибунал Московского военного округа и прекратил уголовное дело «за отсутствием состава преступления». Людмила Алексеевна Выркова, которая у Фадеева изображена «немецкой подстилкой», ни за что ни про что отсидела десять лет…

Дурная услуга старого друга

Идею романа «Черная металлургия» Фадееву подсказал старый приятель и однокашник по Горной академии Иван Федорович Тевосян, заместитель председателя Совета министров. Они дружили. Жену Тевосяна, Ольгу Александровну Хвалебнову, Фадеев взял в аппарат Союза писателей секретарем партийной организации.

Идея была примитивная: сталевар-новатор предлагает принципиально иной метод варки стали, а косные академики ему мешают. Фадеев увлекся темой столкновения старого и нового. Он поехал по заводам, жил в Магнитогорске в квартире сталевара, который должен был стать героем романа.

Он верил, что «Черная металлургия» станет его лучшим романом, и писал Суркову:

«Я не могу делать доклада на пленуме, я не могу работать ни в Союзе писателей, ни в каком угодно другом органе до того, как мне не дадут закончить мой новый роман «Черная металлургия», роман, который я считаю самым лучшим произведением своей жизни и который – я не имею права здесь скромничать – будет буквально подарком народу, партии, советской литературе…

Я вложил в роман все лучшее из моего собственного жизненного опыта, все, что я передумал и перечувствовал за пятьдесят лет своей жизни, в этом романе сейчас вся моя душа, все мое сердце. Кому как не тебе известно, что я не холодный сапожник в литературе! Сейчас роман мой уже поплыл, как корабль, многое уже вчерне написано…

И вы, мои товарищи по Союзу писателей, просто должны, обязаны сделать все, чтобы этот роман был написан. А для этого я должен быть решительно и категорически освобожден от всей остальной работы…»

Он кокетливо уверял Твардовского, что мечтает освободиться от всех должностей – «литература от этого не пострадала бы», уверял, что пишет «много, с аппетитом и, что редко бывает, с чувством удовлетворения».

Александр Александрович написал всего несколько глав, публиковавшихся в «Огоньке». Но тут выяснилось, что «великое» техническое открытие, которое он собирался воспеть, липа. Тевосян оказал Фадееву дурную услугу. Мнимые «ретрограды» вовсе не мешали техническому прогрессу, а псевдоноваторские предложения гроша ломаного не стоили.

Идея романа рухнула. Это была катастрофа – и творческая, и личная. Но Фадеев не хотел себе в этом признаваться.

В октябре 1954 года он с женой приехал к Твардовскому.

Александр Трифонович записал в дневнике:

«Прочитал, говорит, металлургам главы – все не так (в смысле технических неточностей).

Какая ерунда! Читатель с величайшей охотой прощает все допущения и неточности, если в главном автор берет его «за зебры».

Жил Фадеев на даче обкома, один со стряпухой-уборщицей и милицейским постом, на берегу озера 9х7 км, в котором много рыбы и т. п. Не похоже, чтоб ему там работалось…

Больной человек. Совершенно ясно, что милы ему рыбная ловля, охота («художественный рассказ» о подбитом им орле), выпивка на свободе от Москвы, а не штатные расписания фабрично-заводских училищ и т. п., в которых он путается и хочет представить дело так, что вся недолга в этом.

Не напишет он романа – и это грустно, и хотя это с самого начала затеи было очевидно, хотя это ему было говорено, нет злорадного торжества – горько.

Человек только не хочет признаться, что он кругом заврался, запутался и особенно подрубил себя попыткой поправить дела наиактуальнейшим романом».

Засесть за новую работу Фадеев не мог и не хотел. Только строил планы. Рассказывал знакомым, что намерен собрать книгу статей, писем и воспоминаний о людях, которых знал. Говорил, что переиздаст «Последний из удэге», переписав корейские главы, и готовит новое издание «Молодой гвардии».

Но ничего так и не сделал. Отвык от писательского труда. И не мог себя пересилить. Он больше никому не был нужен. Сознавая это, Фадеев впал в депрессию. Он привык искать спасения от всех проблем в водке и в общении с женщинами. В последнее время – только в водке.

«Он умел исчезать на несколько дней, – свидетельствовал Евгений Долматовский, – да так, что ни домашние, ни сам НКВД (если Сталин вызывал!) не могли его обнаружить. Впрочем, могу с опозданием признаться: в послевоенные десятилетия его жизни некоторые товарищи – и я в их числе – знали его именуемые «сердечными» тайны, его секретные адреса – «явки».

У Фадеева было гипнотическое обаяние. В него влюблялось большое количество женщин, что не удивительно – красивый, высокий, статный мужчина с седой головой.

«Трудно передать легкость и гибкость его движений, – писал литератор Марк Колосов, – и вместе с тем какую-то чарующую прямизну его вылепленной из одного куска стальной фигуры, с чуть поднятой головой и обращенным вдаль взглядом».

Его первой женой была писательница Валерия Герасимова. Они прожили семь лет, но, что называется, не сошлись характерами. В браке с актрисой МХАТ Ангелиной Степановой ему, похоже, не хватало душевной теплоты. Мешал ее слишком сильный характер. Хотя она простила ему роман с поэтессой Маргаритой Алигер… Как и Фадеев, Ангелина Степанова была полностью поглощена своим делом – театром, на семью и мужа сил и времени не оставалось. Александр Александрович больше жены хлопотал по хозяйству и возился с маленьким сыном.

Весной 1942 года он жил у поэта Павла Антокольского, у него возник роман с поэтессой Маргаритой Алигер. Ее муж погиб на фронте. Жена Фадеева была в эвакуации с театром. Оба чувствовали себя одинокими и сошлись. Роман этот был скоротечным. Алигер родила от Фадеева дочь – Марию. Совсем молодой Мария покончила с собой.

Уже после войны Александр Александрович вдруг вспомнил о гимназистке Асе Колесниковой, в которую был когда-то влюблен и которую не видел тридцать лет.

1 июня 1949 года он писал Колесниковой:

«Милая Ася!

Я не скрою, как мне хотелось бы быть сейчас подле Вас, потому что Вы – тоже моя далекая милая юность…

Если бы знали Вы, как я вспоминал Вас и все, что связано с Вами, в 1933-34-35 годах! В эти годы я дважды ездил на Дальний Восток – после такого многолетнего перерыва! – и жил там… Боже мой, как я снова в эти уже зрелые годы был влюблен в Вас, милая Ася!

Конечно, Вам трудно было увлечься этим, тогда еще не вышедшим ростом и без всякого намека на усы умненьким мальчиком с большими ушами. Но если бы Вы знали, какие страсти бушевали в моей душе! Я сгорал от ревности, от нежности, от постоянного желания видеть, видеть Вас, быть возле Вас…

Моя жизнь личная (первой половины жизни) сложилась неудачно. К тем годам (1933-35) я остался совершенно одинок, детей у меня от первого брака не было, я не имел никаких должностей, кроме своей профессии, и – совершенно свободный, несколько «разочарованный», что меня красило, – я вернулся на родину с намерением навсегда остаться в крае…»

В следующем письме, от 16 июня, Александр Александрович продолжал исповедоваться:

«Я вернулся с Дальнего Востока в сентябре 35 года, но еще до

лета 1937 года был одиноким. Это очень плохо – человеку быть одиноким в течение многих лет в самом расцвете его сил…

Потом – в 1937 году – я женился, женился – наконец-то – по большой и взаимной любви, которая связывает наши жизни и теперь, и думаю, что все, на что может рассчитывать в семейном счастье человек моего возраста, я имею…

Когда люди сходятся, уже перевалив самую молодую и счастливую – и длительную, от 17 до 37 (20 лет полного физического расцвета!) – пору жизни (а мы сошлись с моей женой, когда обоим тянуло все ближе и ближе к 40), – когда люди сходятся, прожив свою молодую пору совершенно порознь, прожив ее с другими, другим отдав многие силы своей души, лишенные общих молодых воспоминаний, многое и многое в их жизни уже невозвратимо, неповторимо, невоспроизводимо. В их поздней любви свои большие радости. Но не случайно все-таки эту любовь так и называют люди – «поздней».

Теперь Фадеев с юношеским пылом признавался в любви далекой Асе:

«Я бы немедленно умчался бы к Вам! Как бы нам было хорошо у нас на родине!.. Мы могли бы ходить по родным для нас местам, поехать вместе куда-нибудь… Но я не имею права уехать из Москвы…»

Он уговорил Асю Колесникову приехать в столицу, раздобыл для нее путевку в подмосковный санаторий. Он надеялся, что стоит им увидеть друг друга, и прежние чувства вернутся… Александра Филипповна приехала в Москву, больше озабоченная устройством собственных дел. Встреча разочаровала обоих.

В августе 1951 года он написал ей:

«Пожалуй, мне во многом везло, не везло только в любви… С тобой, первой и чистой любовью души моей, жизнь свела так поздно, что и чувства, и сама природа уже оказались не властны над временем истекшим, над возрастом, и ничего в сложившейся жизни уже не изменить, да и менять нельзя.

Так вот и остались мы, два глубоких душевных друга, два осколка милого и дорогого нам прошлого, с нашей неосуществимой привязанностью».

Из единственных доступных ему транквилизаторов оставался один только алкоголь.

3 июля 1949 года Корней Чуковский записал в дневнике:

«Воскресенье. Встретил на задворках Переделкина А.А. Фадеева. Он только что вернулся из Барвихи – напился – и теперь

бредет домой в сопровождении В.И. Язвицкого (писателя). Боюсь, что у него начался запой. Он обнял меня, и я обрадовался ему как родному. «А Еголин – скотина!» – сказал он мне ни с того, ни с сего».

Александр Михайлович Еголин был одним из руководителей управления пропаганды и агитации ЦК партии. Фадеев был недалек от истины. В свободное от борьбы за линию партии время Еголин с использованием служебного положения зарабатывал большие деньги и затаскивал в постель молоденьких девиц…

В последние годы Фадеев, когда пил, уходил из дома, и бродил сутками по лесу, как когда-то по тайге. Он словно пытался убежать, вернуться назад, в свою молодость, прошедшую на Дальнем Востоке. Иногда пьянствовал с электромонтером, чья жена ему нравилась. Во время запоев он находился в сильнейшем нервном возбуждении. Он не мог быть один, он все время говорил, и ему нужны были слушатели. Кто угодно годился в собутыльники – лишь бы согласился его выслушать.

– Знаешь, я однажды так захмелел, – слабым голосом сказал он Валерии Герасимовой, – что упал прямо на улице и проснулся наутро там же, на мостовой.

Он словно не придал этому эпизоду особого значения и даже ухмыльнулся, но в глубине его светлых глаз Герасимова угадала ужас. Валерия Герасимова справедливо писала, что внешние обстоятельства не должны были привести его к самоубийству. Несмотря на опалу, у него оставались «литературная известность, дача, квартира, жена, любовница, охота, рыбалка…»

К роковому выстрелу привели другие причины.

Он был человеком одиноким, закрытым для других. Собутыльников, приятелей было хоть отбавляй. Но он не имел ни одного настоящего друга, некому было раскрыть душу.

Так и сказал писательнице Вере Кетлинской:

– А я, знаете, сейчас очень одинок.

В последние месяцы перед смертью он не пил. У него развилась тяжелая депрессия. Первые проявления душевной болезни обнаружились у него довольно рано. Ему и тридцати не было, когда у него случилась, как он сам выразился, «неврастения в очень острой форме».

В 1929 году он писал своей партийной наставнице Розалии Землячке: «В дом отдыха загнала меня неврастения в очень острой форме. Объясняется она все возраставшим и все более мучившим меня противоречием между желанием, органической потребностью писать, сознанием, что в этом состоит мой долг, и той литературно-общественной нагрузкой, которая не дает возможности писать и от которой никак нельзя избавиться».

В 1945 году Фадеев подумывал о самоубийстве. Зашли к нему в комнату, а он пишет прощальную записку, и на столе лежит наган.

Накануне самоубийства Фадеева навестил старый друг – Юрий Николаевич Либединский (в прошлом один из руководителей РАПП, автор знаменитой повести «Неделя»; в 1937 году его исключили из партии, но не арестовали). Фадеев недавно вернулся из больницы. Врачи, добиваясь, чтобы он бросил пить, запугивали его, говорили, что у него цирроз печени – неизлечимая болезнь. Он удрученно рассказал Юрию Николаевичу, что у него осталось всего четверть печени.

«Врачи, – вспоминал Либединский, – исходя из неправильно понимаемой психотерапии, с целью отвратить от алкоголизма, уверяли, что состояние здоровья у него хуже, чем оно было в действительности. Следовательно, он думал, что ему предстоит до конца своих дней, – конца, судя по тому, что говорили врачи, все равно недалекого, – безуспешная борьба с болезнью, которой он стыдился.

Он знал, что в связи с этой болезнью ему предстоит унижение, что его будут срамить общественно, – а он всегда переносил этого рода упреки с особенной болезненностью».

В те же дни Фадеев побывал у кинорежиссера Эсфири Ильиничны Шуб. Они дружили. Она оставила воспоминания, опубликованные через много лет (см. «Литературная газета», № 52/2001):

«У Фадеева было уставшее лицо, пронзительный взгляд по-необычному светлых глаз, и он часто зевал. Он сказал, что принял ночью четыре облатки нембутала, и они не подействовали. Принимал их каждый час. Как видно, засыпать ночью ему будет все трудней. И что надо с этим смириться.

Как правило, несмотря на сильное отравление алкоголем, с сердцем и печенью в Кремлевской больнице справляются. Он сказал, что и сердце, и печень у него все же «ваньки-встаньки». Хуже с психикой.

Он находится под наблюдением психиатра и что он сам хотел полной изоляции в больнице. С психиатром он много говорит о своей душевной усталости, о невыносимой тоске, охватывающей его после запоя и о его неудержимом, навязчивом желании «броситься под поезд».

Самоубийство его дочери, похоже, лишь подтверждает генетический характер фадеевского недуга. Он был душевно больным человеком, нуждался в психиатрическом лечении. Но медицина того времени не могла оказать ему такой помощи. Лекарства, способные влиять на биохимические процессы в

головном мозге, уже появились на Западе, но еще не дошли даже до лечебно-санитарного управления Кремля.

В момент острой депрессии Фадеев лег на диван, обложился подушками и выстрелил прямо в сердце из револьвера системы Нагана.

«Оставаясь человеком умным и тонкой души, – говорил Хрущев, – он, после того как разоблачили Сталина и показали, что тысячные жертвы были вовсе не преступниками, не смог простить себе своего отступничества от правды. Ведь гибла, наряду с другими, и творческая интеллигенция. А Фадеев лжесвидетельствовал, что такой-то и такой-то из ее рядов выступали против Родины.

Готов думать, что он поступал искренне, веруя в необходимость того, что делалось. Но все же представал перед творческой интеллигенцией в роли сталинского прокурора…

Фадеев, терзаемый угрызениями совести, изжил себя и к тому же боялся встретиться лицом к лицу с теми писателями, которых он помогал Сталину загонять в лагеря. Некоторые вернулись потом. Он, как честный человек, не смог пережить такого и покончил жизнь самоубийством».

Корней Чуковский записал в дневнике:

«13 мая. Воскресенье. Застрелился Фадеев.

Мне сказали об этом в Доме творчества – и я сейчас подумал об одной из его вдов – Маргарите Алигер, наиболее любившей его, поехал к ней, не застал, сказали: она – у Либединских, я – туда, там – смятение и ужас: Либединский лежит в предынфарктном состоянии, на антресолях рыдает первая жена Фадеева – Валерия Герасимова, в боковушке сидит вся окаменелая – Алигер.

Мне очень жаль милого А.А., в нем – под всеми наслоениями – чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие.

Он – по существу добрый, человечный, любящий литературу «до слез умиления», должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем – и пытался совместить человечность с гепеушничеством. Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная совесть в последние годы.

Он не имел ни одного друга – кто сказал бы ему, что его «Металлургия» никуда не годится, что такие статьи, какие он писал в последнее время, – трусливенькие, мутные, притязающие на руководящее значение, только роняют его в глазах читателя,

что перекраивать «Молодую гвардию» в угоду начальству постыдно; он – совестливый, талантливый, чуткий – барахтался в жидкой зловонной грязи, заливая свою совесть вином».

Генетическая предрасположенность к той или иной болезни вовсе не означает ее неизбежности. В иных исторических обстоятельствах Фадеев мог бы прожить долгую и счастливую жизнь. Но все, чему он служил, оказалось фальшью. Когда Фадеев застрелился, Юрий Либединский с горечью заметил:

– Бедный Саша! Он всю жизнь простоял на часах, а выяснилось, что стоял на часах перед сортиром.

Глава 3
Ларионов. Кавалер Золотой Звезды

Даже в самых серьезных документах значится, что этот человек покончил с собой. Не хотел, чтобы его с треском снимали с должности, позорили на всю страну. Но все, кто работал с ним, наотрез отрицают версию самоубийства. Они считают, что у него сердце не выдержало, что он пал жертвой интриг и нелепых идей Никиты Сергеевича Хрущева.

Имя этого человека когда-то гремело. Он получил Золотую Звезду Героя, был близок к главе государства и должен был войти в высшее руководство страны. Но внезапно все рухнуло. Но что же действительно приключилось?

22 мая 1957 года Никита Сергеевич Хрущев, выступая в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада Российской Федерации, провозгласил громкий лозунг:

– Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения.

Лозунг воспринимается как авантюрный. Однако в тот момент Хрущев был абсолютно уверен, что цель достижима. Освоение целинных и залежных земель, казалось, решило зерновую проблему. Если можно за считаные годы завалить страну хлебом, рассуждал Никита Сергеевич, то почему же нельзя обеспечить людей мясом и молоком? Хрущев ждал, что партийные секретари откликнутся на его призыв. И не ошибся.

Телята в каждый клуб

Первым отозвался секретарь Рязанского обкома партии Алексей Николаевич Ларионов, которому Хрущев всегда симпатизировал. Ларионов не подвел Никиту Сергеевича. На десятой областной партконференции за день до Нового года, 30 декабря 1958 года, Ларионов произнес речь, которая прогремела на всю страну. Первый секретарь Рязанского обкома обещал увеличить производство мяса в два с половиной раза, а может быть, добавил Ларионов, и в три раза!

– Если будет необходимость, – говорил Алексей Ларионов, – надо пойти вплоть до того, чтобы для телят и ягнят занять помещения изб-читален, клубов и все, что мы можем занять для этой цели.

Рязанцы обещали продать государству в следующем году сто пятьдесят тысяч тонн мяса, то есть почти в четыре раза больше, чем в предыдущем. Обращение рязанцев опубликовали все центральные газеты.

Основным любителем таких инициатив был Владимир Павлович Мыларщиков, который руководил сельскохозяйственным отделом ЦК по России. Он приехал в Рязань и вместе с Ларионовым провел совещание работников сельского хозяйства. Собрал в кабинете первого секретаря руководителей области:

– Вот вам три плана, выйдете с этим предложением, а я завтра звоню товарищу Хрущеву.

Владимир Мыларщиков был человеком без образования, так что представления о сельском хозяйстве у него были весьма примитивные. Но в двадцать с небольшим лет он стал директором машинно-тракторной станции. Перед войной его взяли на партийную работу. Энергичного и сравнительно молодого секретаря одного из подмосковных райкомов приметил руководитель московской области Хрущев.

Как только Никита Сергеевич стал хозяином партии, он сразу же, в январе 1954 года, поставил Владимира Мыларщикова во главе сельхозотдела ЦК и ввел в состав бюро ЦК по РСФСР. Он нравился Хрущеву тем, что говорил – деревню надо выводить из нищеты, в которую ее загнали при Сталине.

В июне 1957 года на пленуме ЦК Мыларщиков говорил:

– Мы с товарищем Маленковым в пятьдесят четвертом были в Новгороде. Это было в Троицу, в воскресенье. Зашли в одну деревню, шли пешком, проехать нельзя было. Пришли женщины босиком, плохо одетые, начали передавать через товарища

Маленкова ЦК и правительству благодарность, что налог уменьшили. Как они говорили! Слезы из глаз готовы были брызнуть. Женщина сказала, что, бывало, фининспектор приедет, опишет все – и заревела и, больше ничего не сказав, ушла…

Хрущев ездил в Китай, а на обратном пути завернул во Владивосток и Хабаровск, съездил в Комсомольск-на-Амуре. Здесь ему люди прямо на улице и пожаловались: с хлебом и молочными продуктами плохо, жиров нет, коров держать невозможно, потому что и кормов нет…

В Советской Гавани ситуацию описал первый секретарь горкома Иван Павлович Николаенко:

– С хлебом проблем нет, мяса не хватает, овощей почти нет. Едим сухую картошку.

Его переспросили:

– Как «сухую»?

– Такую нам привозят. Варим и едим.

– Это сельхозотделу ЦК надо выдать, – не выдержал Хрущев. – Они там сидят, ни черта не знают, а люди сушеный картофель едят.

Несмотря на обещание Никиты Сергеевича навести порядок в поставках продовольствия, жителям Советской

Гавани пришлось сидеть на сушеной картошке и яичном порошке. Хотя Мыларщиков, как тогда говорили, и снимал стружку с подчиненных.

«На местах, в областях его боялись больше, на мой взгляд, чем самого Хрущева, – рассказывал заместитель главы правительства Владимир Новиков. – Он крепко пил и «запивался», в пьяном виде требовал, чтобы его провожали с оркестром, выказывал прочие «чудачества». Но он так умел доложить Хрущеву любой вопрос, что все знали: от его доклада зависит судьба всякого руководителя – усидит он на своем стуле или нет.

Помню приезд Мыларщикова в Ленинград. Тогда первый секретарь обкома, уже будучи кандидатом в члены президиума ЦК партии, делал тем не менее все, чтобы Владимир Павлович уехал «в настроении»…

Владимир Мыларщиков был покровителем и организатором всех самых громких – и часто заведомо невыполнимых – идей, предлагавшихся Никите Сергеевичу. Два мало образованных человека, считавших себя большими специалистами в сельском хозяйстве, легко попадались на удочку шарлатанам. Разница состояла в том, что Хрущев добросовестно заблуждался. А Мыларщиков сам выдумывал такие грандиозные идеи, чтобы быть нужным хозяину. Но рязанская инициатива стала последней в биографии Владимира Мыларщикова. Хрущев в нем

разочаровался. Говорят, ему постоянно докладывали о том, что завотделом злоупотребляет горячительными напитками. В июле 1959 года Хрущев снял его с должности и назначил директором специализированного треста картофеле-овощеводческих совхозов Московской области.

А рязанская инициатива уже гремела по стране.

23 января на новом пленуме обкома обсуждали, как идут выращивание и откорм крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы.

Ларионов заявил на пленуме:

– Есть такие люди, которые говорят, что это авантюризм, но что бы ни говорили, а молоко в области есть. А сейчас дело потруднее, чем молоко, но решить это дело можно… Тем, кто сомневается, надо разъяснять и давать отпор.

Хрущев был счастлив: значит, можно! Между Хрущевым и Ларионовым было нечто общее: оба энергичные, моторные, заводные. Оба хотели многого достичь. Оба были хорошими ораторами, умели увлекать людей и заражать их своей уверенностью.

– Вы знаете, – говорил Ларионов, – в каком состоянии каждый из нас находится? Это музыкальный инструмент, струны до предела напряжены, малейшая неосторожность- струны лопнут. Но если их не дотянешь – будут фальшивить.

Первый начальник Андропова

Алексей Николаевич Ларионов родился в 1907 году в крестьянской семье в деревне Грибанихе Онежского района Архангельской области. С юных лет пошел по комсомольской линии. В 1929 году Ларионова призвали в пограничные войска, но и в окружной школе младшего комсостава пограничной охраны сделали комсомольским секретарем. Хотел учиться и поступил на подготовительное отделение Института красной профессуры в Ленинграде, но его сразу отправили заместителем начальника политотдела по партийной работе машинно-тракторной станции в Крыжополь, в Винницкую область.

Потом два с половиной года все-таки дали поучиться, а в апреле тридцать восьмого прямо из института отправили в Ярославль третьим секретарем обкома. Большая сталинская чистка открыла напористому и инициативному партработнику путь наверх. Через два года он – второй секретарь, а еще через два – первый секретарь Ярославского обкома. На этом посту и провел всю войну. Под руководством Ларионова начинал свою карьеру главный комсомолец Ярославской области Юрий Владимирович Андропов.

Осенью сорок шестого Алексея Ларионова забрали в Москву заместителем начальника управления кадров ЦК партии и заведующим основным отделом – кадров партийных органов. Новая должность могла стать стартовой площадкой для быстрого взлета. Но Ларионов, не подозревая об этом, попал в жернова ожесточенной борьбы за власть.

Ларионов стал заместителем Алексея Александровича Кузнецова, молодого ленинградца, который во время войны понравился Сталину и стал играть ключевую роль в аппарате ЦК. Кузнецова вождь сделал секретарем ЦК и начальником управления кадров. Но очень скоро Алексея Кузнецова арестовали и расстреляли по «ленинградскому делу».

А еще раньше Ларионова отправили первым секретарем в Рязань. Рязанская область образовалась в тридцать седьмом году. Она отставала от соседей. Говорят, что однажды Сталин раздраженно заметил:

– До каких пор будем терпеть эту провальную яму под Москвой? Послать туда кадрового секретаря!

В ноябре сорок восьмого первым секретарем утвердили Алексея Николаевича Ларионова. Ему был сорок один год. На пленуме обкома инспектор ЦК представил Ларионова:

– Дела в вашей области идут плохо. Направляем к вам

опытного партийного работника, хорошо проявившего себя в Ленинграде и Ярославле.

Назначение Алексей Николаевича не обрадовало, это было явным понижением. Он уходил в ЦК с такой же должности, но Ярославская область была больше и важнее Рязанской. Потом он понял, как ему повезло, что его так вовремя убрали из аппарата ЦК. Когда арестовали недавнего секретаря ЦК Алексея Кузнецова, Ларионову пришлось давать показания о совместной работе с «врагом народа».

Два года, пока продолжалось «ленинградское дело», Ларионов висел на волоске, тоже ждал ареста. Обошлось. Но вскоре разразилась новая гроза. Сталину положили на стол письмо, в котором говорилось, что в Рязани нет ни хлеба, ни молока, ни мяса. В письме с ехидцей замечалось – как же так: товарищ Маленков на XIX съезде партии заявил, что зерновая проблема решена окончательно и бесповоротно, а в Рязани даже хлеба нет, не говоря уже о колбасе и масле?

Маленков поручил секретарю ЦК Аверкию Борисовичу Аристову проверить это заявление. Тот поехал в Рязань. Когда вернулся, Маленков поинтересовался:

– Как там дела? Перебои со снабжением?

– Нет, – доложил Аверкий Аристов, – какие там перебои! Просто нет хлеба в продаже, фонды им не выделили.

– Вы только, товарищ Аристов, без паники, – сказал невозмутимый Маленков. – Пишите на имя товарища Сталина результат проверки.

Не успел Аристов составить докладную, как его пригласили к самому Сталину. Вождь поинтересовался:

– Что там в Рязани?

Секретари ЦК молчали.

– Кто был в Рязани? – спросил вождь.

Аристов поднялся:

– Я был в Рязани.

– Что там? Перебои?

– Нет, – доложил Аристов, – товарищ Сталин, не перебои, а давно там хлеба нет, масла нет, колбасы нет. В очереди сам становился с Ларионовым с шести-семи утра, проверял. Нет хлеба нигде. Фонды проверял, они крайне малы.

Сталину слова Аристова не понравились. Он считал, что во всем виноват секретарь обкома партии:

– Что у нас за секретарь сидит в Рязани? Шляпа. Почему не сигнализировал нам? Снять его с работы! – кричал рассвирепевший Сталин.

Аристов все же успел вставить, что Ларионов не виноват, что

такое положение с хлебом существует и в других городах. Аристова поддержал Хрущев, который не упустил случая подпортить репутацию Маленкова.

– Товарищ Сталин, наша Украина пшеничная, а пшеницы, белого хлеба в продаже не бывает, – доложил Хрущев. – Украинцы с болью говорят: прочитали доклад Маленкова, в котором сказано, что зерновая проблема решена, а нас суррогатом кормят. А украинцы привыкли белый хлеб кушать.

Сталин выслушал и распорядился:

– Дайте украинцам белый хлеб.

Он не знал, что в стране хлеба мало и давать нечего.

Ларионов едва удержался в своем кресле. Несколько месяцев в Рязани работала группа чекистов из Министерства государственной безопасности, они искали следы контрреволюционной организации. В первую очередь чекистов интересовал вопрос: кто подговорил автора письма обратиться к Сталину? Эти люди распространяют недоверие к партии и правительству, значит, они – враги советской власти.

Спасла Ларионова смерть вождя.

«Он вдохнул новую жизнь в наш город»

Когда Ларионова назначили в Рязань, многие рязанцы жили тем, что выращивали овощи и везли в столицу на продажу. По улицам еще коров гоняли. Из промышленности существовали только четыре завода – «Сельмаш», кожевенный, приборный и фабрика «Победа Октября».

Ларионов, осмотревшись в Рязани, говорил:

– Нам нужны специалисты, а кто приедет в город, где нет хорошего транспорта, жилья, институтов, театров? Если мы начнем строить заводы, открывать институты, будет с кого потянуть денежку.

Местный краевед Нина Булгакова, доктор исторических наук, профессор, отмечает, что при Ларионове за десять лет построили больше сорока промышленных предприятий, в том числе станкостроительный завод, завод тяжелого кузнечно-прессового оборудования. Дорога «Большое кольцо» связала районы области. В городе появились троллейбусы, набережная на реке Трубеж, новые жилые кварталы.

Знавшие Ларионова люди вспоминают, что энергичный первый секретарь умел разговаривать с людьми, вселять в них уверенность. Его даже обкомовские буфетчицы приходили послушать. Он был увлечен своими идеями, и это передавалось другим людям. Первых секретарей с таким сильным характером ни до него, ни после в Рязани не было.

Надежда Николаевна Чумакова в сорок девятом была секретарем обкома комсомола. Вызвал ее Ларионов:

– Нам нужны новые люди. Мы будем развивать город. На месте речки Лыбедь пруд выроем, по нему лебеди будут плавать.

И предложил стать первым секретарем горкома.

Он начал благоустраивать город – скверы, набережную сделал, заложил лесопарк, где была свалка, реставрировал Кремль, построил драматический театр, Дом политического просвещения, газифицировал город, реконструировал центральную площадь города, построил автомобильные дороги.

– При нем Рязань из города, еле-еле себя уважающего, превратилась в культурно-промышленный центр, – считает Надежда Чумакова. – Ларионов вдохнул жизнь в старую провинциальную Рязань.

Однажды первый секретарь обкома опоздал на комсомольскую конференцию, где его ждали, и радостно объяснил:

– Я думаю, делегаты простят мне мое опоздание. Причина-то

уважительная, особая! Мы отправляли наши станки на экспорт, за границу. Подумайте только, лапотная Рязань отправляет металлообрабатывающие станки за рубеж! На Запад! В Бельгию! Промышленно развитую страну!

Ларионов построил в Рязани радиотехнический институт, нефтеперерабатывающий завод. Многие в городе недоумевали: зачем он Рязани? А первый секретарь оказался прав. Завод дал не только рабочие места, но и тепло городу, большие отчисления в городской бюджет.

Павел Гавриков, в ту пору первый секретарь одного из райкомов, вспоминал, как к нему на актив приехал Ларионов. На совещании председатель колхоза в Коровках Иван Васильевич Машеров обещал сдать хлеб за десять дней. Встал Ларионов:

– Иван Васильевич, могли бы не за десять, а за семь дней план по хлебозаготовкам выполнить? А мы бы заставили Сельхозтехнику продать вам грузовую машину.

Зал зашумел. Тогда в колхозах еще ни у кого не было грузовой машины.

Машеров недоверчиво переспросил:

– А не обманете? Мы не за семь, мы за пять дней сдадим. Только вы нам не одну, а две машины дайте.

В зале захохотали. Ларионов согласился:

– Хорошо. Договариваемся при всем честном народе.

Зал зашумел:

– А нам? А нам можно?

Ларионов сказал:

– Я думаю, мы всем, кто сократит сроки поставок, поможем приобрести либо машину, либо другую технику. Хватит району в отстающих ходить.

Совещание закончилось. Первый секретарь райкома поехал провожать главу области. Отъехали подальше. Ларионов попросил водителя:

– Останови.

Вышли. Ларионов сказал первому секретарю райкома:

– Здесь нас никто не услышит. Буду тебе вопросы задавать.

Гаврикову не по себе стало.

– Ты веришь, что план по хлебозаготовкам выполнишь?

– Верю, Алексей Николаевич.

– Ты понимаешь, что с тобой будет, если не выполнишь план?

– Снимут с работы?

– Не только. На бюро обкома исключат из партии. Понял?

– Понял.

План был выполнен. Гаврикова вызвали к Ларионову. Первый секретарь обкома пребывал в благодушном настроении:

– Поздравляю. Слово держишь.

Он вытащил из ящика письменного стола письма:

– Это жалобы на тебя. Твой уполномоченный по заготовкам писал. Возьми себе на память. Но с ним не связывайся. На бюро не тащи. Ты его за паникерство из партии исключишь, а он начнет на тебя и на меня писать жалобы. Ты так сделай. Будешь подводить итоги – активистов похвали, а потом скажи: «А у нас маловеры были». И эту пачку писем покажи и на него посмотри.

Умелый был Ларионов человек по части аппаратных интриг. Но это умение его и подвело. После смерти вождя Алексей Ларионов твердо ориентировался на Хрущева. Никита Сергеевич ценил рязанского секретаря. В феврале пятьдесят седьмого наградил Ларионова орденом Ленина «за высокие темпы роста производства продуктов животноводства и успешное выполнение принятых обязательств по производству и сдаче государству сельскохозяйственных продуктов».

В августе пятьдесят седьмого Ларионов отметил 50-летний юбилей. Ждал еще одной награды. Не получив, огорчился. Через четыре дня, 23 августа 1957 года, в адрес Хрущева пошло письмо:

«Нам, группе первых секретарей райкомов Рязанской области, стало известно о том, что т. Ларионову Алексею Николаевичу 19 августа 1957 года исполнилось пятьдесят лет. Откровенно, по-партийному заявляем Вам, Никита Сергеевич, и думали, как это положено в нашей партии, по заслугам отметят эту дату коммуниста, который проработал более тридцати лет на комсомольской и партийной работе, из них более двадцати лет на партийной.

Известно, что Рязанская область длительное время была одной из отстающих в стране. Теперь же мы гордимся тем, что Рязань стала крупным подмосковным промышленным и культурным центром. В области серьезно двинуто вперед сельское хозяйство. В этом известную роль сыграла областная парторганизация под руководством т. Ларионова при повседневном Вашем внимании, Никита Сергеевич, к Рязанской области.

Мы с удовлетворением восприняли оценку ЦК партии и лично Вами, Никита Сергеевич, нашей работы в связи с награждением большой группы работников сельского хозяйства орденами и медалями. Это еще больше вселило в нас уверенность и подняло всех трудящихся области на борьбу за решением поставленной партией задачи в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока на душу населения.

Никита Сергеевич! Мы знаем, что за последние годы был награжден ряд секретарей обкомов, председателей

облисполкомов и других работников за заслуги перед партией и государством в связи с юбилеем. Нам непонятно, почему не наградили руководителей Рязанской области.

В феврале с.г. исполнилось пятьдесят лет со дня рождения председателю облисполкома т. Бобкову И.В. В тот момент нам было сказано, что его юбилей совпал с награждением за достижения в животноводстве. В августе исполнилось пятьдесят лет т. Ларионову, но и он оказался не награжденным. В связи с этим просим Вас, Никита Сергеевич, лично Вашего вмешательства и решения положительно вопроса.

В связи с этим нам хотелось бы выдвинуть и другой вопрос на обсуждение ЦК КПСС: узаконить или ввести в практику, как это сделано с персональными пенсиями, награждение не только секретарей ЦК, обкомов, крайкомов, но и райкомов партии, проживших пятьдесят лет и проработавших длительное время на партийной и советской работе.

Если бы это было решено, то, нам кажется, послужило бы на пользу дела, на укрепление кадров партийных работников и роста их творческой активности».

Никита Сергеевич прислушался к мнению секретарей райкомов – дал Ларионову еще один орден Ленина. 29 августа 1957 года появился указ президиума Верховного Совета СССР – «в связи с пятидесятилетием со дня рождения первого секретаря Рязанского обкома КПСС Ларионова А.Н. и отмечая его заслуги перед Советским государством».

Пища королей и бедняков

Обещав завалить страну мясом, Алексей Ларионов сделал Рязань всесоюзным маяком. В город приехал сам Хрущев, чтобы вручить области орден. Рязанцы собрались посмотреть на Никиту Сергеевича. Он ехал в открытой машине, рядом Ларионов, тоже совершенно лысый, только на голову выше. Все им аплодировали. Это было фантастическое событие для провинциального города, который вожди не баловали вниманием.

Вдохновленный подвигами Ларионова, Никита Сергеевич произнес перед рязанцами большую речь. Хрущев говорил, что Рязанская область все может сделать и еще способна увеличить производство картофеля, потому что картофель – пища и для королей, и бедняков. Эти неожиданные слова рязанцы запомнили.

Дело было за малым – сдать государству три плана. Но за год поголовье скота не могло увеличиться в три раза.

Что же толкнуло Ларионова на эту авантюру? Это были времена, когда славу, успех, благоволение начальства приносили не столько реальные дела, сколько громкие почины и инициативы, стахановское движение, маяки пятилетки. И Хрущев, и Ларионов пренебрежительно относились к образованию и образованным людям. Ларионов часто и с удовольствием повторял слова Никиты Сергеевича:

– Школа дает только знания, а ум – от матери.

У Ларионова была склонность не просто держать нос по ветру, но стараться быть первым во всякого рода начинаниях. Когда Сталин в начале пятьдесят третьего года устроил «дело врачей-убийц», Ларионов тоже первым проявил инициативу: доложил в ЦК, что ведущие рязанские хирурги убивают пациентов, и потребовал от областного управления госбезопасности арестовать врачей.

В Рязань отправилась комиссия во главе с будущим министром здравоохранения академиком Борисом Васильевичем Петровским. В обкоме Ларионов сообщил, как о деле выясненном, что вредительством занимаются четыре руководителя кафедр Рязанского мединститута – профессоры В.А. Жмур, М.А. Егоров. Б.П. Кириллов и И.Л. Фраерман. Причем по инициативе обкома профессор Егоров уже арестован. На очереди остальные.

Борис Петровский стал беседовать с рязанскими врачами. Очень быстро у него возникло подозрение, что все четыре рязанских хирурга стали жертвой доноса, а доносчик – некий врач, который работал у каждого из этих профессоров и отовсюду был отчислен как плохой хирург. Потом он устроился в

обкомовскую поликлинику, поближе к начальству и, похоже, стал сводить счеты с обидчиками.

Две недели Петровский обследовал работу рязанских хирургов и пришел к выводу, что это прекрасные специалисты, которые работают в очень трудных условиях – нет медикаментов, инструментов, шовного материала. Опытный Петровский ввел вероятного жалобщика в состав комиссии, которая в полном составе подписала заключение.

Итоги работы комиссии рассматривались на бюро обкома. Оно началось в три часа ночи. Секретарь обкома Ларионов был крайне недоволен, услышав, что в действиях врачей отсутствует состав преступления, а городские власти, напротив, не проявляют внимания к медицине. Ларионов прервал Петровского:

– А вот у нас имеется другая информация. Мы знаем, что профессора Кириллов и Жмур плохо оперируют. Из-за них пострадала женщина – член партии, которая после плохо проведенной операции погибла от метастазов рака грудной железы.

Этот случай Петровскому был известен. Он сказал, что рак был очень запущен и печальный исход предотвратить было невозможно. Борис Васильевич попросил назвать фамилию врача, который информирует обком. Ларионов без желания назвал имя.

Тогда Петровский с возмущением произнес:

– Очевидно, вы не знаете, что этот врач был введен в состав нашей комиссии и подписал акт, который я только что огласил? Иначе как двурушничеством поведение этого, с позволения сказать, врача назвать нельзя.

Ларионов с угрозой в голосе сказал, что обком во всем разберется…

Алексей Ларионов, крестьянский сын, не мог не понимать, что законы биологии не позволяют за один год в несколько раз увеличить производство мяса, но это был верный путь наверх. Конечно, и в те времена люди вели себя по-разному. Один, получив команду, все поля засевал кукурузой, которая на севере никогда не росла, и оставлял область без урожая. Другой сеял кукурузу только вдоль дорог, чтобы начальство успокоить, но докладывал, что все указания выполнил.

Особо рьяных исполнителей начальнических указаний высмеивали популярные куплетисты Рудаков и Нечаев:

Шел в Воронеж поезд с грузом
И свалился под относ.
Для уборки кукурузы
Кто-то рельсы все унес.

Умельцы широко использовали принятое правительством Российской Федерации постановление о передержке скота. Постановление открывало дорогу для составления прекрасных отчетов о сдаче мяса государству-в отсутствие самого мяса.

«Заготовительным органам разрешалось давать квитанции о приемке скота, оставляя его в хозяйствах на доращивание, – вспоминал член политбюро Геннадий Иванович Воронов, в ту пору первый секретарь Оренбургского обкома партии. – Проще говоря, если у меня был теленок весом в пятьдесят килограммов, я оформлял его как бы сдачу, получая при этом квитанцию и деньги за пятьдесят килограммов будто бы сданного мяса.

Дорастил его до ста килограммов – получил еще одну квитанцию и деньги еще за пятьдесят килограммов. Я хотел его дорастить, скажем, до трехсот килограммов, а он дотянул до ста пятидесяти – и сдох! В результате деньги у меня есть, квитанции о сдаче мяса тоже есть, нет пустяка – мяса…»

16 августа 1959 года Рязанская область сдала пятьдесят с лишним тысяч тонн. Это и была реальная цифра. Где же взять остальное? Возникали разные идеи. Рязанским школьникам поручили разводить кроликов. Но кроликами план не выполнишь.

Хрущев помог Ларионову.

Никита Сергеевич верил в то, что общественное хозяйство в состоянии накормить всю страну, а личное подсобное хозяйство только отвлекает людей от полноценного труда. Специалисты предостерегали Хрущева от поспешных решений. Личное подсобное хозяйство давало крестьянам половину их дохода, больше половины овощей, мяса и молока (см. «Отечественная история», № 1/2000).

Но Хрущев ничего не желал слышать. Ему не нравилось даже то, что колхозник имеет свое хозяйство, а когда это делали рабочие в совхозе или тем более горожане, то он считал это недопустимым отставанием, перечеркиванием марксистских идей. Нужны общее хозяйство, общий труд, а свои огороды, свое хозяйство – это возвращение к мелкому хозяйству, позорная отсталость. Зачем людям держать скот, если молоко и мясо есть в магазине? 20 августа 1958 года бюро ЦК КПСС по России приняло постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

На декабрьском пленуме Хрущев потребовал сократить размеры приусадебных участков и количество скота в личном владении работников совхозов:

– Наличие больших приусадебных участков и скота в личной собственности стало серьезным препятствием на пути развития производства.

Приняли решение: совхозам в ближайшее время выкупить скот у своих рабочих и служащих. Ларионов воспользовался хрущевской идеей. На пленуме Рязанского обкома решили закупить у населения не менее 10–15 тысяч голов скота и сдать его государству.

Ночная охота за маслом

А тут Никиту Сергеевича охватила новая идея. Мало того, что люди занимаются своей коровой, вместо того чтобы работать на государство, они еще кормят скотину дешевым хлебом! Поднять цену на хлеб нельзя по политическим соображениям. Тогда летом пятьдесят девятого приняли закон, запрещающий тем, кто живет в городах и рабочих поселках, держать в личной собственности скот – коров, коз, свиней.

Тем самым Хрущев загубил подсобное хозяйство, которое кормило многие семьи, особенно в маленьких городах. Люди поначалу охотно продавали скот. Отдали корову-легче стало, не надо было спозаранку вставать ее доить. А потом из магазинов все исчезло – и мясо, и молоко. Пожалели, что без коровы остались. Но уже назад не вернешь. Большие города худо-бедно снабжали, а маленькие города попали в беду – остались без молока и мяса.

Ларионов сразу понял, что новое хрущевское постановление открывает возможность сдать под видом государственных поставок скот, который фактически отбирали у населения. Зиновий Романов, который был в те годы заместителем управляющего Рязанской конторой Госбанка, вспоминал:

– Ларионов позвонил и спросил, нельзя ли выделить деньги на закупку этого скота у населения, чтобы он пошел не на рынок и не под нож, а на пополнение ферм района?

Скот у людей скупали по низким ценам и сразу же сдавали государству. Потом выяснилось: на мясокомбинаты отправили значительную часть основного стада и молочных коров, под фиктивные расписки забирали скоту частных владельцев. Но даже всего мяса, собранного в области, оказалось недостаточно, чтобы рапортовать в Москву.

Тогда за деньги колхозов, взятые в банках в кредит, стали покупать скот в соседних областях.

– По ночам, – рассказывал тогдашний первый секретарь Московского обкома Петр Нилович Демичев, – из районов Рязани, которые граничат с Московской областью, приезжали люди закупать скот. Я написал письмо в ЦК, что в магазинах Москвы рязанцы закупают масло.

К 13 октября сдали государству 102 тысячи тонн мяса, это уже было два плана. А хотели сдать три.

– Не выполнить план, – говорил на пленуме обкома Ларионов, – это престиж потерять, честь запятнать.

Тогда уже пошли на прямые приписки. Скажем, область

получила право часть заготовленного мяса продавать в магазинах. Но на прилавки оно не поступало. Его «продавали» колхозам и совхозам, а те вновь сдавали это мясо государству… Конечно же, областные чиновники делали это с ведома первого секретаря, уверенные, что в случае чего он их и прикроет. Между тем забеспокоились в Центральном статистическом управлении: все ли точно в Рязани? В область отправилась бригада статистиков. Но обкому они были не нужны, и бригаду ЦСУ просто выгнали. Руководители области позвонили начальнику ЦСУ:

– Вы что делаете? Нас принимают в Кремле, а вы замышляете какую-то проверку…

Руководители Статуправления потом оправдывались:

– В тот момент, когда был такой громадный подъем по Рязани, рассказывать о каком-то недоверии к областным руководителям было как-то неудобно.

12 октября 1959 года Хрущев принял в своем кремлевском кабинете Ларионова, поздравил его с успехом. 15 октября Ларионов вновь у Хрущева. Так часто первый секретарь ЦК КПСС ни одного другого местного партийного руководителя не принимал. 16 октября Никита Сергеевич устроил в Кремле прием в честь тружениц Рязанской области, награжденных различными орденами. Хрущев поздравил их с тем, что они сдали два плана. 16 декабря все газеты сообщили, что область выполнила обязательства по производству мяса – сдали 150 тысяч тонн – в три раза больше, чем в прошлом году.

Указом президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1959 года Алексею Николаевичу Ларионову было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» за проявленную смелую инициативу и проведенную большую организаторскую работу по подъему трудящихся области на выполнение взятых ими высоких социалистических обязательств по увеличению производства мяса в Рязанской области.

Ларионов обещал в следующем, 1960 году сдать четыре плана – 200 тысяч тонн мяса. На пленуме ЦК КПСС, проходившем с 22 по 25 декабря, Хрущев восхищался успехами рязанцев. В написанный для него доклад помощники включили отдельный раздел – «Чему учит пример тружеников Рязанской области».

8 января 1960 года появился указ президиума Верховного Совета СССР о награждении рязанцев: ордена и медали получили 3481 человек!

Алексей Николаевич Ларионов, отмеченный Золотой Звездой Героя, писал сыну Валерию, который решил стать моряком:

«До сих пор я хожу, как в угаре. Первым в стране (секретарь обкома) я получил Героя, первым за сорок два года Советской власти. Не знаю, хватит сил или нет, но все отдам Родине, народу, Ленинской партии, до последней капли крови, до последнего вздоха.

Еще раз крепко обнимаю и целую тебя, Валерик.

Папа».

Старший брат Ларионова, Степан Николаевич, был в Архангельске видным большевиком. В семье рассказывали, что в ноябре восемнадцатого англичане и белогвардейцы расстреляли Степана во дворе тюрьмы.

Старшего Ларионова в семье никогда не забывали.

Алексей Николаевич писал сыну:

«Ты знаешь, что тринадцати лет я вступил в Комсомол. Толчок – подвиг дяди Степы. Я дал клятву идти его путем и шел этим путем всю жизнь».

В июле шестидесятого в письме сыну вновь звучит напоминание о дяде-революционере:

«Валерий, милый, дорогой!

Прими от меня этот подарок – портрет дяди Степы как выражение самых лучших, дорогих чувств к тебе. Дядя Степа для меня – призыв, знамя, идея – все, во имя чего я прожил жизнь. Я очень хочу и думаю, что это будет так: ты, сынок, с честью будешь идти по тому пути, по которому шли мы с дядей Степой.

Обнимаю, крепко целую.

Папа».

Госполитиздат в серии «Вопросы партийного строительства» уже выпустил брошюру Ларионова «Успех решает организаторская работа». Если бы не выяснилось, что мнимые три плана – это обман, Ларионов с почетом переместился бы в Москву и сделал большую карьеру. Но Алексею Николаевичу не повезло. Он перестарался, в Москву потоком пошли возмущенные письма. В другой ситуации закрыли бы глаза. Но, видимо, нашлись люди, которые обо всем доложили Хрущеву, чтобы утопить опасного конкурента. Началось разбирательство, и быстро выяснилось, что план выполнен с помощью махинаций и приписок.

Слава оказалась мимолетной. В газетах еще славили подвиг рязанцев, а Ларионов уже отправил Хрущеву шифровку: просил освободить от должности и дать ему пенсию по инвалидности. Хрущев даже не ответил. Крушение рязанского эксперимента Никита Сергеевич переживал, наверное, еще сильнее, чем сам Ларионов. Хрущев понял, что его надежда разом поднять животноводство и накормить людей неосуществима.

Первый секретарь Свердловского обкома Андрей Павлович

Кириленко тоже откликнулся на призыв Хрущева поднять животноводство и пустил под нож немалую часть поголовья. Область, правда, осталась без скота. Но это вскрылось позже, когда Кириленко уже стал членом политбюро, и тут уж никто не смел пикнуть. Нечто подобное творилось во многих областях. Крестьян заставляли добровольно-принудительно продавать скот, который тут же сдавали в счет поставок мяса государству. Самые ушлые скупали скот в соседних областях. Сливочное масло покупали в магазинах и везли на сдаточный пункт. Развращающий обман приобрел повсеместный характер.

«Нас, секретарей обкомов и председателей облисполкомов, по очереди вызывали «наверх», требуя, чтобы мы подписали обязательства в два, два с половиной раза повысить производство мяса, – вспоминал Геннадий Воронов. – Наша область взяла обязательства достаточно скромные, зато реально вполне выполнимые – 1,3 годового плана. Помню, как напирали на меня: «У тебя восемнадцать тысяч быков – это же девять тысяч тонн мяса, сдай! И вообще, кто же это в век ракет на быков рассчитывает?» – «Ладно, – говорю, – положим, сдам я этих быков на мясо. А на чем зимой сено на фермы возить буду? На ракетах?»

А в Хабаровском крае первый секретарь Алексей Шитиков решил не отставать от рязанцев. Под его давлением председатель колхоза «Трудовая слава» Федор Ватутин сдал на заготовительный пункт всех свиней, кроме свиноматок, весь молодняк крупного рогатого скота – и тоже сделал три плана. Его хвалили на весь край и вручили премию – отрез на костюм. А на следующий год колхоз и одного плана не смог выполнить…

Так долго не могло продолжаться. В 1960 году производство мяса упало. Хрущев был обескуражен. 29 октября 1960 года он распорядился разобраться со слухами о том, что Ларионов пошел на аферу: «Идут разговоры, в которых подвергаются сомнению успехи рязанцев… Считаю, что следовало бы проверить, чтобы ЦК знал, как действительно обстояло дело, – имеют под собой почву подобные утверждения или это клевета на рязанцев».

Личное оружие осталось в сейфе?

Результаты проверки произвели впечатление даже на видавших виды партработников.

У рязанских колхозов на счетах не осталось денег. Они не могли расплатиться ни с колхозниками, ни с механизаторами:

«Во многих колхозах колхозники на работу не выходят. Так, например, в колхозе имени В.И. Ленина Ухоловского района колхозники на работу выходят как на воскресник, если организуется обед за счет колхоза… Экономическое состояние многих колхозов подорвано и отброшено в своем развитии на два-три года назад…

Однако проверка показала, что в ряде районов приписки продолжаются и до настоящего времени… Во многих колхозах заведен двойной учет: один – для себя – о фактическом положении и второй – искажающий истинное положение дел».

На заседании бюро ЦК по РСФСР Аверкий Борисович Аристов говорил руководителям области (уже без Ларионова):

– Почему же вы не пришли в ЦК и не сказали, что у нас первый секретарь – жулик, который обманывает ЦК. Когда вы приходили ко мне и рассказывали о поведении Ларионова, о том, что он пьянствует, почему вы ничего не сказали по поводу этих фактов? Вы говорили, что Ларионов пьет запоем. Как видно, пьянствовал он не по болезни, а потому, что слишком далеко зашел, а вы, зная о положении в области, умолчали о самом главном.

Выяснилось, что по указанию Ларионова начальник областного управления госбезопасности искал тех, кто пытался уведомить Москву о происходящем в области:

– Ларионов каждый день по два-три раза вызывал меня к себе в кабинет и допрашивал: когда найдете анонимщика? Я признаю, что моя вина состоит в том, что я не сообщил об этом ни в Центральный комитет, ни председателю КГБ товарищу Шелепину. Если бы не в таком зените был Ларионов, я бы мог еще с ним бороться. Ведь он на всю страну заявлял, что есть злые языки, которые хотят опорочить Рязанскую область. Попробуйте после этого бороться с Ларионовым…

Когда самого Хрущева отправят на пенсию, рязанскую историю поставят ему в вину. В октябре шестьдесят четвертого на пленуме ЦК, на котором снимали Хрущева, Суслов выступал с главной обличительной речью. Он ко всему прочему сказал:

– Не вникнув в суть дела, товарищ Хрущев без всяких к тому оснований поднял на щит такое позорное дело, как рязанское.

Вспомните, как он рекламировал опыт очковтирателя и авантюриста Ларионова, предлагавшего выполнить в течение года трехлетний план по заготовкам мяса. Подобным авантюристическим экспериментом был нанесен серьезный урон общественному животноводству колхозов и совхозов.

В бюро ЦК по РСФСР Ларионову стали подбирать замену. Он написал грустное письмо сыну, военному моряку:

«Сынок, я устал прежде всего физически, устал от нечеловеческого напряжения, от всех переживаний. А их было много. Двенадцать лет взяла Рязань. И каких лет? Самых цветущих. Рязань – подмосковная дыра, как назвал ее т. Сталин… Были очень, очень тяжелые случаи. Поток анонимок с клеветой. Кем только меня не представляли. И буржуем, и врагом, и контрреволюционером, и т. д.

Были и более сатанинские дела. Например, «ленинградское дело». Ведь я работал в ЦК вместе с Кузнецовым, а он был объявлен заговорщиком. Два года, пока шло следствие, я изо дня в день ждал, что меня тоже арестуют».

Решили записать, что Ларионов покидает свой пост по болезни. В последний день, уходя из обкома, он почему-то оставил своему помощнику все личные документы, депутатское удостоверение, ордена. Словно знал, что это ему уже не пригодится.

Считается, что Ларионов пришел домой и, зная, что его ждет, застрелился.

Владимир Павлович Наумов, который в 1960 году был инструктором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, рассказывал мне, что накануне смерти Ларионова уже был назначен новый первый секретарь обкома, и он поехал в Рязань, а когда прибыл, выяснилось, что Ларионов застрелился. Накануне Алексей Николаевич несколько раз звонил в ЦК, хотел поговорить с Сусловым. Но его не соединили.

Личное оружие у Ларионова было. Но его бывший помощник рассказывал, что, как только узнал о смерти первого секретаря, они с начальником областного управления госбезопасности открыли его сейф, все было на месте, в том числе оружие.

– У нас, технических работников обкома, – рассказывала нашей съемочной группе Антонина Сачкова, которая в те годы работала в Рязанском обкоме, – разговор такой был, что он два плана выполнил честно, а ему повесили еще и третий. Третий план – это, конечно, только председателя сдавать на мясо. И у него не выдержало сердце. Сердечный приступ. Я сама печатала некролог, от сердечной недостаточности он умер.

Сохранилось «медицинское заключение о болезни и причине

смерти секретаря Рязанского обкома КПСС тов. Ларионова Алексея Николаевича»:

«Тов. Ларионов Алексей Николаевич длительное время страдал гипертонической болезнью с общим атеросклерозом с преимущественным поражением коронарных сосудов сердца и аорты, с частыми обострениями заболевания в 1957, 1959 и 1960 годах.

С 13 по 17 сентября с.г. перенес грипп.

22 сентября в 21 час 05 минут внезапно наступила смерть при явлениях острой сердечно-сосудистой недостаточности.

Патологоанатомическое исследование тела показало наличие распространенного атеросклероза сосудов, множественные рубцы стенки левого желудочка сердца, отек мозга, отек легких, цианоз внутренних органов.

Причиной смерти явилась острая сердечно-сосудистая недостаточность.

Е.В. Литвина, зам. зав. обл здравотдел ом.

П.С. Бельский, главный врач областной больницы № 2.

Н.А. Троицкий, профессор.

И.Е. Мацуев, профессор П.З. Котлярчук, областной патологоанатом, кандидат медицинских наук».

Сосед Ларионовых по дому Анатолий Миронов вспоминал:

– Мне его жена Александра Васильевна рассказывала. Он пришел домой, сел на диван. Не то внук, не то племянник – к нему на руки. Она говорит: «Леня, обед готов». Он: «Шура, как я устал». Когда она с кухни вернулась в комнату, он уже был мертв.

В «Приокской правде», органе обкома и горкома, областного и городского совета депутатов трудящихся,

24 сентября 1960 года (это была суббота) первая полоса была отдана под некролог и траурные сообщения:

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР с глубоким прискорбием извещают, что 22 сентября 1960 года после тяжелой болезни скончался товарищ Ларионов Алексей Николаевич – первый секретарь Рязанского обкома партии, член Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда».

Разанские газеты поместили некролог, подписанный местными чиновниками, в котором говорилось: на посту первого секретаря «проявил большие организаторские способности, был зачинателем многих славных дел рязанских коммунистов и всех трудящихся, добившись больших успехов в развитии экономики и культуры области…

А.Н. Ларионов был верным сыном Коммунистической партии,

талантливым организатором и энергичным руководителем. Коммунисты и все трудящиеся Рязанской области навсегда сохранят в своей памяти светлый образ Алексея Николаевича Ларионова – активного и стойкого борца за великое дело коммунизма».

Комиссия по организации похорон первого секретаря обкома информировала рязанцев:

«Гроб с телом А.Н. Ларионова установлен в большом зале Дома политического просвещения Рязанского обкома и горкома КПСС (ул. Ленина, 18). Доступ к гробу для прощания с покойным открыт: 24 сентября с 9 часов утра до 22 часов и 25 сентября с 9 до 12 часов дня.

Вынос покойного из Дома политического просвещения

25 сентября в 13 часов.

Похороны состоятся на Скорбященском кладбище».

– Хоронили – весь город пришел, не пройти было, – вспоминает Антонина Сачкова, которая при Ларионове работала в обкоме. – Венков больше сотни. Я тоже несла венок. Очень жалели о нем.

Ларионов жил в доме № 53/а на улице Свободы. Это был партийный дом, там селили всех первых секретарей. Вдова Александра Васильевна после смерти мужа и младшего сына перебралась из четырехкомнатной квартиры в двухкомнатную.

О смерти Алексея Николаевича Ларионова в Рязани продолжают говорить и спорить по сей день. Первого секретаря поминают добрым словом, что не было другого такого хозяина в городе. Хрущев отменил пропуска в обкомы и министерства, и люди запросто шли к начальству. Ларионова ловили утром перед входом в обком, просили помочь с жильем или с работой, знали, что внимательно выслушает и обязательно поручит кому-то разобраться и помочь. Он был человек простой и доступный.

– Идешь на работу, ты внизу – он стоит наверху лестницы, – вспоминает Антонина Сачкова. – Обязательно подождет, чтобы поздороваться. Я – простой человек, он руку подаст, спросит: как себя чувствуете? Как дома? Я знаю, что, например, в колхозах он каждую доярку знал по имени-отчеству, каждого скотника по имени-отчеству.

– Года два назад, – рассказывал Анатолий Миронов, сосед семьи Ларионовых, – на автовокзале столкнулся с человеком. Он ехал к сестре картошку копать, я – к матери. Разговорились. Он: «Ларионова знаешь? Мать дояркой была. Он приезжал, надевал резиновые сапоги, шел в коровник и каждой доярке целовал руку. Вот человек был…»

Последствия рязанской авантюры область ощущала многие

годы спустя. 19 августа 1969 года писатель Юрий Маркович Нагибин пометил в дневнике:

«Выяснилось, что на Рязанщине уничтожили всех свиней. Пропало сало… Видимо, тут проявляется какое-то коренное свойство системы: оперативность, неукоснительность уничтожения компенсируют бессилие в созидательных делах…

Рослый, с металлическими вставными зубами, горластый и самоуверенный, бывший секретарь обкома комсомола, ныне директор научно-исследовательского института в Рязани Фролов с ходу поставил на стол бутылку сырца и положил нечто черное, страшное, по виду напоминающее копченый член платоновского быка. Оказалось, акулья колбаса. Когда псу предложили кусочек этой колбасы, он оскалился, зарычал и отполз прочь. Вот что едят рязанцы вместо свиного сала».

Нам не дано знать, что именно пережил Алексей Николаевич Ларионов в последние минуты своей жизни, о чем сожалел и кого винил. Теперь, наверное, не так уж важно, как именно ушел из жизни знаменитый первый секретарь Рязани, кавалер Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Если он и не покончил с собой, то все равно совершил политическое самоубийство, когда решился на откровенную авантюру.

Впрочем, есть и другая точка зрения. Говорят, что у него не было выбора, что он сделал то, чего от него требовали в Кремле… Конечно, беда, если система власти устроена так, что выгоднее врать и придумывать. Но выбор все-таки есть всегда. Все сидели в этом классе. Почему же он захотел стать первым учеником?..

Глава 4
Фурцева. Низвержение с олимпа

24 октября 1974 года внезапно ушла из жизни министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева, единственная женщина, занимавшая высшие посты в государстве. Министерская должность была для нее уже понижением, свидетельством опалы.

В советские времена женщин продвигали главным образом на красиво называвшиеся, но безвластные должности, чтобы они представительствовали. А вот Екатерина Фурцева была исключением, первой женщиной, которая входила в состав руководства страны. Она несколько лет была хозяйкой Москвы, а затем заняла место на партийном Олимпе – вошла в состав президиума и секретариата ЦК КПСС. На переломном этапе истории нашей страны она принадлежала к числу тех немногих, кто принимал решения, определявшие судьбу нашего государства.

Почему именно она? Какими дорогами добиралась она до Кремля? Что вознесло на вершину власти эту девушку из Вышнего Волочка? Незаурядные личные качества, удачный случай, симпатия вождей к красивой женщине? Екатерине Алексеевне приходилось пробивать себе путь в обществе, которое не поощряло стремительные женские карьеры. Но ее успехи не могли пройти незамеченными.

А вот отчего она попала в опалу и, не справившись с эмоциями, пыталась уйти из жизни? Она занимала пост министра культуры почти полтора десятка лет, и ее знали во всем мире. Фурцева не жаловалась на здоровье, и смерть показалась неожиданной и необъяснимо ранней. Екатерина Алексеевна месяц не дожила до шестидесяти четырех лет. Это были времена, когда ничего не сообщалось, и все, связанное с высшим руководством государства, держалось в секрете. Отсутствие достоверной информации неминуемо порождало слухи. В Москве заговорили о том, что министр культуры покончила счеты с жизнью и у нее были для этого все основания.

В семье Фурцевой версию о самоубийстве наотрез отвергали. Официальный диагноз – сердечный приступ. Впрочем, семье не очень верили. Потому что один раз Екатерина Алексеевна уже вскрывала себе вены. Эта жизнерадостная, мажорная женщина с ярким темпераментом и сильным характером не могла перенести одного – когда ее отвергают, и в личной жизни, и в политической.

Дорога в столицу

Что такое страх, узнаем в детстве, когда выясняется, что мы не в состоянии существовать без доброй воли и заботы тех, кто о нас заботится. Исчезновение этой защитной стены – трагедия. Иногда сознание собственной беспомощности остается на всю жизнь. Первая мировая война лишила нашу героиню того, в ком она так нуждалась, и до последних дней она пыталась сохранить вокруг себя тех, кого она боялась потерять. Иногда тщетно.

Екатерина Алексеевна Фурцева родилась 24 ноября (7 декабря по новому стилю) 1910 года в городе Вышний Волочок Тверской губернии. Ее отец, Алексей Гаврилович Фурцев, рабочий-металлист, был призван в царскую армию, как только началась мировая война, и погиб в первых боях, в том же 1914 году.

Алексея Гавриловича девочка практически не помнила. И тем не менее именно потеря отца – травма, наложившая отпечаток на всю дальнейшую жизнь Екатерины Алексеевны. Ее эмоциональный мир зависел от окружающих, она боялась быть брошенной, отвергнутой, оставленной. Екатерина Фурцева сильно зависела от родных, друзей, подруг и любимых мужчин; ей всегда было страшно остаться одной.

Мать, Матрена Николаевна, больше не вышла замуж, в одиночку растила сына и дочь. После ухода мужа в армию ей пришлось пойти на работу, хотя дети еще были маленькие. Матрена Николаевна была женщина с темпераментом и сильным характером, неграмотная, не могла расписаться, но в Вышнем Волочке пользовалась авторитетом и даже избиралась депутатом городского совета. Екатерина Алексеевна унаследовала от матери характер, способность самостоятельно принимать решения, внутреннюю силу. И все же тщательно скрываемое чувство беспомощности осталось в ней навсегда. Во взрослой жизни она подсознательно выработала стратегию, направленную на то, чтобы в дальнейшем не терять близкого человека. Но избежать этого она не смогла…

Кирпичный барак, где выросла Екатерина Фурцева, стоит и по сей день. В 1925 году она закончила семилетку и поступила в школу фабрично-заводского ученичества, выучилась на ткачиху. А какую еще работу она могла найти в этом городе? В пятнадцать лет встала к станку. Не очень благоприятное для юной девушки начало жизни, сулившей только тяжелый труд и не очень комфортные условия существования. В 1928 году она нашла себе место на ткацкой фабрике «Большевичка» (хлопчатобумажные и

суровые ткани) в родном Вышнем Волочке, потому и закрепилось за ней обидное для нее, будущего министра культуры, прозвище «ткачиха».

Екатерине Алексеевне всегда будут поминать работу за станком – причем высокомерно-презрительно, хотя ничего кроме уважения и сочувствия необходимость рано начать трудиться не вызывает.

За станком Екатерина Фурцева стояла недолго. В 1925 году она вступила в ВЛКСМ. И комсомол – главная карьерная лестница того времени – изменил ее жизнь. Молодую спортивную и общительную девушку приметили и в 1929 году назначили ответственным секретарем районного совета физкультуры.

Физически хорошо развитая, ловкая, спортивная, Екатерина Фурцева вполне соответствовала ожиданиям эпохи. Правда, двадцатые и тридцатые годы – время пуританства. Сексуальность – не тема для обсуждения. А она не в силах скрыть своей женственности, желания любить и быть любимой. Вот и будет она разрываться между желанием ни в чем не уступать сильному полу и неосознанным стремлением встретить настоящего мужчину, рядом с которым она почувствует себя спокойно и надежно.

Екатерина Фурцева быстро оказалась на руководящей комсомольской работе. В 1930 году решением ЦК ВЛКСМ в числе пятисот комсомольских активистов из промышленных районов ее отправили на укрепление комсомольских организаций Центрально-Черноземной области – поднимать сельское хозяйство. Она без сожаления покинула родной город.

Фурцеву избрали секретарем Кореневского райкома комсомола единой тогда Центрально-Черноземной области (ныне Курская область). 16 февраля 2007 года на здании местного Дома культуры повесили памятную доску в честь работавшей здесь некогда Фурцевой. Двадцатилетняя Екатерина Алексеевна приехала в Коренево летом 1930 года и проработала первым секретарем райкома комсомола всего шестнадцать месяцев, потом приняла новое назначение и больше никогда в поселок не возвращалась. Местные краеведы уверяют, что раскрыли самую большую тайну ее личной жизни: 25 августа 1931 года сельсовет зарегистрировал ее брак с местным плотником. Но уже через три месяца брак расторгли. Имя первого мужа Фурцевой краеведы скрывают.

В 1931 году перспективного работника перевели в Крым с повышением, сделали секретарем горкома комсомола в Феодосии. У энергичной и бойкой девушки все ладилось. И начальники ее охотно повышали. Через год поставили заведовать отделом Крымского обкома комсомола в Симферополе,

утвердили членом бюро областного комитета. Екатерина Алексеевна могла бы остаться в этих благодатных местах, многие люди мечтают провести здесь жизнь. Но карьеры в провинции не делались.

Фурцева решила уехать, она уже знала, чему посвятит себя. В Коктебеле она увлеклась планерным спортом. Феодосия и Коктебель – колыбель советского планеризма. На плато Узун-Сырт с двадцатых годов проводили всесоюзные планерные слеты, куда съезжались будущие летчики и авиаконструкторы. Гора Узун-Сырт уникальна восходящими потоками воздуха, поэтому здесь открыли планерную школу.

Небо манило. Фурцева добилась, чтобы обком партии рекомендовал ее на Высшие академические курсы Аэрофлота. Летные курсы располагались в Царском Селе под Ленинградом. Учеба длилась три года. Екатерину Алексеевну готовили в политработники гражданской авиации.

После курсов Екатерину Фурцеву отправили в Саратов помощником начальника политотдела авиационного техникума по комсомолу. Зато здесь к ней пришла первая большая любовь. Она влюбилась в служившего в Саратове летчика Петра Ивановича Виткова.

Инструктор летного звена Битков, рассказывают, был видным, интересным мужчиной. Екатерина Алексеевна инстинктивно искала надежного мужчину, который бы окружил ее заботой и вниманием, служил бы защитой и опорой, дал то, чего она была лишена в детстве и юности.

Конечно, семейная жизнь под присмотром соседей из-за скудных жилищных условий не располагала к особой радости. Семья воспринималась прежде всего как ячейка общества. Мужчина и женщина соединяли свои судьбы, чтобы поддерживать друг друга и служить стране. Но не в случае Фурцевой. Она хотела, чтобы ее любили.

Ее не смутило и то, что Петр Битков был женат. Ради Фурцевой он оставил семью, которая осталась в Ленинграде, там росла и его дочка. Петр Иванович и Екатерина Алексеевна поженились, хотя брак не зарегистрировали. В те времена формальностям не придавали значения. Брак Петра Ивановича и Екатерины Алексеевны рухнет не из-за отсутствия штампа в паспорте…

В Саратове молодая семья не задержалась. В 1936 году летчика Петра Биткова перевели в политуправление гражданской авиации, и молодая семья перебралась в Москву. Фурцевой тоже нашли работу в столице. Ее взяли сразу в ЦК комсомола инструктором отдела студенческой молодежи, хотя сама она

высшего образования не имела и студенческой жизни не знала. Ей не хватало образования, и она поспешила восполнить анкетный недостаток. Недолгая работа в ЦК ВЛКСМ помогла получить диплом. В 1937 году ее по комсомольской путевке направили учиться в Московский институт тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова. Она поступила в институт, не имея школьного аттестата зрелости.

Училась Екатерина Алексеевна неважно, потому что сразу пошла по общественной линии. Студентку с опытом политической работы избрали секретарем партийного комитета института, так что учеба поневоле отошла на второй план. Диплом о высшем образовании инженер-химик Фурцева получила в 1941 году, накануне войны. Работать по специальности ей так и не удалось.

Самые трудные дни

Начало Великой Отечественной для Фурцевой оказалось вдвойне трагическим. Ее муж, Петр Иванович Битков, в первые же дни войны отправился на фронт. Но ушел он и из семьи. Больше они не жили вместе, хотя именно во время войны у них появился долгожданный ребенок. Рождение дочки отнюдь не укрепило семью. Напротив, брак рухнул.

Екатерина Алексеевна мечтала о детях, а забеременела только на тридцать втором году, после одиннадцати лет жизни в браке. Так появился ее единственный ребенок – дочь Светлана. Как и многое в жизни Фурцевой, обстоятельства, связанные с рождением дочки, обросли слухами и мифами. Поговаривали, будто и не муж вовсе был отцом ребенка, поэтому-то оскорбленный Петр Битков и ушел из семьи…

Рассказывают и другое. Петр Иванович, как это случилось со многими ушедшими в армию молодыми мужчинами, надолго оторванными от жен, встретил на фронте другую женщину, влюбился, ему ответили взаимностью. И он завел новую семью. Это больше похоже на правду, потому что от дочки Петр Иванович не отказывался, напротив, сохранил к Светлане отцовские чувства до конца жизни.

Когда Екатерина Алексеевна вышла замуж, ее скрытый страх внезапно остаться одной, лишиться защиты в какой-то степени только усилился. Вместо того чтобы наслаждаться семейной жизнью, она испуганно вздрагивала всякий раз, когда муж собирался куда-то пойти без нее. Она убедила себя в том, что если он постоянно будет с ней, она не только его не потеряет, но и обретет утерянное со смертью отца чувство безопасности.

Когда брак распался, самым ужасным для нее было одиночество. Она не могла приходить вечером в пустую комнату. Перед Екатериной Алексеевной возник ужасный вопрос: оставлять ли ребенка? Молодая женщина сомневалась: справится ли она в одиночку – да еще в военные годы? В какой-то момент, отчаявшись, напуганная одиночеством и неопределенностью, Екатерина Алексеевна была готова избавиться от ребенка.

На помощь пришла мать.

«Мама осталась одна, – рассказывала Светлана Петровна Фурцева газете «Совершенно секретно». – Время, сами понимаете, какое было, и она не решилась рожать. Написала бабушке, которая осталась в Вышнем Волочке и всегда имела в семье право решающего голоса. Она и сказала маме: «Ну как это так! Столько лет ждали. Что уж, одного ребенка не воспитаем?» И приехала в

Москву. Так с нами до конца своих дней и осталась».

Беременную Фурцеву эвакуировали в Куйбышев (Самару), где разместились основные наркоматы и иностранные посольства. Екатерине Алексеевне как уже опытному партийному работнику нашли работу – сделали инструктором одного из райкомов – Молотовского.

Роды были благополучными. Светлана Фурцева родилась в Куйбышеве 10 мая 1942 года. Екатерина Алексеевна дала девочке свою фамилию. В Куйбышеве они оставались недолго. В отличие от многих других москвичей, которым до конца войны не позволяли вернуться в город, партийного работника Фурцеву ждали в Москве.

Когда в августе 1942 года Екатерина Алексеевна вернулась в Москву, линия фронта отдалилась от столицы. Ее вновь избрали секретарем парткома института. Поскольку диплом о высшем образовании она уже получила, то ее оформили в аспирантуру. Заниматься наукой и писать диссертацию она не собиралась, секретарь парткома – работа, не оставляющая много свободного времени.

Сорок второй год был для Екатерины Алексеевны памятным во всех отношениях. У нее родилась дочь Светлана, и ей предложили новую работу. Растущего молодого работника приметил первый секретарь Фрунзенского райкома партии Петр Владимирович Богуславский и взял к себе в аппарат. Так началась успешная партийная карьера Фурцевой, которая приведет ее на вершину власти – в президиум ЦК.

Она вернулась в коммунальную квартиру на Красносельской. Петр Иванович Битков приехал с фронта и признался, что уходит из семьи. Развод – это было нечто неприемлемое и в семье, и среди знакомых. Ей трудно было признаться самой себе, что брак рассыпался. И она не могла заставить себя подумать о том, что произойдет после того, как ушел муж. Что подумают люди? Она слишком зависела от мнения матери, друзей, сослуживцев. Крушение первого брака оставило тяжелый шрам. Фурцева никогда не сможет этого забыть.

Екатерина Алексеевна жила с дочкой, матерью и братом, отличавшимся склонностью к горячительным напиткам. Она заботилась о брате, выручала его. Петр Битков навещал дочку, но нечасто. В семье Фурцевых считалось, что Битков больше внимания уделяет дочери от первого брака. «Мне бабушка в детстве рассказывала, – вспоминала Светлана, – что отец той дочке пианино из Германии привез… Бабушка у нас была очень ревнивая и часто упрекала отца в том, что ребенок растет, а он даже конфетки не принесет».

В ноябре 1942 года Екатерину Алексеевну утвердили секретарем Фрунзенского райкома по кадрам. Возможно, успешно начавшаяся партийная карьера помогла Екатерине Алексеевне справиться с личной драмой. У Фурцевой сложились особые отношения с первым секретарем Фрунзенского райкома Богуславским. Он руководил райкомом с 1940 года. Говорят, Петр Владимирович ценил не только ее деловые, но и женские достоинства, что не удивительно: молодая Фурцева была очень хороша – яркая, стройная, с бурным темпераментом. Во всяком случае Богуславскому Екатерина Алексеевна многим обязана. Он сделал ее в 1945 году вторым секретарем райкома.

Тогда еще не было понятия «деловая женщина», но правило – никогда, никогда не заводить романов на работе – уже действовало. Трудно обсуждать то, что произошло между Петром Владимировичем и Екатериной Алексеевной. Они сами не рассказывали. Это не та история, которой делятся даже с близкими людьми. Разумеется, романы на стороне в партийном аппарате, мягко говоря, не поощрялись.

Почему они сблизились? Мы можем только предположить. Служебные романы похожи один на другой, как две капли воды…

Никто не пытался завоевать ее так, как он. Многому ее научил. Ей льстили особые отношения, она наслаждалась этим общением. У них оказалось много общего. Он не мог обсуждать свою работу с женой, а с ней мог. Общая работа сближала и доставляла удовольствие. Но едва ли такой роман может долго устраивать женщину. Идут годы, а он не собирается уходить от жены. Мужчина счастлив иметь и жену, и любовницу. А женщины не хотят вечно оставаться в этой роли. Им нужна настоящая семья. Так что, как правило, служебные романы заканчиваются, как только мужчина и женщина перестают работать вместе…

Первый секретарь

Выжить в начальственной среде и продвинуться по карьерной лестнице женщине в те годы было очень непросто. Требовались особая предрасположенность к существованию в аппаратном мирке и годы тренировки. В аппарате превыше всего ценились дисциплина и послушание. Иерархия чинов была нерушима, как в армии. Начальники, конечно, бывали разные. Но мало кто терпел самостоятельных подчиненных, как правило, попытки высказать собственное мнение пресекались. Более всего ценилось умение угадать, чего желает непосредственный начальник.

Екатерина Алексеевна Фурцева быстро усвоила основные правила достижения успеха в партийном аппарате и выдвинулась на первые роли. Московским начальникам нравились ее работоспособность, активность и неподдельный энтузиазм.

В 1948 году на должности первого секретаря Фрунзенского райкома Богуславского сменила Екатерина Алексеевна Фурцева. Она шесть лет проработала в райкоме. Научилась и привыкла командовать мужчинами. В то время партийный аппарат практически полностью был мужским. Нравы городского и районного начальства в Москве были не слишком либеральными. Чтобы доказать свое право быть хозяином района, Екатерине Фурцевой пришлось усвоить многие привычки и манеры мужчин-руководите-лей. Она научилась не робеть в мужском коллективе, не смущалась шуточкам известного свойства, могла прилично выпить и при необходимости послать по матушке.

При этом она не забывала, что привлекательная женщина обладает и другими средствами воздействия на мужской коллектив. Фурцева была красивой и приветливой женщиной, держалась непринужденно, без начальственной позы, но по-хозяйски уверенно, вспоминал Дмитрий Квок, который работал во Фрунзенском райкоме. Организованная, требовательная, собранная и работоспособная, Екатерина Алексеевна держала слово, выполняла обещанное.

Она, например, «требовала от институтов, расположенных в районе, выполнения социалистических обязательств к определенным датам: к 1 Мая изобрести вакцину и полностью ликвидировать рак, к 7 Ноября выпустить действенный препарат против туберкулеза. Изучаете детскую корь? Поработайте так, чтобы к следующему бюро райкома кори не было…» (см. выпущенную столичным архивным управлением книгу «Партийный губернатор» Москвы Георгий Попов»),

– Я должна первая рапортовать товарищу Сталину о наших

победах, – повторяла секретарь райкома Фурцева.

В столичном городе ее ценили как мастерицу массовых мероприятий. Шла ли речь об очищении районного аппарата от выходцев из Северной столицы в разгар мрачного «ленинградского дела», или о пропагандистском обеспечении столь же позорного «дела врачей», Екатерина Алексеевна неизменно опережала коллег-секретарей.

Новый первый секретарь Фрунзенского райкома рассчитывала на продолжение карьеры и позаботилась о том, чтобы получить политическое образование. В том же 1948 году Фурцева заочно (без сдачи экзаменов) окончила Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Высшая партшкола создавалась для достигших немалых высот практических работников, не имеющих ни образования, ни времени, а чаще и желания его получить.

Карьере Фурцевой помогли крупные перемены в московском руководстве, продиктованные сталинской подозрительностью. В октябре 1949 года на имя вождя в ЦК пришло письмо, под которым стояли придуманные подписи. В письме говорилось, что в Москве возник заговор против Сталина, совсем как в Ленинграде. А по «ленинградскому делу» уже начались аресты… Главной мишенью письма был руководитель Москвы Георгий Михайлович Попов. Сталин, похоже, заподозрил его в желании занять кресло первого человека в стране. Попова сменил Никита Сергеевич Хрущев.

По иронии судьбы вместе с Поповым потерял работу будущий муж Екатерины Алексеевны Фурцевой – секретарь горкома партии Николай Павлович Фирюбин. В коллективном доносе о Фирюбине было сказано так: «политически безграмотный человек, лизавший Попову пятки».

Одним из секретарей горкома была женщина. Прежняя женщина-секретарь Олимпиада Козлова лишилась должности вместе с командой Попова. Хрущев мог бы поискать женщину-секретаря где-то на стороне. Но он хотел показать, что будет работать с московскими кадрами. И главное – сразу обратил внимание на энергичную и деловую Фурцеву.

Второй секретарь столичного горкома – видная должность. Екаетина Алексеевна Фурцева это сразу ощутила. Особенно, когда женщин на высоких постах было совсем немного. В основном они занимали должности второго-третьего ряда. При Сталине в политбюро не состояло ни одной женщины. Только в конце двадцатых годов в оргбюро ЦК ненадолго ввели Александру Васильевну Артюхину, которая с 1924 года заведовала в ЦК отделом работниц и крестьянок. Потом отдел упразднили, и

больше в руководящие органы партии женщин не включали. Сталин считал, что с руководящей работой в состоянии справляться только крепкие мужчины.

«В 1950 году летом я была в Сочи, в санатории ЦК, – вспоминала Нами Микоян, дочь крупного партийного работника. – В то лето там была Екатерина Фурцева, секретарь горкома партии. Мы много плавали, Фурцева не вылезала из воды, играла в волейбол, причем прекрасно. Она была молода, стройна, энергична, очень привлекательна светлой русской красотой. Она была одарена даром человеческого общения и обаяния. Это было врожденное, а не благоприобретенное качество…»

Свидание с красной императрицей

Некоторые истории, казавшиеся случайными, оказывают большое влияние на нашу жизнь. Таким важным эпизодом стала встреча Екатерины Алексеевны Фурцевой с Цзян Цин, женой главы народного Китая Мао Цзэдуна. Цзян Цин – четвертая и последняя жена Мао – стала самой могущественной женщиной в мире. Она не пожелала жить в тени великого человека и состариться в неизвестности.

Доктор исторических наук Анастасия Ивановна Картунова работала младшим референтом в секторе стран

Дальнего Востока отдела внешней политики ЦК партии. Ей, знавшей китайский язык, поручили заниматься женой Мао, которая несколько раз приезжала в Москву.

«Выглядела она всегда элегантно, – рассказывала Анастасия Картунова, – благодаря изящной фигуре, умению носить одежду (она одинаково привлекательно выглядела как в брючной паре, так и в платье, которое надевала только в жаркие дни да во время приема гостей и выездов) и отработанной манере поведения. У нее были живые черные глаза миндалевидной формы, правильные черты лица со слегка выдающимися вперед зубами. Гладко зачесанные назад блестящие черные волосы с тугим узлом сзади. Тонкие кисти рук. При хорошем расположении духа она заразительно, весело смеялась… Она как-то точно «угадывала», с кем и как следует себя вести. Думаю, помогала ей и школа шанхайской киноактрисы в прошлом…

Состоялось специальное решение о том, что поздравить Цзян Цин с годовщиной провозглашения КНР поедут Екатерина Фурцева (в то время секретарь МГК КПСС) и Людмила Дубровина (в то время заместитель министра народного образования РСФСР) … Я купила в художественном салоне картину «Весна в Подмосковье»…

Сижу в машине напротив здания МГК КПСС в ожидании Екатерины Алексеевны Фурцевой. А ее все нет. Опаздывать нельзя. Поднимаюсь в ее приемную, прошу секретаря напомнить Екатерине Алексеевне, что ее ждут. Секретарь мнется, не решаясь войти в кабинет, и предлагает мне войти. Открываю дверь и вижу: Фурцева, стоя, что-то весьма резко выговаривает присутствующим на совещании. Увидев меня, дала знак – мол, одну минуту. И ее заключительная фраза:

– Приеду через два часа. Чтобы бумага лежала здесь!

И ударила ладонью по столу.

Мужчины встали и быстро вышли.

Уставшая Фурцева поправила прическу, и мы спустились вниз. У своей машины стояла Дубровина. Мы все втроем сели в машину Фурцевой по ее приглашению и двинулись в путь. Где-то минут через десять Екатерина Алексеевна, вдруг спохватившись, спросила:

– А с чем мы едем, что дарить будем жене Мао Цзэдуна?

Я ответила.

– Что же вы мне раньше не сказали? Я бы в московских подвалах такую картину подобрала…

Цзян Цин встретила нас в черном, облегающем фигуру платье с изящным украшением, как всегда, тщательно причесана, в черных замшевых туфлях на среднем каблуке. Вся отдохнувшая и сияющая. Полный контраст с нашими женщинами – общественными и государственными деятельницами – Фурцевой и Дубровиной, усталыми, не имевшими даже времени подготовиться к визиту».

Встреча с Цзян Цин не прошла даром для Екатерины Алексеевны. Она увидела, как выглядит, одевается и ведет себя жена крупного политического лидера, к тому же бывшая актриса. Ведь в те времена в Москву приезжало очень мало иностранцев, причем в основном мужчины. Фурцева умела учиться.

Женщина, с которой она познакомилась, Цзян Цин, была непомерно тщеславна и амбициозна. В последние годы жизни своего мужа она выдвинулась на первые роли в компартии Китая. Но вскоре после смерти Мао Цзэдуна ее лишили всех должностей и арестовали. На суде в 1977 году Цзян Цин приговорили к смертной казни с отсрочкой приведения приговора в исполнение на год. Позже смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Цзян Цин покончила жизнь самоубийством.

Как странно! Многие уверены в том, что Екатерина Алексеевна Фурцева тоже ушла из жизни по собственной воле. Но мы еще вернемся к этому…

Хозяйка города

Через год с небольшим после смерти Сталина, 26 мая 1954 года, Екатерина Фурцева была утверждена первым секретарем городского комитета партии. Ни одна женщина до нее не возглавляла столь крупную партийную организацию. К тому же Московский горком вывели из подчинения областному комитету, так что Екатерина Алексеевна стала полноправной хозяйкой огромного города.

В отношении Хрущева к Фурцевой не было ничего личного, что бы тогда ни говорили. Постель редко играла решающую роль в карьерном росте женщины, возможно, потому, что в партийный аппарат, словно нарочно, отбирали дам не слишком привлекательных. Екатерина Алексеевна, конечно, была приятным исключением. Но в отличие от Леонида Ильича Брежнева Хрущев хранил верность жене и с особами другого пола устанавливал исключительно деловые отношения. Кстати, снисхождения никому не делал и с женщин спрашивал, как с мужчин.

«Екатерина Алексеевна Фурцева, – считал Николай Егорычев, который вскоре сам станет хозяином города, – оставила о себе самую добрую память в Москве тем, что много сделала для развития города, занимая пост первого секретаря МГК КПСС. Была она женщина обаятельная, умная, образованная, хороший организатор, прекрасный оратор, человек с твердым характером и очень справедливая.

На ее женские плечи легла основная тяжесть работы по созданию в Москве базы строительства и стройиндустрии, и она блестяще справилась с этой задачей. Фурцева никогда не давала в обиду московские кадры, хотя сама могла критиковать довольно сурово. Мы чувствовали себя при ней как за каменной стеной».

Фурцева сыграла большую роль в строительстве Центрального стадиона в Лужниках. На этом месте стояла Воронья слободка – в котловане были склады, мастерские, свалки. Вид с Ленинских гор вызывал отвращение… Министр промышленности строительных материалов Павел Александрович Юдин сказал:

– Я не был бы министром, если бы не поддержал руководителя коммунистов Москвы, и не был бы мужчиной, если бы подвел такую очаровательную женщину.

И стадион в Лужниках построили очень быстро.

«Заняв «мужской» (по характеру работы) пост, женщины, как правило, под него подстраиваются, стремятся даже внешне

походить на мужчин, – рассказывал ее бывший подчиненный Дмитрий Квок, – задымят сигаретой, повелевающе повысят голос, а то и матерком пустят, не побрезгуют. Мол, и мы не лыком шиты. Ничего похожего не водилось за Фурцевой.

Всегда элегантная, модно одетая, в меру пользующаяся косметикой, она оставалась очень женственной. Мне казалось, что этим она хотела подчеркнуть: «Среди всех вас, мужчин, я одна женщина. Извольте считаться с этим!» И, как правило, попадала в цель. Редко кто мог отказать ей в какой-либо просьбе».

«У руководителей Москвы был свой дачный поселок, – вспоминал Виктор Туровцев. – Были деревянные на две семьи, но основная масса – кирпичные дачи на две, а то и на три семьи. Только у первых лиц были отдельные дачи. Казенная мебель, элементарные занавески, недорогие коврики… Был магазин, в котором можно было купить продукты, фрукты, овощи. В столовой можно было заказать еду с доставкой на дачу. Была баня, куда в один выходной ходили мужчины, а в другой – женщины. На территории находился кинозал, где по субботам и воскресеньям демонстрировались новые фильмы.

Два бильярдных стола пользовались большим вниманием отдыхающих. Проигравший должен был проползать под бильярдным столом. Это Екатерина Алексеевна установила такой порядок. Она сама великолепно играла в бильярд, при этом всегда выигрывала…»

Мужчины охотно работали с Фурцевой.

«Стройная, с копной светло-русых волос, с голубыми глазами, с хорошо очерченными припухлыми губами, она была женственная и притягивала к себе», – такой ее запомнил комсомольский и партийный работник Николай Месяцев.

– Мы прежде всего видели в ней женщину, – вспоминал Валерий Иннокентьевич Харазов, в ту пору секретарь Сталинского райкома партии Москвы, – аккуратную, следящую за собой, изумительно одетую. Екатерина Алексеевна производила на нас сильное впечатление, мы ею восхищались.

Валерий Харазов рассказал мне забавную историю, связанную с Фурцевой. Сталинский район столицы (потом он был переименован в Первомайский) был чисто промышленным. Ни одного творческого коллектива. Поэтому руководители района обрадовались, когда на площади Журавлева нашли сценическую площадку для Театра имени Моссовета, которым руководил народный артист СССР Юрий Александрович Завадский.

Завадский дисциплинированно являлся на все заседания, на которые его приглашал райком, открывал большой блокнот, доставал карандаши и, пока произносились речи, рисовал

декорации и костюмы для будущего спектакля. Все было прекрасно, пока секретарь партбюро театра не пришел в райком партии с тревожной информацией:

– Наш главный режиссер увлекся молодой актрисой. Он занят только ей. Мы были на юге. Завадский – у ее ног. Он говорит только с ней и только о ней. Это создает ненормальную обстановку в театре. В коллективе идут нехорошие разговоры. Райком партии обязан принять меры.

Первый секретарем райкома был Александр Григорьевич Яковлев, который прежде руководил райисполкомом, хозяйственник по натуре. Вторым секретарем работал Владимир Иванович Устинов, который впоследствии получит неожиданное назначение – его сделают начальником Девятого управления (охрана руководителей партии и государства) КГБ, а потом первым секретарем Московского горкома партии. Третьим секретарем – Валерий Харазов, который и рассказал эту историю.

Первый секретарь предложил, как положено, пригласить народного артиста Завадского и побеседовать с ним. Юрий Александрович пришел, достал свой блокнот, карандаши и, пока секретарь партбюро говорил о сложной обстановке в театре, молча рисовал.

Первый секретарь не выдержал и спросил Завадского:

– Ну, а ваше-то мнение каково?

Тот, продолжая рисовать, ответил:

– Я не отрицаю того, что рассказал секретарь партийной организации. Я увлекающийся человек. Но должен вам сказать, что творческий человек и должен быть эмоциональным. Он может увлекаться, без этого не будет хорошего настроения, вдохновения, полноценной творческой отдачи. Поэтому для меня это естественное дело.

Главный режиссер высказался откровенно и ушел, оставив секретарей райкома в полнейшем недоумении: а что теперь делать? Будь Завадский директором завода, его бы обсудили в коллективе и объявили бы ему взыскание. Но невозможно же так поступить с выдающимся деятелем отечественного театрального искусства.

– Я сейчас Фурцевой позвоню, – нашелся первый секретарь райкома.

Она была на месте и сняла трубку. Первый секретарь, воодушевленный правильно проведенной беседой, бодро доложил Екатерине Алексеевне:

– Главный режиссер Театра имени Моссовета ведет себя неправильно, в коллективе идут нехорошие разговоры, раздор. Допускать этого нельзя. Поэтому вынуждены были вызвать

товарища Завадского и поговорить с ним по-партийному.

Тут он замолк и стал слушать Фурцеву. Настроение у него изменилось на глазах. Дослушав, Яковлев повесил трубку и мрачно посмотрел на товарищей.

– Что Екатерина Алексеевна сказала? – поинтересовались Устинов и Харазов.

– Она сказала, – грустно повторил первый секретарь, – что вы, дорогие товарищи, плохо знаете обстановку в творческих коллективах. Поэтому лучшее, что вы можете сделать, это не влезать в их сложные взаимоотношения. Оставьте-ка их в покое.

Первый секретарь райкома совсем расстроился и поник.

– Вот так, – с улыбкой заключил Валерий Харазов, – мы провели воспитательную работу с Юрием Завадским. Мне был урок на всю жизнь. Но я хочу обратить ваше внимание на реакцию Фурцевой. Она еще не была министром культуры, она руководила горкомом партии. Но ее позиция – не мешать людям искусства, не портить им жизнь, а заботиться о них…

Екатерина Алексеевна довольно быстро поняла, как сложно иметь дело с творческими людьми. Она, конечно же, еще не подозревала, что очень скоро сфера культуры станет ее жизнью.

Свадьба с приданым

Служебную удачу дополнило найденное наконец личное счастье. Когда Екатерина Алексеевна работала в московском партийном аппарате, она влюбилась в коллегу-секретаря – Николая Павловича Фирюбина. Он был всего на два года ее старше. Его считали капризным и избалованным женским вниманием.

Фирюбин был с треском снят с должности вместе с Георгием Поповым. В 1949 году его отправили на курсы переподготовки руководящих партийных и советских работников при Высшей партийной школе. Через два года выпускнику курсов подобрали невысокую должность – начальника технического управления исполкома Моссовета. Летом 1951 года повысили – сделали заместителем председателя Моссовета. Одному из недавних руководителей города не очень приятно было подчиняться тем, кто еще недавно просиживал в его приемной, ожидая, пока их вызовут…

Николай Павлович прошел жестокую школу жизни в сталинские времена. Иногда под настроение рассказывал эпизоды из жизни партийных работников. Однажды, когда Фирюбин был секретарем МГК, он пришел утром на работу и увидел на столе пепельницу из кабинета Сталина. У него в глазах потемнело.

Фирюбин помнил анекдот, который любил рассказывать член политбюро Андрей Жданов: «Сталин жалуется: пропала трубка. Говорит: «Я бы много дал, чтобы ее найти». Берия уже через три дня нашел десять воров, и каждый из них признался, что именно он украл трубку. А еще через день Сталин нашел свою трубку, которая просто завалилась за диван в его комнате». Жданов, рассказывая анекдот, весело смеялся…

Фирюбину было не до смеха: что про него подумают, когда узнают, что он прихватил из кабинета вождя пепельницу? Он позвонил помощнику вождя Александру Николаевичу Поскребышеву, покаялся.

– Нехорошо, – осудил его сталинский помощник. – Вы так весь кабинет растащите. Пришлите обратно фельдъегерем.

Опытный Поскребышев поинтересовался, кто накануне сидел рядом с Фирюбиным. Николай Павлович вспомнил:

– Паршин и Ванников.

Петр Иванович Паршин был наркомом машиностроения и приборостроения, а Борис Львович Ванников, начальник Первого главного управления, занимался созданием ядерного оружия. Поскребышев предположил, что это дело рук Ванникова.

Фирюбина предупредили, чтобы на совещаниях не садился с Борисом Львовичем. Тот любил такие шутки.

Роман Фурцевой и Фирюбина был предметов пересудов в Москве. В те времена разводы не поощрялись. Женщина должна была исполнять одну роль- самоотверженной жены и матери. Любовница – понятие отрицательное.

Николай Павлович Фирюбин не спешил рвать с прежней жизнью, уходить из семьи. Екатерина Алексеевна переживала, хотя больше всего старалась не показать своей слабости. Светлана Фурцева говорила о матери: «Мама всегда выглядела чуточку недоступной для мужчин – она находилась выше их обычного представления о женщине-жене… Но не думаю, что ее не интересовало женское счастье…»

Когда брак стал возможным, Екатерина Алексеевна была счастлива, хотя в доме ее сообщение о том, что она выходит замуж за Николая Фирюбина, встретили, мягко говоря, без восторга. Теща и падчерица его сразу невзлюбили.

«Бабушке он не нравился, – рассказывала журналистам Светлана Фурцева. – Фирюбин, еще будучи секретарем горкома, до нас тоже жил на даче в Ильичеве, и о его семье ходили разные слухи… Словом, бабушке пришлось ломать что-то внутри себя, принимая Фирюбина в дом».

Конечно же, это была ревность. Ни Матрена Николаевна, ни Светлана ни с кем не желали делить Екатерину Алексеевну.

«Мы все, – записала в дневнике Светлана Фурцева, – ревнуем маму: бабушка и я – к Николаю Павловичу, он – к нам, и все вместе – к работе».

Едва Екатерина Алексеевна и Николай Павлович стали жить вместе, как вмешалась большая политика, мешая их счастью. Фирюбина сделали послом в Чехословакии, затем в Югославии.

Николай Фирюбин преуспел на дипломатическом поприще. Для полноценной жизни ему не хватало рядом жены. В принципе посла всегда сопровождает жена. Она помимо всего прочего играет важную роль в работе посольства, нужна послу для организации приемов, для налаживания отношений с дипломатами других стран.

Но Екатерина Алексеевна не захотела пожертвовать карьерой, отказаться от своей роли хозяйки Москвы и удовлетвориться ролью жены. Она не поехала с мужем в Прагу. Учитывая особую ситуацию, в ЦК разрешили послу жить одному, что не дозволялось другим дипломатам.

Для брака длительная разлука не была благом. Фурцева переживала, не хотела отпускать надолго молодого мужа. Но и отказываться от посольского назначения было нельзя. Это же

была реабилитация, знак того, что старое забыто. Конечно, Николай Павлович предпочел бы видеть жену рядом. Но быть женатым на самой Фурцевой – это тоже льстило его самолюбию. Екатерину Алексеевну точно можно было назвать первой дамой страны, поскольку жены руководителей государства оставались в тени.

При этом в отношениях с женой он держался уверенно или, как говорят люди знающие, самоуверенно. Это была характерная для властных и высоко себя ценящих мужчин борьба за право быть хозяином в семье, они неизменно говорят:

– Я не люблю, когда на меня давят.

Комплексы и сомнения в себе самой не покидали ее даже в самые счастливые периоды жизни. Когда ей казалось, что муж ее обижает, половина ее существа вспыхивала от гнева, а вторая половина говорила себе: «Может быть, я слишком чувствительна. Может быть, я его чем-то обидела. Может быть, я напрасно пытаюсь все контролировать?»

И она отвечала:

– Прекрасно. Это ты будешь решать, когда нам увидеться вновь.

Когда она слишком подробно рассказывала о своих делах, он обижался: значит, она мало о нем думает, ее мысли заняты исключительно работой. Она замолкала. Столкнувшись с мужниным недовольством, она всякий раз сдавалась и говорила себе, что он прекрасный человек, но просто нуждается в поддержке с ее стороны.

У него были свои представления об отношениях в семье. Он привык, что жена ему угождает. Не стеснялся ее критиковать. Она очень ценила его и хотела сохранить хорошие отношения. Ей казалось, что сделать его счастливым – это и есть ее цель. Когда она протестовала, он становился суров, и она чувствовала себя несчастной. Словом, она ему подчинялась, чтобы избегать конфликтов, и иногда делала то, чего делать не хотела. Свет был не мил, когда муж на нее дулся. Ее страх был похож на страх маленького ребенка. Возможно, это есть порождение детской боязни строгих родителей: «Я сделала то, что маме не понравится. Я огорчила мамочку. Мамочка меня разлюбит».

Разумеется, Фирюбина часто вызывали в Москву, но разлука есть разлука. Плюс состоял в том, что Прага была европейской столицей, и благодаря Николаю Павловичу Екатерина Алексеевна стала современно одеваться. Уже в пятидесятые годы она выглядела много лучше московских дам. Конечно, в роли секретаря городского комитета партии не могла позволить себе экстравагантных и вызывающих нарядов, хотя завидная фигура

позволяла ей как минимум не отставать от моды.

Матриархат, патриархат и секретариат

XX съезд партии оказался историческим, сыграл особую роль в жизни нашей страны. Для Екатерины Алексеевны Фурцевой съезд оказался вдвойне важным – она была вознесена на вершину политической власти.

На первом, организационном, пленуме Центрального комитета после XX съезда партии, 27 февраля 1956 года, Хрущев вознес Фурцеву на олимп – сделал ее секретарем ЦК и включил в состав кандидатов в члены президиума. При этом еще почти два года, до 25 декабря 1957 года, она оставалась секретарем столичного горкома партии. Появление женщины в составе высшего руководства страны было событием. Екатерина Алексеевна стала первой после Елены Дмитриевны Стасовой (она была секретарем ЦК в 1919–1920 годах) женщиной на высшем партийном посту.

Секретариат ЦК ведал повседневной работой партийных комитетов, проверкой исполнения решений съездов и пленумов, решений политбюро, кадровыми делами. В практической жизни никакое сколько-нибудь важное назначение не производилось помимо секретариата. Ни одно министерство или ведомство в стране ничего не могло предпринять, не получив предварительного согласия секретариата ЦК.

В советские времена значение секретариата ЦК никому не надо было объяснять. Однажды Сталин, отдыхая в Мацесте, пошутил в узком кругу:

– История делится на три периода – матриархат, патриархат и секретариат…

Никита Сергеевич не зря считал Фурцеву своим человеком и продвигал. Екатерина Алексеевна пришла на помощь Хрущеву, когда летом 1957 года «старая гвардия» – Молотов, Маленков, Каганович и Булганин – решили свергнуть Никиту Сергеевича. В знак благодарности за 29 июня 1957 года он сделал Екатерину Алексеевну Фурцеву полноправным членом президиума ЦК. Это было громкое назначение. В следующий раз женщина войдет в состав политбюро уже при Горбачеве.

Фирюбина вернули в Москву, в октябре 1957 года назначили заместителем министра иностранных дел. Более высокой должности он уже не занял. Но по крайней мере теперь ничто не мешало Николаю Павловичу и Екатерине Алексеевне жить вместе. У Фирюбина тоже была дочь от первого брака, Фурцева очень хорошо к ней относилась. Супружеский союз казался крепким и удачным.

На XX съезде Николая Павловича Фирюбина избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. Так что они с Фурцевой были единственной супружеской парой, которая посещала пленумы Центрального комитета. Конечно, Фирюбину не очень нравилось, что жена занимает более высокое положение. Для советской семьи, прямо скажем, это было нетипично. Правда, заместители министра иностранных дел находились на особом положении, их постоянно вызывали на президиум ЦК, Никита Хрущев и другие руководители партии (которые редко бывали за границей и не знали иностранных языков) относились к ним уважительно, так что их нельзя было равнять с обычными заместителями министров.

Светлане Фурцевой еще не исполнилось восемнадцати, когда она вышла замуж за Олега Козлова. Свадьбу играли на даче Фрола Романовича Козлова.

«Приехали Хрущев, Брежнев с женами и детьми, – рассказывала Светлана. – Поэтому свадьба была как бы не моя. Пили в основном за Хрущева, иногда за новобрачных… Но все выглядело очень красиво. Столы накрыли в саду под белыми цветущими вишнями… Потом жили в двухэтажном особняке Козловых на Ленинских горах…»

Тамадой был Леонид Ильич Брежнев.

Светлана Фурцева еще училась, когда родила. Она сомневалась, хочет ли ребенка, – отношения с мужем не очень ладились. И опять же мама, теперь уже Екатерина Алексеевна, отговорила дочку от аборта. Все повторялось в этой семье. Девочку назвали Мариной – настояла свекровь. Светлана предпочла бы другое имя – Катя, в честь матери.

Светлана перешла на факультет журналистики Московского университета, где учиться было полегче, особенно на редакторском отделении. Потом работала в телевизионной редакции Агентства печати «Новости», которая помогала иностранным съемочным группам. Проработав в АПН три года, по настоянию матери пошла в аспирантуру, защитила диссертацию, работала в Институте истории искусств. Защитила диссертацию.

Семья распалась в 1968 году. Олег Козлов, ушел, когда дочке было пять лет. Екатерина Алексеевна возражала против развода дочери. Она сама десять лет после ухода мужа жила одна. Светлана Фурцева жила на Кутузовском проспекте с няней, которая растила ребенка вместо матери. Опять повторение семейной истории…

Светлана встретила другого мужчину. Игорь Васильевич был женат, у него росла дочь. Светлана не хотела называть журналистам его фамилию, объясняла туманно: «Работал он в

такой организации, где развод был равносилен краху карьеры». Журналисты сделали вывод, что ее новый избранник из разведки.

Игорь Васильевич все-таки решился уйти из семьи и переехал к Светлане. Брак оказался счастливым, но недолгим. Игорь серьезно заболел. И скоропостижно скончался по дороге домой. Светлана Фурцева больше не вышла замуж…

А вокруг ее первого мужа развернулась целая интрига. Американские исследователи уверяли, что сын Фрола Козлова и зять Екатерины Фурцевой был офицером КГБ. Летом 1966 года он приехал в США и предложил свои услуги ЦРУ. В подтверждение серьезности своих намерений выдал американцам одного агента советской разведки.

На деле это была комбинация, задуманная в КГБ. Он должен был на самом деле убедить Вашингтон, что Москва не причастна к убийству президента Джона Кеннеди, и заодно добраться до перебежчика – бывшего советского офицера Николая Шадрина. Тот служил на флоте и еще в 1959 году во время короткой стоянки в польском порту бежал в Швецию. Его переправили в США, дали новое имя – Николай Артамонов.

История эта сложная и запутанная. Разные источники излагают ее по-разному.

Сестра Олега Козлова Ольга Фроловна подала в суд на московских журналистов, которые об этом писали. Она сообщила, что ее покойный брат в комитете госбезопасности не служил. Олег Козлов окончил Московский институт стали и сплавов и трудился в конструкторском бюро «Салют», в Соединенных Штатах никогда не был и скончался в октябре 2001 года. При Хрущеве служба в КГБ, даже в разведке, не считалась такой уже престижной. В конце пятидесятых карьерные юноши из советской элиты выбирали себе другую стезю. Что касается детей высших руководителей государства, то им идти в разведку считалось нецелесообразным. Прокол или провал на оперативной работе за границей сына президиума ЦК привел бы к громкому скандалу, которого и спецслужбы, и государственный аппарат в целом старались избегать.

Если первый зять Фурцевой Олег Козлов не имел отношения к разведке, то о ком же идет речь?

Бывший генерал КГБ Вячеслав Ервандович Кеворков, служивший во Втором главном управлении (контрразведка), называет имя офицера, отправленного в Соединенные Штаты с заданием установить контакт с перебежчиком: «Качнов, который, кстати, был в то время зятем достаточно яркой личности в советском руководстве – Екатерины Фурцевой, члена ЦК КПСС и министра культуры».

Игорь Качнов был сотрудником Второй службы Первого главного управления КГБ СССР. Вторая служба – это внешняя контрразведка, ее обязанность выявлять вражеских агентов в собственных рядах. Руководил внешней контрразведкой Олег Данилович Калугин (ныне обвиненный в предательстве). Юрию Андропову нравился агрессивный вербовочный стиль работы Калугина, поэтому Олег Данилович стал самым молодым в КГБ генералом. Калугин пишет в своей книге, что делом Шадрина занимался его помощник. Так, может быть, речь идет о втором муже Светланы Петровны Фурцевой – том самом Игоре, профессию которого она старательно скрывала?

Ко времени появления Игоря Качнова в Соединенных Штатах бывший советский моряк Шадрин больше не представлял интереса для американской разведки, и Каинов смог с ним встретиться. Игорь привез ему письма от жены и сына, оставшихся в Ленинграде, и перевербовал: уговорил работать на родную страну, обещав прощение в обмен на информацию об американском военном флоте.

«Прибыв в США для вербовки Шадрина-Артамонова, – вспоминает генерал Кеворков, – Качнов обратился за помощью к ЦРУ, дав согласие на сотрудничество. Американские разведчики, оформив вербовку Качнова, дали указание одному предателю – Шадрину – завербоваться у вновь испеченного предателя Качнова».

Потом, впрочем, у КГБ возникли подозрения. Пришли к выводу, что Николай Шадрин на самом деле их обманывает, работает под диктовку ЦРУ. Тогда Шадрина выманили в Австрию, чтобы похитить. Во время операции что-то произошло. По одним рассказам бывшего морского офицера случайно убили, по другим – у перебежчика не выдержало сердце, когда ему вкололи слишком сильный седативный препарат….

Игоря Качнова, второго зятя Фурцевой, знал известный писатель Эдуард Хруцкий:

«У Игоря была удивительная особенность моментально знакомиться с девушками на улице… Он был умен, начитан, деликатен… Потом я узнал, что он перевел пьесу для театра «Современник». Вышел фильм по его сценарию… Меня это нисколько не удивило, Игорь рассказывал о своем интересе к изящной словесности, о том, что потихонечку пишет рассказы… И вдруг я узнал, что он скоропостижно скончался».

Но на этом история не заканчивается. Со слов генерала Кеворкова можно предположить, что и в отношении Игоря Качнова у руководства Комитета госбезопасности возникли сомнения. «То, что сам Качнов, – пишет Кеворков, – в это время

уже действовал по велению американцев, стало известно много позже». Удивляться нечему: в этой сфере подозрительность не знает границ…

Перерезанные вены

В пятьдесят седьмом году, одолев «антипартийную группу» и отправив в отставку маршала Жукова, Хрущев обрел всю полноту власти. Тем не менее в последующие годы он непрерывно убирал тех, кто стоит рядом. Всего три года Фурцева пребывала на вершине власти. Низвержение с Олимпа стало для нее полной неожиданностью.

4 мая 1960 года Никита Сергеевич в наступательном духе провел заседание президиума ЦК по кадровым делам – освободил Фурцеву от должности секретаря ЦК. В тот же день ее назначили министром культуры. Екатерина Алексеевна прекрасно понимала, что перевод в Министерство культуры – это опала, удар.

«О Фурцевой отец дома ничего не говорил, – вспоминает Сергей Никитич Хрущев, – мне кажется, что он ее по-человечески жалел. Но политика жалости не приемлет».

Что же послужило причиной массовой чистки высшего эшелона партийного руководства? Почему Хрущев в один день разогнал своих ближайших помощников?

Точного ответа нет и по сей день. Считается, что чекисты записали вольные разговоры нескольких секретарей

ЦК, которые они вели в своих комнатах отдыха, попивая чай или более крепкие напитки. Ничего крамольного они не говорили, лишь позволяли себе критически оценивать поведение Никиты Сергеевича.

Удивительно, что секретари ЦК с их-то политическим опытом оказались столь наивными. Не предполагали, что их могут прослушивать? Возможно, опрометчиво считали, что они так много сделали для Хрущева, что он век будет им благодарен?

Есть и другое объяснение. Секретарей ЦК вытеснил с Олимпа Фрол Романович Козлов, избавлявшийся от соперников. Он убедил Хрущева в том, что существует опасная «группа Игнатова», в нее входят Аристов и Фурцева. Козлов с Фурцевой женили детей, стали родственниками, но борьба за власть оказалась сильнее чувств к сватье.

Впрочем, скорее всего, смена кадров – единоличное решение Хрущева. Никита Сергеевич не из тех, кто полагается на чужое мнение. Он был человеком увлекающимся. Понравившегося работника мог поднять на головокружительную высоту, но, быстро разочаровавшись, с той же легкостью расставался с недавним любимцем и продвигал нового.

Еще год с лишним, до XXII съезда партии, Екатерина Фурцева оставалась членом президиума ЦК. Фурцева, возможно, до

последнего момента на что-то надеялась, рассчитывала, что опала будет недолгой, Хрущев передумает и вернет ее на партийную работу. А может, наивно полагала, что Никита Сергеевич хотя бы сохранит за ней партийное звание. Тогда и министерский пост не страшен. Главное – участвовать в заседаниях президиума ЦК, где решаются все важные вопросы. Это определяет статус и положение чиновника.

На вечернем заседании 30 октября 1961 года бывших секретарей ЦК – Игнатова, Аристова, Фурцеву, Мухитдинова – вновь избрали в состав Центрального комитета.

Об этом было объявлено на съезде. Вечером 31 октября собрался первый пленум нового созыва. Но в состав президиума ЦК их уже не включили. Они узнали об этом заранее, потому что тех, кого ждет высший пост, заранее фотографируют.

Это стало для Екатерины Алексеевны страшным ударом. Испытав публичное унижение, Фурцева, можно сказать, была раздавлена тем, что ее не включили в состав президиума ЦК…

Николай Игнатов и Аверкий Аристов смолчали (хотя Игнатов затаил обиду – он станет одним из самых активных организаторов смещения Хрущева в 1964 году). А вот Нуритдин Акрамович Мухитдинов, Екатерина Алексеевна Фурцева и ее муж Николай Павлович Фирюбин в знак протеста не пришли на вечернее заседание съезда. Это было воспринято как невиданная демонстрация, как вызов Хрущеву и всему партийному руководству.

Екатерина Алексеевна Фурцева, переживая случившееся, пыталась уйти из жизни.

Рассказывали разное: вернувшись домой, Фурцева закрылась в ванной. Подруга пришла к ней в гости и удивилась, что ей не открывают. Она забила тревогу. Взломали дверь и обнаружили Фурцеву, истекающую кровью. Так ее удалось спасти…

«Сильно подвыпив с горя, – пишет Сергей Хрущев, – а Екатерина Алексеевна злоупотребляла алкоголем, она попыталась вскрыть себе вены. Но рука дрогнула, и самоубийство не удалось. Возможно, она и не собиралась расставаться с жизнью, а просто по-женски пыталась таким образом привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, но ее поступок произвел противоположный эффект».

Да, готовых и способных сочувствовать оказалось немного.

Светлана Фурцева рассказывала, что никогда не задавала матери вопросов об этой драматической истории:

«Я понимала, что катастрофа для мамы заключалась не только в том, что ее вывели из состава президиума. Оскорбляло то, как это было сделано. Потрясло предательство».

Екатерина Алексеевна Фурцева считала, что ее предал Хрущев, которому она так преданно помогала.

Разбирательство проходило в Кремле уже 9 марта 1962 года.

Екатерина Алексеевна умоляла товарищей поверить, что она тяжко болела. Николай Фирюбин тоже признал свою вину, но просил понять его положение:

– Иначе я не мог поступить.

Суслов, Козлов и Рашидов подготовили проект решения о выводе Фурцевой и Мухитдинова из состава ЦК КПСС. Козлов хотел откреститься от своей родственницы Фурцевой, которая повела себя неправильно…

Но время уже прошло, Никита Сергеевич остыл и проявил снисходительность. «Экзекуций отец не любил, – пишет Сергей Хрущев, – а Фурцеву к тому же попросту жалел: дура-баба».

– Поступок сложный, – скорее сочувственно говорил Хрущев о Фурцевой. – Я понимаю ее огорчение, когда на съезде не избрали в президиум. Но люди оценили ее поступок как протест против партии. По работе – ничего плохого не скажу. В острых вопросах – всегда держалась. Характер, правда, неважный. Я говорил ей: «То вы с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым». Но в принципиальных вопросах держалась твердо… А тут такой нехороший поступок.

Хрущев тем не менее учел раскаяние Екатерины Алексеевны и предложил в решении записать: отсутствовала вследствие заболевания. Относительно Фирюбина распорядился: за неправильное поведение указать.

Что касается Фурцевой, Хрущев так и не сменил гнев на милость. Он выражал недовольство ее работой и в Министерстве культуры. На заседании президиума ЦК 26 июля 1962 года Никита Сергеевич развивал одну из своих любимых идей – в стране перепроизводство артистов. Театральные вузы вообще не нужны, нужно в артисты отбирать талантливых людей через самодеятельность.

– Но кто этим занимается? – негодовал Хрущев. – Министерство культуры? Нет. Там руководство недостаточно квалифицированное. Секретариату ЦК надо с этим разобраться.

Это поручение не сулило Фурцевой ничего хорошего. Но у Хрущева руки не дошли до кадровых перемен в Министерстве культуры.

17 сентября 1964 года, на последнем заседании президиума ЦК перед отъездом в отпуск (из которого он вернется уже пенсионером), Хрущев прикидывал, кого выдвинуть на грядущем съезде партии. Вернулся к кандидатуре Фурцевой и с сожалением заметил:

– Неровная. Никогда нельзя быть в ней уверенным. Так что наметить для выдвижения женщин помоложе. Пусть секретариат посмотрит.

В словах Хрущева сквозило недовольство Фурцевой. Екатерина Алексеевна явно могла потерять и министерское кресло. Но через месяц Никиту Сергеевича самого отправили на пенсию. Фурцева осталась министром.

Кое-какие надежды вспыхнули у Фурцевой, когда в октябре Хрущева сняли со всех должностей. Она присутствовала на пленуме ЦК, который поставил точку в карьере Хрущева. Голосовала вместе со всеми. Но Леонид Ильич Брежнев ее не жаловал и на партийную работу не вернул.

Екатерина Алексеевна до конца жизни не смирилась с низвержением с Олимпа. Сказала однажды в сердцах Юрию Петровичу Любимову, главному режиссеру Театра на Таганке:

– Вы думаете, только у вас неприятности? Мои портреты ведь тоже носили, а теперь, вот видите, сижу тут и с вами говорю.

На идеологическом фронте

В партийном руководстве тех лет все были догматиками. Но Екатерине Фурцевой катастрофически не хватало общей культуры и образования, поэтому ее выступления на идеологические темы производили особенно мрачное впечатление.

– Всем известно, какую жесточайшую борьбу и наступление ведут все наши враги на идеологическом фронте, – наставляла аудиторию Фурцева. – Работают сотни радиостанций, сотни газет, и все направлено на то, чтобы добиться раскола единства социалистического лагеря, чтобы подорвать авторитет нашей страны.

Екатерина Алексеевна повторяла написанные ей помощниками речи, возможно, не отдавая себе отчета в собственных словах. На Советский Союз и социалистические страны действительно вещали несколько радиостанций. Аудитория у них была сравнительно небольшая. Считать, что в конце пятидесятых годов передачи иностранного радио как-то влияли на ситуацию в стране, нелепо… Конечно, о положении в Советском Союзе периодически писала вся мировая пресса, но в нашу страну она вовсе не попадала. С иностранными газетами и журналами знакомился в спецхранах только узкий круг идеологических чиновников.

Но западное влияние было привычным объяснением «негативных явлений», то есть попыток советских людей разобраться, что происходит, и высказать собственное мнение. Все высшие идеологические чиновники начинали в сталинские времена, выучка у них была соответствующая.

С 28 июля по 11 августа 1957 года в Москве под лозунгом «За мир и дружбу» проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, ставший огромным событием. Никогда еще не было такого широкого и практически неконтролируемого общения с иностранцами. Разнообразное начальство, привыкшее жить за железным занавесом, само было напугано и пугало других.

Накануне фестиваля Екатерина Фурцева предупреждала московских чиновников:

– Есть слухи, что завезут инфекционные заболевания. Начали проводить прививки. В то же время было отмечено четыре случая каких-то уколов в магазинах, когда девушка стояла в очереди за продуктами, подходит человек, делает укол в руку. Пострадавшие находятся в больнице, состояние их хорошее. Это делается врагами, чтобы создать панику вместо торжества… Главное, что мы недооцениваем советских людей, их патриотизм. Зимой

приезжала делегация американцев, среди делегатов был корреспондент-разведчик. Идут по Москве и видят – навстречу пьяный в спецовке, сейчас же корреспондент его сфотографировал, поинтересовался, кто он такой, обратился к нему на ломаном русском языке: «Где работаете, сколько зарабатываете? Вид не очень приличный, плохо, наверное, живете?» На это рабочий ответил: «Живу я очень хорошо, у меня жена, семья, все обеспечены, даже на водку деньги остаются. Пойдемте ко мне в гости, я вас угощу». Тогда американец смутился. Когда наши представители пошли к этому рабочему узнать, кто он и где живет, оказалось, что он простой слесарь-ремонтник, живет на восьми метрах в полуподвальном помещении с семьей в пять человек. После этого мы ему дали квартиру. Человек в пьяном виде мог так отпарировать. Наши люди – безусловно, честные, более патриотичные, чем другие нации…

Фурцева вновь и вновь ощущала, как изменилось ее положение в иерархии власти. Пока она была в ЦК, ее просили разрешить или запретить. Когда ее ограничили Министерством культуры, ситуация стала обратной. Теперь

Екатерина Алексеевна обращалась в ЦК за разрешением, а ее бывшие подчиненные решали: согласиться с ее мнением или отвергнуть. При слабом лидере сила аппарата становится огромной. Это и произошло в брежневские годы. Многое решается путем личных отношений, так рождается искусство ладить с аппаратом.

Екатерина Алексеевна Фурцева руководила Министерством культуры четырнадцать с лишним лет, до самой смерти. Оценивают ее роль по-разному.

– Кто-то дал Хрущеву плохой совет, потому что Фурцева никак не должна была быть министром культуры, – говорил мне бывший первый секретарь Московского горкома Николай Григорьевич Егорычев. – Те ее качества, которые высоко ценились, – напористость, организационные способности, твердость характера, – часто играли отрицательную роль на ее новой работе. Мне кажется, это Суслов такое подсказал Хрущеву. А для Фурцевой эта была трагедия всей жизни.

Екатерине Алексеевне не хватало образования и кругозора. В определенном смысле она так и осталась секретарем райкома… И вместе с тем на посту министра она изменилась. Фурцева поддерживала идеи международного культурного обмена, хотела, чтобы советский зритель видел лучшие образцы мирового искусства, а мир – восхищался достижениями отечественных мастеров. Ирина Александровна Антонова, директор Музея

изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, вспоминала: «У нее была страсть к масштабным проектам. Вывезла шедевры Эрмитажа, Третьяковки, Русского и Пушкинского музеев в Японию без страховки под личную ответственность – она умела рисковать».

Фурцева привезла в Москву «Джоконду» и французских импрессионистов. Благодаря Фурцевой в Советский Союз приехал итальянский театр «Ла Скала», дирижировал Герберт фон Караян. А Большой театр отправился в Милан.

ВЛа Скала по соглашению с Министерством культуры стажировались советские певцы. Директора Ла Скала Антонио Гирингелли даже считали поклонником Екатерины Алексеевны.

Благодаря умению Екатерины Алексеевны дружить Третьяковская галерея получила картины из коллекции покинувшего Россию в Гражданскую войну художника Савелия Абрамовича Сорина, ученика Ильи Репина. Савелий Сорин, популярный живописец-портретист, рисовал знаменитых европейцев. Его вдова Анна Степановна сблизилась с министром культуры и привезла в Россию не только работы покойного мужа, но и рисунки Александра Николаевича Бенуа, который с 1926 года жил во Франции. Надя Леже тоже много дарила. Выходец из Витебска Марк Шагал передал Пушкинскому музею семьдесят пять своих литографий…

Фурцева покровительствовала американскому певцу Дину Риду. Крайне левый по взглядам, он уехал из Соединенных Штатов, выступал и снимался в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Фирма «Мелодия» дважды выпускала долгоиграющие пластинки с его записями. Фурцева ему симпатизировала. К Новому 1972 году Екатерина Алексеевна отправила Дину Риду и его подруге Эве шампанское и конфеты. В феврале 1972 года благодаря Фурцевой певцу сделали небольшую операцию в Центральной клинической больнице Четвертого главного управления Министерства здравоохранения СССР и потом отправили в санаторий «Барвиха», предназначенный для высшего начальства. Но ей не удалось раздобыть для него московскую квартиру.

В 1973 году Дин Рид обосновался в ГДР, где жил до самой своей смерти в 1986 году. Его нашли утонувшим в озере. Похоже, он совершил самоубийство. Судьба Фурцевой еще раз пересеклась с человеком, который предпочел добровольно уйти из жизни…

«Фурцева была высокоинтеллигентным человеком, – считал певец Муслим Магомаев. – Незаурядная личность. После нее на этом посту такой личности уже не было. Был еще Демичев – человек мягкий, тонкий. Но ему не хватало ее мужества. Она

была лидер. В гневе была страшна, ее побаивались. Но те, кто хорошо ее знал, уважали».

Министерству культуры СССР непосредственно подчинялись только Кремлевский Дворец съездов, Большой театр, Малый и МХАТ. Остальными театрами ведали республиканские министерства культуры. Но многие проблемы приходилось решать самой Фурцевой. С одной стороны, только она одна, известный в стране человек, способна была помочь. С другой, лишь Екатерина Алексеевна могла справиться со знаменитыми режиссерами и актерами, у которых были поклонники в высшем эшелоне власти. Фурцева должна была удерживать их в рамках генеральной линии. Но не обижать, не доводить дело до скандала. И заботиться о том, чтобы мастера сцены радовали зрителя (иногда этим зрителем был первый человек в стране) новыми успехами.

Иногда это оказывалось для нее невыносимо трудно!

Желающих запретить было множество, а брать на себя ответственность и разрешать никто не хотел. Иногда она шла наперекор цензуре, брала ответственность на себя. Но чаще должна была – или хотела – помешать появлению на сцене того, что считалось недозволенным. А не дозволялось очень многое.

Запрещение спектакля не было личной инициативой министра. Идеологическая ситуация в стране, атмосфера запретов практически ставила крест на всем, что казалось опасным отступлением от генеральной линии. Большинство решений принималось в тиши кабинетов, советская власть была анонимной. Фурцева же в силу должности оказалась на авансцене, и объявлять о запретах приходилось ей самой.

Слишком чувствительна!

Говорят, что с ней тяжело было работать, что она и сама могла быть жестокой и беспощадной. Привыкла к роли вершителя судеб и к власти над людьми. Странно, что ее не окрестили «железной леди». Хотя… само это понятие родилось позже, уже после ухода Фурцевой из жизни. Да она и не была железной! Для человека с ее политической карьерой она была, пожалуй, чересчур чувствительной.

«Все в ней было перемешано густо, – писал драматург Леонид Зорин, – с какой-то отчаянной расточительностью – благожелательность и застегнутость, вздорность со склонностью к истеричности и неожиданная сердобольность, зашоренность и вместе с тем способность к естественному сопереживанию, подозрительность и взрыв откровенности…

Страстность, порывистость, женская сила и – безусловная нереализованность, было ясно, что жизнь ее несчастлива, в ней существует печальная тайна, что-то отторгнуто и отрезано. Но прежде всего, но над всем остальным – неукротимое честолюбие. Оно-то ее и погубило, она не смогла пережить опалы…»

В ней были природное обаяние, решительность, готовность сказать не только «нет» (что характерно для чиновников), но и «да». В ее искренности мало кто сомневался. Драматург Самуил Алешин вспоминал, как только что назначенная министром культуры Фурцева впервые беседовала с писателями, сочинявшими для театра.

– Не понимаю я вас, драматургов! – наивно недоумевала Екатерина Алексеевна. – Что вам надо? Вот недавно я была на ткацкой фабрике. Видела одну ткачиху. Она получила орден Ленина за тридцать лет беспорочной службы. И за все эти тридцать лет ни одного конфликта! Вот, о чем надо пьесы писать. А вам все какие-то конфликты нужны! Ну зачем?

«И она, искреннее недоумевая, начала поправлять свои золотистые роскошные волосы. Так как при этом ее стройная фигурка очень славно изогнулась, а бюст дразняще приподнялся, то Фурцева, наверное, сочла, что убедила нас как словесно, так и визуально. Очевидно, в тех партийных кругах, откуда она к нам произросла, такие аргументы, особенно визуальный, действовали безотказно. Неотразимо».

Постепенно она прониклась интересами театра и, шире говоря, искусства, чаще брала сторону не чиновников, а людей творческих. К ней можно было прийти, поговорить по душам, и она была готова выслушать, понять и помочь. И защитить.

Екатерина Фурцева всегда очень хорошо выглядела, следила за собой. Делала гимнастику, научилась играть в теннис (тогда еще не такой модный), регулярно бывала в сауне. Пила кофе без сахара. Рассказывают, что, узнав о французском препарате «градицин» (для похудания), она его раздобыла и принимала, несмотря на побочный эффект – головокружения.

«Прекрасная фигура подчеркнута элегантным строгим платьем, – вспоминала Нами Микоян. – Русые волосы волнисто обрамляли лоб, высокий шиньон возвышался на затылке. (Эту прическу потом делали многие работавшие в номенклатуре «дамы», из-за чего их, посмеиваясь, называли «Фурцева для бедных»).

Екатерина Алексеевна всегда была подтянута, строго, со вкусом одета, красиво причесана. Около ее рабочего кабинета находилась маленькая комната, где стоял шкаф с ее платьями и со всем, что необходимо для вечерних мероприятий».

Хорошо одеться даже министру было непросто. Конечно, ее обслуживало ателье Управления делами Совета министров, но ей хотелось выглядеть оригинально. Не забывала, что она – единственная женщина-министр в стране. А купить что-то было так трудно! Коррупция в брежневские времена приняла широчайший характер, поскольку вся жизнь человека зависела от армии чиновников. Сегодня размер тогдашних взяток кажется смехотворным, но ведь и уровень жизни был иным. Поездки за границу имели прежде всего экономический смысл – можно было купить то, чего на территории Советского Союза вовсе не существовало.

Министр Фурцева, по словам певицы Галины Вишневской, охотно принимала подношения от артистов:

«Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году, положила ей в руку четыреста долларов – весь мой гонорар за сорок дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, десять долларов в день.

Просто дала ей взятку, чтобы выпускали меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала:

– Спасибо…»

Фурцева поехала на Каннский кинофестиваль. Она со многими познакомилась во Франции. И подружилась с Надей Ходасевич-Леже, русской женщиной, уроженкой Витебска, вдовой близкого к коммунистам французского художника Фернана Леже.

«Мама влюбилась во Францию, – рассказывала Светлана

Фурцева. – Смеялась, что просто не может отступить от русской традиции – поклоняться всему французскому. Надя подсказала ей, где одеваться. У мамы теперь появились вещи от Ланвена, да и духи «Арпеж» очень ей подходили».

Дело-то было не в том, чтобы выяснить адреса модных магазинов и названия косметических фирм, а в том, чтобы все это купить! Но денег у Фурцевой не было. Даже союзному министру полагались сравнительно небольшие командировочные. На помощь пришли щедрые подруги. Практичная Надя Леже не приезжала в Москву с пустыми руками.

«Надиными стараниями, – вспоминала Галина Ерофеева, жена известного советского дипломата, – Фурцева стала появляться на приемах в вечерних туалетах от парижских кутюрье со всеми соответствующими туалетам аксессуарами и выглядела ослепительно, о чем могу свидетельствовать лично.

Кинорежиссер Сергей Иосифович Юткевич не без возмущения и со злой иронией рассказал нам, как Надя привезла ему на вокзал к отходу поезда огромный чемодан, а на его недоуменный вопрос о причине его неподъемной тяжести объяснила, что Екатерина Алексеевна обставляет новую квартиру и ей нужны занавеси на окна и соответствующая обивка».

Екатерина Алексеевна всю жизнь провела на руководящих должностях, но не обрела вальяжно-начальнических манер.

«Ничего в ней не было служебного – ни в одежде, ни в походке, ни в манере разговора, – рассказывал драматург Виктор Розов. – Она умела быть и удивительно домашней, и деловой до сухости, и яростной до безудержности, но при всем этом оставаться нормальным человеком.

Была у нее и одна слабость: она не любила мужчин, которые видели в ней только чиновника. Бабьим чутьем она ощущала, для кого она только руководящая единица, а для кого сверх того и женщина. Лично мне эта черта в ней нравилась. В самом деле, нельзя же разговаривать даже с министром, не учитывая того, что министр – женщина. По-моему, для любой женщины это оскорбительно…»

Фурцева была главным гостем на юбилейном вечере президента Академии художеств Николая Васильевича Томского. Провозгласила тост:

– Дорогой Николай Васильевич! Правда ли, что мы тут празднуем твое семидесятилетие? Что-то мне не верится. Помнишь, как обнял меня однажды по случаю, – не то что ребра, все косточки затрещали. Ну-ка, обними Фурцеву еще разок и покрепче, и я скажу, семьдесят тебе или обманываешь.

Томский крепко обнял Екатерину Алексеевну, и она громко

сказала:

– Есть еще порох в пороховницах.

Зал весело засмеялся.

Однажды, по словам писателя Андрея Яхонтова, Екатерина Алексеевна вызвала к себе одного из солистов Большого театра Зураба Анджапаридзе:

– У тебя любовь с Галиной? Заканчивай. Потому что ее муж в неистовстве. Хочет разводиться. Может совершить бог знает какие поступки. А мы хотим его сохранить. Если совсем не можешь без служебных романов, ищи Галине замену.

– Ей нет равных, – ответил известный сердцеед. И, подумав, добавил: – Если только вы…

Фурцева дала ему пощечину. Он встал и пошел к двери. Когда он уже взялся за ручку двери, Екатерина Алексеевна его окликнула:

– Зураб!

Он оглянулся.

– Я подумаю, – сказала Фурцева.

Анджапаридзе оценил способность министра и женщины снять неловкость дурацкой сцены.

Женщины в министерстве не без зависти шептались, что Фурцева сделала пластическую операцию (что было тогда редкостью) и сразу улетела в Сочи. Когда вернулась загоревшая и отдохнувшая, никто и не заметил, что она преобразилась с помощью медицины. Уже не в юном возрасте Екатерина Алексеевна продолжала волновать мужское воображение. Ее указания помощники исполняли с воодушевлением. Она производила впечатление на них и как женщина. В их желании служить министру был и несомненный эротический мотив.

Фурцевой всегда хотелось доказать, что ей под силу все, на что способны мужчины. Она умудрялась выглядеть одновременно женственной и сильной. Ей, возможно, нравилось унижать мужчин и утверждать естественное превосходство женщин. Общество восхищалось ее силой, но жаждало увидеть следы тщательно скрываемой женской слабости.

Екатерина Фурцева дружила с певицей Людмилой Георгиевной Зыкиной. Уверяли, что на даче у певицы министр крепко выпивала.

– Все мы не без греха, – отвечала Зыкина. – Но могу сказать одно: Фурцеву часто вынуждали выпивать, ее просто спаивали. То и дело на приемах, на разных мероприятиях подходили артисты с бокалами, каждый считал за честь представиться, выпить вместе.

За столом, когда спрашивали, что ей налить, Екатерина Алексеевна отвечала одинаково:

– Я всегда с мужчинами, я пью водку.

С годами, когда жизнь перестала ладиться, она стала злоупотреблять горячительными напитками. Говорили, что пить она не умела, быстро пьянела. Вечерами у нее в министерстве собиралось ближайшее окружение. Они охотно составляли ей компанию, а заодно выпрашивали у министра то, что им было нужно.

Людмила Зыкина все это отрицала:

– Когда Фурцева была со мной, я стопроцентно могла гарантировать: она никогда не будет пьяной. Потому что я всегда вместо водки наливала в рюмку воду.

В 1972 году умерла мать, Матрена Николаевна, у которой министр по струнке ходила. Для Екатерины

Алексеевны это был удар. Она зависела от матери, нуждалась в ее постоянном одобрении. Вместе с тем ей никогда не удавалось добиться полного одобрения – все время она должна была еще что-то сделать…

Говорят, что девушки выходят замуж за своих отцов, то есть инстинктивно ищут мужчину с привычными чертами характера. Фурцева же, пожалуй, вышла замуж за свою мать! Мать заставляла ее жить в бешеном темпе: не позволяй себе отдыхать и расслабляться, двигайся от хорошего к лучшему.

Точно так же строились ее отношения с мужем. Она нуждалась в его расположении. Уловить это было нетрудно. Она попала в психологическую зависимость от мужа. Понимала умом, что не в состоянии угодить ему во всем, но пыталась. Получалось, что единственный способ заставить его быть нежным – угадывать и исполнять все его желания…

«Была влюбленность в Фирюбина, ее второго мужа, – вспоминала Нами Микоян. – Я видела начало этого брака, увлечение рыбалкой – в отпуске она на рассвете уезжала на катере в море, почти на весь день, потом сама коптила выловленную рыбу, всех угощала вечером, долго плавала в море, иногда совершала очень долгие прогулки в горы – это было в Пицунде, на даче грузинского Совета министров. Уезжая оттуда, она свои летние сарафаны, платья оставляла горничным, работавшим на даче, о чем они радостно перешептывались.

Личная жизнь ее расклеивалась, хоть внешне все оставалось по-прежнему. Но Фирюбина раздражало ее высокое положение, которое всегда превышало его, довлело над ним. О своей неудачной жизни с мужем она много рассказывала одной из близких подруг – художнице Наде Ходасевич-Леже, тоже сильной и умной женщине…»

Каково быть мужем бабушки?

Подруги знали, что на душе у нее неспокойно.

– Екатерина Алексеевна, – рассказывала потом и Людмила Зыкина, – часто говорила о том, что ее никто не понимает, что она одинока и никому не нужна.

Надо понимать, она имела в виду мужа, Николая Павловича Фирюбина.

– У меня с ним тоже были сложные отношения, – вспоминала Светлана Фурцева. – Он был человек увлекающийся, но, на мой взгляд, никогда ничем не умел дорожить… Последние годы были сложными… Прежде всего потому, что Фирюбин очень плохо старился. Разницы в возрасте у них практически не было, но Николай Павлович, в отличие от мамы, чувствовал свои годы. Часто не совсем деликатно повторял: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки». Признаться, мне трудно быть к нему объективной. Но женского счастья он маме не дал…

Насколько справедливы эти упреки? Сам Николай Павлович о своих отношениях с Екатериной Алексеевной не рассказывал. Во всяком случае публично. Он умер еще до того, как журналисты получили возможность задавать личные вопросы.

Когда-то Фирюбину было лестно оказаться мужем секретаря ЦК. Да и мужем министра культуры – известной всему миру знаменитой Фурцевой тоже приятно. Но все проходит. С годами отношения в семье менялись. Позиции жены, министра культуры, напротив, ослабли – все знали, что Леонид Ильич ее не жалует. Наверное, что-то осталось со старых времен, когда Брежнев и Фурцева были в ЦК на равных. Похоже, Леонид Ильич не прочь был сменить министра культуры. И каждая скандальная история на культурном фронте усиливала его неприязнь к Екатерине Алексеевне.

А у Екатерины Алексеевны и без того возникли серьезные проблемы. Все началось с того, что она занялась постройкой собственной дачи и имела неосторожность попросить о помощи «подведомственные учреждения». Желающих посодействовать министру строительными материалами и рабочей силой оказалось множество. Как же не воспользоваться возможностью сделать министру приятное! При этом кто-то из посвященных, как водится, написал донос: Фурцева, нарушив государственную дисциплину и партийную этику, приобрела по льготным ценам строительные материалы в Большом театре.

Поскольку отношение к Фурцевой «на верхах» ухудшилось, то делу дали ход. Его разбирала высшая инквизиция – Комитет

партийного контроля при ЦК КПСС, которым руководил бывший руководитель Советской Латвии член политбюро Арвид Янович Пельше.

По традиции личная собственность считалась делом антипартийным. Все, что необходимо крупному работнику для комфортной жизни, ему давалось во временное пользование. Работникам ЦК прямо запрещалось строить собственные дачи. Если кто-то вступал в дачно-строительный кооператив, дело передавали в Комитет партийного контроля. Обычно предлагали сделать выбор: или работа в ЦК, или дачи.

Но в семидесятые годы времена менялись. Высшие чиновники видели: после ухода на пенсию все отнимут, да и детям хотелось что-то оставить. Поэтому руководители страны преспокойно обходили этот запрет и строили дачи на имя своих близких. Фурцева поступила неосмотрительно, записав дачу на свое имя.

Окончательное решение зависело от хама и самодура, низенького, с наполеоновским комплексом Андрея Павловича Кириленко, секретаря ЦК и члена политбюро. Ему благоволил Брежнев, и Кириленко упорно добивался места второго человека в стране, пока тяжелые мозговые нарушения не привели к полному распаду личности.

– Мама попросила только об одном, – рассказывала журналистам Светлана Фурцева, – дайте возможность создать комиссию и объяснить, кто строители или заказчик. Комиссию, конечно, не создали, потому что Кириленко важен был сам прецедент. Маме объявили выговор, а дачу – совершенно незаконно – постановили отобрать…

Екатерина Алексеевна признала, что допустила грубую ошибку, сдала дачу. Ей вернули двадцать пять тысяч рублей. Она положила их на книжку и написала завещание в пользу дочери.

Брежнев вроде бы решил Фурцеву не наказывать по партийной линии, удовлетвориться тем, что отправить на пенсию. А она сказала одной из подруг:

– Что бы там ни было, что бы про меня ни говорили, я умру министром.

Так и случилось…

24 октября 1974 года в Кремле был прием. Екатерина Алексеевна, вспоминали потом, ничего не пила… Вечером заехала к дочери, у них были гости – грузинский композитор Отар Васильевич Тактакишвили. Екатерина Алексеевна привезла арбуз – угостить гостей, посидела со всеми и поехала домой. Она позвонила дочери уже из квартиры.

– Почему у тебя грустный голос? – спросила Светлана.

– Тебе показалось.

Больше Светлана уже не увидит ее живой…

Теперь уж не узнать, что именно произошло поздним вечером 24 октября 1974 года, когда Фурцева вернулась домой. Они с Фирюбиным жили на улице Алексея Толстого. Говорят, что именно в тот день стало известно, что ее ждет пенсия, а Николай Павлович встретил другую женщину. Екатерина Алексеевна не выдержала двойного удара. Тоскливая жизнь брошенной мужем пенсионерки была не по ней…

Наверное, много раз она мысленно прикидывала, сможет ли жить без работы и без мужа? Эмоционально она полностью зависела от своего положения в обществе, от того, как на нее смотрят окружающие. И, конечно же, от мужа! Одиночество казалось самым страшным. Она даже не могла подумать о том, чтобы порвать с ним и начать все заново с другим человеком.

Не так-то просто обрести покой израненной душе. Как вернуться из глубины несчастья к нормальной жизни? Это мистическое путешествие. Чувства и страхи, испытанные в детстве, остаются навсегда и возвращаются вновь и вновь, особенно, когда мы не в силах справиться со своими проблемами. Она, наверное, понимала, что потеря отца – все это было давным-давно, но какая-то часть мозга по-прежнему воспринимает мир так, словно она еще маленькая девочка, оставшаяся без папы. Эмоциональная память заставляла ее вести себя так же, как она вела себя в детстве. Страх быть брошенной лишал ее возможности посмотреть на вещи реалистично.

Глубоко в ее душе сидел страх потери самого близкого человека. Понимала: подруги исчезнут, как только она перестанет быть министром. У дочери своя жизнь. В чем-то она напоминала людей, переживших блокаду. Прошло столько времени, но они бережно относятся к еде, постоянно боятся, что еда может закончиться, делают запасы. Изменить их взгляд на мир невозможно.

Она не в состоянии была справиться с фрустрацией. Многие сталкиваются с кучей проблем, но не впадают в отчаяние. Понимают, что всякий неуспех – дело временное, бывают неудачи и удачи. Но эту неудачу она не могла пережить. Казалось, ее ждет жизненная катастрофа.

После полуночи Светлане позвонил Николай Павлович Фирюбин:

– Мамы больше нет.

Когда приехали дочь с мужем, в квартире еще находилась реанимационная бригада. Доктор пытался успокоить Светлану:

– Даже если бы это случилось в больнице, врачи не смогли бы помочь.

Диагноз – острая сердечная недостаточность.

Одни говорили, что Екатерина Алексеевна отправилась в ванную и приняла горячий душ после немалой дозы алкоголя. Последовал сердечный спазм и… Другие уверяли, что в тот день Брежнев устроил ей разнос. Вернувшись домой, она проглотила горсть люминала… Все это слухи. Но по Москве пошли разговоры о том, что она вновь решила покончить с собой. И на сей раз попытка удалась.

– Этот вопрос со мной обсуждать сложно, – объясняла Светлана Фурцева, когда журналисты спрашивали ее о причинах смерти матери. – Я знаю то, что знают и остальные. Конечно, можно выстраивать разные версии, особенно по аналогии с шестьдесят первым годом. Мы с мамой никогда не обсуждали этой темы, но я уверена, что причиной расстаться в шестьдесят первом году с жизнью было не честолюбие, как некоторые сейчас представляют, а глубокая обида от предательства человека, которому она верила… Но в семьдесят четвертом, осенью, пик переживаний в маминой жизни уже прошел… Уверена, что никакого самоубийства не было. Я не хочу думать о неслучайности ее смерти, у меня нет для этого оснований.

Прощание с министром культуры устроили в новом здании МХАТ, к строительству которого она приложила столько усилий. Поминки – в Доме актера. Лучше всех сказал писатель Константин Михайлович Симонов, которого Фурцева когда-то разносила на секретариате ЦК:

– Екатерина Алексеева всегда имела смелость сказать «да» – и делала все, чтобы поддержать, помочь новому, порой только пробивающемуся. Имела смелость сказать «нет», и ее поступки всегда соответствовали сказанному.

Согласен, так говорить и поступать могла только большая, светлая личность…

Ее первый муж, Петр Иванович Битков, говорил дочери на похоронах, что всю жизнь любил только Екатерину Алексеевну. Он иногда заходил проведать дочь, хотел видеть внучку. Он ненадолго пережил Фурцеву и вскоре ушел в мир иной.

С годами о Екатерине Алексеевне Фурцевой говорят все лучше и лучше. Дурное забылось. Остались воспоминания о живом и душевном человеке.

Глава 5
Кулаков. Семейное торжество с роковыми последствиями

19 июля 1978 года на Красной площади хоронили Федора Давыдовича Кулакова, члена политбюро и секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Из высшего руководства почти никто не пришел проводить коллегу в последний путь. А ведь в Москве шептались, что Кулаков – один из вероятных наследников Брежнева на посту генерального секретаря. Только что к шестидесятилетию он получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Газеты сообщили, что он «скончался от острой сердечной недостаточности с внезапной остановкой сердца». Федор Давыдович был одним из самых молодых в политбюро, моложе его был только первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов, остальные много старше. Поэтому заговорили о том, что Кулаков умер не естественной смертью. Многие были уверены, что он застрелился. А есть и такие, кто полагал, что его убили.

Бывший первый секретарь Краснодарского крайкома Сергей Федорович Медунов, близко знавший Кулакова, говорил об этом открыто:

– На его поминках я понял такую вещь: Кулаков не умер, его застрелили. Кто-то увидел в нем соперника.

Недоброжелатели Горбачева говорят, что именно ранняя смерть Кулакова в 1978 году открыла дорогу наверх Михаилу Сергеевичу. Дескать, если бы Кулаков не умер, еще не известно, нашлось ли бы для Михаила Сергеевича место в Москве…

Покровитель Горбачева

Федор Давыдович Кулаков родился в 1918 году в крестьянской семье в селе Фитиж Курской области. О выборе жизненного пути долго не раздумывал: пошел учиться в Рыльский сельскохозяйственный техникум. Работал в Тамбовской области помощником управляющего отделением совхоза, затем агрономом и управляющим отделением сахарного комбината в Пензенской области. На фронт не попал, нужен был в тылу – на комсомольской работе.

Как раз в 1941 году его утвердили первым секретарем райкома комсомола, затем заведующим райземотделом. В 1943 году стал председателем райисполкома, потом первым секретарем Николо-Пестровского райкома партии. В 1944-м его забрали в Пензу, назначили заведовать отделом в обкоме, из обкома поставили начальником областного управления сельского хозяйства – вполне обычная по тем временам карьера.

В обкоме Кулаков познакомился с человеком, который сыграет важную роль в его жизни, – Константином Устиновичем Черненко, который с 1945 по 1948 год был секретарем Пензенского обкома партии. Вместе они проработали три года. В 1948-м Черненко отправили в Молдавию заведующим отделом пропаганды республиканского ЦК, где его приметит Леонид Брежнев. В 1964 году все трое встретятся в Москве, и мнение Черненко о Кулакове будет иметь значение для Леонида Ильича…

В 1950 году Кулакова назначили председателем исполкома Пензенского областного Совета, это уже заметная и самостоятельная работа. Пензу Федор Давыдович вспоминал с удовольствием. Уже будучи секретарем ЦК, часто наведывался в город. Вторым секретарем Пензенского обкома партии много лет работал Георг Васильевич Мясников. Он вел дневник, в записях часто упоминается Кулаков.

«23 марта 1973 года. Работу прервал звонок Ф.Д. Кулакова из Москвы:

– Как зима?

– Плохо с кормами. Прошу помочь. Возим солому с Алтая…

– Приедет Евдокия Федоровна. Прошу принять.

Сказал, что не надо беспокоиться, все сделаем хорошо… Трогательная забота о своей жене, хотя и не очень скромно…

30 марта. Позвонил Кулаков.

– Как дела? Корма дали.

– Пока Совмин РСФСР не подтвердил.

– Вчера поздно было политбюро. Генеральный подписал.

– Спасибо.

Доложил о заготовках. Все идет нормально. Спросил:

– Вы не собираетесь к нам?

– А что, хочешь, чтобы приехал?

– Нам было бы приятно.

– Сегодня выеду.

– Как с программой? Что показать?

– Смотри сам. Не больше двух часов».

Первого секретаря Пензенского обкома Льва Ермина не было в городе. Его надо было немедленно доставить в Пензу.

«Сразу вызвал Ростов, – записал Георг Мясников в дневнике. – Надо предупредить Льва, он еще в пути. Начал изучать маршруты, как его оттуда вытянуть. Договорился с «Аэрофлотом» послать пензенский Ан-24 под видом перевозки грузов… Позвал горожан, дал задание чистить город. Мудрим, что показать…»

Через несколько месяцев Кулаков вновь посетил любимый город:

«7 июня, – записал в дневнике Мясников. – Приезжал Ф.Д. Кулаков. В девять утра весь пензенский чиновничий мир тронулся на вонзал. Вспоминал гоголевского «Ревизора». Поезд по расписанию. Цветы, рукопожатия. Осмотрели вокзал – до ресторана. Вышел из ресторана, мне жалуется (заигрывая):

– Думал, угостят, а они только показали.

На машинах – к памятнику. Красивый ритуал возложения венка… На активе хорошо выступил Ф.Д. Кулаков: знаю, вам трудно, поэтому не критикую, берегу нервы… После поездки – ужин в особняке. Кулаков:

– Давай, Георг, выпьем, пока нет начальства.

Разошлись около десяти вечера…

10 июня Кулаков выступал около часа. Уверенно, спокойно, твердо следуя заготовленному тексту. По-другому нельзя, так как записывает Москва. Банкет в перерыве между встречей и концертом. Опять укусил Льва Ермина:

– Думаю, ты хочешь произнести тост за генерального…

В Лопуховке устроились за барной стойкой. Бальзам и «кувака». Откровенный разговор, что так можно только в Пензе, что сюда приезжает, как домой. Подарили ему картину. Все видит, все понимает».

После пяти лет работы председателем облисполкома Федора Кулакова перевели в Москву заместителем министра сельского хозяйства РСФСР. Уже занимая высокую должность, он окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования. Заочная учеба знаний дает немного, но диплом о

высшем образовании был необходим. Кулакова назначили министром хлебопродуктов России. Он понравился начальству – молодой, толковый, деловой.

В 1960 году Хрущев, который знал все сельскохозяйственные кадры, решил дать Кулакову возможность развернуться. 7 января на заседании президиума ЦК его предложили утвердить первым секретарем Орловского обкома. Потом передумали и отправили в более крупный

Ставропольский край. Федору Давыдовичу было сорок два года.

Лучший период его карьеры связан со Ставрополем. Ему нравилась работа – первый секретарь сам себе хозяин. Нравился климат, богатый и щедрый край, и образ жизни его вполне устраивал. Он обожал застолья и большие компании.

Бывший руководитель президентского аппарата Валерий Иванович Болдин вспоминал, как Горбачев говорил ему о Кулакове:

– Он слыл хлебосолом, собирал по различным поводам гостей и своих соратников, благо санаториев, домов отдыха, различных особняков в предгорьях и горах Кавказа настроили великое множество и было где собраться. И сам он не отказывался от хорошего стола, бывая в командировках или выезжая поохотиться.

Охоту он любил и не бросил любимого занятия в Москве, подобрав для этого ряд близлежащих охотничьих хозяйств. Ставропольский журналист Борис Кучмаев приводит в своей книге «Отверженный с Божьей отметиной» рассказ бывшего водителя первого секретаря крайкома:

– Кулаков любил поездки на Черные земли (это в Калмыкии). Здесь и «расслаблялся». Выпил с местной властью. Хорошо врезал. Подходит ко мне, в руках ружье. «Поехали, – говорит, – на кабана». Пьяный да еще ночью. А кабан – это же кабан. Уговорил его на сайгаков поохотиться. Сели в машину. Федор Давыдович рядом с собой на заднем сиденье пристроил повариху. Баба что надо. Груди, бедра, фигура… Увидели стадо сайгаков. Давай к ним. Он быстро уложил штук пять-шесть. Я их быстро разделал, погрузили туши в машину и к стоянке. Вот и дом. Повариха, шустрая такая, юрк из машины. Федор Давыдович за ней. Я его придержал было: «Да на кой ляд она вам?! Повариха же». А он мне: «Э, дружище. Это святое дело». Баб он любил. Насидится, бывало, в крайкоме, а вечерком на Сенгилеевское озеро, которое почти рядом. А там крайкомовский домик. Бабу какую-нибудь непременно привозил с собой.

Из шкур убитых сайгаков Кулаков, вспоминает его бывший

водитель, распорядился сделать хром:

– В Ставрополе я их отвез на кожзавод. Сказал, чтобы из половины шкур черный хром сделали, а из половины – желтый. Так Федор Давыдович распорядился: для себя и для жены. К кожам у него пристрастие было. Захотелось ему шевро. Оно из козьих шкур делается. А у нас в крае в колхозах и совхозах коз не разводили. А ему – вынь да положь. Позвонил какому-то секретарю райкома и дал поручение. Тот достал. И опять половина кожи черная, а половина желтая. О жене Федор Давыдович никогда не забывал. Однажды она звонит в гараж. Выходной день был, а я дежурил. Приглашает: «Пожалуйста, придите, помогите мебель переставить». Захожу во двор – и к дому. А милиционер мне: «Стой, не туда». И показывает на беседку. Иду туда. А там Федор Давыдович за накрытым столом. Такая богатая закуска, водка, коньяки! Кулаков и говорит: «Не могу пить один. Вчера так надрызгались, похмелиться требуется. Что будешь пить: водку или коньяк?» Сам-то он только водку пил – стаканами. Но никогда, чтобы вусмерть. Сколько ни выпьет, даже не качается. Продуктов у них всегда навалом – из районов привозили. Жена его выносит как-то окорок: «Возьмите, не нужен нам». Индюков, гусей, уток давали…

Горбачев называет Кулакова обаятельным, сильным и щедрым, решительным, открытым человеком, который легко находил общий язык с кем угодно. Он требовал от подчиненных личной преданности и выполнения плана. Все остальное значения не имело. Правда, по мнению Горбачева, Кулакову не хватало кругозора, культуры и образования.

Федор Давыдович сразу приметил Горбачева, выделил его из массы краевых чиновников. Именно он выдвинул

Михаила Сергеевича на пост первого секретаря крайкома комсомола, затем перевел на партийную работу, сделал заведующим ключевым отделом крайкома и членом бюро.

Николай Поротов, который работал в Ставропольском крайкоме, вспоминает о Горбачеве: «Очень он приглянулся первому секретарю крайкома КПСС Ф.Д. Кулакову, который в нем видел способность проламываться сквозь стену и постоянно торопил в Горбачеве процесс созревания ломовой силы и имел на него большие виды…»

Кулаков и Горбачев были очень близки. Кулаков готовил его, конечно, не на смену себе, но получилось так, что Михаил Сергеевич последовательно занимал кресла, которые освобождал ему Федор Давыдович, – сначала в Ставрополе, затем в Москве.

Летом 1964 года Хрущев задумал очередную реорганизацию – разделить Министерство сельского хозяйства на несколько

отдельных главков. Во главе зернового ведомства решил поставить Кулакова, даже сказал ему об этом. Федора Давыдовича эта перспектива не порадовала, хотя пришлось согласиться. Но свою идею Хрущев не успел реализовать.

Кулаков активно присоединился к тем, кто свергал Хрущева, и это оценили по заслугам. Сразу после того, как Хрущева отправили на пенсию и из аппарата ЦК убрали его главных ставленников, Кулакова – в ноябре 1964 года – забрали в Москву и поставили заведовать сельскохозяйственным отделом. Здесь Федор Давыдович вновь встретился с Черненко, который входил в ближайшее окружение Брежнева. Кулаков стал верным брежневцем.

Секретарь Пензенского обкома Георг Мясников пометил в дневнике, что южнорусский акцент с фрикативным «г» становится «своеобразным паролем, пропуском для прохода в «руководящие» ворота. Страна заболела южным акцентом. Даже Ф.Д. Кулаков, этот коренной, лапотный пензяк из земетчинцев, и тот так говорит».

Начало работы Кулакова в роли заведующего сельскохозяйственным отделом совпало с подготовкой важного пленума ЦК – 24–26 марта 1965 года – «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР».

Докладывал Брежнев. Он жестко критиковал хрущевские методы руководства селом и предложил новую программу аграрного развития. Говорилось о необходимости дать хозяйствам самостоятельность, не командовать ими. С колхозов и совхозов списали задолженность и сняли ограничения на ведение приусадебного хозяйства – большое по тем временам дело. Речь первому секретарю и постановление готовил Кулаков.

Тогда были повышены закупочные цены на основные культуры, за сверхплановые закупки пшеницы и ржи установили пятидесятипроцентную надбавку. Это несколько облегчило бедственное положение села.

Через год Брежнев назначил Черненко на важнейший пост заведующего общим отделом ЦК, а Кулакова на пленуме 29 сентября 1965 года избрали секретарем ЦК КПСС. Леонид Ильич продвигал его в противовес «комсомольцам» Шелепина и старой гвардии, оставшейся от Хрущева. Кулаков своим возвышением был обязан только Брежневу. В 1971 году Леонид Ильич сделал его членом политбюро. Кабинет Кулакову отвели в том же втором подъезде основного здания ЦК на Старой площади, где сидел и сам Брежнев, только на четвертом этаже. А Брежнев располагался на пятом.

Даже сотрудникам аппарата ЦК, вспоминает Андрей

Серафимович Грачев, бывший пресс-секретарь Горбачева, нужно было иметь особый штамп в служебном пропуске, чтобы свободно пройти на пятый этаж. Приглашенных на совещание или на заседание секретариата ЦК пускали по списку.

Из второго подъезда секретари ЦК на специальном лифте могли выйти через специальный подъезд, сразу сесть в «ЗИЛ» и уехать – незаметно для публики. Михаил

Андреевич Суслов – единственный из секретарей ЦК, кто отказывался въезжать во внутренний дворик. Его «ЗИЛ» останавливался у тротуара, он вылезал из машины и входил в первый подъезд, которым пользовались только руководители партии. Поэтому переодетые в штатское сотрудники Девятого управления КГБ (охрана политбюро), предупрежденные заранее, останавливали пешеходов, чтобы никто не смел приблизиться к человеку номер два в партийном аппарате.

В хорошую погоду Суслов просил водителя остановить машину возле Красной площади и по улице Куйбышева (Ильинке) шел до здания ЦК пешком – в неизменных калошах. За ним следовали телохранители.

Как становятся хозяином края

Когда Кулаков перебрался в Москву, в Ставрополе его сменил Леонид Николаевич Ефремов, попавший в опалу из-за своей близости к Хрущеву. Для Горбачева его появление в Ставрополе стало причиной немалых огорчений.

Леонид Ефремов окончил Воронежский институт механизации сельского хозяйства, всю войну проработал на Воронежском авиационном заводе № 18 имени Ворошилова, который выпускал штурмовики Ил-2. Потом его перевели на партийную работу в Куйбышев. Когда Ефремов уже был председателем Куйбышевского облисполкома, однажды поздно вечером заведующий особым сектором обкома принес телеграмму, подписанную самим Сталиным: «Назначить т. Ефремова Л.Н. инспектором ЦК ВКП(б), освободив его от обязанностей председателя Куйбышевского облисполкома». Никто с Ефремовым о переводе в Москву не разговаривал, для него это было приятной неожиданностью.

На следующий день ему позвонили из отдела партийных органов ЦК и сказали, что ехать в Москву нужно немедленно. Ефремов прилетел в столицу, переночевал в гостинице «Москва» и утром пришел на Старую площадь. Его принял управляющий делами ЦК, спросил, какая нужна квартира, сказал, что рабочий кабинет уже готов. Ефремова привели к Георгию Максимилиановичу Маленкову, секретарю ЦК, занимавшемуся кадрами.

Маленков поздравил его с назначением инспектором ЦК, но объяснил, что на Старой площади поработать не удастся, Ефремова ждет новое назначение:

– Возникла необходимость направить вас на партработу в Курскую область.

На следующее утро Ефремова отвезли на машине в Курск и избрали первым секретарем обкома. Он, вероятно, сожалел, что проехал мимо столицы, но назначение оказалось очень удачным. В Курской области вырос не только Кулаков, но и Никита Сергеевич Хрущев, который не забывал односельчан, живо интересовался жизнью курян и заботился о родной деревне Калиновке. Разумеется, первый секретарь Курского обкома не мог не обратить на себя внимание первого секретаря заботой о его родной деревне. Хрущев приметил Ефремова, перевел в Москву и назначил на очень высокую должность.

Никита Сергеевич образовал бюро ЦК КПСС по России. Председателем бюро Хрущев стал сам, а своим первым

заместителем и одновременно председателем бюро ЦК по руководству сельским хозяйством РСФСР назначил Ефремова.

Но особое расположение Никиты Сергеевича вскоре обернулось против Ефремова. Осенью 1964 года его, разумеется, не поставили в известность о готовящемся заговоре. Накануне снятия Хрущева Ефремов неделю находился в Тувинской АССР, которой вручал орден Ленина по случаю юбилея вхождения в состав России, и ни о чем не подозревал.

Когда на заседании президиума ЦК снимали Хрущева, то припомнили все его грехи. Досталось и Ефремову как верному стороннику Хрущева (таких оказалось немного). Дмитрий Степанович Полянский, заместитель председателя Совета Министров СССР, отвечавший за сельское хозяйство, напомнил о том, как с родной деревни Хрущева Калиновки в нарушение закона списали все долги, и сказал, что в этом виноват тогдашний первый секретарь Курского обкома Ефремов.

После пленума взбудораженный Ефремов пошел к Брежневу, только что избранному первым секретарем ЦК, жаловаться на Полянского. Леонид Ильич был настроен миролюбиво:

– В полемике, в напряженной обстановке всякое бывает. Обсуждать тут нечего. И заниматься тобой сейчас нет никакой необходимости. Я сижу на телефоне: надо звонить в соцстраны, объяснить наше решение о Хрущеве. Нужно, чтобы все поняли. Это главное. И внутри страны – члены президиума разъезжаются в парторганизации, чтобы все объяснить людям.

Ефремов стал горячо говорить:

– Я хочу написать заявление в президиум ЦК с просьбой обсудить этот вопрос, затрагивающий мою честь коммуниста.

Брежнев посоветовал ему успокоиться:

– Зачем? Не тот момент. Ты сходи к Полянскому, поговори, выясни, что он имел в виду. А я эти дни буду занят.

Через несколько недель, часов в девять вечера, в первый раз после октябрьского пленума ЦК Ефремову позвонил Брежнев и попросил не уезжать домой, а через час зайти к нему. В десять Ефремов поднялся в кабинет первого секретаря на пятом этаже.

– Обстановка сложилась так, что тебе надо изменить работу, перейти из ЦК на другой участок, – сказал Брежнев.

– Почему вы предлагаете мне оставить работу в ЦК?

– О тебе идут разные разговоры. Ты был заместителем Хрущева в бюро ЦК по РСФСР… Конечно, мы понимаем, что ты не ожидал такого решения о Хрущеве. Мы тебя ни в чем не обвиняем. Мы и сами не ожидали, что так получится! Но многие секретари ЦК компартий республик, обкомов, крайкомов говорят, что тебе не следует оставаться в аппарате ЦК. Кроме того, бюро

ЦК по РСФСР не будет, мы его ликвидируем. Ты меня правильно пойми, тебе надо сменить обстановку. На партработе мы тебя сохраняем.

Ефремов попросился назад, в Горький.

– Нет, в Горький мы тебя не пошлем, – сказал Брежнев. – Вот сейчас есть свободное место первого секретаря Ставропольского крайкома. Пойдешь туда. Край хороший, работа интересная. Есть где развернуться. Считай, что это окончательное решение.

Ефремов обиделся:

– Может быть, мне выйти на пенсию? Ведь я уже прошел этап работы в областях.

Брежнев с ходу отверг эту идею:

– На пенсию тебе пока рано. Ты еще молодой, поедешь в край. Отдохнешь несколько дней, и проведем там пленум крайкома.

Представлять Ефремова поехал в Ставрополь секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, который тогда был влиятельнейшей фигурой в партии. Ефремова избрали первым секретарем сельского крайкома партии и одновременно – председателем оргбюро по объединению партийных комитетов. Это была одна из хрущевских идей – разделить партийные комитеты на сельские и промышленные. После отставки Никиты Сергеевича два обкома опять слили в один.

Ефремов еще формально оставался кандидатом в члены президиума ЦК, но в Москву на заседания президиума его не приглашали и никаких документов, с которыми знакомили членов высшего партийного руководства, не присылали.

Перед отъездом в Ставрополь Ефремов подробно беседовал со своим предшественником Кулаковым. Федор

Давыдович характеризовал всех заметных людей в крае, особенно выделил Михаила Сергеевича Горбачева как перспективного партийного работника, долго говорил о нем. Ефремов понял, что Кулаков и Горбачев – друзья.

Горбачев заведовал отделом партийных органов крайкома. Когда приехал Ефремов, Горбачев попросился на пост первого секретаря горкома. Ефремов удивился, но Михаил Сергеевич поступил очень разумно. Переходить из крайкома в горком – это вроде понижение, но, с другой стороны, первый секретарь – это самостоятельная работа, открывавшая возможность для дальнейшего роста. С поста заведующего отделом труднее было подняться на следующую ступеньку и стать секретарем крайкома.

Вскоре как раз освободилось место второго секретаря крайкома. Ефремову позвонил из Москвы Кулаков. Федор Давыдович сказал: в ЦК сложилось мнение, что следует избрать

вторым секретарем Горбачева. Ефремову Горбачев не очень нравился, и он возражал. Кулаков настаивал. Ефремову, в конце концов, пришлось уступить – с секретарями ЦК не поспоришь.

Когда Кулаков ехал в командировку или на отдых через Минеральные Воды, Горбачев неизменно говорил Ефремову, что надо поехать и встретиться с Федором Давыдовичем.

– Иногда это совпадало с важными мероприятиями в Ставрополье, – вспоминает Ефремов, – и я не мог поехать. Тогда Горбачев предлагал свои услуги. Я поручал Горбачеву встретиться с Кулаковым. Он делал это с удовольствием.

Михаил Сергеевич рад был лишний раз повидаться со своим московским покровителем. Это было и приятно, и полезно.

Работал Ефремов в Ставрополье, видимо, без особого удовольствия. Мысли его были далеки от местных дел. Он так и не смог пережить опалы. Надеялся, что о нем вспомнят и позовут назад, в Москву. Но в дни очередного партийного съезда в марте 1966 года он в последний раз сидел в президиуме и по-хозяйски заходил в комнату, где руководители партии во время перерывов пили чай, иногда вместе обедали и обсуждали все ключевые проблемы. Там же решались и кадровые вопросы, вспоминает Ефремов.

Первым после отчетного доклада выступал первый секретарь Московского горкома Николай Григорьевич Егорычев. Он предложил восстановить в партии пост генерального секретаря и политбюро. Это в 1952 году при Сталине было решено переименовать политбюро в президиум… Брежнев стал генеральным секретарем. Леонид Ильич, по словам очевидца, был тогда «молодой, импозантный, он говорил рокочущим баритоном с подъемом, держался артистически – позировал».

Ефремова кандидатом в члены политбюро уже не избрали. Он уехал из Москвы после XXIII съезда в плохом настроении. Но проработал в крае еще четыре года, пока Брежнев не решил, что и в Ставрополье нужен первый секретарь, который своей карьерой обязан ему, а не кому-то другому. Не трудно предположить, что и Кулаков, ревностно следивший за делами в крае, намекал в разговорах с членами политбюро и с Брежневым: в крае есть молодые, активные люди, способные двинуть дело вперед.

Тем более что Ставрополье – крупнейший сельскохозяйственный регион, где производится товарное зерно, район тонкорунного овцеводства. Кроме того, там быстро шло развитие нефтегазовой, химической и машиностроительной промышленности. Люди со всей страны приезжали отдыхать в лечебную зону Минеральных Вод, чудесные туристические места Карачаево-Черкесии (Домбай, Архыз, Теберда).

Федор Давыдович очень часто звонил в Ставрополь по междугородней правительственной связи, расспрашивал о ситуации в сельском хозяйстве, в период уборки урожая- о хлебозаготовках. Весной 1970 года Кулаков соединился с Ефремовым и сказал, что его ждут в Москве, и предупредил:

– Предполагается твоя встреча с Леонидом Ильичом.

На следующее утро Ефремов был у Брежнева. Генеральный секретарь сказал ему:

– Надо решать вопрос с тобой. Ты живешь в Ставрополе один. Семья, как я понимаю, из-за болезни жены в Москве, а ты там. У некоторых складывается впечатление, что ты сидишь на чемоданах. Так жить нельзя. Мы подумали и решили перевести тебя в Москву.

Брежнев предложил Ефремову место в Госкомитете по науке и технике. Пояснил:

– Это крупное министерство, работа нужная и видная.

Леонид Николаевич понимал, что это серьезное понижение, что его убирают из партийного аппарата, поэтому наотрез отказался:

– Это не мое дело. Я партийный работник, а не ученый.

Брежнев снял трубку прямого телефона и соединился с заместителем председателя Совета Министров СССР, председателем Государственного комитета по науке и технике академиком Владимиром Алексеевичем Кириллиным:

– Кириллин! Вот у меня сидит Ефремов. Ты его просил к себе в комитет, а он говорит, что там все академики, профессора, и идти к тебе отказывается.

Кириллин – это было слышно – говорил Брежневу, что в комитете всего два академика и очень мало профессоров:

– Тут работают инженеры, экономисты, разные специалисты. Товарищ Ефремов ошибается. Он найдет в комитете место для применения своих сил, опыта и знаний.

Брежнев сказал Кириллину:

– Тогда он придет к тебе, и ты сам с ним все разбери, и договоритесь.

Леонид Ильич был мастер устраивать такие дела. Решив неприятный вопрос, Брежнев, чтобы успокоить Ефремова, предложил выпить чаю и вместе посмотреть хоккей. По телевидению как раз показывали матч ЦСКА – «Спартак».

Весь следующий день Ефремов провел в Госкомитете по науке и технике. Кириллин объяснил, чем занимается его ведомство, потом откровенно добавил, что отказываться Леониду Николаевичу смысла нет:

– Ты опытный политический деятель, должен трезво отдавать

себе отчет в том, как именно решили поступить с тобой.

На следующей встрече в ЦК Ефремов все же попытался еще раз отговорить Брежнева переводить его с партийной работы. Но Леонид Ильич твердо сказал:

– Больше рассуждать мы не будем. Принято решение политбюро, следовательно, вопрос исчерпан. Мы к тебе никаких претензий не имеем. Напротив, я дал тебе положительную оценку. Можешь в этом убедиться, если спросишь у товарищей, участвовавших в заседании политбюро.

Брежнев тут же позвонил секретарю ЦК по кадрам Ивану Васильевичу Капитонову и дал указание оформить решение о назначении Ефремова с опубликованием в печати. Ефремову Леонид Ильич успокоительно сказал:

– Довольно тебе сидеть в провинции. Здесь будешь на людях, а там посмотрим… Эта работа для тебя не последняя… Давай лучше подумаем, кого выдвинем первым секретарем крайкома вместо тебя. Может быть, поискать первого секретаря на месте?

Ефремов сказал, что не ожидал такого поворота дела, специально на эту тему не думал и ни с кем не советовался. Но действительно, все первые секретари присылались из Москвы. А почему бы и не выдвинуть достойного человека из краевой парторганизации?

Брежнев одобрительно кивнул:

– В принципе твои соображения правильны. К нам приходят недовольные письма из Ставрополья, что много посылаем руководителей сверху. Но кого конкретно рекомендовать на пост первого секретаря, если не посылать работника из ЦК? Какие у тебя соображения?

Ефремов сказал, что есть две очевидные кандидатуры – председатель краевого исполкома Босенко и второй секретарь крайкома Горбачев.

– Как ты охарактеризуешь каждого в отдельности? – спросил Брежнев.

К отбору первых секретарей Леонид Ильич относился исключительно серьезно.

– Босенко постарше, участник войны, он был первым секретарем промышленного крайкома в Ставрополье, когда существовало разделение партийных организаций на промышленные и сельские. Так что он – готовый первый секретарь. Горбачев – молодой работник, окончил московский университет, активный человек. Два года работает вторым секретарем.

Ефремов добавил, что Горбачева, по его сведениям, выдвигал на партийную работу Федор Давыдович Кулаков:

– Можно узнать его мнение и о Горбачеве, и о Босенко. Наверное, скажет свое слово и Юрий Владимирович Андропов. Он родился на станции Нагутская Ставропольского края, хорошо знает своего земляка Горбачева и может дать ему свою оценку.

Брежнев сказал, что они обсудят этот вопрос в ЦК.

На следующий день Ефремова снова вызвал Брежнев и сказал, что, посоветовавшись, решили рекомендовать первым секретарем Горбачева. Ефремов повторил, что Михаил Сергеевич – молодой человек, опыта мало, особенно в промышленности.

– Что же, мы все были молодыми, – ответил Брежнев. – Поработает Горбачев в Ставрополе, переведем его в другой обком. Постепенно наберется опыта.

В Ставрополь на пленум крайкома выехали Ефремов и заведующий территориальным сектором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. Перед пленумом они, как полагалось, побеседовали с каждым членом бюро крайкома, объясняли, что Ефремова забирают в Москву, и спрашивали: кого целесообразно назначить на его место? Двое назвали фамилию Босенко, остальные – Горбачева.

На пленуме сразу предложили избрать Горбачева, других кандидатур не оказалось. Ефремов сказал, что это предложение соответствует мнению бюро крайкома и руководства ЦК КПСС. В апреле 1970 года Михаил Сергеевич Горбачев был избран первым секретарем.

Ефремов уехал в Москву. Он проработал в Госкомитете по науке и технике до самой пенсии. Он уверен, что его убрали из Ставрополья, чтобы освободить место Горбачеву. А главную роль в возвышении Горбачева сыграл Кулаков.

Особенности жизни члена политбюро

Став членом политбюро, Федор Давыдович сразу попал в жестко очерченную жизнь высшего партийного функционера. Ему полагались охрана, «ЗИЛ» с радиотелефоном… Люди из Девятого управления КГБ взяли на себя заботу не только о его безопасности, но и обо всех бытовых проблемах семьи.

Для членов политбюро готовили отдельно. На каждый день под наблюдением врачей-диетологов составлялось обширное меню. Кулаков помечал, что бы он хотел сегодня съесть. К столу каждое блюдо доставлялось в опломбированных судках.

Членам политбюро полагался семейный врач, который постоянно наблюдал пациента и в случае необходимости призывал на помощь любых специалистов. Спецполиклиника находилась на улице Грановского, в старом трехэтажном здании, которое принадлежало Четвертому главному управлению при Министерстве здравоохранения СССР. На втором этаже принимали членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Центральной ревизионной комиссии. На первом этаже – членов и кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК.

Каждый член политбюро существовал только в рамках особого протокола, не допускающего отступлений. Этот протокол не всем нравился. Кулаков привык к более свободной жизни на Ставрополье, к частым застольям в большой компании.

А в Москве личного общения между высшими руководителями партии практически не было. Они недолюбливали друг друга и безусловно никому не доверяли. Сталин не хотел, чтобы члены политбюро собирались за его спиной, и страх перед гневом генерального сохранился. Даже члены политбюро не были уверены, что их не прослушивают. Скорее, наоборот: исходили из того, что чекисты как минимум слушают все их телефонные разговоры. Федор Давыдович тянулся к прежним друзьям и приятелям, поэтому всегда рад был видеть Горбачева.

Кулаков старался вникать в дела, держался скромно. По отзывам коллег, был умелым партийным функционером. Брежнев демонстрировал расположение к Федору Давыдовичу, часто приглашал его в Завидово поохотиться.

Кулаков принадлежал к тому узкому кругу высших руководителей партии и государства, кто по праздникам приезжал к Брежневу на дачу. Званых было немного – министр обороны Дмитрий Устинов, министр иностранных дел Андрей Громыко, председатель КГБ Юрий Андропов, верный помощник

генерального Константин Черненко, будущий глава правительства Николай Тихонов, секретарь ЦК Андрей Кириленко.

Между Кулаковым и тем же Кириленко, отвечавшим за промышленность, часто вспыхивали конфликты из-за распределения денег между сельским хозяйством и промышленностью. Кириленко считал, что напрасно так много капитальных вложений идет селу, поскольку там все пропадает, отдачи нет.

Кулаков заставил руководителей Совета министров РСФСР создать помимо Министерства сельского хозяйства еще и республиканское Министерство совхозов. Образовать министерство несложно, но прошло пару лет, а не селе ничего не изменилось. Когда летом Брежнев и Суслов ушли в отпуск, Кириленко позвонил председателю Совмина России Михаилу Сергеевичу Соломенцеву:

– Ко мне приходят секретари крайкомов и обкомов. Все критикуют нас за создание Министерства совхозов России и просят его упразднить. Надо прислушаться к их мнению.

Поскольку аппаратный вес Кириленко был выше, он добился отмены решения, принятого Кулаковым. Андрей Павлович со всеми, кроме Брежнева и Суслова, говорил в жесткой, напористой манере. В аппарате его считали хамом. Он однажды и Андропова до сердечного приступа довел. Кулаков и Кириленко были членами политбюро-вроде на равных, но Андрей Павлович с давних пор состоял в дружеских отношениях с Брежневым, они были на «ты», и это обстоятельство определяло его вес в партийной иерархии. У Кулакова личных отношений с Брежневым не было.

Решения принимались узкой группой в пять-семь человек. Даже не все члены политбюро в эту группу входили. За Андроповым стояла империя КГБ. Черненко опирался на партийный аппарат, Устинов – на армию и военно-промышленный комплекс. Кулаков таким влиянием в стране не пользовался.

Виталий Иванович Воротников, который в начале семидесятых был первым секретарем Воронежского обкома, вспоминал, как с идеей реорганизации системы снабжения сельскохозяйственной техникой он обратился к Кулакову. Это происходило в разгар уборочной кампании в середине июля.

Кулаков внимательно выслушал Воротникова, что-то ему понравилось, с чем-то не согласился. Потом сказал:

– Готовьте обстоятельную и доказательную записку в ЦК, тогда будем обсуждать вашу идею.

Воротников попрощался и двинулся к двери. Федор Давыдович остановил его:

– К Леониду Ильичу не заходил?

– Нет, – ответил Воротников.

Кулаков укоризненно заметил:

– Надо чаще наведываться к генеральному.

Воротников позвонил в приемную Брежнева, попросил о встрече. Ему велели перезвонить через день, возможно, Леонид Ильич его примет. Он не стал звонить, а через день пришел в первый подъезд здания ЦК на Старой площади и поднялся на пятый этаж, где был кабинет генерального секретаря.

Его попросили подождать – Брежнев принимал иностранцев. В приемной уже собралось несколько первых секретарей обкомов. Леонид Ильич пригласил в кабинет всех вместе.

– Нам надо чаще общаться, – сказал он, – а многие секретари редко звонят. Конечно, я неплохо информирован о политической обстановке и хозяйственных делах на местах, это так. Но одно дело – информация аппарата ЦК, помощников, другое дело – прямые контакты с вами. Не стесняйтесь лишний раз «побеспокоить» генсека. Правда, нужно не размазывать беседу, доклады должны быть короткими, четкими и объективными.

Брежнев много курил, рассказывал о ситуации в стране, о поездке за границу, о планах. Он расспрашивал и секретарей, но им долго говорить не давал, сам что-то вспоминал.

Прощаясь, опять сказал:

– Во всех делах надежда и опора на вас. Всегда рассчитывайте на мою поддержку. Не стесняйтесь, излагайте мне свои предложения. Нам нужны контакты, общение. Опора государства – это партия, ее ЦК, а на местах – обкомы.

Воротников написал обещанную записку и вновь приехал в Москву. Кулаков прочитал все восемь страниц записки, ему понравилось.

Воротников сказал:

– Раз так, Федор Давыдович, тогда доложите Леониду Ильичу.

Кулаков задумался, покачал головой:

– Так у нас ничего не выйдет.

Он позвонил Черненко и стал ему рассказывать суть предложения:

– Надо бы познакомить с идеей Брежнева. А еще лучше, если бы Леонид Ильич принял Воротникова.

Выслушав ответ Черненко, Кулаков сказал Воротникову:

– Давай иди к Черненко, он все устроит.

Воротников сильно удивился, что член политбюро и

секретарь ЦК не решается сам позвонить генеральному, а просит об этом заведующего общим отделом.

Виталий Иванович еще не вник в аппаратные тонкости. Со временем он сам станет членом политбюро, и ему многое откроется. Все документы поступали к Брежневу через Черненко. Даже материалы КГБ шли через заведующего общим отделом. Только в исключительных случаях председатель КГБ докладывал лично генеральному.

На должности заведующего общим отделом Леонид Ильич держал человека, которому стопроцентно доверял, знал, что тот его даже в мелочах не подведет. Зато и Черненко имел возможность влиять на решение больших вопросов. Поэтому даже член политбюро, если он был очень заинтересован в том, чтобы какое-то его предложение получило царское благословение, должен был по-товарищески зайти к Черненко:

– Костя, как дела? Тут у меня одна важная бумага, доложи Леониду Ильичу.

А Черненко жалко, что ли, сделать приятное члену политбюро? Если речь, конечно, не идет о каких-то особо важных вопросах, требующих серьезного подхода.

Брежнев доверялся Черненко и часто, ничего не спрашивая, подписывал заготовленные им резолюции. Или же Константин Устинович просто получал от Брежнева устное согласие и писал на документе: «Леониду Ильичу доложено. Он просит внести предложение». Все, вопрос решен…

Брежнев сидел на пятом этаже, Черненко – на шестом. Он даже не стал читать записку, а сказал Воротникову:

– Оставь, а о приеме известим.

Черненко действительно все устроил. Брежнев на следующий же день принял Воротникова. Брежнев выглядел тогда неплохо, правда, располнел. И у него появились первые проблемы с зубами, вернее, с зубными протезами. Речь становилась невнятной. Генеральный заговорил о межхозяйственных животноводческих комплексах, о мелиорации, удобрениях. Медленно и вдумчиво читал записку, одобрительно комментировал по ходу чтения. Заодно сказал о Кулакове:

– У нас дельный секретарь ЦК Федор Давыдович Кулаков. Контактный, его уважают на местах. Хороший мне помощник.

Кулаков был очень предан Брежневу, заботился о том, чтобы первые секретари не забывали лишний раз демонстрировать генеральному свою преданность. В июле 1974 года тот же Воротников приехал на пленум ЦК и на сессию Верховного Совета. Зашел к Кулакову по сельским делам. В конце беседы Федор Давыдович, как и в прошлый раз, невзначай заметил:

– Вам следовало бы информировать о делах и генерального секретаря.

Вечером Воротников пришел на Старую площадь, поднялся на пятый этаж. В приемной уже было человек тридцать первых секретарей. В семь вечера всех пригласили в кабинет генерального секретаря. Брежнев заговорил о сельском хозяйстве, о ходе уборки зерновых, о транспорте, потом о сахарной свекле, о мелиорации, о том, что надо использовать северные реки, потому что в Средней Азии колоссальная нехватка воды и под угрозой сбор хлопка. Потом словно потерял интерес к беседе.

«Видно было, что генсек устал, как-то сразу сник, – вспоминает Воротников. – От начального активно-напористого поведения не осталось и следа. Я тогда объяснил такое состояние чрезмерной перегрузкой в работе. Он и сам подчеркивал это. Однако последующие встречи с Леонидом Ильичом, его внешний облик, поведение, разговор явно говорили о нарастании болезненного состояния».

В декабре Воротников опять побывал у Кулакова, увидел, что его предложения о совершенствовании управления сельским хозяйством завязли в аппарате. Понял, что нужно идти к генеральному секретарю. От Кулакова поднялся на пятый этаж к Брежневу. В приемной сидела знаменитая в те годы Ядгар Садыковна Насриддинова, которая несколько лет была председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Ядгар Садыковна, по образованию инженер по постройке железных дорог и путевому хозяйству, пошла по комсомольской линии. Хозяин Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов, о котором еще пойдет речь в этой книге, сделал ее вместо себя председателем Верховного Совета республики. Но в 1974 году ее карьера сломалась. Вокруг Насриддиновой пошли нехорошие слухи, ее сняли с должности, и теперь она пришла просить Брежнева о новом назначении.

Секретарь сказал Воротникову:

– Леонид Ильич не планировал никого принимать. Но сейчас у него Анатолий Федорович Добрынин, наш посол в Соединенных Штатах. Подождите, я спрошу, примет ли он вас.

Когда Добрынин вышел, секретарь заглянул к Брежневу. Выйдя, он попросил Ядгар Садыковну зайти и предупредил Воротникова, что его тоже примут. Через сорок минут настала очередь Воротникова. Леонид Ильич ворчливо сказал:

– Заходи, Воротников. Все говорите, что надо беречь Брежнева, а сами нагружаете. Вот Насриддинова вымотала мне душу.

Ядгар Садыковна все-таки упросила дать ей должность.

Вскоре она была назначена заместителем министра промышленности строительных материалов, поскольку в молодости была строителем. В 1978 году ее отправили на пенсию. Через десять лет, в ноябре 1988-го, против Насриддиновой возбудили уголовное дело. Ее обвиняли в получении взяток и злоупотреблении служебным положением, исключили из партии. Но в декабре 1990 года прокуратура РСФСР прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления…

Генсек был расстроен и заторможен. Говорил медленно, ему, похоже, мешали зубные протезы. Брежнев, не спрашивая, зачем пришел Воротников, стал говорить о разных вещах. Воротников успел только сказать, что в области все хорошо, и стал прощаться. Брежнев положил ему руку на плечо и проводил до двери.

Ссора после юбилея

По словам людей, его знавших, Кулаков не был равнодушным человеком, цинично наблюдавшим за бедственным положением сельского хозяйства. Он говорил Горбачеву о том, что в Центральной России деревня погибает, зарастает лесом, люди разбегаются. Те, кто знал Кулакова по работе в ЦК, называют его порядочным, доброжелательным, располагающим к себе человеком, с которым можно было говорить на любые темы.

Газета «Сельская жизнь» опубликовала записку Кулакова, откликнувшегося на одну из публикаций:

«тт. Антонову С.Ф.,
Месяцу В.К.,
Золотухину Г.С.,
Паскарю П.А.,
Мочалину Ф.Н.,
Карлову В.А.

Статья в газете «Сельская жизнь» «Накопили граммы, потеряли тонны» – это прямое обвинение нас в нерадивости… Прошу разработать и внести конкретные мероприятия по приемке скота и молока непосредственно в колхозах и совхозах и перевозке транспортом заготовительных организаций. Срок – три месяца».

Видно, что статья задела Кулакова за живое, и он мобилизовал всю свою рать, тех руководителей министерств и отделов ЦК, которые ему подчинялись:

– Сергей Федорович Антонов с октября 1965 года был министром мясной и молочной промышленности;

– Валентина Карповича Месяца в марте 1976 года назначили министром сельского хозяйства;

– Григорий Сергеевич Золотухин с апреля 1974 года руководил союзным Министерством заготовок;

– Петр Андреевич Паскарь был председателем Совета министров Молдавии, а в июле 1976 года его перевели в Москву и сделали первым заместителем председателя Госплана по сельскому хозяйству;

– Федор Иванович Мочалин заведовал отделом легкой и пищевой промышленности;

– Владимир Алексеевич Карлов – сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС.

Бывший член политбюро Александр Николаевич Яковлев в те годы руководил отделом пропаганды ЦК:

– Я в отношении Кулакова расхожусь с обычными оценками.

У нас сложились доверительные отношения. Если я звонил, то в любое время мог к нему зайти, поговорить. Он фигурой был мятущейся. Не ортодокс. Кулаков был за экономические реформы. Он мне прямо говорил: «Многое не работает! Я не против колхозов, но там, где они не работают, зачем они нужны? Только ради твоей идеологии?» Он был единственный, к кому я зашел, когда меня убрали из ЦК, – вспоминает Яковлев. – Мы с ним выпили. Он сам позвонил: зайди. Рассказал, что происходило на политбюро. Кулаков расчувствовался и даже плакал, говорил, что плохая обстановка в политбюро, что он не может убедить руководство в необходимости перемен, все разговоры, как горох об стенку. Мне его было жаль…

Дела в сельском хозяйстве шли хуже и хуже, хотя на телевидении и в печати утверждали обратное. Вот записи из дневника секретаря Пензенского обкома Георга Мясникова:

«30 июня 1969 года. Опять перераспределяем обязанности: мне дали заготовки мяса, молока, сахара и спирт… Ездил по овощным магазинам. Овощей нет никаких. Сразу выехал в Терновский совхоз. Дожди выбивают из колеи, овощи гибнут в поле, а ничего этой стихии не противопоставляется… Звонил в ЦК. Жаловался по капусте на Азербайджан. Обещали помочь…»

«5 июля. Вчера звонок из ЦК КПСС. Собрал Ф.Д. Кулаков. В Москве крайне тяжело с мясом. Грузите все, что можете. Будете ежедневно докладывать об отгрузке мяса в Москву. Кажется, и там припекло. Доработались. Решение Совета Министров СССР: «производить студень и колбасу из крови», добавлять белки…»

«22 июля. Было плохо с мясом, стало плохо с рыбой, теперь назревают обострения по белому хлебу. Не хватает сыра. И самое странное, никого это серьезно не беспокоит. Из Москвы идут телеграммы с красной полосой, требующие выполнения плана товарооборота и мобилизации «внутренних ресурсов»…

1 октября. Звонил Л.И. Брежнев. Просил за два дня отгрузить Коми АССР пять тысяч тонн картофеля. Что-то случилось…»

Урожай не на чем было вывозить. Спасти зерно могла только армия, располагавшая транспортом. Но уже выделенные грузовики стали забирать. Кто может дать указание военным оставить транспорт в области? Обратились за помощью к председателю Совета министров России Геннадию Ивановичу Воронову. Он объяснил:

– Все бессильны. Только генеральный. Шли ему шифровку.

«17 ноября. Послали шифровку с просьбой оставить машины до 1 декабря. Объяснили, что гибнет урожай. Звонил Александрову-Агентову, помощнику Брежнева. Обещал доложить, хотя Брежнев занимается международными вопросами.

18 ноября. Только пообедал, иду в кабинет, трубка ВЧ лежит на столе.

– С вами будет говорить Леонид Ильич Брежнев.

– Слушаю.

– Здравствуйте, Георг Васильевич! Два дня был за городом, готовился к съезду. Сколько у вас воинских машин?

– Числится три с половиной тысячи, работает около двух тысяч.

– А как дороги?

– Самое обидное, что только установились дороги, машины пошли, а их приходится отправлять. На полях много свеклы, подсолнечника. Народ нас не поймет.

– Хорошо. Я дам приказание оставить машины. Но надо, чтобы их хорошо использовали. А то сидим в кабинетах, а шоферы пьянствуют и не работают. Я это помню по Молдавии и Казахстану. Надо на каждую машину посадить контролера.

– Если будут машины, контролеров посадим!

– Желаю успехов. До свидания!»

На следующий год ситуация не становится лучше.

«16 февраля 1970 года. Мясом не торгуем, держим колбасу. Но требуют продавать с наполнителями (колбаса без мяса). Стоит завод маргарина, нет растительного масла, селедку требуют «расходовать строго по декадам», а мы еще и не завезли в этом году! Кошмар какой-то!..

27 сентября. Вечером разговор с Ф.Д. Кулаковым:

– Первый секретарь уехал, и ты хлеб перестал сдавать.

– Сдали около пятидесяти тысяч тонн.

– Сколько еще сдадите?

– На валках нет ничего, зябь всю вспахали. Будем сдавать, но немного. Может, за миллион.

– Совмин РСФСР считает – миллион двести тысяч тонн.

– Считать можно, сколько угодно. Жалко, что без нас считают…

– Мы вам сосчитаем! Позовем в ЦК!

– Готовы приехать.

Главное не паниковать!..

19 ноября. В Москве. Поехали в Министерство торговли РСФСР. Выпросил десять тысяч зимних шапок. Это уже победа. Были в «Мосрыбторге». Выпросили 10 тысяч тонн маргарина и 20 тысяч тонн сухого молока. У рыбников хуже: селедки нет. Перспектива? Не будет еще десять лет. Выловили всю нерестовую сельдь, оборвали цикл…

В Госплане РСФСР у т. Шохина В.Н. Издергался: все просят, у него нет. Мяса вообще нет. Скоро не будет масла. Свинины

должны были заготовить 25 миллионов тонн, фактически – 19 миллионов. Не будет сахара…

22 декабря 1971 года. Принято постановление Советов Министров СССР и РСФСР о закупке сахара у населения. Нам доведено задание – 800 тонн. Закупать можно у колхозов и колхозников. Сверху уже жмут: сколько закупили?.. Закупленный сахар пойдет на продажу тому же сельскому населению, у которого закупается…

7 августа 1972 года. Ищем картошку во всех районах страны. А я в воскресенье лечу в Литву. Надо использовать старые связи и приверженность литовцев к Пензе. Они в тяжелые годы жили у нас, теперь тяжело нам. Должны помочь… Лев договорился о поездке в Тернополь. Главное – добыть картофель…

11 августа 1973 года. Ф.Д. Кулаков начал пристрелку по хлебу. Политбюро решило заготовить 82 миллиона тонн (в прошлом году 61 миллион). Кто будет тянуть со сдачей хлеба – позовут на секретариат, злостных – в политбюро. Кажется, Льва упрекал, что тот тянет и не обойдется без политбюро. Посему Ермин не спал всю ночь…»

Поначалу Брежнев часто повторял, что он лично отвечает за положение дел на селе. Видимо, за этим стояло тщеславное желание показать, что ни Сталину, ни Хрущеву не удалось поднять сельское хозяйство, а он сумеет.

Первые годы Леонид Ильич и в самом деле следил за тем, что происходит в деревне. Скажем, в конце февраля 1972 года в ЦК прошло совещание первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов о развитии животноводства и увеличении производства сахарной свеклы. С докладом выступил Брежнев. Он же руководил работой совещания, поднимал с места одного за другим первых секретарей, требовал отчета. Брежнев же сам подвел итоги совещания и поручил Кулакову подготовить проект совместного постановления ЦК и Совета Министров СССР.

Брежнев постоянно звонил первым секретарям обкомов, спрашивал: как настроения у людей, как ситуация со снабжением, сколько картофеля и овощей заложили на зиму? Если были трудности, обещал помочь, говорил всегда спокойно, участливо, нотаций не читал.

Потом сам Брежнев стал сдавать, да и понял, что улучшить ситуацию в сельском хозяйстве никак не получается. И ему советовали: зачем же вам, Леонид Ильич, в такой ситуации повторять, что именно вы курируете сельское хозяйство? Конечно, генеральный секретарь за все отвечает. Но стоит ли брать на себя прямую ответственность за такую сложную отрасль?

Брежнев прислушался к советам. Это изменило положение

Кулакова. Прежде он находился в выгодном положении: за все отвечает генеральный, а он ему помогает. Теперь он сам стал отвечать за ситуацию в сельском хозяйстве, Брежнев с него спрашивал, критиковал его, иногда жестко. Изменившийся климат, наверное, тоже сыграл свою роль в судьбе Федора Давыдовича.

Управлять агропромышленным комплексом было крайне непросто еще и потому, что там Леонид Ильич поставил своих людей. Министр мелиорации и водного хозяйства Николай Федорович Васильев работал в Днепропетровской области и был связан с днепропетровским окружением Брежнева. Министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства Константин Никитович Беляк был женат на сестре Виктории Петровны Брежневой. Министр сельского хозяйства Валентин Карпович Месяц имел широкие связи в партийном аппарате.

Кулакову приходилось трудно. Но настоящая его беда, говорят люди, которые хорошо знали Кулакова, состояла в том, что он сильно пил. По-существу он был болен. Его пытались лечить, но ничего не вышло.

Георг Мясников:

«4 июня. Приехал Ф.Д. Кулаков… Прием. Бухой Валера (сын Кулакова) и его непонятный тост. Тост Ф.Д. Кулакова о Брежневе: «Это необыкновенный человек. Первый вопрос после съезда – о сельском хозяйстве»…

5 июня. Совещание актива. Кулаков выступал долго. Хорошо владеет материалами о положении дел в сельском хозяйстве страны. Много критиковал нас за недостатки и в полеводстве, и в животноводстве. Когда все закончилось, мигом накрыли столы и разлили. Пошли тосты один за другим. Ф.Д. опять говорил о «необыкновенном человеке»…

8 июня. Жаркий день. К одиннадцати часам в Лопуховке собралась вся пензенская «знать» с женами. Ф.Д. еще не появлялся, говорят, что он плохо спал ночь, вставал, ходил, не выспался… Засели играть в домино. «Козел» стал привилегией приезжающего начальства. Потом подсел Ф.Д. Опять все сели за стол…

Вдруг вспыхнул злой разговор. Кулаков стал критиковать Льва за плохие показатели по всем секторам экономики (общественному и личному) в той пятилетке. Влез я, пытаясь как-то перевести разговор. Искал компромисс:

– Если мы выглядим плохо по всем показателям личного сектора, то Саратов не только по личному, но и по общественному не выполнил, а ему орден дали.

– Дураки, что дали. Дуракам всегда дают.

Влезла Вера (жена Мясникова):

– Вы их критикует, а посмотрели бы, сколько они мотаются!

Вцепилась здорово! Дело обострилось.

– А, меня не понимают! Поехали, мне здесь делать нечего.

Лев пытался успокоить. Кое-как все улеглось, еще выпили. Но осадок остался. На предельной скорости поехали в Пензу, едва успели к отходу поезда. Масса народа. Валера (сын Ф.Д. Кулакова) опять бухой…

7 июня. Настроение хреновое. Просто поганое! Как можно одним пьяным шагом все испортить, отравить настроение всем и себе, породить столько переживаний? Не хочу думать, что там все так и все такие. Просто, скорее всего, голова закружилась от высоты положения, неожиданности возвышения, при старых подспудных привычках, да еще рожденных здесь, на пензенской земле, при сознании, что дозволено, и понимании или, вернее, самомнении, что уже почти божество, а не простой смертный. Все это, подогретое излишними дозами спиртного, вдруг вылилось наружу и брызнуло гноем из этого нарыва.

Зашел пораньше ко Льву. Обсуждать не хочется, мерзко. Он бросил одну фразу. Чего не бывает от излишнего спиртного! Все это пустяки. Дождя нет, вот это плохо..»

В феврале 1978 года Кулакову исполнилось шестьдесят лет. По случаю юбилея присвоили звание Героя Социалистического Труда. В те годы ходили слухи, будто Кулакова прочат в наследники Брежнева. Но верили им те, кто плохо знал расстановку сил в политбюро. Позиции Федора Давыдовича не были такими уж сильными. Напротив, его постепенно стали оттеснять от власти. В июле 1978 года собрался пленум ЦК по сельскому хозяйству. Но председателем комиссии по подготовке пленума назначили не Кулакова, что было бы вполне логично – он секретарь ЦК по селу, а главу правительства Алексея Николаевича Косыгина, которого обычно отстраняли от сельских дел.

Пленум закончился 4 июля, никаких важных решений не приняли. На следующий день, 5 июля, вспоминает Горбачев, супруги Кулаковы отмечали сорокалетие свадьбы. Горбачевы тоже были приглашены. Каждый из присутствовавших должен был произнести тост, бокал обязательно осушали до дна. Федор Давыдович был крупным мужчиной, чувствовал себя здоровым человеком и считал, что может крепко выпить. Но у него всегда было розовое лицо хронического гипертоника. А еще в 1968 году Кулакову сделали серьезную хирургическую операцию по поводу рака – удалили часть желудка. Ему, конечно, следовало ограничивать себя. Но, когда садился за стол, остановиться не

мог… Через несколько дней его не стало.

17 июля 1978 года Георг Мясников записал в дневнике:

«Только пришел к себе, Лев звонит: хреновая весть-умер Ф.Д. Кулаков. Как обухом по голове… При мне Лев говорил с Евдокией Федоровной. Ф.Д. чувствовал себя хорошо все время. Около семи вечера – озноб, температура. Около одиннадцати попросил поесть. Дали бутерброд и стакан чая. Лег спать, просил разбудить в семь. Пришли будить в семь, а он мертв. Позже патологоанатомы установили тромб. Может, замотал пленум ЦК и какие-то переживания в связи с этим…»

На следующий день новая запись:

«Мучает смерть Ф.Д. Кулакова. Какой-то нехороший фон (стали отодвигать, сидел не в том ряду). Может, и тромб, но нервное напряжение сильнее. Что-то случилось наверху. Сегодня прощание с ним. Ни Брежнева, ни Суслова, ни Косыгина не было. Они не сочли нужным прилететь проститься. Радио и телевидение просто передали сообщение, но ни на один тон не сбавили обычности передач. Траура нет.

Есть что-то загадочное и таинственное в его кончине: внезапность и неожиданность для всех, путаное медицинское заключение. Общие фразы о склерозе, причина смерти – «острая сердечная недостаточность с внезапной остановкой сердца». А отчего? О тромбе ни слова… Спешка с похоронами. Не успел умереть, гроб день постоял, и уже кремировали. Неуважение к нему…

Для Кулакова мартовский пленум 1965 года был восходом, июльский 1978 года стал закатом. Прожил в политбюро от пленума до пленума по сельскому хозяйству…»

Федор Давыдович ушел из жизни самым прискорбным образом.

В роковую ночь они с женой, Евдокией Федоровной, крупно поссорились. Он лег спать один. Говорят, что на ночь глядя еще добавил, и сердце у него остановилось. Утром охранники нашли его мертвым.

Руководители партии и государства находились в отпуске. Возвращаться на похороны им не захотелось. Брежнев удовлетворился тем, что велел прислать венок от его имени, хотя потом огорченно скажет Горбачеву:

– Жаль Кулакова, хороший был человек…

Михаил Сергеевич Горбачев как представитель Ставрополья был включен в похоронную комиссию и впервые поднялся на Мавзолей, чтобы произнести прощальное слово. Он говорил о том, что «светлый образ Федора Давыдовича Кулакова, славного сына Коммунистической партии, навсегда останется в наших

сердцах как пример беззаветной верности и героического служения партии, нашей Советской Родине».

Похоронили Кулакова 19 июля у Кремлевской стены. Руководил церемонией член политбюро Андрей Павлович Кириленко. В отсутствие Брежнева и Суслова он остался в Москве «на хозяйстве». Смерть Кулакова открыла цепь случайностей, которая вскоре приведет Горбачева к власти в стране.

Наследник Кулакова

Несмотря на печальный пример Кулакова, звездный час, тот единственный шанс, который дает судьба и который так легко упустить, совпал у нескольких наших видных политиков с тривиальной пьянкой в новом доме, построенном Управлением делами ЦК КПСС в престижном районе столицы.

Сейчас уже трудно установить, был ли в тот вечер будущий президент Советского Союза действительно пьян или же удержался в рамках разумной достаточности. Тот, кто наливал, молчит. Сам Горбачев, не отрицая факт употребления горячительных напитков по случаю полувекового юбилея старого друга по комсомолу, выражается туманно:

– Как у нас такие даты отмечаются, известно. По-русски – широко, с обильным угощением, дружеским разговором, с шуткой и песней… Нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Но мое состояние было вполне нормальным.

Пока Михаил Сергеевич гулял, решалась его судьба. Перспективного политика пожелал видеть генеральный секретарь, чтобы окончательно решить: способен ли Горбачев заменить Кулакова. На поиски бросили весь могучий аппарат ЦК КПСС, но проходил час за часом, а будущий президент как в воду канул.

Через много лет после этой судьбоносной пьянки сразу несколько мемуаристов пожелали рассказать о ней всю правду.

Первым свою версию изложил бывший помощник Горбачева, а потом предавший его активист ГКЧП Валерий Болдин в книге «Крушение пьедестала».

После смерти Кулакова, пишет Валерий Болдин, на смотрины в Москву вызвали кандидата в преемники – первого секретаря Ставропольского крайкома партии Михаила Горбачева. Но в решающую минуту кандидат исчез. Ушел утром из гостиницы и пропал. Брежнев был недоволен, Черненко злился. Речь уже зашла о том, чтобы вести к генеральному секретарю другого кандидата – первого секретаря Полтавского обкома Федора Моргуна, который гостиницы не покидал. Федор Трофимович учился в Днепропетровске, что для Брежнева было большим плюсом, работал на целине, получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

В папке у секретаря ЦК по кадрам Ивана Васильевича Капитонова были объективки и на других кандидатов помимо Горбачева и Моргуна. Фигурировали три фамилии:

– Иван Бондаренко, по профессии агроном, первый секретарь Ростовского обкома, пользовался репутацией крепкого хозяйственника;

– Григорий Золотухин, тоже начинал агрономом, первый секретарь Краснодарского крайкома, а потом министр заготовок;

– Владимир Карлов, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС.

Владимир Алексеевич Карлов в школьные годы подрабатывал чистильщиком дымоходов и звонарем в соборе, окончил Институт птицеводства при Воронежской сельскохозяйственной академии, работал зоотехником, пока его не взяли на комсомольскую работу. Во время войны руководил сельскохозяйственным отделом Сталинградского обкома. После войны Карлов стал первым секретарем Калининского обкома, вторым секретарем ЦК компартии Узбекистана. Кулаков его продвигал, посадил на свое место завотделом, сделал членом ЦК.

Все трое были людьми известными, все трое – Герои Социалистического Труда. Но Карлову уже исполнилось шестьдесят два года, Золотухину – шестьдесят семь. А хотели кого-нибудь помоложе и с более широким кругозором. Горбачев подходил идеально…

– Неизвестно, чем бы все кончилось, но знатоки жизни членов ЦК отыскали водителя машины, отвозившего Михаила Сергеевича, выяснили, кто живет в том доме, куда его доставили, и тогда определили, где он может быть, – вспоминает Валерий Болдин, намекая на некую фривольность поведения своего бывшего начальника, вырвавшегося на свободу из-под бдительного надзора Раисы Максимовны.

А кто же нашел Горбачева? Виктор Васильевич Прибытков, бывший первый помощник Черненко, вспоминает, как Черненко гневно сказал ему:

– Если за тридцать минут не найдешь Горбачева, то у нас есть и другие кандидатуры на секретарство!

Исполнительный Прибытков все-таки отыскал Горбачева. Но не допросив шофера (версия Болдина), а обратившись к своему приятелю, работавшему в ту пору у Горбачева в Ставрополье. Тот и подсказал, где искать шефа – в гостях у Марата Владимировича Грамова. Марат Грамов, еще один выходец из Ставрополя, трудился с Горбачевым в крайкоме, а в 1974 году его перевели в Москву, в отдел пропаганды ЦК.

«Веселенький» Горбачев успел вовремя попасть на Старую площадь, получил аудиенцию у Черненко, и на следующий день на пленуме Михаила Сергеевича сделали секретарем ЦК КПСС. Началось его восхождение к власти.

– Если бы я тогда оказался чуть менее расторопным, все сложилось бы по-иному, – вздыхает Прибытков. – Кто знает, поищи я его чуть дольше, и стал бы секретарем ЦК КПСС совсем другой человек…

Сразу после смерти Черненко Михаил Сергеевич убрал Прибыткова из ЦК КПСС и отправил в цензуру (Главлит).

Сам Михаил Горбачев с этой же исторической пьянки начинает свой увесистый мемуарный двухтомник «Жизнь и реформы». По версии Горбачева, не было ни болдинского шофера, ни телефонного звонка Прибыткова. Просто опоздавший на дружескую вечеринку товарищ сказал Горбачеву, что его давно ждут в ЦК. Михаил Сергеевич покинул гостеприимных хозяев и поехал к Черненко.

Тот день был действительно звездным часом в судьбе Горбачева. Он сделал первый шаг к тому, чтобы стать самостоятельным политиком и изменить судьбу страны. Сам Горбачев нисколько не сомневается, что вся история с пьянкой, долгими поисками, недовольством Черненко не могла остановить его политического взлета. Перемены в стране должны были произойти, он был призван их осуществить. И многие с ним согласятся. Мелкие аппаратные чиновники могли бы, наверное, при желании и при благоприятном для них стечении обстоятельств навредить Горбачеву. Но в реальности судьбу его решали другие люди.

Глава кремлевской медицины академик Евгений Иванович Чазов вспоминал, как после смерти Кулакова прилетел в Крым, где отдыхал Брежнев. Разговор зашел о смерти Кулакова. Думая, кем его заменить, Брежнев первой назвал фамилию Горбачева:

– Правда, есть и возражения, хотя большинство говорит, что он настоящий партийный руководитель. Вернемся в Москву – все взвесим.

Чазов пошел на соседнюю дачу к Константину Устиновичу Черненко. Тот был очень обеспокоен состоянием здоровья Брежнева:

– В этой ситуации важно, чтобы вокруг него были настоящие друзья, преданные люди.

Он с сожалением сказал о смерти Кулакова:

– На его место есть целый ряд кандидатур. Леонид Ильич хочет выдвинуть Горбачева. Отзывы о нем неплохие. Но я его мало знаю с позиций человеческих качеств, с позиций отношения к Брежневу. Вы случайно его не знаете?

Чазов пишет, что к этому времени он уже понял азбуку политической интриги – побольше молчать, поменьше говорить, не раскрывать свои карты и не верить в искренность собеседника.

Поэтому говорил о Горбачеве очень осторожно.

Назначением в Москву Горбачев обязан не Андропову, как это многим кажется, а главному партийному кадровику Ивану Васильевичу Капитонову, который по просьбе Брежнева подбирал кандидатов на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству (и предложил нескольких человек), и, конечно же, Михаилу Андреевичу Суслову, второму человеку в партии.

Мнения председателя КГБ Андропова относительно кадровых вопросов в партии не спрашивали. Решающий голос принадлежал Суслову. Он, как бывший секретарь Ставропольского крайкома, следил за своими наследниками и Горбачева знал.

Профессор Вадим Александрович Печенев, который работал в отделе пропаганды ЦК, а потом был помощником Черненко, рассказывал мне:

– Была любопытная деталь в той аппаратной жизни. Мы знали, что если сегодня в каком-то отделе появился инструктор или заведующий сектором с Урала, который традиционно курировал Кириленко, то завтра появится кто-то со Ставрополья, которое курировал Суслов. То есть они следили за соблюдением баланса…

Через два года Горбачев стал членом политбюро, этим он тоже обязан Суслову.

– Как раз в этот период я участвовал в работе над докладом и три недели наблюдал Брежнева, уже больного, – вспоминал профессор Печенев. – Он страдал от прогрессирующего склероза сосудов, поэтому у него было какое-то перемежающееся состояние. Один день он был способен слушать, что мы ему писали, и даже косвенно участвовать в обсуждении, а на другой – отключался. Он ориентировался на мнение Суслова и спрашивал: а что по этому поводу думает Михаил Андреевич?

25 января 1982 года Суслов, который был секретарем ЦК тридцать пять лет, умер. Освободился кабинет номер два на пятом этаже в первом подъезде основного здания ЦК КПСС. Пока Суслов был жив, путь в Кремль Андропову был заказан. Суслов его не любил.

Александр Яковлев, который в тот момент работал послом в Канаде, рассказал мне такую историю. Когда весной 1979 года канадские власти объявили персоной нон-грата и заставили покинуть страну двенадцать сотрудников КГБ, которые работали под крышей советского посольства в Оттаве, Андропов докладывал об этом на политбюро. Заканчивался его доклад предложением «укрепить посольство», то есть снять посла.

Когда Андропов это сказал, Суслов, сидевший справа от Брежнева, произнес только одну фразу:

– Товарища Яковлева не КГБ направляло послом в Канаду.

Это была защита номенклатуры и ведомственного мундира: партийные кадры – это не твоя епархия, не лезь в чужие дела. Юрий Владимирович, который боялся Суслова, побледнел, не договорил фразы и сел. Брежнев не стал продолжать обсуждение и сказал:

– Все ясно. Переходим к следующему вопросу.

Михаил Сергеевич Горбачев стал секретарем ЦК, затем членом политбюро. Но чувствовал себя неуверенно.

Профессор Вадим Печенев, помощник Черненко, рассказывал мне:

– Мы пытались изнутри какие-то вещи реформировать. Я считал, что надо отказаться от идеи строительства коммунизма и строить социализм, соответствующий тем идеалам, которые присущи русскому народу, например, стремлению к социальной справедливости. У нас был серьезный разговор с Горбачевым, который сидел тогда в кабинете Суслова. Я сказал ему, глядя в его располагающие к доверию глаза: «Надо отказаться от идеи строительства развитого социализма».

Горбачев задумчиво ответил:

– Вадим Алексеевич, мы уже отказались от построения коммунизма, сейчас мы отказываемся строить развитой социализм. Нас не поймут.

Работать с ним тогда было очень трудно, вспоминал Вадим Печенев:

– Я понимал, какие перед ним стояли личные задачи, поэтому ему мои усилия что-то изменить были безразличны. Все наши предложения он блокировал с консервативных позиций. Я этому удивлялся, не понимал, как может человек нашего поколения занимать такую консервативную позицию. Но он уже чувствовал близкую власть и не хотел делать ничего, что могло бы ему помешать.

До того момента, как Горбачев стал генеральным секретарем, он держался фантастически осторожно. А когда стал хозяином страны, то решительно отринул прошлое. И покойника Федора Давыдовича Кулакова, который открыл ему дорогу наверх, вспоминал крайне редко. А ведь Кулаков вошел в историю как человек, без которого карьера Горбачева, возможно, и не состоялась. В отличие от других героев этой книги Кулаков в реальности не покончил жизнь самоубийством, но людская молва этому не верит и продолжает считать обстоятельства его смерти более чем загадочными…

Неожиданным и скорбным завершением этой истории стало самоубийство упоминавшегося в этой главе тогдашнего первого

секретаря Пензенского обкома Льва Борисовича Ермина, агронома по образованию, окончившего Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт. Меньше чем через год после смерти Кулакова его перевели в Москву первым заместителем председателя Совета министров РСФСР. В 1985 году, при Горбачеве, Ермин возглавил республиканский агропром.

Для многих советских чиновников девяностые стали временем личной трагедии. Они остались без дела, страдали от невостребованное™. Судьба Ермина в этом смысле сложилась удачнее. Он был представителем администрации Пензенской области при российском правительстве. Выйдя на пенсию, руководил Пензенским землячеством в Москве.

Около девяти утра 9 ноября 2004 года он вышел из квартиры, открыл окно на лестничной площадке восьмого этажа и бросился вниз. Ему было 82 года. В октябре он лечился в Центральной клинической больнице – врачи обнаружили у него суицидальные наклонности. Он выписался и все равно говорил о самоубийстве. Лев Борисович страдал приступами сильнейшей головной боли, повторял: если боль не прекратится, он покончит с собой…

В одном с ним доме жили бывший председатель КГБ Владимир Крючков и родственники бывшего управляющего делами ЦК КПСС Николая Кручины. Когда-то следователи допрашивали Ермина по его делу. Но об этом в одной из следующих глав.

Глава 6
Келдыш. Двери были закрыты

Мстислав Всеволодович Келдыш пятнадцать лет был президентом Академии наук СССР. Он получил три Звезды Героя Социалистического Труда, Ленинскую и две Сталинские премии, его сделали членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета. К нему с почтением относилась власть. Его уважали и любили коллеги и ученики. Весь мир знал его как выдающегося математика и блистательного организатора. Келдыш сыграл огромную роль в развитии авиации и космических исследований, в создании отечественного ракетно-ядерного оружия.

И при всей своей всенародной славе и удаче Мстислав Всеволодович – особенно на склоне лет – казался человеком мрачным, грустным и не очень счастливым. Некоторые академики даже считали его трагической фигурой. И многим кажутся загадочными и обстоятельства его ухода из жизни.

Он скончался в июле 1978 года, вскоре после смерти секретаря ЦК Федора Кулакова. Келдыша нашли мертвым в собственной машине, которую он так и не вывел из гаража. Из рассказа академика Чазова, который руководил тогда медициной для начальства, можно сделать вывод, что Мстислав Всеволодович ушел из жизни по собственной воле. Впрочем, друзья и родные эту версию категорически не приемлют. Когда я делал телевизионную передачу о Келдыше, его сестра Вера Всеволодовна говорила:

– Мы все возмущены такой версией. Возмущены!

Самолеты танцуют шимми

Мстислав Всеволодович Келдыш родился в феврале 1911 года – пятый ребенок в семье известного строителя. Его отец преподавал в Рижском политехническом институте. Потом появились еще две девочки. Всего было семеро детей.

Отец хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Но Мстислав Всеволодович закончил школу очень рано – в шестнадцать лет, и в строительный институт его не взяли. Тогда старшая сестра отвела юношу на математический факультет университета. Экзамены он сдал легко. После университета пригласили на работу в Центральный аэро-гидродинамический институт, где испытывали все новые самолеты. Институт построили в тридцатых годах рядом с поселком Стаханово, который со временем превратился в город Жуковский.

Начальником института заместитель наркома авиационной промышленности по научной работе и опытному строительству Александр Сергеевич Яковлев и секретарь Московского обкома по авиапромышленности Николай Павлович Фирюбин сделали в июне 1940 года одного из первых советских военных летчиков Ивана Федоровича Петрова.

Генерал Петров превратил Жуковский в центр авиационной науки. Петров подбирал достойные кадры, создавал им условия для полноценной работы и их защищал. Келдышу как сыну царского генерала не давали допуска к секретной работе, но Петров его поддержал. Петров получил у Сталина разрешение строить для своих работников жилые дома, где давали не комнаты, а отдельные квартиры. И добился перевода института на особое снабжение продуктами.

Работая в ЦАГИ, Келдыш решил две сложнейшие задачи, которые сделали его знаменитым, а полеты на самолетах безопаснее. В двадцатые годы один за другим стали гибнуть летчики-испытатели, поднимавшие в воздух новые самолеты, которые развивали уже значительные по тем временам скорости. Машину внезапно охватывала бешеная дрожь, и она разваливалась прямо в воздухе.

Англичане первыми предположили, что виной всему тряска, по-английски – флаттер. Сначала казалось, что все дело в резонансе. Известно же, что солдатам на мосту не разрешают ходить строем, чтобы он не рухнул. Но авиация столкнулась с куда более сложным явлением. Над проблемой флаттера ломали голову многие математики. В ЦАГИ этим занималась специальная группа. Подключили Келдыша. Он обнаружил, что выводы,

сделанные группой, ошибочны. Их применение привело бы к гибельным для самолетостроения последствиям.

Келдыш первым понял природу этого таинственного явления, рассчитал математическую модель крыла и объяснил, как надо избегать флаттера. За этим решением стояло не только гениальное озарение, но и многие часы вычислений – компьютеров еще не было.

«В те годы, – писал генерал Петров, – существовала тенденция объяснять все летные происшествия либо неумелостью, невнимательностью или хулиганством летчика («самоубийцы»), либо вредительством. Конечно, такое бывало в действительности, но эти причины составляли лишь незначительную часть от общего их числа. Вскрытие истинной причины аварии или катастрофы означало предотвращение их повторений, то есть спасало жизни многих людей».

Но уволенный из института бывший руководитель группы написал в ЦК письмо, в котором обвинил руководство ЦАГИ и лично Келдыша в «неправильных действиях, наносящих вред стране». В начале 1940 года этот вопрос разбирал народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия. Он сразу же предположил, что в ЦАГИ засели враги. И тут Келдыш, самый молодой по возрасту и младший по должности, тихим голосом сказал:

– Вы не правы, товарищ народный комиссар.

Его слова, как ни странно, успокоили Берию. Келдыш обладал удивительной способностью убеждать – не только коллег, способных оценить его аргументы и красоту мысли, но и малограмотное начальство. Опираясь на работу Келдыша, авиаконструкторы избавились от флаттера. Келдыш получил в 1942 году Сталинскую премию и вскоре был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Вторая решенная им проблема именовалась шимми – по названию модного некогда танца. Из-за шимми погибло немало машин. Первые самолеты при посадке опирались на третье, хвостовое колесо. Чтобы дать самолетам возможность садиться на высоких скоростях, сменили схему и поставили носовое колесо. Но это колесо почему-то виляло из стороны в сторону, и машина попадала в аварию.

Келдыш задался вопросом, который другим не приходил в голову: а как надувное колесо самолета взаимодействуете поверхностью, по которой катится? Он меньше чем за год разработал математическую модель этого взаимодействия, и авиаконструкторы забыли, что такое шимми. Келдыш получил вторую Сталинскую премию и в 35 лет стал академиком.

В будущем он станет столь же блистательно находить причины аварий ракет, математически описывая сложнейшие процессы внутри двигателя. Занимаясь математикой, он всегда видел перед собой конкретную задачу, которую предстояло решить. Келдыш сумел поставить математику на службу инженерно-конструкторскому делу. И потому оказался так полезен.

Келдыш участвовал в создании ракетно-ядерного оружия. Он занялся теорией движения многоступенчатых (составных, как тогда говорили) ракет, работой жидкостных реактивных двигателей, управлением полетами ракет. Реактивный научно-исследовательский институт переименовали в НИИ-1. На Келдыша возложили руководство научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами по созданию межконтинентальных крылатых ракет. Он занимался баллистикой, астронавигацией и теплозащитой.

Он руководил Институтом прикладной математики и занимался расчетами, связанными с созданием водородной бомбы. Математика позволяла оценивать результаты экспериментов, заменять их расчетами тогда, когда эксперименты невозможны, и разрабатывать оптимальные технические конструкции.

Без огромной работы математиков не было бы ни ядерной бомбы, ни ракет. Нов полной мере талант Келдыша – и математический, и организаторский – проявился в космонавтике.

Двадцать лет он руководил научными исследованиями космоса. В 1956 году возглавил комиссию по созданию искусственного спутника Земли, его заместителем стал главный конструктор космической техники Сергей Павлович Королев. Первую Золотую Звезду Героя Социалистического Труда Келдыш получил 11 сентября 1956 года, а 27 декабря 1957 года стал лауреатом Ленинской премии.

Космические исследования сделали Келдыша знаменитым на весь мир. Келдыш, который собрал в своем институте молодых и талантливых математиков, занимался теорией космического полета, теорией движения ракет с жидкостными двигателями, теорией управления ракет, системами астронавигации. Без точных математических расчетов ни одна ракета не попала бы в цель.

– Я считаю Мстислава Всеволодовича выдающимся математиком столетия, – говорит ректор Московского университета академик Виктор Антонович Садовничий. – Но у него еще было чутье человека, умеющего применять результаты на практике. Это сочетание понадобилось в работе в

космонавтике. Другой человек не смог бы стать главным теоретиком космонавтики.

Он собрал вокруг себя замечательный коллектив вычислителей, из которых сложился и ныне существующий Институт прикладной математики.

– Прежде чем запустить космический корабль, – объясняет академик Садовничий, – надо было просчитать его орбиту, точно знать ее параметры, просчитать поведение корабля на орбите, возможности им управлять, вернуть на землю, рассчитать воздействие атмосферы на спускающийся корабль. И он со своими коллегами справился блестяще. Причем если запуск корабля на околоземную орбиту – сложная задача, то какой же невероятной сложности были расчеты запуска лунника на обратную сторону Луны и его возвращения на Землю с пробами лунного грунта. Эта задача и сейчас с трудом укладывается в сознании. Но Келдыш и его группа все эти расчеты сделали.

Ни один проект в космонавтике и в ракетной технике не получал зеленого света без заключения экспертной комиссии, которую возглавлял Келдыш. В 1961 году его избрали президентом Академии наук. Сменить руководство академии распорядился Никита Сергеевич Хрущев.

На президентском посту

В 1951 году умер известный физик Сергей Иванович Вавилов, который шесть лет возглавлял Академию наук. Второй человек в партии – Георгий Максимилианович Маленков пригласил к себе ректора Московского университета и директора Института органической химии Александра Николаевича Несмеянова и предложил ему возглавить академию.

Кандидатуру Несмеянова предложил Юрий Андреевич Жданов, зять Сталина, который руководил наукой в аппарате ЦК. Жданов, по образованию химик, учился у Несмеянова. «Быстрый, подвижный, решительный, – таким увидела сталинского зятя жена академика Несмеянова, – маленький Наполеон!»

Между Сергеем Вавиловым и Александром Несмеяновым – помимо крупных научных достижений – было еще нечто общее: репрессированные братья. Брат Сергея Вавилова, Николай Иванович, выдающийся биолог, погиб в заключении. Один из братьев Александра Несмеянова, Василий Николаевич, талантливый геодезист, был расстрелян в 1941 году. Но Сталин любил иногда назначать на высокие должности людей с темными (по советским меркам) пятнами в биографии. Ему казалось, что такие люди будут служить еще преданнее…

После избрания Несмеянов сказал:

– Я благодарю вас за то исключительное доверие, которым вам угодно было меня почтить. Эта честь тем более для меня тягостна, что я отчетливо понимаю, что она совершенно мной не заслужена… Никто не мог бы заменить полноценно Сергея Ивановича Вавилова на его посту. Но это в особенности справедливо в отношении меня: я не обладаю ни одним из выдающихся качеств Сергея Ивановича. Единственный выход состоит в том, чтобы эту недостающую многогранность президента восполнить дружной работой коллектива.

Академик Несмеянов был замечательным химиком, прекрасным организатором и человеком весьма здравомыслящим. Но увлекся идеей, которая многим его современникам казалась безумной. В десять лет Несмеянов перестал есть мясо, потом отказался и от рыбы. Став химиком, он пришел к выводу, что все белки состоят из одних и тех же аминокислот, и это натолкнуло его на идею создания белковой пищи искусственного происхождения. Он надеялся избавить страну от проблем с продовольствием. Он выступал с лекциями и даже устраивал дегустацию своих изделий. Газеты писали, что невозможно отличить натуральный бифштекс от синтетического. Мои

родители в юности тоже оказались на такой презентации и пробовали черную икру, сделанную в лаборатории Несмеянова. На настоящую икру у них не было денег, жили они очень скудно, но не без содрогания думали: неужели эксперимент академика удастся и вся еда станет такой же невыносимо невкусной?

Но в главном деле Несмеянов был человеком принципов. Мальчиком, в девять лет, он сочинил молитву, которую читал на ночь:

– Господи! Дай мне ум – острый и быстрый, гибкий и глубокий, широкий и высокий, могучий ум!

Руководить академией Несмеянову пришлось в основном в хрущевские годы. Александр Несмеянов исходил из того, что ученые, занимающиеся академической наукой, должны решать фундаментальные задачи, которые только на первый взгляд кажутся далекими от жизни, а в реальности они-то и питают производство. Он называл академию «теоретическим вождем в науке». Хрущев же требовал от науки немедленной отдачи.

Никита Сергеевич обвинял Академию наук в оторванности от жизни, демонстрировал недовольство академиками, считая, что они слишком мало уделяют внимания практике. Несмеянов не соглашался с реформой академии. Сказал Хрущеву:

– Петр Первый вошел в историю тем, что создал академию наук…

Смысл фразы был понятен.

Не нравилось Хрущеву и то, что Несмеянов не собирался в угоду развитию ракетной техники ломать все планы академии, отдавать ей все ресурсы. Президентом были недовольны ракетчики. Они хотели завоевать более важные позиции внутри академии. Они попытались избрать Сергея Королева вице-президентом, но не получилось, потому что в академии ценились представители фундаментальных наук. Тогда ракетчики стали доказывать и в правительстве, и в ЦК, что президентом нужно избрать математика Мстислава Келдыша. Эта кандидатура устроила решительно всех. Келдыша считали более послушным, более близким к ЦК.

«Келдыш и Курчатов, – вспоминал Хрущев, – в нашем понимании тогда были связаны неразрывно, как люди, работавшие над созданием ракет и ядерных зарядов к ним. Поэтому к Келдышу у нас тоже было особое уважение. Когда на одном из заседаний Совета Министров мы, пригласив туда президента Академии наук СССР Несмеянова, высказали в его адрес критические замечания, в ответ он, будучи очень спокойным и очень деликатным человеком, предложил:

– Может быть, следует вместо меня назначить на пост

президента Академии наук Келдыша?

Мы его поддержали:

– Обсудим, подумаем.

Вскоре пришли к выводу, что, действительно, полезно было бы выдвинуть Келдыша президентом. Несмеянов подал в отставку, а Келдыша поддержали академики, избрав его своим президентом. До меня сейчас доходят слухи, что не все ученые довольны Келдышем. Это не должно никого удивлять: трудно, занимая такой пост, угодить буквально всем».

4 мая 1961 года президента Академии наук пригласил к себе первый заместитель главы правительства Алексей Николаевич Косыгин. Несмеянов проводил совещание. Он удивился спешному вызову в правительство и попросил своих помощников:

– Вы никуда не уходите, я скоро вернусь, и мы продолжим работу.

Косыгин, испытывая неловкость, попросил Несмеянова подать в отставку и предложил подготовить сессию для избрания нового академика. Это поручение Косыгину дал Хрущев. Никита Сергеевич не захотел сам вести неприятный разговор. Несмеянов повел себя исключительно достойно. Он даже сам придумал причину, по которой уходит. Вернувшись из правительства, собрал президиум академии и объявил, что истек десятилетний срок его работы на посту президента и что он рекомендует новым президентом Келдыша.

Члены президиума были ошеломлены новостью и молчали. Пауза затягивалась. Несмеянов снова взял слово:

– Товарищи, я понимаю, что вы не успели собраться с мыслями. Но я хотел бы подчеркнуть: по моему глубокому убеждению, Мстислав Всеволодович Келдыш будет очень хорошим президентом, гораздо лучше, чем предыдущий. Но своим молчанием вы ставите Мстислава Всеволодовича в не очень ловкое положение. Поэтому прошу вас высказываться и присоединить свой голос к моему совершенно искреннему голосу.

Обращаясь к Несмеянову, академик-секретарь отделения физико-математических наук Лев Андреевич Арцимович сказал:

– Наше молчание связано с уважением к вам. Для меня, например, это новость, что президент уходит. И если бы мы сейчас сразу же стали выражать свое глубокое желание избрать Мстислава Всеволодовича, то это носило бы некрасивый характер… Я считаю, что Александр Николаевич был прекрасным президентом. И я надеюсь, что Мстислав Всеволодович будет не хуже, будет на том же уровне..

Несмеянов потом лояльно относился к преемнику, но не согласился с тем, что Келдыш упростил правила: при нем

выдвигать в Академию наук могли уже не только академики, но и члены-корреспонденты. Несмеянов считал, что избрание в Академию должно быть исключительно трудным делом. Келдыш пытался омолодить кадры в Академии наук, ввел в устав пункт о том, что директор института не может быть старше 65 лет. Но постоянно делались исключения, так что ничего из этого не получилось.

15 июня 1961 года Келдыш возглавил академию. На новом посту он столкнулся с проблемами не только научного, но и политического свойства. Хрущев хотел вывести научные институты из подчинения академии, передать их министерствам и отправить подальше от Москвы и поближе к производству – пусть ученые поварятся в рабочем котле.

Особо Хрущев обижался на академиков из-за Лысенко.

Видные ученые-биологи давно доказывали, что деятельность «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко идет во вред сельскому хозяйству. Ни один из обещанных им чудо-сортов пшеницы так и не появился. Зато он успешно мешал другим биологам внедрять свои сорта, выведенные в результате долгой селекционной работы. Но Хрущев верил в его таланты. В отличие от Несмеянова Мстислав Всеволодович возражать первому секретарю ЦК не решался.

На общем собрании академии 26 июня 1964 года сторонники Лысенко выдвинули в академики яростного борца против генетики Николая Ивановича Нуждина, которого в 1953 году избрали членом-корреспондентом.

Возразили авторитетные в академии люди – создатель молекулярной биологии Владимир Александрович Энгельгардт, физики Андрей Дмитриевич Сахаров, Яков Борисович Зельдович, лауреат Нобелевской премии Игорь Евгеньевич Тамм. Они не сочли за труд познакомиться с «научными» трудами Нуждина и доказали, что он не внес никакого вклада в биологическую науку. Он представил большой перечень трудов, но ничего самостоятельного – это были статьи со множеством соавторов. Иначе говоря, Нуждин, как водится, ставил свою фамилию под работами, выполненными его подчиненными.

– Мне не известно за членом-корреспондентом Нуждиным каких-либо вкладов в сельскохозяйственную практику, в селекционное дело, – говорил Энгельгардт, – которые можно было бы хотя бы отдаленно сравнить с вкладом других кандидатов на вакансии по генетике. Следовательно, ясно, что в нашем суждении мы должны исходить из теоретических работ члена-корреспондента Нуждина. Критерий научного потенциала ученого – частота цитирования в работах других исследователей.

Просмотрев указатель авторов, цитированных в ряде монографий за последние годы по генетике, я не нашел упоминаний имени Нуждина. Я не нашел также упоминаний об этих работах, перелистав несколько ведущих журналов за последние годы. Поэтому я не могу считать кандидатуру члена-корреспондента Нуждина отвечающей тем требованиям, которые мы предъявляем к самому высокому рангу ученых нашей страны.

Следующим попросил слово Сахаров:

– В том документе, который нам выдан, есть такие слова: «Много внимания уделяет Н.И. Нуждин также вопросам борьбы с антимичуринскими извращениями в биологической науке, постоянно выступая с критикой различных идеалистических теорий… Его общефилософские труды связаны с дальнейшим развитием материалистического учения И.В. Мичурина и других корифеев биологической науки…» Дело научной совести академиков – понимать, какое реальное содержание скрывается за этой борьбой с антимичуринскими извращениями, с развитием философских трудов других корифеев биологической науки…. Я призываю проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нуждиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются.

Когда Сахаров вернулся на свое место после выступления, Лысенко громко сказал:

– Сажать таких надо!

Потом Трофим Денисович вскочил:

– Я выражаю протест президиуму за такие позорные суждения!

Но слово получил Тамм:

– Мы, несомненно, находимся сейчас в начале эпохи великих открытий биологии – установления механизма наследственности, структуры гена, механизма синтеза белков, наконец, расшифровки генетического кода. Поэтому с государственной точки зрения важнейшим является развитие этой, к сожалению, сильно отставшей в нашей стране области наук. Я должен сказать, что член-корреспондент Нуждин не только не способствовал проникновению этой науки в практику, но, наоборот, был одним из важнейших противников, тормозивших и препятствовавших этому. И мне кажется совершенно несомненной необходимость голосовать против этой кандидатуры.

Лысенко обратился к Келдышу:

– Я, Мстислав Всеволодович, выражаю категорический

протест против приписывания академиком Сахаровыми каких-то позорных явлений, виновником которых были якобы Лысенко и Нуждин. Это клевета! Я заявляю категорический протест, что президиум это допускает и не прервал оратора. Здесь речь идет не о науке. Я требую: предъявите мне тогда обоснованные обвинения. Требую от президиума. Клеветники всегда найдутся!

Келдышу пришлось отвечать:

– Я думаю, что выступление Сахарова было неправильным и нетактичным. Вопросы развития биологии в нашей стране серьезно обсуждались полтора-два года назад. В результате было принято решение ЦК партии и Совета Министров. Мы будем руководствоваться в развитии биологии этим решением.

Лысенко настаивал:

– А президиум разделяет клеветническое заявление Сахарова или нет? Вы сказали, что вы не разделяете. А президиум?

Келдыш:

– Этот вопрос специально президиум не обсуждал. Но президиум считает нужным вести работу в духе постановления ЦК партии и Совета Министров, которое вам хорошо известно, Трофим Денисович.

Слово попросил Зельдович:

– Трофим Денисович Лысенко выступил, защищая свою честь. Я согласен с тем, что эта дискуссия была здесь неуместна, но, к сожалению, ни Трофим Денисович, никто другой ничего не сказали в защиту Нуждина.

На голосовании Нуждина – единственного из всех кандидатов! – прокатили.

Академики, конечно же, бросили открытый вызов самому Лысенко, олицетворявшему лженауку. Хрущев, раздраженный оппозицией Академии наук Лысенко, которого он считал полезнейшим практиком, разозлился:

– Мы разгоним к чертовой матери Академию наук, потому что наука должна быть в отраслях производства, там она с большей пользой идет…

Секретарь Новосибирского обкома Федор Степанович Горячев рассказывал, что Хрущев уже дал ему указание подыскать в области место, где разместится переведенная из Москвы Академия наук. Но осенью Хрущева отправили на пенсию, и все изменилось.

Первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Ефимович Шелест возмущался на собрании актива в Киеве:

– Товарищи, академик Сахаров – наш молодой замечательный атомщик-теоретик, один из создателей нашего атомного и водородного оружия, – выступил в Академии наук и сказал в

адрес Лысенко, что у нас биологическая наука загнана и что товарищ Лысенко только мешает развитию биологической науки. (Шум в зале, аплодисменты.) Лысенко способствовал разгону кадров в науке сельскохозяйственной, а вообще, если взять, то у нас сельскохозяйственной науки так и нет. А что Хрущев? Вызывает прокурора: ты, Лысенко, напиши заявление, а вы, юристы, найдите такую статью, чтобы привлечь Сахарова к ответственности за нанесение оскорбления…

Когда в ЦК перестали поддерживать Трофима Денисовича Лысенко, Келдыш воспользовался этим, чтобы восстановить в правах современную биологию, да и другие науки, которые считались буржуазными и вредными. 1 февраля 1965 года на Общем собрании академии Келдыш сказал:

– На развитии биологии в большой мере отразилось монопольное положение группы ученых, возглавляемой академиком Лысенко, отрицавшей ряд важнейших направлений биологической науки и внедрявшей свои точки зрения, часто не соответствующие современному уровню науки и экспериментальным фактам… Для внедрения точек зрения академика Лысенко были использованы методы администрирования… Исключительное положение, которое занимает академик Лысенко в науке, не должно продолжаться…

2 сентября 1965 года на заседании президиума большой академии, президиума Академии сельскохозяйственный наук и коллегии Министерства сельского хозяйства рассматривались итоги проверки экспериментального хозяйства «Горки Ленинские» под руководством Трофима Лысенко.

– Мне кажется, очень важно отметить, что методическая сторона работы «Горок Ленинских» не выдерживает критики, – подчеркнул президент академии, – и не может быть такого положения, чтобы в Академии наук существовала лаборатория, которая вела бы свою работу вне требований, предъявляемых к научной работе.

Советские партийные и государственные чиновники всеми правдами и неправдами пробивались в академию. Они понимали, что рано или поздно лишатся хлебного места в аппарате, но из академии их не исключат, и будут они получать высокую зарплату, смогут пользоваться машиной и академической поликлиникой. Действительный член Академии наук – свидетельство высокого социального статуса и некая гарантия материальных благ. И вообще – одно дело пенсионер, тоскующий на лавочке у подъезда, другое – академик…

Во время академических выборов ЦК прилагал особые усилия для того, чтобы провести нужных людей. Выступать против

влиятельных кандидатов уже мало решался. Но голосование оставалось тайным, и академики имели возможность проявить самостоятельность. В 1972 году академиком пытались избрать министра высшего и среднего специального образования Вячеслава Петровича Елютина. Он был директором Московского института стали и сплавов, а потом два десятка лет руководил министерством.

Против выступил ректор московского университета академик Иван Григорьевич Петровский, который видел в министре олицетворение советского бюрократизма. Избрание Елютина академиком затруднило бы полемику с ним. Но самому Петровскому выступать против своего министра было не с руки. Он обратился за помощью к выдающемуся физику-теоретику академику Михаилу Александровичу Леонтовичу.

Академиков выбирают в два этапа. Сначала за него голосуют коллеги по отделению, после чего окончательное решение принимает общее собрание Академии наук. На собрании секретарь отделения доложил, что химики проголосовали за Елютина.

– Есть ли вопросы? – поинтересовался президент академии.

Обычно вопросов не бывает. Но тут Михаил Леонтович попросил секретаря отделения охарактеризовать научные достижения будущего академика. Тот перечислил работы Елютина.

– А когда эти работы были опубликованы? – поинтересовался Леонтович.

Выяснилось, что все они появились до 1958 года.

– Но позвольте, – сказал Леонтович, – именно за эти работы мы его в 1962 году избрали членом-корреспондентом. А что им сделано с тех пор?

Секретарь отделения не знал, что ответить.

– И вообще, – твердо заявил Леонтович, – мне непонятно, как можно одновременно быть министром и работающим ученым, достойным избрания в академики!

Елютина прокатили. Академиком министр не стал. Келдышу это был неприятно. Его считали виноватым в том, что он «не обеспечил избрания одобренного в ЦК кандидата». Но он ничего не мог поделать с человеком такой порядочности и принципиальности, как Михаил Леонтович. Во время выборов в академию осенью 1946 года он написал заявление, вошедшее в историю:

«Довожу до вашего сведения, что я отказываюсь баллотироваться в действительные члены Академии наук СССР и прошу мою кандидатуру снять с баллотировки. Среди

представленных в качестве кандидатов в действительные члены АН имеются уже два кандидата физика-теоретика, которые, на мой взгляд, являются несомненно достойными избрания, – это профессора И.Е. Тамм и Л.Д. Ландау. Поэтому, не желая конкурировать с этими кандидатами, я и считаю нужным свою кандидатуру снять…»

Стремившиеся в академики чиновники не обладали и малой толикой такого благородства. Во главе отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС Брежнев держал своего давнего помощника Сергея Павловича Трапезникова. В пятидесятые годы он был директором республиканской Высшей партийной школы и одновременно главным редактором журнала «Коммунист Молдавии». В Кишиневе он вошел в команду Леонида Ильича, которая писала первому секретарю ЦК Компартии Молдавии речи и статьи.

Перед назначением Брежнев поделился со своим помощником по международным делам Александровым-Агентовым:

– Знаешь, я думаю заведующим отделом науки сделать Трапезникова. Как ты думаешь?

Александров-Агентов признавался потом, что пришел в ужас: Трапезников – безграмотный, примитивный человек. Он сказал Леониду Ильичу:

– У меня в сейфе лежит написанная Трапезниковым от руки бумага, в которой на одной странице восемнадцать грубейших орфографических ошибок. И этот человек будет руководить развитием нашей науки, работой академиков?

Брежнев нахмурился и оборвал разговор. Не сказал, что, вероятно, думал: грамотных людей полно, а по-настоящему преданных куда меньше… Трапезников был редкостным мракобесом. Горестно вопрошал:

– Что же будет с марксизмом, когда мы умрем?

Трапезников стал членом ЦК, депутатом Верховного

Совета, а мечтал быть академиком. Трапезников выставил свою кандидатуру в члены-корреспонденты Академии наук. Обществоведы его кандидатуру одобрили. Но 2 июля 1966 года на общем собрании академии против Трапезникова смело выступил академик Игорь Евгеньевич Тамм, один из выдающихся физиков, лауреат Нобелевской премии:

– Речь идет не о том, что он может быть очень хорошим начальником отдела науки. Не об этом идет речь, а речь идет о научных заслугах.

Таковых не оказалось. Трапезникова при тайном голосовании прокатили. Президент академии Мстислав Келдыш доложил о

неудаче главному партийному идеологу Михаилу Андреевичу Суслову. Тот распорядился еще раз провести голосование. Трапезникова опять провалили. Через десять лет, в 1976 году, он стал членом-корреспонден-том Академии наук. В полные академики так и не пробился, зато попортил немало крови подчиненным ему ученым.

Брежнев и его политбюро демонстрировали полнейшее уважение Келдышу. Относились к нему с уважением, потому что его мнение было столь весомо, столь авторитетно, что не замечать этого было нельзя. И власть это понимала и признавала. И он, конечно же, обладал колоссальным умением убеждать.

Келдыш держался очень самостоятельно. Может быть, еще и потому, что математик – в отличие от инженера, конструктора, создателя ракет – не так сильно зависит от расположения начальства. Математику не нужны ни заводские корпуса, ни лаборатории, ни полигоны. И Келдыш упрямо отстаивал свои позиции, не боялся ссориться с начальством.

На заседании президиума Совета Министров первый заместитель главы правительства Дмитрий Степанович Полянский ему сказал:

– Вы просите так много средств на развитие научных исследований, но ведь у вас в науке так много бездельников.

Келдыш тут же ответил:

– Во-первых, я совершенно не согласен с вашим заявлением. Во-вторых, я считаю, что бездельников в государственном аппарате значительно больше.

Косыгин его поддержал:

– Правильно он нас уел.

Келдыш тратил много времени на изучение других отраслей науки, подолгу беседовал с академиками, вникал в их нужды.

– Его характерная черта, – отмечает лауреат Нобелевской премии академии Жорес Иванович Алферов, – способность войти в курс дела, разобраться в проблемах в чужой области, в которой он сам непосредственно не работал.

В 1971 году Алферов вернулся после шестимесячной работы в США. Он уже занимался исследованиями полупроводниковых гетероструктур, которые в 2000 году были отмечены Нобелевской премией. И вот в институт, где он работал, приехали президент Академии наук, вице-президенты, главный ученый секретарь и много других ученых.

Алферов заведовал сектором. В его крохотный кабинет набились все великие научные мужи. Директор института предупредил:

– Жорес, у тебя три минуты.

За три минуты Алферов должен был рассказать о тех работах, которые он вел. Алферов посмотрел на Келдыша и спросил:

– Как доехали? Как себя чувствуете?

– Хорошо.

– А как вам Ленинград?

Ну, о чем можно говорить, если у тебя три минуты? Мстислав Всеволодович посмотрел на Алферова и сказал:

– У вас столько времени, сколько вы считаете необходимым.

Президент Академии наук провел в лаборатории два с половиной часа. И с тех пор Алферов всегда ощущал его поддержку и внимание. Он сыграл важнейшую роль в избрании Алферова – на следующий год – членом-коррес-пондентом Академии наук.

Каждый сотрудник мог прийти к Келдышу и посоветоваться, и он помогал. Работать с ним было страшно интересно и увлекательно. Но если сотрудник не выполнил задание и еще пытался это скрыть, то Келдыш переставал обращать на него внимание. Это было самое страшное наказание. Он не спускал даже малейшей оплошности.

Расстрелянный брат

Его бывшие аспиранты вспоминали, что «при господствовавшем в то время нигилистическом отношении к своему внешнему виду замечались отсутствие «пузырей» на брюках, до блеска начищенная обувь, галстук и всегда выбритое лицо». Сразу было видно: «Мальчик из хорошей семьи». Келдыш знал французский, немецкий, ему пришлось выучить еще и английский «эту современную латынь науки и техники», как пишет выдающийся ученый-механик академик Александр Юльевич Ишлинский.

Мстислав Всеволодович говорил тихо и немногословно. Если сердился, еще понижал голос. Хорошо воспитанный, избегал фамильярности и панибратства. Но в нем происходила мгновенная смена настроений. При желании мог отбрить. Келдыш часто подозревал окружающих в глупости и подлости. У него были для этого все основания.

По мнению академика Никиты Николаевича Моисеева, «Келдыш был сыном генерала и внуком генерала, и он полностью усвоил генеральское высокомерие. Пережив в молодости все горести дворянского изгойства, он тем не менее в последующие, тоже достаточно трудные годы не очень стремился облегчать участь себе подобных. Келдыша люди боялись».

Академикам приходилось с ним спорить и ссориться. Он был «не сахар», как выразился один из его коллег. Директор Института высоких температур академик Александр Ефимович Шейндлин рассказывал, как в кабинет Келдыша вошел первый вице-президент Академии наук Михаил Дмитриевич Миллионщиков. Келдыш сурово посмотрел на него и сказал:

– Я вас не звал. Зачем вы пришли?

Академик Миллионщиков молча повернулся и ушел.

Хотя были люди, которые Келдыша не боялись, и он признавал их ум и познания. Он понимал, что ученым нужна атмосфера и творческого поиска. В его институте никогда не было соцсоревнования, которое было форменным издевательством над учеными.

В молодости говорили о вспыльчивом, цыганском темпераменте Келдыша (уверяли, будто в жилах одной из его бабушек, жены генерала от инфантерии Александра Николаевича Скворцова, текла цыганская кровь). Другим его дедом был Михаил Фомич Келдыш, который окончил духовную семинарию, но стал военным врачом и тоже дослужился до генерала.

Мстислав Всеволодович первое время писал в анкетах: «из

дворян». При такой биографии его с трудом приняли в партию. Спас положение присутствовавший секретарь райкома, у которого была инструкция обеспечить партбилет важному для страны ученому.

В 1936 году арестовали и на следующий год расстреляли его брата Михаила, аспиранта исторического факультета. Другого брата, Александра, арестовали как «французского шпиона». Он провел за решеткой полтора года, но его выпустили, потому что в этот момент на Лубянке происходила смена команды. И в этот короткий период кое-кого отпускали, и Александру Келдышу повезло…

Все это не прошло бесследно для Мстислава Всеволодовича. С годами в нем усиливались замкнутость, молчаливость. Легко он чувствовал себя только среди своих. Коллеги обращались к нему: «Слушайте, Эм Вэ». Для своих он был почти богом. Общение с ним – это лучший период жизни, хотя это и годы тяжелейшей работы, считает лауреат Ленинской и Государственной премий член-корреспондент Академии наук Михаил Яковлевич Мэров:

– Он сам горел и заставлял гореть других. Когда я его впервые увидел, то этот спокойный, очень рассудительный человек поразил меня глубиной вопросов, которые он задавал, и своими комментариями. Причем он умудрялся даже поправлять докладчиков, и даже поправлял их, когда они называли неверные цифры. Мы часто говорили, что Господь Бог поцеловал его в лоб. Специалисты, которые были о себе очень высокого мнения, когда возникали сложные проблемы, говорили: «Надо посоветоваться с мудрым».

У него были фантастические организационные способности. Он был прирожденным лидером. Если у нас сейчас нет крупных результатов в космонавтике, если изменилось отношение к космическим исследованиям, то потому, что нет лидеров его уровня. Общаться с гениальными людьми непросто. Но превосходства, пренебрежительного, высокомерного отношения мы с его стороны не чувствовали. Он был достаточно строгим – особенно к тем, с кем непосредственно работал. Вместе с тем он был достаточно простым человеком. Мне не раз приходилось бывать у него дома. Это был совершенно другой человек, полностью раскрепощенный. Он даже по-другому обсуждал те проблемы, которые накануне мы обсуждали в институте или в президиуме академии…

Михаил Мэров руководил в институте Келдыша отделом физики планет.

Лекции на мехмате Мстислав Всеволодович читал деловито, ни на что не отвлекаясь, на посторонние темы не высказываясь. У

него не было ни конспекта, ни бумажек в карманах – это на мехмате не принято. Очень редко, вспоминают его бывшие студенты, он вдруг останавливался среди лекции. С легкой смущенной улыбкой пробегал написанное на доске, быстро находил описку (именно описку, а не ошибку), и лекция продолжалась.

Он был очень пунктуален, строго спрашивал с себя и не позволял себе опаздывать или не выполнять обещаний. Ровно в девять утра его «Чайка» въезжала в ворота института. Все совещания и встречи начинались точно в назначенное время. Все подсобные службы, начиная с машбюро, работали столько, сколько надо было для дела.

Он был жестким и требовательным руководителем. Его указания не обсуждались, а исполнялись с армейской быстротой. Но все важнейшие вопросы решались на совещании заведующих отделами, и Келдыш прислушивался к мнению руководителей отделов. В институте не было столовой для начальства. Келдыш обедал вместе со всеми. Его сотрудники вспоминают, что в годы президентства он приезжал в институт только два раза в неделю. Видно было, как тяжелой, болезненной походкой он поднимается по лестнице в свой кабинет.

В 1961 году решением ЦК и правительства большое число научных институтов передали в отраслевые ведомства. Техническая наука была отделена от Академии наук. Одно из печальных последствий этого, как тогда казалось, разумного и практичного решения стало колоссальное отставание советской науки в вычислительной технике.

Сотрудники института требовали от Келдыша новой вычислительной техники, наивно полагая, что он может все, а он видел регресс отечественной вычислительной техники, ничего не мог сделать и, как говорят его сотрудники, глубоко переживал свое бессилие. Хотя в ранние годы в ответ на слова сотрудников о том, как трудно соревноваться с американцами, которые все считают на мощных компьютерах, говорил:

– Ничего, обойдемся серым веществом.

Считал, что советские математики все равно считают быстрее американцев.

Слушая докладчика, он как бы дремал, но на самом деле слушал очень внимательно, сразу замечал неточности и находил слабые места. Каждый мог прийти к Келдышу и посоветоваться. Он сразу видел просчеты и мог иногда закрыть работу, если оказывалось, что она ошибочна. Говорил очень вежливо:

– У вас неправильно поставлена задача, начинайте с самого начала.

Но в нерабочее время охотно присоединялся к своим сотрудникам, которые отмечали какие-то праздники за общим столом в институтском подвале. Дружил с академиками-математиками. Собирались они у Ивана Матвеевича Виноградова в его квартире на Тверской, выпивали, гуляли по ночной Москве. Дружба Келдыша с Виноградовым кому-то казалась странной. Академик Сергей Петрович Новиков, не скрывая своего возмущения говорил и писал о доносительстве Виноградова, о его нескрываемом антисемитизме и развращающем влиянии на многих математиков…

Мстислав Келдыш не был сухарем и не отказывался от радостей жизни. Однажды он зазвал к себе в кабинет главного архитектора академии, которому поручили строить новое здание на Ленинском проспекте, и предложил это отметить. Тот стал отказываться:

– Не могу – я за рулем.

Келдыш его успокоил:

– Ничего, я вам налью такой коньяк, который наша милиция не узнает. Французский…

Как это свойственно одаренным натурам, он был человеком широких и разнообразных интересов. Он знал и понимал классическую музыку, разбирался в живописи, любил французских импрессионистов.

– Деньги в загранкомандировках, – рассказывает академик Игорь Михайлович Макаров, – он тратил на литературу-профессиональную математическую, которая ему была нужна, и на произведения искусства.

В те годы Игорь Макаров был заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, после Келдыша он станет главным ученым секретарем президиума Академии наук.

До Келдыша президент не занимался текущими проблемами, скажем, строительством, деньгами. Это решали главный ученый секретарь, аппаратные начальники. Келдыш все взял в свои руки, вникал, контролировал строительство.

Заместитель главного ученого секретаря Академии наук Владимир Алексеевич Виноградов своей властью увеличил зарплату советским ученым, работающим на Кубе.

Министерство финансов усмотрело в этом незаконное расходование средств и нанесение ущерба государству. Министр финансов информировал Академию наук, что намерен передать материалы в Генеральную прокуратуру для привлечения Виноградова к уголовной ответственности. Угроза была реальной.

Мстислав Всеволодович снял трубку аппарата правительственной связи и позвонил министру финансов. Сказал,

что решение было принято с его ведома и оно уже дает положительные результаты. На этом все закончилось. Жаловаться в прокуратуру на Келдыша было невозможно.

«Келдыш, – вспоминал Андрей Дмитриевич Сахаров, – произвел на меня сильное впечатление деловой хваткой и живостью ума, умением ясно сформулировать сложные научные, инженерные и организационные вопросы, мгновенно находить какие-то новые их аспекты, не замечаемые другими».

В мае 1971 года сотрудники келдышевского института поехали домой к Андрею Сахарову и вручили ему поздравительный адрес к 50-летию, где первой стояла подпись Келдыша. По мнению многих математиков, Келдыш долго сохранял уважение и симпатию к Сахарову. Но потом ситуация изменилась, и из келдышевского института уволили известного правозащитника Валентина Федоровича Турчина. А осенью 1973 года началась публичная кампания осуждения Сахарова. Некоторые академики с удовольствием осуждали Сахарова, других заставил Келдыш. Это поручение ему дали в ЦК.

Академик Черток пишет, как в марте 1965 года Келдыш находился на космодроме, готовя вместе с Королевым очередной пуск. В самый ответственный момент, когда космонавтов уже посадили в корабль, Келдыша позвали к аппарату ВЧ. Это был секретарь ЦК КПСС Суслов. Он просил Келдыша срочно вылететь в Москву и провести общее собрание Академии наук, которое бы осудило академика Сахарова и, может быть, даже исключило его из академии.

Келдыш не посмел возразить. Он вернулся на старт и попросил Королева дать свой самолет для полета в Москву. Королев поинтересовался, что случилось. Келдыш рассказал, и Королев пришел в ярость. Он отвел президента Академии наук подальше, чтобы никто не слышал его слов, и стал кричать, что для этого он самолет не даст. Ставить вопрос об исключении Сахарова – позор. Он не отпустит Келдыша с космодрома и готов говорить с Сусловым и объяснить ему, что президент Академии нужен именно здесь…

Келдыш никуда не полетел. Ему это простили, потому что старт был удачным. А Келдыш понял, что ставить вопрос об исключении Сахарова нельзя – позора не оберешься. Но история характерная. Мстислав Всеволодович знал, когда и по какому поводу можно спорить с высшими чиновниками, а когда лучше не противоречить.

Келдыш на заседании в правительстве заверил, что система очистки вод Байкала абсолютно надежна и строить целлюлозный комбинат можно. Так что он не помешал этой идее, которая едва

не погубила Байкал, хотя именно президент Академии наук должен был первым вступиться за уникальное озеро, хранилище питьевой воды мирового уровня.

Болезнь и смерть

Мстислав Всеволодович был фанатически предан делу. Никогда не щадил себя, не давал себе ни роздыха, ни послабления.

– Он абсолютно себя не щадил, – вспоминает Михаил Мэров. – И этим в значительной степени определялась его требовательность к другим людям. Я, например, вспоминаю, какое неудовольствие вызывала у него моя просьба уйти в отпуск. Потому что он сам практически никогда в отпуск не уходил. Один раз уехал на машине на Украину, его нашли буквально в лесу и попросили вернуться. Но человеческие силы небезграничны. Он надорвался.

Мстислав Всеволодович болел давно, с молодых лет. Возможно, это началось еще в военные годы, когда он сильно мерз.

– Я помню, – рассказывала Вера Келдыш, – как в страшную зиму сорок первого года, когда морозы достигали сорока градусов, он бегал по улице в легких полуботиночках на тонкой подошве. Я считаю, что тогда и началось его заболевание. Помню, что в воскресенье он пришел к родителям и похвастался: «Вот в ЦАГИ нам выдали теплые американские ботинки военного образца». Вот эти бы ботинки, да пораньше… Это очень тяжелая болезнь, от которой он страдал четверть века: облитерирующий эндартериит: сужение кровеносных сосудов, которое заканчивается гангреной. Болезнь прогрессировала. В шестидесятые годы ноги у него постоянно болели, он начал прихрамывать. Иногда ночами не спал.

Келдыш страдал атеросклерозом сосудов нижних конечностей с перемежающейся хромотой, вспоминает академик Чазов. Весной 1972 года Мстислав Всеволодович обратился к Чазову за помощью. Сказал, что не может ходить: чуть пройдет, и возникают такие боли в левой ноге, что он вынужден остановиться. Чазов доложил Брежневу, для которого Келдыш был высшим авторитетом. За год до этого Келдыш получил третью Звезду Героя Социалистического Труда. Генеральный секретарь потребовал вылечить Келдыша.

По мнению Чазова, у Келдыша в этот же период произошел и психологический срыв:

«Будучи человеком сдержанным, даже в определенной степени замкнутым, он не очень делился складывающимися взаимоотношениями. Но то, что в определенных вопросах он не соглашался с руководством страны и отстаивал свою точку

зрения, это факт. Устинов сам рассказывал о «стычках», которые у них происходили с Келдышем».

Министр здравоохранения Борис Васильевич Петровский тоже обратил внимание на сложное психологическое состояние президента Академии наук:

«Келдыш производил впечатление человека мрачноватого, особенно в последние годы жизни. Много лет не был в отпуске, по-настоящему не отдыхал, почти категорически отказывался от лечения. Только блеск глаз выдавал охватывавшие его эмоции, с которыми он обычно умел справляться».

Келдыш десять дней пролежал у Петровского в институте хирургии, его лечили барокамерами, но не помогло. Встал вопрос об операции. Семья хотела, чтобы это сделали иностранные врачи. Брежнев и Косыгин согласились. Келдыша оперировал знаменитый американский хирург Майкл Дебейки, который позднее консультировал президента Ельцина. Дебейки прилетел со своей бригадой. Операцию провели в Институте сердечно-сосудистой хирургии. Она продолжалась шесть часов. Дебейки удачно провел операцию аортобедренного шунтирования, соединив аорту с бедренной артерией для улучшения нарушенного кровообращения.

От денег Дебейки отказался, сказав, что ученые должны помогать друг другу.

После операции Келдыш продолжал много работать. Но операция не помогла вернуть утраченное здоровье. Он стал еще более молчаливым, порой мрачным. В мае 1975 года он обратился с просьбой освободить его от руководства академией, хотя в политбюро его просили остаться, откровенно говорили: работайте вполсилы, нам нужно ваше имя. Он настоял на своем, но уход от активной жизни дался ему тяжело.

– После операции он в прежнюю форму уже не вернулся, – свидетельствует Михаил Мэров. – Будучи ответственнейшим человеком, он не мог работать вполсилы. Врачи рекомендовали ему после операции несколько месяцев отдыхать. Он вернулся в академию уже через месяц. Трудно найти еще такого человека, столь же преданного делу. И та же высочайшая ответственность привела его к мысли о необходимости уйти. Конечно, это далось ему крайне тяжело. Он оставил за собой пост директора Института прикладной математики, который носит его имя и является его детищем. И все равно не мог перейти от такой колоссальной активности к более пассивной жизни. Мы старались как-то компенсировать это, устраивали различные совещания, встречи. И это было важно для него.

Академик Чазов пишет, что у Келдыша возникли серьезные

психологические проблемы: «Начавшийся еще до операции психологический срыв перерос в тяжелейшую депрессию с элементами самообвинений. Несмотря на просьбы и уговоры руководства страны, он категорически поставил вопрос об освобождении его от должности президента Академии наук. Не раз он говорил нам, врачам, что наделал много ошибок и в жизни, и в работе».

Мстислав Всеволодович словно терял интерес к жизни, не разговаривал, отвечал односложно. Он стал еще требовательнее к себе.

«Тяжело было смотреть на Келдыша, – рассказывает его сосед по даче академик Александр Шейндлин. – Он всячески скрывал свое недомогание, старался бодриться, конечно, никогда не жаловался, делал вид, что со здоровьем у него все в порядке. К сожалению, это было совсем не так…»

Но что же произошло в тот необычно жаркий и душный июльский день 1978 года, когда он внезапно ушел из жизни?

Его дача находилась в Жуковке. Когда-то Сталин распорядился построить здесь дачи для создателей ядерного оружия. Потом в академическом поселке появились и другие обитатели. Военные строители воздвигли дом для Галины Леонидовны Брежневой. Здесь получил дачу Мстислав Всеволодович.

В субботу 24 июля 1978 года, вспоминает Вера Келдыш, его ждали на семейном торжестве по случаю юбилея мужа старшей сестры. Мстислав Всеволодович сказал жене:

– Я что-то себя плохо чувствую. Но ты поезжай, чтобы кто-то был от нашей семьи.

Из гостей она позвонила домой. Никто не снял трубку. Вернулась – окна темные. Он умер в ее отсутствие. В заключении врачи записали – от острого сердечного приступа. Близкие люди считают происшедшее случайностью. В роковую минуту он оказался один, и некому было ему помочь.

Некоторые авторы, которые занимаются этой деликатной темой, предполагают, что Келдыш, возможно, сам пожелал уйти из жизни. А причиной тому была депрессия, порожденная тяжкой болезнью, возрастом и усталостью. Но есть ли основания для такой версии?

– Он очень любил прокатиться на своей машине по окрестностям, – говорит Мэров. – Это был для него отдых. И он любил одиночество, позволявшее поразмышлять. Сердце у него остановилось, когда он собирался покататься, но рядом никого не оказалось.

– А возможность самоубийства вы отвергаете?

– Я не верю в эту версию, потому что он очень любил жизнь. Он был очень гордым человеком – в хорошем смысле этого слова. Это произошло на следующий день после нашей встречи. Мы обсуждали с ним планы на понедельник и вторник. Он был поглощен этими делами, и никаких других помыслов у него не было.

24 июля 1978 года, в субботу, академику Чазову позвонил дежурный по Четвертому главному управлению при

Министерстве здравоохранения и сообщил, что «в гараже, на даче, в своей автомашине обнаружен угоревший от выхлопных газов машины с работающим вхолостую мотором М.В. Келдыш».

Так что же это было – трагическая случайность, мгновенный сердечный приступ, или Мстислав Всеволодович долго сидел в машине с включенным двигателем в закрытом гараже, то есть хотел уйти из жизни?

Келдыша обнаружил его друг и сосед по даче академик Владимир Алексеевич Кириллин, председатель Госкомитета по науке и технике.

При первой же встрече Чазов просил Кириллина:

– Владимир Алексеевич, вы не помните, двери гаража были открыты или закрыты?

Подумав, он ответил:

– Они были прикрыты.

Жизнь таких выдающихся людей, как Мстислав Всеволодович Келдыш, всегда вызывает особый интерес, потому люди и хотят знать о них все, потому и пытаются понять, как именно они уходили из жизни.

– Я думаю, что он глубоко переживал – все, что гений может сделать в жизни, он уже сделал, – считает академик Виктор Садовничий. – К тому же он был уже глубоко больным человеком. Возможно, это было связано со стрессовыми ситуациями, а их много было в его жизни. Наступил спад эмоциональный и душевный… Но на самом деле эту тайну он унес с собой.

Глава 7
Папутин. Освободите кабинет зятю генсека

Первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант внутренней службы Виктор Семенович Папутин покончил с собой 28 декабря 1979 года.

Несколько дней в ЦК, где все уже настроились на отдых, думали, как быть: сообщать или не сообщать о реальных обстоятельствах смерти? И по какому разряду хоронить самоубийцу? А тут еще новогодние праздники… Решили – не надо портить настроение советскому народу. Да и газеты в праздничные дни не выходят. Поэтому некролог опубликовали только через неделю, уже в новом году.

В нем говорилось, что «на всех постах партийной и государственной работы В.С. Папутин проявлял партийную принципиальность и требовательность, которые сочетались с чутким и внимательным отношением к людям».

Виктор Папутин был человеком заметным и влиятельным. В то время дипломатов из социалистических стран возили по Подмосковью, показывали, промышленные предприятия, совхозы, колхозы, научные центры. «Причем это общение не носило формальный характер, оно было свободным, непринужденным, – вспоминает известный дипломат Борис Иосифович Поклад. – Как правило, такие посещения длились целый день и заканчивались за дружеским столом. Большую помощь нам оказывал второй секретарь ЦК КПСС В.С. Папутин, мой хороший товарищ. Это был деловой, энергичный, очень отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь человек. В.С. Папутин не только много делал для организации этих поездок, но нередко и сам принимал в них участие».

Сообщение о внезапной смерти первого заместителя министра внутренних дел, не старого еще человека – ему было всего пятьдесят три года, – сразу обратило на себя внимание. О причине смерти ничего не сообщалось. Однако слухи о том, что Папутин совершил самоубийство, мгновенно распространились по Москве. Но что послужило причиной? Он даже не оставил предсмертной записки. Его таинственная смерть послужила поводом для самых фантастических предположений.

Писатели-детективщики Фридрих Незнанский и Эдуард Тополь, эмигрировавшие в Америку, в начале восьмидесятых

даже написали на эту тему политический боевик «Красная площадь». Книга вышла на английском языке, ее тайно привозили в Москву, здесь она читалась почти как документальное исследование. В наши дни роман экранизировали, превратили в телевизионный сериал…

Авторы закрутили целую интригу вокруг Папутина. В романе первый заместитель министра внутренних дел, выполняя личное поручение второго секретаря ЦК КПСС и члена политбюро Михаила Андреевича Суслова, создал таинственный Отдел внутренней разведки МВД и вел борьбу с Комитетом государственной безопасности. А застрелился Папутин из-за того, что провалилась операция в Афганистане.

В романе события развиваются следующим образом.

Руководство КГБ отказалось оккупировать Афганистан, тогда Суслов поручил это Министерству внутренних дел. А Папутин и рад стараться. Он предложил бросить десант на президентский дворец в Кабуле, взять афганского лидера Хафизуллу Амина живым и заставить его подписать просьбу о вводе в страну советских войск.

Папутин сам возглавил десант. Но упрямый Амин живым не сдался, и кто-то из горячих советских десантников прошил афганского лидера автоматной очередью. Задание государственной важности было провалено. За это Суслов, пишут авторы романа, сослал бы Папутина на урановые рудники. Первый замминистра внутренних дел понял, что его ждет, и прямо в самолете, на обратном пути из Афганистана домой, пустил себе пулю в лоб…

Эта романная история, безумно далекая от жизни, сильно повлияла на мнение публики, которая и по сей день уверена, что один из руководителей МВД ушел из жизни, запутавшись в хитроумных политических интригах полукриминального характера. Многие люди, не склонные к сочинению детективных романов, связывают его самоубийство с реальными событиями в Кабуле, где в последние дни 1979 года советские спецслужбы убили афганского лидера Хафизуллу Амина и поставили на его место своего ставленника Бабрака Кармаля.

Смена власти стала удобным поводом для введения советских войск в Афганистан, хотя в реальности с официальной просьбой к Москве ввести войска несколько раз обращался покойный президент Амин.

Но одно предположение, безусловно, соответствует истине.

Первый заместитель министра внутренних дел Виктор Папутин перед самой смертью действительно летал в Афганистан. И эта поездка в определенном смысле сыграла свою

роль в его уходе из жизни. Несколько человек, которые были знакомы с Папутиным по Афганистану, уверенно говорили мне, что причиной его смерти точно послужили драматические события в этой стране. Но не потому, что Виктор Семенович участвовал в свержении Амина, а совсем даже наоборот.

Что делал Папутин в Афганистане?

О Папутине мне рассказывали два человека: Валерий Иннокентьевич Харазов, руководитель первой группы партийных советников в Афганистане, и генерал Василий Петрович Заплатин, который был советником начальника Главного политического управления афганской армии.

Генерал Василий Заплатин приехал в Афганистан в конце мая 1978 года, Валерий Харазов – в первых числах июня. То есть они оба появились там буквально через месяц после апрельской революции 1978 года, когда к власти пришла Народно-демократическая партия.

В Советском Союзе с некоторым удивлением читали первые заметки о новой власти в соседнем Афганистане. Революция случилась там настолько неожиданно, что в Москве не успели понять, что там произошло. Сразу после революции Хафизулла Амин, правая рука афганского лидера Тараки, попросил советских товарищей поскорее прислать опытного политработника, который создал бы главное политуправление в армии.

– Нам нужно, – убеждал московских собеседников Амин, – чтобы наши политорганы работали, как в Советской армии.

Генерал Заплатин находился в этот момент в командировке в Группе советских войск в Восточной Германии. Ему вдруг приказали срочно – без объяснения причин – вернуться в Москву. Он прилетел и, не заезжая домой, пришел к начальнику Главного политуправления генералу армии Алексею Алексеевичу Епишеву.

Беседа была короткой. Епишев сказал:

– Знаешь, что в Афганистане была революция? Как ты смотришь, если тебя направят советником к афганцам в главное политуправление, которого еще нет?

На следующий день Заплатин уже был в Кабуле. Его сразу же представили самому президенту Тарани и, разумеется, Хафизулле Амину, который по партийной линии курировал Министерство обороны.

Тарани объяснял советскому генералу-политработ-нику:

– Мы почему такую ставку делаем на армию? Потому что у вас революцию совершил рабочий класс в союзе с крестьянством. А у нас – армия. Мы через армию будем перековывать весь народ. Армия станет кузницей кадров для страны.

Амин, который показался Заплатину человеком дела, сказал:

– Нам нужны политорганы, как у вас. Менять ничего не надо. Все, как у вас.

Хафизулла Амин не терпел витиеватости, столь распространенной на Востоке. Взаимодействовать с ним, по словам Заплатина, было легко.

В том же 1978 году и Виктор Папутин в первый раз приехал в Афганистан устанавливать с новым правительством контакты по линии Министерства внутренних дел. В Кабуле появилось представительство МВД СССР, у его руководителя были собственная система шифровальной связи и право отправлять шифротелеграммы в Москву, минуя советского посла. Такое же право имели военные и представительство КГБ. Остальные должны были идти к послу, чтобы он подписал шифровку.

С помощью Папутина и советского представительства в Афганистане создавались внутренние войска – царандой, который сыграет важную роль в будущей войне. Афганских бойцов обучали советские инструкторы из МВД. Царандой снабжался советским оружием и снаряжением.

Новые афганские лидеры собирались строить в стране социализм по советскому образцу. Но наши советники, первыми прибывшие в Кабул, увидели такую сложную и запутанную картину афганской жизни, о которой в Москве имели весьма приблизительное представление.

Правящая партия была расколота на две фракции – «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Лидеры обеих фракций ненавидели друг друга и не могли поделить власть. Эта вражда в значительной степени была порождена личным соперничеством между двумя вождями – Нур Мухаммедом Тараки («Хальк») и Бабраком Кармалем («Парчам»), Тараки желал быть единоличным хозяином страны, а Кармаль не соглашался на роль второго человека. Тем более что вторым фактически становился Хафизулла Амин, которого продвигал Тараки.

– Все министры-халькисты были веселы, довольны, постоянно улыбались, – вспоминает Валерий Харазов. – Они взяли власть, они руководили страной. А парчамистов они обливали грязью.

Фантастическая амбициозность Тараки и Бабрака Кармаля не позволяла им наладить элементарное сотрудничество.

Валерий Харазов рассказывал, как буквально через два дня после приезда всю его группу принял сам Тараки:

– Настроение у него было приподнятое. Он рассказывал о ситуации в стране, и чувствовалось, что он находится в состоянии эйфории после революции, которую так легко удалось осуществить. Он говорил, что революция в Афганистане может быть примером для всех стран Востока.

После общей беседы Тараки попросил задержаться руководителя группы Харазова и советского посла в Афганистане

Пузанова. Александр Михайлович Пузанов был опытным человеком, еще при Сталине был назначен главой правительства РСФСР и кандидатом в члены президиума ЦК.

Тараки мрачно сказал советским гостям:

– Вам хочет сделать заявление Бабрак Кармаль.

Через секретаря пригласили Кармаля. Вошел мрачный человек, поздоровался, сел рядом с Харазовым и, не сводя ненавидящего взора с Тараки, стал говорить о том, что в партии сложилось ненормальное положение. Он просит сообщить об этом в Москву. В руководстве Афганистана нет коллегиальности, все вопросы решают два человека – Тараки и Амин. А он, Кармаль, фактически отстранен от руководства партией и страной.

«Лицо у него было злобное, глаза красные», – вспоминает Харазов.

– Я нахожусь в золотой клетке, – продолжал Кармаль. – Я – второй человек в партии и государстве, но я ни в чем не принимаю участия. Мне надо или притвориться больным, или уехать куда-то послом…

В этот момент Тараки ударил кулаком по столу и сказал:

– Хватит! У нас в партии демократия, у нас коллегиальность. Мы все решения принимаем коллективно. Но кое-кто не хочет выполнять принимаемые нами решения. Предупреждаю: по тем, кто не желает выполнять решения, мы пройдемся железным катком.

Бабрак Кармаль встал, попрощался и ушел. После этого разговора Тараки, возбужденный и возмущенный, никак не мог успокоиться. Харазов и Пузанов напрасно пытались перевести разговор на другую тему. Тараки все время повторял:

– Мы пройдемся железным катком!

Через несколько дней Харазов попросил главу Афганистана о новой встрече, на сей раз один на один. Тараки принял его. Но уже не был так радушен, как в прошлый раз, видимо, догадываясь, о чем пойдет речь.

Харазов стал говорить, что Москва одобрила объединение двух фракций – «Хальк» и «Парчам». Объединение позволяет партии стать еще влиятельнее в стране. Раскол, напротив, таит в себе большую опасность для молодого государства. Тараки слушал невнимательно и без интереса. Когда Харазов закончил, Тараки попросил передать в Москву благодарность за заботу о единстве партии. На этом разговор закончился. Обсуждать эту тему он не захотел.

– Мне стало ясно, – вспоминает Харазов, – что старая вражда вспыхнула вновь, основы для сотрудничества двух фракций нет. Примирение невозможно.

Через месяц Бабрак Кармаль получил назначение послом в Чехословакию. Это была почетная ссылка. Одновременно с ним в разные страны уехали послами еще пять видных деятелей фракции «Парчам», в том числе Наджибулла, будущий президент, который тогда отправился в Тегеран. В ночь перед отъездом Бабрак собрал у себя лидеров фракции и сказал:

– Я еще вернусь. И под красным флагом.

Парчамисты решили вновь уйти в подполье. Фактически на этом ночном совещании речь шла о подготовке «Парчам» к захвату власти. Халькисты быстро узнали о том, что произошло. Многих парчамистов сняли с высоких должностей, арестовали. Из армии выгнали чуть ли не всех командиров-парчамистов.

Руководителем фракции после отъезда Кармаля временно стал С.А. Кештманд, будущий глава правительства, а тогда министр экономики и планирования. Через пару недель Кештманд попытался установить контакт с Харазовым, попросил о встрече. Харазов пригласил его в здание, где работали партийные советники, присланные Москвой. Кештманд ответил, что не может прийти в это здание, потому что об этом сразу узнает Амин. Он предложил провести встречу тайно, на пустыре. Харазов на такую конспиративную беседу не согласился.

Судя по всему, согласились другие. С фракцией «Парчам» работало представительство КГБ. Между советскими представителями в Афганистане не было единства. Партийные и военные советники считали, что надо работать с фракцией «Хальк», которая фактически стоит у власти. Представители КГБ сделали ставку на фракцию «Парчам», которая охотно шла на контакт и казалась легко управляемой.

Секретарь ЦК КПСС по международным делам Борис Николаевич Пономарев, напутствуя Харазова перед поездкой в Кабул, честно признался:

– Апрельская революция была для нас неожиданностью. Наши работники поддерживали контакты только с халькистами, и мы не знаем Бабрака Кармаля и не знаем парчамистов. Ты нам, кстати, сообщи, что у него имя, а что фамилия.

А сотрудники резидентуры внешней разведки КГБ установили контакты именно с парчамистами, которые отчаянно пытались завоевать расположение Москвы. Сотрудники КГБ увидели в этой интриге шанс: уверенные в своих силах халькисты ведут себя самостоятельно, а парчамисты готовы подчиняться Москве во всем. Значит, на парчамистов и на их лидера Бабрака Кармаля и надо делать ставку.

– Как правило, у нас было единое мнение с послом Пузановым и главным военным советником генералом

Гореловым, – вспоминает Харазов. – Мы все согласовывали между собой. Припоминаю такой случай. Однажды мы вместе были на переговорном пункте, где была прямая связь с Москвой, гарантированная от прослушивания. Я беседовал с руководителем одного из отделов ЦК, а генерал Горелов докладывал начальнику генерального штаба Огаркову.

Николай Огарков попросил Харазова взять трубку и поинтересовался его мнением о ситуации в стране. Потом уточнил:

– У тебя единое мнение с Гореловым или вы расходитесь?

Харазов твердо ответил:

– У нас единое мнение.

Но у группы партийных советников не было контактов с руководителями представительства КГБ.

– Генерал Богданов уклонялся от этих контактов, – говорит Валерий Харазов, – возможно, потому, что наши оценки положения в Афганистане были очень разными.

Спецоперация в Кабуле

Когда Бабрак Кармаль уехал, начал зреть новый конфликт – между Тараки и Амином. Первоначально они были заодно. Амин вел себя как преданный помощник и ученик Тараки. Когда он выступал на совещаниях, то всегда говорил как бы от имени Тараки.

В практической работе Тараки был беспомощным. Амин, напротив, оказался умелым организатором. Амин, физически крепкий, решительный, упрямый и жестокий, обладал завидной работоспособностью и сильной воле.

– Амин имел огромный авторитет в стране, – говорит Харазов. – По-существу это именно он в апреле 1978 года отдал приказ о вооруженном выступлении. Так что халькисты всегда говорили, что настоящий герой революции – Амин.

Тараки называл Амина «любимым и выдающимся товарищем» и с удовольствием передавал ему все дела. Тараки не любил и не хотел работать. Его славили как живое божество, и ему это нравилось. Он царствовал. Амин правил и постепенно отстранял Тараки от руководства государством, армией и партией. Многим советским представителям в Кабуле казалось естественным, что власть в стране переходит в руки Амина, ведь Тараки неспособен руководить государством.

– Когда я был в Кабуле, Тараки и Амин были едины – водой не разольешь, – говорит Валерий Харазов. – Причем Амин тянул весь воз работы на себе. Он занимался партийными делами, армией, кадрами. А потом начались интриги. Прежде всего в нашем союзническом аппарате. Тараки и Амина стравили…

– А у вас было ощущение, что Амин плохо относится к Советскому Союзу, что он симпатизирует Соединенным Штатам? – спрашивал я Харазова. – Ведь потом это утверждение станет главным объяснением, почему убили Амина и заменили его Кармалем.

– Амин постоянно говорил о своих дружеских чувствах к Советскому Союзу, – вспоминает Харазов. – Слухи о том, что Амин – агент ЦРУ, ходили и при нас. Основывались они на том, что он недолго учился в США и был там руководителем землячества афганцев. Но ни тогда, ни сейчас, через четверть века после его устранения, не найдено никаких подтверждений того, что он был агентом ЦРУ.

– К Советскому Союзу Амин относился с уважением и любовью, – говорит генерал Заплатин. – У него были два святых праздника в году, когда он позволял себе спиртное, и это были не

афганские, а советские праздники -7 Ноября и 9 Мая.

Когда Амина убили, а с ним погибли двое его сыновей, вдова с дочками и младшим сыном поехала в Советский Союз, хотя ей предложили любую страну на выбор. Но она сказала:

– Мой муж был другом Советского Союза, и я поеду только в Советский Союз…

Между афганскими лидерами вспыхнул не политический конфликт, а личный. Этой войной амбиций воспользовались наши советники, принадлежавшие к разным ведомствам. Представители ведомств тоже конкурировали между собой.

– Отношение к русским было тогда прекрасным, – вспоминает Валерий Харазов. – «Шурави» считались друзьями. Незнакомые люди прямо на улице приглашали нас в гости.

Но все это было до ввода наших войск. Появление наших солдат коренным образом изменило отношение афганцев к русскому человеку.

Недовольство новым режимом проявилось довольно быстро. В ответ начались массовые аресты противников новой власти (даже потенциальных). Хватали многих – часто без каких-либо оснований. Арестовывали обычно вечером, допрашивали ночью, а наутро уже расстреливали. Руководил кампанией репрессий Хафизулла Амин.

Партийные советники несколько раз разговаривали с Амином на эту тему. Его предупреждали, что такая поспешность в решении судеб людей может привести к катастрофе. Рассказывали о трагическом опыте сталинских репрессий. Он отвечал:

– У вас тоже были большевики и меньшевики. Но, пока были меньшевики, порядка в стране не было. А вот когда вы от меньшевиков избавились, все у вас стало нормально. У нас примерно такое же положение…

Однажды к генералу Заплатину пришла русская женщина, которая вышла замуж за афганца, учившегося в Советском Союзе. Он был муллой, и его арестовали. Женщина умоляла Заплатина помочь. Он попросил афганцев узнать, за что арестовали человека? Афганский генерал пришел с извиняющимся лицом, объяснил, что муллу уже расстреляли.

– За что? – спросил Заплатин.

На этот вопрос ему ответить не смогли. Расстреливали по списку. Несчастный человек оказался в одном из расстрельных списков, и его уничтожили. Использование советского опыта накладывалось на афганские традиции – устранять предшественников и соперников.

Ростислав Александрович Ульяновский, заместитель

заведующего международным отделом ЦК КПСС, ведавший этим регионом, говорил удивленному Харазову:

– Ну что ты хочешь? Это же Восток! Там такие традиции. Когда приходит новое руководство, оно прежде всего лишает жизни своих предшественников.

Ульяновский в молодые годы работал в Афганистане и считался главным специалистом по Среднему Востоку. В Москве спокойно относились к этим традициям, пока их жертвой не пал Тараки, которому чисто по-человечески симпатизировал сам Леонид Ильич Брежнев…

Тараки первоначально был настроен оптимистически.

Революция далась очень легко. Молодые военные взяли дворец, уничтожили президента страны Мохаммеда Дауда и его окружение, и все – власть у них в руках. Это вдохновило Тараки. Он был уверен, что и дальше все будет хорошо, никаких осложнений не возникнет. Тем более что Афганистану помогает Советский Союз. Но все пошло иначе.

Страна сопротивлялась социалистическим преобразованиям. Афганцы не спешили становиться марксистами. Очень быстро сопротивление стало вооруженным. В марте 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в крупном городе Герате. К мятежникам присоединились части гератского гарнизона, был убит один из наших военных советников.

Тараки просто растерялся. Более решительный Амин предложил поднять боевые самолеты в воздух и уничтожить город. Главком военно-воздушных сил позвонил советским офицерам: что делать? Советники уговорили Амина отменить безумный приказ.

Именно после восстания в Герате испуганный Тараки упросил Москву принять его. Он прилетел и долго уговаривал советское руководство ввести войска. Тогда ему отказали. Видя, что происходит, Амин стал действовать активнее. Он считал, что Тараки не в состоянии удержать власть.

Тараки сформировал Совет обороны – по образцу того, который был в Советской России при Ленине. На заседания всегда приглашали главного военного советника Горелова и Заплатина. Всякий раз, прежде чем принять окончательное решение, спрашивали их мнения.

Амин требовал все более жестких мер. Когда началось восстание на границе с Пакистаном, Амин предложил сжечь в этом районе все населенные пункты, считая, что там живут одни мятежники.

Заплатин встал и сказал:

– Если это предложение будет принято, мы не станем

участвовать в этой операции, потому что вы нас втягиваете в гражданскую войну. Я не верю, что все села мятежные.

Амин посмотрел на советского генерала разъяренными глазами, но свое предложение снял. Сначала министра обороны в Афганистане не было, курировал министерство Амин, но он был занят тысячью дел. Потом назначили министром активного участника революции полковника Мохаммада Аслама Ватанджара. По мнению Заплатина, эта ноша недавнему командиру батальона оказалась не по плечу. Однако Тараки любил Ватанджара, который принадлежал к так называемой «группе четырех», которая объединилась против Амина.

Помимо Ватанджара в эту группу входили руководитель госбезопасности Асадулла Сарвари, министр связи Саид Мохаммед Гулябзой и министр внутренних дел Шерджан Маздурьяр (затем – министр по делам границ).

Тараки просил Заплатина взять Гулябзоя на политработу в армию, рекомендовал его: он очень хороший товарищ. Генерал Заплатин дважды с ним разговаривал и предложение отверг. Сказал Тараки откровенно:

– Гулябзой мне не нужен. Он не хочет работать. Ему хочется отдохнуть и погулять.

По мнению генерала Заплатина и других наших военных советников, «группа четырех» – это были просто молодые ребята, которые, взяв власть, решили, что теперь они имеют право расслабиться и наслаждаться жизнью.

– А дело страдало, – говорит Заплатин. – Они гуляют, Тарани их поощряет, прощает им выпивки и загулы, а Амин работает и пытается заставить их тоже работать. Они жалуются Тарани на Амина, обвиняя его в разных грехах. Вот с чего началась междоусобица.

А за Сарвари, министром госбезопасности Афганистана, стояло представительство КГБ; это был их человек.

Полковник Александр Кузнецов много лет проработал в Афганистане военным переводчиком, был там во время апрельской революции. Он вспоминает:

– Амин, конечно, не был трезвенником, но считал, что в военное время нельзя пить, гулять, ходить по девочкам. А наши органы как работают? С кем-то выпить, закусить – и в процессе застолья расспросить о чем-то важном.

Но с Амином так работать было нельзя. Зато четверка стала лучшими друзьями сотрудников КГБ. Информация «группы четырех» пошла по каналам КГБ в Москву. Их оценки будут определять отношение советских лидеров к тому, что происходит в Афганистане. Четверка старалась поссорить Тараки с Амином,

надеясь отстранить Амина от власти. Противоречия между представительством КГБ и военными советниками в Кабуле дошли до предела.

– На одном совещании, – вспоминает Заплатин, – дело дошло до того, что мы друг друга готовы были взять за грудки.

– Вы пытались как-то урегулировать свои разногласия с представителями КГБ? – спросил я генерала Заплатина. – Ведь вы же видели, что у вас точки зрения расходятся по принципиальным вопросам.

– Разговоры у нас были, – ответил Заплатин. – Когда представительство КГБ возглавил Борис Семенович Иванов, взаимодействие стало полегче. Он – человек трезвомыслящий. И с ним можно было говорить. А с его предшественником генералом Богдановым труднее было – прежде всего потому, что я его редко видел в форме.

Генерала Заплатина злило то, что днем, в рабочее время руководители представительства госбезопасности вольготно располагались в бане, выпивали, закусывали.

– Как понять логику представителей КГБ? – спросил я Заплатина. – Они считали Амина неуправляемым, полагали, что надо посадить в Кабуле своего человека, и все пойдет как по маслу, так, что ли?

– Они делали ставку на Бабрака Кармаля, – считает генерал Заплатин, – и были уверены, что необходимо привести его к власти. А для этого придется убрать Амина. Бабрак, считали они, сможет найти общий язык с Тараки. Почему им нравился Бабрак? Он – легко управляемый человек. Амин может и не согласиться с мнением советских представителей, проводить свою линию. Но он не был пьяницей, как Бабрак. Даже по одной этой причине Бабрака Кармаля нельзя было допускать к власти.

Противоречия между военными советниками и аппаратом представительства КГБ сохранялись все годы афганской эпопеи.

– Уже после ввода наших войск, – вспоминал покойный генерал Александр Ляховский, который много лет прослужил в Кабуле, – ввели жесткое правило: из Афганистана в Москву отправляли только согласованную всеми ведомствами информацию, которую подписывали посол, представитель КГБ и руководитель оперативной группы Министерства обороны. А представительство КГБ все равно потом посылало свою телеграмму, часто не совпадающую с согласованной.

Когда командировка заканчивалась, генерал Ляховский с сослуживцами заехали в представительство КГБ попрощаться и поблагодарить за совместную работу.

Один из чекистов сказал:

– Да вы и не знаете, сколько мы вам пакостей подстроили…

Наши военные советники были уверены, что «группа четырех», перешедшая на нелегальное положение, даже пыталась поднять восстание в армии против Амина – с помощью советских чекистов.

Генерал Заплатил вспоминает, как 14 октября 1979 года вспыхнул мятеж в 7-й пехотной дивизии. Он поднял танковую бригаду, чтобы подавить мятеж. Когда все было кончено, Заплатил поехал в посольство рассказать об операции. В приемной посла сидел один из работников посольства и буквально плакал. На недоуменный вопрос генерала, что случилось, Пузанов ответил, что чекист льет слезы по поводу неудавшегося мятежа. Вот так «дружно» трудился советнический аппарат в Афганистане.

Президент Хафизулла Амин, видно, чувствовал, как к нему относятся, говорил генералам Горелову и Заплатину:

– Помогите встретиться с Леонидом Ильичом Брежневым. Если мне в Москве скажут: уйди – я уйду. Я за должности не держусь. Но дайте мне высказать свою позицию!

То, что Амина не пожелали выслушать, было большой ошибкой, считает Заплатин!

26 сентября 1979 года руководителей группы военных советников вызвали в Москву. Перед отъездом они зашли к Амину и попросили ответить на вопрос, который им обязательно должны были задать дома: какова судьба свергнутого Тараки? Что с ним будет дальше?

Амин ответил, что Тараки живет во дворце, вместе со своей женой и братом. Ни один волос с его головы не упадет. Амин неожиданно попросил генералов взять с собой письмо на имя Брежнева. Они согласились, но предупредили советского посла, что Амин обращается непосредственно к генеральному секретарю. В таких случаях посольство оказывается в невыгодном положении, поэтому посол Пузанов сказал: хорошо бы ознакомиться с содержанием письма раньше, чем оно попадет к Брежневу.

– Но для этого нужно было получить письмо в руки, а его все не везут и не везут, – вспоминал генерал Заплатин.

Самолет улетал из Кабула в десять утра. Когда Заплатин и Горелов уже поднялись на трап, появился начальник Главного политического управления афганской армии и вручил им послание Брежневу в запечатанном конверте. Сотрудники посольства издалека грустно проводили письмо глазами.

Письмо Амина генералы передали начальнику Генштаба Николаю Огаркову. Главный вопрос, который ставил Амин, – о

встрече с Брежневым. Второе – он просил поменять советского посла и главного военного советника. Не потому, что к ним были личные претензии, а, скорее, по формальному признаку- оба работали еще при Дауде. Афганцы говорили: они нас не понимают, они с прежним режимом еще не распрощались.

Москва вскоре отзовет и посла Пузанова, и генерала Горелова. Не потому, что откликнулась на просьбу Амина, а потому что посол и главный военный советник не были поклонниками Бабрака Кармаля, которого Москва собиралась вернуть в Кабул.

Осенью 1979 года Тараки летал на Кубу. На обратном пути остановился в Москве. С ним беседовал Леонид Ильич Брежнев, плохо отозвался об Амине, говорил, что от этого человека надо избавиться. Тараки согласился. Но как это сделать?

Председатель КГБ Юрий Андропов успокоил Тараки: когда вы прилетите в Кабул, Амина уже не будет… Но не получилось. Амина в общей сложности пытались убить пять раз. Два раза его хотели застрелить, еще два раза отравить. Генерал Ляховский рассказывал мне о том, как два советских снайпера из отряда «Зенит» подстерегали президента Амина на дороге, по которой он ездил на работу. Но акция не удалась, потому что кортеж проносился с огромной скоростью.

С отравлением тоже ничего не получилось. Стакан кока-колы с отравой вместо него выпил племянник – Ассадула Амин, шеф контрразведки, и тут же в тяжелейшем состоянии был отправлен в Москву. Здесь его вылечили, потом посадили в Лефортово, потому что у власти уже был Бабрак Кармаль. Его заставляли дать показания против Амина. Он проявил твердость и ничего не сказал. Его отправили в Афганистан, а там казнили…

Когда Тараки вышел из самолета и увидел Амина, которого уже не должно было быть в живых, он был потрясен. Но два врага обнялись как ни в чем ни бывало.

Амина попытались убить еще раз – на сей раз руками самих афганцев.

14 сентября советский посол Пузанов приехал к Тараки и пригласил туда Амина. Тот ехать не хотел. И был прав в своих подозрениях. Но советскому послу отказать не мог. Во дворце Тараки в Амина стреляли, но он остался жив и убежал.

Весь тот вечер и ночь между Тараки и Амином шла борьба. Тараки приказал армии уничтожить Амина. Но войска кабульского гарнизона в целом остались на стороне Амина. Два вертолета Ми-24 поднялись в воздух, чтобы обстрелять ракетами здание министерства обороны, где сидел Амин, но наши советники сумели их посадить, потому что в здании было полно

советских офицеров.

В Москве не думали, что так произойдет, и действовали крайне нерешительно. Хотели отправить отряд спецназа охранять Тараки, но в последний момент приказ отменили. Отряд «Зенит» ждал приказа взять штурмом резиденцию Амина и захватить его. Но приказа не последовало…

На следующий день Тараки был изолирован. 16 сентября в здании министерства обороны прошло заседание Революционного совета, а затем пленум ЦК НДПА. Тараки потерял должности председателя Революционного совета и генерального секретаря партии. Оба поста достались Амину. Первым делом он взялся уничтожать своих противников – расстрелял несколько тысяч человек.

А ведь представительство КГБ сообщало в Москву, что Тараки – это сила и устранить Амина не составит труда. Получилось все наоборот. Когда Тараки задушили, собственная судьба Амина была решена. Брежнев счел это личным оскорблением: он гарантировал безопасность Тараки, а его убили.

– Что скажут в других странах? – переживал Брежнев. – Разве можно верить Брежневу, если его заверения в поддержке и защите остаются пустыми словами?

Леонид Ильич санкционировал спецоперацию в Кабуле.

В КГБ сразу же придумали версию, будто Амин – агент ЦРУ. Андропов приказал доставить Бабрака Кармаля в Москву. И началась переброска наших спецподразделений в Афганистан…

В последний раз первый заместитель министра внутренних дел СССР Виктор Папутин прилетел в Кабул 22 ноября 1979 года. Он и не подозревал, что КГБ готовит убийство Амина. О спецоперации не поставили в известность ни военных советников, ни даже посла.

Генерал Вадим Кирпиченко, который в роли заместителя начальника Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ руководил – вместе со старшим представителем комитета Борисом Ивановым – подготовкой операции в Кабуле, вспоминал:

«Ближе к дню «Х» Виктор Семенович Папутин что-то почувствовал и, обращаясь к нам с Борисом Семеновичем Ивановым, сказал однажды:

– Ребята, я вижу, вы здесь что-то затеваете… Оставьте меня в Кабуле, я вам пригожусь с нашим отрядом «Кобальт». Мне в Москву не хочется возвращаться. Там в МВД, на самом верху, творятся плохие дела.

Знал он уже, конечно, что на замену ему министр внутренних дел Щелоков приготовил зятя Брежнева – Чурбанова, и хотел поэтому оттянуть свое унизительное отстранение. Оно вскоре

действительно состоялось. Папутин не вынес этой несправедливости и пустил себе пулю в лоб как раз на следующий день после переворота в Кабуле».

Чекисты решили опереться на авторитет первого заместителя министра внутренних дел. Представитель КГБ в Афганистане показал Папутину проект обширной шифро-телеграммы в Москву. В ней положение в стране называлось катастрофическим, говорилось, что афганская армия деморализована и не в состоянии противостоять вооруженной оппозиции, а Амин больше ничем не управляет. Эта телеграмма подтверждала необходимость немедленно убрать Амина и ввести советские войска.

Если бы телеграмма ушла в Москву с несколькими подписями, доверие к ней было бы значительно большим, чем к мнению всего лишь одного ведомства. Папутина попросили подписать телеграмму, и он, доверяя чекистам, легко поставил свою подпись. Тогда телеграмму уже с двумя подписями принесли новому советскому послу.

Прежний посол Александр Пузанов и главный военный советник генерал Горелов уже были отозваны. Новым послом стал опытный партийный работник Фикрят Табеев. Он еще не вник в ситуацию в стране, но знал, как опасно подписывать бумаги, в надежности которых не уверен. Главный военный советник генерал-полковник Солтан Кёккезович Магометов тоже был новичком в Афганистане. Поэтому посол Табеев пригласил к себе старожила Заплатина и попросил генерала высказать свое мнение.

Заплатин решительно не согласился с содержанием телеграммы и показал ее главному партийному советнику Семену Веселову. Тот тоже был против. Вдвоем они прямо спросили Папутина: почему он подписал шифровку, хотя сам только что приехал в Афганистан, еще не побывал ни в одном гарнизоне и не может знать реального состояния афганской армии?

Папутин честно признался, что подписать его попросили чекисты. Однако если есть сомнения, он свою подпись снимает. Эта телеграмма все-таки была отправлена в Москву и сыграла большую роль. Но подпись под ней была только одна – представителя КГБ генерала Иванова.

Так, может быть, потом, после убийства Амина и ввода советских войск Папутину припомнили, что он отказался поставить подпись под той телеграммой, то есть провинился – не уследил за поворотами партийной линии? Нет, эта история на судьбе Папутина не отразилась…

10 декабря Заплатину позвонили из Москвы: ваша дочь

просит о немедленной встрече с вами, возвращайтесь. Встревоженный генерал тут же вылетел в Москву. Разумеется, его дочь ни к кому не обращалась. Заплатина убрали из Кабула, потому что он считал необходимым сотрудничать с Амином. А в Москве приняли иное решение.

Я спрашивал генерала Заплатина:

– Представительства военных и КГБ были вроде как на равных. Но вы не сумели убедить Москву в своей правоте, а сотрудники КГБ смогли. Они были влиятельнее?

– Конечно, – ответил Заплатин. – Оценка политической ситуации в стране – их компетенция. Мне министр обороны на последней беседе именно это пытался втолковать.

Утром Заплатина вызвали к министру, но Устинов уже стоял в шинели. Дмитрий Федорович торопился в Кремль, сказал:

– Зайдите позже.

В ожидании министра Заплатин два часа говорил с начальником Генерального штаба Огарковым. Николай Васильевич спрашивал: не настало ли время ввести войска в Афганистан, чтобы спасти страну? Заплатин твердо отвечал: нельзя, тогда мы втянемся в чужую гражданскую войну. После заседания политбюро Устинов вернулся и вызвал к себе Огаркова, Заплатина и начальника Главного политуправления генерала Епишева.

Огарков сказал министру:

– Товарищ Заплатин остается при своем мнении.

– Почему? – удивился Устинов. – Вы напрасно пытаетесь отстаивать свою позицию. Вот почитайте, что представительство КГБ сообщает о положении в Афганистане.

В шифровке говорилось, что афганская армия развалилась, а Амин находится на грани краха. Это была та самая телеграмма, которую Заплатин отказался подписать в Кабуле. Заплатин прочитал шифровку и твердо сказал:

– Товарищ министр, это не соответствует действительности. Я знаю, от кого эта информация поступает в КГБ.

Устинов возразил:

– Ты изучаешь тамошнюю обстановку вроде как попутно. А они головой отвечают за каждое слово.

– Понимаю, – кивнул Заплатин. – Если бы была трезвая голова, все было бы правильно, а когда голова пьяная, тогда… Я же знаю того, кто отправил эту шифровку. И днем, и вечером, и утром навеселе. Кобура на животе, сам хмельной.

Генерал думал, что министр выгонит его из кабинета. Устинов посмотрел на Заплатина, на Епишева, на Огаркова и как-то задумчиво сказал:

– Уже поздно.

Только потом Заплатин узнал, что именно в тот день на заседании политбюро было принято окончательное решение ввести советские войска в Афганистан. Отступать Устинову уже было некуда.

Предполагалось, что Амин сам заявит о том, что по его приглашению советские войска входят в Афганистан, а уже потом его уберут. С пропагандистской точки зрения так было бы правильнее. Уже объявили, что Амин выступит по телевидению. Бабрак Кармаль, находившийся под охраной офицеров Девятого управления КГБ, ждал своего часа.

Но КГБ поторопился. Через поваров в президентском дворце Амину дали отравленную пищу. Выступить по телевидению он уже не смог. Но прежде чем Амин потерял сознание, он попросил советского посла прислать врачей – своим не доверял. Наш посол и не подозревал, что КГБ проводит за его спиной спецоперацию в Кабуле. Советские врачи спасли президента только для того, чтобы через несколько часов его расстреляли спецназовцы. Они же в горячке боя убили и одного из советских врачей.

Спецназ КГБ вместе с десантниками штурмом взяли дворец Амина. При этом было убито большое количество афганцев, которые, умирая, не могли поверить, что их убивают лучшие друзья. До последней секунды не верил в это и президент Амин.

Полковник Кузнецов рассказывал мне:

– Я находился в ту ночь на узле связи. Там же был представитель КГБ генерал Иванов. Когда он получил сообщение о том, что Амина больше нет, он меня расцеловал: все, мы победили!

Тост, произнесенный стоя на коленях

Авторы книги «Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны» Давид Гай и Владимир Снегирев пишут со слов советского посла Табеева:

«Папутин сильно пил. В Афганистане напивался постоянно. К тому же страдал манией преследования: ему казалось, что во всех помещениях установлена прослушивающая аппаратура, что за ним постоянно следят… Видно, о его запоях кто-то сообщил в Москву. Звонит мне из ЦК Пономарев: «У нас сигнал на Папутина». «Проверю», – осторожно отвечаю я Борису Николаевичу. «Не надо ничего делать. У него командировка заканчивается – пусть выезжает»…

Папутин о сгустившихся над ним тучах как бы не подозревает. Самое поразительное состоит в том, что в тот последний раз Виктор Семенович вернулся из Афганистана в хорошем настроении.

Люди, отвечавшие за сотрудничество с Афганистаном, были заинтересованы в том, чтобы это сотрудничество постоянно расширялось. Афганцы умели быть благодарными – дарили подарки, вручали ордена, принимали по-царски. В Кабул ездили с удовольствием – пожить на вилле, отдохнуть; и уезжали не с пустыми руками. Папутину президент Амин подарил пистолет. Этот подарок окажется роковым.

Валерий Харазов рассказывал мне, как Папутин, прилетев в Москву, позвонил ему, рассказал о впечатлениях, передал привет от общих знакомых:

– Все, что надо было сделать, сделали, порядок.

Словом, был вполне доволен поездкой. А когда под

Новый год Харазов получил от Папутина отправленное заранее поздравление, сам Виктор Семенович был уже мертв. Что же случилось в эти дни, после его возвращения из Афганистана?

Валерий Харазов считает так:

– Ходили слухи, что он покончил с собой, потому что знал: его снимут, чтобы освободить место Чурбанову. Но я не верю, что в этом дело. Я думаю, он покончил с собой из-за Афганистана. Он же принадлежал к тем, кто считал, что надо сотрудничать с Амином. Когда наши убили Амина, это стало для него ударом…

Есть и другие версии.

Те, кто его знал, отмечали, что в Папутине не было высокомерия, он держался вполне по-дружески, не так, как некоторые чиновники его уровня, которые, кажется, бога за бороду держат. Виктор Семенович любил компании, вокруг него

вились разные люди, в том числе не самые достойные.

Писатель Эдуард Хруцкий рассказывал мне, что в день возвращения Папутина из Афганистана он оказался в аэропорту и разговаривал с начальником транспортной милиции. Тот приехал встречать первого заместителя министра. Только появился Папутин, ему позвонили прямо в машину. Он положил трубку и удивленно произнес:

– Какой-то полковник из КГБ меня желает видеть. Что же, интересно, случилось?

Утверждают, что у КГБ были к Папутину какие-то претензии. Один милицейский генерал, который в те годы был начальником управления в МВД, утверждал, что в служебном сейфе Папутина хранились драгоценности. Когда первый заместитель министра вернулся из Афганистана, то обнаружил, что в его отсутствие сейф вскрывали и драгоценности забрали. Он понял, что вокруг него сгущаются тучи…

Есть люди, которые считают, что Папутина вовлекли в какие-то сомнительные истории. Соблазнов у высокопоставленного партийного чиновника было хоть отбавляй.

Николай Григорьевич Егорычев, который в те же годы был первым секретарем Московского горкома, вспоминал:

– Я получал как первый секретарь горкома пятьсот рублей. Оклад давали к отпуску. Потом Брежнев давал еще оклад к Новому году. Денег никогда в доме не было, так что машину купить я не мог. Но меня это не огорчало, и мысли о том, как бы где-то что-нибудь получить, у меня не было.

А ведь стоило только пальцем пошевелить. Помню, поехал на радиозавод, где освоили выпуск маленьких транзисторных приемников. Осмотрел производство, мне понравилось, как они работают. Я похвалил директора. Попрощались, иду к машине, вижу – вокруг нее какие-то люди возятся. Спросил шофера:

– Что такое?

– Какие-то сувениры в багажник положили.

Егорычев повернулся к директору. Он, улыбаясь, говорит:

– Это образцы нашей продукции, Николай Григорьевич.

Егорычев ему жестко сказал:

– Немедленно все забирайте назад. И имейте в виду: мое мнение о вас сейчас резко ухудшилось. Если узнаю, что вы кому-то что-то даете, мы вас снимем с работы.

Горком и обком располагались в одном здании на Старой площади. Но в обкоме нравы были другие. Некоторые высокопоставленные чиновники не отказывались от материальных благ, которые подносили угодливые подчиненные. Из лучших хозяйств области высшим руководителям регулярно

подвозили свежие продукты особого качества.

После смерти жены тогдашний первый секретарь обкома Василий Иванович Конотоп женился на своей секретарше. Говорили, что она спешит взять от жизни все. Шептались, что и второй секретарь Московского обкома Папутин тоже обладал большими возможностями, и он вроде бы ими пользовался. А уж когда он перешел в Министерство внутренних дел, то там ведь при министре Щелокове и вовсе творилось нечто невообразимое. Недаром самого Щелокова едва не посадили за коррупцию.

Один крупный в прошлом партийный работник говорил мне откровенно:

– Они в МВД очень избаловались, распределяли между собой барахло, конфискованное у осужденных. Может быть, Папутина на чем-то подловили? Видные милицейские генералы в те годы скупали за копейки конфискованное имущество осужденных преступников. Я видел у некоторых генералов дома такие собрания картин, что им место в музее. Думаю, были какие-то личные причины, какая-то личная трагедия, которая привела Папутина к самоубийству. Может быть, против него имелись какие-то компрометирующие документы?

Но в ЦК такого рода сигналы не поступали. Это говорил мне один из бывших руководителей отдела административных органов ЦК КПСС. А в те годы в ЦК точно знали, кто чем занимается, чиновники охотно писали друг на друга доносы. Когда речь шла о священных коровах, таким бумагам хода не давали. Но их и не уничтожали. Хранились все письма, пришедшие в ЦК. Если приходила «телега» на кого-то из номенклатурных работников, то, если давалась санкция, сигнал проверялся, если нет – отправляли в архив. Любую бумагу можно было быстро найти.

Наиболее важные документы лежали в личном деле номенклатурного работника, которое заводилось в отделе организационно-партийной работы ЦК КПСС. В делах хранились так называемые справки-объективки – сухая официальная информация плюс ритуальные пустые слова: политически грамотен, идеологически выдержан, морально устойчив… Перед утверждением номенклатурного сотрудника высокого ранга в отделе писали свои характеристики. Перед этим опрашивали человек шесть, которые знали кандидата, и их мнения подшивали в дело. В КГБ за справками не обращались, аппарат ЦК сам проверял человека.

Все дела номенклатуры лежали в секторе учета кадров. Сотрудник ЦК, допущенный к этим секретам, мог туда сходить, через окошечко попросить дело и быстро посмотреть. А если

предстояла длительная работа, то по телефону заказывали дело, и его приносил технический работник ЦК под расписку.

Отдел организационно-кадровой работы располагался на шестом этаже в первом подъезде ЦК, прямо над кабинетом Брежнева. Рядом с отделом был кинозал, Леонид Ильич, когда приходил посмотреть фильм, обязательно заглядывал в орготдел, чтобы поздороваться с Зинаидой Ивановной Ключевой, которая ведала подбором и расстановкой руководящих кадров в Казахстане, когда там работал Брежнев. Зинаида Ключева держалась скромно и не кичилась тем, что к ней запросто заходил генеральный секретарь.

Отдел оргпартработы занимался партийными кадрами. Когда Виктора Папутина перевели в МВД, его дело передали в отдел административных органов, который ведал Министерством внутренних дел (а также КГБ, Министерством обороны, прокуратурой и судом). Папутин не был профессиональным милиционером. В Министерство внутренних дел он попал случайно и не был рад этому назначению. Для любого профессионала эта должность была бы пределом мечтаний, а для него – неприятным сюрпризом.

Виктор Семенович Папутин родился в 1926 году в деревне Зиновкино Московской области, окончил Тульский механический институт. С 1940 года – ученик слесаря, помощник мастера, мастер производственного обучения в ремесленном училище. На фронт не попал. В 1944 году его взяли на комсомольскую работу. На следующий год он вступил в партию. Из начальников цеха стал секретарем парткома завода. С этой должности его в 1959 году назначили первым секретарем Подольского горкома партии.

В октябре 1962 года Никита Хрущев разослал членам президиума ЦК записку «О перестройке партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством». Он предложил разделить партийные органы на промышленные и сельскохозяйственные. Так в каждой области и каждом крае вместо одного обкома появились два – один занимался промышленностью, другой – сельским хозяйством. Раздел власти проходил болезненно, породил интриги и склоки и вызвал дополнительную ненависть к Хрущеву, потому что партийные чиновники лишались насиженных мест.

В рамках этой реформы Папутина назначили секретарем парткома Ленинского производственного совхозно-колхозного управления. После того как Хрущева отправили в отставку, с этим неудачным начинанием покончили, и Папутин вернулся на прежний пост первого секретаря Подольского горкома. В 1967 году его повысили: перевели в Московский обком КПСС и сразу

сделали вторым секретарем. Его избрали депутатом Верховного Совета СССР, хотя по табели о рангах ему полагался депутатский значок республиканского парламента. На XXIV съезде КПСС избрали кандидатом в члены ЦК – это было тоже признаком личного доверия и предвещало большую карьеру.

Вероятно, именно это и насторожило его непосредственного начальника – первого секретаря обкома Василия Ивановича Конотопа. Он был старше Папутина на десять лет, опытнее, хитрее, знал, как опасно держать под боком молодого и растущего партийного работника.

Конотоп окончил Харьковский механико-машиностроительный институт, после войны жил и работал в Подмосковье. После войны его сделали парторгом ЦК на паровозостроительном заводе, потом первым секретарем Коломенского райкома, секретарем Московского обкома. Четыре года он возглавлял облисполком. В 1963 году стал первым секретарем обкома. Назначил его Хрущев, но Конотоп вовремя переориентировался на Брежнева, сумел потрафить новому хозяину, оттого и сохранил за собой должность.

Василий Конотоп был жесткий, властный, авторитарный человек, не терпел возражений и споров. Он ревниво относился к тем, кто был посильнее как работник, и постепенно выживал из аппарата самостоятельных людей, которые могли составить ему конкуренцию. Избавился от секретаря обкома по сельскому хозяйству Евгения Сизенко, которого собирались послать советником в какое-то третьеразрядное посольство, а потом все-таки перевели первым секретарем в Брянск.

Конотоп убрал и другого секретаря по сельскому хозяйству – Валентина Месяца. Его назначили первым заместителем министра сельского хозяйства России, что было явным понижением. Кстати, и Сизенко, и Месяц все-таки сделали карьеру. Сизенко стал союзным министром мясомолочной промышленности, Месяц возглавил союзное

Министерство сельского хозяйства, а в 1985 году, когда к власти пришел Горбачев, сменил Конотопа на посту первого секретаря Московского обкома.

Конотоп довел несколько человек до тяжелых сердечных приступов, ставших причиной их смерти. При этом к себе Василий Иванович требовал почтения и уважения. Один из руководителей московского управления КГБ рассказывал мне, как после какого-то приема в Кремле несколько областных начальников поехали к одному из них домой – добавлять. Крепко выпили, и все один за другим стали произносить здравицы в честь Конотопа, который с удовольствием это слушал. Один из

секретарей обкома произносил свой тост, стоя на коленях перед Конотопом.

В другой раз все областное начальство съехалось поздравить первого секретаря с юбилеем. Славили, пили, закусывали. Ближе к ночи все смотрят-уже поздно, надо расходиться. Стали подниматься, тут Конотоп как закричит:

– Куда пошли? А ну, назад! Сидеть и пить! Я скажу, когда можно будет расходиться.

И никто не решился уйти.

На чем Конотоп держался? На умении услужить, быть полезным. Все, что предлагал сначала Хрущев, потом Брежнев, он исполнял беспрекословно. Никита Сергеевич вынужден был даже сдерживать излишнее рвение Конотопа, который бросался исполнять любое указание начальства. Тех, кто имел свое мнение и высказывал его на бюро, Конотоп постепенно съедал. Действовал аккуратно, методично, так, что не придерешься. Так он выжил и Виктора Папутина. Дождался удобного повода и воспользовался им.

Поскольку органы внутренних дел время от времени укрепляли партийными кадрами, то в подходящий момент Конотоп посоветовал цековским кадровикам усилить руководство МВД перспективным секретарем обкома. Момент представился в апреле 1974 года, когда скончался первый заместитель министра внутренних дел Владимир Петрович Петушков, занимавший это кресло двадцать лет.

В 1974 году Папутина из обкома перевели в Министерство внутренних дел первым заместителем министра. Формально это не было понижением, а в зарплате он даже выиграл. В обкоме Виктор Семенович получал четыреста пятьдесят рублей, еще один оклад давали к отпуску, сто рублей платили как депутату Верховного Совета. А в министерстве, когда ему присвоили генеральское звание и стали платить и за звание, и за выслугу лет, то получилось вдвое больше.

– Денег платили столько, – говорил мне полушутя другой заместитель министра внутренних дел, – что их тратить было не на что.

Но фактически перевод в МВД ставил крест на карьере Папутина. Он был кандидатом в члены ЦК, депутатом Верховного Совета. Первому замминистра таких регалий не полагалось. С поста второго секретаря Московского обкома Папутина могли сделать руководителем любой другой области. С должности первого заместителя министра внутренних дел особенно повышать было некуда. А в самом МВД перескочить с поста первого зама в кресло министра было практически невозможно.

Во-первых, Николай Анисимович Щелоков, личный друг генерального секретаря, уходить на пенсию не собирался, во-вторых, стремительную карьеру в министерстве делал зять Брежнева Юрий Михайлович Чурбанов. Ему, наверное, и быть следующим министром…

Когда Чурбанов в 1972 году женился на Галине Леонидовне Брежневой, он был всего лишь подполковником и заместителем начальника политотдела мест заключения МВД СССР. Чурбанов родился в 1936 году, сын номенклатурного работника средней руки. Высокий, статный, он быстро попал в райком комсомола. В 1961-м активного комсомольца мобилизовали в органы правопорядка. Он служил инструктором по комсомолу в политотделе главного управления мест заключения МВД РСФСР (союзное Министерство внутренних дел Хрущев упразднил в январе 1960 года, его восстановит Брежнев). Потом Чурбанова перевели в ЦК комсомола, где он заведовал сектором по работе с подростками в отделе пропаганды. Но дальше в ЦК он не продвинулся и оказался на незавидном месте – в политотделе мест заключения МВД.

После свадьбы (они с Галиной Леонидовной поженились 17 апреля 1971 года) Чурбанова сразу произвели в полковники и нашли ему место поприличнее – назначили заместителем начальника политуправления внутренних войск. Через три года после свадьбы Чурбанов стал начальником политуправления, получил генеральские погоны и орден Красной звезды. Еще через год Чурбанов стал заместителем министра внутренних дел и генерал-лейтенантом. Довольный Брежнев позвонил зятю в машину:

– Я только что подписал решение политбюро о твоем назначении…

Вслед за высокой должностью последовало и высокое партийное звание. Сотрудник международного отдела ЦК КПСС Карен Брутенц, работая в Завидово над очередной речью генерального секретаря, случайно оказался свидетелем разговора Брежнева с секретарем ЦК КПСС по кадрам Иваном Капитоновым. Льстивый, но осторожный Иван Васильевич спрашивал, можно ли выдвигать в состав ЦК членов семьи генерального секретаря.

Леонид Ильич, даже несколько обиженный, ответил вопросом на вопрос:

– А что, разве члены моей семьи – лишенцы?

На ближайшем съезде Чурбанова избрали членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, а на XXVI съезде – кандидатом в члены ЦК. Затем в состав высшего партийного руководства ввели и сына Брежнева – Юрия Леонидовича, первого

заместителя министра внешней торговли.

Говорили, что министр внутренних дел Щелоков тяготился присутствием Чурбанова, потому что тот не был профессионалом и бездельничал. Люди знающие утверждают, что Чурбанов реально работал, особенно когда был заместителем министра по кадрам. С помощью брежневского зятя министерству удалось провести через ЦК важные решения, например, о повышении окладов. В милиции за звание платили в два раза меньше, чем в армии, и в четыре раза меньше, чем в КГБ. Щелоков с Чурбановым сумели уравнять милицейских офицеров с армейскими.

Офицеры внутренних войск тоже вспоминают Юрия Михайловича добром – он добился не только увеличения денежного содержания, но и решения правительства о введении новой формы: внутренние войска избавились от синих форменных фуражек, которые вызывали раздражение. Юрий Михайлович очень заботился о своем внешнем виде: постоянно наведывался в парикмахерскую, держал в кабинете лишнюю пару хорошо выглаженных форменных брюк.

Офицеров, которых вызывали к Чурбанову, предупреждали: туфли должны быть начищены, шнурки аккуратно завязаны:

– Если Юрию Михайловичу твой вид не понравится, тебя просто не назначат на должность.

Это уже потом стали говорить, что Чурбанов, став первым замом, сильно изменился, что у него появились гонор и высокомерие. Чурбанову ставили в вину доведение до самоубийства генерал-лейтенанта Сергея Михайловича Крылова, члена коллегии МВД, который был начальником академии, а до этого возглавлял штаб министерства (бывшее организационно-инструкторское управление). В штаб стекались сведения обо всем, что происходило в стране. Эта информация немедленно поступала Щелокову.

Энергичный и талантливый, но не совсем уравновешенный Крылов был ближайшим помощником Щелокова, имел право входить в кабинет министра без доклада. Он писал ему доклады и статьи. Крылов привлекал к себе в штаб молодых ученых, выпускников Высшей школы МВД. Крылов и его команда помогли Щелокову освоиться в проблемах борьбы с преступностью.

Но Крылова, который претендовал на первые роли в МВД и настроил против себя многих влиятельных генералов, в аппарате невзлюбили и со временем выставили из министерства, как и начальника Главного управления уголовного розыска генерал-лейтенанта Игоря Ивановича Карпеца.

Карпец был доктором юридических наук, профессором, и его тоже отправили в науку – назначили директором научно-

исследовательского института МВД. Карпец не только собирал в уголовном розыске профессионалов, но и уважительно относился к своим офицерам, прислушивался к их мнению, пытался отучить аппарат от наушничества, а начальство – от привычки ломать людей через колено. Профессор Карпец вспоминает, что ему самому непросто было освоиться в аппарате: «Работа в нем требует не только профессионализма, но и умения молчать либо говорить так, чтобы кто-то мог подтвердить, что ты сказал именно то, а не что-то иное…»

Чурбанов невзлюбил Крылова и заставил министра назначить полную проверку академии. Как всегда в таких случаях, нашлась масса недочетов. Чурбанов вызвал к себе Сергея Михайловича и, дав волю своему гневу, устроил ему разнос. Это был все тот же 1979 год. На Крылова, человека со сложной психической конституцией, разговор в кабинете Чурбанова произвел чудовищное впечатление. Крылов вернулся в академию, где шло торжественное собрание по случаю ленинской годовщины, и застрелился…

«И это не было проявлением слабости духа, – пишет его друг известный журналист Лев Александрович Вознесенский, – о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он сумел выстрелить себе в сердце дважды. Напротив, этим поступком он, подобно офицерам далекого прошлого, когда честь была не только словом, но и главным принципом жизни, такой высшей ценой защитил свое доброе и светлое имя».

Сергей Михайлович оставил предсмертную записку, адресованную другу:

«Нет сил жить. Если у человека убита вера и надежда, он труп.

Господи! Как я работал! Как горел, как боролся! И чем благороднее была цель, чем вдохновеннее труд, тем больше ненависть власть имущих.

Я оплодотворил своим талантом и фантастическим трудом интеллектуальную пустыню органов внутренних дел. Я сделал общественной величиной это ничтожество, имя которому Щелоков, – и за все это я плачу жизнью. Это мир рабов, холуев и карьеристов».

При Крылове академия МВД приобрела новое качество, он привлек к преподаванию специалистов высокого уровня, внедрял математические методы управления, создал кафедру литературы и искусства. Он сказал Льву Вознесенскому:

– Я хочу создать такой корпус высших офицеров органов охраны общественного порядка, для которых преступить закон, поднять руку на человека было бы внутренне невозможно.

А Чурбанов и его люди новшеств не принимали, все высмеивали, им нужен был ординарный милицейский вуз…

«Где-то в середине семидесятых, – вспоминал недавно кинорежиссер Станислав Говорухин, – сидели мы с одним милиционером в сауне бассейна «Москва» – там, где стоял прежде и стоит нынче храм Христа Спасителя. Милиционер этот был большим начальником и высокообразованным человеком. Заговорили о любимых книжках, и он произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Образованным человеком должен считаться не тот, кто много читает, а тот, кто много перечитывает…»

Мы возвращались тогда из сауны с Высоцким (он тоже был в нашей компании), и Володя сказал: «Такие люди долго не живут». И как в воду глядел – вскоре Сергей Крылов, генерал-лейтенант милиции, начальник милицейской академии – застрелился. Пришел на службу, провел совещание, потом удалился в комнату отдыха, снял китель и нажал на курок.

Но завет его я помню…»

Валерий Харазов, которого я уже цитировал в этой книге, был в те годы вторым секретарем ЦК в Литве. Он рассказывал, как к ним в Вильнюс приезжал Чурбанов, заместитель союзного министра внутренних дел по кадрам.

Республиканский министр доложил Харазову:

– Возим Юрия Михайловича с сопровождением, одна машина ГАИ впереди, одна сзади.

На следующий день Чурбанову должны были показать исправительно-трудовую колонию. Харазов повез туда московского гостя на своей машине и, разумеется, без милицейского сопровождения. На дороге возникла небольшая пробка, машина остановилась. Избалованный Чурбанов раздраженно произнес:

– Ну что у вас за министр? Не мог дать машину ГАИ в сопровождение.

Харазов повернулся к нему и спокойно сказал:

– Юрий Михайлович, вы же со мной едете. А я никогда не езжу с сопровождением.

Чурбанов замолчал: с партийным руководителем республики он пререкаться не мог. Зато, едва добрались до места назначения, он, не успев ничего увидеть, сорвал злость на начальнике колонии:

– Да что у вас тут происходит? Бардак! Распустились! Я вас одним росчерком пера сниму с должности!..

Подарок убитого Амина

Брежнев так заботился о карьере зятя, что и в ЦК, и в министерстве всем было ясно, что заместитель министра для Юрия Михайловича – это всего лишь промежуточная ступенька. Для начала ему предстояло занять кресло первого зама. Мешал Виктор Папутин. Когда он застрелился, кресло освободилось.

Сам Чурбанов о смерти своего предшественника пишет в мемуарной книге «Я расскажу все, как было» на редкость неуважительно:

«Папутин был случайным человеком в органах внутренних дел. Он долгие годы работал первым секретарем Подольского горкома КПСС (это довольно большая партийная организация), потом был вторым секретарем Московского обкома партии, являлся депутатом Верховного Совета СССР.

Щелоков как-то рассказывал мне, что назначение Папутина на должность первого заместителя было для него, то есть для Щелокова, полнейшей неожиданностью. И я узнал об этом назначении тоже совершенно случайно.

Вместе с Леонидом Ильичом мы с Галей находились на отдыхе в Крыму, как вдруг на даче в рабочем кабинете Леонида Ильича зазвонил телефон ВЧ. Звонил Иван Васильевич Капитонов, секретарь ЦК КПСС, занимавшийся вопросами организационно-партийной и кадровой работы. Из обрывков разговора я понял, что речь идет о каком-то новом лице. Помню, Леонид Ильич спросил: «А этот вопрос уже со всеми согласован?» Судя по всему, Капитонов ответил: «Да». «Ну что ж, – сказал Леонид Ильич, – раз согласован, то назначайте».

Вот так, без Леонида Ильича, когда он находился далеко от Москвы, был назначен Папутин. Кому это оказалось выгодно, какие «пружины» сработали – я не знаю. Наверняка Щелокову сказали, что этот вопрос согласован с Леонидом Ильичом, а Леониду Ильичу – что с Щелоковым; кто же на самом деле стоял за этой аппаратной «игрой», сказать не берусь. Но не Андропов. Мне это ясно.

Очень скоро выяснилось, что в данном случае совершена большая кадровая ошибка, что Папутин попал в МВД буквально «как кур в ощип», и хотя были поручены ему второстепенные службы (он ведал вопросами материально-технического снабжения), работа Папутина все равно оставляла желать лучшего.

Зимой 1979 года произошли трагические события. Виктор Семенович Папутин неожиданно покончил с собой. Помню, я был

дома, когда раздался звонок от дежурного по министерству, сообщившего, что Папутин застрелился у себя на квартире. Туда выехали министр, сотрудники Прокуратуры СССР, которые сразу же провели предварительное расследование.

Смерть была зафиксирована в его рабочем кабинете, он почему-то находился в верхней зимней одежде, но без головного убора, пуля прошла навылет, но самое главное – Папутин был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Думаю, что причиной этого самоубийства стали Афганистан, его частые выпивки, прогрессирующая болезнь печени; возможно, были и какие-то житейские неудачи…

Похоронили Папутина на Новодевичьем кладбище, ему были отданы все воинские почести, но на митинге выступал, по-моему, только Щелоков, даже из обкома партии никто не приехал. Думаю, все «ориентировались» именно на некролог. Он был как сигнал. Те, кто хоронил Папутина, прекрасно знали, что он крепко пил, что из Афганистана его привезли в плохом состоянии, что потом он довольно долго находился в больнице с подозрением чуть ли не на болезнь Боткина, причем тогда ходили всякие разговоры, что в алкоголь ему добавляли какой-то яд или очень сильный наркотик, ибо руководство Афганистана, которое уже тогда за спиной Советского Союза все больше сближалось с американцами, не было застраховано от той объективной информации, за которой и приехал Папутин…»

Вечером Брежнев позвал к себе в рабочий кабинет зятя. Сидел за столом без пиджака, в одной рубашке. Спросил:

– Что все-таки произошло с Папутиным?

Чурбанов рассказал, как было дело.

Брежнев спросил:

– Папутин сильно пил?

– Работники аппарата об этом хорошо знали.

– Что, и в Кабуле он тоже пил?

Брежнев связался с заведующим отделом административных органов Савинкиным.

– Николай Иванович, от чего скончался Папутин?

– Инфаркт, Леонид Ильич.

Услышав этот ответ, Леонид Ильич, по словам Чурбанова, выдал Савинкину на полную катушку. Савинкин, считает Чурбанов, просто не решился сказать правду: кто бы ни рекомендовал Папутина в МВД, но отвечал за назначение руководитель отдела, курирующего силовые ведомства.

Брежнев спросил:

– Кого отдел адморганов рекомендует на эту должность?

Савинкин доложил:

– Мы подбираем туда одного из секретарей обкомов.

Леонид Ильич улыбнулся:

– Николай Иванович, а не много ли у вас в МВД секретарей обкомов?

– Леонид Ильич, вот увидите, мы подберем хорошего.

– Ну-ну, смотрите.

И вдруг Брежнев спросил:

– Вот у нас есть начальник политуправления Чурбанов, как он работает?

– Леонид Ильич, он уже не начальник управления, он сейчас заместитель министра по кадрам.

– А, черт, – говорит Брежнев, – из головы вылетело. Ну и как он работает?

– Вы знаете, Леонид Ильич, хорошо, люди к нему идут.

И вдруг Брежнев говорит:

– А ты знаешь, Николай Иванович, я бы не возражал, если бы отдел адморганов выступил с предложением о назначении Чурбанова первым заместителем.

Судя по паузе, вспоминает Чурбанов, Савинкин просто опешил. Заведущий отделом не знал, что Чурбанов сидит в кабинете Брежнева и слышит весь разговор.

Савинкин вроде бы пытался возражать:

– Леонид Ильич, он еще так молод… Ему рано… Еще нет навыков… опыта

– В общем вы посмотрите, – завершил разговор Леонид Ильич, – я возражать не буду.

Через несколько дней Щелоков поздравил Чурбанова с назначением. Юрий Михайлович занял место Папутина через месяц после его самоубийства.

Так что случилось с Виктором Семеновичем в предновогодние дни 1979 года? О том, что произошло в Афганистане, он уже знал, но эта страна едва ли занимала в его жизни такое место, чтобы стреляться из-за переворота в Кабуле.

Близкие друзья Папутина решительно отметают версию о его причастности к коррупции. Один из тогдашних руководителей отдела административных органов ЦК КПСС, которому по должности полагалось знать все, что происходило в подведомственных министерствах, уверенно говорил мне, что драгоценностей в сейфе Папутина не было и дела против него не заводили.

Друзья Виктора Семеновича рассказывают, что в последние недели он сильно пил, часто приходил к приятелям навеселе, просил налить. Пил все, что оказывалось под рукой. Почему-то ходил совсем без денег. У него трудно складывались отношения с

женой. Она его ругала за пьянки – в общем справедливо, но, видимо, не очень понимала, что с ним происходит. У Виктора Семеновича было нечто вроде депрессии. Он чувствовал, что может лишиться должности, и тяжело переживал. Искал утешения в горячительных напитках, но это сильнодействующее лекарство, как известно, в таких случаях не только не помогает, но, напротив, ухудшает состояние. Виктор Семенович, судя по всему, нуждался в серьезной медицинской помощи, но это тогда никому не приходило в голову.

Папутин несколько дней работал с иностранной делегацией – высокопоставленными гостями министерства. Такие поездки превращались в сплошную пьянку. По рассказам близких ему людей, трагедия произошла таким образом.

В субботу, когда он вернулся домой, у них с женой вышел скандал. Он сразу же потребовал от жены:

– Налей сто пятьдесят коньяку.

Он была на кухне и стала его ругать:

– Алкоголик! Ничего тебе не налью! Надо на дачу ехать.

Он еще раз сказал жене:

– Налей сто пятьдесят, тогда завтра едем на дачу.

Она не налила.

Он прошел в комнату, выпил стакан и выстрелил себе в голову из пистолета, подаренного ему президентом Афганистана Хафизуллой Амином. К этому времени сам Амин был уже мертв. Сотрудники советской спецгруппы отрезали ему голову, завернули ее в пластиковый пакет и доставили в Москву – как самое надежное доказательство успешно выполненной операции…

Из подаренного Амином пистолета застрелился и друг Чурбанова – АльбертИванов, который заведовал сектором милиции в отделе административных органов ЦК КПСС. С заведующим отделом Савинкиным Чурбанов не ладил и все дела решал со своим приятелем Ивановым.

Тот, как рассказывали мне его коллеги, застрелился тоже после скандала с женой. Они поссорились, и Иванов уехал на дачу. Жена осталась в городской квартире. Отношения выясняли по телефону. Он требовал: приезжай ко мне. Она отказывалась. Это было в субботу. В воскресенье она стала звонить мужу на дачу. Он не отвечал. Встревоженная, она попросила машину в гараже МВД, приехала – он лежит мертвый. Он разнес себе голову из пистолета, подаренного все тем же Амином.

Он тоже выпивал да еще подозревал, что у него рак. А при вскрытии выяснилось, что рака у него нет. Мог бы жить и жить… Впрочем, некоторые люди сомневаются, что все было именно так

и что Иванов покончил с собой. В служебном сейфе Альберта Иванова после его самоубийства нашли проект решения ЦК КПСС о назначении его друга Чурбанова министром внутренних дел вместо Щелокова. В МВД давно ходили слухи, что зять вот-вот возглавит ведомство. В министерстве возникло своего рода двоевластие, наиболее ушлые генералы переориентировались уже на Чурбанова.

Но этого не произошло. После смерти тестя звезда Юрия Михайловича быстро закатилась… На следующий день после похорон Брежнева, вспоминает сам Чурбанов, он зашел к новому генеральному секретарю Юрию Андропову поблагодарить за внимание и поддержку в печальные для семьи дни. Андропов сказал ему:

– Юра, пока я жив, никто вашу семью не тронет.

Но почти сразу Андропов приказал начать борьбу с коррупцией. Схватились за то, что лежало на поверхности. Нужны были заметные имена, чтобы продемонстрировать желание новой власти карать преступников, несмотря на чины и звания. Учитывая личную нелюбовь Андропова к министру внутренних дел Щелокову, начали с Министерства внутренних дел. Самого Щелокова сняли. Выкорчевывать коррупционеров в МВД пришел новый министр Виталий Васильевич Федорчук из КГБ, человек по характеру жесткий и непримиримый.

Он сразу же занялся Чурбановым.

И в ЦК, и в МВД знали, что Чурбанов увлекался выпивкой, охотой, женщинами. В 1982 году Чурбанова послали во главе делегации в Йемен, по словам сопровождающих лиц, он беспробудно пил все путешествие. В результате его даже не принял президент страны. Мне рассказывал человек, который летал с ним в командировку в Азербайджан, что Гейдар Алиев, который был тогда первым секретарем ЦК, превратил приезд брежневского зятя в сплошной праздник. Все время пили. А когда полетели назад, то самолет был забит сувенирами и подарками. Чурбанов и сам не знал, что ему преподнесли. Но, правда, от подарков не отказывался, хотя в реальности, по словам знавших его людей, первого замминистра интересовали три вещи – хорошие охотничьи ружья, бутылки и женщины.

Видя, что против него готовится дело, зять покойного генсека попросил о помощи человека, который был верным соратником Брежнева, – Черненко. Константин Устинович стал в 1984 году генеральным секретарем. Помощник генсека Виктор Прибытков вспоминает, как однажды ему позвонил Чурбанов – так, словно они вчера расстались, хотя виделись один раз и давно, еще в комсомольские годы.

Чурбанов попросил о встрече. Прибытков пригласил:

– Приезжай. Какие разговоры…

– Я не хочу появляться на том этаже, где сидит генеральный…

– Я на шестом, а не на пятом нахожусь. Приезжай! Тут спокойно поговорим…

– Нет, давай лучше на нейтральной территории…

Они встретились у памятника героям Плевны. Чурбанов в штатском сидел на скамеечке.

– Федорчук жмет до предела, – жаловался Чурбанов. – Копает, все копает… Сил никаких нет!

Чурбанов и Прибытков ходили от памятника до входа на станцию метро «Площадь Ногина».

– Ты скажи Константину Устиновичу, – попросил Чурбанов, – что я ни в чем не виноват… Этому Федорчуку все неймется! Без году неделя на министерстве, а поди ж ты…

Чурбанов рассчитывал, что Черненко вступится за зятя Брежнева. В тот же день Прибытков пересказал разговор Черненко. Тот внимательно выслушал своего помощника. Когда Прибытков договорил, Черненко раскрыл лежавшую перед ним папку с документами и сказал:

– Так, начинаем, Виктор, работать. Тут у нас вот на сегодня какие проблемы…

И ни слова о Чурбанове.

Брежнев умер, и прежние обязательства были недействительными. В середине 1985 года Чурбанова убрали из министерства на смешную должность начальника Главного управления внутренних войск по военно-научной работе, а вскоре и вовсе отправили на пенсию. Процесс над ним был самым громким в горбачевскую эпоху. Его приговорили к длительному сроку тюремного заключения. Чурбанов отсидел свой срок и вышел на свободу. Он занимается бизнесом и помогает заключенным.

Виктора Семеновича Папутина иногда добрым словом вспоминают старые друзья.

Глава 8
Цвигун. Пистолет охранника

В газетах о реальных обстоятельствах внезапной смерти первого заместителя председателя КГБ СССР, члена ЦК КПСС, генерала армии Семена Кузьмича Цвигуна, разумеется, не было ни слова.

Но поразительным образом кто-то проведал о том, как именно ушел из жизни Семен Кузьмич, и слух о том, что один из самых доверенных людей генерального секретаря пустил себе пулю в лоб, сразу же распространился по Москве. Но почему он покончил с собой? Люди терялись в догадках. Чуть позже пошли разговоры о том, что не все так просто – Цвигуну помогли расстаться с этим светом.

Самым верным доказательством того, что Цвигун ушел из жизни не совсем обычным путем, было отсутствие подписи Брежнева под некрологом первого заместителя председателя КГБ. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет министров СССР с глубоким прискорбием извещали о том, что «после тяжелой и продолжительной болезни» скончался Семен Кузьмич Цвигун. Но раз генеральный секретарь не поставил свою подпись, значит, что-то не так.

Украденные бриллианты

Смерть Цвигуна стала первым драматическим событием памятного 1982 года, когда жизнь страны переломилась: в конце года уйдет из жизни сам Брежнев, его место займет Юрий Владимирович Андропов, и начнется новая эпоха. Разумеется, в начале года никто не мог предвидеть такого развития событий, но смерть первого заместителя председателя КГБ наложила какой-то мрачный отпечаток на все происходившее в стране.

Человек, занимавший столь высокую должность, в любом случае был фигурой влиятельной, к тому же известно было о личной близости Цвигуна к Брежневу. Говорили, что они даже женаты на сестрах. В Москве обсуждались различные версии, объясняющие смерть Цвигуна, и строились самые невероятные предположения. Мысль о том, что человек мог застрелиться по сугубо личным мотивам, не возникала. Все сходились на том, что за его смертью стоит что-то политическое. Тем более, что вслед за ним, буквально через несколько дней, скончался второй человек в партии – член политбюро и секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов.

И люди задумались: а не связаны ли между собой их смерти? Не произошло ли в стране нечто драматическое, что стоило жизни и тому и другому?

Люди, более осведомленные в нравах тогдашней Москвы, постепенно пришли к выводу, что Цвигун оказался в центре скандала вокруг дочери генерального секретаря Галины Леонидовны Брежневой. Любовные похождения Галины Леонидовны, ее близкие отношения с некоторыми сомнительными персонажами активно обсуждались в ту пору в московском обществе.

Многие решили, что это Цвигун приказал арестовать Бориса Ивановича Буряце, интимного друга Галины Брежневой. Ему было тогда двадцать девять лет, намного меньше, чем Галине. Бориса Буряце называли «цыганом», потому что он пел в театре «Ромэн», в реальности он был молдаванином. После знакомства с Галиной Леонидовной стал солистом Большого театра. Борис Буряце вел завидно веселый образ жизни и ездил на «мерседесе», что в те годы было большой редкостью.

Бориса Буряце обвиняли в соучастии в краже бриллиантов у знаменитой дрессировщицы львов, народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда Ирины Бугримовой.

Это было громкое преступление.

Ее ограбили 30 декабря 1981 года, под Новый год. Вся

артистическая Москва завидовала Бугримовой – обладательнице фантастической коллекции бриллиантов, оставшейся ей от родителей. 30 декабря она отправилась на праздничное предновогоднее представление. Вечером к ее дому подъехала машина. Вышли трое веселых мужчин, вытащили большую пушистую елку. Вахтеру объяснили, что привезли елку Бугримовой.

– Ее нет, – скучным голосом сказал вахтер.

Мужчины огорченно переглянулись, а потом сказали, что оставят елку возле двери:

– Будет Ирине Николаевне новогодний сюрприз.

Они вошли в дом и словно исчезли. Через час удивленный вахтер поднялся на этаж, где жила Бугримова, чтобы посмотреть, куда же делись гости? Пушистая елка действительно стояла возле двери, а гости исчезли. С некоторым опозданием вахтер сообразил, что они ушли через черный ход. Тут он увидел, что дверь в квартиру Бугримовой открыта. Вызвали милицию. Когда вернулась хозяйка, ее попросили осмотреть квартиру: не пропало ли чего? Она сразу увидела, что ее коллекция бриллиантов исчезла.

Следственная группа работала быстро, в число подозреваемых попал Борис Буряце. Его арестовали, но он успел попросить о помощи Галину Брежневу. Ее имя возникло в документах следствия. Тогда говорили, будто следствие по делу об украденных бриллиантах и других аферах, в которых фигурировало имя Галины Брежневой, курировал сам Цвигун.

И когда ему стало ясно, что без допроса Галины Леонидовны не обойтись, Цвигун собрал все материалы о ее сомнительных связях и отправился в ЦК КПСС, к второму секретарю ЦК Суслову. Цвигун выложил на стол все материалы и попросил разрешения на допрос Галины Леонидовны.

Михаил Андреевич пришел в бешенство и буквально выгнал из своего кабинета Цвигуна, запретив допрашивать дочь генерального секретаря. Генерал пришел домой и застрелился. А Суслов так разнервничался, что у него случился инсульт. Его в бессознательном состоянии отвезли из ЦК в спецбольницу, где он вскоре умер…

Эта версия казалась более чем убедительной. Потом, когда арестовали и осудили мужа Галины Брежневой – бывшего первого заместителя министра внутренних дел Юрия Чурбанова, разговоры о том, что семья генерального секретаря погрязла в коррупции, получили подтверждение. И по сей день многие писатели и историки уверены, что Цвигуна по существу вынудили застрелиться, потому что он посмел заняться сомнительными

делишками брежневской семьи.

Так это или не так? Прежде всего надо установить, кем в реальности был Семен Кузьмич Цвигун.

Днепропетровский клан

Бывший член политбюро Вадим Андреевич Медведев вспоминает, как, перебравшись из Ленинграда в столицу, он обнаружил, что в центральных органах власти, в правительстве и в аппарате ЦК, было поразительно мало москвичей. Тон задавали напористые провинциалы из разных кланов. Это было не случайностью, а результатом продуманной кадровой политики.

Брежнев не любил столичных жителей, потому что среди них оказалось много сторонников Александра Николаевича Шелепина, члена политбюро, бывшего председателя КГБ, которого в середине шестидесятых прочили на место генерального секретаря.

Шелепин был моложе и энергичнее Брежнева. Вокруг него группировались в основном недавние выходцы из комсомола, которые занимали видные посты в органах госбезопасности, внутренних дел, аппарате ЦК, идеологических учреждениях. Они считали Брежнева фигурой временной, слабой, не годящейся на роль главы партии и государства, и полагали, что страну должен возглавить Шелепин.

Но Брежнев их всех переиграл. В кремлевских интригах он оказался куда более искушенным человеком, чем вчерашние комсомольцы. Он вывел из политбюро самого Шелепина и методично убрал его сторонников из всех звеньев партийно-государственного аппарата. На ключевые должности Брежнев расставлял тех, кого знал много лет и кому доверял.

К власти пришла брежневская южная когорта, которую знающие люди делили на разные группы – днепропетровскую, молдавскую и казахстанскую – в зависимости от того, где тому или иному чиновнику посчастливилось поработать с Леонидом Ильичом. В особом фаворе были те, кто познакомился с Брежневым еще в годы его юности и молодости, когда он начинал свою карьеру в Днепропетровске.

В «днепропетровский клан» входили будущий глава правительства Николай Тихонов, заместитель главы правительства Игнатий Новиков, управляющий делами ЦК КПСС Георгий Павлов, министр внутренних дел Николай Щелоков, первый заместитель председателя КГБ Георгий Цинев. Они все даже окончили одно и то же учебное заведение – Днепропетровский металлургический институт. А в соседнем Днепродзержинске вместе с Брежневым заканчивал металлургический институт его будущий помощник Георгий Цуканов. Все это были преданные Брежневу люди, его надежная

команда. И в Москве невесело шутили, что история России делится на три этапа – допетровский, петровский и днепропетровский.

Тогдашний председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный говорил мне:

– Только когда я комитет возглавил, мне открылось, кто к какому клану и землячеству принадлежит, и я понял, на каком хуторе подбираются кадры. Когда видишь, что у главы правительства Косыгина половина заместителей из Днепропетровска, понимаешь, как и с кем надо себя вести.

Брежнев не забывал старых знакомых, помогал им, он вообще обладал завидным даром поддерживать добрые отношения с нужными людьми, и они ему преданно служили. А он нуждался в поддержке, особенно в первые годы, пока его позиции не окрепли. Ему ведь понадобились годы на то, чтобы убрать из политбюро сильные и самостоятельные фигуры. Только тогда он смог успокоиться. А до того постоянно ждал подвоха от товарищей по партии. Он же помнил, как легко удалось снять Хрущева. А все потому, что тогдашний председатель КГБ Владимир Семичастный, друг и единомышленник Шелепина, был целиком и полностью за отставку Хрущева.

Поэтому особое значение Брежнев придавал кадрам госбезопасности, сам отбирал туда людей, находил время побеседовать не только с руководителями комитета, но и с членами коллегии КГБ, начальниками управлений. Бывший начальник управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин вспоминает, как у него возникла некая серьезная проблема, решить которую мог только генеральный секретарь. Поскольку Алидин знал Брежнева еще с тех времен, когда оба работали на Украине, он позвонил Леониду Ильичу и попросил о приеме. Тот сразу сказал:

– Приходи завтра утром часам к десяти…

Леонид Ильич встретил его радушно, по-товарищески приветливо, вспоминает Алидин. Генеральный секретарь вышел из-за стола, тепло обнял гостя. Они расцеловались. Брежнев был внимателен и откровенен. Не называя фамилий, рассказывал о сложных взаимоотношениях с некоторыми членами политбюро, которые не во всем его поддерживают. По его подсчетам, баланс сил где-то пятьдесят на пятьдесят.

– Обидно, – жаловался Брежнев, – что с некоторыми из них я долгое время работал вместе на Украине.

Алидин понял, о ком идет речь, и горячо поддержал идею увеличить состав политбюро, ввести туда свежие силы, то есть преданных Брежневу людей. Возник разговор о «молодежной

группе» Шелепина, которого к тому времени освободили от работы в аппарате ЦК, перевели в профсоюзы. Леонид Ильич сказал Алидину, что знает о «неблаговидных действиях» этой группы, которая даже вынашивала мысль «упрятать нынешнее руководство в подземелье». Но группа эта небольшая, ее участников мало кто знает в народе, поэтому политической опасности они не представляют.

– Мы уже решили этот вопрос организационным путем, – сказал Брежнев.

Провожая Алидина, Леонид Ильич сказал:

– Виктор Иванович, если что понадобится, звони, приходи ко мне. Всегда помогу, чем могу…

В день пятидесятилетнего юбилея органов госбезопасности утром Брежнев принимал у себя всю коллегию КГБ. Председатель комитета Юрий Андропов попросил всех подчиненных надеть военную форму. Брежнев с каждым поздоровался за руку, произнес теплые слова. Подойдя к Алидину, генеральный секретарь демонстративно его обнял и сказал Андропову:

– Виктор Иванович – мой давний партийный друг.

Андропов понял, что имел в виду Брежнев. Алидин стал членом коллегии КГБ, получил погоны генерал-лейтенанта и орден Ленина. Леонид Ильич полностью доверял Андропову. Тем не менее он ввел в руководство КГБ группу генералов, которые имели прямой доступ к генеральному секретарю и докладывали ему обо всем, что происходит в комитете. Они следили за своим начальником Юрием Андроповым и друг за другом. Таким образом, Брежнев обезопасил себя от КГБ.

В этой брежневской когорте ведущую роль играли два человека – Семен Кузьмич Цвигун и Георгий Карпович Цинев.

До войны Цинев был заведующим отделом, а потом и секретарем Днепропетровского горкома. Его начальником оказался секретарь обкома Брежнев. В 1941 году они оба ушли в армию. После войны Брежнев демобилизовался и вернулся на партийную работу. Цинева оставили в кадрах Вооруженных сил, а в 1953 году, после чистки органов госбезопасности от людей Берии, перевели в военную контрразведку. Когда Брежнев стал первым секретарем ЦК, Цинев возглавил Третье управление КГБ – органы военной контрразведки.

Семен Кузьмич Цвигун родился в 1917 году, был на одиннадцать лет моложе Брежнева. Цвигун окончил Одесский педагогический институт, работал учителем, директором школы, с 1939 года – в НКВД. В 1946 году он получил назначение в Министерство государственной безопасности Молдавии, где познакомился с Леонидом Ильичом, когда тот в 1950–1952 годах

работал первым секретарем республиканского ЦК.

Брежнев проникся к Семену Кузьмичу симпатией, которую сохранил до конца жизни. Цвигун, заведующий отделом науки ЦК Сергей Павлович Трапезников (он возглавлял Высшую партийную школу в Кишиневе) и самый верный подручный генерального секретаря Константин Устинович Черненко были наиболее заметными представителями «молдавского клана». Министру внутренних дел Щелокову повезло дважды – он работал с Брежневым и в Днепропетровске, и в Кишиневе.

Цвигун и Цинев к моменту избрания Брежнева главой партии уже давно работали в Комитете госбезопасности. Но с тогдашним председателем комитета – Владимиром Семичастным отношения у них не складывались. Семичастный не спешил подлаживаться под брежневских людей. Он чувствовал себя уверенно – он и по характеру самостоятельный, и к тому же принадлежал к мощной группе «комсомольцев», соратников Александра Шелепина, которые над «днепропетровцами» откровенно издевались. Семичастный даже попытался под тем или иным предлогом избавиться и от Цинева, и от Цвигуна, и от Алидина. Но это у него не получилось.

Семичастный рассказывал мне, как он решил отправить Цинева начальником Высшей школы КГБ. Тот покорно согласился. Но через два дня Семичастному позвонил Брежнев:

– Володя, зачем ты выставляешь Цинева?

– Как выставляю? Я его на самостоятельную работу перевожу. А он что, к вам жаловаться приходил?

– Нет, он случайно…

– Как же случайно, Леонид Ильич? Он у вас три часа сидел на приеме.

– Откуда ты знаешь? – разозлился Брежнев.

– Леонид Ильич! Вы же знаете, что я за вами не слежу. Но, прежде чем вам позвонить, я в приемной спрашиваю, кто у вас. Я же не могу позвонить вам, если у вас в кабинете сидит иностранец или еще кто-то, при ком наш разговор будет неуместен. Я три часа спрашивал, мне отвечали: у Леонида Ильича генерал Цинев… Значит, он мне дал согласие, а к вам побежал жаловаться. Ну как мне с ним работать?..

А Семена Цвигуна Семичастный вообще держал подальше от Москвы – в 1963 году назначил его председателем КГБ Азербайджана. Но Цвигун нисколько не возражал, напротив, ходил по комитету и гордо говорил, что «председатель предложил мне свою республику». Владимир Семичастный до назначения в КГБ был вторым секретарем ЦК в Азербайджане.

Семичастный недолго удержался в Комитете госбезопасности.

Брежнев использовал первый попавшийся повод (Светлана Аллилуева, дочь Сталина, попросила разрешения поехать в Индию, чтобы похоронить рано умершего мужа-индийца, а оттуда перебралась в Соединенные Штаты), и в мае 1967 года Семичастного на посту председателя КГБ сменил Юрий Андропов. Владимира Ефимовича не только сняли с важнейшей должности, но и убрали из Москвы – назначили заместителем председателя Совета министров Украины, и он много лет не мог попасть в столицу.

Брежнев сразу предложил Андропову вернуть Цвигуна из Азербайджана, и буквально через три дня после утверждения Юрия Владимировича главой комитета Семена Кузьмича назначили его заместителем. А еще через день Цинев был утвержден членом коллегии КГБ.

Юрий Владимирович понимал Брежнева с полуслова.

В КГБ Цвигун курировал Третье (военная контрразведка), Пятое (борьба с идеологической диверсией) и Седьмое (наружное наблюдение и охрана дипломатического корпуса) управления и 10-й (учетно-архивный) отдел. Став первым зампредом, Цвигун курировал еще и пограничные войска, которыми командовал Герой Советского Союза генерал армии Вадим Матросов. У них были хорошие отношения. Матросов с 1963-го по 1967-й командовал войсками Закавказского пограничного округа. Как раз в эти годы Цвигун был председателем КГБ Азербайджана.

Цинев возглавил важнейшее второе управление, то есть контрразведку. В 1970 году он тоже стал заместителем председателя КГБ. В конечном итоге и Цвигун, и Цинев получили должности первых замов. Об их реальной близости к генеральному секретарю можно судить по одной мелкой детали: когда Брежнев уезжал из Москвы или возвращался в столицу, в перечне встречающих-провожающих, помимо членов политбюро и других высших чиновников, обязательно значились «заместители председателя КГБ С.К. Цвигун и Г.К. Цинев».

Они оба получили звание генерала армии, как и Андропов, хотя по логике вещей должны были в воинской иерархии стоять на ступеньку ниже. Обоим Брежнев дал по Золотой Звезде Героя Социалистического Труда.

Зять Брежнева Юрий Чурбанов вспоминает, что Цвигун и Цинев часто бывали на даче у генерального секретаря, и добавляет: «Они пользовались особым расположением Леонида Ильича». Цинев просто был другом семьи Брежневых, в их квартире и на даче чувствовал себя как дома.

Во всем КГБ один только Цинев, разговаривая по телефону, не называл себя, требуя, чтобы его узнавали по голосу. Став

первым замом, он кричал и на заместителей председателя КГБ, и на простых генералов. Цинева многие в комитете ненавидели, он, не задумываясь, ломал людям судьбы. Он же следил за «политически неблагонадежными» – не за диссидентами, а за теми государственными и партийными чиновниками, кого считали недостаточно надежными и нелояльными к Брежневу. А более благодушный по характеру Цвигун никого особо не обижал. Он вообще был попроще Цинева и не такой мастер интриг.

К пятидесятилетию КГБ в декабре 1967 года Семен Кузьмич послал домой новому председателю ящик коньяку. Жена Андропова Татьяна Филипповна сказала посланцу:

– Передайте Семену Кузьмичу, что у Юрия Владимировича не будет возможности воспользоваться этим коньяком. Так что везите ящик обратно.

Об этом стало известно в комитете, и подарков председателю больше не возили. Семен Кузьмич увлекся литературным творчеством. Жена Цвигуна сочиняла прозу, он предпочитал другой жанр – документальные книги о происках империалистических врагов. Впрочем, вскоре стали появляться романы и киносценарии под прозрачным псевдонимом С. Днепров. Осведомленные люди даже называли имена профессиональных литераторов, которые «помогали» Цвигуну в литературном творчестве. Уверяют, что сценарии за него сочинял Вадим Трунин, автор замечательного «Белорусского вокзала».

Книги Семена Кузьмича немедленно выходили в свет, сценарии быстро воплощались в полнометражные художественные фильмы. Большей частью они были посвящены партизанскому движению, и самого Цвигуна стали считать видным партизаном, хотя всю войну он провел в тылу. Он служил в военной контрразведке на Сталинградском фронте, но еще до начала боев за город был отозван в розыскной отдел управления контрразведки СМЕРШ Южно-Уральского военного округа.

В фильмах, поставленных по его сценариям, главного героя, которого Цвигун писал с себя, неизменно играл Вячеслав Тихонов. Невысокого роста, полный, Семен Кузьмич ничем не был похож на популярного артиста, кумира тех лет, но, вероятно, в мечтах он видел себя именно таким…

Цвигун (под псевдонимом «генерал-полковник С.К. Мишин») был и главным военным консультантом знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны», поставленного Татьяной Лиозновой по сценарию Юлиана Семенова, и серьезно помог съемочной группе.

Его литературная и кинематографическая деятельность не у всех вызывала восторг.

Владимир Семичастный говорил мне:

– Если бы это при мне происходило, я бы Цвигуна вызвал и сказал: «У тебя здорово получается – иди в Союз писателей!» Зачем мне первый заместитель, который книги пишет? Я не давал согласия, когда их звали консультантами художественных фильмов. Для этого есть опытные оперативные работники, они дадут нужные советы. Азамы должны работать…

Цвигун и Цинев повсюду сопровождали Андропова. Конечно, эти люди не просто так вокруг Андропова крутились, они были соглядатаями. Каждый шаг председателя КГБ Леонид Ильич знал.

– Я бы поставил вопрос принципиально: или уберите этих, или я уйду, – говорил Семичастный.

Более осторожный, усвоивший законы и правила аппаратной жизни, Андропов такого вопроса перед Брежневым не ставил, молчал, мирился с тем, что два его заместителя пересказывают Брежневу все, что происходит в комитете. Разумеется, Андропов никогда не знал, что именно Цвигун и Цинев говорят о нем Леониду Ильичу.

Два генерала следили за тем, кого принимал Андропов, и без приглашения являлись к нему в кабинет на третьем этаже с высоким потолком и бюстом Дзержинского, когда к председателю приезжал кто-то из важных лиц, скажем, министр обороны Дмитрий Устинов или начальник Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения академик Евгений Чазов, который знал состояние здоровья всех членов политбюро. Цвигун и Цинев бесцеремонно располагались в кабинете председателя, чтобы выяснить, о чем будет разговор.

Генерал Вадим Кирпиченко, который всю жизнь проработал в первом главном управлении КГБ, писал, что присутствие Цвигуна и Цинева ставило Андропова в сложное положение. Он должен был на них оглядываться, искать к ним подход, заниматься дипломатией вместо того, чтобы требовать результатов в работе. Их особые отношения с Брежневым ставили Андропова в неудобное и щекотливое положение. Иногда Андропов жаловался на условия, в которых ему приходится работать…

Цинев контролировал Девятое управление КГБ (охрана политбюро) и, как говорят, ведал прослушиванием высших государственных чиновников. Когда в 1982 году, после смерти Суслова, Андропов перейдет в ЦК, он будет пребывать в уверенности, что и его прослушивают.

Шестнадцать выстрелов

Цвигун и Цинев между собой не ладили. Это тоже устраивало Брежнева. При этом каждому из своих верных паладинов Леонид Ильич оказывал знаки внимания. Начальник столичного управления госбезопасности Виктор Алидин помнил день и даже час – 11:50 16 июня 1980 года, когда у него состоялся разговор с Брежневым – после того, как генеральный секретарь, поохотившись, прислал ему знатный кусок кабанятины.

Брежнев добывал дичь в охотничьем хозяйстве в Завидово примерно в ста сорока километрах от Москвы. Говорят, что здесь когда-то охотился сам Иван Грозный. Завидово находилось на балансе Министерства обороны. Еще в 1929 году здесь появилось военно-охотничье хозяйство Московского военного округа. В 1971 году Завидово стало Государственным научно-опытным заповедником. Это было любимое место тогдашнего министра обороны Андрея Гречко, страстного охотника.

Руководитель хозяйства получил генеральские погоны. Офицерские звания давали и некоторым егерям. Егерь, который охотился вместе с Брежневым, первым в армии стал полным кавалером ордена «За службу Родине». Брежнев любил пострелять и трофеями делился с приближенными. Это был знак особого расположения, почище ордена к юбилею.

Генерал Алидин позвонил Брежневу поблагодарить за кабанятину. Леониду Ильичу было приятно:

– Я не досмотрел, какой-то период не посылал тебе «дары природы», виноват… Кабан требует стопку водки в выходной день вместе с семьей. Обязательно под кабана надо выпить.

Генерал Алидин бодро говорил:

– Леонид Ильич, мы, старая гвардия, желаем вам хорошего здоровья. Рады, когда видим вас по телевизору жизнерадостным и бодрым. Докладываю вам, что оперативная обстановка в Москве и Московской области хорошая.

Брежнев с понимаем сказал:

– Вашему аппарату трудно. Я не раз говорил Юрию Владимировичу о необходимости помогать московскому управлению. Вы на переднем крае работаете.

– Мы ощущаем большую помощь Центрального комитета, вашу лично, Леонид Ильич! Нам много помогает Юрий Владимирович Андропов. Мы всегда в строю и с задачами справимся…

Леонид Ильич прежде всего ценил преданность. И, напротив, ему не нравилось, когда люди, может быть, и хорошо делали свое

дело, но не выказывали личной преданности.

Генерал Владимир Медведев, личный охранник Брежнева, вспоминал, как Леонид Ильич часто просил его:

– Соедини меня, Володь, с этим, как его…

– С кем?

– Ну, с писателем…

– С Цвигуном?

– Да, да.

Цвигун в конце разговора, прощаясь, говорил:

– Леонид Ильич, граница на замке!

Такая вот у него была шутка.

Брежнева страсть Цвигуна к изящным искусствам не смущала. Он был снисходителен к мелким человеческим слабостям преданных ему людей. В Цвигуне он не сомневался.

Академик Чазов пишет, что Брежнев изрядно подорвал свое здоровье неумеренным приемом снотворных. Когда-то врачи внушили ему, что он должен спать не меньше девяти часов в день. Столько не получалось. Брежнев нервничал и требовал снотворных. Один лечащий врач наотрез отказывался выдавать ему таблетки, считая, что это вредно, другой, более равнодушный к пациенту, щедро отсыпал горсть таблеток – не ссориться же с генеральным секретарем из-за такой мелочи! Кроме того, Брежнев каждого, с кем общался, выспрашивал, какое тот принимает снотворное, и просил поделиться.

Андропов давал Брежневу безвредные пустышки.

Генерал Медведев: «Между двух огней оказался первый заместитель председателя КГБ С.К. Цвигун. Он знал, что его шеф дает вместо лекарств пустышки, и сам Андропов предупреждал его об ответственности. Но отказать генеральному секретарю «в личной просьбе» у него не хватало мужества. Цвигун передавал настоящие сильно-действующие снотворные».

Академик Чазов: «Брежнев, считая Цвигуна своим близким и доверенным человеком, изводил его просьбами об успокаивающих средствах. Цвигун метался, не зная, что делать: и отказать невозможно, и передать эти средства – значит, усугубить тяжесть болезни. А тут еще узнавший о ситуации Андропов предупреждает:

– Кончай, Семен, эти дела. Все может кончиться очень плохо. Не дай бог, умрет Брежнев даже не от этих лекарств, а просто во времени совпадут два факта. Ты же сам себя проклинать будешь…»

Брежневская когорта свято блюла интересы своего покровителя, понимая, что без него они и дня не продержатся в своих креслах. Цвигун был одним из самых преданных Брежневу

людей. Никогда в жизни он не сделал бы ничего, что могло повредить Леониду Ильичу. Теперь уже известно, что никакого дела Галины Брежневой не существовало. Но она действительно была знакома с некоторыми людьми, попавшими в поле зрения правоохранительных органов. Однако ими занималась милиция, а не госбезопасность. Цвигун тут вовсе был ни при чем.

Василий Петрович Трушин, бывший секретарь Московского горкома, накануне Олимпиады назначенный начальником Главного управления внутренних дел столицы, рассказывал профессору Владимиру Некрасову, знатоку истории МВД:

– Задержали как-то спекулянтку, через нее вышли на «цыгана» из Большого театра, который поставлял ей товары. От «цыгана» следы повели к Галине Брежневой. Об этом доложили и Щелокову, и Гришину.

«Цыган» – это Борис Буряце. В том же 1982 году его приговорили к семи годам тюремного заключения по статье 154, часть 2 (спекуляция) Уголовного кодекса РСФСР. Он отсидит четыре года и в конце 1986 года выйдет на свободу. А еще через несколько месяцев арестуют мужа Галины Брежневой – Юрия Чурбанова, и Буряце будет навещать Галину Леонидовну…

Но в 1982 году до этого было еще далеко, и никто из участников этой истории и подумать не мог о том, что вскоре с ними произойдет. Узнав об аресте Бориса Буряце и его показаниях, министр внутренних дел Николай Щелоков недовольно сказал Трушину:

– Решай вопросы о Галине с ее мужем, не впутывай меня в это дело.

Мужем Галины был Юрий Чурбанов, первый заместитель министра внутренних дел СССР. Трушин сказал Чурбанову, что для следствия нужны показания Галины. Наутро Юрий Михайлович прислал ему заявление, подписанное Галиной Леонидовной, о том, что она никакого «цыгана» не знает и дел с ним не имела. Трушин передал документ тем, кто вел расследование.

Вдруг ему позвонил недовольный Щелоков, приказал срочно приехать в министерство и захватить с собой это объяснение Галины Брежневой. Увидев Трушина, Щелоков стал ему выговаривать:

– Ты понимаешь, на что ты замахнулся? Что ты делаешь, и как ты мог? Вот молодых набрали, а они…

Щелоков снял трубку и позвонил Андропову. Хотел посоветоваться с председателем КГБ, но тот даже слушать не захотел, ответил, что такие вопросы надо решать с самим хозяином, то есть с Брежневым.

«После этого Щелоков, – вспоминает Трушин, – мне еще выдал, а через пару дней отстегал на коллегии МВД».

Есть еще одна версия, которая нравится как отечественным, так и иностранным исследователям. Ее смысл в том, что председатель КГБ Андропов методично расчищал себе дорогу к власти. Юрий Владимирович сам был серьезно болен и боялся, что не дождется, пока Леонид Ильич уступит ему место естественным путем.

По мнению сторонников этой версии, Андропов пытался скомпрометировать и самого Брежнева, и его окружение. Поэтому он арестовал людей, которые связывались в общественном мнении с именем генерального секретаря, и позаботился о том, чтобы по стране пошли слухи о коррупции в правящей семье.

Такой точки зрения придерживается бывший член политбюро академик Александр Яковлев:

– Андропов был трусоватый человек. Он пытался укусить Брежнева через семью. Позволил информации, порочащей семью генерального секретаря, гулять по стране. Это компрометировало Брежнева.

При этом Андропов, по мнению Яковлева, хитрил, делал вид, что заботится о репутации генсека. Яковлев, который в те годы был послом в Канаде, приехав в Москву в отпуск, зашел к Юрию Владимировичу. Председатель КГБ завел с ним неожиданный разговор:

– Вот служивый люд распускает какие-то сплетни о Леониде Ильиче, о семье. Все это чушь, все это ерунда…

Яковлев пробурчал что-то невнятное, не понимая, почему возникла эта тема. Потом сообразил. У него в посольстве был гость из Москвы, который стал рассказывать о похождениях Галины Брежневой. Разговоры посла записывались, доложили Андропову, вот он и прощупывал Яковлева…

Те, кто говорит об особой роли Андропова, считают, что преданный Брежневу Цвигун первым понял, чем занимается председатель КГБ, и попытался ему помешать. Поэтому он и был найден мертвым. И вот еще одно доказательство. Семен Кузьмич застрелился из пистолета охранника. Но это странно – зачем ему было стреляться из чужого пистолета? У него, как у всякого офицера, было свое оружие. И Брежнев, узнав о его смерти, будто бы насторожился – а не пытается ли Андропов вывести КГБ из-под контроля?

Но это едва ли так: в комитете оставалось минимум еще одно недреманное око Брежнева – генерал Цинев. Да и возможно ли, что Андропов допустил сознательную утечку информации о темных делишках брежневской семьи в надежде

скомпрометировать Леонида Ильича?

– Андропов был человек страшно осторожный, – считает бывший председатель КГБ РСФСР генерал Виктор Иваненко. – Ни на какие опасные мероприятия против высшего руководства он бы никогда не пошел. Это не в его характере. Он осаживал ретивых подчиненных, которые призывали активно заняться высшими партийными чиновниками. А к Брежневу он и вовсе относился с пиететом.

Скорее, Андропов понимал, что, если Брежнева сменит кто-то другой, новому генеральному секретарю понадобится и новый председатель КГБ. Юрий Владимирович, по наблюдениям академика Чазова, был расчетлив и хитер, но терялся в сложных ситуациях, и в такие моменты в нем проявлялось чувство страха.

По другой версии, самого Цвигуна вызвали в ЦК и обвинили в том, что он брал крупные взятки. Он попросил сутки на размышление и покончил с собой… И это тоже миф. Теперь, когда после его смерти прошло столько лет, известно, что взяток он не брал… Правда, совсем недавно появилась еще одна версия сложных взаимоотношений Цвигуна и Андропова. Дескать, Цвигун мечтал занять место Андропова и даже попытался свалить председателя КГБ, когда ему представился удобный повод.

22 января 1969 года младший лейтенант советской армии Виктор Ильин, переодевшись в милицейскую форму, проник в Кремль и встал около Оружейной палаты. Ильин был вооружен двумя пистолетами Макарова, похищенными из сейфа, где хранилось табельное оружие офицеров штаба войсковой части, в которой он служил. Он знал, что в этот день в Кремль привезут космонавтов, только что закончивших полет, и обязательно приедет Брежнев.

Когда кортеж стал въезжать в Кремль через Боровицкие ворота, Ильин пропустил первую «Чайку», считая, что в ней космонавты, и открыл огонь сразу из двух пистолетов по второй, считая, что в ней должен быть Брежнев. Прежде чем его сбили с ног, он успел выпустить шестнадцать пуль, убил водителя машины – сотрудника Девятого управления КГБ и ранил мотоциклиста, сопровождавшего кортеж.

Никто из пассажиров «Чайки», которые бросились под сиденье, практически не пострадал. Более того, в машине, которую Ильин выбрал мишенью, Брежнева вообще не было, там сидели космонавты – Алексей Леонов, Георгий Береговой, Андриан Николаев и Валентина Терешкова.

Утверждают, что Цвигун первым получил информацию о готовящемся покушении на генерального секретаря, но решил не мешать террористу, дать ему возможность выстрелить. Ведь

отвечать придется Андропову. Цвигун только позвонил Брежневу в машину и попросил ехать в колонне не первым, а третьим. Леонида Ильича он должен был сберечь…

Эта версия, пожалуй, самая фантастическая из тех, что возникли вокруг имени Цвигуна. В милиции действительно знали, что по городу бродит сбежавший из воинской части офицер с двумя пистолетами. Но то, что этот офицер задумал террористический акт против генерального секретаря, никому просто не приходило в голову. Поэтому никто и не предупредил Брежнева, что ему следует держаться подальше от головы колонны. Когда младший лейтенант Ильин стал стрелять, разгневанный Брежнев сказал начальнику своей охраны:

– Что это за безобразие! Устроили в Кремле стрельбу.

А его охранники еще просто не знали, что произошло.

Семен Кузьмич вовсе не был таким смельчаком, чтобы предпринять нечто рискованное. На самостоятельную игру он был просто не способен. По мнению его сослуживцев, Цвигун не принадлежал к людям, которые конфликтуют с начальством. Напротив, он обходил острые углы. Да и зачем ему было скандалить, рисковать, если до поры, до времени (пока он не заболел) все у него было хорошо? А место председателя КГБ он все равно занять бы не смог.

Семичастный считал, что причиной самоубийства Цвигуна стал разговор Андропова с Брежневым. Будто бы Юрий Владимирович набрался смелости и сказал генеральному секретарю, что Цвигун бездельник, который только книги пишет и фильмы снимает, а к порученной ему работе относится безответственно, да еще злоупотребляет именем Брежнева. И как будто этот разговор дошел до самого Семена Кузьмича и стал последней каплей, приведшей его к самоубийству.

Серый кардинал

Есть другая, еще более хитроумная версия. Ее сторонники полагают, что Семена Кузьмича, напротив, убрали, чтобы он не мешал заговору против Брежнева. А заговор организовал Суслов, второй человек в партии, который решил воспользоваться неурядицами в семье Брежнева, чтобы самому взять власть.

Чтобы проверить достоверность этой версии, нужно понять, что за человек был Михаил Андреевич Суслов, который просидел в кресле секретаря ЦК КПСС тридцать пять лет, поставив абсолютный рекорд.

Суслова называли «серым кардиналом», человеком, который управлял всеми делами в ЦК. Правда, бывший первый секретарь Московского горкома Егорычев говорил мне, что не надо переоценивать роль Суслова:

– Он не был таким уж всемогущим. Всемогущим был только генеральный секретарь. В смещении Хрущева, например, Суслов никакой роли не сыграл. Ему просто не доверяли.

Суслов и Егорычев в 1964 году ездили на похороны генерального секретаря французской компартии Мориса Тореза. Егорычева и попросили во время поездки аккуратно прощупать Суслова: как он отнесется к смещению Хрущева? В Париже перед зданием советского посольства был садик. Они вдвоем вышли погулять. Чужих ушей нет, и, воспользовавшись случаем, Егорычев попытался с заговорить с Сусловым:

– Михаил Андреевич, вот Хрущев сказал, что надо разогнать Академию наук. Это что же, мнение президиума ЦК? Но это же безумие! Хрущев это произнес, а все молчат, значит, можно сделать вывод, что это общее мнение, так?

Тут стал накрапывать легкий дождичек, Суслов сказал:

– Товарищ Егорычев, дождь пошел, давайте вернемся.

Бесконечно осторожный Михаил Андреевич не рискнул беседовать на скользкую тему даже один на один. Через несколько месяцев, сразу после окончания октябрьского пленума ЦК, на котором Хрущева отправили на пенсию, Суслов посмотрел в зал, где сидели члены ЦК, спросил:

– Товарищ Егорычев есть?

Он плохо видел.

Егорычев откликнулся:

– Я здесь!

Суслов довольно кивнул ему:

– Помните нашу беседу в Париже?

Конечно, Суслов не мог не чувствовать, что Хрущев относится

к нему пренебрежительно. Тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Шелест вспоминал, как в марте 1964 года ездил вместе с Хрущевым в Венгрию. Почти каждый вечер они вдвоем гуляли по территории резиденции. Хрущев откровенно говорил о товарищах по партийному руководству – нелестно о Брежневе и совсем убийственно – о Суслове. Догматик и начетчик, Суслов не мог нравиться живому и темпераментному Хрущеву.

Шелест слушал и помалкивал. По его наблюдениям, Хрущев находился в очень возбужденном состоянии. За ним неотступно следовал сотрудник Девятого управления КГБ. В какой-то момент охранник слишком приблизился к Хрущеву. Никита Сергеевич просто рассвирепел:

– А вам что нужно, что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!

Шелест попытался урезонить Хрущева:

– Никита Сергеевич, он ведь находится на службе.

Хрущев все так же раздраженно ответил:

– Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает. Знаем мы их.

Никита Сергеевич правильно чувствовал, что опасность исходит от органов госбезопасности, но подозревал не тех людей. Он считал председателя КГБ Семичастного и его предшественника Шелепина лично преданными ему людьми. Он действительно высоко вознес этих молодых людей, но относительно их настроений и планов он глубоко ошибся…

1 октября 1964 года Шелест встретил в Симферопольском аэропорту Хрущева, который прилетел в свой последний отпуск. За обедом Хрущев крепко ругал работников идеологического фронта, называл их «начетчиками, оторванными от реальности и жизни». Он не преминул сказать нелестные слова в адрес Суслова, назвав его «человеком в футляре». Через две недели с небольшим Суслов произнесет главную речь против Хрущева на пленуме ЦК… Зато Брежнев в полной мере оценил Михаила Андреевича. Этот человек умудрился выжить и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе.

До войны Суслов был первым секретарем в Ростовской области. Начальником областного управления НКВД у него, между прочим, был Виктор Семенович Абакумов, будущий министр госбезопасности. Из Ростова Суслова перевели первым секретарем Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома. В июле 1939 года комиссия НКВД доложила наркому Берии, что Суслов недоволен работой краевого управления госбезопасности, которое проявляет «благодушие и беспечность». С конца 1944

года Михаил Андреевич был председателем бюро ЦК по Литве и отвечал за политику ускоренной советизации республики.

Хрущев, уже выйдя на пенсию, называл Суслова «главным околоточным», говорил о его «полицейской ограниченности», рассказывал, что Суслов один был против, когда партийное руководство решало вопрос – печатать ли повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Суслов возражал и против публикации повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь»:

– Ну, товарищ Хрущев, – недоуменно спрашивал Михаил Андреевич, вытягивая шею, – как же можно напечатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина «товарищ Ленин», а Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Но ведь Зиновьев – враг народа…

Возглавив партию, Брежнев предоставил как бы равные полномочия Суслову и секретарю ЦК Андрею Кириленко. Они по очереди вели заседания секретариата ЦК, их подписи были равнозначны. Но скоро стало ясно, что второй человек в партии – это Суслов.

Николай Егорычев рассказывал, что, когда он приходил к Кириленко, тот травил байки про охоту. Всегда веселый, довольный. На столе у него орехи – очень любил их грызть. Только через полчаса вспомнит:

– Ну, что у тебя? С чем пришел?

Выслушав, с каким делом к нему пришли, Кириленко недовольно говорил:

– Иди ты на х..! Что ты ко мне с глупостями пристаешь? Сходи сам к генеральному, он тебе все сделает.

В отличие от Кириленко Суслов говорил коротко и только по делу. Никаких шуток, анекдотов, посторонних разговоров. Обращался ко всем по фамилии, кроме, разумеется, Брежнева. Его не надо было долго убеждать, доказывать ему свою правоту. Достаточно было кратко изложить вопрос, и он сразу же высказывал свое мнение. Профессиональные аппаратчики даже восхищались четкостью и деловитостью Михаила Андреевича.

Суслов никогда не опаздывал, приезжал на работу ровно без пяти девять. В девять он уже сидел за письменным столом. Ровно в шесть вечера вставал из-за стола, на котором к этому времени не оставалось ни одной не просмотренной бумаги.

С Андреем Павловичем Кириленко Брежнев всегда дружил, но быстро понял, насколько Суслов для него важнее и надежнее. Брежнев был за ним, как за каменной стеной, и говорил в своем кругу:

– Если мне приходится уезжать, я чувствую себя спокойно,

когда в Москве Михаил Андреевич.

Люди знающие утверждали, что Брежнев презирал все свое окружение. Суслов был единственным человеком, которого он уважал и с которым считался.

– Если Суслов принял какое-то решение, – говорил мне бывший член политбюро академик Александр Яковлев, – никто не мог его отменить. Суслов фактически был хозяином в ЦК.

В те годы, когда Суслов был секретарем ЦК по идеологии, Александр Яковлев руководил отделом пропаганды. Я спросил у Александра Николаевича:

– А вот ваш бывший коллега по отделу пропаганды ЦК Георгий Смирнов вспоминал, как Суслов подписал какую-то бумагу и уехал в отпуск, а в его отсутствие Кириленко это решение преспокойно отменил.

– Это значит, что Кириленко сходил к Брежневу и с ним договорился, – сказал Яковлев. – Такое могло быть только с согласия генерального секретаря. Сам Кириленко не посмел бы отменить решение Суслова.

Яковлев вспоминает, как пару раз на заседаниях секретариата Суслов говорил:

– Нет, не будем принимать это предложение.

Руководитель какого-нибудь из отделов ЦК испуганно вскакивал со стула со словами:

– Михаил Андреевич, но этот вопрос согласован с Леонидом Ильичом!

На что Суслов спокойно отвечал:

– Я переговорю с ним.

Больше никто возражать не смел. Слова Суслова означали, что вопрос закрыт. Брежнев, разумеется, не был номинальной фигурой. Если он говорил: сделайте так, а не иначе, то Суслов проявлял лояльность, на конфликт никогда не шел. Но в реальности Суслов был полным хозяином в партии, потому что Брежнев дал ему карт-бланш. Леонид Ильич по характеру любил царствовать, а не править. Ордена, почет, аплодисменты – это ему нравилось, он любил произносить доклады и принимать иностранные делегации, а заниматься чем-то конкретным ему не хотелось. Он охотно оставлял текущие дела Михаилу Андреевичу.

Брежнев знал, что ему не надо бояться Суслова: тот никогда не станет его подсиживать. Михаил Андреевич искренне отказался от поста генерального секретаря. Его вполне устраивало место второго человека. Кстати говоря, первый допрос младшего лейтенанта Ильина, который пытался убить Брежнева, проводил сам Андропов. Ильин объяснил, что хотел убить Брежнева, потому что он довел страну до бедственного

положения. А вместо Брежнева государство возглавил бы Суслов. Младший лейтенант Ильин был, наверное, единственным человеком, который хотел видеть Михаила Андреевича хозяином страны…

Анатолий Сергеевич Черняев, который много лет проработал в аппарате ЦК КПСС, вспоминает, что мнение Суслова было для аппарата законом. Никто не решался выяснять, его ли это инициатива или он согласовал свои позиции с Брежневым. При этом Суслов вел себя очень ровно. У него не было любимчиков, он казался бескорыстным и скромным. Его далекие деревенские родственники писали ему в Москву письма, просили помочь с жильем. Из ЦК на казенном бланке приходил ответ: просим не отвлекать Михаила Андреевича от важных государственных дел.

Над другими членами политбюро смеялись, Суслов не давал повода для шуток. Улыбку вызывали только его пристрастие к калошам и старого покроя костюмам и привычка ездить со скоростью чуть ли не сорок километров в час.

Сухой, сдержанный человек, Суслов казался сделанным из металла. Это, конечно, не так. Бывший член политбюро Виталий Иванович Воротников вспоминал, как Суслов, который был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР от Тольяттинского избирательного округа, приехал на встречу с избирателями в Куйбышев.

«Мне казалось, – писал Воротников, – что М.А. Суслов – невозмутимый, уверенный в себе человек. Но, побыв с ним рядом, особенно перед его выступлением на собрании, когда он нервно перебирал листки, уточнял с помощником некоторые факты, оценки, выводы по тексту, я увидел, что это не совсем так. Первые сбивчивые фразы выступления, неуверенный фальцет – я понял: волнуется и этот, представлявшийся мне железным, человек».

В Сызрани Михаил Андреевич вдруг попросил показать ему вокзал. Поехали. Он внезапно направился в ресторан и вошел в него. Сопровождающие почувствовали себя неуютно – вокзальный ресторан известно как выглядит. К визиту высокого гостя никто не готовился.

«Михаил Андреевич, – вспоминал Воротников, – постоял, сощурившись, посмотрел в зал, улыбнулся и, не проходя далеко, вышел. По его просьбе немного прошли от вокзала по Советской улице (бывшей Большой Дворянской). Вернувшись к вагону, он объяснил нам причину своего интереса.

В 1920 году юный Миша Суслов пришел пешком в Сызрань из Хвалынского уезда Саратовской губернии, где работал в комитете бедноты. Потолкался здесь на вокзале и в городе несколько дней и уехал в Москву учиться. С тех пор в Сызрани не был. Сейчас,

вспоминая об этом, он оживился, говорил быстро, с радостными интонациями.

Ему импонировало, что сохранилось здание вокзала, на том же месте ресторан, да и главная улица мало изменилась. Мы ожидали разноса за вокзальное бескультурье, а ему, наоборот, все понравилось, напомнило юные годы…»

Но это было редчайшим движением души.

Суслов был фантастическим догматиком и не допускал ни малейшего отклонения от генеральной линии. Он органически боялся живого слова и гноил тех, кто пытался выйти за разрешенные рамки. Академик Георгий Арбатов в свойственной ему образной форме так сказал о Суслове:

– Михаил Андреевич всегда знает, где яйца, и, как их ни прячь, не закутывай, он их сразу увидит и… чик, отрезал.

Михаил Андреевич следил за каждым словом, контролировал в партийном хозяйстве любую мелочь. Анатолий Черняев, который был заместителем заведующего международным отделом ЦК, вспоминает, как Суслову принесли проект решения политбюро, в котором только что закончившийся визит Брежнева в ФРГ назывался «историческим». Михаил Андреевич выражение «исторический визит» заменил на «политически важный». И пояснил: генеральному секретарю предстоит визит в Чехословакию, вот он и будет (!) историческим…

Как бы отнесся Михаил Андреевич к посетителю, который заговорил бы с ним о неладах в семье генерального секретаря?

По неписанным правилам партийной этики, все проблемы, связанные с семьей генерального секретаря, председатель КГБ обсуждал с ним один на один – и то, если ему хватало решимости. Однажды Андропов робко завел речь о том, что муж медсестры, которая ухаживает за генеральным секретарем, слишком много болтает, поэтому, может быть, есть смысл сменить медсестру? Имелось в виду, что между Брежневым и медсестрой возникли отношения, выходящие за рамки служебных.

Брежнев жестко ответил Андропову:

– Знаешь, Юрий, это моя проблема, и прошу больше ее никогда не затрагивать.

Об этой беседе стало известно лишь потому, что Андропов пересказал ее академику Чазову, объясняя, почему он больше никогда не посмеет вести с генеральным секретарем разговоры подобного рода. Юрий Владимирович Андропов просто боялся лишиться своего места. Многоопытный Михаил Андреевич Суслов тем более не стал бы влезать в личные дела генерального секретаря. Да и не посмел бы никто прийти к нему с такими

делами, зная его отношение к законам аппаратной жизни. Форма для Суслова была важнее содержания.

Когда состояние Брежнева ухудшилось, вспоминает академик Чазов, и нужно было как-то повлиять на генерального секретаря, чтобы он соблюдал режим и заботился о своем здоровье, Андропов не рискнул сам заговорить об этом с Леонидом Ильичом. Он пошел к Суслову. Тот был страшно недоволен, что к нему обращаются с таким вопросом, вяло сказал, что при случае поговорит с Брежневым, но ему явно не хотелось это делать.

А мог ли кто-нибудь еще в высшем эшелоне власти рискнуть и вмешаться в личные дела генерального секретаря? Начальник столичного управления госбезопасности Алидин рассказывал, как однажды член политбюро и первый секретарь Московского горкома Виктор Васильевич Гришин попросил его зайти, чтобы посоветоваться по щекотливому вопросу.

У Гришина только что побывал болгарский посол и рассказал о том, как в Болгарию приезжал сын Леонида Ильича – первый заместитель министра внешней торговли Юрий Брежнев со своей секретаршей. По словам посла, сын генерального вел себя недостойно. В результате по Болгарии пошли нехорошие разговоры о Леониде Ильиче и его семье.

Юрий Брежнев, удивительно похожий на отца, сначала был торгпредом в уютной скандинавской стране, потом вернулся в Москву и проделал стремительную карьеру в Министерстве внешней торговли. Его погубила страсть к горячительным напиткам.

Гришин сказал Алидину, что считает необходимым поставить в известность о поведении Брежнева-младшего самого Леонида Ильича, но на всякий случай решил посоветоваться. Опытный генерал госбезопасности категорически не советовал Гришину этого делать:

– Леонид Ильич подобный разговор может расценить как вмешательство в его личную жизнь. Ведь посол Болгарии мог и сам встретиться с Леонидом Ильичом и рассказать ему о сыне, а он сделал хитрый ход, подбросив эту проблему вам…

Последняя поездка на дачу

Так что же произошло с Цвигуном в тот январский день?

Семен Кузьмич давно и тяжело болел, у него нашли рак легкого. Сначала прогнозы врачей были оптимистическими. Евгений Чазов вспоминает: «С.К. Цвигун был удачно оперирован по поводу рака легких нашим блестящим хирургом М.И. Перельманом…»

Операция прошла удачно, и, казалось, пациент спасен. Но избавить его от этой болезни врачам не удалось, раковые клетки распространялись по организму. Он сильно страдал, и состояние его ухудшалось буквально на глазах. Скрыть следы болезни было невозможно. Метастазы пошли в головной мозг, и он стал заговариваться.

Бывший председатель КГБ Владимир Крючков вспоминал:

«В последние несколько месяцев болезнь настолько серьезно поразила его организм, что были дни, когда он вообще не в состоянии был воспринимать информацию и происходящее вокруг. За две недели до самоубийства у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого он путал мои имя и отчество, затруднялся в ответах, не воспринимал мои слова».

Последние месяцы Семен Кузьмич практически не работал. Никто не решался заговорить с ним об уходе на пенсию. Это мог сделать только сам генеральный секретарь. Но Брежнев, зная о плохом состоянии Цвигуна, не собирался портить ему настроение разговором о необходимости покинуть должность. Для него товарищеские отношения с преданными ему людьми были куда важнее интересов дела. Он избавлялся только от тех, кто больше не был нужен.

Не только Цвигуну позволено было до последнего оставаться на месте. Член политбюро Кириленко был совсем плох и с трудом понимал, что происходит вокруг него. Но Брежнев не спешил расставаться со старыми соратниками. Его, наверное, даже несколько успокаивало, что его ровесники находятся в худшей форме, чем он сам.

В минуту просветления Цвигун принял мужественное решение прекратить страдания.

Владимир Крючков вспоминает:

«Цвигун, конечно, понимал, что серьезно болен, что станет обузой для семьи, которую очень любил, что будет еще хуже, и решил добровольно уйти из жизни».

Семен Кузьмич застрелился в дачном поселке Усово, где жил

на даче № 43, 19 января 1982 года. Ему было шестьдесят четыре года. В тот день Цвигун почувствовал себя получше, вызвал машину и поехал на дачу. Там они немного выпили с водителем, который выполнял и функции охранника, потом вышли погулять, и Семен Кузьмич неожиданно спросил, в порядке ли у того личное оружие. Тот удивленно кивнул.

– Покажи, – приказал Цвигун.

Водитель вытащил из кобуры оружие и протянул генералу. Семен Кузьмич взял пистолет, снял его с предохранителя, загнал патрон в патронник, приставил пистолет к виску и выстрелил. Это произошло в четверть пятого.

Вызванные в Усово врачи службы «скорой помощи» из Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР составили потом подробный отчет, в подлинности которого сомневаться не приходится:

«Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица».

Врачи пытались что-то сделать, проводили реанимационные мероприятия. Но через двадцать минут прекратили и констатировали смерть первого заместителя председателя КГБ СССР.

Евгений Чазов: «Днем 19 января я был в больнице, когда раздался звонок врача нашей «скорой помощи», который взволнованно сообщил, что, выехав по вызову на дачу, обнаружил покончившего с собой Цвигуна. Сообщение меня ошеломило. Я хорошо его знал и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит жизнь самоубийством».

Чазов позвонил Андропову и сказал, что его первый заместитель совершил самоубийство. Юрий Владимирович попросил Чазова об одном: ни в коем случае ничего не сообщать Министерству внутренних дел. Первой на даче Цвигуна должна появиться оперативно-следственная группа КГБ. Даже в эту минуту Андропов прежде всего подумал о том, как бы не дать лишнего козыря против себя министру внутренних дел Николаю Анисимовичу Щелокову.

Некролог, опубликованный в газетах 21 января 1982 года, не подписали Брежнев, Суслов и Кириленко, то есть все три главных руководителя партии. Многие решили, что Семен Кузьмич и в самом деле замешан в чем-то нехорошем, раз Брежнев на него разгневался. Только потом пошли разговоры о самоубийстве.

Брежнев был потрясен смертью старого товарища, очень переживал, но не поставил свою подпись под некрологом самоубийцы, как священники отказываются отпевать самоубийц и велят хоронить их за оградой кладбища. По неписанной партийной этике считалось, что настоящий коммунист не имеет права покончить с собой. За попытку уйти из жизни (если она оказывалась неудачной) строго наказывали по партийной линии.

Через несколько дней после ухода Цвигуна в мир иной, 25 января 1982 года, за ним последовал Суслов. Михаил Андреевич лег на обследование. Первоначально врачи не нашли у него ничего плохого. А потом с ним случился инсульт, он потерял сознание и уже не пришел в себя. Суслов немного не дожил до восьмидесяти лет. В медицинском заключении говорилось, что он скончался от «общего атеросклероза с преимущественным поражением сосудов сердца и головного мозга, развившегося на фоне сахарного диабета» и «острого нарушения кровообращения в сосудах ствола мозга».

Михаил Андреевич не любил врачей и не доверял их рекомендациям, как и его жена, страдавшая от тяжелого диабета. Они оба часто отказывались от помощи медицины и не желали принимать прописанные им лекарства.

Суслова хоронили 30 января.

Оживленную Пушкинскую площадь, где я тогда работал в журнале «Новое время», перекрыли плотные кордоны милиции и госбезопасности; чтобы пройти в редакцию, надо было предъявить служебное удостоверение. Остальных не пускали. Возле кордонов выстраивались очереди. Народ тихо негодовал. Один пожилой мужчина, стоявший рядом со мной, довольно злобно произнес:

– Генеральную репетицию устроили!

Он был прав. Со смерти Суслова началось то, что потом стали называть «пятилеткой пышных похорон». В начале ноября того же года умер Брежнев.

Глава 9
Рашидов. Тихая смерть гостеприимного хозяина

В один из дней осени 1983 года генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов позвонил одному из своих выдвиженцев – новому руководителю отдела организационно-партийной работы ЦК Егору Кузьмичу Лигачеву:

– Не могли бы зайти?

– Конечно, Юрий Владимирович!

Всегда энергичный и целеустремленный, в те годы Егор Кузьмич не ходил, а бегал по цековским лестницам, перепрыгивая через две ступеньки. Андропов дал ему особое поручение, имевшее далеко идущие последствия. Этот разговор в кабинете генсека решил судьбу многих людей.

Спустя много лет Егор Лигачев рассказывал мне:

– Андропову стало известно, что в Узбекистане неладно. А еще до этого заведующий сектором среднеазиатских республик несколько раз докладывал: неладно у нас в Узбекистане. Сотрудники сектора принесли несколько сотен писем о злоупотреблениях. Страшные письма! Я их читал несколько вечеров. Трудно было заснуть после этого. Это был настоящий крик души.

В Москву из Узбекистана шли тысячи писем с жалобами на то, что у местных начальников невозможно добиться правды, что без взятки в республике ничего не делается.

Андропов спросил у Лигачева:

– Егор Кузьмич, вы не считаете нужным проявить какой-то интерес к Узбекистану? Я давно знаю, что там происходит. Так много писем, надо этим заняться.

Лигачев сразу откликнулся:

– Мы готовы немедленно подключиться.

И тогда Андропов неожиданно сказал:

– Вы знаете, что сделайте: пригласите Рашидова и поговорите с ним.

Лигачев выразительно посмотрел на Андропова. Новый генеральный секретарь понял, что смущает Лигачева: Егор Кузьмич – всего лишь заведующий отделом ЦК, а первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов – кандидат в члены политбюро, то есть почти небожитель. Строгий порядок взаимоотношений в партийной иерархии не позволял

заведующему отделом приглашать к себе человека, входящего в политбюро.

Но Андропов успокоил Лигачева:

– А вы не стесняйтесь. Считайте это моим поручением. Рашидов в ближайшее время сам зайдет к вам.

Егор Кузьмич понял, что Рашидов, который был любимцем Брежнева, больше не в фаворе. И, действительно, вскоре Шараф Рашидович появился в здании ЦК. Ему сообщили, что с ним хотел бы поговорить новичок – Лигачев. Удивленный Рашидов пришел к Лигачеву. Вошел к нему в кабинет как хозяин – что это какой-то завотделом решил с ним побеседовать!

Вначале он абсолютно не воспринимал слова Лигачева. А Егор Кузьмич, отбросив дипломатию, с присущими ему напором и прямотой стал говорить:

– В ЦК приходят письма о безобразиях в республике. Мы пересылаем письма в ЦК Узбекистана и получаем ответ из вашего аппарата, что жалобы не подтверждаются. Ни одна не подтвердилась! Трудно в это поверить, Шараф Рашидович.

Рашидов не ожидал такого разговора. Его лицо окаменело, и он со значением спросил:

– Вы с кем разговариваете?!

Но напугать Лигачева было нельзя. Он действовал по указанию Андропова. Егор Кузьмич ответил:

– Шараф Рашидович, дело серьезное. Я разговариваю с вами по личному поручению Юрия Владимировича.

Вот тогда Рашидов присел на предложенный ему стул и уже разговаривал с Лигачевым с полным пониманием ситуации. Он увидел, что на столе разложено несколько десятков писем из республики.

Рашидов стал убеждать Лигачева:

– Егор Кузьмич, в этих письмах полно наветов. Мы должны защитить наших руководителей, чтобы они могли спокойно работать и давать стране хлопок.

Лигачев выслушал его недоверчиво и твердо сказал:

– Я буду предлагать Юрию Владимировичу направить в Узбекистан комиссию ЦК для проверки всех сигналов.

Рашидов в последний раз попытался его остановить:

– Но ведь сейчас идет уборка хлопка, комиссия помешает людям работать. Страна останется без хлопка.

– Хорошо, – не стал спорить Лигачев, – уберете хлопок, тогда комиссия и приедет. Мы можем подождать.

Разговор в кабинете Лигачев происходил в сентябре 1983 года. Заканчивалась уборка хлопка в октябре-ноябре. Рашидов хотел оттянуть приезд комиссии в надежде найти какую-нибудь

контригру, пустить в ход старые связи, чтобы избежать проверки. Ведь прежде это ему не раз удавалось. Благодаря его хорошим отношениям с Брежневым и другими членами политбюро Узбекистан был в значительной степени зоной, свободной от контроля. Но с председателем КГБ Андроповым у Рашидова личных контактов не получилось. Юрий Владимирович был затворником. Он в девять утра приезжал в свой кабинет на Лубянке и вечером уезжал, покидал свой кабинет только для того, чтобы доложить срочные бумаги Брежневу, побывать в здании разведки в Ясенево или пройти процедуры в больнице.

Андропов почти не ездил по стране и не имел удовольствия насладиться хваленым гостеприимством Рашидова.

Как человек, страдавший множеством недугов, Юрий Владимирович был равнодушен к дарам южной природы, которыми руководитель Узбекистана щедро одаривал товарищей по политбюро. Тем более что председатель КГБ щепетильно относился к подаркам.

Попытки Рашидова избежать появления в Ташкенте комиссии ЦК с особыми полномочиями не удались. Увидев, что новый генеральный секретарь не благоволит к Рашидову, переменились и сотрудники аппарата. Шараф Рашидович понимал, что выводы комиссии будут губительными для его карьеры.

Но приезда комиссии Рашидов не дождался.

«31 октября 1983 года покончил жизнь самоубийством первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, член политбюро ЦК КПСС Шараф Рашидович Рашидов», – уверенно пишет известный историк Рудольф Германович Пихоя, который при Ельцине возглавлял федеральное архивное ведомство и ввел в оборот многие прежде секретные документы.

А в ту пору газеты сообщили о том, что «скоропостижно скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, член Президиума Верховного Совета СССР дважды Герой Социалистического Труда Рашидов Шараф Рашидович».

Большой, с фотографией, некролог подписали – помимо членов политбюро – вся рашидовская гвардия, основные руководители Узбекистана. Пройдет совсем немного времени, и все они не только потеряют свои высокие кресла, но и окажутся за решеткой…

У многих тогда возникло подозрение, что Рашидов умер не своей смертью. Хозяина Узбекистана ждали крупные неприятности – минимум отставка, максимум – тюрьма. Его преемник на посту первого секретаря ЦК будет арестован и сядет

в тюрьму. Так что же, Шараф Рашидович не стал дожидаться, когда за ним придут, и ушел сам, совершив самоубийство?

А может быть, его заставили это сделать, чтобы он не мешал очистительной операции Андропова в Узбекистане?

– Не знаю, почему он ушел из жизни, – говорил мне Егор Лигачев, – На похоронах у него я не был. По официальной версии – болезнь сердца. На меня он производил впечатление человека, пышущего здоровьем.

Рафик Нишанович Нишанов, который при Рашидове был секретарем ЦК Компартии Узбекистана, твердо сказал мне, что Шараф Рашидович умер своей смертью. Поехал на поезде в Каракалпакию, и ему стало плохо с сердцем. Первого секретаря похоронили в центре Ташкента, рядом с мемориалом Ленина.

Поэт и прозаик

Шараф Рашидович Рашидов родился в городе Джизаке в крестьянской семье в ноябре 1917 года. Окончил педагогический техникум и первое время работал учителем. Потом стал журналистом – его взяли в редакцию самаркандской областной газеты «Ленин Юлы». Он поступил в университет в Самарканде, получил партийный билет и в редакции газеты быстро вырос до главного редактора.

В 1941 году он окончил университет. Началась война, и в августе его забрали в армию, где он был на комсомольской и партийной работе. В 1943 году, после ранения, его демобилизовали и вернули в Узбекистан на прежнее место – редактором областной партийной газеты. В военное время подготовленные кадры были наперечет, и на следующий год Рашидова избрали секретарем Самаркандского обкома, потом перевели в столицу-Ташкент, и еще три года он редактировал республиканскую газету «Кизил Узбекистон».

В 1948 году Рашидов заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), а в 1949 году возглавил президиум Союза писателей Узбекистана. Должность почетная и приятная и, возможно, даже пожизненная, но означавшая, что политическая карьера окончена. А Шараф Рашидович был еще молодым человеком, вкусившим власти и жаждавшим движения вперед. Но он не отчаялся и ждал своего часа. Он почувствовал в себе писательский дар, писал поэзию и прозу. Первый сборник его стихов «Мой гнев» вышел в 1945 году. В 1950 году Рашидов опубликовал сборник публицистических статей «Приговор истории». Книги за его подписью будут выходить и тогда, когда он займет руководящие посты в республике. Это была нужная литература, восторженно встречаемая литературными критиками.

В повести «Победители» (1951) писатель Рашидов отобразил борьбу за освоение целинных земель, эта волнующая тема развивается и в его романе «Сильнее бури» (1958). Роман «Могучая волна» (1964) был посвящен героизму советских людей в тылу во время войны. Ташкент был превращен в центр солидарности со странами Азии. Вот Рашидов и написал повесть «Песни Кашмира» – о борьбе индийского народа за освобождение. Книги Рашидова, как потом подсчитали, издавались в республике 135 раз – значительно чаще узбекских классиков. Ему присвоили звание народного писателя. Написанное Рашидовым переводилось на русский и другие языки народов СССР.

Шараф Рашидович дружил с главными редакторами

московских литературных журналов, с руководителями Союза писателей СССР. Чиновным писателям везли из Узбекистана фрукты и вино, их щедро – за казенный счет – принимали в Ташкенте, поэтому в Москве, отмечая очередное творение за подписью Рашидова, не скупились на хвалебные рецензии.

Хозяином республики с сентября 1937 года был Усман Юсупович Юсупов, который начинал батраком в родном кишлаке, потом был масленщиком и отжимщиком на хлопкоочистительном заводе в Ташкентском уезде. В двадцать восемь лет его сделали заведующим отделом Ташкентского окружкома партии, в двадцать девять – секретарем ЦК Узбекистана. Образования у него никакого не было, он даже в школе не учился, в тридцать шесть лет, уже будучи председателем Среднеазиатского бюро ЦК, окончил двухлетние курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б).

Москва требовала от республики хлопка. 3 февраля 1948 года политбюро приняло разгромное постановление «Об ошибках ЦК КП(б) Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР по руководству хлопководством». За провал заготовок хлопка в 1947 году первый секретарь ЦК республики Усман Юсупов получил строгий выговор – вместе с председателем Совмина. Усман Юсупов не потрафил Сталину. 22 апреля 1950 года он потерял свой пост и был переведен в Москву министром хлопководства. Это министерство создали специально для опального первого секретаря, и сразу после смерти Сталина оно было ликвидировано.

При Хрущеве бывшего первого секретаря сделали директором совхоза № 4 Баяутского района Ташкентской области.

«У Юсупова, – вспоминал потом Хрущев, – в характере осталось очень много от прошлого, он, как мусульманин, смотрел на женщину как на рабыню, хлопкоуборочные машины не признавал. Там господствовал кетмень. Конечно, высев был механизирован, но обработка велась кетменем, сбор – в фартук или в мешок, который висел на шее у женщины. Это был исключительно женский труд».

Первым секретарем республиканского ЦК был утвержден Амин Ирматович Ниязов. Всю войну он был наркомом финансов республики, потом очень недолго заместителем председателя Совета министров, и, наконец, его сделали председателем президиума Верховного Совета Узбекистана. В республиканском кадровом пасьянсе понадобился и Рашидов. Как представитель художественной интеллигенции он был назначен председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана. Это был крупный, хотя и безвластный пост, на котором предшественники Рашидова просто наслаждались жизнью.

Но деятельный Рашидов сумел воспользоваться тем, что глава республиканского парламента по должности одновременно являлся заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Все заместители из республик по очереди работали в Москве, исполняя представительские функции. Рашидов стал часто бывать в столице, заводил полезные знакомства. Он всегда умел производить благоприятное впечатление, нравился людям, устанавливал деловые связи. Его избрали кандидатом в члены ЦК КПСС.

В декабре 1955 года Ниязов перестал быть первым секретарем. Ему дали должность министра коммунального хозяйства республики. Пост первого секретаря в Узбекистане занял Нуритдин Акрамович Мухитдинов. Он приглянулся Хрущеву и стал кандидатом в члены президиума ЦК. В этом качестве он оказался в Москве на том самом заседании, на котором старая гвардия – Молотов, Маленков, Каганович и Булганин – попыталась снять Хрущева с должности первого секретаря ЦК. Мухитдинов сделал правильный выбор и так мощно поддержал Хрущева, что немедленно получил повышение.

Никита Сергеевич забрал его в Москву, сделал секретарем ЦК КПСС и членом президиума. Но работником Нуритдин Акрамович оказался слабым. В 1961 году Хрущев его снял и отправил заместителем председателя Центросоюза.

Вместо Мухитдинова первым секретарем в Узбекистане стал Сабир Камалович Камалов. Он начинал маляром и штукатуром, в двадцать лет был уже секретарем райкома комсомола, в двадцать семь – секретарем райкома партии. Во время войны в армию его не взяли, поставили первым секретарем Каракалпакского обкома. Образование у него было стандартным для номенклатурных работников того времени – Высшая партийная школа.

В 1950 году, в год больших перемен в Узбекистане, Камалов стал секретарем ЦК Компартии республики, потом председателем Совета министров Узбекистана. В декабре 1957 года он и сменил Мухитдинова на посту первого секретаря. Главой республиканского правительства поставили Мансура Зияевича Мирзу-Ахмедова, который окончил заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС, был директором санатория и киностудии, а потом секретарем ЦК по кадрам.

Оба руководителя республики продержались год с небольшим. Из Узбекистана на них потоком шли жалобы. 3 марта 1959 года на заседании президиума ЦК рассматривались материалы, «вызывающие тревогу за положение дел в бюро ЦК КП Узбекистана». Решили отправить в республику комиссию.

– Никчемное руководство оставил в республике, – с упреком

сказал Хрущев Мухитдинову.

Через десять дней, 14 марта, в Ташкенте собрали пленум республиканского ЦК для обсуждения вопроса «о серьезных недостатках и ошибках в работе бюро ЦК КП Узбекистана». На пленуме первого секретаря Камалова называли «барином» (см. журнал «Свободная мысль», № 12/1999 г.), говорили, что его новая дача обошлась казне в семь миллионов рублей. Но и прежняя резиденция была неплоха – с участком в двадцать семь гектаров с бассейном и маленьким озерком. Но Камалов командировал сотрудников Управления делами ЦК Компартии Узбекистана в Москву, чтобы они взяли проект, по которому на Ленинских горах построили особняки для руководства страны. Деньги на дачу выделили из резервного фонда Совета министров республики.

Один из заместителей председателя Совета министров Узбекистана говорил на пленуме:

– Камалов находился в плену своей мещанки жены, которая, несмотря на свою принадлежность к партии, своими аристократическими замашками дискредитирует Камалова и своим поведением вызывает законное возмущение. Разве нормально, когда его жена утром одевается в черную меховую шубу, а вечером – в белую медвежью, когда она утром надевает золотые часы, днем – часы с бриллиантами, а вечером – заграничные? И все это в Москве, во время прохождения XXI съезда КПСС, на глазах трудящихся. Камалову окружают подхалимки, они прислуживают ей, некоторые из них числятся на работе в государственном аппарате, а проводят время у жены Камалова в ущерб своим делам, собираются компанией, устраивают выпивки.

Ядгар Садыковна Насриддинова, еще только начинавшая свою стремительную карьеру, тоже выступала на пленуме и возмущенно говорила:

– Камалов занимался интриганством, насаждая подхалимаж, часто подбирал кадры не по политическим и деловым качествам, а по приятельским, по личной преданности.

Камалова сняли и назначили сначала председателем Ферганского облисполкома, а потом и вовсе заместителем начальника Главного управления хлебопродуктов. Главу правительства Мирзу-Ахмедова отправили в Министерство сельского хозяйства.

Вместо Камалова первым секретарем на пленуме избрали Шарафа Рашидова, которого к тому времени уже хорошо знали в Москве. Никто тогда не мог предположить, что он поставит рекорд и просидит на этой должности двадцать четыре года.

Шараф Рашидович оказался на редкость умелым руководителем. Он сделал ставку на выращивание хлопка и каждый год увеличивал его поставки. Хлопок был невероятно нужен стране, особенно военной промышленности, поэтому на Рашидова сыпались ордена и благодарности. Он получил две Звезды Героя Социалистического Труда, десять орденов Ленина и даже Ленинскую премию – партийные руководители, собрав все ордена, какие было можно, уже не знали, чем еще себя порадовать.

Пока Рашидов давал стране хлопок, в Москве ему разрешали править республикой так, как он считает нужным. Он создал прочную систему личной власти, пристроил на хорошие должности всех своих родственников. Только в аппарате республиканского ЦК работало четырнадцать родственников первого секретаря. Шараф Рашидович по существу установил в республике клановую систему, которая контролировала целые области. На все важные должности назначались только свои люди. Он быстро убирал тех, кто ему не нравился.

Весной 1958 года в Узбекистан привезли руководителя Египта Гамаля Абд-аль Насера. Сопровождал его недавний хозяин республики секретарь ЦК КПСС Мухитдинов. На грандиозном обеде, устроенном в честь египетского гостя, Рашидов сказал просто и скромно:

– Сегодня солнце второй раз взошло над Узбекистаном – к нам приехал наш дорогой и любимый Нуритдин Акрамович Мухитдинов!

Когда Мухитдинов лишился высокой должности, на родине, в вотчине Рашидова, он стал нежелательной персоной.

Тех, кто терял доверие хозяина республики, ждала плохая судьба. Десять лет главой Совета министров был Рахманкул Курбанович Курбанов, преподаватель по профессии. В марте 1971 года Рашидов отправил его на пенсию. В мае 1975-го Курбанов был арестован и осужден Верховным Судом Узбекской ССР. Но через два года Президиум Верховного Совета СССР освободил его от отбывания наказания, а в 1979-м его реабилитировали.

Как завоевать друзей

Руководитель Узбекистана никогда не спорил с московскими начальниками. Однажды на заседании президиума ЦК КПСС возник спор о совнархозах в среднеазиатских республиках. Второй (при Хрущеве) секретарь ЦК Фрол Романович Козлов, отстаивая свою точку зрения, сослался на Рашидова:

– А Шараф Рашидович нас благодарил.

Опытный Анастас Иванович Микоян не выдержал:

– А ты думаешь, это искренне?

Фрол Козлов растерялся:

– Я не знаю. Рашидов- кандидат в члены президиума…

В мае 1962 года Хрущев отправил Рашидова во главе делегации на Кубу договариваться с Фиделем Кастро о тайном размещении на острове ядерных ракет. Вернувшись с Кубы, 10 июня Рашидов доложил:

– Думаю, мы выиграем эту операцию.

Карибский кризис едва не привел к мировой войне…

Сила Рашидова состояла в умении поддерживать добрые отношения с максимально большим количеством высокопоставленных чиновников в Москве. Всех, кто приезжал в республику, старались хорошо принять и ублаготворить. Александр Николаевич Яковлев в те годы руководил отделом пропаганды ЦК. Он рассказывал:

– Я однажды ездил в командировку в Узбекистан. Меня поселили в партийной гостинице, обильно кормили. Уезжая, я потребовал, чтобы с меня взяли деньги. Они наотрез отказывались. Прибежал перепуганный директор гостиницы: «Да как же это? Мне даже нельзя об этом доложить. Нас же с работы поснимают». Я настоял и заплатил. По-моему, именно с тех пор у меня отношения с Рашидовым и не сложились.

– А Леонид Ильич любил его только за успехи в хлопководстве? Или что-то еще было?

– У Брежнева была слабость к наградам и подаркам. Не то, что он был жадным. Ему был приятен сам факт внимания. Рашидов умел этим пользоваться. Он ко всем ходил с подарками – и в сельскохозяйственный отдел ЦК, и в другие. Приезжая в Москву, в своей резиденции он устраивал роскошные обеды, приглашал нужных людей, которые были ему благодарны.

Подарки хозяину страны и его приближенным дарили во всех республиках. Бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев вспоминает, как приехавший в Алма-Ату Никита Сергеевич Хрущев разозлился по

какому-то поводу и впал в дурное настроение. Ему тут же сделали подарок – преподнесли красивого коня – ахалтекинца Луговского конезавода. Хрущеву конь понравился, первый секретарь повеселел и сменил гнев на милость. Подозвал порученца:

– Коня отправить в моем поезде в вагоне-гараже.

Офицер возразил:

– В вагоне-гараже нет места для лошади.

Хрущев обрушился на офицера:

– Почему вы мне возражаете? Кто из нас председатель Совета министров – вы или я?

Страшными стали его глаза, вспоминает Кунаев, широкое лицо с бородавками и большой нос покраснели. Ночью коня отправили. Хрущев покидал Казахстан в прекрасном расположении духа. Кунаев просидел в своем кресле до горбачевских времен. Со временем он, как и Рашидов, получил две Золотые Звезды Героя Социалистического Труда. Но если Рашидов стал писателем, то Кунаев предпочел звание академика… Но никто не умел делать подарки лучше Шарафа Рашидова, который знал вкусы и пристрастия московских начальников.

Рашидов не был так уж близок к Брежневу. Леонид Ильич, скажем, не приглашал его к себе домой. Зато в окружении генерального секретаря Шарафа Рашидовича привечали.

Бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Карен Брутенц вспоминает, как Рашидов, который возглавлял делегацию в Ирак, привез оттуда Леониду Ильичу дорогую золотую статуэтку. С пустыми руками ни один ответственный работник из Узбекистана не уезжал. Особо нужным подарки везли круглый год. Даже весной доставляли дыни и виноград, которые всю зиму заботливо хранились в подвалах.

Бывший первый заместитель председателя КГБ генерал армии Филипп Денисович Бобков пишет, что Рашидов сделал члену политбюро Андрею Кириленко царский подарок – преподнес ему для жены и дочери шубы из уникального каракуля специальной выделки.

Когда в Ташкент прилетел заместитель министра внутренних дел Юрий Михайлович Чурбанов, встречать его на аэродром приехал сам Рашидов. Он стоял на летном поле, ждал гостя. Сразу привез брежневского зятя завтракать в гостиницу, потом повел к себе в ЦК, рассказывал о положении в республике, был любезен и внимателен.

Михаил Сергеевич Горбачев вспоминал, как в роли первого секретаря Ставропольского крайкома поехал с Раисой

Максимовной в отпуск в Узбекистан по приглашению Рашидова. И не потому, что Рашидову открылось блистательное будущее Горбачева, а потому что он хотел дружить с влиятельным первым секретарем крайкома. Горбачева принимали с подчеркнутым вниманием. Шараф Рашидович устроил в честь гостя ужин с участием всего партийного руководства республики. Правда, старый товарищ Горбачева по комсомолу, тогдашний первый секретарь Бухарского обкома Каюм Муртазаев, улучив минуту, сказал Горбачеву, что Рашидов – опасный, двуличный человек, которого надо остерегаться, что он творит расправу над кадрами… Но Михаил Сергеевич никому ничего пересказывать не стал.

Рашидов не мельчил. Он не просил встречной услуги за только что оказанную любезность. Ему важно было повсюду иметь друзей, которые предупреждали бы любую неприятность. Никто не любит критику, но Рашидов мог просто возненавидеть за любое критическое упоминание Узбекистана. Критику в адрес республики он считал личным оскорблением. На Востоке критика воспринималась как предвестие освобождения от должности. Один из ветеранов советской журналистики вспоминал, что в Узбекистане, приезжая в район или колхоз, нельзя было местным начальникам говорить, зачем приехал. Особенно если редакция поручала написать критический материал – могли в плов или водку подсыпать анаши. После чего корреспондент просыпался в отделении милиции и понимал, что его профессиональная карьера завершилась…

«Рашидов был коварным, – писал тогдашний главный редактор газеты «Правда» Виктор Григорьевич Афанасьев, – по-восточному изощренным, льстивым по отношению к верхам, за что пользовался огромным уважением и доверием Брежнева, который любил посещать Узбекистан. Рашидов был непримирим к своим оппонентам».

Собственный корреспондент «Правды» написал несколько критических статей о положении в Узбекистане, о том, что ситуация в здравоохранении и образовании являет собой печальную картину: школьников и студентов по два-три месяца в году заставляют работать на хлопковых полях. А это тяжелая и вредная работа. Рашидов был возмущен, жаловался в ЦК, назвал корреспондента «врагом узбекского народа».

Будущий помощник Горбачева Валерий Болдин в те годы был редактором сельскохозяйственного отдела «Правды». Он вспоминает, какое представление ему устроили в Ташкенте. Болдина в аэропорту встретил секретарь ЦК Узбекистана по сельскому хозяйству. Его отвезли в партийную гостиницу, а

потом доставили прямо к Рашидову. После разговора первый секретарь предложил пообедать. Пошли в спецбуфет, где ровно в час собралась вся партийно-республиканская верхушка.

Рашидов усадил Болдина рядом с собой, представил его. И вдруг второй секретарь республиканского ЦК зловеще произнес:

– Это представитель той газеты, которая чернит дела узбекского народа, обливает его грязью?…

И тут все присутствующие хором накинулись на Болдина. Когда он, уже багровый от гнева, был готов встать и уйти, вмешался Рашидов и укоризненно сказал:

– Товарищи, у нас гость из ленинской «Правды»…

Настроение мгновенно изменилось, и все наперебой заговорили о том, какая замечательная газета «Правда». Болдин с изумлением посмотрел на Рашидова и увидел его по-отечески заботливый взгляд.

Главному редактору «Правды» Виктору Афанасьеву пришлось самому поехать в Узбекистан, чтобы восстановить отношения с республикой. «Были обильные застолья, – вспоминал он, – подарили мне несколько халатов, тюбетеек, кушаков». Главный редактор от подарков не отказывался. Он написал хвалебную статью «Золотые руки Узбекистана», и примирение с Рашидовым состоялось. Дела в республике шли по-прежнему, но журналисты уже не смели замечать даже самые малые недостатки. Потом Рашидов несколько раз дружески звонил Болдину. Шараф Рашидович предпочитал не сражаться с врагами, а повсюду заводить друзей.

На заседании Совета национальностей заместитель председателя Совета министров России Евдокия Федоровна Карпова, отвечавшая за легкую промышленность, покритиковала Узбекистан:

– Все понимают, как важно поднять качество швейных изделий. Оно во многом зависит от качества сырья. Основные поставки хлопка идут из Узбекистана. К сожалению, качество хлопка низкое и продолжает ухудшаться.

В обеденный перерыв к Карповой подошел Рашидов:

– Вы вылили много грязи на Узбекистан. Братский узбекский народ оскорблен, и этого он вам не простит!

Евдокия Федоровна пошла к своему начальству. Председателем Совмина России был Михаил Сергеевич Соломенцев. Он тоже был кандидатом в члены политбюро, поэтому на ближайшем совместном заседании обеих палат Верховного Совета они с Рашидовым оказались рядом в президиуме.

Шараф Рашидович сразу стал жаловаться ему на Карпову.

Опытный Михаил Сергеевич достал предусмотрительно припасенный текст речи и попросил показать, какие именно слова показались ему оскорбительными. Рашидов текст не взял, но повторил, что узбекскому народу нанесли обиду. На следующее заседание Соломенцев принес статистические материалы о качестве полученного из Узбекистана хлопка, показал Рашидову:

– Шараф Рашидович, нас призывают правильно относиться к критике, устранять недостатки. А вы почему-то так болезненно отреагировали на выступление Евдокии Федоровны, незаслуженно обидели женщину.

Рашидов нехотя сказал:

– Буду разбираться…

Бывший член политбюро Вадим Андреевич Медведев в семидесятые годы работал в отделе пропаганды ЦК КПСС. Он вспоминает, что в отделе обратили внимание на непомерное восхваление республиканского руководства, проявления национализма, в частности в выступлениях президента Академии наук Муминова, родственника первого секретаря Рашидова.

По этому поводу отдел пропаганды даже составил записку в ЦК КПСС. А если появляется такой документ, на него надо реагировать. Многие шалости местным руководителям прощали, пока они не становились предметом официального расследования. В 1972 году на секретариате ЦК рассматривался вопрос о марксистско-ленинской учебе и экономическом образовании руководящих кадров в Ташкентской городской партийной организации. Работу горкома оценили резко критически. За этим должны были последовать и оргвыводы.

Например, вслед за рассмотрением вопроса о работе Тбилисского горкома последовала смена первого лица в Грузии – вместо бывшего генерала Василия Мжаванадзе первым секретарем сделали сравнительно молодого Эдуарда Шеварднадзе. Казалось, и для Рашидова настали трудные дни. Но записке отдела хода не дали. Медведева вызвал секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев и приказал прекратить критические выступления против Узбекистана и лично Рашидова. Демичев сказал, что Рашидов тяжело переживает критику в адрес Ташкентского горкома, звонил Демичеву и чуть ли не плакал.

Медведев спросил:

– Это совет или директива?

Демичев ответил:

– Воспринимайте это как указание.

Ясно было, что приказ прекратить критику Узбекистана исходил не от Демичева, а от самого Брежнева. Только

генеральный секретарь мог выдать индульгенцию руководителю. После этого в течение нескольких лет работники отдела пропаганды ЦК КПСС в Узбекистан вообще не ездили. Республика вовсе выпала из зоны критики и контроля. Самого Медведева время от времени приглашал в Ташкент секретарь республиканского ЦК по идеологии. Медведев говорил ему:

– Готов приехать, но есть ли добро от товарища Рашидова?

На этом разговор заканчивался.

Когда, наконец, Медведев приехал в Ташкент по решению ЦК, то Рашидов встретил его самым гостеприимным образом. Не жалея времени, рассказывал об огромных успехах Узбекистана, о семи миллионах тонн хлопка, собранных республикой, о начале добычи золота в Узбекистане – это, кстати, была в тот момент секретная информация. Шараф Рашидович не забывал во время беседы напомнить о своей любви и близости к Леониду Ильичу. Подарил гостю свою книгу с надписью «Дорогому другу и брату…».

Рашидов был очень хитрым, ссориться с ним никому не рекомендовали. Поскольку он имел прямой выход на генерального секретаря – Брежнев к нему прислушивался, то Шараф Рашидович мог подставить ножку за милую душу. Каждый из входивших в политбюро был очень влиятелен, даже если он жил не в Москве. И портить отношения с этой когортой было крайне неразумно.

Бывший председатель Гостелерадо СССР Николай Николаевич Месяцев рассказывал мне:

– Вышел на Украине фильм, роль в котором играл внук первого секретаря республиканского ЦК Петра Шелеста. Фильм посредственный. Но звонят, говорят: нужно побольше давать с Украины, вот есть новый фильм, покажи. Я возразил: «Слабый фильм. Не может Центральное телевидение разбазаривать деньги на показ слабых, ненужных фильмов».

Этот разговор, разумеется, дошел до Шелеста. И, как назло, через некоторое время показывают выступление Шелеста по телевидению. И вдруг из-за технического брака поплыл звук. Месяцев стал звонить Петру Ефимовичу, чтобы извиниться. Это было воскресенье. Отыскал первого секретаря ЦК Компартии Украины на даче.

Месяцев стал объяснять, что причина в технических неполадках, все будет исправлено, виновных накажут. Шелест не упустил возможности отчитать председателя Гостелерадио:

– Когда у тебя там полуголые девочки выступают, никакого брака нет. А как член политбюро – так сразу брак.

И потом на политбюро Шелест подробно рассказал, как плохо

Гостелерадио организовало показ его выступления. Этот эпизод сыграет свою роль, когда будет решаться судьба Месяцева.

Шараф Рашидов приезжал в Москву каждую неделю, чтобы принять участие в заседании политбюро, которое проводилось по четвергам. Отсутствовать на политбюро можно было только по причине болезни или заграничной командировки, куда ездили опять же по решению политбюро. Если же случилось что-то чрезвычайное, что мешало приезду в Москву, надо было звонить генеральному и просить разрешения остаться дома. А беспокоить генерального по мелкому вопросу – такое тоже не приветствовалось: неудобно лишний раз тревожить Леонида Ильича…

Если же кто-то пропустил бы заседание, сразу возник бы вопрос: выходит, он сам все знает, без совета политбюро намерен решать свои вопросы? Долго бы такой человек в политбюро не задержался. Да никто и не хотел упускать выгодную возможность побыть в Москве и уладить любые важные вопросы.

Члены политбюро перед заседанием собирались в ореховой комнате, предварительно обсуждали все ключевые вопросы. Кандидаты в члены политбюро и секретари ЦК проходили в зал заседаний из приемной, где собирались и приглашенные на заседание. Места за столом занимали в зависимости от ранга и продолжительности пребывания в данном партийном звании.

Заседание политбюро начинал ось в одиннадцать часов. Во время заседания приносили чай, кофе, бутерброды.

Если оно затягивалось, то все вместе обедали на втором этаже, в комнате возле Свердловского зала. За обедом разговор продолжался. После политбюро Рашидов мог перемолвиться словом и с Брежневым, и с другими руководителями страны.

Леонид Ильич действительно любил ездить к Рашидову. Последняя поездка в Ташкент оказалась для него роковой. Об этом подробно рассказал генерал Владимир Медведев, бывший охранник Брежнева.

23 марта 1982 года Брежнев находился в Узбекистане. В этот день была запланирована поездка на авиационный завод. Но утром решили, что Брежнев туда не поедет. Охрану на заводе сняли.

Вдруг Брежнев сказал Рашидову:

– Время до обеда есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас. Нехорошо… Возникнут вопросы… Пойдут разговоры… Давай съездим.

Рашидов только рад:

– Конечно, Леонид Ильич.

Вмешался начальник охраны Брежнева генерал Александр

Яковлевич Рябенко, который работал с ним аж с 1938 года:

– Леонид Ильич, ехать на завод нельзя. Охрана снята. Чтобы вернуть ее, нужно время.

Брежнев жестко ответил:

– Даю тебе пятнадцать минут – возвращай охрану.

Но уже через десять минут сорвался с места:

– Все, выезжаем. Времени на подготовку у вас было достаточно.

Московская группа из 9-го управления КГБ успела приехать на завод. Узбекские чекисты задержались. На заводе объявили по внутренней радиотрансляции, что сейчас приедет генеральный секретарь. Все бросили работу, пошли встречать Леонида Ильича.

Когда генерального секретаря привезли на завод, там уже было море людей. В сборочном цехе рабочие, чтобы увидеть Брежнева, карабкались на леса вокруг строящихся самолетов. Охрана с трудом сдерживала толпу. И вдруг большая деревянная площадка не выдержала и под тяжестью людей рухнула. Она буквально накрыла Брежнева и Рашидова.

Четыре офицера охраны из Девятого управления невероятным усилием подняли помост и держали его, пока не подскочили на помощь местные чекисты. Если бы офицеры не смогли этого сделать, генерального секретаря ЦК КПСС и первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана просто бы раздавило. Никто не погиб, но пострадали и Брежнев, и Рашидов, и охранники. Брежневу углом металлического конуса ободрало ухо. Его подняли, врач встревоженно спросил:

– Леонид Ильич, как вы себя чувствуете? Вы можете идти?

Брежнев уверенно держался на ногах, но жаловался на боль в ключице. Встречу с рабочими отменили. Генерального секретаря повели к выходу через толпу. Начальник охраны Рябенко пробивался вперед с пистолетом в руке. В больницу Брежнев не захотел. Его отвезли в резиденцию, уложили, тут же сделали рентгеновское исследование и обнаружили, что ключица сломана.

Его уговаривали немедленно вернуться в Москву и лечиться. Но на следующий день ему предстояло выступление на торжественном заседании в Ташкенте. Он остался, произнес речь. Сидевшим в зале и телезрителям, наверное, казалось, что Брежнев накануне выпил, потому что он был несколько заторможенным. Только сопровождавшие его люди знали, что даже легкое движение правой руки было для него крайне болезненным, поэтому ему пришлось дать болеутоляющие препараты.

Леонид Ильич задержался в Ташкенте еще на день, чтобы встретиться с руководителями республики, вручил орден

Октябрьской Революции Рашидову и только потом уехал. Ключица у него так и не срослась, и вообще после Ташкента Брежнев стал просто угасать. В ноябре он умер. Его место занял Юрий Андропов.

Первые аресты

В апреле 1983 года в Бухаре при получении взятки был задержан начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности областного управления внутренних дел Музаффаров. Важность этого события состояла в том, что арестованным занимались не узбекские следователи, а московские.

Дело принял к производству следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Тельман Хоренович Гдлян, тогда еще известный только профессионалам. Так начиналось «узбекское дело», которое будет продолжаться почти пять лет, пока окончательно не развалится.

Андропов попросил Лигачева побеседовать с Рашидовым уже после того, как получил первые материалы о коррупции в Узбекистане. Но нечто подобное происходило и в других республиках. Почему же появилось именно узбекское дело?

Когда Андропов стал генеральным секретарем, все управления и территориальные органы КГБ получили указание представить кричащие примеры сращивания с преступным миром, коррупции. Андропову нужны были показательные дела.

Комитету государственной безопасности всеми инструкциями было запрещено собирать материалы на партийно-советскую элиту, но, как говорили чекисты, источнику рот не заткнешь. Оперативная информация о том, кто чем занимается, копилась в сейфах. Как только пришли шифротелеграммы с требованием предоставить информацию, сейфы открылись. Республиканские и областные управления спешили сообщать в Москву, что у кого есть. Если материалы были сколько-нибудь серьезными и вырисовывалась судебная перспектива, начиналась разработка тех, кого подозревали в коррупции.

Нашлись бы в тот момент оперативные материалы, скажем, в КГБ Грузии, возникло бы не «узбекское», а «грузинское дело». Ретивость проявляли все региональные управления, все рады были себя проявить. Еще в 1980 году начальник следственной части Прокуратуры СССР Бутурлин был командирован в Узбекистан. Его группа выявила факты преступной практики тогдашнего руководства Министерства внутренних дел Узбекистана, но Шараф Рашидов выставил московских гостей из республики.

Первые же попытки разобраться, что происходит в Узбекистане, выявили картину тотального взяточничества в партийно-государственном аппарате. За счет чего в Узбекистане

устраивались пышные приемы и дарились дорогие подарки? Партийные секретари гуляли не на свою зарплату. На представительские расходы им тоже ничего не полагалось – не было такой статьи расходов. В бюджете республиканской компартии была расписана каждая копейка.

Партийное руководство обкладывало данью хозяйственных руководителей, брали и наличными, и борзыми щенками. Система поборов была вертикальной – от республиканского ЦК до сельских райкомов. Нижестоящие тащили деньги вышестоящим. Вышестоящие брали, чтобы передать еще выше. Но и себя не забывали. В такой атмосфере должности, звания, ордена и даже Золотые Звезды Героя Социалистического Труда тоже превратились в товар – они продавались.

Самая крупная афера вскрылась в хлопковой промышленности. Главной причиной возникновения «узбекского дела» стали приписки хлопка-сырца. В документах значились огромные цифры будто бы собранного, но в реальности не существующего хлопка-сырца. А если хлопка в реальности меньше, чем каждый год докладывало руководство республики, значит, обманули не кого-нибудь, а само государство. Это не взятки милицейским начальникам, это уже государственное преступление.

Как потом выяснилось, государству ежегодно «продавали» около шестисот тысяч тонн несуществующего хлопка – таким образом из казны крали сотни миллионов рублей. На эти деньги узбекская элита вела сладкую жизнь и охотно делилась краденым с московскими начальниками.

Со смертью Рашидова этот обман в особо крупных размерах не прекратился. В декабре 1983 года столичные чекисты получили оперативные данные о том, что в Москву приехали два представителя хлопковых заводов из Узбекистана. Они пытались договориться о поставке на хлопокоперерабатывающие предприятия столицы вагонов с большой недостачей хлопка. Тем, кто готов закрыть глаза на недостачу, предлагали большую взятку.

Гостей из солнечной республики в январе 1984 года арестовали. Они дали показания о том, что в Узбекистане сложилась «практика приписок к показателям выполнения государственного плана заготовок сырья». В Ташкент отправилась оперативно-следственная группа управления КГБ по Москве. Но дело быстро вышло за рамки компетенции московского управления. Дело передали прокуратуре Союза.

В Ташкенте пытались остановить расследование, спустить дело на тормозах. Но Рашидов уже был мертв, а его наследники

не были столь талантливы в умении завоевывать друзей. Председателю КГБ Виктору Михайловичу Чебрикову позвонил новый первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Инамжон Бузрукович Усманходжаев и попросил передать дело для дальнейшего ведения республиканской прокуратуре. Инамжон Усманходжаев внушал Чебрикову, что приближается пятидесятилетие республики, и не хотелось бы накануне юбилея ее позорить.

Но в КГБ рассудили так: если дело попадет в республиканскую прокуратуру, оно будет прекращено. Поэтому начальник столичного управления Алидин и начальник Следственного управления КГБ Волков написали записку с возражениями и предложили отправить дело в союзную прокуратуру, поскольку арестованы люди не только из Узбекистана, но и из России. Чебриков согласился со своими подчиненными и дело не отдал.

Когда Андропов санкционировал начало «узбекского дела», он не сомневался в успехе. Первая попытка очищения от коррупции была предпринята в Азербайджане, где в 1969 году первым секретарем сделали председателя республиканского КГБ Гейдара Алиевича Алиева. Он провел массовую чистку кадров, снял с работы около двух тысяч чиновников. Часть из них были арестованы, в доход государству поступило немалое число конфискованных ценностей. По существу произошла смена республиканской элиты.

В Баку со всей страны ездили группы партийных работников изучать опыт. Они возвращались приятно удивленные, рассказывали, как Алиев умело борется с коррупцией. Поражались тому, что он сделал прозрачным процесс сдачи экзаменов в высшие учебные заведения, куда раньше поступали за деньги. Андропов ценил Алиева: став генеральным секретарем, перевел его в Москву, сделал членом политбюро. Юрий Владимирович не дожил до того дня, когда самого Алиева, уже отправленного на пенсию, обвинят в покровительстве коррупции…

Юрий Владимирович полагал, что такую же чистку удастся провести и в Узбекистане.

– Уже после смерти Рашидова, – рассказывал Лигачев, – мы отправили в Узбекистан комиссию. Она выявила грубейшие нарушения. Во-первых, громадные приписки хлопка, а Рашидов каждые два года получал орден Ленина за хлопок. Во-вторых, много родственных связей в руководящих органах республики. В-третьих, процветали поборы и подношения. Скажем, отправляется жена Рашидова в поездку по областям – раз едет жена царя, хана,

значит, надо что-то дарить. Целые машины добра привозили…

Избранный к тому времени генеральным секретарем Константин Устинович Черненко не остановил расследование в Узбекистане. Оно продолжалось. Но материалы проверки не стали обсуждать на политбюро, а передали на рассмотрение партийного актива республики. Это означало, что Черненко не хотел шумного скандала. Итоги проверки подводились в Ташкенте на пленуме республиканского ЦК в июне 1984 года.

– Меня послали на этот пленум, – вспоминает Лигачев, – был очень острый разговор, много людей отстранили от работы. Но потом, к сожалению, вмешалась команда Гдляна-Иванова, начали хватать людей, измываться над ними – в общем делали карьеру на «узбекском деле». Даже меня обвинили во взяточничестве…

Потом в Москве на собрании аппарата ЦК КПСС в большом конференц-зале Лигачев сделал доклад по итогам работы комиссии, расследовавшей в Узбекистане факты массовых приписок хлопка и незаконного обогащения ряда должностных лиц. Лигачев называл факты, которые потрясли даже видавших виды партийных функционеров, говорил о том, что у местных руководителей по нескольку домов и машин, что многие построили себе настоящие особняки. А в Ташкенте полмиллиона жителей живет в землянках, без водопровода и канализации.

Местные партийные руководители установили полуфеодальный режим, распоряжаясь крестьянами как рабами. Милиция и прокуратура на местах были ручными, все они были тесно связаны между собой.

Тогда же, после смерти Рашидова несколько тысяч партийных работников сняли с должности. Полторы тысячи отдали под суд. Расследование в Узбекистане не знало себе равных по масштабам – следователи добрались до первого секретаря ЦК, до секретарей и зампредов Совета министров республики. Вся неприкасаемая элита, секретари обкомов и райкомов, министры, милицейские генералы – один за другим оказывались на жестком стуле перед следователем.

И все-таки эта операция потерпела неудачу. В Узбекистане КГБ натолкнулся на спаянное сопротивление целой республики. Посланных туда эмиссаров центра ловили на ошибках и глупостях. «Узбекское дело» закончилось провалом. За первым арестом последовали другие, но узбекские чиновники сориентировались, держались упорно, имущество прятали у родственников. Кроме того, следственная группа действовала по-советски, не соблюдая Уголовно-процессуального кодекса, не заботясь о формальностях. В тот момент это не имело значения. Потом, в годы перестройки, все даст о себе знать.

Борьба с коррупцией была поручена республиканскому аппарату КГБ, но эта система дала сбой. Во-первых, в республиканском комитете работали родственники узбекских партийных руководителей, в том числе самого Рашидова. Во-вторых, комитет не мог действовать против партийного руководства, которое держалось сплоченно, помогая друг другу. Андропов не смог отстоять даже председателей республиканского Комитета госбезопасности, которых Рашидов одного за другим выжил из республики.

Председатель КГБ Узбекистана генерал Левон Николаевич Мелкумов был освобожден от должности и отправлен в представительство КГБ в Чехословакию. Его предшественник, генерал Эдуард Болеславович Нордман, бывший белорусский партизан, пользовавшийся полным доверием Андропова, отправился в ссылку в ГДР, где работал в союзническом аппарате госбезопасности.

Плохим помощником в расследовании оказался даже второй секретарь ЦК – глаза и уши Москвы. Леонида Ивановича Грекова отправили послом в Болгарию. А на его место назначили Тимофея Николаевича Осетрова. Он был профессиональным аппаратчиком. Начинал в московском комсомоле – первым секретарем Коминтерновского райкома. После того как за злоупотребление горячительными напитками сняли все руководство Челябинского обкома комсомола, туда на смену отправили трех секретарей московских райкомов. Среди них был и Осетров, которого сделали секретарем Челябинского обкома комсомола по пропаганде.

После смерти Сталина его взяли в аппарат ЦК КПСС, он возглавлял территориальный сектор отдела организационно-партийной работы. В 1970 году его отправили в Ташкент первым заместителем главы республиканского правительства. В 1983-м Осетрова сделали вторым секретарем. Он казался Москве подходящей кандидатурой: с одной стороны, русский, с другой, хорошо знаком с местной жизнью. Следственная группа обнаружила, что второй секретарь слишком хорошо встроился в жизнь республики.

Осетрова заставили подать в отставку в декабре 1985 года; через год, в декабре 1986 года, он был арестован и помещен в специальный изолятор № 4 МВД СССР в Москве. Его самого обвиняли в систематическом получении взяток. Но весной 1989-го его освободили, а дело против него прекратили. Его восстановили в партии, вернули ему награды и выплатили компенсацию.

Люди, которые его знали, говорили, что Осетров по характеру

был крайне осторожен и сам ни в чем не был замечен. Но, как второй секретарь республиканского ЦК, не мог не видеть, что происходит вокруг него, и не имел права молчать.

Цепь самоубийств в республике

Еще шли разговоры о том, что Рашидов покончил с собой, как по республике прокатилась целая волна самоубийств. Застрелился у себя дома из браунинга бывший министр внутренних дел Узбекистана Кудрат Эргашев.

Это произошло на следующий день после того, как его фактически предупредили, что на его арест уже выдан ордер. Он был одним из главных подозреваемых, потому что КГБ прежде всего интересовался делами своих соперников из Министерства внутренних дел. Когда началось следствие, Эргашева отправили на пенсию (в пятьдесят два года). Но он еще оставался членом республиканского ЦК и депутатом Верховного Совета Узбекистана, на его арест требовалось их согласие. Когда согласие было получено, он покончил с собой. Об Эргашеве много чего написали плохого в те годы, но терпеть позор ареста, суда и тюремного заключения он не захотел.

Вслед за ним застрелился его первый заместитель Георгий Иванович Давыдов. Он работал в аппарате ЦК Узбекистана, был вторым секретарем одного из обкомов, в 1968 году стал первым заместителем министра внутренних дел республики. Давыдова не разрешали арестовать до того, как он уйдет со службы: не положено было сажать действующих генералов. Его срочно положили в центральный госпиталь МВД и комиссовали по состоянию здоровья. Он покончил с собой в госпитале – застрелился из табельного пистолета Макарова.

Давыдов оставил письмо:

«Горько и обидно, что неожиданно предложили уйти на пенсию и сделано это в столь бесцеремонной, даже грубой форме. Сейчас, по-моему, стало легче оболгать ответственного работника, чем когда-либо, запачкают грязью, а потом отмывайся. И мне кажется, кто-то хочет оклеветать меня, свалив на мои плечи грехи прежних руководителей, очернить безупречную работу в МВД в течение 16,5 лет. Ухожу честным работником МВД, коммунистом, генералом, отцом.

Уволили, никто со мной не переговорил, не высказал каких-либо обвинений или претензий. Неужели сейчас такая слепая и фанатичная вера каким-нибудь клеветникам? Неужели вот так, походя, можно жестоко оскорбить члена КПСС с 35-летним стажем, генерала? Ничего не могу понять, сердце – сплошная кровавая рана, веры и справедливости нет! Я вынужден сам принять крайнюю меру к сохранению своей чести и достоинства. А перед этим не лгут».

В последнем письме родным Георгий Давыдов писал, что плохо себя чувствует, сердце дает сбои, подозревает, что у него рак. Как это часто бывает в таких случаях, у него возникла тяжелая депрессия на почве и служебных неприятностей, и неважного состояния здоровья. Первый заместитель министра лежал в ведомственном госпитале, но замечательные медики не обратили внимания на то, что он нуждается прежде всего в помощи врача-психиатра…

Покончил с собой первый секретарь Кашкадарьинского обкома Рузмет Гаипович Гаипов – причем в момент, когда к нему пришли, чтобы доставить в прокуратуру на допрос. Сотрудники прокуратуры почему-то сели пить чай – в доме человека, которого надо арестовать! Гаипов вышел в соседнюю комнату (никто его не сопровождал!) и зарезался. Бывший первый секретарь успел нанести себе тринадцать ножевых ран, прежде чем руководитель следственной группы Тельман Гдлян и его подчиненные спохватились. Довольно странно для профессионалов позволить арестованному покончить с собой таким образом.

Рузмет Гаипов, один из соратников Рашидова по хлопковым делам, был по профессии агрономом. Он работал перед войной на областной хлопково-люцерновой станции, воевал, потом возглавил машинно-тракторную станцию. Рашидов поставил его во главе сначала Самаркандского, затем Кашкадарьинского обкома.

Застрелился у себя дома из табельного пистолета начальник Джизакского областного управления внутренних дел генерал-майор Ярлы Нарбеков. Следственная группа подбиралась и к нему, уже были собраны материалы о том, что он брал взятки. Накануне самоубийства его вызывали в Ташкент. Там ему сообщили, что он попал в поле зрения следственной группы Гдляна. Он предпочел покончить с собой.

Тогда говорили, что все они ушли из жизни с чьей-то помощью. Тельман Гдлян уверял, что их специально довели до самоубийства, чтобы они не успели дать показания. Но едва ли это так. Другие, даже более высокопоставленные чиновники были арестованы, и Гдлян имел возможность их всех допросить. И они рассказывали все, что интересовало следствие.

В следственной группе Тельмана Гдляна (его ближайшим помощником стал Николай Иванов) работало около двухсот человек. Плоды их работы когда-то произвели колоссальное впечатление на публику. За пять с лишним лет к уголовной ответственности было привлечено семьдесят человек, в суд передали девятнадцать дел, сорок человек приговорили к различным срокам тюремного заключения. Правда, многих потом

выпустили.

Вся эта история с «узбекским делом» невероятно запутанна. Несомненно, что республиканская верхушка чуть ли не в полном составе была коррумпированной. Но следственная группа часто не утруждала себя поиском доказательств, полагая, что признания обвиняемого вполне достаточно. Да еще руководители следственной группы занялись политическими играми. Кончилось все это тем, что дело осталось нерасследованным, преступники – ненаказанными, правда – невыясненной, а рашидовская система управления республикой – нетронутой.

Следователям нужны были в списке арестованных громкие имена. Они подбирались и к новому первому секретарю ЦК компартии Узбекистана Инамжону Бузруковичу Усманходжаеву. Он начинал инженером в тресте «Ферганводстрой», с тридцати лет работал в партийном аппарате. Рашидов сделал его первым секретарем Андижанского обкома, затем пересадил в свое прежнее кресло председателя президиума Верховного Совета республики. Узбекистан был, наверное, единственной республикой, в которой эта почетная, но безвластная должность становилась ступенькой к креслу хозяина.

Тельман Гдлян и Николай Иванов в своей книге «Кремлевское дело» пишут, что они заручились поддержкой Бориса Николаевича Ельцина, который был кандидатом в члены политбюро и первым секретарем московского горкома. Побывав в Узбекистане, Ельцин сказал Горбачеву, что Усманходжаева надо убирать- он «прекрасно вписался в рашидовскую систему». Горбачев ответил, что за Усманходжаева ручается Егор Кузьмич Лигачев.

Гдлян и Иванов передали Ельцину подробную записку о положении в Узбекистане. Они просили разрешения на то, чтобы начать следствие против руководителей республики, в том числе Усманходжаева. Борис Николаевич поставил вопрос на заседании политбюро. Предложение привлечь Усманходжаева к ответственности или по крайней мере возбудить против него дело поддержки не получило.

Зато Гдляну и Иванову разрешили заняться другими фигурами, в том числе бывшим главой правительства Узбекистана Худайбердыевым. Нармахонмади Джураевич Худайбердыев заведовал отделом в райкоме комсомола, был секретарем партбюро Узбекского сельскохозяйственного института имени В.В. Куйбышева, стал кандидатом ветеринарных наук и получил звание доцента. После института быстро пошел по партийной линии, руководил сельскохозяйственным отделом ЦК Компартии Узбекистана. В тридцать два года Худайбердыев

стал заместителем председателя Совета министров республики, потом был первым секретарем Сурхандарьинского и Сырдарьинского обкомов, секретарем ЦК республики, министром сельского хозяйства. В феврале 1971 года Рашидов сделал его главой правительства.

В ноябре 1984 года Худайбердыева срочно отправили на пенсию. Через два года его арестовали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в сентябре 1989 года приговорила его к девяти годам лишения свободы за получение взяток в бытность главой правительства республики. Президиум Верховного Совета СССР лишил его всех государственных наград, а среди них было три ордена Ленина. В марте 1991 года Хамзинский районный суд в Ташкенте освободил бывшего хозяина Узбекистана из-под стражи. Это уже наступили времена, когда всех арестованных по «узбекскому делу» считали невинными жертвами, выпускали и оправдывали…

Гдлян и Иванов арестовали почти всех первых секретарей обкомов. Это была рашидовская когорта:

– Каллибек Камалов, педагог по образованию, сразу оказался на комсомольской работе – из школьных учителей его сделали первым секретарем Каракалпакского обкома комсомола, потом поручили Министерство коммунального хозяйства, чуть позже – Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог. Из министров автономной республики сделали первым секретарем райкома. В 1959 году он возглавил правительство Каракалпакской АССР, с 1963 года был первым секретарем обкома.

Получил звезду Героя Социалистического Труда и стал кандидатом в члены ЦК. В 1984-м его от греха подальше перевели генеральным консулом в Констанцу (Румыния). Но в дипломатах он пробыл недолго;

– Мадьяр Худайбергенов, выпускник Ургенчского учительского института, работал в школе, заведовал районным отделом народного образования, потом на партийной работе – первый секретарь райкома. С 1965 года – председатель Хорезмского облисполкома, с 1968-го и до ареста – первый секретарь Хорезмского обкома;

– Акил Умурзакович Салимов, доктор технических наук, окончил аспирантуру автодорожного института в Москве и вернулся домой. Он преподавал в Ташкентском политехническом институте, стал деканом механического факультета. В 1965 году его перевели в аппарат ЦК партии. В 1970-м стал секретарем ЦК. В 1983 году после смерти Рашидова и кадровых перемен стал председателем Верховного Совета республики. Этот пост

открывал дорогу к вершине власти, но Салимов недолго наслаждался высокой должностью;

– Василий Павлович Есин учился в Ташкенте, возглавлял трест «Ферганводстрой». С этой должности его перевели в облисполком первым заместителем председателя, потом сделали вторым секретарем Ферганского обкома. В 1979 году утвердили заместителем председателя Совета министров республики, а через три года он стал первым секретарем Навоийского обкома;

– Нармумин Турапович Турапов, агроном по образованию, был директором совхоза, возглавлял машинно-тракторную станцию, потом стал секретарем райкома, председателем областного треста совхозов, председателем Сурхандарьинского облисполкома. В 1984 году его избрали первым секретарем Кашкадарьинского обкома;

– Хамдам Умаров начинал трудовой путь старшим дизелистом на нефтекомбинате, окончил московский нефтяной институт, был директором нефтеперерабатывающего завода, начальником Управления газовой и нефтяной промышленности Узбекского совнархоза. Из кресла управляющего делами правительства Узбекистана в 1978 году Умарова пересадили на должность первого секретаря Ферганского обкома;

– Мирзамахмуд Мирзарахманович Мусаханов, окончил московский текстильный институт, был министром легкой промышленности, председателем республиканского Госплана. В 1959 году его забрали в Москву и сделали секретарем ВЦСПС. Через два года вернули в Ташкент председателем республиканского комитета партийно-государственного контроля (то есть считался самым надежным человеком в республике), потом сделали первым заместителем главы правительства и, наконец, первым секретарем Ташкентского обкома. Мусаханов был членом ЦК КПСС и Героем Социалистического Труда…

На допросах они каялись во всех грехах и сознавались в любых преступлениях. Арестованные первые секретари обкомов рассказывали, как давали Рашидову миллионы рублей за должность, за депутатский значок, за золотую звезду Героя Социалистического Труда. Эти показания остались недоказанными, но представлялись очень достоверными.

Рано Абдуллаева, секретарь ЦК по идеологии, рассказывала на допросе, что была любовницей Рашидова и передавала ему деньги от тех, кто просил о повышении. Сам Гдлян пишет, что следователи были удивлены такими показаниями, которые ничем не подтверждались. В республике все знали, что жена Рашидова Хурсанд Гафуровна держала мужа в ежовых рукавицах.

Тельман Хоренович Гдлян напрасно удивлялся тому, что кто-

то из арестованных наговаривает на себя. Такова, видимо, была атмосфера в следственной группе, что арестованные сами придумывали, в чем бы еще сознаться.

Следователи – народные герои

Следователи стали рассказывать журналистам о том, какую большую работу они проделали и как им теперь пытаются помешать кремлевские покровители узбекских преступников. Руководство Узбекистана действительно пыталось остановить процесс расследования, хотело реабилитации республики. В Москве были готовы скрыть масштабы коррупции, чтобы не ссориться с Узбекистаном. Однако следствие продолжалось, но теперь уже Гдляна и Иванова интересовали не узбекские политики, а московские.

Ручеек информации о «хлопковой мафии» в Узбекистане становился полноводнее по мере развития гласности в стране. Но ручеек никак не мог превратиться в реку; информации о ходе следствия, о картине преступных деяний не хватало. По естественным законам домысливали, дорисовывали картину, по одной найденной кости восстанавливали скелет чудовища.

Картина получалась пугающая. Мафия – это слово, удобное своей загадочной всеобщностью. Когда руководитель следственной группы Тельман Гдлян согласился беседовать с журналистами, а редакторы набрались смелости печатать интервью с ним, худшие опасения подтвердились. Страна узнала, с каким колоссальным трудом идет следствие, которому со всех сторон мешают: мафия не дает в обиду своих, а связи мафии огромны. И не было оснований сомневаться в словах Тельмана Гдляна. Разве у нас не было собственных наблюдений, свидетельствующих о коррумпированности системы снизу доверху?

Пресса сразу же взяла одический тон:

«По одной мишени бьют. Которую повесил себе на грудь руководитель особого подразделения Прокуратуры, старший следователь по особо важным делам Тельман Хоренович Гдлян. Все бойцы (а иначе не скажешь) возглавляемой им группы, с которыми я беседовал, единодушны не только в стремлении довести начатое разоблачение коррупции до логического конца, но и в том, что именно Гдлян цементирует усилия десятков таких разных людей. Своей несгибаемой волей, бескорыстной отрешенностью, пугающей дерзостью и убежденностью в том, что группа дойдет до финиша. Короче, Тельман Гдлян… мужик, юрист, коммунист. Я видел, как благодарили люди, простые люди, следователей, как целовали им руки, руки избавителей от ярма коррупции. Я слышал, как спрашивали: «Когда же к нам приедете?» (журнал «Смена»)

Страна с горечью убеждалась, что нельзя доверять не только милиции (Гдлян как раз вел дело против десятка руководителей из системы МВД), но и суду. Первый процесс, подготовленный им, закончился совсем не так, как обещал Гдлян. Верховный суд Узбекистана не прислушался к доводам следствия, а Гдлян и Иванов получили по выговору.

«Гдлян и Иванов посчитали своим долгом приготовить своих жен к худшему. Сказали без недомолвок: если нас вдруг посадят – не удивляйтесь. Они понимали, что столкнуться им пришлось не просто с начальниками милиции и секретарями райкомов, а со сплоченной, всесильной мафией.

Позже, когда Гдлян узнает, что на него готовилось покушение, когда при аресте генерала Норбутаева через взлетно-посадочную полосу будет натянут стальной трос, когда они будут чувствовать за собой слежку наемных филеров, а в следственную группу внедрятся чужие, позже они поймут это наверняка…» (журнал «Огонек»).

Летом 1988 года мы стали свидетелями одного из самых драматических эпизодов перестроечного времени. Накануне XIX партийной конференции Тельман Гдлян и Николай Иванов написали статью, в которой сообщили, что среди делегатов «оказались и скомпрометировавшие себя на ниве взяточничества лица». Молния сверкнула. И, ослепленные, мы не сразу обратили внимание на характерный стиль: «Многоголовая гидра коррупции, почувствовав смертельную опасность, предпринимает отчаянные порой способы компрометации следствия. На этом этапе произошла полная консолидация рядов взяткодателей и взяткополучателей, а также их покровителей…» (журнал «Огонек»),

Гром грянул, когда в первый день работы партийной конференции партийный секретарь с Алтая под аплодисменты потребовал объяснений: действительно ли среди делегатов есть взяточники? Все замерли, боясь, что будет нанесен удар не только по стремительно набиравшему популярность «Огоньку», но и по смелым следователям, а если говорить шире, то и по всей борьбе с организованной преступностью. Главный редактор «Огонька» Виталий Коротич на глазах у всей страны, приникшей к телеэкранам, передал в президиум партийной конференции папку с обличительными документами. Их проверяли Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и союзная прокуратура.

Через четыре месяца были арестованы два делегата партконференции: первые секретари Бухарского обкома – Исмаил Джаббаров и Самаркандского – Назир Раджабов.

Джаббаров был сравнительно молодым партработником,

окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта и Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В тридцать лет из локомотивного депо его перевели на партийную работу. Пять лет он работал в аппарате ЦК КПСС в Москве, в 1982 году вернулся вторым секретарем Навоийского обкома, после смерти Рашидова стал первым секретарем Бухарского обкома и депутатом Верховного Совета СССР.

Назир Раджабович Раджабов окончил Ташкентский политехнический институт, работал конструктором на заводе. Сравнительно молодым стал секретарем Бухарского обкома, заведовал отделом в ЦК Узбекистана, возглавил Министерство сельского строительства, потом Министерство строительства. После смерти Рашидова – первый секретарь Наманганского обкома. Пример Раджабова и Джаббарова показывал, что даже молодые люди быстро встраивались в коррумпированную систему.

Через несколько месяцев, 11 января 1989 года, по обвинению во взяточничестве арестовали еще одного делегата партийной конференции – отправленного к тому времени на пенсию Виктора Ильича Смирнова, прежде возглавлявшего среднеазиатский сектор отдела оргпарт-работы ЦК КПСС.

Смирнов был выходцем из комсомола – несколько лет возглавлял Калининский обком ВЛКСМ, потом его перевели на партийную работу. Восемь лет он был секретарем по идеологической работе Калининского обкома партии, после чего отправился учиться в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где защитил кандидатскую диссертацию на тему «Партийное руководство борьбой советского крестьянства с врагом на оккупированной территории (1941–1944)», работал над докторской диссертацией по философии – «Методологические основы наставничества». При Черненко Виктор Смирнов получил повышение – в августе 1984 года его отправили вторым секретарем ЦК компартии Молдавии, сделали депутатом Верховного Совета СССР и кандидатом в члены ЦК КПСС.

Теперь ему припомнили, что именно он девять лет руководил сектором в отделе оргпартработы, то есть ведал среднеазиатскими республиками. Иными словами, знал все, что там творится, а по мнению Гдляна и Иванова, покрывал местных преступников и коррупционеров. Справедливость торжествовала? Как все обстояло на самом деле, станет ясно позднее, а в тот момент подтверждалась правота следователей.

Процесс над Чурбановым

Канун так называемого «чурбановского процесса» был моментом высшего успеха и триумфа Гдляна и Иванова. Но, какн это случается со всеми покорителями вершин, пройдя пик, они начали движение вниз.

Перед началом процесса над Юрием Михайловичем Чурбановым и бывшими руководителями Министерства внутренних дел Узбекистана из официальных уст несколько раз прозвучало: это процесс не политический, а уголовный. Судят не эпоху Брежнева, а конкретных людей, которых считают виновными в серьезнейших преступлениях.

Предупреждение пропало втуне. На скамье подсудимых сидел зять Леонида Ильича Брежнева, бывший первый заместитель министра внутренних дел, бывший генерал-полковник, и общество явно жаждало расплаты – за беззастенчиво-роскошную жизнь прежней верхушки, омерзительную на фоне общей бедности. «Судили в Верховном суде страны не просто генералов, судили коррупцию. Брежневскую коррупцию. Для которой мягкотелость и снисходительность «вождя» обернулись надежной ширмой» (газета «Московская правда»).

О сладкой жизни подсудимых, о том, сколько они награбили добра, сколько жизней искалечили, нам уже до суда рассказали. И даже самые снисходительные и выдержанные не сомневались, что приговор будет наисуровейшим.

Полагали, впрочем, что приговор уже фактически вынесен и судебные заседания будут носить, в сущности, формальный характер. Потому многие даже и не огорчились, узнав, что из зала суда практически никакой информации поступать не будет. Секретным решением ЦК, которое подписал тогдашний секретарь ЦК Анатолий Иванович Лукьянов, газетам запрещено было печатать что-либо кроме заметок корреспондента ТАСС, который писал только то, что ему говорили. В результате приговор оказался полной неожиданностью для всей страны.

Больше всего общественное мнение было потрясено тем, что одного из подсудимых вообще оправдали, а другого освободили из-под стражи, отправив его дело на доследование. Ход суда над Чурбановым и его подельниками практически никому не был известен, отсутствие информации открыло оперативный простор для любых умозаключений. А те, кто был на процессе и знакомился с делом, были растеряны. Они не понимали, что происходит, почему общество поднимает на щит следователей, которые, по мнению специалистов, очень плохо справились со

своей задачей. Гдлян и Иванов не сумели подкрепить свои версии фактами и доказательствами.

На встрече в Центральном доме литераторов в Москве публика с гневом обрушилась на председательствовавшего на процессе генерала юстиции Михаила Алексеевича Марова и народных заседателей. Им не давали говорить. Экзальтированная дама-прокурор с хорошо поставленным командирским голосом обвиняла судей в том, что своим приговором они сорвали всю дальнейшую работу следственной группы.

– Увидев, что подсудимый Бегельман, который очень помог следствию, не получил обещанного снисхождения, наши подследственные отказываются от показаний, – жаловалась дама-прокурор.

– А у вас, кроме их показаний, больше нет никаких доказательств? – невинным голосом поинтересовался работник Верховного суда.

– Почему же нет? – обиженно взвилась дама-прокурор.

– Тогда что вам беспокоиться? Докажете их вину, и суд накажет преступников.

– Нет, но как же мы теперь будем работать? – продолжала возмущаться дама-прокурор.

Прокуратура продолжала считать, что признание обвиняемого – единственное доказательство, которое следствию следует добыть.

В журнале «Новое время», где я работал, мы опубликовали отчет о процессе:

«Сколько обвинительных эпизодов рухнуло. Сколько взяток не подтвердилось! По сути, это был первый большой процесс, который проходил в условиях перестройки, поставившей целью формирование правового государства. Материалы следствия не были приняты на веру, как это бывало; процесс проходил в острой состязательной борьбе обвинения и защиты. И если защита убедительно опровергала аргументы обвинения, обвинению приходилось отступать, отказываясь от удобной привычки считать лучшим доказательством признания обвиняемых».

Гдлян и Иванов, откликаясь на этот отчет, написали статью, которую мы тоже напечатали. Возмущенные следователи писали:

«Нам кажется, что процесс над Чурбановым и его соучастниками был использован для того, чтобы путем дискредитации следствия остановить его продвижение вперед, не допустить законного завершения дела путем привлечения к ответственности всех виновных лиц, особенно из центра… Но мы должны разочаровать коррупционеров и их покровителей. Следствие остановить не удалось и не удастся!»

Реакция общества была почти истерической. Люди говорили, что чурбановский процесс превратился в суд мафии над перестройкой, что всех обвиняемых надо было расстрелять, потому что они – истинные враги народа. Простых рабочих отправляют за решетку за украденный килограмм мяса или конфет, а тех, кто ворочает миллионами, оправдывают…

Симпатия и уважение к следователям в один день превратились в безграничное, почти истерическое восхищение. В день вынесения приговора по «чурбановскому делу» Гдлян и Иванов из следователей превратились в политиков. Они практически забросили следовательскую работу, но клялись, что будут вести борьбу до конца. Где бы они ни выступали, любая аудитория встречала их на ура.

Гдлян любил рассказывать о том, как на него готовились покушения. То протянули стальной трос, чтобы его самолет не взлетел. То ему в постель подкладывали кобру. Они с Ивановым оказались мастерами политического шоу, они замечательно использовали возможности средств массовой информации. Гдлян первым решился что-то рассказать стране и был вознагражден сторицей. Ибо состояние общества было таково, что одинокий обличитель всегда может рассчитывать на полную поддержку. Когда во взяточничестве обвиняется крупный государственный деятель, общество даже и не требует доказательств.

Все накопившееся в обществе раздражение- из-за пустых полок, очередей, тесноты, скудости, неоправдавшихся надежд, невыполненных обещаний – трансформировалось в кинетическую энергию поддержки Гдляна и Иванова. Они ясно указали причину общих бедствий, нехваток и недостатков – мафия, сплоченные, поддерживающие друг друга темные силы, обирающие страну.

Тельман Гдлян рисовал нам весьма впечатляющую картину:

– У нас есть совершенно секретная схема этих мерзавцев, где все они прошли по вертикали, по горизонтали. Одни давали, другие брали, третьи покрывали огромные суммы.

Гдлян и Иванов словно принимали на себя груз наших проблем, они обещали реальную справедливость, когда каждому воздастся по делам его. Как нам всего этого хотелось! Недаром мировой кинематограф так выделяет фигуру честного следователя, в одиночку ведущего борьбу с многочисленными неуязвимыми врагами. Магическая эта фигура завораживающе действовала на нас. Тельмана Гдляна охотно выдвинули в Москве кандидатом в депутаты. В предвыборной программе Гдлян обещал добиться, чтобы «неприкасаемые лица», независимо от их чинов, должностей и званий, ответили перед народом.

Власть перешла в контрнаступление. Из обвинителей Гдлян и

Иванов превратились в обвиняемых. Они больше не герои, не смелые следователи, а нарушители законности, карьеристы, болтуны и провокаторы. Комиссия Президиума Верховного Совета СССР пришла к выводу, что оба следователя насаждали порочную практику «огульных обвинений во взяточничестве, принуждения подозреваемых и свидетелей к даче так называемых «признательных» показаний путем необоснованных арестов, шантажа и запугивания… Гдлян, Иванов и приближенные к ним следователи нередко допускали оскорбления арестованных, унижение их человеческого достоинства и запугивание расстрелом».

Это произошло так стремительно, что люди не успели сообразить, с чего все началось. Наверное, с решения Верховного суда по делу Хинта, тоже весьма неожиданного. В начале восьмидесятых Тельман Гдлян вел дело подпольного бизнесмена Хинта, который был сурово наказан. А весной 1989 года пленум Верховного суда СССР полностью реабилитировал Хинта и его коллег. Хинт был не бизнесменом-махинатором, а честным человеком, изобретателем, опередившим свое время. Гдлян тут же заявил, что реабилитация Хинта – результат сговора эстонских националистов с московскими партийными взяточниками.

Пленум Верховного суда вынес частное определение в адрес следователя, который, выходит, засадил невиновного: «Факты нарушения социалистической законности… заслуживают… обсуждения вопроса о целесообразности дальнейшего использования Т.Х. Гдляна на таком важном участке следственной работы, как следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР».

Гдляном и Ивановым занялись комиссия во главе с председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Борисом Карловичем Пуго и отдельно комиссия Президиума Верховного Совета СССР. Теперь уже деятельность Гдляна и Иванова однозначно оценивали со знаком минус. Газеты снова соревновались во внимании к этим следователям, но на сей раз составляя реестр их прегрешений.

Общественное мнение реагирует на это очень быстро. 26 марта 1989 года Тельман Гдлян легко обошел шестерых соперников и стал народным депутатом СССР. Москвич Николай Иванов победил три десятка претендентов на выборах в Ленинграде.

Тем временем появилось сообщение о том, что бывший второй секретарь ЦК Компартии Молдавии Виктор Смирнов, арестованный на основании материалов Гдляна и Иванова, невиновен. 22 мая 1989 года союзная прокуратура прекратила

дело в отношении Смирнова «за отсутствием в его действиях состава преступления». Он был освобожден, и прокуратура извинилась перед ним «за серьезные нарушения законности». На съезде народных депутатов Генеральный прокурор СССР говорил об ошибке, допущенной по отношению к Смирнову…

А это как надо понимать? Значит, Гдлян и Иванов напрасно обвиняли делегатов партийной конференции во взяточничестве? Или же один Виктор Смирнов ни в чем ни виновен, а остальные все-таки виновны? Или невиновны все, кого обвиняли Гдлян и Иванов? И опять не было никакой информации. А хотелось знать, на каком основании был выдан ордер на арест Смирнова и нужно ли было вообще выбирать такую меру пресечения… Или, с другой стороны, на каком основании его признали невиновным.

Что же буквально за одну ночь превратило хороших Гдляна и Иванова в плохих? Не связано ли это с тем, что Иванов публично перечислил несколько высокопоставленных лиц, чьи имена мелькали в материалах следствия по «узбекскому делу»?

Выступая в мае 1989 года по ленинградскому телевидению, Николай Иванов заявил, что в уголовном деле «замелькали фигуры членов политбюро Соломенцева, Лигачева и бывшего председателя Верховного суда СССР Теребилова». С этой минуты критика в адрес следователей Гдляна и Иванова рассматривалась массовым сознанием как попытка вывести из игры бесстрашных борцов с мафией, свившей гнездо в Москве.

Прокуратура уверяла: не было покушения на Гдляна и Иванова. Не верили прокуратуре. Верховный суд пришел к выводу, что следователи нарушали закон. Не верили Верховному суду. Поскольку не были преданы гласности документы о расследовании дел «хлопковой мафии», протоколы «чурбановского процесса». Власти так и не сумели доказать, что Гдлян и Иванов – худшие следователи в стране.

Правоохранительные органы ставили Гдляну и Иванову в упрек и бесконечное необоснованное содержание под стражей, и выжимание показаний, и, по существу, шантаж подследственных. Но трудно предположить, что Гдлян и Иванов вдруг после многих лет беспорочной службы переродились и стали нарушать закон. Скорее, напрашивается другой вывод: они всегда пользовались одними и теми же следовательскими методами. И в своей епархии поднялись до самой вершины пирамиды.

Эта история показала, насколько общество легковерно, с какой легкостью оно спешит зачислить сегодняшнего кумира в герои и свергнуть с пьедестала кумира вчерашнего. Люди сразу соглашались, когда их убеждали во всемогуществе темных сил и мафии. Нам еще ничего не доказали, а мы уже поверили и

подхватили идею «наведения порядка». Пусть кто-нибудь за нас все сделает, освободит нас от необходимости думать и что-то предпринимать… В тогдашнем восхищении Гдляном и Ивановым ощутим был не только стихийный протест против власти, но и неосознанная тяга к «сильной руке».

На втором съезде народных депутатов СССР отчитывалась комиссия, изучавшая материалы, связанные с работой следовательской группы Гдляна-Иванова. Страна, полночи не сводившая глаз с телеэкрана – шла прямая трансляция заседания съезда, – хотела услышать одно: кто прав – следователи или их критики? Хорошие следователи Тельман Гдлян и Николай Иванов или плохие? Раньше определенно были хорошими: стали «особо важными» при Генеральном прокуроре, получили интереснейшее и перспективное дело, набрали себе группу помощников в две сотни человек.

А каковы критерии оценки работы следователей? Судя по тому, что им ставили в заслугу в «благополучные» годы следствия, – исключительно материальные, денежные. Следователи уподоблялись золотоискателям: чем больше золота, денег, драгоценностей сдал государству, тем выше ценят. Группа Гдляна-Иванова исправно выдавала на-гора конфискованное (или «добровольно» сданное) и была на хорошем счету.

С цифрами потом, правда, получилась некоторая путаница. В докладе съездовской комиссии говорилось о двух миллиардах, нажитых хлопковой мафией. Гдлян вроде утверждал, что вернул государству сто сорок миллионов. Председатель комиссии Вениамин Александрович Ярин называл иные цифры: пятнадцать миллионов найдены следователями КГБ, двадцать – группой Гдляна-Иванова. Это, конечно, не два миллиарда и не сто сорок миллионов, но тоже солидная сумма. И за нее нужно быть благодарным. Однако независимый прокурор Мартинсон сообщил, что в обвинительных заключениях фигурировала только четверть суммы. А что же остальные пятнадцать миллионов? Ничейные деньги? Или отобраны не у преступников, а у честных людей, которым нечего инкриминировать? Или следователи настолько беспомощны, что, даже имея столь веские улики, не в состоянии обличить взяточников?

И не смыкается ли этот непрофессионализм с постоянным нарушением процессуальных норм, выявленным комиссией? А это – выжимание показаний запрещенными законом методами. Аресты заведомо невиновных членов семей, в том числе женщин, у которых семь-восемь детей. Многолетнее – вместо установленных в ту пору законом девяти месяцев – содержание под стражей подозреваемых, которые либо не давали нужных

показаний, либо на свободе могли от них немедленно отказаться.

Наивно полагать, что такой стиль работы следственная группа освоила только в Узбекистане. Не являлись ли Гдлян и Иванов типичными следователями, которые стали плохими лишь потому, что взялись со своими методами за тех, кто принадлежит к правящей верхушке? Пока они «разбирались» с рядовыми дехканами или даже провинциальными секретарями райкомов и обкомов, ни генеральный прокурор, ни его заместители не видели в их действиях «нарушений социалистической законности». Как знать: не реши Гдлян и Иванов в один прекрасный день заняться политикой, набирая у будущих избирателей очки рискованной охотой на крупную дичь, они, быть может, и сейчас ходили бы в прокуратуре в передовиках…

В независимом Узбекистане ту кампанию по борьбе с коррупцией в республике вспоминают с возмущением, а Шарафа Рашидовича Рашидова считают «выдающимся сыном узбекского народа».

Его именем названы улицы, школы, колхозы. В сентябре 1992 года указом президента Узбекистана Ислама Каримова был образован Фонд Шарафа Рашидова. Учредители фонда – Академия наук Узбекистана, Министерство народного образования. В Ташкенте на проспекте Рашидова стоит памятник Шарафу Рашидовичу. Но когда разговор заходит об обстоятельствах его смерти, люди замолкают и многозначительно качают головой: темное это дело…

Глава 10
Щелоков. Мой друг генеральный секретарь

Бывший министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков застрелился 13 декабря 1984 года из охотничьего ружья. Это были еще доперестроечные времена, когда ни о чем толком не сообщалось. Обстоятельства его смерти станут известны позднее, а тогда общество питалось только слухами.

Щелоков жил в доме № 26 по Кутузовскому проспекту – в одном доме с председателем КГБ Юрием Владимировичем Андроповым, который, став генеральным секретарем, лишил его должности министра. Говорили, что жена Щелокова в отместку подстерегла соседа на лестнице и выстрелила в него. Выстрел повредил почку, но Андропов выжил. А сама Светлана Щелокова выбросилась из окна… Ходили слухи и о том, что Щелоков и его жена застрелились отнюдь не по собственной воле, что их заставили уйти из жизни. Объяснили: лучше бы не доводить дело до суда, а то вам же хуже будет…

В реальности в Андропова никто не стрелял. А Светлана Владимировна Щелокова покончила с собой за год до самоубийства мужа. 19 февраля 1983 года она выстрелила в себя из немецкого пистолета «Ортгис», подаренного Щелокову ветеранами, после прогулки с мужем на государственной даче в Серебряном Бору. Это произошло через два месяца после того, как Андропов снял ее мужа с должности.

Но самую фантастическую версию самоубийства Щелокова рассказал журналист Евгений Додолев. По его словам, утром 10 сентября 1982 года министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков получил от Брежнева карт-бланш на задержание председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова.

Через двадцать минут с подмосковной базы в столицу двинулись спецгруппы особого подразделения МВД СССР, созданного по приказу Щелокова накануне московской Олимпиады 1980 года якобы для борьбы с терроризмом. Но спецназ МВД был перехвачен сотрудниками КГБ на проспекте Мира. Только одна группа прорвалась к дому на Кутузовском проспекте, где жили и Брежнев, и Андропов, и Щелоков. Там возникла перестрелка. В госпиталь КГБ, по словам Додолева, привезли девять офицеров. Причем пятерых (щелоковских) – под

конвоем. Среди этой пятерки был и подполковник, который руководил операцией по захвату Андропова. И он погибнет под ножом хирурга…

Эта версия уж совсем далека от жизни. В сентябре 1982 года Юрий Владимирович Андропов уже не возглавлял КГБ, а был секретарем ЦК КПСС. Руководителем КГБ был Виталий Васильевич Федорчук, которого Брежнев перевел с Украины. Федорчук Андропову не подчинялся и даже ему не звонил.

Если бы Брежнев захотел избавиться от Юрия Владимировича, ему не надо было прибегать к помощи министра внутренних дел. В истории Советского Союза было несколько дворцовых переворотов, все они прошли абсолютно бескровно. Политические сражения выигрываются за письменным столом, а не в схватке спецназовцев. И всякий раз жертва покорно шла на заклание. Щелоков тоже взялся за оружие не для того, чтобы совладать с противником, а для того, чтобы спастись от позора…

Кузница кадров

Николай Анисимович Щелоков работал министром внутренних дел шестнадцать лет – это абсолютный рекорд для МВД. Он родился в 1910 году в поселке Алмазная Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (позднее – Луганская область). В 1926 году поступил в горнопромышленное училище, в 1928-м начал работать на шахте в городе Кадиевка (впоследствии город переименовали в Стаханов – в честь знаменитого шахтера). В 1929 году Щелоков поступил в Днепропетровский металлургический институт, настоящую кузницу кадров – при Брежневе выпускники этого института пойдут в гору.

В 1933 году Щелоков получил диплом, поступил на металлургический завод в родном поселке, но почти сразу его призвали на военную службу. Два года прослужил в Красной армии, вернулся в родные края и с 1935 года работал на заводе металлургического оборудования в Днепропетровске – сменным мастером, потом заместителем начальника доменного цеха.

Деятельный и общительный инженер не мог не обратить на себя внимание начальства. Тем более что это были времена, когда в результате сталинских репрессий вакансии образовывались каждый день. В декабре 1938 года Николая Щелокова избрали первым секретарем Красногвардейского райкома партии в городе Днепропетровске, а через год- председателем Днепропетровского горисполкома. А будущий генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев был тогда секретарем Днепропетровского обкома.

В июле 1941 года Щелоков ушел в армию. Военная карьера складывалась удачно: уполномоченный военного совета Южного фронта по Сталинградской и Ростовской областям, с 1942 года – заместитель начальника тыла Северной группы войск Закавказского фронта, с 1943 года – начальник политотдела 218-й стрелковой дивизии, начальник политотдела 28-го стрелкового корпуса. После окончания войны еще послужил ответственным секретарем партийной комиссии Прикарпатского военного округа, ведал приемом в партию и персональными делами. Начальником политуправления округа был генерал-майор Брежнев.

Демобилизовался Брежнев, и вслед за ним снял военную форму Щелоков. В августе 1946 года Николай Анисимович получил должность заместителя министра местной промышленности Украины. Это был тяжелейший год для Украины – из-за небывалой засухи собрали втрое меньший

урожай, чем надеялись. Республика бедствовала. Киев еще не был восстановлен. Первомайская демонстрация шла по Крещатику, но самого Крещатика не было – дома стояли в развалинах.

В марте 1947 года Сталин отправил в Киев первым секретарем Лазаря Моисеевича Кагановича, а с ним еще группу партийных работников. Каганович с его бешеным темпераментом постоянно тасовал номенклатурную колоду, снимал тех, кто ему не нравился, и продвигал новых людей. Щелоков быстро пошел вверх. Его назначили заместителем секретаря ЦК Компартии Украины (был тогда и такой пост) и одновременно заведующим промышленным отделом республиканского ЦК.

В 1951 году его перебросили в соседнюю Молдавию. Там было хуже, чем на Украине. Республика после войны буквально голодала. Пришлось организовать пятьсот бесплатных пунктов питания для тех, кто уже был на грани истощения. В Молдавии Щелоков получил повышение. Его назначили первым заместителем председателя Совета министров республики. Дело в том, что в Кишиневе Николай Анисимович вновь трудился под руководством Леонида Ильича Брежнева, который был первым секретарем республиканского ЦК в 1950–1952 годах.

Щелоков нравился Брежневу. Впрочем, злые языки утверждали, что еще больше Леониду Ильичу понравилась жена Щелокова. Разговоры о любвеобильности Брежнева ходили всегда. Бывший председатель КГБ Владимир Семичастный вспоминал в газетном интервью:

– Он не пропускал ни одной юбки! Мне рассказывал начальник Девятого управления Володя Чекалов, как к Брежневу привели двух закройщиц из спецателье снять мерку для костюма. Не успел Володя оглянуться, как Брежнев этих девочек уже общупал. К женскому полу он был неравнодушен. Это, кстати, был еще один фактор, влиявший на подбор кадров. Например, с чьей-то супругой он был в близких отношениях или она ему нравилась – он начинал двигать этого человека…

Среди его пассий фигурировала и жена Семена Цвигуна, тогда высокопоставленного сотрудника Министерства госбезопасности Молдавии, и Ивана Бодюла, который со временем станет первым секретарем ЦК Компартии Молдавии. У них были очень красивые жены, это обстоятельство тоже будто бы сыграло свою роль в их возвышении…

Брежнев в Кишиневе не задержался. Сталин перевел его в Москву. А Николай Анисимович остался в Молдавии и на той же должности. Когда Хрущев в 1957 году затеял децентрализацию системы управления экономикой и разгонял отраслевые министерства, то Щелоков получил пост председателя

Молдавского совнархоза. А с 1962 года руководил республиканским Советом народного хозяйства.

Когда страну возглавил Брежнев и хрущевские нововведения упразднили, Николай Анисимович вернулся на прежний пост первого заместителя председателя Совета министров Молдавии. Казалось, он так и останется на хозяйственной работе. Как депутат Верховного Совета СССР он состоял в комиссии по торговле и бытовому обслуживанию. Но о старом знакомом вспомнил Леонид Ильич. В марте 1966 года Щелоков получил первое за пятнадцать лет и принципиально важное повышение – перешел с хозяйственной на партийную работу: его избрали вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии. Но он пробыл на этой должности всего несколько месяцев. Брежнев забрал его в Москву, решив назначить союзным министром охраны общественного порядка.

Леонид Ильич окружал себя командой проверенных и преданных ему лично людей. Но вначале все это было не так просто. Брежнев еще не стал единоличным хозяином в стране. В политбюро были люди, которые придерживались иных точек зрения и возражали Брежневу. Они тоже пытались продвигать своих людей. Так что за Щелокова он вел настоящую битву. Николай Анисимович знал это и помнил, что он всем обязан Леониду Ильичу.

Схватка с Шелепиным

Решения в политбюро по традиции принимались только единогласно. А против назначения Щелокова министром решительно возражал Александр Николаевич Шелепин, член политбюро, секретарь ЦК, которого считали соперником Брежнева.

Друг и соратник Шелепина председатель КГБ Семичастный в политбюро не входил, но влияние имел большое. Он специально ходил к Брежневу, отговаривал назначать Щелокова министром. За Шелепиным и Семичастным стояла целая когорта достаточно молодых высокопоставленных чиновников. Семичастный говорил потом, что они с Шелепиным предупреждали Брежнева: Щелоков – человек недостойный, коррумпированный. Хотя едва ли в 1966 году было известно что-то порочащее Николая Анисимовича.

В газетном интервью Семичастный рассказывал:

– Щелокова я знал еще по Украине. Когда я был секретарем ЦК комсомола Украины, он был завотделом легкой и местной промышленности ЦК партии… Потом я узнал, каким дельцом он был: еще во время войны он подвизался в интендантах, занимался тылом. Потом он оставил семью, связался с медсестрой, его освободили от должности, но тут же его подобрал Брежнев и взял к себе в ЦК Компартии Молдавии…

В реальности Шелепин и Семичастный хотели сохранить на посту министра своего человека – Вадима Степановича Тикунова. Семичастный мне рассказывал, как он убеждал Брежнева:

– Тикунов – готовый министр, подходит по всем статьям, зачем вам другой человек?

Видя сопротивление Шелепина и Семичастного, Брежнев даже отозвал проект решения политбюро о назначении Щелокова. Он не отказался от этой кандидатуры, а стал готовить почву для назначения Николая Анисимовича. Брежнев подолгу беседовал с членами политбюро, убеждая их в своей правоте. Это была проба сил. Брежнев выиграл сражение, а на следующий год избавился от шелепинской группы…

13 января 1960 года указом Президиума Верховного Совета Хрущев упразднил союзное Министерство внутренних дел, решив, что вполне достаточно иметь республиканские министерства. А в 1962 году республиканские МВД были переименованы в министерства охраны общественного порядка. Для Хрущева аббревиатура МВД ассоциировалась с Берией, и он хотел перевернуть эту страницу истории.

С 1961 года российским министром охраны общественного

порядка был Вадим Тикунов, генерал внутренней службы второго ранга. Он окончил Алма-Атинский юридический институт – первый юрист среди всех министров внутренних дел после 1917 года. Тикунов работал в комсомоле, в административном отделе ЦК КПСС, который курировал все силовые ведомства. Когда Александр Шелепин в 1959 году стал председателем КГБ, он взял Тикунова замом, а уходя из комитета в 1961-м, добился назначения Вадима Степановича министром внутренних дел России.

Тикунов по-дружески жаловался начальнику Седьмого управления КГБ Алидину:

– Очень не хочется идти на работу в систему МВД, но Шелепин настаивает, говорит, что эту должность может занять Серов. А он нам совсем не подходит.

Генерал армии Иван Александрович Серов был человеком Хрущева. В тот момент он возглавлял военную разведку, но Шелепин, видно, опасался, что Хрущев сделает его министром.

Вадим Тикунов оставил о себе приличную память среди профессионалов. Он добился у правительства разрешения работникам милиции бесплатно пользоваться городским и пригородным транспортом. По его предложению каждый год 10 ноября стали отмечать День милиции. На первый праздник пришел Никита Сергеевич Хрущев и выступил. На XXIII съезде Тикунова сделали кандидатом в члены ЦК, избрали депутатом Верховного Совета СССР, наградили орденом Ленина. Все это сулило продолжение удачной карьеры.

В июле 1966 года был решен вопрос о воссоздании союзного Министерства охраны общественного порядка. Предполагалось, что министром останется Тикунов, он уже принимал поздравления. Но решения политбюро все не было.

В сентябре Тикунова вызвал в ЦК Брежнев. Генерального секретаря интересовали два вопроса. Не способна ли милиция вмешаться в политическую жизнь? И насколько милиция взаимодействует с КГБ (госбезопасностью еще руководил Семичастный)? Борьба Брежнева с Шелепиным была в самом разгаре, и Леонид Ильич, видимо, побаивался, что решительный Семичастный способен сместить его с должности, как это двумя годами ранее произошло с Хрущевым.

Тикунов твердо ответил, что милиция не способна на авантюризм. Даже если бы нашлись отдельные личности, милиция бы на это не пошла. А с КГБ министерство взаимодействует не так уж часто – во время массовых мероприятий и в борьбе с валютчиками.

Брежнев сказал, что есть мнение назначить министром

свежего человека, и назвал имя – Николай Анисимович Щелоков, второй секретарь ЦК Компартии Молдавии. Брежнев высоко отозвался о Щелокове, а Тикунову предложил остаться в союзном МВД первым замом. Тикунов согласился. Но Брежнев вовсе не хотел оставлять шелепинского человека на второй по значению должности в МВД.

Шли месяцы, а Тикунов не получал назначения. Он сидел без дела в министерстве, звонил в отдел административных органов: что происходит? Ему отвечали: не торопись, подожди, все решится. Потом ему неожиданно предложили место заместителя председателя Комитета народного контроля. Это было второразрядное ведомство, и Тикунов отказался. Он стал добиваться приема у генерального секретаря.

Брежнев принял его, сказал, что в МВД ему нет смысла возвращаться, и предложил работу в комиссии ЦК КПСС по выездам за границу (отдел заграничных кадров). Через два года Тикунова отправили советником-посланни-ком в Румынию. Должность была маленькая, но его снова принял Брежнев – оказал внимание. Леонид Ильич всегда действовал по принципу: ни с кем без нужды не ссориться.

Тикунов прекрасно понимал, что сломало ему карьеру, и пытался объясниться, говорил генеральному секретарю, что его отношения с Шелепиным и этой группой не носят политического характера. Они просто друзья, не может же он с ними вдруг порвать отношения. Брежнев ни на чем не настаивал.

После Румынии Тикунова сделали послом – в Верхней Вольте, через четыре года перевели в Камерун. Эти небольшие африканские государства практически не интересовали советскую внешнюю политику, и работа была просто ссылкой. К тому же это страны с тяжким климатом. Умер Вадим Степанович Тикунов в пятьдесят девять лет…

Академик Александр Яковлев так отозвался о Леониде Ильиче:

– Малообразован. Злопамятен. Лишен каких-либо талантов, кроме одного – обладал почти безошибочным чутьем на личных сторонников и противников.

За что его любили в милиции?

В сентябре 1966 года Николай Щелоков был назначен министром охраны общественного порядка СССР. Он получил погоны генерал-лейтенанта. После переименования министерства, 25 января 1968 года стал министром внутренних дел.

МВД – это настоящая империя. В нее входили четыре с половиной тысячи городских и районных отделов внутренних дел. В аппарате самого министерства тридцать с лишним управлений. Не так-то просто руководить такой махиной, заставить ее слушаться. Щелокову это удалось. Более того, в министерстве Щелокова даже любили, а ветераны и по сей день говорят, что он был лучшим министром за всю историю ведомства.

Почему? МВД при нем не трогали. Николай Анисимович никого не прижимал, давал людям волю. Зарплату увеличил и добился, чтобы за звание офицерам милиции платили столько же, сколько и офицерам Вооруженных сил.

«То, что не могли сделать его предшественники, сделал он, – вспоминал бывший начальник уголовного розыска страны профессор Игорь Иванович Карпец. – Могут сказать: что ж тут особенного, он же «выходил прямо на Брежнева». На это можно ответить: «выходили» на Брежнева многие, однако преимущественно для себя, Щелоков же, не забывая себя, много сделал для министерства».

Николай Анисимович был человеком доступным и открытым, поддерживал и продвигал профессионалов, тех, кто способен был предложить новые и неожиданные идеи. Щелоков был снисходителен к своим подчиненным. Среди его заместителей был очень толковый человек, но злоупотреблявший алкоголем. Если во время заседания коллегии он сидел мрачнее тучи и вдруг просил у министра разрешения выйти, то все понимали, что заместителю министра необходимо выпить. Генерал заходил в свой кабинет, доставал из сейфа бутылку коньяка, выпивал стакан и возвращался в зал коллегии в отличном настроении.

Деятельность Щелокова в МВД складывается из двух этапов. На первом Николай Анисимович очень серьезно отнесся к новому делу. Он пытался устроить работу правоохранительных органов на современный лад и не отвергал с порога иностранный опыт, понимая, что у западных стран есть чему поучиться. На втором этапе он только наслаждался высокой должностью и занимался устройством своего быта, в чем весьма преуспел.

Щелоков пытался модернизировать доставшееся ему ведомство. Он создал Штаб МВД, который потом сгоряча ликвидировал сменивший его на посту министра Виталий Федорчук. В штабе появился организационно-аналитический отдел, который анализировал ситуацию с преступностью в стране. В те времена о каждом умышленном убийстве в стране докладывалось лично министру.

В научно-исследовательском институте МВД Николай Анисимович приказал выписывать все полицейские журналы, которые выходят в мире, покупать иностранные книги и изучать работу полиции за рубежом, особенно оперативно-разыскную деятельность. Щелокову переводили книги о полиции в разных странах, и он их читал.

Щелоков был сторонником профилактики преступлений и смягчения наказаний, объяснял партийным руководителям (хотя и безуспешно), что нельзя сурово наказывать за незначительные проступки – избыточная жестокость только плодит новых преступников. Он пытался уговорить политбюро разрешить ему вступить в Интерпол,

но не уговорил. Интерпол считался идеологически чуждой организацией.

Один из бывших подчиненных описал его в газетном интервью вполне сочувственно:

– Небольшого роста, приятной наружности, мягкий, спокойный, грамотный человек. Мне показалось, что он добрый… Может слушать людей, воспринимает чужое мнение… Николай Анисимович специалистов ценил и к юристам прислушивался.

Впрочем, как аппаратчик с большим стажем, Щелоков предпочитал держать аппарат министерства в напряжении, приговаривая: бей своих, чтобы чужие боялись. Но был отходчив и даже признавал свои ошибки.

«Одно его качество оставалось неизменным, – вспоминал профессор Карпец. – Как бы ни портились его отношения с тем или иным человеком, он не позволял себе расправиться с ним, всегда находил какую-то возможность, грубо говоря, не добивать человека до конца, прощая подчас немалые прегрешения. Чем это объяснить? Может быть, тем, что он сам был небезгрешен? Может быть. Но, вероятно, и тем, что он в общем-то был по характеру незлобный человек».

Щелоков несколько поднял престиж милицейской службы, которая была совсем неуважаемой. После его назначения Дни советской милиции стали пышно отмечаться в Кремлевском дворце съездов, где устраивался лучший в году концерт. Он заботился о развитии системы высших школ милиции, куда

переманивали хороших преподавателей. Он хотел, чтобы в криминалистике учитывались последние достижения науки. При нем появились «чемоданчики следователя», которые позволяли квалифицированно проводить осмотр места преступления.

Щелоков подписал приказ «О культурном и вежливом обращении с гражданами». О полной его реализации мечтать не приходилось, но важно, что министр считал нужным напомнить своим подчиненным, как они должны разговаривать с людьми. Министр дружил с интеллигенцией, особенно с теми, кто писал книги и снимал фильмы о милиции, поддерживал их, награждал грамотами, охотничьими ружьями, спецталонами, которые избавляли владельцев машин от общения с сотрудниками ГАИ. Художники наперебой просили его позировать.

Юрий Чурбанов, зять Брежнева, который стал у Щелокова первым замом, писал о министре:

«Щелоков- человек самостоятельного мышления, очень энергичный, с хорошей политической смекалкой… Он колоссально много работал, особенно в первые годы, когда он действительно глубоко изучал корни преступности…

По его настоянию увеличили денежные выплаты сотрудникам МВД, он заботился о своих людях на местах. Начальники управлений внутренних дел знали, что министр защитит от мелких неприятностей.

Щелоков предлагал весь следственный аппарат из прокуратуры передать в МВД. Хотел иметь свое следствие, а обосновывал тем, что прокуратура не может одновременно и вести следствие, и надзирать за ним.

Он завел академию, расширял сеть учебных заведений».

Состояние преступности в стране было тайной за семью печатями. Преступность росла на семь процентов в год. В 1956 году было совершено примерно 714 тысяч преступлений, в 1985-м – 2085 тысяч, то есть преступность выросла почти в три раза. Но эти цифры скрывались; их назвал только Вадим Викторович Бакатин, когда в перестроечные времена возглавил МВД.

При Щелокове, как и до него, министерство должно было докладывать о неуклонном снижении преступности и увеличении раскрываемости. Это заставляло милицию скрывать преступления, считать некоторые категории преступлений «малозначительными», то есть недостойными регистрации. Но это исправление статистики осуществлялось на союзном уровне, организованно, под руководством самого министра. Самодеятельность считалась недопустимой. Если в Москве снижали цифры, характеризующие уровень преступности, чтобы не позорить столицу – «образцовый коммунистический город», то

Щелоков возмущался и устраивал городским начальникам разнос.

Партийный работник, назначенный министром внутренних дел одной из балтийских республик, возмутился необходимостью манипулировать статистикой. Он позвонил Щелокову и сказал, что нельзя заранее определять процент раскрытия преступлений и, напротив, надо регистрировать все преступления. Щелоков с ним согласился: работать надо честно и отражать в докладах истинное положение дел.

Республиканский министр, как подчиненные его ни отговаривали, потребовал от них показывать реальную ситуацию. В результате статистика показала: в республике резко подскочил уровень преступности и упал уровень раскрываемости. Щелоков позвонил в республиканский ЦК и поинтересовался: что происходит в республике? ЦК отреагировал: министра-идеалиста сняли.

Наученный своими помощниками, Щелоков говорил, что преступность – явление социальное, зависящее от ситуации в обществе, и милиция способна раскрывать преступления, но не в состоянии снизить уровень преступности.

Обед с Леонидом Ильичом

В августе 1978 года Яков Петрович Рябов, новый секретарь ЦК КПСС, курировавший отдел административных органов, пригласил к себе Щелокова и провел с ним трехчасовой разговор о ситуации с преступностью в стране.

К удивлению Рябова, Щелоков не возражал против критических замечаний и обещал исправить положение. Прощаясь, благодарил Якова Петровича за принципиальный разговор и ценные замечания:

– Двенадцать лет работаю министром, и вот в первый раз меня заслушали у секретаря ЦК.

Рябов был доволен. Но заведующий отделом административных органов Николай Савинкин рассказал потом Рябову, что Щелоков прямо от Рябова поднялся на пятый этаж и получил аудиенцию у Леонида Ильича. Министр был вне себя и жаловался:

– Что это такое, Леонид Ильич? Почему меня вызывает Рябов, воспитывает рассказывает, как мне надо работать?

Яков Рябов недолго проработал секретарем ЦК.

Личные отношения с генеральным создавали Николаю Анисимовичу особое положение в стране. Щелоков любил в нужный момент сослаться на Брежнева: вот я был у Леонида Ильича, мы этот вопрос уже обсудили… Впрочем, так поступал не он один. Тогдашний председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин тоже не упускал случая заметить: я тут обедал с Леонидом Ильичом… В такой ситуации спорить с ним решался только тот, кто успел позавтракать с Брежневым.

Впрочем, Юрий Чурбанов пишет, что на его памяти Щелоков только пару раз был на даче у генерального секретаря. Щелоков и не принадлежал к числу личных друзей Брежнева (таких как, скажем, первый заместитель председателя КГБ Георгий Цинев), которых принимали дома или на даче. Но Щелоков был преданным соратником, которого Брежнев ценил.

На XXIII съезде партии – первом в брежневскую эпоху – Щелоков, второй секретарь молдавского ЦК, стал кандидатом в члены ЦК КПСС, в 1968 году на пленуме его – уже как союзного министра – ввели в состав ЦК. В 1976 году

Щелоков стал генералом армии (Юрий Чурбанов уверяет, что министр не постеснялся сам попросить об этом Брежнева, потому что в том же году погоны генерала армии получил председатель КГБ Андропов), в 1980 году – Героем Социалистического Труда. У него были четыре ордена Ленина, орден Октябрьской Революции,

орден Богдана Хмельницкого 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени. При этом он позаботился о том, чтобы его наградили и медалью «За отвагу на пожаре».

Щелоков был очень тщеславным человеком. В 1978 году он защитил диссертацию и получил ученую степень доктора экономических наук. Наступил момент, когда вся советская элита практически перестала работать и занялась устройством своей жизни.

– За что все начальники любили Брежнева? – рассказывал мне один из высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК. – При нем можно было наслаждаться жизнью и не работать. Неохота на работу ехать, позвонишь руководителю секретариата: меня сегодня не будет – и отдыхай. Брежнев никогда за это не наказывал.

Высокопоставленные чиновники стали ездить за границу, посылали туда своих детей работать, с видимым удовольствием приобщались к материальным достижениям современной цивилизации, старались обзавестись ее благами. В Подмосковье строились роскошные по тем временам дачи, на улицах Москвы появились новенькие иномарки. Чиновная знать охотилась за модной живописью и антиквариатом.

Тогдашний заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Карен Брутенц описывает любопытный эпизод. Когда он на даче в Ново-Огареве работал над подготовкой документов к очередному съезду партии, ему понадобилось поехать в Москву. Он вызвал служебный автомобиль из гаража Управления делами ЦК КПСС. На

Рублевском шоссе появившаяся сзади иностранная машина серебристого цвета потребовала уступить дорогу. Цековский шофер отнесся к иномарке пренебрежительно. Но серебристое авто все-таки обогнало цековскую «Волгу». За рулем сидела, как вспоминает Брутенц, обильно накрашенная дама. Она погрозила им кулаком и умчалась вперед.

У поворота на Архангельское она остановилась у поста ГАИ и что-то сказала милицейским офицерам. Они тут же тормознули машину ответственного работника аппарата ЦК, что само по себе было делом небывалым. Капитан милиции подозвал к себе водителя, записал его фамилию, стал выговаривать. Заместитель заведующего отделом ЦК КПСС не выдержал и заступился за своего водителя. Капитан признался, что не может не дать ход жалобе, потому что она исходит от жены министра внутренних дел СССР.

Вернувшись в Ново-Огарево, Брутенц пересказал коллегам

поразившую его историю. Помощник Брежнева по международным делам Андрей Михайлович Александров-Агентов, живой и импульсивный, мгновенно вскипел:

– Это супруга Щелокова. Безобразие, она всеми способами компрометирует Николая Анисимовича!

А вот сидевший рядом секретарь ЦК Михаил Васильевич Зимянин благоразумно промолчал. Высказываться на сей счет считалось неразумным. Брежнев сам наслаждался жизнью и не возражал, чтобы другие следовали его примеру.

Брутенц вспоминает: «Уже стали весьма заметными зацикленность Брежнева на здоровье и явное нежелание заниматься делами, отталкивание от профессиональных обязанностей. Часто по утрам, за завтраком, Брежнев со вкусом рассказывал, как поплавал, каким было кровяное давление до и после этой процедуры, и с недовольством, а иногда и с гневом реагировал на попытки своих помощников – у которых, как я понял, других возможностей повидать босса было немного – поговорить о делах…»

Помощник генерального секретаря Александров-Агентов с грустью говорил:

– С Леонидом Ильичом стало трудно. Он всю жизнь был удачлив, ему неизменно везло, и это наложило свой отпечаток. Всегда был бонвиваном, а сейчас положение, возраст, болезни, склероз… Стал очень капризен и часто ведет себя, как барин, к работе относится с неприязнью, всячески отлынивает…

Профессор Карпец вспоминал, как Щелоков привел на прием к Брежневу коллегию МВД. Хозяйственное управление министерства приобрело охотничье ружье с инкрустациями – подарок генеральному. Брежнев с трудом вышел из-за стола, протянул руку Щелокову, расцеловался с Чурбановым, спросил:

– Ну, как дела? С чем пришли? Рассказывайте.

Щелоков доложил:

– Леонид Ильич, мы хотели бы вам доложить, как у нас организована работа, как обстоит дело с преступностью и как мы вам благодарны за ваше внимание, за то, что вы нашли время принять нас! Но сначала мы хотели бы преподнести вам сувенир.

Щелоков положил на стол деревянный чехол, в котором на бархатной подкладке лежало ружье. У Брежнева, по словам Карпеца, заблестели глаза. Он сказал:

– Давай!

Все остальное время он рассматривал ружье. Щелоков заговорил было о работе министерства, но генеральный секретарь уже устал. Самое интересное для него уже было позади. Слушал он невнимательно и ни о чем не спросил.

Брежнев смертельно не любил скандалов и снисходительно относился к мелким грешкам своих подчиненных. Тогдашний начальник московского управления КГБ Виктор Алидин рассказал, как по одному из крупных дел о коррупции проходил министр рыбного хозяйства Александр Акимович Ишков, кандидат в члены ЦК, депутат Верховного Совета СССР.

Алидин доложил Андропову- по материалам следствия выходит, что рыбный министр набрал взяток на двадцать три тысячи рублей. Андропов, подумав, сказал:

– Хорошо, я доложу Леониду Ильичу, но знаю, что для него это будет тяжелым известием.

Через некоторое время Андропов позвонил Алидину и сказал, что материалы на Ишкова доложил генеральному секретарю:

– Но Брежнев считает, что, поскольку министр – кандидат в члены ЦК, то до съезда вопрос о нем решаться не будет. Неудобно получится. Словом, Леонид Ильич посоветовал мне его вызвать и поговорить.

Вскоре Андропов вновь соединился с Алидиным. Ишков признал, что действительно брал деньги, но считал их подарками. Александр Акимович просил считать его действия ошибкой и заявил о готовности всю сумму внести в доход государства, что и сделал.

– Мало он внес, Юрий Владимирович, – сказал Алидин. – Следствием установлено, что за ним еще взяток на сумму в двадцать девять тысяч рублей.

Ишкова вновь вызвали в КГБ. Не возражая, он внес и эту сумму.

Александр Акимович Ишков после недолгой комсомольской работы в Ставрополе в двадцатых годах всю жизнь занимался рыбной промышленностью. Наркомом его сделал Сталин еще в 1940 году. Название должностей менялось, потому что бесконечно менялась структура промышленности, но сфера его деятельности оставалась неизменной.

Брежнев в 1965 году создал для Ишкова Министерство рыбного хозяйства, и он проработал на этой должности четырнадцать лет. В феврале 1979 года его отправили на пенсию. Он оставался кандидатом в члены ЦК и депутатом и был с почетом похоронен на Новодевичьем кладбище…

Любовь к антиквариату

Развращающая атмосфера брежневского двора быстро распространялась в обществе. Щелоков охотно играл по этим правилам. Он помог Юрию Чурбанову, брежневскому зятю, сделать карьеру и рассчитывал на ответное благоприятствование со стороны Леонида Ильича. Так же поступил министр внешней торговли Николай Семенович Патоличев, который сделал Юрия Леонидовича Брежнева своим первым замом и получил две Звезды Героя Социалистического Труда.

Щелоков жил на двухэтажной госдаче в Серебряном Бору с автономной котельной и сауной. Но ходили слухи, что он возводит себе какой-то дворец, причем с помощью бесплатной рабочей силы – солдат внутренних войск.

В семидесятые годы будущий министр внутренних дел Виктор Павлович Баранников (ему суждено будет стать последним хозяином союзного МВД) возглавлял горотдел в подмосковном городе Калининграде (теперь Королев). Отсюда его забрали в центральный аппарат МВД. Злые языки говорили, что это было вознаграждением за личную помощь Щелокову: его дача находилась в Калининградском районе, и Баранников заботился о безопасном и комфортном отдыхе министра…

На процессе Чурбанова бывший министр внутренних дел Узбекистана Хайдар Яхъяев рассказывал, как Щелоков попросил посылать ему в Москву посылки с фруктами и овощами. Пожелание министра исправно выполнялось. Дары узбекской природы (а также некоторое количество спиртного в подарочном исполнении) доставлялись в аэропорт начальнику милиции. Тот все это отправлял в Москву и звонил в приемную министра. Дежурный посылал в аэропорт машину за посылками, которые везли домой к Щелокову. В зале суда Яхъяев от своих показаний против Щелокова отказался…

Вполне вероятно, часть материалов в деле Щелокова должна восприниматься с сомнением: было приказано утопить бывшего министра, и следователи рьяно исполняли задачу. Тем не менее…

Хозяйственное управление МВД по приказу министра принимало различные материальные ценности, «находившиеся в личной собственности с оплатой их владельцам стоимости этих вещей». Таким образом семья Щелокова отдавала старые и ненужные вещи, а получала за них звонкой монетой. Это зафиксировано в материалах дела: «Вещи, сдаваемые родственниками Щелокова, находились длительное время в использовании и утратили первоначальную стоимость».

Называют такую цифру- шестьдесят тысяч рублей было израсходовано из бюджета МВД на ремонт и содержание девяти квартир, в которых обитали родственники Щелокова. Пятьдесят тысяч министерство заплатило за двухсерийный фильм о министре. Ему привозили цветы в больших количествах, а расходы списывались на возложение цветов к мавзолею Ленина и Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены. В первый раз это сделали, когда хоронили тестя Щелокова и нужно было купить ему венок. Начальник ХОЗУ МВД генерал Калинин, как говорится в материалах уголовного дела, «из побуждений угодничества перед Щелоковым, злоупотребляя служебным положением, совершил хищение из кассы 965 рублей».

Николай Анисимович заботился о родственниках.

Накануне московской Олимпиады немецкая компания «Мерседес-Бенц» презентовала МВД три новеньких «мерседеса» – «для обеспечения безопасности движения в связи с проведением Олимпийских игр 1980 года». Немцы надеялись, что, убедившись в высоком качестве их продукции, министр Щелоков сделает им большой заказ и оснастит «мерседесами» всю советскую милицию.

Щелоков поступил иначе. Он получил разрешение в правительстве и один «мерседес» оформил на себя, второй – на дочь. Третья машина досталась его сыну Игорю, который возглавлял международный отдел ЦК ВЛКСМ. Жене Щелоков подарил «БМВ», который тоже достался ему бесплатно.

Щелоков позаботился и о своем тесте. Владимир Матвеевич Попов жил в станице Марьянской, занимался пчеловодством. Став министром, писала газета «Труд», Щелоков приказал начальнику УВД Краснодарского крайисполкома подыскать Попову жилье и работу. Попов продал дом и пасеку в родной станице за сорок тысяч рублей и переехал в Краснодар. В 1967 году Попов, которому было за шестьдесят (в этом возрасте в органах внутренних дел уже отправляют на пенсию), был принят на службу в краевое УВД, получил звание майора и должность начальника хозяйственного отдела.

Помимо этого Попов занимался у себя дома подсобным промыслом – покрывал хромом металлические кровати. После его смерти жена Щелокова Светлана Владимировна велела местным сыщикам обшарить отцово жилье – у него должны были храниться большие деньги или ювелирные изделия. Сотрудники милиции искали три дня, пока не обнаружили сотенные ассигнации в трубках раскладушки…

Следователи, которые занимались Щелоковым, писали:

«Щелокову переданы антикварные ценности на сумму 248,8

тысячи рублей, являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу валютчика Акопяна М.С.

Первоначально уникальные шкафчики из наборного дерева, картины, кресла, большая часть изделий из фарфора и серебра были поставлены на госдачу № 8 в Серебряном Бору.

Некоторые антикварные ценности: скульптурная фигура «Бегемот» из нефрита с золотыми стопами (ориентировочная стоимость 15 тысяч рублей), стакан из камня – нефрит, печатка в виде пасхального яйца, фарфоровая группа «Бегство Наполеона из России» и девять различных предметов из серебра – на общую сумму 42 тысячи рублей – были переданы непосредственно Щелокову и хранились у него в комнате отдыха при служебном кабинете.

В ноябре 1979 года по распоряжению Щелокова Н.А. все указанные ценности с дачи и из комнаты отдыха перевезены на служебную квартиру на улице Герцена.

В дальнейшем многие предметы как имеющие высокую художественную ценность переданы в музей Кремля, Останкинский дворец-музей и другие музеи».

Об этих ценностях министр узнал от начальника Главного управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и приказал своему хозяйственнику генералу Калинину доставить ему конфискованные ценности.

А оформили это самым простым образом.

Щелоков написал письмо министру финансов и получил разрешение оставить эти ценности в музее МВД как «представляющие профессиональный интерес», хотя по закону их полагалось обратить в доход государства.

В 1971 году Щелоков был в Армении. Ему понравилась картина Мартироса Сарьяна «Полевые цветы». МВД Армении купило эту картину за десять тысяч рублей и вручило ее Щелокову. Картину повесили на даче министра. А журнал «Советская милиция» написал, будто бы Сарьян подарил картину министерству и она хранится в Центральном музее МВД.

Министр собирал картины, его жена предпочитала антиквариат. 26 ноября 1980 года у Щелокова был юбилей – ему исполнилось семьдесят лет. Республиканских министров предупредили, что лучший подарок министру – хорошая картина. Руководитель одного из отделов ЦК КПСС рассказывал мне, что видел своими глазами, как в тот день в приемной министра стояла очередь из генералов с картинами в руках.

Накануне юбилея Юрий Чурбанов спросил у министра:

– Члены коллегии интересуются, что вам подарить к семидесятилетию?

– А что вы можете? – деловито спросил Щелоков.

Чурбанов сказал, что они намерены скинуться и купить ему подарок.

– Не надо сбрасываться, – отмахнулся Щелоков, – Калинин сам все организует.

Генерал-майор Виктор Калинин был начальником хозяйственного управления министерства. Он действительно все «организовал»: нашел в Гохране золотые швейцарские часы с цепью, часы передали на Московский экспериментальный ювелирный завод для реставрации и выставили для продажи в магазине «Самоцветы». То есть в реальности на прилавок они даже не попали – генерал Калинин купил их от имени министерства. Часы стоили четыре тысячи рублей.

В десять утра члены коллегии пришли к министру, вручили ему эти золотые часы. После поздравления всех обнесли шампанским. Позднее выяснилось, что приобретались часы как подарок МВД СССР генеральному секретарю ЦК Компартии Чехословакии, президенту республики Густаву Гусаку, который их так и не увидел. В 1986 году бывший генерал Калинин был осужден – его обвинили в хищении государственных ценностей.

Щелоков потом утверждал, что именной гравировки на часах не было, а он их передарил другому человеку, но называть его имя считает неудобным. Говорят, что в многотомном деле, заведенном на Щелокова, будто бы есть фотография, на которой министр вручает эти часы Брежневу…

Когда началось «дело Щелокова» и стали писать о том, как министр с большой выгодой для себя использовал служебное положение, то узнали и о спецмагазине, в котором продавались импортные товары, которые хозяйственники министерства получали через внешнеторговые объединения «Разноэкспорт» и «Центросоюз»: магнитофоны, телевизоры, обувь, одежда. Товары в «Разноэкспорте» отбирала семья Щелокова, после этого образцы поступали в магазин, и там оформлялась покупка.

Писали, что формально магазин предназначался для оперативного состава. Фактически им пользовалась только семья министра – жена, дочь Ирина, невестка Нонна… Туда же ходил Юрий Чурбанов, если ему что-то требовалось. В реальности спецмагазинов для членов коллегии МВД было несколько. Когда вокруг имени Щелокова начался скандал, то закрыли только магазин, которым пользовался сам министр. Остальные спецмагазины остались. Один бывший заместитель министра внутренних дел говорил мне, что ассортимент товаров в магазине МВД был лучше, чем в знаменитой сотой секции ГУМа, где закупали импортные товары представители высшей

номенклатуры. А продовольственные товары руководители МВД заказывали прямо по телефону – причем этим занимался не сам генерал, отягощенный служебными делами, а его жена.

В аппарате МВД заботились о своем руководстве и после Щелокова. От такого наследства генералам отказываться не хотелось. С утра ко всем заместителям министра приходил врач: мерил давление, слушал сердце. Через день им делали массаж – прямо в кабинете. Две массажистки по очереди приводили их в рабочее состояние.

В МВД платили хорошие деньги – в сравнении с партийным аппаратом. Скажем, первый заместитель заведующего отделом ЦК получал 650 рублей, а став заместителем министра внутренних дел – 1350, то есть вдвое больше. В МВД платили за звание, за выслугу лет и так далее. Помимо зарплаты и надбавок заместителю министра полагалось еще 28 рублей «пайковых», то есть деньги на питание как военнослужащим.

Поразительным образом покупательная способность этих 28 рублей была такова, что позволяла заместителю министра ежедневно бесплатно обедать в столовой для начальства, а его секретарю получать в спецбуфете чай, кофе, печенье и сигареты, чтобы ублажать своего шефа и его гостей.

Щелоков и Андропов

Николай Анисимович Щелоков мог бы благополучно перейти на пенсию или числиться консультантом МВД и нянчить внуков, если бы не Андропов. Юрий Владимирович ненавидел Щелокова. Соратники председателя КГБ уверяют, что министра внутренних дел Андропов в своем кругу именовал «жуликом» и «проходимцем».

В чем причина ненависти Андропова к Щелокову? Желание покарать коррупцию, которая расцвела при Щелокове? Или это было соперничество двух силовых ведомств?

Генерал Виктор Валентинович Иваненко, который в те годы работал в инспекторском управлении КГБ, считает так:

– С Щелоковым у Андропова шла борьба за власть, за влияние, за доступ к телу генерального секретаря. Это чувствовалось. Но было и ощущение, что надо взрывать это застойное время. Нужны были кричащие примеры сращивания с преступным миром, коррупции. Наступил момент, когда спросили: у кого что есть? Выяснилось, что на Щелокова есть материал.

– А в КГБ и раньше говорили, что за Щелоковым что-то тянется?

– Слухи были. Милиция занималась черновой, грязной работой. В белых перчатках там ничего не сделаешь.

Я часто входил в совместные оперативно-следственные группы и с уважением к ним относился. Вместе с тем их соприкосновение суголовной средой, с грязью подрывало иммунитет самих органов. К началу восьмидесятых появилась статистика, которая свидетельствовала о том, что в органах неблагополучно…

– Андропов хотел избавиться от человека, который мог влиять на Брежнева, – считал бывший член политбюро Александр Яковлев. – Власть вся была коррумпирована, почему же он выбрал себе только один объект, достойный борьбы? Почему других не посмел тронуть?

Была не одна причина для постоянного недовольства Андропова поведением Щелокова. Николай Анисимович придерживался куда более либеральных взглядов, чем председатель КГБ. Когда в ноябре 1970 года Юрий Андропов вместе с генеральным прокурором Романом Руденко предложили лишить писателя Александра Солженицына гражданства и выслать из страны, Щелоков обратился к Брежневу с личным письмом.

Он напоминал о множестве ошибок, совершенных в отношении талантливых людей. Назвал имя Бориса Пастернака.

«Надо не публично казнить врагов, а душить их в своих объятиях, – советовал Щелоков генеральному секретарю. – Это элементарная истина, которую следовало бы знать тем товарищам, которые руководят литературой… За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Бороться за Солженицына, а не против Солженицына».

Вмешательство министра внутренних дел в дела, которые Андропов считал своей прерогативой, да еще с «голубиных» позиций, Щелокову даром не прошло.

Николай Анисимович покончил с остатками сталинского крепостничества. Постановлением ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 года крестьянину запрещалось покидать деревню, им не давали паспортов. А без паспорта нельзя было устроиться ни на учебу, ни на работу. Крестьяне могли уехать, только получив справку из сельсовета или от председателя колхоза. Только в 1958 году им стали давать временные паспорта. Окончательно право на паспорт крестьяне получили, когда 28 августа 1974 года по инициативе Щелокова появилось постановление ЦК и Совмина «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР».

Много лет Юрий Владимирович Андропов тщетно добивался, чтобы КГБ получил право «контрразведывательного обеспечения органов внутренних дел», то есть контролировать министерство так же, как комитет контролирует вооруженные силы.

Когда в 1966 году восстановили союзное Министерство внутренних дел, то в решении политбюро не указали, что Комитет государственной безопасности берет на себя «контрразведывательное обслуживание» органов внутренних дел. Особисты получили право действовать только во внутренних войсках МВД. Еще действовала инерция хрущевского пренебрежения органами госбезопасности, да и тогдашний председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный – в отличие от своего преемника – не был сторонником тотального контроля.

Министерство внутренних дел формально оказалось вне зоны действия Комитета госбезопасности. Чекисты не имели права следить за тем, что происходит внутри МВД, заводить там агентуру. Когда КГБ возглавил Андропов, он поставил вопрос о том, что Министерству внутренних дел «нужно помогать».

Но Щелоков, пользуясь особыми отношениями с Брежневым, успешно отбивал атаки КГБ. Министр говорил, что министерство само в состоянии проследить за порядком в собственном хозяйстве. Однажды Щелокову даже пришлось поставить этот

вопрос на коллегии МВД: может быть, нам нужна помощь товарищей из КГБ? Почти все выступили против, считая это возвращением к методам 1937 года.

Один из помощников Андропова Игорь Синицын говорил мне, что Юрий Владимирович был до крайности осторожен и щепетилен. Он ничего не брал сверх того, что ему было положено, и категорически отказывался от подарков.

Игорь Синицын вспоминал:

– В 1974 году отмечалось шестидесятилетие Юрия Владимировича. Подарков прислали столько, что они заняли весь зал коллегии КГБ. Когда все разложили, позвали Юрия Владимировича посмотреть. Он с удовольствием все осмотрел, был растроган. Были просто памятные сувениры, но были и дорогие презенты. Особенно ему понравился подарок чехословацкого лидера Густава Гусака – набор хрустальных рюмок и стаканов замечательной работы. Андропов полюбовался на них, оценил тонкую работу и приказал отправить весь хрусталь в буфет для общего пользования. Себе ничего не взял. А перед ним отмечал юбилей один из его заместителей. Тому подарки отправили на дачу.

Тяга Щелокова к красивым и дорогим вещам, приобретаемым скользкими путями, несомненно, вызывала у Андропова презрение. Но было и другое. Юрию Владимировичу не нравилось, что долгие годы рядом с ним существовал другой центр силы, не подконтрольный КГБ. Щелоков тоже имел прямой выход на Брежнева и старался ни в чем не отставать от Андропова.

Но Андропов стал членом политбюро. Министр внутренних дел не мог подняться на партийный олимп. Щелоков завидовал Андропову и считал, что созрел для более высокой должности. Тем более что рано или поздно ему предстояло передать кресло министра Чурбанову. А, может быть, Щелоков чувствовал подстерегающую его опасность и пытался уйти из МВД, чтобы спастись от неприятностей.

Леонид Митрофанович Замятин, в ту пору заведующий отделом внешнеполитической пропаганды ЦК, рассказывал, как он ждал приема у Брежнева. У него был срочный вопрос к генеральному секретарю. Из кабинета вышел Константин Устинович Черненко, сказал Замятину:

– Подожди, пусть Леонид Ильич со Щелоковым поговорит.

Замятин озабоченно спросил:

– Что-то случилось в стране?

Черненко хмыкнул:

– Он просит у Леонида Ильича место секретаря ЦК по общим

вопросам.

Замятин засмеялся:

– Зачем ему? Он же министр внутренних дел.

Черненко объяснил Замятину:

– Щелоков просит Брежнева сделать его секретарем ЦК, чтобы поскорее уйти из МВД. Что-то у него там не так…

Но Брежнев не сделал Щелокова секретарем ЦК.

Рассказывали мне и другую историю.

В отделе административных органов уже был составлен проект решения политбюро о назначении Щелокова заместителем председателя Совета министров СССР. Брежнев с ним разговаривал, и Щелоков принял предложение с воодушевлением. Ему собирались – чтобы разгрузить Леонида Ильича – передать кураторство над всеми силовыми ведомствами, кроме, разумеется, КГБ и Министерства обороны, ими занимался сам генеральный секретарь. Но Брежнев умер раньше, чем это решение было принято.

О смерти своего покровителя 10 ноября 1982 года Щелоков узнал одним из первых. Ему позвонил секретарь ЦК Михаил Васильевич Зимянин и приказал отменить праздничный концерт. Выступая по случаю Дня милиции, министр уже не упоминал Брежнева.

12 ноября пленум ЦК КПСС избрал новым генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова. Поздно вечером после пленума на дачу к новому генсеку приехали его личный врач и начальник кремлевской медицины академик Чазов. Первые слова Андропова касались судьбы Щелокова:

– Чебрикова поставим во главе КГБ. Федорчука переведем министром внутренних дел. Он человек жесткий, может навести порядок. Щелокова пока освободим от занимаемой должности.

Помощники Андропова предложили утвердить Щелокова председателем одной из палат Верховного Совета – пост безвластный, но приятный. Но Андропов не хотел давать ему никакой должности. Желая знать, что ему уготовано, Щелоков сам позвонил Андропову. Его немедленно соединили. Андропов сказал, что Щелоков как генерал армии будет переведен в группу генеральных инспекторов Министерства обороны.

Одним выстрелом Юрий Владимирович убил трех зайцев: положил конец блистательной карьере Щелокова, которого ненавидел, убрал из КГБ Федорчука, который не был его человеком, и сделал хозяином Лубянки лично преданного Андропову Виктора Михайловича Чебрикова.

Через месяц после прихода Андропова к власти, 17 декабря, Щелоков перестал был министром. Его определили в группу

генеральных инспекторов Министерства обороны. Это была не работа, а синекура. За маршалами и генералами армии сохраняли прежнее содержание, кабинет, машину, дачу, адъютанта, и они могли писать мемуары. Но Николай Анисимович не успел насладиться своим новым местом.

Юрий Андропов приказал партийным инквизиторам и людям из КГБ заняться Щелоковым. В аппарате госбезопасности Щелокова никогда не любили.

В 1975 году террористы захватили самолет Як-40, выполнявший рейс Москва-Минск, и потребовали доставить их в Стокгольм. Самолет посадили во Внуково под предлогом дозаправки. Там же в правительственном зале находились министр внутренних дел Щелоков и первый заместитель председателя КГБ Семен Цвигун. Они когда-то вместе работали в Молдавии.

Террористы требовали дать им полтора миллиона долларов и отправить в Стокгольм. Цвигун и Щелоков приняли решение, чтобы не допустить жертв, выпустить самолет за границу. Как выяснилось, бандитов было четверо, вооружены они были охотничьими ружьями и обрезами. Начальник московского управления КГБ Алидин проявил инициативу, доложил Андропову по телефону, что надо их захватить. Группу захвата возглавил начальник Московского уголовного розыска. Двух бандитов убили, двух захватили.

Тут, вспоминает Алидин, появился министр внутренних дел Щелоков.

«Оценив обстановку и определив, что здесь больше делать нечего, он сказал мне:

– Следуем вместе с захваченными террористами на Петровку.

Я почувствовал, что начинается дележка лавров. Так не хотелось этого. И я ответил Щелокову:

– Заедем сначала в наше служебное помещение, я должен доложить о выполнении операции Юрию Владимировичу.

Он с неохотой согласился.

Я позвонил Андропову, доложил обстановку и сказал о предложении Щелокова везти бандитов на Петровку. Председатель КГБ, выслушав меня, ответил:

– Пусть везет».

КГБ давно подбиралось к Щелокову.

Бывший первый заместитель председателя КГБ Филипп Денисович Бобков вспоминает:

«Однажды нам удалось раскрыть преступление, связанное с продажей икон за границу: крупный делец, ворочавший огромными деньгами, сумел переправить за рубеж немало

ценностей. Заняться одним из этапов его «деятельности» в Челябинске было поручено следователю по особо важным делам МВД СССР. Он тщательно изучал иконы, производил опись, отбирал наиболее редкие и дорогие.

Некоторые его действия показались подозрительными, похоже было, что сам он каким-то образом заинтересован в этом деле. Решили пойти на риск и произвести у него обыск. Получив санкцию прокурора и заместителя министра внутренних дел СССР Бориса Тихоновича Шумилина, обыскали служебный кабинет следователя, затем его квартиру и обнаружили там украденные иконы. Оказалось, часть их он предназначал Щелокову, убежденный, что тот защитит его в случае провала.

Ну, а что Щелоков? Он просто промолчал, словно это его не касалось, и даже никак не отреагировал на обыск, произведенный в здании МВД СССР на Огарева, 6. О происшедшем Андропов доложил Брежневу, и на этом все кончилось».

Московское управление КГБ арестовало одного человека по делу о контрабанде. Тут выяснилось, что принадлежащий ему мебельный гарнитур то ли XVII, то ли XVIII века стоимостью более сорока семи тысяч рублей с мебельной фабрики, где шла реставрация, отвезли на квартиру Щелокова. Сделал это начальник отдела ХОЗУ МВД. Начальник московского КГБ Алидин доложил Андропову. Он взволнованным голосом ответил:

– Виктор Иванович, ты ставишь меня в тяжелое положение. Ну что я могу сказать по этому делу? Поговори сам со Щелоковым, ведь ты его знаешь давно, еще по работе на Украине.

Встреча состоялась. Алидин рассказывал Щелокову о фактах сращивания работников милиции с преступными элементами, доказывал, что необходима система оперативного обслуживания органами КГБ Министерства внутренних дел, чтобы выявлять преступные элементы. Щелоков обещал подумать. И тогда Алидин сказал:

– Николай Анисимович, ваш подчиненный незаконно вывез антикварную мебель, принадлежащую лицу, находящемуся у нас под следствием, и доставил к вам на квартиру. Я прошу, желательно к вечеру, вернуть мебель по принадлежности. В противном случае мы будем вынуждены принять меры к вашему подчиненному.

Щелоков растерялся и обещал все вернуть. Вечером он позвонил Алидину и сообщил, что сдал мебель. Алидин доложил Андропову. На этом история закончилась.

«Зачем ты меня прослушиваешь?»

У Щелокова не сложились отношения не только с Андроповым, но и с Горбачевым.

Сам Михаил Сергеевич пишет, что Щелоков, спеша показать результаты своей работы, подделывал криминальную статистику к выгоде своего ведомства. Министр говорил, что тюрьма не исправляет, поэтому сажать надо поменьше, а раз так, то и нет смысла регистрировать «несерьезные» преступления, за которые все равно никого не посадят…

Горбачев вспоминает, что в 1973 году он, тогда еще первый секретарь Ставропольского крайкома, провел большую проверку работы краевого управления внутренних дел. Вскрылась масса недостатков, заменили многих руководителей. Зато по статистике край стал выглядеть плохо. Щелоков обиделся. К Горбачеву приехал озабоченный заместитель министра внутренних дел Борис Шумилин, втолковывал Горбачеву:

– Как же так? Вокруг порядок, а у вас такое творится. Спросят ведь – где был крайком?

Впоследствии, перебравшись в Москву, Горбачев по поручению Андропова заинтересовался делами Щелокова.

Горбачеву передавали, что Щелоков вроде бы решил ему отомстить. Михаил Сергеевич рассказывал:

– Когда я начал копать, против меня поднялся Щелоков. Когда умирал один из его заместителей, он специально попросил меня приехать и рассказал, что Щелоков велел меня уничтожить…

Так что высокопоставленных врагов у Щелокова набралось порядочно. А расследованием его дел занялся новый министр – Виталий Васильевич Федорчук. Помогал Федорчуку заместитель по кадрам Василий Яковлевич Лежепеков, который до этого был начальником Политуправления пограничных войск, потом заместителем председателя КГБ по кадрам.

Андропов отправил его в МВД со словами:

– Там развелось много гнили – нужно почистить.

Юрий Владимирович распорядился укрепить кадровый состав министерства офицерами КГБ, но сотрудники госбезопасности переходили в органы внутренних дел неохотно. Андропову пришлось лично этим заниматься. Он позвонил начальнику московского управления госбезопасности домой, и попросил направить в МВД хороших чекистов:

– Работать им, имей в виду, предстоит лет пять, не меньше.

Но мало кто из чекистов задержался в МВД, большинство

ушло при первой возможности. Кадровые работники госбезопасности, писал бывший начальник уголовного розыска страны Игорь Карпец, знали оперативную работу и следствие, но были воспитаны в пренебрежении к «быдлу» – милиции. Окунувшись в грязь, которую приходится чистить милиции, вынужденные на новой работе пахать, к чему они не привыкли, и получать выговоры за «плохую раскрываемость», чекисты стремились побыстрее вернуться обратно, откуда пришли.

После ухода Щелокова Андропов, наконец, провел через политбюро решение об обязательном «оперативном обслуживании» Министерства внутренних дел органами КГБ. В Третьем главном управлении КГБ (военная контрразведка) появилось специальное подразделение, которое следило за милицией. Формально чекисты должны были выявлять иностранных шпионов, проникших в органы внутренних дел, и сражаться с коррупцией. В реальности они старались взять под полный контроль своих недавних соперников. Ни одного шпиона в органах внутренних дел не нашли.

Рассказывают, что Федорчук, который всю жизнь провел в контрразведке, установил слежку даже за своими заместителями в Министерстве внутренних дел. При Щелокове такого не было. Федорчук обзавелся собственной агентурой. Каждый день к нему приходили люди из аппарата и докладывали, кто из замов чем занимается.

Тогдашний начальник управления связи МВД СССР полковник Геннадий Сергеевич Громцев, как специалист по связи, сразу определил, что его телефон поставлен на прослушивание, – профессиональное ухо улавливает еле слышные щелчки подключения. Громцев предупредил жену:

– Перестать болтать по телефону всякую чепуху.

Подозрительный Федорчук полагал, что и его самого прослушивают. Раздраженный министр вызвал к себе полковника Громцева.

Тот вошел, по-армейски доложил:

– Товарищ министр, начальник управления связи полковник Громцев по вашему приказанию прибыл!

Федорчук поднял голову. Выражение лица брезгливо-раздраженное:

– Ишь, какой холеный полковник.

И тут же закричал:

– Бездельник! Если связь и дальше будет так же плохо работать, можешь сюда больше не заходить! Иди сразу в управление кадров за «бегунком».

И через слово – мат.

Федорчука раздражала система внутренней связи. Когда он, нажав кнопку на пульте прямой связи, соединялся с кем-то из начальников управлений, то слышал какие-то шорохи и скрипы. Он пришел к выводу, что аппарат МВД его прослушивает. В реальности у министерства не было таких технических возможностей. Прослушиванием занимались только недавние подчиненные Федорчука на Лубянке. И действовали они по его указанию.

Один из партийных работников, переведенный в МВД, в первый же день установил, что прослушиваются все его телефоны. Человек опытный и знающий, он сразу позвонил начальнику Третьего главного управления КГБ, которое курировало МВД:

– Ты зачем меня прослушиваешь? Я ведь не включен в этот список…

Существовал список чиновников, чьи телефоны подлежат «оперативному техническому контролю». В ЦК прослушивали всех сотрудников до уровня заместителя заведующего отделом. К телефонам высокопоставленных аппаратчиков подключались только по особому распоряжению.

Начальник Третьего главка засмеялся:

– Ладно, ладно, снимем с тебя прослушку.

Действительно сняли, а заодно убрали еще два «жучка», которые были установлены в служебном кабинете замминистра. Люди знающие уверяют, что Федорчук сам слушал записи разговоров интересовавших его людей. После ухода Федорчука чекисты следили уже и за самим министром и прослушивали его разговоры. Вадим Бакатин рассказывал: когда его в 1988 году назначили министром внутренних дел, он, не имея квартиры, жил в гостинице. Вдруг к нему поздно вечером приехала жена. Утром Бакатин уехал в МВД, жена пошла в ванную. Выходит из ванной и видит в комнате незнакомого прилично одетого человека, который роется в бумагах. Увидев ее, он извинился и быстро прошел к выходу. Неумелые чекисты просто проморгали, что Бакатина навестила супруга…

При Федорчуке в МВД стали процветать анонимки, доносы. Возле ведомственного дома на Мосфильмовской улице, где жило много сотрудников министерства, поставили фургон с группой наружного наблюдения. Следили за тем, кто на какой машине ездит, кого подвозит, с кем утром выходит из дома, с кем возвращается с работы и когда.

Щелоков и Чурбанов анонимщиков не любили, считали, что сами знают свои кадры. Если Чурбанову приносили донос, он мог брезгливо отбросить такую бумагу:

– Помните ее хорошенько и можете сходить в туалет.

При Федорчуке стали составлять списки тех, у кого есть дачи и машины и чьи родственники служат в системе МВД. Наличие дачи или машины считалось достаточным основанием для увольнения. Если находили родственника в милиции, говорили:

– Выбирайте, кто из вас уходит из системы.

Виталий Васильевич пришел с задачей разогнать «щелоковское» руководство МВД и намеревался выполнить указание генерального секретаря. Смягчить его сердце было невозможно. Даже лесть не помогала. Заместитель начальника хозяйственного управления МВД забежал вперед и предупредительно распахнул перед министром входную дверь. Федорчук пробурчал:

– Первый раз вижу швейцара в генеральском мундире.

Генералу предложили подать рапорт об увольнении.

Федорчук безжалостно изгонял людей из органов и уволил в общей сложности чуть ли не девяносто тысяч человек. За глаза его именовали «чистильщиком». Милиция стонала. Даже в ЦК приходили жаловаться, писали генеральному секретарю, просили защитить их от произвола министра.

Федорчук и его помощники закрыли важные аналитические службы, отказались от профилактики преступлений. В Главном управлении уголовного розыска сменили все руководство, всех начальников отделов, разогнали лучших сыщиков страны, которые работали в группе старших инспекторов по особо важным делам. Группу просто ликвидировали. Двое разыскников высшего класса покончили с собой – после беседы с новыми руководителями управления кадров МВД. В таких случаях полагается проводить расследование. В министерстве решили расследование не проводить.

Федорчук, как выразился один из его подчиненных, исходил из того, что честные люди могут быть только в ЧК, остальные – преступники. Милиционерам запретили управлять машиной по доверенности, приобретать дорогие вещи.

Министр, вспоминал профессор Игорь Карпец, сформировал комиссию, которой поручил изъять из ведомственных библиотек системы внутренних дел книги и брошюры, написанные теми, кто попал в черный список. Книги было приказано сжечь… В черный список попали и работы профессора Карпеца, но именно в этот момент ему присудили Государственную премию.

После ухода Федорчука многих и многое в МВД восстановили, но действовали крайне осторожно, боясь обвинений в «щелоковщине». Убрали из МВД и генерала Лежепекова – он переусердствовал в чистке кадров. Снял

Федорчука Михаил Сергеевич Горбачев. Не потому что тот свирепствовал у себя в министерстве, а потому что Федорчук когда-то собирал оперативные материалы и на самого Михаила Сергеевича.

Когда был арестован бывший управляющий Кисловодским трестом ресторанов и столовых Николай Павлович Лобжанидзе, от него надеялись получить показания и на Горбачева, к тому времени переведенного из Ставрополя в

Москву. Много позже сам Лобжанидзе рассказывал ставропольскому журналисту Борису Кучмаеву, автору книги о Горбачеве, что на первых же допросах от него потребовали дать показания о неблаговидных поступках Михаила Сергеевича:

– Вы же ему накрывали столы бесплатно. Оплачивали его кисловодские развлечения. Вы были кошельком крайкома партии. Если не дадите показания, сгноим в лагерях.

Лобжанидзе отвечал, что вообще никогда не встречался с Горбачевым:

– Если ему требовалось накрыть стол, то зачем ему красоваться в ресторане, где есть чужие глаза, когда для этой цели существуют закрытые санатории для начальства? Там первому секретарю организуют все, что нужно.

Были и другие люди, которых уговаривали дать показания на Горбачева. Скажем, милицейского генерала Бориса Кузьмича Елисова, давнего знакомого Михаила Сергеевича. Елисова перевели в Москву, обещали повышение. Елисов ничего плохого о Горбачеве не сказал. Со временем Елисов станет заместителем министра внутренних дел СССР.

В чем бы потом ни обвиняли Горбачева, взяток он действительно не брал и подарков от подчиненных для себя не принимал. Сам подарки дарил – высокому начальству и, конечно же, принимал московских гостей на широкую ногу в окрестностях Кисловодска. Местные умельцы знали, как это устроить.

В компании с Медуновым

Партийное дело завели не только на Щелокова, но и на первого секретаря Краснодарского крайкома Сергея Медунова. Он стал хозяином края в 1973 году. У Сергея Федоровича в окружении генерального секретаря был верный сторонник – помощник Брежнева Виктор Андреевич Голиков. Он в мае 1974 года стал уговаривать Леонида Ильича ехать в Новороссийск и Краснодар:

«Новороссийцы несколько месяцев находятся в состоянии активного напряжения и ожидания Вашего приезда… На сегодня в Новороссийске все готово: готов город по своему убранству, подготовлены списки приглашенных на торжественное собрание, готовы люди, которые должны выступать с речами, – буквально все до деталей готово. Все только и спрашивают: когда же?.. Новороссийцы хотят вручить Вам грамоту и ленту почетного гражданина города-героя Новороссийска…

Время сейчас очень красивое: все в зелени, все в цветах, радует человека. Я запросил у Гидрометцентра погоду в районе Новороссийска в период с 16 по 31 мая. Погоду обещают очень хорошую».

Брежнев поехал в сентябре. На приеме говорил теплые слова о краевой партийной организации, подбадривал присутствующих:

– Для того чтобы вы не стеснялись за столом и никто не думал, кто больше или меньше выпил и съел, я напомню народную мудрость, русскую поговорку: «Осуждают пьяниц, а человека выпившего никогда не осудят».

Сергей Медунов выступил с ответным словом:

– Дорогой Леонид Ильич! В Центральном комитете есть ядро – это политбюро, а в политбюро ядро – это вы. Вас поддерживают вся партия, весь советский народ, все прогрессивное человечество, которое борется за укрепление мира на земле!

Когда Брежнев стал вспоминать военные годы и свои подвиги, то больше всех от этого выиграл Медунов. Знаменитая «Малая Земля», где воевал полковник Брежнев, находилась на территории Медунова. Первый секретарь крайкома позаботился о том, чтобы подвиг Брежнева был достойно увековечен. Брежнев приехал в Новороссийск, растрогался, обнял Медунова.

Об успехах Кубани писали постоянно. Медунов обещал на партийном съезде собрать миллион тонн риса. Построили искусственное водохранилище, затопили дома, людей переселяли в другие места. Весь край работал на этот миллион – в жару по колено в воде, чтобы Медунов мог доложить о своем успехе. Он

получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Потом выяснилось, что обещанный миллион – это липа. Поля загубили.

Михаил Сергеевич Горбачев вспоминает: «При Медунове стали реанимироваться и особые, я бы назвал их, кубано-местнические, настроения… Культивирование мысли о том, что кубанцы – люди особого склада, имеющие не только особые заслуги, но и особые права и преимущества по сравнению с другими…»

В крае происходили немыслимые по тем временам вещи. Об этом напомнил журнал «Люди», где составили полное описание «медуновщины». Знаменитое в те годы «рыбное дело» началось с ареста директора сочинского магазина «Океан» Арсена Пруидзе. Дальше пошло как по маслу:

«Вячеслав Воронков, мэр города Сочи (тайники с перстнями и бриллиантами, квартира с фонтаном и камином, автомобиль «форд», праздники с цыганами, брюнетками и шатенками в Рыцарском Замке, «я допустил перерождение и невыдержанность», 13 лет с конфискацией имущества);

секретарь Сочинского горкома партии Александр Мерзлый и начальник управления общественного питания Валентина Мерзлая по прозвищу Шахиня («групповуха» с немками на берегу моря, кража оружия у пограничников, присвоение автомашин, бесплатное строительство дачи, приписки, собирание взяток с работников торговли, арест, симулирование психического заболевания, по 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества);

секретарь крайкома Тарада (добровольная сдача следствию ценностей на 750 тысяч рублей, признание взяток от ста человек, три тайника – на кухне, в сарае, в курятнике, взялся помочь следствию, умер от инсульта в Лефортовской тюрьме);

управляющая трестом столовых и ресторанов Геленджика Бэлла Бородкина по прозвищу «Железная Бэлла» (взятки на один миллион рублей, расстрел);

первый секретарь горкома партии Геленджика Погодин (исчез);

председатель Хостинского райисполкома Логунцов (был допрошен как свидетель, вернувшись домой, написал письмо сыну, обмотал себя проводами и воткнул их в электрическую сеть)…»

Вот такая беседа с Медуновым состоялась у корреспондента журнала «Люди»:

– Я сыну Жорику машину купил пополам с тестем, «Жигули», в северном исполнении, утепленную, – он же болел у меня. Тарада написал, что вызывает Медунов и говорит: «Сыну машину

надо купить. Сын больной. А денег нет». Тарада якобы сходил за деньгами и положил мне в ящик стола конверт, а в нем – шесть тысяч. Это клевета! Это ложь! Тараду назначили в Москву заместителем министра, так он свой хрусталь и ковры грузовиками перевозил и в Москве на взятке попался, а деньги его из-под земли вырыли, 450 тысяч, уже желтеть начали. И в тюрьме начал на сокамерников стучать – там его и убили.

– До сих пор неизвестна судьба Погодина, первого секретаря горкома партии Геленджика. Он исчез, как утверждают, после разговора с вами. Одни сочиняют, что Погодина вывезли на подводной лодке за границу. Другие пишут, что его «убрало» местное КГБ по вашему указанию…

– Это неправда. Погодин был беспринципный, и бабская сторона его губила. Он с армянкой, директором школы, сожительствовал, но не разводился с женой. Армяне грозились его убить. Но жена жалобы не подавала. Погодин приехал на пленум крайкома и после пленума уехал в Геленджик. Звонят оттуда: до сих пор не приехал, где? Начали искать. Кто-то видел ночью, как Погодин пешком шел по городу. Был слух, что «ушел» он в Австралию, как раз австралийское научно-исследовательское судно в ту ночь отчалило. Я думаю, вот что могло быть: либо кто-то вывез его в море и утопил, или в каньон бросили, а за ночь шакалы съели. Так и отец его погиб, и косточки не нашли. Наше КГБ Погодина очень активно искало.

– А что скажете про Бэллу Наумовну Бородкину, «Железную Бэллу» из Геленджика?

– Она с немцами сожительствовала, голой на столе плясала, а ее пригрели Погодин и Главкурортторг. Воровала, гадина, по всем статьям! К ней уже тогда бандиты подъехали, поставили к стене, все забрали. Ко мне пришел Погодин: у нас в Геленджике сдается дом, давайте дадим квартиру Бородкиной! Я отказал: ни в коем случае, у нее же свой дом есть, пусть его продаст, потом подумаем. Она и мне автомашину с продуктами подсылала, но я отправил назад. Но тронуть Бородкину было трудно: она опекала семью члена политбюро Кулакова, бесплатно кормила их…»

Судьба первого секретаря Геленджикского горкома партии Николая Федоровича Погодина так и осталась загадкой. Он исчез бесследно. Бэллу Наумовну Бородкину за хищение социалистической собственности приговорили к высшей мере наказания. Только в Геленджике несколько десятков местных руководителей были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Такие аресты прошли и в Сочи. Руководители городской торговли и общественного питания назвали имя своего

покровителя – Анатолия Георгиевича Тарады, секретаря крайкома. Он получал деньги за то, что прикрывал существовавшую в крае теневую экономику, в основном подпольные цеха, которые гнали «левую» продукцию. Благодарные «цеховики» передавали ему деньги, а он делился с остальными. Говорят, что на следствии Тарада обещал назвать имена, но в ту же ночь умер в камере.

Первый секретарь крайкома понял, что расследование нужно остановить. Медунов твердо мог рассчитывать на генерального секретаря и его окружение. Однажды Медунова распекали на секретариате ЦК. Он вернулся в Краснодар. Ему позвонил Брежнев:

– Ты не переживай и не очень обращай внимание на случившееся. Работай спокойно.

Когда заведующий сектором отдела пропаганды ЦК Наиль Бариевич Биккенин приехал в Краснодар, Медунов показал ему огромные фотоальбомы, на которых он был запечатлен вместе с Леонидом Ильичом. Имелось в виду, что делать какие-то замечания человеку, столь близкому к генеральному, по меньшей мере глупо.

Медунов доложил в Москву, что прокуратура «действует методами тридцать седьмого года». Вопрос в 1981 году разбирался на секретариате ЦК. О коррупции в Краснодарском крае доложил заместитель генерального прокурора и начальник следственного управления союзной прокуратуры Виктор Васильевич Найденов, высокопрофессиональный и принципиальный юрист.

Но на секретариате обсуждали не продажных краснодарских чиновников и их высоких покровителей, а прокуратуру. Найденову объяснили, что он занимается дискредитацией партийных кадров, и тут же освободили от должности. Вел секретариат Кириленко, он не пожалел злых слов в адрес Найденова. Виктора Васильевича перевели в следственное управление МВД на унизительно низкую должность заместителя начальника отдела по расследованию уголовных дел о преступных посягательствах на грузы…

Сергей Медунов прославился тем, что распорядился превратить Краснодарский край в зону для некурящих. Курение было запрещено во всех общественных местах.

Ничего из этого не вышло, но краснодарский опыт изучали по всей стране.

Медунов славился невиданным самодурством. Например, приказал бульдозерами снести все парники, в которых люди выращивали для себя овощи. О ситуации в крае написала газета

«Советская Россия». На защиту Медунова бросилось партийное руководство, секретарь ЦК по идеологии Зимянин.

«Сколько гнева, – вспоминал тогдашний руководитель газеты Михаил Федорович Ненашев, – обрушилось на голову главного редактора со стороны Михаила Васильевича Зимянина за это, по его мнению, необдуманное выступление, которое, как замечено было в беседе, противоречит позиции ЦК КПСС».

В марте 1982 года Комитет партийного контроля отправил в секретариат ЦК записку «О многочисленных фактах взяточничества среди руководящих работников Краснодарского края». Ее не стали рассматривать, отправили в отделы ЦК для проверки. Все подтвердилось. В конце мая записка в обновленном варианте вновь поступила в секретариат ЦК. Надо было что-то делать, но Брежневу не хотелось обижать Медунова.

– Он руководитель такой большой партийной организации, – говорил Леонид Ильич, – люди за ним шли, верили ему, а теперь его под суд?

24 мая 1982 года Андропова избрали секретарем ЦК. Он получил у Брежнева согласие переместить Медунова на менее видную работу – был такой эвфемизм в партийной канцелярии. 23 июня Горбачев пригласил к себе находившегося в Москве посла на Кубе Виталия Ивановича Воротникова. Объяснил:

– Есть наметки относительно твоей работы. Насколько ты знаком с машиностроением и оборонным комплексом?

И заговорил о ситуации в Краснодарском крае:

– Медунов совсем обнаглел.

Через две недели Воротникова отозвали с Кубы и велели немедленно вылетать в Москву. 19 июля в три часа дня Воротникова принял Андропов. В разговоре участвовали Горбачев и секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов.

– Речь идет о рекомендации вас первым секретарем Краснодарского крайкома партии, – сказал Андропов. – Медунова мы отзываем в Москву. В крае сложилась пренеприятная ситуация. Медунов, наконец, понял, что дальше там оставаться ему нельзя. Взяточничество, коррупция среди ряда работников различных сфер, в том числе среди партийного актива. Арестованы и находятся под следствием более двухсот человек.

На следующий день окончательное решение было принято на секретариате ЦК. Вел заседание Андропов.

– Медунова отзываем в распоряжение ЦК, – сказал Юрий Владимирович. – В крае выявлены многочисленные факты нарушения законности. Взяточничество среди руководящих работников, даже среди партийного актива. В Сочи, Геленджике, Краснодаре. Арестовано сто пятьдесят два человека, под

следствием девяносто девять. Медунову неоднократно указывали на эти факты, однако он не реагировал, не воспринимал советов и критики, сам создавал трудности для следствия…

Медунов рассказывает об этом так:

– Меня пригласил к себе Горбачев, сказал: «Сейчас пойдем к Андропову. Разговор будет неприятный». Андропов объявил: «Время пришло отозвать вас в распоряжение ЦК и дать другую работу. Министерств свободных нет, пойдете пока заместителем». Ни упреков, ни объяснений. Все у меня внутри заклокотало. «Я пойду к Леониду Ильичу». – «А вот этого делать не надо. Леонида Ильича нам надо беречь». В Краснодаре собрали пленум, я простился… Всех предупредили, чтобы никаких вопросов.

Медунова назначили заместителем министра, он занимался заготовкой плодоовощной продукции. Все понимали, что это пересадочная станция. Но каким будет завершение этого пути? Многие были уверены, что Медунова ждет тюрьма. И ошиблись. Он лишился партбилета и работы, но не свободы. Он спокойно ушел на пенсию и даже сохранил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

В перестройку судьбой Медунова заинтересовались делегаты XXVIII, последнего, съезда КПСС летом 1990 года. Спрашивали Бориса Пуго как председателя Комитета партийного контроля, почему Медунов не был лишен всех привилегий – персональной пенсии союзного значения, дачи?

Пуго ответил на этот вопрос:

– Медунов лишен персональной пенсии, дачи и так далее. Спрашивают и о том, почему Медунов до сих пор Герой Социалистического Труда. Ходатайствовать о снятии с него этого звания должны те, кто его к этому званию представил, – то есть краснодарцы…

Если бы Щелоков не боялся позора, он тоже мог дожить до наших дней, давать журналистам интервью и рассказывать о том, что его оклеветали. Перечень претензий к Медунову был не меньшим, чем к Щелокову. Но бывший краснодарский секретарь никого в политбюро не интересовал – не та фигура. А к Щелокову все-таки были личные счеты.

И когда Андропов умер, о Щелокове не забыли.

Черненко ему не помог

Бывший помощник генерального секретаря Виктор Прибытков вспоминает, что окончательно разбираться со Щелоковым пришлось именно Черненко:

«Сложность этой разборки, в частности, заключалась в том, что родной брат Константина Устиновича – Николай Устинович – ходил у Щелокова хоть и не в первых, но в заместителях: в то время он заведовал системой высшего и среднего образования в МВД СССР – всеми учебными заведениями вплоть до Академии МВД, что на Войковской, а также различными курсами, учебными пунктами и так далее…

(В реальности Черненко не был заместителем министра, а возглавлял управление учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. *-Авт.)*

И если Брежнев не мог (или не хотел) наказывать Щелокова лишь по той причине, что когда-то давным-давно они вместе работали в Молдавии, то Черненко (тоже работавший со Щелоковым в Молдавии) дополнительно был отягощен родственной связью с системой МВД. Но отношение Брежнева и Черненко к Щелокову, кажется, было куда сложнее… Однажды, когда вся страна с упоением вчитывалась в главы эпохальных произведений Брежнева: «Малая Земля», «Возрождение», «Целина», я задал неосторожный вопрос Константину Устиновичу:

– Не понимаю. Брежнев описывает молдавские годы, а про Щелокова – ни слова. Отчего так случилось?

Черненко, тоже работавший в те годы в Молдавии вместе с Брежневым и Щелоковым и не только читавший указанные произведения Брежнева, но и принимавший самое активное участие в их публикации, внимательно посмотрел на меня и ушел от прямого ответа:

– Есть кое-какие обстоятельства…»

Незадолго до июньского пленума 1983 года, который вывел Щелокова и Медунова из ЦК, Черненко дал своему помощнику прочитать заключение военной прокуратуры о Щелокове. Там говорилось, что бывший министр «захапал в личное пользование несколько служебных «мерседесов», что не брезговал забирать к себе домой и на дачу, а также раздавать близким родственникам арестованные милицией вещественные доказательства и конфискованные произведения искусства и антиквариата…

Члены семьи Щелоковых были замечены в обмене в банках огромных сумм в потертых, захватанных, довольно ветхих

рублях… Щелоков и его семья не гнушались деньгами, которые следователи ОБХСС вытряхивали из чулок и закопанных в землю бидонов своих «криминальных подопечных». Деньги, изъятые в «теневой экономике» у созревших раньше перестройки цеховиков и рыночных воротил, менялись на новые более крупные купюры, обращались в личный доход и без того не бедного министра…»

Николай Щелоков, еще оставаясь членом группы генеральных инспекторов Министерства обороны, как и Чурбанов, обращался за помощью к Черненко. Он надеялся, что Константин Устинович не бросит его в трудную минуту, ведь они оба были брежневскими людьми. Черненко его принял, но в помощи отказал.

Прибытков вспоминает: «Щелоков появился в дверях черненковского кабинета в привычном мундире. Он был весь увешан наградами. Медали и ордена тонко потренькивали при каждом его, как мне казалось, несколько неуверенном шаге. Лицо Щелокова, покрытое багровыми пятнами, все равно оставалось общего землисто-серого цвета. Бывший министр, кажется, не замечал ничего и никого вокруг: он шел к двери по будто бы начерченной прямой линии. Руки его дрожали…»

Щелоков приносил Черненко справку о том, что он оплатил через банк стоимость двух «мерседесов», предназначенных для МВД, но оказавшихся в личной собственности семьи министра.

– Этим он хочет сказать, что не надо рассматривать его вопрос на пленуме, – Черненко говорил с одышкой – его душила не столько астма, сколько гнев. – Как он мог? – несколько раз повторял Черненко один и тот же вопрос, горько качая головой…

19 февраля 1983 года покончила с собой Светлана Владимировна Щелокова.

Юрий Чурбанов вспоминает:

«Мы с Федорчуком находились на службе, это, как помню, была суббота, когда Федорчуку позвонили и передали информацию, что в Серебряном Бору на даче застрелилась Светлана Владимировна, жена Щелокова.

Федорчук выяснил, как развивались события: Светлана Владимировна находилась в спальне, кто дал ей пистолет – сказать не берусь; накануне вечером у них с Щелоковым состоялось бурное объяснение, когда Щелоков кричал ей, что она своим поведением и стяжательством сыграла не последнюю роль в освобождении его от должности.

Трудно сказать, имел ли этот скандал продолжение утром, когда раздался выстрел. Щелоков находился внизу, рядом с ним был еще один человек (то ли садовник, то ли дворник), и вот, когда они вбежали в спальню и увидели на полу труп, то Щелоков

сам кинулся к этому пистолету и тоже хотел покончить с собой. Но человек, который был рядом, вышиб этот пистолет и спрятал его…»

Светлана Владимировна действительно застрелилась на даче после того, как они с мужем крупно поссорились. Говорят, что отношения у Щелокова с женой были очень плохими. Один из крупных в прошлом работников ЦК КПСС рассказывал мне, что Николай Анисимович был неравнодушен к слабому полу. Он встречался со своими подругами на конспиративных квартирах МВД, которые использовались в личных целях. В его распоряжении было семь таких квартир. За порядком и чистотой на этих квартирах следили специально выделенные люди. Они же заботились о том, чтобы там постоянно были выпивка и закуска.

Судьба самого Щелокова решилась на пленуме ЦК, который открылся 14 июня 1983 года. Открыл пленум генеральный секретарь Андропов. Второй секретарь ЦК Черненко выступил с докладом «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии». Потом пошли организационные вопросы. Черненко предложил рекомендовать Верховному Совету избрать Андропова председателем президиума. Сам Андропов предложил избрать члена политбюро Григория Васильевича Романова (из Ленинграда) секретарем ЦК, кандидата в члены политбюро Михаила Сергеевича Соломенцева утвердить председателем Комитета партконтроля при ЦК, а вместо него назначить председателем правительства РСФСР Виталия Ивановича Воротникова и одновременно избрать его кандидатом в члены политбюро.

Затем слово вновь взял Черненко.

Только что избранный кандидатом в члены политбюро Воротников записал его слова.

– Политбюро решило предложить пленуму вывести из состава ЦК КПСС Щелокова и Медунова, – говорил Константин Устинович, – за допущенные ошибки в работе. Политбюро исходит из того, что каждый член ЦК должен делом оправдывать оказанное ему высокое доверие. Тот, кто порочит честь и достоинство коммуниста, не должен быть в составе высшего органа партии. Щелоков в последние годы ослабил руководство МВД, встал на путь злоупотреблений в личном плане. Построил дачи для себя и своих родственников. Взял в личное пользование три легковых автомобиля, подаренных министерству иностранными фирмами. Вел себя неискренне, несамокритично. По случаю семидесятилетия поручил снять о себе фильм, на который затрачено более пятидесяти тысяч рублей. Его поведение отрицательно влияло на кадры МВД…

Решение вывести Щелокова и Медунова из состава ЦК принималось тайным голосованием. Егор Лигачев, тогда заведующий отделом организационно-партийной работы ЦК, рассказывал:

– Я был председателем счетной комиссии при голосовании. Андропов довел это дело до конца. Когда Юрий Владимирович возглавил страну, он получил десятки тысяч телеграмм от людей с требованием навести порядок в обществе, повысить ответственность руководителей. Это был крик народа. Он ответил на зов народа.

Члены ЦК проголосовали дисциплинированно – исключить обоих. Щелокова на пленуме не было – не захотел позориться. Более хладнокровный Медунов присутствовал. Он встал и ушел из зала.

Удары следовали один за другим. А главное было еще впереди. Щелоков понимал, что рано или поздно его вызовут к следователям, предъявят обвинение, покажут ордер на арест, отберут документы и деньги, снимут галстук и шнурки от ботинок и повезут в тюрьму. Такого позора он не хотел. А дело против него уже было возбуждено.

Сменивший Щелокова на посту министра внутренних дел Виталий Федорчук рассказывал потом профессору Владимиру Некрасову, автору книги «МВД в лицах»:

– Когда я стал разбираться с обстановкой в МВД, то у меня сложилось впечатление, что Щелоков последнее время по-настоящему делами не занимался. Я застал развал. Преступность росла, однако этот рост скрывали. В МВД развилось много взяточников, особенно в службе ГАИ. Все это мы начали активно разгребать, и тогда посыпалась куча заявлений о злоупотреблениях. Я доложил в ЦК в установленном порядке о сигналах, связанных со злоупотреблениями Щелокова. Тогда этот вопрос вынесли на рассмотрение политбюро. Вел заседание Андропов. Когда встал вопрос, возбуждать ли против Щелокова уголовное дело, то Тихонов и Устинов возражали, Громыко колебался, другие также были за то, чтобы спустить все на тормозах. Но Андропов настоял, чтобы дело возбудить и поручить расследование Главной военной прокуратуре…

В июне 1983 года Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело, основываясь на материалах ревизии хозяйственного управления МВД. Следствие пришло к выводу, что начальник ХОЗУ генерал-майор Виктор Калинин организовал «преступную группу расхитителей социалистической собственности и путем злоупотребления своим служебным положением систематически похищал государственное

имущество, обращая его в свою собственность и собственность других лиц».

По материалам этого дела собирались посадить и Николая Щелокова.

Указом президиума Верховного Совета СССР 6 ноября 1984 года он был лишен воинского звания «генерал армии». 12 ноября в квартире Щелокова был обыск. Изъяли сто двадцать четыре картины – Саврасов, Бенуа, Куинджи…

7 декабря персональное дело бывшего министра рассматривалось на заседании Комитета партийного контроля. Щелоков отрицал предъявленные ему обвинения. Но члены КПК проголосовали единогласно: «За грубое нарушение партийной и государственной дисциплины, принципов подбора, расстановки руководящих кадров, злоупотребление служебным положением в корыстных целях в бытность министром внутренних дел СССР члена КПСС Щелокова Николая Анисимовича из партии исключить».

Таков был порядок, унаследованный еще со сталинских времен: сначала отобрать партбилет, а потом сажать, чтобы за решеткой не оказался член партии…

Председателю КПК Соломенцеву потом доложили, что Щелоков, выйдя из зала, зашел к нему в приемную, спросил у дежурного секретаря, вернется ли Михаил Сергеевич в своей кабинет после заседания. Видимо, хотел поговорить. Но ждать не стал, ушел.

12 декабря указом Президиума Верховного Совета Щелоков был лишен звания Герой Социалистического Труда и всех наград, кроме полученных на войне. Щелокову позвонили из наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР и предупредили, что надо сдать награды, которых его лишили. Таков порядок. Николай Анисимович сказал, чтобы приходили в три часа.

Он уже знал, что ордена не отдаст.

Он находился на даче в Серебряном Бору. В полдень 13 декабря 1984 года Щелоков надел парадный мундир с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. На мундире были одиннадцать советских орденов, десять медалей и шестнадцать иностранных наград. Он зарядил двуствольное охотничье ружье и выстрелил себе в голову. Ему было семьдесят четыре года.

Он оставил записку, адресованную генеральному секретарю Константину Устиновичу Черненко:

«Прошу Вас не допустить разгула обывательской клеветы обо мне. Этим невольно будут поносить авторитет руководителей всех рангов, это испытали все до прихода незабвенного Леонида Ильича. Спасибо за все добро и прошу меня извинить.

С уважением и любовью

Н. Щелоков».

О самоубийстве бывшего министра немедленно уведомили Черненко.

Помощник генерального секретаря Виктор Прибытков вспоминает: «На Черненко это известие не произвело никакого впечатления. Похоже, он давно мысленно вычеркнул этого человека из списка реально живущих на земле. После всего, что он успел натворить, безудержно пользуясь властью, Щелоков для него был совершеннейшим нулем, пустым местом…»

Юрий Чурбанов пишет: «Я хорошо помню тот день, когда застрелился Щелоков… Удивился ли я такому финалу? Пожалуй, все-таки нет. Самоубийство для Щелокова было в известной степени выходом».

Сам Юрий Михайлович предпочел сесть на скамью подсудимых, был приговорен к длительному тюремному заключению и отбыл срок.

Следственное управление Главной военной прокуратуры подвело итог своей работы:

«Всего преступными действиями Щелокова государству причинен ущерб на сумму свыше 560 тысяч рублей. В возмещение ущерба им и членами его семьи возвращено, а также изъято органами следствия имущества на сумму 296 тысяч рублей, внесено наличными деньгами -126 тысяч рублей.

Щелоков Н.А. систематически из корыстных побуждений злоупотреблял своим ответственным служебным положением, причинив государству значительный вред. 13 декабря 1984 года Щелоков Н.А. покончил жизнь самоубийством, поэтому уголовное дело в отношении него возбуждено быть не может».

Николая Анисимовича Щелокова похоронили на Ваганьковском кладбище рядом с матерью и женой. На похороны мало кто решился прийти. Надзирателей из КГБ, которые отмечали всех, кто пришел, оказалось больше, чем пожелавших проводить в последний путь бывшего министра.

В освободившейся квартире Щелокова в доме на Кутузовском проспекте, где его жена будто бы стреляла в Андропова, поселился Герой Советского Союза Владимир Карпов, чья карьера стремительно шла вверх. Он стал первым секретарем правления Союза писателей СССР, депутатом Верховного Совета, членом ЦК, и ему полагалось жилье по высшему номенклатурному уровню. Владимир Карпов рассказывал: «Мы с супругой засомневались, не будут ли нас здесь призраки навещать, но, как выяснилось, министр с женой стрелялись не в этой квартире, а на даче». Соседкой писателя оказалась больная уже Виктория Петровна

Брежнева, вдова генерального секретаря.

Глава 11
Щербицкий. Наследник, отказавшийся от наследства

16 февраля 1990 года в десять утра в Киеве бурно открылась сессия Верховной Рады Украины. Депутаты с нетерпением ждали выступления недавнего хозяина республики Владимира Васильевича Щербицкого. И года не прошло, как он добровольно ушел с поста члена политбюро ЦК КПСС и первого секретаря ЦК Компартии Украины. Щербицкий еще оставался депутатом, союзным и республиканским, и должен был говорить об обстоятельствах чернобыльской катастрофы.

Но Щербицкий не пришел. Днем «скорая помощь» доставила его в реанимацию. Об этом объявили в зале заседаний Верховной Рады. В тот же день в пять вечера депутатам сообщили о его смерти. Ему было семьдесят два года. Говорили, что в могилу его свело тяжелое воспаление легких.

И лишь немногие знали, что многолетний хозяин Советской Украины Владимир Щербицкий покончил с собой. Первым об этом рассказал один из бывших партийных работников Днепропетровска:

«Щербицкий не умер от воспаления легких – он застрелился… Его брат Борис, когда мы встретились после смерти Владимира Васильевича, сказал: «Я же пришел к нему в канун дня рождения, хотел подбодрить. И вдруг узнаю, что он застрелился» С такой болью, такой горечью и печалью Борис Васильевич проронил эти слова. Владимира Васильевича должны были заслушивать в Верховной Раде. Брату он заявил: «Ни за что туда не пойду».

Председатель КГБ Украины Николай Голушко рассказывал, что был потрясен самоубийством Щербицкого и просто не знал, что делать. Голушко жил в том же доме (Щербицкие этажом выше). Вдова Владимира Васильевича – Рада Гавриловна – попросила его зайти и показала завещание.

Щербицкий от руки написал прощальное письмо жене, оно же – завещание:

«Дорогая Радуся!

1. Это все наши сбережения – 55–60 тысяч рублей в сейфе, которыми ты должна мудро распорядиться (мама, ты, Вовочка, дети).

2. Ордена, медали, грамоты, военный ремень, полевую сумку

и военную фуражку – прошу сохранить как семейные реликвии.

3. Пистолеты, которые нужно сделать небоеспособными, – также. Все другое – нужно сдать.

4. Ружья подари друзьям. Карабин – верни МВД.

Во всем другом разберись, пожалуйста, сама. Друзья помогут. Целую тебя, моя дорогая, крепко, крепко.

В. Щербицкий».

Генерал Голушко вместе с Радой Гавриловной разобрались с коллекцией подарочного оружия, среди которого было несколько боевых пистолетов советского и иностранного производства. Один из пистолетов – парабеллум – сотрудники КГБ привели в негодность и оставили на память в семье, для внука.

Многие и по сей день не верят в самоубийство Щербицкого, помня его железный характер, жизнелюбие и способность к жесткой и жестокой борьбе. И в самом деле – почему покончил с собой бывший член политбюро ЦК КПСС, хозяин крупнейшей республики, фронтовик? И мало кто знает – Владимир Васильевич Щербицкий мог стать и руководителем всего Советского Союза. Эта история окутана тайной не в меньшей степени, чем обстоятельства его внезапного самоубийства.

1982 год был решающим в истории Советского Союза. Он начался смертью второго человека в партии Михаила Андреевича Суслова, а закончился уходом из жизни самого Леонида Ильича Брежнева. Кадровые решения этого года могли изменить путь страны.

Разумеется, Леонид Ильич не ведал своей судьбы и не собирался уходить из жизни. Но после кончины Суслова искал себе надежного второго человека. Вроде бы остановил свой выбор на Андропове, сказал Юрию Владимировичу, что переведет его из КГБ в ЦК. Но шел месяц за месяцем, а ничего не происходило. Леонид Ильич колебался? Присматривал кого-то другого на должность фактически второго секретаря ЦК КПСС?

Тайные переговоры в Киеве

Примерно в это время между Брежневым и первым секретарем ЦК Компартии Украины Щербицким состоялся секретный разговор. Причем Брежнев не пригласил Владимира Васильевича в Москву, а сам неожиданно отправился в Киев. Генерал Алидин вспоминает: «В начале мая 1982 года Леонид Ильич в большой тайне вылетел на несколько часов в Киев. Это мне стало известно от начальника подразделения Управления, оперативно обслуживающего Внуковский аэропорт. Я, естественно, доложил об этом Андропову».

Юрий Владимирович был очень встревожен, понимая, что стоит за такой поездкой. Владимир Васильевич принадлежал к числу любимцев Брежнева. Щербицкий постоянно демонстрировал свою близость к генеральному. Прямо во время пленума ЦК или актива в Киеве его приглашали к телефону, он на несколько минут исчезал, а вернувшись, гордо сообщал соратникам, что Леонид Ильич шлет им горячий привет.

По словам бывшего члена политбюро Вадима Медведева, у Щербицкого с генеральным секретарем были «самые тесные, доверительные отношения, при его поддержке Брежнев решал самые щекотливые вопросы».

Владимир Васильевич родился в Днепропетровской области и многие годы там работал, поднимаясь по партийной лестнице. Перед войной окончил Днепропетровский химико-технологический институт. В июле 1941-го ушел на фронт. Его средний брат Георгий партизанил в Белоруссии, погиб в бою… Владимир Васильевич вернулся в родные места. Работал на заводах, пока высокого статного инженера-фронтовика не приметили в партийном аппарате. Владимир Васильевич начинал свою партийную карьеру на родине Леонида Ильича, в Днепродзержинске, а потом его еще и перевели в Днепропетровск, где он сменил на посту первого секретаря обкома Андрея Павловича Кириленко. Дружеские отношения с тех пор связывали всех троих – Брежнева, Кириленко, Щербицкого.

Он стремительно рос. В 1957 году его сделали секретарем ЦК Компартии Украины по промышленности. В 1961 году- главой республиканского правительства. Но его съел первый секретарь ЦК Украины Петр Ефимович Шелест, который был в чести у Хрущева. В конце 1963 года Никита Сергеевич разгневался на Щербицкого и с большим понижением вернул его назад, в Днепропетровск первым секретарем обкома.

4 декабря 1963 года Хрущев на заседании президиума

распорядился:

– Освободить Щербицкого от обязанностей кандидата в члены президиума, а вместо него ввести Шелеста.

Заметим, что Шелест и Щербицкий терпеть не могли друг друга.

«Освобожден он был правильно, – писал Шелест, – это невоспитанный в партийном отношении человек, малокультурный, груб и дерзок в обращении с товарищами по работе, большой нытик».

Хрущевская опала закончилась для Щербицкого тем, что он оказался в реанимационном отделении местной больницы – инфаркт.

Все изменилось после отставки Хрущева и избрания Брежнева первым секретарем. Он извлек Щербицкого из ссылки, и через год, осенью 1965 года Щербицкий вновь возглавил правительство Украины. 6 декабря 1965 года на пленуме Щербицкого избрали кандидатом в члены президиума ЦК. Брежнев не только укреплял позиции своего ставленника, но и обзаводился надежным сторонником среди высшего партийного руководства. В 1971 году он сделал Щербицкого членом политбюро, хотя по должности ему такой высокий партийный чин не полагался, да и не было второй такой республики, которая получила бы сразу два места в политбюро.

Это было сделано с дальним прицелом. После избрания Щербицкого в политбюро Шелест и года не продержался в Киеве. Помимо личных у Брежнева были и иные мотивы. В Москве Шелеста подозревали в покровительстве националистам.

Петр Ефимович, пожалуй, больше других киевских политиков любил Украину, украинский язык. Комсомольским секретарям, даже в Крыму, приказано было выступать только на украинском языке. Не у всех это получалось. Многие украинцы на высоких постах не владели родным языком. Приехав в одну из областей, Шелест обратил внимание на лозунг «Сдадим объект на месяц раньше срока», недовольно заметил:

– Лозунг написан на русском, а работают там, небось, одни украинцы.

Шелест опирался на настроения немалой части украинской интеллигенции, которая с горечью говорила о судьбе своего народа и вину возлагала на Россию.

«С какой сатанинской силой уничтожалась Украина, – писал в дневнике известный писатель Олесь Терентьевич Гончар. – По трагизму судьбы мы народ уникальный. Величайшие гении нации – Шевченко, Гоголь, Сковорода – всю жизнь были бездомными… Но сталинщина своими ужасами, государственным садизмом

превзошла все. Геноцид истребил самые деятельные, самые одаренные силы народа. За какие же грехи нам выпала такая доля?»

Летом 1965 года всем высшим учебным заведениям республики было дано указание в трехмесячный срок перевести обучение на украинский. В Москве такие жесты воспринимали настороженно, видели за этим проявление национализма и сепаратизма. А друг Леонида Ильича Щербицкий, как он сам говорил, стоял на «позициях Богдана Хмельницкого», то есть полностью ориентировался на Москву. Щербицкий на пленумах и совещаниях выступал на русском языке, и книги его выходили только на русском. Он был человеком мнительным, заботился о том, чтобы Москве нравилось все, что он делает.

Для начала Брежнев и Андропов сменили руководство Комитета госбезопасности на Украине. Новым председателем республиканского КГБ 16 июля 1970 года назначили генерала Виталия Васильевича Федорчука, выходца из военной контрразведки, протеже генерала Цинева. Петра Шелеста появление генерала Федорчука в Киеве не обрадовало, но поделать он ничего не мог.

Федорчук остался крайне недоволен работой своего предшественника:

– Нет настоящей борьбы против националистов!

Он объяснял подчиненным:

– Мы работаем на Союз, мы интернационалисты, и никакой Украины в нашей работе нет. Но о какой борьбе с украинским буржуазным национализмом может идти речь, если первый заместитель председателя комитета приходил на работу в «вышиванщ» (традиционная украинская рубашка. – *Авт.*)?

Он неустанно выискивал в республике идеологическую крамолу и требовал ее искоренения. Если меры не принимались, с угрозой в голосе говорил на политбюро:

– Я информирую вовремя и остро, но нет должной реакции.

По мнению нового председателя Комитета госбезопасности, сделал вывод Шелест, борьба – это когда просто без разбора сажают в тюрьму.

Идеологическая чистка Украины превратилась в задачу номер один. Второе управление КГБ Украины – контрразведка (по традиции самое многочисленное и важное!) насчитывало всего 80 офицеров. А самым крупным оперативным подразделением стало Пятое управление (борьба с идеологической диверсией)– 155 оперативных работников. Вместе с сотрудниками пятых отделов областных управлений на пятой линии сконцентрировали 830 офицеров-оперативников.

После переезда Федорчука в Киев по всей Украине прошла волна арестов диссидентов – реальных и мнимых. Многие из них после перестройки станут видными деятелями культуры, депутатами украинского парламента. Как говорили тогда на Украине: «Когда в Москве стригут ногти, в Киеве рубят руки».

Сами украинские чекисты не без содрогания вспоминают своего председателя. Полковник Михаил Иванович Гавяз, заместитель начальника Пятого управления КГБ УССР:

«Как рассказывали мне близкие к Федорчуку люди, установку на «наведение порядка на Украине и усмирение националистов» он получил при назначении лично от Брежнева. Дело групповой агентурной разработки «Блок» встревожило Шелеста. С 1965 года КГБ УССР таких разработок в Киеве не заводило, потому что это предполагало наличие организованной антисоветской деятельности в республиканском масштабе.

Под репрессии попали люди, которые не принимали какого-либо активного участия в диссидентском движении. По большинству дел не было доказано какой-либо организованной враждебной деятельности с их стороны. Главным криминалом оказалось хранение различной диссидентской литературы.

Главным обвинением против многих арестованных был обнаруженный у них трактат Дзюбы «Интернационализм или русификация», который тогда официально не был признан криминальным. В этой ситуации ЦК Компартии Украины в срочном порядке принял 22 февраля 1972 года постановление. В его основу было положено решение комиссии ЦК КПСС о том, что работа Дзюбы носит «явно выраженный антисоветский, антикоммунистический характер».

Неизданная книга Дзюбы, по признанию секретаря ЦК Компартии Украины по идеологии Александра Семеновича Капто, буквально взорвала общественное мнение, поскольку рисовала «истинную, выверенную государственной статистикой картину, которая складывалась с развитием не только украинского языка, но всей культуры в целом».

В независимой Украине Ивана Михайловича Дзюбу изберут в Национальную академию наук. А тогда чекисты арестовали автора распространявшейся в рукописи книги «Интернационализм или русификация?». После долгих допросов его заставили выступить с «осуждением националистических ошибок». Его заявление опубликовала 9 ноября 1979 года «Литературная Украина».

Ивана Михайловича поносили на всех углах. Только Олесь Гончар отказался критиковать Дзюбу. Гончара, одного из самых заметных украинских прозаиков, лауреата Сталинской и

Ленинской премий, хотели исключить из партии и даже посадить. Но даже Подгорный сообразил, что делать это никак нельзя. Сказал Шелесту:

– Петро, тебя или меня посадят – мир не вздрогнет, а если посадят Гончара – то это взбудоражит весь мир.

Генерал-майор Александр Иванович Нездоля:

«Федорчук был очень грубым с подчиненными, любил и всячески поощрял «стукачество» в коллективе. Он поломал судьбу не одному сотруднику. Малейшее неподчинение каралось с безграничной жестокостью. В то же время подхалимы активно росли по службе… В личной жизни Федорчук был аскетом. Его не интересовали ни роскошь, ни отдых, ни развлечения, ни богатство – ничего, кроме работы. И того же требовал от остальных. Он безжалостно наказывал сотрудников, которые заводили садовый участок или машину. Жестко контролировал приход и уход с работы, снова вернул сталинский режим работы. Никто не мог уйти раньше своего начальника…

Председатель КГБ Украины легко ломал человеческие судьбы… Отпечаток, оставленный им на судьбах сотрудников украинского КГБ, украинской интеллигенции – да и Украины вообще, – остался надолго…»

Генерал-майор Василий Емельянович Мякушко:

«Федорчук прославился своей жестокостью по отношению к подчиненным. Был случай: он приказал уволить уборщицу, которая мыла окно, когда он проходил мимо, и потому с ним не поздоровалась».

Генерал Нездоля:

«Работа в КГБ была колоссальным испытанием властью. Легко было ощутить себя вершителем судеб и упиваться своим могуществом над простыми гражданами. Ибо выше КГБ в советское время были только партия и Господь Бог… У тех, у кого был хоть малейший комплекс неполноценности, возможность ощутить пьянящее чувство превосходства над более талантливым, преуспевающим человеком толкала отнюдь не на справедливые поступки… Попасть под 187-ю статью – «клевета на советскую действительность» мог любой человек… Достаточно было написать донос. Дальнейшее во многом зависело от личного выбора сотрудника госбезопасности: кто-то мог предпочесть профилактическую беседу, чтобы сохранить талантливого человека, а кто-то, наоборот, организовал провокационное спецмероприятие, чтобы дискредитировать «объект», не разделяющий идейных ценностей социализма».

Избавление от Шелеста

Вскрытые Федорчуком «преступные недостатки» в идеологической сфере помогли Брежневу освободить кресло первого секретаря ЦК Компартии Украины для своего друга. 19 мая 1972 года в Свердловском зале Кремля открылся очередной пленум ЦК КПСС. После обеда, когда выступил четвертый оратор, Брежнев поручил вести пленум Суслову и вышел из зала, пригласив с собой Шелеста в комнату президиума.

Брежнев осторожно завел разговор:

– Ты, Петр Ефимович, уже десять лет первым секретарем ЦК Компартии Украины. Может, пора тебе переменить обстановку? Когда долго работаешь на одном месте, притупляется чутье, надоедаешь ты людям, и они тебе.

Ошеломленный Шелест спросил:

– Почему так внезапно встал этот вопрос?

– Надо тебе сменить обстановку. С твоим опытом ты нужен в Москве, а там надо омолодить кадры. Надо готовить смену. Давай согласие. Все будет хорошо – это я тебе говорю. Ты пойдешь работать в Совмин зампредом.

Петр Ефимович понимал, что это понижение. Одно дело – хозяин крупнейшей республики, другое – один из многих заместителей (даже не первый) главы правительства. Брежнев стал наседать:

– А что, тебе мало? Зампред Совмина такой страны! Будешь заниматься промышленностью, в том числе военной.

Едва Шелест покинул Киев, там провели пленум и избрали первым секретарем Владимира Васильевича Щербицкого. В первые два года Щербицкий заменил девять первых секретарей обкомов партии, считавшихся друзьями Шелеста.

Между новым и старым хозяином Украины было мало общего.

Секретарь ЦК Капто:

«Внешне жесткий, но внутренне более податливый Шелест и внешне эластичный, но навсегда «запоминающий» проколы своих оппонентов Щербицкий. Хитринка в глазах и внешние очертания лица Шелеста в большей степени подчеркивали его украинское начало, у Владимира Щербицкого – вид человека в большей степени «европеизированного».

Писатель Виталий Алексеевич Коротич:

«Шелест был очень человечным, он знал, что такое ностальгия, он умел любить такого странного человека, как Параджанов. Щербицкий устраивал любое руководство, он мог

пристроиться к кому угодно. Шелест этого не умел. Шелест был чиновником по должности, но не по духу».

Знаменитый кинорежиссер Сергей Иосифович Параджанов при Шелесте нашел приют в Киеве. При Щербицком его травили, а потом посадили.

Став хозяином республики, Владимир Щербицкий инструктировал политбюро ЦК Компартии Украины о новых задачах:

– В УССР возросли националистические, сионистские тенденции, за что наше руководство было подвергнуто обоснованной и серьезной критике. Наша «линия» в этих вопросах неправильная. Под предлогом «демократизации» велась борьба с русификацией. Начались призывы к изменению государственного строя, борьба за самостоятельную Украину. А ведь Пекин выступает за самостийную Украину!.. Наблюдается ревизия прошлого, восхваление старины, попытки реабилитировать Мазепу, а Богдана Хмельницкого представить предателем. Признано идеологически вредным указание секретаря нашего ЦК на совещании секретарей обкомов в Харькове о преподавании в вузах только на украинском языке. А издание Пушкина на украинском языке, трансляция футбола на украинском?! Это распространилось после политически нечеткого выступления Шелеста на съезде писателей: «Берегти рщну укражську мову». Нельзя украинский национализм недооценивать. Нужно поднять идеологическую борьбу, сделать ее острой, наступательной, предметной.

Петр Шелест пытался изъять из политики главного борца против украинского национализма – секретаря Львовского обкома по идеологии Валентина Ефимовича Маланчука. Шелест доказывал, что в республике восторжествовал интернационализм, а Маланчук писал, что борьба с национализмом – важнейшая задача партии. Шелест снял Маланчука с должности и назначил заместителем республиканского министра высшего и среднего специального образования. Это означало конец политической карьеры.

Но Щербицкий сделал Валентина Маланчука секретарем ЦК Компартии Украины по идеологии. Ему поручили избавиться от наследства Шелеста, и он рьяно принялся за дело. Его методы пугали даже товарищей по партийному аппарату. Коллеги Маланчука не любили и боялись, за глаза именовали «инквизитором». Борьба с «национализмом» на практике означала удушение любого деятеля культуры, позволившего себе отклониться от генеральной линии. Маланчук устраивал массовые чистки в сфере культуры, средств массовой

информации, безжалостно снимал с работы.

Виталий Врублевский:

«Вместе с идеологическим, моральным террором, который проводил Маланчук, репрессивные методы КГБ создавали тяжелую атмосферу, которая отражала процессы, протекавшие по всей стране…»

Олесь Гончар записал в дневнике о Щербицком, которому поначалу был рад:

«А потом, потом… Что-то иезуитское, двоедушное стал я замечать в нем. Сегодня в разговоре высмеивает уничтожителя Ватченко, а завтра делает его председателем Верховного Совета… Защищенный Брежневым, он мог бы оказать сопротивление даже Суслову, когда тот навязал в секретари Маланчука, этого патологического ненавистника украинской культуры. Наоборот, именно В.В. дал разгуляться маланчуковщине… Это он изгнал украинский язык из пленумов ЦК…

А в общем В.В. – тоже трагическая фигура. Каждый из украинских лидеров, оказавшись на вершине, должен был выбирать: будет работать он на Украину или на Москву. И, конечно, каждый (разве что за исключением Скрипника) выбирал последнюю. Кто проявил бы непослушание, не продержался бы у руля и трех дней. В.В. это понимает. К тому же у него, очевидно, не было со школы украинского воспитания…»

Валентин Маланчук проявил большее рвение, чем от него ожидали. Он завел в республике собственные черные списки, вызывал работников идеологических отделов и отдавал распоряжение:

– Такого-то без моего разрешения не публиковать.

В список Маланчука попали известные украинские писатели, у которых нашлись друзья и защитники. Они уведомили Щербицкого, что Маланчук компрометирует руководителя республики в глазах украинской интеллигенции.

Но Щербицкому больше не понравились попытки Маланчука вести свою игру – в обход первого секретаря. Валентин Ефимович завел друзей в Москве, в аппарате ЦК КПСС и информировал столичных чиновников о тайнах украинской политики. Щербицкому донесли, что Маланчук, не поставив первого секретаря в известность, отправил в Москву в Политиздат обширную монографию по национальному вопросу. Там речь шла и об украинских делах, причем Маланчук обнаружил в республике крамолу. А Щербицкому совсем не хотелось, чтобы кто-то писал о недостатках в его республике.

Монографию Валентин Маланчук на всякий случай намеревался издать под псевдонимом. Щербицкий послал в

столицу своего помощника – проверить слухи относительно монографии. Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Владимир Николаевич Севрук подтвердил, что монография лежит в Политиздате и что в ЦК смущены: партийные работники такого ранга под псевдонимом пишут только по особому решению.

Щербицкий увидел в этой истории подкоп под себя, назвал Маланчука «двурушником» и, заручившись согласием Брежнева, в апреле 1979 года буквально в один день сместил слишком рьяного идеолога. Рассказывают, что борец с идеологической крамолой и «радикальный интернационалист» запил и умер в 56 лет.

Точно так же не понравилось Щербицкому и поведение второго секретаря ЦК Компартии Украины Ивана Кондратьевича Лутака. Он проявлял излишнюю самостоятельность, не все согласовывал с руководителем республики, вспоминал помощник первого секретаря Виталий Константинович Врублевский. Чашу терпения переполнило устроенное Лутаком совещание первых секретарей райкомов партии Киева. Давать инструкции руководителям партийных организаций республиканской столицы мог только руководитель республики.

Щербицкий нажал на нужные рычаги, и Иван Кондратьевич получил приглашение в Москву – на должность первого заместителя председателя Госплана по сельскому хозяйству. Лутак не захотел покидать Украину, предпочел остаться на родине. Тогда ему подобрали должность с понижением – сделали первым секретарем Черкасского обкома.

Но вот с председателем республиканского Комитета госбезопасности Щербицкий ничего не мог сделать. Федорчук сообщал в Москву: «С Политбюро ЦК КПУ (тов. Щербицким) проводимые мероприятия согласованы…» В реальности действовал более чем самостоятельно. Щербицкий чувствовал, что и он сам в определенной мере находится «под колпаком» КГБ: ни один шаг первого секретаря не оставался без внимания Федорчука и Цинева. По мнению украинских чекистов, Федорчук поставил себя так, что стал вторым человеком в республике. Так что Щербицкий к Федорчуку относился с настороженностью, понимая его крепкие связи в Москве.

Аппарат ЦК Компартии Украины составлял четыреста с лишним человек. Существовала своя система закрытой связи: АТС-100 для руководителей республики, АТС-10 для остальной номенклатуры. Подражая московским нравам, многие важные вопросы Щербицкий решал во время обеда в здании ЦК. Участие в общем обеде считалось обязательным, и в столовой собирались

все члены политбюро и секретари ЦК. Виктор Васильевич обладал завидной памятью, легко запоминал цифры. Свободно говорил без бумажки, импровизировал. Он собирал аппарат в зале заседаний секретариата. Тихим голосом, не гася сигареты, он беседовал часами.

Он приходил в ЦК в девять утра и уезжал около девяти. Кабинеты секретарей ЦК располагались на втором этаже, сюда можно было пройти только по специальному пропуску. В приемной, сменяясь, круглосуточно дежурили секретари. Когда хозяин кабинета был на месте, за маленьким столиком устраивался и охранник.

Он жил на пятом этаже в доме для членов политбюро на улице Карла Либкнехта. Из двора можно было сразу пройти на территорию ЦК. Во дворе располагалась главная радость хозяина Украины – голубятня, с нее он и начинал день.

Пока Владимир Васильевич сидел на работе, оставались в своих кабинетах и остальные секретари ЦК и другие крупные работники: он мог позвонить в любую минуту. В девять он садился смотреть программу «Время». Так поступали и другие руководители Украины – впивались глазами в голубой экран в надежде уловить новые веяния центральной власти. Потом уходил домой.

Под Новый год, рассказывает бывший сотрудник ЦК КПУ Александр Кириллович Власенко, дежурный секретарь из приемной первого секретаря обходил заведующих отделами, каждому вручал подписанное Щербицким поздравление и подарок- удобный блокнот в коленкоровом переплете. На совещания следовало приходить с ним и вести записи. Один из заведующих пренебрег правилом. На следующий день Щербицкий ему позвонил:

– А ну-ка, повтори, что я вчера говорил.

Тот замялся. Владимир Васильевич жестко сказал:

– Я тебе рабочий дневник подарил? Вот и записывай. Еще раз увижу без него – накажу.

В отпуск он уходил в начале августа. Предпочитал Крым – государственную дачу в Мухалатке. Вместе с ним отправлялись один из работников общего отдела ЦК и кто-то из помощников: почта для члена политбюро доставлялась ежедневно. Шелест обожал охоту, мог в любой момент сорваться и уехать. Щербицкий разрешил членам политбюро стрелять дичь лишь два раза в год – в день открытия сезона и в день закрытия.

Вообще держался скромнее Шелеста, который был барином. Генерал-майор Геннадий Александрович Федяев начинал службу в львовском областном управлении КГБ:

«Помню, как во Львов приезжал первый секретарь ЦК КПУ П.Е. Шелест. Нашему отделению досталась забота о безопасности сопровождавших его лиц. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что в товарном вагоне спецпоезда приехала корова, которую обслуживали ветеринар и доярка. Шелест пил «спецмолоко» только от этой «спецкоровы».

Петр Шелест наслаждался своим положением, ощущал себя всеукраинским головой, пишет Александр Власенко, даже гетманом. В реальности Владимир Щербицкий был таким же амбициозным, как и Шелест, но по характеру менее общительный, менее откровенный, скорее закрытый. И мнительный. Он охотно прислушивался к доносам, собирал информацию о тех, кого невзлюбил, и методично ломал им карьеру.

Зато Щербицкий был человеком нежадным. Помощники вспоминали, что после выхода книги он раздал им врученный ему гонорар, а сторонним авторам подарил японские часы. Увлекался он голубями и футболом. Страстный болельщик киевского «Динамо», помогал спортивному обществу и футболистам, давал им квартиры. Не пропустил ни одного матча между киевским «Динамо» и московским «Спартаком»…

Щербицкий не терпел разводов. Нелады в семье почти всегда вели к увольнению из аппарата ЦК. Он познакомился с будущей женой, студенткой местного университета, в 1944 году в Тбилиси, куда перебросили его часть. В октябре 1945 года они поженились. Рада Гавриловна преподавала русскую литературу в средней школе. Говорили, что ей предлагали стать директором, но муж воспротивился.

– Пока я первый секретарь ЦК, – решил Щербицкий, – моя жена будет работать рядовым учителем…

У них было двое детей. Жизнь дочери Ольги сложилась вполне благополучно, а сын Валерий, к несчастью, спился и умер в 46 лет.

«Видишь это кресло?»

Мысль перевести Щербицкого, надежного, старого товарища, в Москву не раз приходила в голову Леониду Ильичу. После вынужденного ухода на пенсию тяжело больного Алексея Николаевича Косыгина Брежнев предложил Владимиру Васильевичу возглавить союзное правительство. Брежнев и Щербицкий вместе ездили в Кишинев. Леонид Ильич находился в угнетенном состоянии, постоянно думал о том, кто станет председателем Совета министров. Поздно вечером уже в пижаме он зашел к Щербицкому:

– Володя, ты должен заменить Косыгина, больше некому.

Владимир Васильевич наотрез отказался. Во всяком случае, так он потом рассказывал своему помощнику. Заметил, объясняя причину отказа:

– Эту разболтанную телегу было уже не вывезти. Да и в московские игры я не играю.

Вероятно, Щербицкий считал кресло предсовмина опасным, со всех сторон открытым для критики: вину за бедственное состояние экономики партийный аппарат ловко переваливал на правительство.

Щербицкий получил две Звезды Героя Социалистического Труда и значок лауреата Ленинской премии по закрытому списку, введенному для тех, кто работал на военно-промышленный комплекс. Тут инициативу проявил министр обороны Дмитрий Устинов. У него тоже были дружеские отношения со Щербицким.

Разговоры о преемнике Брежнева шли давно. И он сам делал намеки, а то и выражался еще более откровенно. На Старой площади разнесся слух, что однажды Леонид Ильич прочувствованно сказал Щербицкому:

– После меня ты, Володя, станешь генеральным.

Высокий, статный Щербицкий – на фоне остальных членов политбюро – производил приятное впечатление. Репутация у него в стране была приличная.

Так что же обсуждали Брежнев и Щербицкий во время тайной встречи в Киеве в мае 1982 года? Предлагал Леонид Ильич ему переехать в Москву? Или, может быть, рассказал о намерении сделать Андропова секретарем ЦК, но успокоил своего киевского друга: преемником Андропов не станет?..

Мечтал ли Владимир Васильевич о первых ролях в стране? Такое желание было бы нормальным. В кресле хозяина Украины он ощущал ограниченность своих возможностей. Однажды с горечью сказал председателю республиканского КГБ:

– Какая же самостоятельность республики, если без согласования с Москвой я не могу решить вопрос о строительстве туалета на Крещатике…

Но если Брежнев обсуждал с ним вопрос о втором человеке в партии (с прицелом на первого), то для Щербицкого это был, конечно, приятный, но опасный разговор. Если бы он проявил излишнюю заинтересованность в обсуждении вопроса о преемнике генерального секретаря, то мог немедленно разонравиться Брежневу. Поэтому наверняка ответил «нет» на приглашение перебраться в столицу.

24 мая 1982 года на пленуме Андропова избрали секретарем ЦК. А в Москву неожиданно для всех перевели человека, чье появление на важной должности изменило баланс сил. Председателем КГБ СССР был назначен не кто-то из заместителей Андропова (как предполагал Юрий Владимирович), а Виталий Васильевич Федорчук. Назначение Федорчука было неожиданностью для руководства КГБ. В пять вечера Федорчук появился у Андропова, а в шесть Юрий Владимирович уже прощался с коллегией. Генералы собрались в кабинете Андропова, где уже сидел Федорчук. Андропов сухо представил преемника, пожелал всем хранить боевые традиции органов госбезопасности, беречь их авторитет и распрощался.

Став председателем КГБ СССР, Федорчук продолжал оглядываться на украинское руководство, постоянно перезванивался со Щербицким, прислушивался к его советам и просьбам. В Москве это все замечали. Андропов подозревал, что теперь КГБ прослушивает его телефоны. Назначение Федорчука могло быть более значительным шагом, чем предполагалось. Когда-то Виталий Васильевич обеспечил передачу власти на Украине в руки Щербицкого. Может быть, теперь ему предстояло исполнить такую же миссию в Москве?

Бывший секретарь ЦК по кадрам Иван Васильевич Капитонов рассказывал, что в середине октября 1982 года его вызвал Леонид Ильич.

– Видишь это кресло? – спросил Брежнев, указывая на свое кресло. – Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого.

Виктор Васильевич Гришин, в ту пору член политбюро и первый секретарь Московского горкома, тоже считал, что Щербицкий был самым близким человеком к «Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность председателя ЦК партии. Осуществить это Л.И. Брежнев не успел. Недели за две до намечавшегося пленума ЦК

он скоропостижно скончался…»

Возможно, это всего лишь версия. Когда Федорчук покинул Украину, Щербицкий заметил с облегчением:

– Вовремя уехал, а то беды с ним еще больше бы набрались.

Зато Юрий Владимирович Андропов, который после смерти Брежнева стал главой партии и государства, видимо, не забыл разговоров о том, что кресло генерального предназначалось Щербицкому. Одно из первых его поручений касалось ситуации на Украине, причем речь шла не о поощрении киевских товарищей.

Юрий Владимирович вызвал к себе нового главного кадровика партии Егора Кузьмича Лигачева и поручил ему поехать на Украину, проверить, как там обстоят дела. Это был неприятный сигнал Щербицкому. Суровый характер и придирчивость Лигачева уже хорошо знали в аппарате. Лигачев рассказывал мне позже, что он ездил по Украине неделю, побывал в четырех областях – Киевской, Херсонской, Одесской и Днепропетровской. Свое мнение подробно и откровенно доложил Андропову. Когда закончил доклад, Юрий Владимирович спросил:

– Ты все мне доложил?

– Думаю, все.

– Нет, ты мне не все доложил. А с чем ты столкнулся, когда вернулся в Москву?

Выяснилось, что Андропову уже доложили о том, что с Украины Лигачеву прислали щедрый подарок. Егор Кузьмич не успел долететь до Москвы, а ему прямо на квартиру доставили целый сундук разных вещей: домашняя утварь, радиоаппаратура.

Встречает его жена – Зинаида Ивановна и говорит:

– Юрий (Лигачева в семье звали Юрием. – *Авт.),* тут тебе какая-то посылка большая. Целый сундук.

Удивленный Лигачев поставил чемоданы, открыл сундук и сразу все понял. Он вызвал двух сотрудников из ЦК КПСС и сказал:

– Украинские товарищи сотворили со мной безобразие. Прошу вас приехать ко мне домой, описать все вещи и немедленно отправить их назад.

После этого снял трубку аппарата междугородной правительственной связи и позвонил в Киев Щербицкому:

– Меня страшно обидели – и вы, и ваши товарищи, отправив эти вещи. Я считаю это оскорблением. Прошу вас разобраться, навести порядок, и, если вы сочтете нужным, через неделю-полторы мне позвоните.

Эта история стала известна Андропову. Он был доволен.

Сказал Лигачеву:

– Хочу тебе сказать-ты молодец, правильно поступил.

В Киеве поняли, что недооценили Егора Кузьмича.

Помощник Щербицкого Виталий Врублевский вспоминает, что Владимир Васильевич сначала не воспринял всерьез Лигачева с его напористостью и шумливостью. Егору Кузьмичу, как и другим московским руководителям, послали к празднику горилку с перцем и другие подарки из Киева. Лигачев все подарки вернул в постоянное представительство Украины в Москве. В Киеве сначала посмеялись: он, наверное, старовер, не пьет… Потом, уже после поездки Лигачева по Украине, стало не до смеха.

Щербицкий сам перезвонил Лигачеву, еще раз извинился за своих подчиненных, сказал, что меры приняты. Егор Кузьмич по своей привычке перепроверил: склад подарков нужным людям на Украине действительно ликвидировали. История эта широко разнеслась по ЦК. Аппарат сделал свои выводы: украинское руководство у Юрия Владимировича не в чести.

Последний шанс повлиять на историю страны у Щербицкого появился в марте 1985 года. Когда ушел из жизни ненадолго сменивший Андропова на посту генерального Константин Устинович Черненко, Щербицкий находился в США во главе представительной делегации Верховного Совета. Его визит, кстати говоря, готовил заведующий американским сектором международного отдела ЦК КПСС Дмитрий Андреевич Лисоволик, чье имя еще возникнет на страницах этой книги….

В Вашингтоне Щербицкого принял президент Соединенных Штатов Рональд Рейган, но разговор носил формальный характер. «Отличился» во время визита заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Борис Иванович Стукалин. Он решил дать отпор американским империалистам и в Конгрессе сказал, что в Америке еще встречаются таблички с надписью «неграм и евреям вход запрещен». Американцы попросили назвать хотя бы одно место, где висит такая табличка. Стукалин не смог. Вышел конфуз.

Из Москвы сообщили о смерти генерального секретаря. На решающее заседание политбюро, где избирали нового хозяина страны, Щербицкий не поспевал. Горбачева избрали в его отсутствие. А если бы Щербицкий прилетел в Москву и поспел к голосованию на политбюро, результат был бы иным?

Владимир Васильевич считался влиятельным членом политбюро, он распоряжался голосами членов ЦК от Украины, которым предстояло голосовать на пленуме. Но после смерти Брежнева у Щербицкого в Москве союзников не было. Разговоры о его возможном переезде в столицу вызывали настороженность:

выходцев с Украины московские аппаратчики опасались. Помнили, как хамовато вел себя Алексей Илларионович Кириченко, которого Хрущев взял из Киева на роль второго секретаря ЦК КПСС, но, увидев, что тот не тянет, быстро с ним расстался. Безмерно амбициозный и фантастически бесцеремонный Николай Викторович Подгорный, еще один бывший первый секретарь ЦК Компартии Украины, тоже оставил по себе плохую память, потому что позволял себе в унизительной форме разговаривать даже с членами политбюро.

Щербицкий был человеком более деликатным, знал эти настроения и старался их учитывать, постоянно спрашивал своих помощников:

– Ну а что там по этому поводу думают «московские бояре»?

«Московские бояре» предпочитали, чтобы он оставался в Киеве.

Чернобыль: виновные и жертвы

Точку в политической карьере, а, получается, что и в жизни Щербицкого поставил взрыв на Чернобыльской атомной электростанции. Авария стала еще и личной катастрофой для Владимира Васильевича. Его обвинили в том, что он не сделал все необходимое для спасения республики, напротив, рисковал жизнями и здоровьем киевлян, опасаясь обвинений в панике.

Генерал-майор Александр Константинович Шарков:

«25 апреля 1986 года в Киеве проходила закрытая конференция партийного актива центрального аппарата КГБ УССР, подводили итоги работы украинских чекистов за минувший год. Конференция продолжалась с утра до позднего вечера. Основной доклад и заключительное слово произносил член политбюро ЦК КПУ председатель КГБ УССР Степан Нестерович Муха.

Муха с пафосом заявил, что чекисты Украины могут с гордостью доложить Центральному комитету КПСС, что за отчетный период Комитет госбезопасности Украины не допустил ни одного серьезного происшествия в республике. И по злой иронии судьбы буквально через несколько часов, рано утром 26 апреля на территории Украины произошла самая крупная и самая тяжелая по последствиям техногенная катастрофа в истории человечества…»

После отъезда Федорчука в Москву председателем республиканского Комитета госбезопасности стал Степан Нестерович Муха, не кадровый чекист, а партийный работник. Он начинал в Днепропетровске (это само по себе было хорошей стартовой позицией) и дружил с первым помощником Щербицкого – Константином Проданом из того же Днепропетровского обкома. Федорчука чекисты боялись, а Муху считали дилетантом, нерешительным, амбициозным и обидчивым.

Генерал-майор Юрий Васильевич Князев руководил Шестым управлением КГБ УССР, которое отвечало, в частности, за безопасность атомных электростанций:

«26 апреля 1986 года в начале третьего ночи меня разбудил ответственный дежурный КГК УССР, чтобы сообщить: на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошла авария, возник пожар».

Туда отправился заместитель председателя республиканского Комитета госбезопасности Юрий Владимирович Петров с группой сотрудников Шестого управления. 27 апреля приехала

правительственная комиссия.

Генерал Князев:

«Наиболее компетентные ученые-атомщики не решались давать честные оценки и прогнозы, опасаясь вызвать раздражение у партийных руководителей. Тем, кто первым дал объективную оценку масштабов катастрофы, приказали замолчать. И только сотрудникам КГБ они не боялись раскрывать всю правду. Я сам провел несколько доверительных бесед с рядом видных атомщиков. На второй или третий день один из ученых сказал, что даже из Киева, а не только из 30-километровой зоны необходимо вывезти всех детей в возрасте до двенадцати лет, а также беременных женщин».

Генерал Кзязев о полученной информации ввиду ее огромной важности пытался доложить Степану Мухе. Но председатель Комитета госбезопасности не брал трубку. Муха категорически запретил подчиненным напрямую обращаться в ЦК, Совет министров и другие органы власти. Но Князев все же рискнул, позвонил по закрытой связи председателю Верховного Совета УССР Валентине Семеновне Шевченко:

– Вы знаете, что я не имею права докладывать вам напрямую, но получена исключительно важная информация от ведущих атомщиков.

И рассказал, что ученые советуют вывезти из Киева детей и беременных женщин. Валентина Шевченко воскликнула:

– Ой! Да у меня же невестка скоро должна рожать!

Через три часа она вывезла невестку из Киева. Жители города волновались, а партийные руководители утверждали, что нет оснований для беспокойства.

Генерал-майор Александр Константинович Шарков:

«Высокопоставленные партийные чиновники боялись ответственности за случившееся, а еще больше боялись быть обвиненными в панических настроениях. Поэтому они всячески пытались преуменьшить трагичность положения, подвергая опасности здоровье и жизнь своих родных, не говоря уже о тысячах соотечественников.

1 Мая республика как ни в чем не бывало торжественно отмечала День международной солидарности трудящихся. На Крещатике на центральной трибуне собралось все политическое руководство республики. Первый секретарь ЦК Щербицкий даже привел с собой внука, чтобы показать всем, что обстановка нормальная…

Было тепло, но очень ветрено. В тот день ветер дул прямо с Припяти, и на столицу обрушилась масса радиоактивной пыли из разрушенного реактора. Тысячи участников праздника

фактически подверглись радиоактивной атаке, но, вместо того чтобы сидеть в укрытиях или хотя бы дома, они жизнерадостно размахивали на улицах флажками и дышали «свежим весенним воздухом»…

Генерал Князев:

«Атомщики утверждали, что людям следует как можно меньше находиться на открытом воздухе. Но даже несмотря на то, что накануне 1 Мая роза ветров изменилась и потоки воздуха вместе с радиацией пошли на Киев, в столице Украины провели первомайскую демонстрацию. В этот день радиационный фон в Киеве в сто раз превышал естественный».

Только 2 мая в Чернобыль поехали Щербицкий и прибывшие из Москвы глава правительства Николай Иванович Рыжков и секретарь ЦК Егор Кузьмич Лигачев. Бросалась в глаза полная неготовность страны к ликвидации последствий ядерной катастрофы. Опять люди жертвовали своими жизнями и здоровьем, исправляя чужие ошибки и промахи.

Генерал Шарков:

«4 мая в два часа ночи я на служебной машине отправился в Чернобыль с опечатанным мешком секретной информации, доставленной из Москвы. В поселке Иванково меня встретил заместитель председателя КГБ УССР генерал-майор Георгий Кириллович Ковтун, руководитель временного оперативного штаба КГБ по контрразведывательному обеспечению работы правительственной комиссии. Вместе выехали в Чернобыль. Погода стояла замечательная. Быстро светало. Ранняя весна и не по сезону жаркая погода способствовали буйному расцвету природы. И на фоне этой светлой оптимистической картины брошенные жилые дома с домашней утварью, бездомные домашние животные и полное отсутствие людей. Как в фильме ужасов!

По наивности я попросил у Ковтуна разрешения съездить в Припять, чтобы посмотреть на разрушенный реактор.

– Ты в своем уме? – ответил генерал. – Хочешь сгореть там за несколько минут? Еще неизвестно, чем для нас кончится пребывание здесь. Ты вот бегаешь без счетчика, а тут сплошные пятна радиации. Позвони домой, пусть жена немедленно отправит детей из Киева куда подальше. Я тебе лично разрешаю.

Подумалось: если вопреки устному распоряжению партийного руководства, запрещавшему коммунистам вывозить детей из столицы под угрозой исключения из партии, зампред КГБ дает такие рекомендации – обстановка действительно серьезная».

«Многие киевляне, – вспоминают украинцы, – потеряли

друзей в других частях страны – нас боялись приглашать в гости, с нами не хотели встречаться. Мы стали вроде как прокаженные». Сплошной поток машин с детьми шел из Киева – отдавали сыновей и дочерей всем кто соглашался принять. Только потом на заседании политбюро решили вывезти детей из Киева в санатории и базы отдыха в южных областях республики. Полмиллиона матерей с детьми эвакуировали из столицы Украины. Киев опустел.

Генерал Голушко считает несуразным упрек Щербицкому в сокрытии истинного положения на Чернобыльской АЭС, в организации первомайских празднований в Киеве под «ядерным солнцем»:

«Если бы в первые дни чернобыльской драмы Щербицкий владел объективными, научно-обоснованными сведениями об опасном для населения ядерном излучении, то не согласился бы на проведение массовой первомайской демонстрации, не сделал бы заложником любимого внука, который стоял рядом с ним и его супругой Радой Гавриловной во время демонстрации на праздничной трибуне. Соответствующие центральные службы страны (кстати, они секретили всю информацию) накануне сообщили украинским властям о нормальном радиоактивном фоне на первомайские праздники…

В первые дни сведениями о масштабах последствий аварии на ЧАЭС не владели советские ученые – атомщики, медики… Как начальник Дежурной службы КГБ СССР, куда немедленно поступала информация о происшествиях на всей территории страны, в числе первых я прочитал шифротелеграмму КГБ Украины от 26 апреля о случившемся пожаре и взрыве на Чернобыльской АЭС. Она была чисто информационной, не особо тревожной. Авария ядерного реактора на атомной станции стала восприниматься как трагедия, когда на месте взрыва оказались ведущие специалисты-атомщики из Москвы…»

В Чернобыле судьба Щербицкого пересеклась с судьбой еще одного человека, который покончит с собой из-за аварии на атомной электростанции.

Главным научным консультантом в Чернобыле был академик Валерий Алексеевич Легасов, первый заместитель директора Института атомной энергии имени И.В. Курчатова. Директором был президент Академии наук Анатолий Петрович Александров.

Валерий Легасов прилетел в Чернобыль в день аварии, 26 апреля, и провел там несколько месяцев. Как и другие атомщики, он словно пытался искупить очевидное легкомыслие, с каким в нашей стране относились к атомной энергетике.

За два года до аварии Легасов писал:

«Можно смело сказать, что ядерная энергетика наносит существенно меньший ущерб здоровью людей, чем равная по мощности энергетика на угле… Специалисты, конечно, хорошо знают, что устроить настоящий ядерный взрыв на ядерной электростанции невозможно, и только невероятное стечение обстоятельств может привести к подобию такого взрыва, не более разрушительному, чем артиллерийский снаряд».

Валерий Легасов пришел в курчатовский институт аспирантом. Путь наверх лежал через кресло секретаря парткома института. Он очень старался на этой должности, исполнял указания партийных инстанций, «воспитывал» несознательных ученых, требовал, чтобы осудили академика Леонтовича за его «неправильные» политические высказывания.

В 36 лет Легасов стал доктором химических наук и – сразу заместителем директора. Через четыре года получил Государственную премию. В 45 лет его избрали академиком. Затем дали Ленинскую премию и за год до Чернобыля сделали членом президиума Академии наук. Анатолий Александров видел его своим преемником на посту директора института, а, может быть, не только института…

Чернобыль все перечеркнул. Легасов был назначен заместителем руководителя правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Со слезами на глазах рассказывал, что увидел:

«Такая неготовность, такая безалаберность. Сорок первый год, да еще в худшем варианте. С тем же Брестом, с тем же мужеством, с теми же отчаянностями и с той же неготовностью…»

Легасов сделал что мог для ликвидации последствий аварии. Но чернобыльская катастрофа подорвала репутацию тех, кто занимался атомной энергетикой. Отношение к нему изменилось. Коллеги-академики припомнили ему излишнюю близость к власти. Он ощутил себя в вакууме в Академии наук. На одном из заседаний во время тайного голосования коллеги проголосовали против него. Это был болезненный сигнал. Как выразился один из коллег, «честолюбивая натура Валерия Алексеевича не выдержала, он был подорван морально и психически со стороны мутных кругов внутри института, которому отдал всего себя».

К тому же у него были большие неприятности с сыном Алексеем, которому грозила тюрьма. Сын не пошел по отцовским стопам. Уже после смерти отца он займется бизнесом, его объявят в розыск… У академика началась тяжелая депрессия. 27 апреля 1988 года Валерия Алексеевича Легасова нашли в собственном кабинете повесившимся. Он покончил с собой через два года после Чернобыля. Еще через два года за ним последует

Щербицкий.

Оплот застоя

Партийные руководители по всей стране менялись, а Владимир Васильевич Щербицкий оставался на своем месте, хотя прочно ассоциировался с брежневскими временами.

Генерал Нездоля вспоминал, как Горбачев прилетел во Львов. Встречать генерального секретаря пришла новая политическая сила – представители «Народного Руха

Украины за перестройку» во главе с недавним политическим заключенным Вячеславом Максимовичем Черноволом. Одаренный публицист, он был трижды судим – за книгу об украинской интеллигенции, за издание подпольного журнала «Украинский вестник» и за участие в Украинской Хельсинской группе. Вскоре Черновол станет народным депутатом Украины и займет второе место на выборах президента республики…

Когда Михаилу Сергеевичу преподнесли хлеб-соль, руховцы громко скандировали;

– Долой Щербицкого!

Генерал Нездоля заметил, как Щербицкий напрягся, заволновался, сказал руховцам:

– Давайте не будем шуметь и примем гостя как положено, а я и сам скоро уйду.

Рада Гавриловна переживала уведенное во Львове:

– Михаил Сергеевич, энергичный, живой, в своей манере говорит. А рядом Владимир Васильевич – крупный такой, но какой-то ссутулившийся, замкнутый, даже мрачный. Ну точно тяжело раненный лев. На него больно было смотреть… Я привыкла видеть его таким сильным, мужественным, даже в старости по-своему красивым, и вдруг – какая-то потерянность, тревога, а ты не в состоянии помочь.

В мае 1987 года председателем республиканского комитета прислали из Москвы генерала Николая Михайловича Голушко, человека очень разумного и трезвомыслящего. Он заметил, что после Чернобыля Щербицкий «сильно изменился, заметно сдал. Чернобыль стал для него тем незримым тяжелым крестом, который он нес до самых последних лет своей жизни…»

Многие отмечали, что Щербицкий срывается, повышает голос, гонит «строптивых». Он жаловался и на здоровье, страдал от бессонницы и головной боли, стала мучить нога, иногда ходил с палочкой. Он вообще изменился – стал мрачным, замкнутым. При этом Щербицкий по-прежнему твердо держал в руках республику. Он раз и навсегда усвоил, что главное – кадры.

Николай Голушко:

«В повседневную оперативную деятельность КГБ Щербицкий не вмешивался. Расстановка руководящего состава комитета – вот что было главным для него, вот чему он уделял пристальное внимание. Кадровые вопросы никому не передоверял. Он лично беседовал с предлагаемыми кандидатурами на должности начальников областных управлений и руководителей в центральном аппарате…»

В адрес Щербицкого звучали обидные слова – «оплот застоя». А сам Щербицкий не скрывал своего скептического отношения к перестройке. Но он сидел в Киеве так уверенно, что Михаил Сергеевич не имел никакой возможности его заменить. Когда приехал новый председатель республиканского КГБ, пошли разговоры: не получил ли он, как когда-то Федорчук, указание подготовить замену первому секретарю?

Николай Голушко:

«Мне было известно, что Щербицкий в начале моей работы проявлял настороженность по поводу того, не будет ли новый «голова» направлять дополнительные сведения в Москву о политических или каких-либо «деликатных» ситуациях в республике помимо тех, которые докладывали ему…

Впоследствии мне довелось видеть телевизионное интервью с президентом Украины Кравчуком, в котором он сказал, что КГБ «прослушивал» самого Щербицкого, так как в его служебном кабинете при ремонте было обнаружено «много проводов». Подобное заявление – полнейший бред…»

На заседаниях политбюро ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич иногда возмущался:

– Куда смотрит наше КГБ? Антисоветчик Черновол опять организовал на Львовщине несанкционированный митинг.

Но руководитель Украины, пишет Голушко, не пошел по пути политического террора в отношении идейных оппонентов Коммунистической партии, не приказывал арестовывать и привлекать известных в республике оппозиционеров к уголовной ответственности… И ни разу не потребовал никого прослушивать, как это случалось в Москве…

Однажды Голушко показал Щербицкому архивный документ – представление наркома внутренних дел Украины о награждении сотрудников, отличившихся в годы массовых репрессий на ниве «борьбы с троцкизмом и украинским буржуазным национализмом». В списке немало еврейских фамилий.

Щербицкий поинтересовался:

– Что собираешься делать с документом?

– Общественность требует разоблачения палачей, желает

знать имена. Может, познакомить с материалом журналистов и членов «Мемориала»?

Щербицкий после долгого молчания спросил:

– Ты хорошо знаешь историю Украины? Сколько было еврейских погромов на ее территории? Хочешь организовать еще один?

Каждую неделю Щербицкий улетал в Москву на заседание политбюро ЦК КПСС. Провожали и встречали его трое: председатель республиканского КГБ Николай Михайлович Голушко, министр внутренних дел Иван Дмитриевич Гладуш и помощник первого секретаря Константин Константинович Продан. Когда Щербицкий возвращался в хорошем настроении, то делился впечатлениями о заседании. Иногда в аэропорту был хмур, немногословен, много курил, сразу видно – не в духе…

Наконец, настал момент, когда Владимир Васильевич осознал: все, надо уходить.

Генерал Голушко помнит, как Щербицкий внезапно поинтересовался, сохранится ли у него охрана после выхода на пенсию? Его, единственного на Украине, охраняли чекисты – как члена политбюро ЦК КПСС. Ни председатель республиканского правительства, ни председатель Верховного Совета такой привилегией не обладали.

Голушко, как положено, позвонил в Москву председателю КГБ СССР Владимиру Александровичу Крючкову, чтобы сообщить важнейшую новость- Щербицкий намерен уходить. Крючков не возражал против сохранения личной охраны персональному пенсионеру такого значения. Заканчивая разговор. Крючков обещал:

– Немедленно доложу Горбачеву.

6 августа 1989 года Щербицкий направил в ЦК Компартии Украины заявление с просьбой освободить его от обязанностей первого секретаря и члена политбюро:

«На превеликий жаль, вік та стан здоров'я не дають мені можливості працювати так, як того вимагають інтереси справи. У зв'язку з цим прошу Центральный Комітет Комуністичної партії України увільнити мене від обов'язків першого секретаря і члена Политбюро ЦК Компартії України».

28 сентября собрали пленум ЦК. Из Москвы прилетел Горбачев, поблагодарил Щербицкого за многолетнюю работу. Провожали его со всеми почестями.

– Больше семнадцати лет возглавляя руководство ЦК Компартии Украины и более чем трехмиллионной республиканской парторганизации, – говорил, прощаясь, Щербицкий, – всегда стремился проводить в жизнь линию нашей

партии, не жалея сил и здоровья… Я могу с чистой совестью сказать, что интересы дела всегда были для меня превыше всего.

Владимир Васильевич еще оставался народным депутатом СССР и Украинской ССР. Но происходившее вокруг него давало мало поводов для оптимизма. Бурная политическая жизнь на Украине сопровождалась все новыми разоблачениями и гневной критикой советского периода. Недавний первый секретарь был одной из главных мишеней. Писали о его мнимых счетах в швейцарских банках. Депутаты требовали привлечь его к уголовной ответственности за Чернобыль.

«Во время последней моей встречи с Щербицким он выглядел усталым, – пишет Голушко. – Тайна его добровольного и сознательного ухода из жизни останется загадкой. Он не мог вынести и пережить всего того, что творилось в стране, когда рушилось и разваливалось многое, чему он посвятил всю свою жизнь».

Анатолий Романенко, бывший министр здравоохранения Украины:

«Тайна его смерти остается для меня неотгаданной. Думаю, он пытался убежать от самого себя…»

Виталий Врублевский, бывший помощник Щербицкого:

«Все, чему он служил, развалилось, оказалось фикцией, исторической ошибкой. Вместо благодарности его шельмовали… Наступило утро. Мысль, что ему придется публично «оправдываться» в том, чего он не делал, угнетала. За завтраком сказал, что неважно себя чувствует, на сессию не пойдет. Еще никто не предполагал, что наступает та роковая минута. Он ушел из жизни сознательно».

Глава 12
Пуго. Первый выстрел – в жену

Министр внутренних дел СССР, член Совета безопасности, генерал-полковник Борис Карлович Пуго был единственным членом Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), который в 1991 году после провала августовского путча не захотел испытать позор ареста и тюремного заключения и покончил жизнь самоубийством. Его поступок показался многим настолько невероятным, что поползли слухи: Пуго не застрелился. Его убрали…

В день его смерти, 22 августа 1991 года, президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев вызвал к себе заместителя министра внутренних дел СССР Василия Трушина, поручил ему временно исполнять обязанности министра и недоверчиво поинтересовался:

– А что, Пуго действительно застрелился?

Бывший командир рижского отряда милиции особого назначения Чеслав Млынник, один из тех, чья судьба оказалась тесно связанной с судьбой Пуго, впоследствии уверял корреспондента газеты «Сегодня»:

– Самоубийства не было. Поэтому и показывали только одну фотографию Бориса Карловича – ту, что в газетах опубликовали, с одним отверстием от пули. А пуль в нем было три. Я знаю это точно – из разговора с одним оперативником, который работал в этой комиссии. Он даже показывал мне фотоснимки с тремя отверстиями. Кроме того, непонятно, куда же делся охранник Бориса Карловича? Ведь он был. Куда он исчез? И все о нем молчат, его как бы и не существовало вовсе.

И еще. Я могу поверить, что не выдержал Ахромеев: рухнула держава, без всякого боя. Видимо, и возраст маршала сказался, и он не смог этого пережить, хотя надо было: назло врагам. Вот Руцкого постоянно пинали – почему он не застрелился? Да если бы он застрелился, я бы его уважать перестал. Бездействие смерти подобно, нужно сопротивляться, бороться. И Борис Карлович так поступить не мог – нет, нет и нет. И никто не сможет меня убедить в этом. Я уверен, что мы сможем доказать, что это было убийство.

– И кто, с вашей точки зрения, виновен в нем?

– Теневики, которые были около Горбачева. Пуго принадлежал к старой школе- сильных, волевых людей. У Пуго было свое мнение. Такие люди мешали Горбачеву, Пуго нужно

было ликвидировать. Трагическую роль сыграло и то, что в феврале-марте 1991 года, во время событий в Прибалтике, Пуго еще верил Горбачеву, хотя и обладал огромным опытом. Надеялся, что тот руководствуется одному ему известными высшими интересами державы. Я говорил Борису Карловичу: «Не верьте Горбачеву. Ну зачем вы обо всем ему докладываете – о всех тех секретных материалах, которые мы получаем?» Наши источники в Прибалтике говорили об очень серьезных вещах, о противозаконных действиях самого Горбачева… Но Борис Карлович продолжал верить и докладывать, и это явилось основной причиной его ликвидации. Арестованный в августе 1991 года, Пуго слишком много мог бы рассказать. Поэтому его и убили…

Отец и сын

Борис Карлович Пуго родился в 1937 году в Калинине (Тверь). Его отец Карл Янович был видным деятелем коммунистической партии Латвии. Он принадлежал к числу латышских большевиков, которые были против самостоятельности Латвии и хотели видеть ее в составе Советской России. Верность этим идеям он сохранил до конца жизни и воспитал сына в тех же убеждениях.

В 1924 году Карл Пуго уехал из Латвии. Сначала его поселили в Сибири, потом перевели в Калинин. Он был одним из тех немногих латышских революционеров, кому удалось выжить. В ходе сталинских чисток латыши, бежавшие в Советский Союз, планомерно уничтожались. В основном это были красные латышские стрелки, которые покинули родину, чтобы участвовать в строительстве социализма. В самой Латвии коммунистов осталось немного – в начале тридцатых их было несколько сотен человек, из них двести – в Риге.

На родину Карл Пуго вернулся после войны. Вершина его карьеры – пост первого секретаря Рижского горкома партии (со временем это же кресло займет его сын). В конце жизни он возглавлял республиканскую Высшую партийную школу. Умер Карл Пуго рано – в 1955 году, его сыну не было и двадцати лет.

Борис Карлович Пуго провел детство в России, русский стал для него родным языком, и по-латышски он говорил неважно, хотя старался его выучить. Он был русским латышом, человеком, который до последнего дня – в отличие от большинства своих соотечественников – считал, что Латвия – неотъемлемая часть единого государства.

Борис Пуго поступил на механический факультет Латвийского университета, который вскоре был выделен в самостоятельное учебное заведение – Рижский политехнический институт. Окончил его в 1960 году и получил специальность инженера-механика. Но всего год проработал инженером на знаменитом Рижском электромашиностроительном заводе, как началась его профессиональная комсомольская карьера. В ней сыграли роль и известная в городе фамилия, и личные качества молодого Пуго – дисциплинированность, исполнительность, ответственность, отсутствие дурных привычен и очевидное желание идти отцовским путем.

Его взяли на комсомольскую работу вскоре после большой чистки, устроенной в Латвии, когда с руководящей работы сняли большую группу «латышских националистов». Среди них были

второй секретарь ЦК Вилис Карлович Круминьш и заместитель председателя Совета министров республики Эдуард Карлович Берклавс. Оба были выходцами из комсомола. Берклавс, подпольщик и участник войны, руководил ЛКСМ Латвии с мая 1946 года по июнь 1948-го, Круминьш – с июня 1948-го по апрель 1951 года.

Они старались получить для республики как можно больше автономии, просили признать латышский язык государственным, ограничить приток новых жителей, которых переселяли в Латвию со всего Советского Союза.

Эдуард Берклавс был человеком решительным. Он не побоялся и Хрущева.

– Он на меня окрысился, – с некоторым удивлением говорил Никита Сергеевич в Москве на президиуме ЦК, – и говорит: я в подполье был, смерти в глаза смотрел.

Берклавс был популярным в республике человеком. Говорили, что он вот-вот станет секретарем ЦК. Придраться к нему было трудновато.

– Берклавс сидел в тюрьме, – говорил председатель Совета министров республики Вилис Лацис, – воевал, окончил Высшую партийную школу. Его хотели оставить в аппарате ЦК КПСС. Он очень волевой человек, любит работать, организатор неплохой. Это меня подкупало, поэтому я просил его себе в заместители. Если бы в его работе были только недостатки, тогда можно было за два дня его разоблачить и убрать.

Лацис признал:

– Это венгерские события подняли много пыли среди интеллигенции, среди молодежи, которые считали, что это революция.

В реальности первым потрясением была политика Лаврентия Павловича Берии сразу после смерти Сталина. Несколько месяцев, пока Берия занимал высшие посты в партии и государстве, он настаивал на том, чтобы дать больше прав национальным республикам. Вилис Круминьш рассказал, как в 1953 году некоторые старые члены партии выбрасывали машинки с русским шрифтом, рвали портреты вождей. Берию быстро арестовали и расстреляли, но мысль о том, что в республиках следует говорить на родных языках, многим была симпатична.

– Мне казалось неправильным, – объяснял свою позицию второй секретарь ЦК Компартии республики Вилис Круминьш, – что на совещаниях, на крупных собраниях, на которых присутствовало девяносто процентов разговаривающих на латышском языке, мы вели работу, как правило, на русском языке.

22 июня 1959 года секретарь ЦК КПСС Мухитдинов рассказал товарищам о поездке в Латвию. Хрущев распорядился провести расширенное заседание на эту тему. Обсуждение состоялось 1 июля. Хрущев был вне себя и возмущался национальной политикой во всей Прибалтике:

– Говорят, в Литве есть целые польские районы, но у руководства только литовцы. Русских никуда не выдвигают, только милиционерами. В милицию выдвигают русских… Когда арестовывать, надо русских тянуть, мол, видите, что русские делают. Я это говорю для большей активности, что у товарища Снечкуса не лучше дело, чем у латышей. И в Эстонии не лучше дело, чем у латышей. Надо подойти самокритично. Никакой трагедии нет. Все будет переменено, и все будет на месте, но надо правду сказать и поднять людей на борьбу против этого.

Хрущеву не понравилось, что власти республики пытаются ограничить въезд русских, желающих переселиться в Латвию.

В марте 1959 года сессия Верховного Совета Латвии приняла закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Латвийской Советской Социалистической Республике». Этим законом вводилось вместо семилетки обязательное восьмилетнее образование в школах, учебники предполагалось раздавать бесплатно.

Хрущев возмущался инициативой Латвии:

– Что же это, товарищи, в одной республике Союза такой закон, а в другой – другой закон! Допустимо ли это? Недопустимо. Если так надо сделать и есть такие возможности, то почему надо делать только для Латвийской республики? Если сделать для одной республики, то надо и для других. Видимо, сейчас не созрели материальные возможности, чтобы это сделать. Следовательно, никто не должен этого делать.

Латвийские руководители пытались объяснить Хрущеву, что программа обучения в республиканских школах обширнее, чем в российских. Помимо общих предметов в школах Латвии в обязательном порядке помимо русского изучались латышский язык и один иностранный, а также история и география республики… Никита Сергеевич потребовал к ответу первого секретаря ЦК Компартии Латвии Яна Эдуардовича Калнберзина:

– Товарищ Калнберзин, ты мне брат, но партия дороже всего.

Калнберзин каялся, не забыв напомнить о том, что он всю жизнь сражался за советскую власть. В буржуазной Латвии сидел в тюрьме. Компартию Латвии возглавлял с 1940 года. Всю вину свалил на Берклавса и Круминьша, которые говорили, что в республике мало говорят на латышском языке, что не

выдвигаются латышские кадры.

– Видимо, моя ошибка, – говорил Калнберзин, – состоит в том, что я глубины фальшивости антипартийной постановки этого вопроса не понял и понял только, когда вы нас покритиковали. Я понял, куда все это гнет и к чему может привести.

Хрущев на заседании президиума не требовал крови.

– Вы виноваты, – упрекал он руководителей Латвии, – что дали молодежи свихнуться. Нам надо лечить, а не уничтожать. Может быть, крапивой, может быть, чем-нибудь другим, латыши сами найдут домашние средства лечения. Я против организационных выводов.

Но тут же угрожающе добавил:

– Ну, а если бороться, то мы не остановились бы перед роспуском компартии. Мы найдем людей. В вопросе принципа мы неумолимы и на сделку ни с кем не пойдем. Но никто не думает, что это нужно делать. Это было бы глупо – преувеличивать силы наших врагов.

С республиканскими вольностями быстро покончили. Под запрет попал даже замечательный народный праздник Лиго. Власти десятилетиями делали вид, что его не существует. Но, зная, что все латыши его отмечают, старались не препятствовать, демонстрировали особое отношение к Прибалтике. Скажем, в 1949 году было принято такое постановление политбюро:

«В связи с тем, что 24 июня является национально-бытовым праздником «Лиго», разрешить Совету Министров Латвийской ССР и ЦК ВКП(б) Латвии перенести выходной день с 26 июня на 24 июня 1949 г.»

Хрущев вознамерился перевоспитать латышей. Он сам приехал в Ригу и приказал Эдуарда Берклавса снять с должности и отправить в ссылку во Владимир. Лишился своей должности и Круминьш. А первого секретаря ЦК Компартии республики перевели в президиум Верховного Совета Латвии.

– Мы его знаем больше всех, – сказал на президиуме ЦК Хрущев, – он абсолютно безупречный коммунист, но, может быть, сказалось возрастное положение. Товарищ Калнберзин не является руководящим деятелем, он на положении папаши, добрый человек. Естественно, что старики всегда ищут, куда бы уйти потише и полегче. Вы не обижаетесь на меня, товарищ Калнберзин?

– Нет, – дисциплинированно ответил первый секретарь.

– Конечно, получается так – обижайся, не обижайся, а раз секретарь ЦК говорит…

Хрущев не закончил фразы, но все всё и так поняли. Забавно,

что Никита Сергеевич искренне называл Калнберзина стариком, которому пора на покой, а тот был всего лишь на год старше Хрущева. И, кстати, пережил Никиту Сергеевича на пятнадцать лет.

Кого поставить во главе республики?

– Мне называли секретаря по пропаганде латыша Пельше, – сказал Хрущев. – Я лично его не знаю. Если он действительно хороший, то, может быть, лучше сориентироваться на него. Мне говорили, что он незапятнанный человек, всегда занимал принципиальную позицию.

В ноябре 1959 года руководство республики сменили (второго секретаря ЦК прислали из Москвы). Первым секретарем сделали Арвида Яновича Пельше, твердокаменного коммуниста, главным достоинством которого была преданность Москве. Арвид Пельше обожал кактусы, собирал их и старательно за ними ухаживал.

Такого же надежного парня увидели и в Борисе Пуго, который по-русски говорил лучше, чем по-латышски. Меньше года он был секретарем заводского комитета комсомола, и его избрали вторым, а затем и первым секретарем Пролетарского райкома комсомола города Риги. Растущего секретаря приметили наверху и перевели в Москву ответорганизатором ЦК ВЛКСМ, потом он стал заведовать сектором в отделе комсомольских органов по союзным республикам.

На протяжении всей своей карьеры он не один раз переезжал из Риги в Москву и обратно. Национальные кадры, которые пользовались доверием Москвы, были на вес золота. В 1968 году его вернули в Ригу и утвердили заведующим отделом Рижского горкома партии. Но буквально через год, в апреле 1969-го, вернули на комсомольскую работу- искали человека, способного возглавить латвийский комсомол. В марте 1970 года его опять взяли в Москву, и четыре года он был секретарем ЦК ВЛКСМ по связям с союзами молодежи социалистических стран.

В апреле 1974 года он окончательно распрощался с комсомолом. С улицы Богдана Хмельницкого (теперь Маросейка), где находился ЦК комсомола, его перевели на Старую площадь и утвердили инспектором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. Эта была особая должность в центральном аппарате, через которую пропускали перспективных партийных работников перед назначением на крупную самостоятельную работу. Скажем, инспектором ЦК был и Вадим Бакатин, который, как и Пуго, станет министром внутренних дел СССР.

На Старой площади Пуго провел всего несколько месяцев, едва успев ознакомиться с деятельностью главной партийной

канцелярии. Его отправили в Ригу и назначили заведовать отделом организационно-партийной работы ЦК Компартии Латвии, то есть он стал главным республиканским кадровиком. Через два года его избрали первым секретарем Рижского горкома – он занял кресло, в котором когда-то сидел его отец.

Борису Пуго было всего тридцать восемь лет. Его ждала большая карьера. В отличие от своих коллег, которые не рассчитывали выйти за республиканские рамки, Пуго мог с полным основанием надеяться со временем получить новое назначение в Москве. Латышам, которые твердо стояли на промосковских позициях, особо доверяли, памятуя еще о стойкости и преданности красных латышских стрелков. За представителем Латвии закрепили кресло в политбюро, на что могли рассчитывать далеко не все национальные республики.

Но в 1976 году в его жизни произошел неожиданный поворот – его пригласили в КГБ. Наверное, у Бориса Карловича были сомнения: партийная карьера у него ладится, зачем менять стезю? Но манила и служба в госбезопасности – тайная власть привлекательнее явной. Да и от предложений, сделанных в ЦК, отказываться не положено. Первым делом Пуго отправили на переподготовку в Высшую школу КГБ, в которой когда-то преподавал его отец.

В 1977 году Борис Карлович был назначен первым заместителем председателя КГБ Латвии. Курировал он среди прочего так называемую «пятую линию», то есть борьбу с идеологическими диверсиями. На практике это означало контроль над латышской интеллигенцией, чьи истинные настроения ни для кого не были секретом.

Борьба с проявлениями национализма состояла в том, что КГБ старательно вербовал агентуру среди интеллигенции, следил, чтобы неблагонадежные артисты и писатели не ездили за границу, и противодействовал любым контактам с латышской эмиграцией в Скандинавии, Канаде и Соединенных Штатах. Но перегибать палку было нельзя, потому что Латвию называли «западной витриной Советского Союза», и деятелям культуры следовало предоставлять определенную свободу.

Громких преступлений, которыми бы занималось республиканское руководство, совершалось не так много. Когда в Риге был убит один из самых знаменитых рижан – Андрис Андрейко, трехкратный чемпион мира и восьмикратный чемпион СССР по стоклеточным шашкам, этим занимался и сам Пуго. Выяснилось, что чемпион последние годы сильно пил, опустился и был убит случайным собутыльником.

Главные неприятности республиканскому руководству доставляли проститутки, которые обслуживали иностранцев, в основном моряков, и, конечно, контрабандисты – ведь Рига была крупнейшим портом на западе Советского Союза. Моряки провозили в страну жевательную резинку, сигареты, джинсы, японские складные зонтики, запасные части к автомобилям – этот товар всегда был в цене. В отличие от неповоротливой отечественной промышленности контрабандисты оперативно откликались на веления моды и ввозили то женские парики и пластиковые сумки, то электронные часы и кассетные магнитофоны для автомобилей.

А отправляли на Запад черную икру, иконы, драгоценности,

золотые монеты, старые ордена. Вывозили и нелегально приобретенное промышленное серебро – его похищали главным образом на Рижском электромашиностроительном заводе, где начинал свою трудовую деятельность Борис Пуго. В цехе порошковой металлургии серебро хранилось ящиками – его использовали для изготовления контактов.

Это был хорошо налаженный промысел, у рижских контрабандистов установились надежные связи в основных европейских портах. В этом бизнесе участвовали таможенники, милиционеры. Поэтому расследованием таких дел занимался и КГБ.

Через три года, в 1980 году, Пуго назначили председателем КГБ республики. Он получил звание генерал-лейтенанта. Работа в госбезопасности наложила определенный отпечаток на его характер. Он стал более скрытным, недоверчивым и еще более осторожным. Замкнулся в своей семье. С женой они познакомились еще в институте и очень любили друг друга. Его жена Валентина Ивановна была кандидатом технических наук, преподавала.

Сын Вадим получил инженерное образование, потом его тоже возьмут в КГБ, причем в первое главное управление – внешнюю разведку. Рассказывают, что Пуго-старший был очень суров, следил за окружением сына, не пускал его на дискотеки, не позволял гулять с девочками. Борис Карлович заботился о своем авторитете в республике.

В 1984 году первого секретаря ЦК Компартии Латвии Августа Эдуардовича Восса, который восемнадцать лет руководил республикой, в Москве решили заменить более молодым и энергичным работником. Восса отозвали в Москву и в апреле назначили председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР – должность приятная, но безвластная.

Первым секретарем избрали Пуго. Это было неожиданное назначение. Из КГБ на партийную работу обычно не возвращали. Борис Пуго и Гейдар Алиев – исключение, оба стали первыми секретарями в своих республиках с должности председателя КГБ. Пуго избрали в ЦК КПСС, теперь он общался с высшими руководителями страны. Пленумы ЦК проходили в Мраморном зале в Кремле. Руководство партии сидело в мягких креслах, обшитых золотистым плюшем. В перерыве участники пленума спускались в подвал, где находился буфет. Кормили бесплатно, но ели, стоя у высоких столиков, обменивались мнениями, присматривались друг к друг. Высшее руководство собиралось отдельно, им чай, кофе и закуски подавали официанты.

Пуго вел себя достаточно скромно на посту первого

секретаря, что в принципе было характерно для прибалтийских руководителей. Он увлекался только охотой – частая забава партийных руководителей в хрущевские и брежневские годы. Это было модно, охотились почти все крупные руководители. Правда, с годами Борис Карлович изменился. Говорят, стал высокомерно относиться к подчиненным, что производило неприятное впечатление.

Раскол в республике

Когда началась перестройка и стал исчезать страх перед репрессиями, первой проснулась Прибалтика. В Литве, Латвии и Эстонии заговорили о том, что летом 1940 года их насильно присоединили к Советскому Союзу и что они хотят вернуть себе независимость.

14 июня 1987 года движение «Хельсинки-86» провело в центре Риги, у памятника Свободы демонстрацию в память первой крупной депортации, устроенной НКВД в 1941 году. В надежде помешать демонстрации власти организовали велосипедные соревнования, которые должны были стартовать именно у памятника Свободы. Но велосипедисты никому не помешали. На Бастионной горке собралось около десяти тысяч человек с красными и белыми цветами, символизирующими цвета флага независимой Латвии.

Туда были стянуты большие силы милиции. Приехал председатель КГБ Станислав Зукулис, сменивший на этом посту Бориса Пуго. Но тронуть демонстрантов не решились. На следующий день второй секретарь ЦК Компартии Латвии – эту должность занимал человек, присылаемый из Москвы, – выразил возмущение нерешительностью милиции. Но уже было поздно. 25 марта 1988 года латыши устроили первое шествие с цветами в память жертв послевоенных сталинских репрессий.

В апреле группа ученых отправила в главную партийную газету «Циня» открытое письмо с предложением создать в республике государственный комитет по охране среды. Письмо не напечатали, но его авторов пригласили в ЦК Компартии Латвии.

«Принять нас согласился Борис Пуго, – рассказывал один из участников беседы журналист Дайнис Иване. – Он сидел за столом, слегка ссутулившись, сцепив пальцы, и слушал. Не уверен, все ли он понимал, ибо разговор велся на непривычном для него латышском языке. Не знаю, понял ли он, обрусевший латыш из России, наследник династии красной номенклатуры, понял ли он вообще, чего и почему хочет народ… Но Пуго согласился с нашим предложением».

Ранней осенью 1988 года я проехал по всей Прибалтике и был потрясен тем, что увидел: Литва, Латвия и Эстония бурлили и требовали независимости, а в Москве этого никто не замечал. Прежде недовольство существовало как бы только на бытовом уровне и проявлялось в заметной даже у флегматичных латышей недоброжелательности к приезжим. Это можно было принять за недовольство массовым притоком отдыхающих и туристов в

летний сезон. На самом деле это была лишь внешняя сторона процесса, имеющего глубокие корни. У памятника Свободы в центре Риги с утра до вечера шли жаркие споры о будущем республики. Властителем дум стал Народный фронт, созданный интеллигенцией. Народный фронт сразу же стал добиваться республиканского суверенитета, права республики самой решать свои дела.

Латыши вспоминали свою историю. Против советской власти повернулись даже те люди, которые во время событий лета 1940 года верили, что только Советский Союз и его армия могут спасти Латвию от Гитлера. Тогда они не замечали империалистического характера договора о размещении на территории Латвии советских военных баз, которые Сталин и Молотов навязали республике.

14 июня 1940 года Москва потребовала от Латвии сформировать новое правительство, дружественное Советскому Союзу, и обеспечить свободный пропуск на территорию Латвии советских воинских частей. Когда 17 июня Красная армия заняла всю республику, многие думали, что это кратковременная мера – для того чтобы защитить страну от Гитлера.

Советизацией Латвии руководил бывший прокурор Андрей Януарьевич Вышинский, у которого руки по локоть в крови. 18 июня он пришел к президенту Латвии Карлу Ульманису и представил ему список нового правительства, составленный в Москве. Но это правительство продержалось недолго – оно было нужно только на переходный период, чтобы избежать сопротивления латышей и латвийской армии.

Многие надеялись, что Латвия станет военным союзником СССР, но останется независимой. Однако через месяц парламент без дебатов проголосовал за присоединение к Советскому Союзу. Сначала вооруженные силы республики стали называться латвийской народной армией, потом ее переформировали в 24-й территориальный корпус Красной армии. Офицеров демобилизовали, частично посадили, частично расстреляли, обвинив в шпионаже в пользу Германии или Англии – по выбору следователя местного райотдела НКВД.

Массовые репрессии в Латвии начались почти сразу же после присоединения республики к Советскому Союзу. Разом забрали восемнадцать тысяч человек – для небольшой республики это огромная цифра. Кого не расстреляли, отправили в лагеря в Сибирь. Депортировались не только бывшие полицейские и правительственные чиновники, но и представители интеллигенции, ничем себя не запятнавшие.

Последнюю предвоенную депортацию устроили 14 июня 1941

года – за неделю до нападения Германии. Для Латвии депортация была трагическим событием, навсегда определившим отношение к Советскому Союзу. Изменились настроения даже правоверных латвийских коммунистов. Когда в Латвии появились офицеры Красной армии, они рассказывали о том, как хорошо и счастливо живут в Советском Союзе. Но, побывав в СССР, латыши поразились: люди в социалистическом государстве жили намного хуже, чем в Латвии. В чем же смысл социализма?

В довоенные годы русский эмигрант Андрей Седых выпустил книгу «Там, где была Россия», описав путешествие в Ригу:

«Рига теперь латышский город, это чувствуется на каждом шагу, но русского здесь осталось бесконечно много, и, к чести латвийского правительства, надо сказать, что этот русский дух не особенно стараются искоренить.

Русский язык в Латвии пользуется такими же правами гражданства, как и латышский и немецкий. С телефонной барышней вы говорите по-русски, полицейский объяснит вам дорогу на чистейшем русском языке, в министерствах вам обязаны отвечать и по-русски… Русская речь слышится на каждом шагу… Аза каналом начинается Московский Форштадт. Тут вы чувствуете себя совсем в России…

Колониальная лавка набита товаром. У дверей выставлены бочки с малосольными огурцами, с копченым угрем, рижской селедкой. А за прилавком вы найдете лососину, которой гордится Рига, кильки, шпроты, водку, баранки, пряники…

Время к вечеру – не сходить ли попариться в баньку? Банька здесь же, в двух шагах, и не одна, а несколько. В баньке дадут гостю настоящую мочалку, кусок марсельского мыла и веничек, а по желанию поставят пиявки или банки. А после баньки можно зайти в трактир – в «Якорь» или «Волгу», – закусить свежим огурчиком, выпить чаю с малиновым вареньем… Так живут на Московском Форштадте русские люди – отлично живут, не жалуются».

Насильственное присоединение Латвии к Советскому Союзу и массовые репрессии привели к тому, что значительная часть латышей приветствовали наступающие немецкие войска в июне 1941 года. Латыши оказались по обе стороны фронта – они вступали и в Красную армию, и в добровольческие формирования войск СС.

18 июля 1944 года латыши, сражавшиеся в рядах Красной армии, вышли к границе Латвии. Для них это был день освобождения. Для других латышей это событие стало сигналом к бегству. Больше ста тысяч человек ушли вместе с немцами и рассеялись потом по всему миру. Многие продолжали сражаться с

Красной армией в рядах «лесных братьев». Со временем их будут чествовать как национальных героев – ведь они сражались за независимость Латвии…

Послевоенное время латыши назовут мрачным. Немцы собирались переселить латышей в Башкирию. Но появление советских войск латыши восприняли как смену одного оккупационного режима другим. Репрессии возобновились. На сей раз удар наносился в основном по деревне. 25 марта 1949 года сорок три тысячи латышей (огромная цифра для маленькой республики) выслали, их имущество экспроприировали. Республика лишилась людей, которые хотели и умели работать. К тому же в ходе сталинской коллективизации фактически было подорвано сельское хозяйство Латвии.

После войны в Латвии стали создавать промышленность. Местной рабочей силы в сельскохозяйственной республике, достаточно обезлюдевшей, не было. Рабочие руки завозили. Так создавалась крупная индустрия: на привозном сырье и привозной рабочей силе. В результате доля нелатышского населения в республике резко увеличилась. Латышская и русская общины существовали как бы отдельно. Приезжие считали, что Латвия – такая же часть Советского Союза, как и любая другая область, поэтому нет смысла учить латышский язык и вникать в местные обычаи. Латыши злились, видя, как много в республике приезжих. «Плавильный тигель» в Латвии не получился, количество межнациональных браков было достаточно скромным. В 1988 году о национальной проблеме заговорили открыто.

– Латыши находятся на грани вымирания, – утверждали радикально настроенные рижские ученые. – Уменьшается рождаемость. Огромное количество мигрантов не дает латышскому народу воспроизводить себя биологически и духовно. Даже жилье и места в детских учреждениях достаются в первую очередь приезжим. Разве можем мы жить дальше с мыслью о том, что мы – последнее поколение исчезающего народа?

Заговорили о том, что исчезает латышский язык, а с ним и национальная культура:

– Границы употребления латышского языка настолько сузились, что в нем исчезла необходимость. Если школьники не учат свой язык, он принадлежит народу, путь которого лежит в никуда.

В хозяйственной деятельности возобладал русский язык. В общественно-политической сфере преобладал русский. В науке действовало принятое в семидесятые годы положение об обязательном переводе диссертаций на русский – без этого их не

утверждала московская Всесоюзная аттестационная комиссия. Не всякое высшее образование можно было получить на латышском, были специальности, преподавание которых велось только на русском языке.

Латвия раскололась по национальному признаку на «коренных» и «некоренных» жителей. Латыши хотели остаться одни на своей земле. Нелатыши, которых когда-то убедили переселиться в Латвию, оказались лишними. За то, что когда-то совершил Сталин, отвечать пришлось совершенно неповинным людям, волею судеб оказавшимся на территории Латвии.

2 июня 1988 года латвийская интеллигенция потребовала встречи в ЦК с участием первого секретаря Бориса Пуго. Мятежные интеллигенты ставили между собой вопрос так:

– Готово ли молодое поколение латышей выйти на улицу, даже зная, что их станет разгонять милиция?

И сами отвечали:

– Да, готово.

Самая резкая оценка ситуации звучала на расширенном пленуме творческих союзов. Организатором пленума был секретарь Союза писателей Латвии поэт Янис Петерс, позднее посол Латвии в России. Писатели, художники и кинематографисты предлагали и самые радикальные меры по ее исправлению – требовали отменить цензуру, исключить из Уголовного кодекса статьи, карающие за «антисоветские высказывания», и дать людям право свободно ездить за границу.

Борис Пуго пришел на пленум творческих союзов Латвии, сидел в президиуме. «Заметно было, – вспоминал один из участников пленума, – как по-человечески неуютно он чувствует себя, слушая с помощью наушника русский перевод выступлений. Казалось, бывший шеф КГБ Латвии слышит в наушнике не текст переводчика, а голоса чужой галактики».

На этой встрече вступление советских войск в Латвию в июне 1940 года впервые было названо оккупацией, а секретные протоколы, подписанные Молотовым и Риббентропом в 1939 году, – преступными, означавшими раздел Польши и Прибалтики между двумя державами. Это сделал известный в республике журналист и преподаватель истории КПСС Маврик Вульфсонс. По словам участников пленума, речь Маврика Вульфсонса была «подобна взрыву в сознании и вызвала мощный всплеск смелости». Латыши говорили: если он, такой умный и осторожный, позволяет себе такое, то почему нельзя и нам?

Зал зааплодировал. Партийные чиновники растерялись.

«Надо было видеть Пуго в тот момент, когда он услышал слово «оккупация»! – вспоминал журналист Дайнис Иване. – Пуго

содрогнулся, бросил взгляд на трибуну и о чем-то спросил своего соседа по президиуму. Потом лицо его побелело, и до конца речи он сидел, сжав руки, а взгляд его метался от стиснутых ладоней к чему-то невидимому и далекому».

В перерыве подошел к Вульфсонсу и, покраснев от злости, тихим голосом сказал:

– Ты знаешь, что ты только что сделал? Ты убил советскую Латвию!

«Он был прав, – вспоминал позднее Вульфсонс, который был избран народным депутатом СССР, – но в тот момент я этого не понимал». Партийная власть еще казалась незыблемой, мысль о восстановлении независимости Латвии – несбыточной мечтой. Бориса Пуго, который прежде был председателем республиканского КГБ, боялись и ждали репрессий.

18 июня в Риге собрался пленум республиканского ЦК. Борис Пуго говорил очень жестко. Председатель КГБ и прокурор республики требовали предать суду тех, кто произносит подобные речи. Но сделать этого они уже не смогли, власть стремительно уходила из их рук. Воинственный мэр Риги Альфред Рубике пригрозил с трибуны:

– Конечный результат может быть только один. И это – социализм, завоеванный кровью. Товарищи члены ЦК, я считаю, что, если не будут приняты соответствующие меры, положение в городе скоро станет критическим. В средствах массовой информации происходит что-то недоброе. Но я не хочу конфронтации!

На слова Рубикса откликнулся его боевой соратник-первый секретарь Рижского горкома Арнольд Клауценс:

– В Адажи у нас стоят танки. Пусть будет конфронтация!

Хозяином в республике становился Народный фронт.

В Латвии на руководящей работе было два типа людей. Одних можно назвать национал-коммунистами, они как бы вынужденно подчинялись Москве. Вот почему многие партийные работники и даже сотрудники республиканского КГБ охотно присоединились к Народному фронту. Они говорили, что хотят быть вместе со своим народом.

Другие преданно служили Москве, продолжая традиции латышских красных стрелков и не позволяя себе никаких сомнений. К таким людям принадлежали Борис Пуго и его выдвиженец Альфред Рубике, которому суждено будет стать последним руководителем компартии Латвии. Для них перспектива свержения советской власти в республике и ее выход из Советского Союза были личной трагедией. Они сами себе не могли признаться в том, что эти идеи поддерживает абсолютное

большинство латышей. Ведь в таком случае выходило, что они пошли против собственного народа.

Главный контролер

Борис Карлович пришелся по душе Горбачеву. На пятидесятилетие Пуго в 1987 году Горбачев прилетел в Ригу и сам вручил ему орден Ленина. А на следующий год, в сентябре 1988 года, забрал его в Москву – председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Эту должность и раньше исполнял выходец из Латвии – престарелый Арвид Пельше. Пуго показался Горбачеву надежным человеком, который будет хранить чистоту партийных рядов, но при этом не наделает глупостей. Через год, в сентябре 1989 года, Бориса Карловича избрали кандидатом в члены политбюро. Он почти достиг партийного Олимпа, отец бы им гордился.

Но настроение Пуго портило то, что он возглавил высший карательный орган партии, когда его власть быстро сходила на нет. Даже потери партбилета уже не так боялись, как прежде, когда это было равносильно катастрофе. КПК еще мог вызывать на заседания министров, требовать от них отчета, раздавать выговоры. Но КПК уже не боялись.

В июле 1990 года XXVIII съезд в соответствии с новым уставом избрал Центральную контрольную комиссию – вместо Центральной ревизионной комиссии и Комитета партийного контроля. Пуго сделали председателем новой ЦКК. Он сохранял этот пост до апреля 1991 года, хотя в декабре 1990 года стал одновременно министром внутренних дел.

Внутри ЦКК образовали три комиссии. Одна занималась контролем за исполнением партийных решений. Вторая – исполнением бюджета партии и всей финансово-хозяйственной деятельностью. Третья – письмами и обращениями партийных организаций и членов партии. Полномочия внушительные, но сама партия уже переставала быть правящей.

Оказавшись в Москве во второй раз, Пуго чувствовал себя одиноко. Друзей не осталось, а заводить новых, находясь на столь высоком посту, трудновато. Тем более что он стал очень осторожен в отношениях с людьми.

Пуго перевели в Москву в сентябре 1988 года, а в октябре в Латвии собрался первый съезд Народного фронта. Накануне в рижском Межапарке состоялась массовая манифестация, которая показала, что латыши против советской власти. Председателем Народного фронта избрали молодого, но ставшего очень популярным в республике журналиста Дайниса Иванса.

Слова «выход из СССР» еще открыто не звучали, и никто не знал, как восстановить независимость Латвии. Но когда народные

депутаты СССР, избранные от Латвии, уезжали на первый съезд в Москву, проводить их на железнодорожном вокзале собрались десятки тысяч рижан с цветами. Они хотели свободы.

После первых свободных выборов в Верховный Совет республики 4 мая 1990 года новые депутаты провозгласили независимость Латвии. Практических последствий это вроде бы не имело: никто Латвию отпускать не собирался. Но внутри республики советская власть рушилась буквально на глазах. Горбачев вовремя забрал Пуго из

Риги. По крайней мере Борис Карлович мог поздравить себя с тем, что не он отвечает за происходящее. Впрочем, вскоре ему пришлось вновь заняться латвийскими делами.

Министр внутренних дел

Накануне ноябрьской демонстрации 1990 года Горбачев приказал министру внутренних дел Вадиму Викторовичу Бакатину сделать так, чтобы не было никаких альтернативных демонстраций. Бакатин доложил, что запрещать демонстрации нельзя – нет у него такого права. Его ответ присутствовавшим не понравился. Председатель КГБ Владимир Крючков потребовал продемонстрировать силу.

Бакатин сказал ему:

– Вот и покажите. Кто хочет запрещать, пусть свой запрет сам и реализует. Милиция этим заниматься не будет.

Горбачев взорвался, обвинил Бакатина в трусости. После совещания Бакатин подошел к Горбачеву, спросил:

– Кому сдавать дела?

Горбачев, не глядя, ответил:

– Продолжай работать! Я скажу, когда сдавать.

Спор на совещании у президента был лишь эпизодом. Отставки Бакатина с поста министра внутренних дел добивались руководители КГБ, а также лидеры компартий Украины, Белоруссии и особенно прибалтийских республик. Они требовали жестких мер против новой власти в республиках, а Бакатин исходил из того, что не надо портить отношения с Литвой, Латвией и Эстонией, потом легче будет с ними ладить.

1 декабря Горбачев подписал указ об отставке Бакатина, пригласил его:

– Ну вот, как мы говорили с тобой, теперь время пришло. Тебе надо уйти с этой работы.

Бакатин был к этому готов:

– Вы правы, Михаил Сергеевич, вы меня сюда поставили, вы вправе меня убрать. Если бы я был кадровым милиционером, прошел бы всю жизнь до генерала, то это – крушение моей жизни. Я вас не устраиваю, вы меня можете убрать. Но это ошибка.

Горбачев не хотел развивать эту тему:

– Все, вопрос решен.

Новым министром Горбачев в тот же день назначил Пуго, его первым заместителем – армейского генерала Бориса Всеволодовича Громова. Громов сопротивлялся этому назначению – военные не любят переходить в МВД. Герой Советского Союза Громов после вывода войск из Афганистана командовал Киевским военным округом, рассчитывал на большее, но его, можно сказать, заставили. Горбачев дважды звонил генералу в Киев, да еще послал к нему маршала Ахромеева. Маршал сыграл важную

роль в карьере Громова. Он и уговорил Бориса Всеволодовича.

3 декабря, в понедельник глава правительства Николай Иванович Рыжков приехал в МВД вместе с Пуго, представил нового министра. Бакатин и Пуго просидели вдвоем с часа до шести вечера. Потом Бакатин собрал руководящий состав министерства и попрощался. Сказал так:

– Я власть уважаю, поэтому так же отношусь и к указу президента о моем смещении с поста министра. Хотя сам я никаких заявлений не писал. Более того, такой акт безотносительно к личности Бакатина или кого-то другого считаю при данной обстановке в стране неправильным…

Верховный Совет не хотел соглашаться с отставкой Бакатина. Кандидатуру Пуго депутаты утвердили 15 января следующего года. Но с 4 декабря Пуго уже работал в новом кабинете. Он получил погоны генерал-полковника. В интервью «Правде» сказал: «Я не претендую на глубокие знания в области органов внутренних дел…»

Начал он работу в МВД не очень удачно. Подписал вместе с министром обороны Дмитрием Тимофеевичем

Язовым приказ о введении совместного патрулирования городов милицией и военнослужащими. Приказ вызвал резкую критику в демократическом лагере, потому что воспринимался как предвестье попытки ввести в стране чрезвычайное положение. В феврале 1991 года, когда в Москве собрался съезд народных депутатов России, Пуго по указанию Горбачева ввел в столицу внутренние войска – под предлогом предотвращения беспорядков. Это вызвало массовое возмущение москвичей. Войска поспешно вывели.

Пуго стал министром, когда работников торговли преследовали за то, что они скрывают товары от реализации и продают их спекулянтам. Еще существовала служба БХСС – борьба с хищениями социалистической собственности. Казалось, что единственный способ наполнить прилавки – заставить продавцов перестать воровать. При Пуго в марте 1991 года был принят закон «О советской милиции». Милиция вступила в трудный период приспособления к новой ситуации.

Пуго был властным человеком, не любил, когда чужие совали нос в его епархию. На этой почве у него с Бакатиным вышел конфликт. Бакатин как член Совета безопасности побывал в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского внутренних войск МВД СССР, не предупредив Пуго. Тот выразил недовольство.

Бакатин попросил командующего внутренними войсками генерала Юрия Шаталина подготовить справку о действиях внутренних войск в Нагорном Карабахе. Пуго запретил Шаталину

давать какую-либо информацию Бакатину. У бывшего министра и его преемника состоялся неприятный разговор. Пуго твердо сказал Бакатину:

– Если я правильно понял Михаила Сергеевича, вы в наши дела не вмешиваетесь.

В апреле 1991 года Бакатин пригласил к себе командующего внутренними войсками Шаталина, чтобы расспросить его о положении в Южной Осетии. Но Пуго и вовсе запретил генералу приходить к Бакатину.

Вадим Викторович обратился с возмущенным письмом к Горбачеву:

«Это уже второй подобный случай. После первого Б.К. Пуго дал понять, что действует с Вашего согласия. Я не намерен дважды объясняться с ним по одному и тому же вопросу и прошу Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, либо указать товарищу Пуго на недопустимость его поведения, мешающего делу, и порекомендовать впредь подобных случаев не допускать, либо, если Вы считаете, что он прав, прошу освободить меня от обязанностей члена Совета безопасности СССР, потому что в этом случае у меня не остается абсолютно никаких возможностей (при отсутствии информации, аппарата и прав) для того, чтобы их хоть каким-то образом исполнять».

Горбачев ни с кем не хотел ссориться, мягко ответил Бакатину:

– Работай. Борис Карлович неправ. Я скажу ему…

Битва за прибалтику

Бакатин считал, что структуру МВД придется радикально изменить. Раз республики получают самостоятельность, то и республиканскими министерствами больше нельзя командовать из Москвы. Союзное МВД берет на себя функции «внутреннего Интерпола», отвечает за транспортную милицию, за охрану атомных объектов, за подготовку высших кадров.

Пуго занял другую позицию: союзное министерство сохраняет полный контроль над всеми республиками и никому не позволит выйти из подчинения центральной власти.

В январе 1991 года в Москву прилетел первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокявичюс. В Литве уже были две компартии. Основную возглавлял Альгирдас

Бразаускас, будущий президент республики. Другую, которая хранила верность Москве, – Бурокявичюс.

Ни одного крупного литовского партийного работника Москве на свою сторону привлечь не удалось. Миколас Мартинович Бурокявичюс в свое время дослужился до должности заведующего отделом Вильнюсского горкома, а с 1963 года занимался историей партии, преподавал в педагогическом институте. В 1989 году его вернули на партийную работу, в июле 1990 года на XXVIII съезде сделали членом политбюро. Но важной фигурой он был только в Москве. В Литве за ним мало кто шел.

На бланке ЦК Бурокявичюс написал шестистраничное обращение к Горбачеву с просьбой ввести в Литве президентское правление. Бурокявичюса привели к Валерию Ивановичу Болдину, заведующему общим отделом ЦК КПСС и одновременно руководителю аппарата президента СССР.

Секретари Болдина пунктуально записывали в специальный журнал всех, кто приходил к их шефу или звонил ему.

8 января 1991 года его посетили:

11:43 – секретарь ЦК по военно-промышленному комплексу Олег Бакланов.

11:45 – министр внутренних дел Борис Пуго.

11:53 – министр обороны Дмитрий Язов и председатель КГБ Владимир Крючков.

12:07 – секретарь ЦК по оргвопросам Олег Шенин.

12:33 – первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокявичюс.

Болдин, Бакланов, Пуго, Язов, Крючков, Шенин… Почти весь будущий ГКЧП собрался на Старой площади за пять дней до

кровопролития в Вильнюсе. Ровно три часа продолжалась беседа с участием Бурокявичюса.

Шенин ушел раньше, но вернулся поздно вечером. Крючков и Язов тоже ушли. Крючков потом дважды звонил Болдину и в половине десятого вечера опять приехал к нему. И Язов перезванивал. Олег Бакланов и Борис Пуго просидели у Болдина весь день до восьми вечера. Потом Пуго уехал к себе и в половине десятого еще позвонил Болдину. Бакланов поздно вечером опять пришел к Болдину и просидел у него еще три часа. Эти люди буквально не могли расстаться друг с другом.

Парламент Литвы провозгласил независимость республики, и с каждым днем Москве становилось все более ясно, что остановить этот процесс можно только силой. Для проведения военно-политической операции в Литве необходимо было согласие Горбачева. Появление Бурокявичюса должно было подкрепить аргументы Крючкова, Пуго и других: «Партия просит поддержки!» Немногочисленная партия ортодоксов действительно просила огня. Указ о введении президентского правления в Литве Горьбачев не подписал, но события в Вильнюсе все равно начались.

Через два дня после длительных переговоров в кабинете Болдина московские газеты сообщили о создании в Литве Комитета национального спасения, который «решил взять власть в свои руки». Состав комитета держали в тайне, от его имени выступал секретарь ЦК Компартии Юозас Ермалавичюс. Специальные группы КГБ и воздушно-десантных войск уже были отправлены в Литву, а корреспондент «Правды» с возмущением передавал из Вильнюса, что в городе распространяются провокационные «слухи о десантниках и переодетых военных, о приготовлениях к перевороту».

11 января внутренние войска Пуго захватили Дом печати, междугороднюю телефонную станцию и другие важные здания в Вильнюсе и Каунасе. В ночь с 12 на 13 января в Вильнюсе была проведена чекистско-войсковая операция – сотрудники отряда «Альфа» Седьмого управления КГБ, подразделения воздушно-десантных войск и ОМОН захватили телевизионную башню и радиостанцию. Погибло тринадцать человек.

Министр внутренних дел Литвы, пытавшийся остановить кровопролитие, не мог дозвониться до Пуго. Он сумел соединиться только с Бакатиным. Вадим Викторович позвонил Горбачеву на дачу. Михаил Сергеевич сказал, что Крючков ему уже все доложил, и отругал Бакатина за то, что он преувеличивает и напрасно нервничает. Погибли один-два человека, говорить не о чем…

Страна возмутилась: пускать в ход армию против безоружных людей – это позор! Председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов и министр внутренних дел Пуго в один голос заявили, что они тут ни при чем. Это местная инициатива – «начальник гарнизона приказал…»

Вслед за Литвой навести порядок силой предполагалось и в Латвии. Первым секретарем ЦК уже стал Альфред Рубике. Латвийский ЦК взял на вооружение стратегию напряженности: вызвать в республике кризис, спровоцировать кровопролитие, дать повод для применения военной силы и отстранения от власти Верховного Совета и правительства Латвии.

6 декабря 1990 года члены президиума Вселатвийского комитета общественного спасения во главе с Рубиксом подписали обращение к президенту Горбачеву с просьбой ввести президентское правление. Это был такой же комитет, как и тот, что в январе 1991 года попытался свергнуть законную власть в Литве, – мифическая надстройка, призванная замаскировать компартию.

На пленуме ЦК было решено, что комитет должен взять власть в Латвии. Но это решение не было осуществлено, потому что Горбачев не санкционировал применение силы. А без его разрешения у них ничего не получилось. В распоряжении ЦК оставался только рижский ОМОН.

Рижский ОМОН

3 октября 1988 года появился секретный приказ министра внутренних дел СССР «О создании отряда милиции особого назначения». Рижский ОМОН был сформирован приказом министра внутренних дел Латвии 1 декабря 1988 года. Численность- 148 человек, из них двадцать офицеров. Отряды милиции особого назначения, которые создавались для борьбы с новыми видами преступности и для разгона несанкционированных демонстраций, подавления массовых беспорядков, привлекали молодых людей привилегированным положением, свободой, которой не было в других подразделениях милиции.

Главная проблема рижского ОМОНа состояла в том, что вскоре после его создания фактически перестала существовать Латвийская Советская Социалистическая Республика. Милиция раскололась на тех, кто признал декларацию независимости Латвии, и тех, кто продолжал считать республику частью СССР. В рижской милиции латышей было мало, примерно пятая часть. Рига вообще была наполовину русским городом, а уж в милицию вербовали демобилизованных солдат со всего Советского Союза.

Рижский ОМОН не сразу нашел свое место в политической борьбе. 15 мая 1990 года омоновцы дубинками разогнали офицеров штаба Прибалтийского военного округа и переодетых в штатское курсантов военных училищ, которые протестовали против новой власти и пытались захватить здание парламента.

Омоновцами командовал министр внутренних дел Бруно Штейнбрик, бывший генерал из КГБ. Он недолго возглавлял Главное управление уголовного розыска в союзном министерстве в Москве, но чувствовал себя там неуютно и с удовольствием вернулся в Ригу на должность республиканского министра. Но новая власть не сумела или не захотела поладить с ОМОНом. Бруно Штейнбрика, который умел находить с омоновцами общий язык, убрали. Назначили нового министра – Алоиза Вазниса, бывшего начальника уголовного розыска республики, одного из лучших разыскников в стране.

Вазнис стал одной из жертв чистки, устроенной Федорчуком в бытность министром внутренних дел: его сняли с должности. Бруно Штейнбрик вернул его на прежнее место, не подозревая, что готовит себе смену. Профессиональный сыщик Вазнис больше устраивал новую власть, чем чекист Штейнбрик. Но Алоиз Вазнис рассорился с ОМОНом, запретив милиционерам подрабатывать в охранном кооперативе «Викинг», где они получали большие

деньги. Министр Вазнис приехал на базу омоновцев в Вецмилгрависе:

«Личный состав напоминал не столько военное подразделение, сколько что-то вроде банды батьки Махно, какой ее показывали в советских фильмах. Омоновцы сидели в вольных позах, многие из них держали в руках автоматы. Когда я вошел в зал, несколько человек встали у входных дверей, как бы давая понять что я могу и не выйти отсюда».

6 июля 1990 года министр Вазнис своим приказом деполитизировал органы внутренних дел, ликвидировал политотделы и партийные организации.

В ответ ОМОН заявил, что будет подчиняться только Москве. Союзный министр внутренних дел Борис Пуго охотно с этим согласился. 2 октября 1990 года рижский ОМОН был передан в подчинение 42-й дивизии внутренних войск МВД СССР, дислоцированной в Прибалтике. Приказы из Москвы омоновцам передавал подполковник Николай Гончаренко, снятый с должности заместителя начальника рижской милиции и назначенный Борисом Пуго координатором действий ОМОНа, внутренних войск и органов внутренних дел в Прибалтике. После 1991 года Гончаренко нашел убежище в Приднестровье, где под другой фамилией был назначен заместителем министра внутренних дел непризнанной Приднестровской Молдавской республики. Еще один рижский милиционер, бывший начальник отдела в угрозыске, – и тоже под другой фамилией – стал там министром безопасности. В Приднестровье бежала большая группа рижских омоновцев, которым там выдали новые документы. Осенью 1993 года они с оружием в руках приехали в Москву, чтобы воевать против Ельцина…

Год с небольшим – от провозглашения независимости Латвии до ее признания Москвой – ОМОН был в каком-то смысле хозяином Риги. Его использовали для психологического террора против новой власти. Именно омоновцы стали для латышей олицетворением политики Москвы. Омоновцы катались по городу, задерживали «подозрительных», без суда и следствия разбирались с «виновными», гоняли торговцев спиртным, врывались в рестораны, иногда стреляли, куражились. Никому они не подчинялись.

Бывший сотрудник ОМОНа Герман Глазев рассказывал на пресс-конференции:

– Командир отряда Млынник готовил бойцов к тому, чтобы «покончить с фашизмом в Латвии и поставить здесь наместника президента СССР». По отряду ходили слухи, что нас оплачивает партия Рубикса…

Они казались себе героями-одиночками, которые сражаются против сепаратистов и предателей. Дурную услугу оказал им тележурналист Александр Невзоров, который снимал, как омоновцы гоняли безоружных латвийских таможенников, и внушал омоновцам, что они герои. В реальности жизнь у них была несладкой. Они чувствовали, что их ненавидят, и обосновались на базе, вокруг которой строили дзоты, баррикады из мешков с песком. Ждали нападения, но никто на них не нападал. Когда августовский путч в Москве провалится, им придется бежать из Латвии.

Бакатин, пока был министром, ставил вопрос так: или пусть рижский ОМОН подчиняется республике, или его надо расформировать. Но по просьбе Рубикса омоновцы взяли на себя охрану компартии Латвии – за деньги, был даже заключен соответствующий договор. Фактически они превратились в личную гвардию Рубикса. 9 ноября 1990 года рижский ОМОН занял здание горкома партии в Юрмале, потому что горком перестал подчиняться Рубиксу и признал новую власть в республике. 14 ноября Верховный Совет Латвии лишил сотрудников ОМОНа «статуса работников милиции и запретил использовать ОМОН в заданиях, связанных с охраной общественного порядка».

Совет министров Латвии принял решение об акционировании рижского Дома печати, где находились главная типография республики и редакции почти всех печатных изданий. Акции предполагалось разделить между работниками типографии и редакций.

В Москве управляющий делами ЦК КПСС Николай Ефимович Кручина, чье имя еще возникнет на страницах этой книги, направил в политбюро записку «О мерах по защите собственности КПСС на территории Латвийской ССР»:

«По сообщению первого секретаря ЦК Компартии Латвии т. Рубикса А.П., комиссия Совета министров Латвийской ССР подготовила в одностороннем порядке предложения о передаче Латвийского издательства ЦК КПСС в ведение Совета министров республики. В связи с этим и с учетом сложной общественно-политической обстановки в республике высказана просьба принять меры по защите имущества КПСС на территории Латвийской ССР.

Учитывая вышеизложенное, полагали бы целесообразным принять дополнительное постановление ЦК КПСС по данному вопросу и просить Совет министров СССР принять меры к защите и охране имущества Коммунистической партии Советского Союза на территории Латвийской ССР.

Охрану основных объектов собственности КПСС в республике считали бы необходимым поручить МВД СССР, не возлагая эти функции на Совет министров Латвийской ССР».

В прилагаемом проекте постановления говорилось:

«Министерству внутренних дел СССР обеспечить охрану зданий, сооружений и другого имущества, являющегося собственностью КПСС, находящегося на территории Латвийской ССР, в первую очередь Латвийского издательства ЦК КПСС, зданий ЦК Компартии, института истории партии с партийным архивом, Дома политического просвещения, автобазы ЦК…»

Борис Пуго выполнил поручение. Дом печати заняли бойцы рижского ОМОНа и арестовали его директора.

– Так вам будет спокойнее работать, – издевательски говорили они журналистам.

Министра внутренних дел республики омоновцы, пригрозив оружием, просто не пустили в здание. Первый заместитель председателя Верховного Совета Латвии Дайнис Иване позвонил в Москву министру Пуго. Тот сказал, что не давал никаких указаний на сей счет. Депутат Верховного Совета Латвии известный драматург Владлен Дозорцев позвонил Рубиксу, посоветовал не позориться – убрать омоновцев из Дома печати.

– Вы все будете висеть на одной березе, – последовал ответ.

20 января 1991 года омоновцы захватили здание республиканского МВД. В перестрелке были убиты два милиционера, двое журналистов и один школьник, несколько человек ранены. Омоновцы взяли в заложники заместителя министра внутренних дел генерала Зенона Индрикова. Потом появились два армейских бронетранспортера, на которых омоновцы уехали сначала в ЦК, а потом на свою базу. Пуго, как обычно, заявил, что ему ничего не известно…

Сам Чеслав Млынник рассказывал потом журналистам:

– Мы свернули там все в бараний рог… Оставалось только сказать: «Я – хозяин». Все латвийские теневые политики тогда говорили: «Давай, Чеслав, заправляй ситуацией». Я им ответил: «Ребята, а вы для чего нужны? Вперед, на престол, место свободно». Я никогда не рвался к власти. Борис Карлович Пуго знал, что мог направить мне любую шифровку и дальше меня она никуда не уйдет. И хотя я был обязан поставить в известность о полученных указаниях представителей МВД СССР в Прибалтике, командующего Северо-Западной группой, командира дивизии, я, как правило, этого не делал. Я подчинялся министру напрямую. Он доверял мне, а я ему. И когда начинались расследования – они производятся непременно после любой проведенной операции – по линии прокуратуры и так далее, я мог поступать просто, чтобы

не было лишней головной боли, – предъявлять письменные указания.

Но Борис Карлович прекрасно понимал, кому он доверяет. Бездарному, ненадежному человеку, который может его подставить, ответственные задания он никогда бы не поручил. И я прекрасно понимал, что министр МВД – прежде всего политик. А в политике – как в разведке. И какие бы группы ни приезжали – из МВД, прокуратуры, они говорили мне: «Мы знаем, кто тебе отдал приказ. Напиши рапорт». Я всегда им отвечал: «Не буду. Если вы что-то знаете, то и напишите свои заключения». Помимо всего, им ведь и министра надо было держать, кроме того, я знал, что какая-то из групп может работать и по указанию самого министра – проверять мою надежность…

Чеслав Млынник любил преувеличивать свою роль в истории. Никаких личных приказов Пуго ему не отдавал. Во-первых, с какой стати министру обращаться лично к командиру одного из мелких подразделений? Во-вторых, когда речь шла о прибалтийских делах, письменные приказы не отдавались. Все это были устные договоренности между единомышленниками, потому что дела творились противозаконные. Узаконить их Горбачев не захотел, хотя на него нажимали со всех сторон, требуя разогнать Верховные Советы трех прибалтийских республик и привести к власти надежных людей.

Так что Пуго не столько отдавал приказы, сколько закрывал глаза на то, что делали другие. Первую скрипку в сражении за Прибалтику играли КГБ и армия. Это они пытались свергнуть существующую там власть, но безуспешно.

Пуго вел себя очень осмотрительно и не лез на рожон. По словам тогдашнего командующего внутренними войсками генерала Юрия Шаталина, Пуго уходил от обсуждения ситуации с рижским и вильнюсским ОМОНами, переваливал это на своего первого заместителя Бориса Громова.

Василий Петрович Трушин, который в те годы был заместителем Пуго, вспоминал:

– До прихода Пуго в МВД мы знали друг друга по работе в комсомоле и в партии. У нас были нормальные товарищеские отношения. А вот с его приходом в МВД отношения не сложились. Я к этому времени тоже уже был подстреленным, с перебитым крылом. Это как-то сказалось. Удивляла также необыкновенно болезненная реакция Пуго на выступления прессы. Каждое критическое упоминание в печати своей фамилии он воспринимал очень обостренно. В повседневных действиях он был излишне осторожен…

Наступил момент, когда осторожность ему изменила.

Август без президента

Путч начался 17 августа 1991 года, когда на секретном объекте КГБ на юго-западе Москвы, где есть сауна, бассейн, комнаты отдыха и хорошая кухня, собрались будущие члены ГКЧП. Не хватало только Пуго, который еще не знал, что его единомышленники решились действовать.

Борис Карлович вместе с женой, невесткой и внучкой отдыхал в крымском санатории «Южный», совсем рядом с Форосом. Там уже изолировали президента Горбачева, но Пуго об этом не подозревал. Вместе с ним в «Южном» отдыхал тогдашний секретарь ЦК КПСС и будущий президент Молдавии Петр Кириллович Лучинский:

«Компания подобралась замечательная: член Совета безопасности Евгений Примаков с внуком, министр внутренних дел Пуго с женой, невесткой и внучкой… Утром 19 августа жена включила радио, и мы не поверили своим ушам: Государственный комитет по чрезвычайному положению берет на себя всю полноту власти!..

Среди членов ГКЧП назвали Бориса Пуго. Но ведь еще вчера утром мы всей своей пляжной компанией провожали его с семейством в Москву. Пригубили по рюмке, пожелали удачной дороги. На прощание невестка Пуго и Рафик Нишанов нас всех сфотографировали. Моему сыну Кириллу тоже потребовалось срочно в Москву, и я попросил Бориса Карловича прихватить его, если можно, с собой. Он с радостью согласился. Самолет Ту-134, служебный спецрейс, мест на всех хватит.

В полете, как рассказывал позже Кирилл, перекусили. Министр пригласил к столу людей из охраны. Немного выпили, шутили… Валентина Ивановна, жена его, также чувствовала себя неплохо. Страшно было через несколько дней узнать, что они оба застрелились…

До сих пор не верю, что Пуго был заговорщиком. Две последние недели перед выступлением Янаева и компании мы были вместе. Борис Карлович, человек исключительной деликатности и добросердечия, был спокоен, приветлив, весел. Озабоченным я увидел его лишь в тот момент, когда немного занемогла жена. Но через несколько дней она поправилась, и лицо генерала вновь засияло мягкой улыбкой…»

Борис Пуго не догулял отпуск и в одиннадцать утра 18 августа вылетел в Москву. Но не из-за путча. Он собирался навестить родственников в Риге, однако его жена, на свое горе, уговорила пригласить их в Москву. В половине второго он был в

столице, через полтора часа приехал на служебную дачу в поселке Усово. Тут его и застиг роковой звонок.

Невестка предложила взять трубку и сказать, что Бориса Карловича нет. Пуго улыбнулся и, к своему несчастью, отказался. Звонил Крючков. Пуго, поговорив с ним, соврал семье:

– Крючков говорит, что началась гражданская война в Нагорном Карабахе. Я должен ехать.

Пуго отправился к Язову в Министерство обороны, куда приехал и Крючков. Они ввели Бориса Карловича в курс дела. Тот сразу сказал:

– Я с вами.

Маршал Язов потом рассказывал следователям, что был очень удивлен готовностью Пуго присоединиться к ГКЧП:

– Я вам честно говорю, что за осторожность, за нерешительность, за уход от ответственности я его не уважал, была к нему антипатия. Мне даже показалось странным, что Пуго приехал и не возражает.

Уже после самоубийства Пуго его сын Вадим говорил следователям:

– Я помню разговор, который состоялся задолго до августовских событий. Отец мне тогда говорил, что ни при каких обстоятельствах не может стать путчистом, употребив именно это слово. Он сказал, что это было бы предательство в первую очередь по отношению к президенту…

Борис Пуго входил в узкий круг тех, кому Горбачев полностью доверял. Михаил Сергеевич включил его в Совет безопасности – этот орган фактически заменил уже безвластное политбюро. По свидетельству Болдина, Пуго, как Крючков и Язов, имели право позвонить президенту в любое время на дачу, что другим Горбачев категорически запрещал – не любил, когда беспокоили в нерабочее время.

Тем не менее Пуго мгновенно присоединился к заговорщикам. Они хотели того же, что и он: сохранить тот строй, который привел их к власти. Обычная осторожность изменила Борису Карловичу; он, вероятно, решил, что сила на их стороне: кто может противостоять армии и КГБ?

В восемь вечера 18 августа Пуго вместе с другими заговорщиками присутствовал на совещании в Кремле, которое продолжалось до четырех утра. Здесь были приняты документы ГКЧП, о которых на следующее утро узнают страна и мир. В пять утра 19 августа Пуго приказал своему первому заместителю Ивану Федоровичу Шилову обеспечить машинами ГАИ армейские колонны, входящие в Москву.

Домой Пуго вернулся под утро очень довольный, сказал:

– Ну все, свалили, убрали мы этого…

Потом объяснил сыну:

– Горбачев не может управлять страной, мы ввели чрезвычайное положение…

И добавил:

– Я им говорю, что Ельцина надо брать! Мы не стремимся к власти, у нас ее достаточно, но мы прекрасно понимаем, что Горбачев ведет страну к голоду, хаосу, разрухе.

Утром Пуго еще позвонил председателю Гостелерадио Леониду Петровичу Кравченко и потребовал отключить вещание из Ленинграда – ленинградские тележурналисты поддерживали российского президента Бориса Ельцина и своего мэра Анатолия Собчака. Все дни Пуго постоянно следил за телевидением и угрожал сурово наказать непокорных журналистов.

В девять утра Борис Карлович собрал руководящий состав министерства и зачитал документы ГКЧП. После бессонной ночи он был возбужден, говорил, что Горбачев единолично правил страной, ни разу не посоветовался ни с Пуго, ни с Крючковым. А в стране творится черт знает что, требуются срочные действия. Пуго отозвал из отпуска своего первого заместителя Бориса Громова и приказал создать оперативный штаб. Дважды в день штаб должен был информировать ГКЧП о ситуации в стране.

19 августа он принял участие в печально знаменитой пресс-конференции. Сам Пуго сидел мрачный. У главного оратора вице-президента Геннадия Ивановича Янаева тряслись руки. 20 августа во время заседания ГКЧП Пуго предложил ввести комендантский час в Москве. Он настаивал, чтобы внутренние войска приняли участие в штурме Белого дома, где заседали депутаты Верховного Совета России, хотя его первый заместитель Громов решительно возражал против этой авантюры.

Пуго требовал не пускать в Москву курсантов шести милицейских школ, которых заместитель министра внутренних дел России Андрей Федорович Дунаев вызвал в Москву на помощь Ельцину. Местные УВД следили за передвижением курсантов и сообщали в приемную Пуго. Тот вновь и вновь приказывал: остановить! Но московский главк министерству фактически не подчинялся, и российское МВД твердо поддерживало Ельцина.

Пуго просто зациклился на этих курсантах. Не мог понять, почему министерство не в состоянии исполнить его приказ. Он вызвал к себе первого заместителя министра внутренних дел России Виктора Федоровича Ерина. Сам Ерин спустя три года рассказывал «Российской газете», как это происходило. Он исполнял обязанности министра. Министр – Виктор Баранников –

болел и находился в госпитале.

Борис Карлович спросил у Ерина:

– Вы знаете, что мы начали?

– Знаю.

– Ваши действия?

– МВД России будет работать так, как нужно в этих условиях: обеспечивать правопорядок, бороться с преступностью.

– Вы что, не понимаете политического значения этого момента? Вы же опытный профессионал, о вас хорошее мнение. Мы должны быть убеждены в вашей лояльности.

– Борис Карлович, о какой лояльности здесь можно говорить? Есть правительство, есть Верховный Совет России. Они однозначно обозначат свою позицию. И Министерство внутренних дел будет эту позицию выполнять в соответствии с законами России. У вас не должно быть на этот счет иллюзий.

Пуго в своей мягкой манере спросил:

– Не боитесь потерять место?

Ерин ответил:

– Ваше право меня уволить. Но против совести не пойду.

На том они и расстались.

Пуго увидел, что свободно выходит в эфир ленинградское телевидение, которое оказалось вне запретов ГКЧП и принималось почти по всей стране. Он позвонил первому заместителю председателя Гостелерадио Валентину Валентиновичу Лазуткину:

– В восемь вечера ожидается выступление Собчака по ленинградскому телевидению, и он получит союзную трибуну. Этого нельзя допускать.

Разъяренный Пуго потребовал от Лазуткина немедленно отключить ленинградский канал, прекратить вещание. Лазуткин ответил, что технически это невозможно – Ленинград ведет вещание автономно. Пуго продолжал настаивать. Лазуткин перезвонил заместителю министра связи СССР генерал-полковнику Александру Анатольевичу Иванову (прежняя должность – заместитель начальника связи Вооруженных сил СССР по науке) и изложил просьбу Пуго «куда-то залезть и что-то перекусить, чтобы отключить Ленинград». Иванов выругался матерно и сказал:

– Ну и хрен с ним. Ты ведь знаешь, что откусывать это дело надо на ленинградской стороне. Вот пусть Пуго берет кусачки и сам лезет…. его мать!

Увидев, что даже генерал не делает попыток выполнять приказы министра внутренних дел, руководитель Гостелерадио почувствовал себя увереннее. После выступления Собчака

Лазуткину еще раз позвонил Борис Пуго, сказал угрожающе:

– Вы не выполнили моего указания. Будете отвечать.

Вечером 20 августа Пуго подписал шифровку, грозившую всем руководителям местных органов внутренних дел наказанием за невыполнение директив ГКЧП. Он сражался до последнего. Именно Пуго вместе с Крючковым предлагали арестовать Ельцина. Борис Громов советовал своему министру отказаться от операции по захвату Белого дома. Пуго улыбнулся и ответил:

– Это приказ, а приказы следует выполнять.

Громов не выполнил приказа. Он позвонил командиру Особой мотострелковой дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, предупредил, чтобы тот не двигал свои части в центр Москвы.

Даже 21 августа Пуго продолжал требовать неукоснительного исполнения решений ГКЧП, хотя уже было очевидно, что попытка взять власть не удалась. Генерал Громов рассказывал, как в половине девятого вечера они с Шиловым зашли к Пуго и заявили, что не будут выполнять его приказы.

Пуго улыбнулся, пожал плечами и сказал:

– Какой я дурак, что поверил Крючкову и послушал его.

В мире политики одно слово может перевернуть всю жизнь. Сказал бы бывший председатель Совета министров Литовской ССР Витаутас Сакалаускас в январе 1991 года «Да!», и попал бы в тюрьму, как бывший первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокявичюс, или пустил бы себе пулю в лоб, как Борис Пуго. Но Сакалаускас не поддался соблазну и сохранил жизнь, честь и свободу.

Пять лет Витаутас Сакалаускас был председателем правительства Литвы. В конце 1989 года он понял, что в

Вильнюсе скоро будет новая власть, которой он не подойдет, и попросил в Москве по старой традиции подобрать ему местечко в каком-нибудь посольстве. Его отправили советником-посланником по экономическим вопросам в Мозамбик, нищее африканское государство с плохим климатом. Пока он осваивался в Мозамбике, в Москве на его счет строились большие планы. После ареста министра обороны Язова в его бумагах нашли запись: «Не Бурокявичюс, а Сакалаускас. Бурокявичюс будет помогать…»

Накануне попытки государственного переворота в Литве Сакалаускаса без объяснения причин вызвали в Москву. В аэропорту его встретил сотрудник КГБ и отвез на один из конспиративных объектов Комитета госбезопасности. Туда приехали председатель КГБ Владимир Александрович Крючков и секретарь ЦК Олег Семенович Шенин. Они предложили Сакалаускасу принять участие в Комитете национального

спасения Литвы. Его обещали вновь сделать главой правительства, Миколас Бурокявичюс был бы первым секретарем ЦК республики.

Сакалаускаса отправили в Вильнюс на военном самолете. Прилетев на родину, Сакалаускас сразу понял то, что упорно не желал понимать Борис Пуго: в Прибалтике люди поддерживают своих депутатов и своих министров. Он отказался от участия в авантюре и вернулся в Мозамбик.

Пуго и Рубике поступили иначе.

Упрямый хозяин большого дома

Альфреда Петровича Рубикса арестовали 25 августа 1991 года в Риге, когда Борис Пуго был уже мертв. Большое стеклобетонное здание ЦК Компартии Латвии окружил полицейский батальон. На этаж, где сидели секретари ЦК, полицейских привел депутат Верховного Совета Латвии Одисей Костанда. Полицейские чувствовали себя не в своей тарелке: как это – взять и арестовать первого секретаря?

Рубике несколько картинно стоял в коридоре, руки в карманах. Он сказал полицейскому:

– Вы меня автоматом не пугайте.

Его вывели во двор к микроавтобусу. Сотрудницы ЦК тащили домой личные вещи и чайные сервизы. Первый секретарь помахал рукой собравшимся у входа. Какая-то женщина бросила ему цветы, крикнула:

– Мало вы их стреляли!

Уголовное дело о попытке государственного переворота в Латвии прокуратура республики возбудила 21 августа, когда стало ясно, что путч в Москве провалился. 27 августа Рубиксу предъявили обвинение в измене Родине по 59-й статье Уголовного кодекса Латвийской ССР. Он уже находился в следственном изоляторе, но держался уверенно. На лацкане пиджака светился малиновый значок народного депутата СССР. Он рассчитывал, что Верховный Совет СССР не даст согласия на его арест. Но Москва за него не заступилась. На него возложили вину за все, что происходило в республике с апреля 1990-го по август 1991 года…

19 августа в здании ЦК Компартии счастливые аппаратчики отмечали радостное событие: калинка-малинка, Горбачева свергли! Первый секретарь ЦК КПЛ, председатель Вселатвийского комитета общественного спасения Альфред Рубике решил, что теперь он самый главный человек в Латвии. Поехал за новостями к командующему Прибалтийским военным округом генерал-полковнику Федору Михайловичу Кузьмину, но тот знал только то, что и другие.

На совещании первых секретарей райкомов Рубике заметил: скоро придется расформировывать местные Советы, готовьте новые кадры. Собрал аппарат ЦК и предупредил, что все должны быть на месте. В каждом отделе назначил ночного дежурного, комендант притащил раскладушки.

На пресс-конференции Рубике объявил, что в Латвии тоже вводится чрезвычайное положение. Он сказал, что воспринимает

происходящее «не только с радостью, но и с гордостью. Это было мечтой нашей Компартии». И добавил:

– Все политические партии, деятельность которых противоречит Конституции СССР и Латвийской ССР, в течение суток будут распущены.

Рубике ждал указаний из Москвы, не дождавшись, поехал в столицу сам. Но всем было не до него. Позвонил председателю Верховного Совета Анатолию Лукьянову- не принял. На несколько минут попал к Олегу Шенину, секретарю ЦК. Но тот уже понял, что все провалилось. Рубике поехал назад в Ригу. Провел бюро, пленум… В ЦК уже никто ничего не делал. Пачками заталкивали бумаги в машины для уничтожения секретных документов.

В среду, 21 августа, в зале заседаний Верховного Совета в Риге был принят конституционный закон о государственном статусе Латвийской Республики. Латвия вышла из СССР. Депутаты пели «Боже, благослови Латвию». Дом радио, откуда военные накануне выгнали всех журналистов, покинули солдаты Советской армии, расселись по машинам и уехали. Рижскому ОМОНу генерал Громов приказал не покидать своей базы.

В ночь на 1 сентября по предложению российского министра внутренних дел Виктора Баранникова омоновцев отправили в Тюмень. Накануне отъезда командир отряда Чеслав Млынник попросил министра Вазниса о личной встрече – с глазу на глаз. Тот согласился:

«Когда я увидел Млынника, то испытал к нему жалость. Теперь он больше не был самоуверенным и лихим гвардейцем короля, героем, озаренным славой и воспетый Невзоровым. Теперь он был брошенным своими вдохновителями и идеологами растерянным майором, который потерял все свои ориентиры в жизни».

Млынник пришел проситься на работу.

– Возьми меня в свою личную охрану, – сказал он министру. – Такого надежного человека у тебя не было и не будет. Не пожалеешь.

Вазнис предложение отклонил:

– Ты пришел слишком поздно. Поезд ушел.

109 омоновцев со всем их имуществом вывезли на нескольких самолетах…

А в те августовские дни, когда стало ясно, что ГКЧП проиграл, из здания республиканского ЦК вывезли видеокамеры, компьютеры, радиопередатчик. Вечером началась пьянка. Напился даже начальник охраны первого секретаря.

В пятницу, 23 августа, в одиннадцать утра Верховный Совет Латвии принял постановление «Об антиконституционной

деятельности Компартии Латвии в Латвийской республике». Вечером Верховный Совет дал согласие на привлечение к ответственности народного депутата республики Альфреда Рубикса. Рубике простился с подчиненными, сказал, что будет ждать ареста. И добавил: если меня выведут на суд, повторится процесс Георгия Димитрова.

Рубике мог бы бежать, как его литовский коллега Миколас Бурокявичюс (его потом поймали в Минске, вывезли в Литву и судили). В Москве Рубикса как народного депутата СССР никто бы не тронул. Хотя здание ЦК находилось под наблюдением, он мог спуститься в подземный гараж, в котором находились оснащенные всеми видами связи автомашины, и на одной из них незаметно ускользнуть. А надо было всего лишь добраться до территории военно-морской базы, расположенной в городе, а оттуда на военном самолете улететь в Москву или выйти в море на военном корабле. Секретари ЦК и помощник Рубикса настойчиво советовали ему подумать о себе и исчезнуть.

Но он остался. Скорее всего, гордость не позволила. И что бы про него ни говорили, хитрым циником он не был. В этом смысле Пуго и Рубике походили друг на друга, хотя жизнь у них была очень разная. Пуго вышел из благополучной семьи, многие двери сами открывались перед ним. Рубиксу в юности пришлось очень тяжело.

Его отец Петерис Рубике служил капралом в латвийской армии в Даугавпилсе. Там в 1935 году в больнице войсковой части родился Альфред. Его мать Вильхельмина была из польской семьи. Дома говорили только по-польски, на людях – по-латышски. Брак оказался неудачным. Отец будущего первого секретаря любил выпить. Часто мальчик, видя, что уже поздно, а отца все еще нет, говорил матери:

– Пойдем к бабушке, а то отец опять пьяный придет, будет драться.

Петерис Рубике ушел из армии, устроился на железную дорогу, но продолжал пить и стал изменять жене. Это закончилось разводом. Когда началась война, Петериса мобилизовали в армию. Он скоро погиб. Вильхельмину с двумя детьми взял в жены начальник станции Эвалд Эрглис. В 1944 году у них родилась дочь, и в том же году Эрглиса немцы призвали в латвийский легион СС.

Он остался жив, вернулся домой, работал, но стал замкнутым, неразговорчивым. Службу гитлеровцам в народной Латвии ему не простили. После войны семья жила бедно, работали много и тяжело. Альфреда даже клали в больницу, чтобы спасти от дистрофии. Семья мужа попрекала Вильхельмину

детьми от первого брака и называла русской. Она очень обижалась:

– Какая я русская? Я полька, католичка!

Юный Рубике всегда хотел выделиться, уйти от этой бедности, от тяжелого труда, от суровой домашней дисциплины.

Его мать потом рассказывала:

– Помню, в школе предстоит торжественная церемония. Ему будут вручать переходящее знамя. А костюмчик изношенный, брюки протертые, светятся. Новый купить денег нет. «Как же пойдешь, сынок?» Он не то в шутку, не то всерьез ответил: постараюсь спиной не поворачиваться, чтобы дырок не увидели… Как вспомню это, заплачу.

Альфреда отправили после семилетки учиться в техникум. Жил в маленькой комнате у дяди вместе со всем его семейством. На ночь располагался на полу. Летом вместо каникул работал в поле. На этом настаивала мать. Она строго относилась к детям. Они и в углу стояли, и розог попробовали. Отчим брал Альфреда на самые тяжелые работы: камни дробить, приводить дороги в порядок. Работы Рубике не боялся – ни тогда, ни позже, когда стал стал сначала министром местной промышленности, затем мэром Риги.

В комсомол он вступил только в армии – дома отчим запрещал. С отчимом они перестали ладить: Альфред понимал, что прошлое Эвалда дорого ему обойдется. Тот, в свою очередь, не мог простить сыну, что он поддался коммунистам. Не хотел с ним садиться за один стол. Брал тарелку и уходил в сад.

В студенческие годы Рубике днем работал, вечером учился в политехническом институте, ночью подрабатывал, разгружая суда. Иногда даже ночевал там же, в порту, под перевернутой лодкой. Уже в зрелые годы у него появилась возможность устроить свою жизнь иначе. Его отправляли учиться в Москву, в Дипломатическую академию, что гарантировало комфортную заграничную жизнь. Рубике отказался, а его приятели по комсомолу при первой возможности покинули Ригу: Владимир Николаевич Шевченко, который заведовал отделом в ЦК комсомола Латвии, со временем стал шефом протокола у президента Ельцина, Иван Павлович Абоимов – послом на Украине…

По-настоящему Рубике развернулся на посту рижского мэра. Самолюбивый городской голова утверждал, что был в Риге популярнее самого Раймонда Паулса, композитора,

известного всей стране. В апреле 1990 года его избрали первым секретарем ЦК Компартии Латвии. Альфред Петрович не видел, что взялся за заведомо обреченное дело.

На суде Рубикса обвиняли в том, что руководимый им ЦК Компартии Латвии пытался свергнуть законную власть в республике вооруженным путем, руководил действиями ОМОНа и других специальных подразделений, которые устраивали в Риге погромы, взрывали и захватывали здания, нападали на таможенные посты, убивали милиционеров…

Гордость и упрямство, неспособность признать собственные ошибки и отказаться от неверных идей, болезненное нежелание ворошить прошлое – черты характера, подмеченные его родственниками, – помешали Альфреду Рубиксу понять, в чем он был не прав. Он был очень предан своему предшественнику на посту первого секретаря – Борису Карловичу Пуго. Но тот уже ничем не мог ему помочь.

Группа захвата опоздала

О том, что происходило с Пуго в последние дни и часы его жизни, известно из материалов уголовного дела, заведенного после провала августовского путча (допрашивали сына Пуго Вадима и невестку Инну), и из интервью его сына корреспондентам телевидения, «Комсомольской правды» и «Независимой газеты».

21 августа Вадим Пуго приехал к отцу в министерство. Борис Карлович достал из сейфа белый конверт и дал ему:

– Забери, пригодится.

Там были деньги. Министр уже понял, что все кончено. Борис Пуго в свой последний рабочий день захотел встретиться с иерархом церкви. Никого заманить в министерство не удавалось. Пришел митрополит Питирим, когда ему сказали, что нужно оценить конфискованные у преступников ценные иконы. Пуго уединился с ним, попросил коньяку, хотя сам не пил.

Разговор с Питиримом, по свидетельству тогдашнего руководителя Центра общественных связей МВД Андрея Григорьевича Черненко, продолжался полтора часа. Потом министр очистил от бумаг стол и уехал. Провожали его первый заместитель министра Иван Шилов и Андрей Черненко. Пуго приехал домой, отпустил охрану. Но два телохранителя остались во дворе.

Пуго с женой поднялись в квартиру сына, которая находилась в том же доме. У всех было плохое настроение. Но Борис Карлович пытался приободрить семью, смеялся, шутил, рассказывал о своей встрече со священником. Говорил, что поедет встречать Горбачева. Сказал, что в Риге жить было лучше. Советовал сыну не совершать таких ошибок, которые совершил он, и не доверять людям…

Жене он сказал:

– Валюша, не расстраивайся. Будет у нас другая жизнь.

Валентина Ивановна ему ответила:

– Ничего мне на свете не надо, только бы прижаться к тебе.

Еще днем она звонила мужу на работу и спрашивала, есть ли в доме оружие. Она считала, что Бориса Карловича арестуют на работе, и решила покончить с собой. Валентина Ивановна сказала ему по телефону:

– Я без тебя ни минуты жить не стану.

Пуго с сыном выпили водки. Борис Карлович заметил:

– У меня в квартире «жучки», у тебя наверняка тоже.

Они вышли на балкон. Борис Карлович сказал:

– Вадим, все кончено. Горбатый меня предал. С Ельциным я не могу остаться и с Крючковым и Янаевым не могу, потому что не хочу больше крови… Умный у вас папашка, а купили его за пять копеек…

Борис Карлович сказал, что у него отключили телефоны правительственной связи, прокуратура возбудила уголовное дело. Сын спросил отца, как он, такой осторожный человек, мог так ошибиться. Пуго-старший ответил, что сам не может понять, как вляпался в это дело.

– А что теперь будет? – спросил Вадим.

– Ночью придут арестовывать.

Потом стал шутить:

– У нас в доме столько оружия – будем отстреливаться.

Потом он отдал Вадиму свой пистолет вальтер и попросил его спрятать, боясь, что, если придут с обыском и найдут оружие, то дадут статью за незаконное хранение оружия. Расстались они в три часа ночи. Вадим Пуго пошел гулять с собакой и спрятал пистолет во дворе под корягу. Утром его разбудил отец:

– Вставай, отдай мне пистолет.

Вадим спросонья пошутил: что, мол, будешь отстреливаться?.. Надел спортивный костюм, вышел на улицу и достал пистолет. Потом Вадим будет горько сожалеть об этом:

– В квартире хранилось несколько охотничьих ружей, но о самоубийстве и мысли не возникало… Я не представлял себе, что делать. Ночью никого не арестовали… Около восьми утра оделся, собрался уходить. Отец сидит за столом, что-то пишет. Я подошел. Он перевернул листок, чтобы мне не было видно. А я не придал этому значения, действовал как бы автоматически, сказал: «Ну, пап, я пошел». Он встал, поцеловал меня: «Ну, пока»… Мать – заплаканная, ко мне не подошла. Не было никаких слезных прощаний, никто не жал руки, не давал напутствий, не писал завещаний…

Около девяти утра Пуго по городскому телефону позвонил своему заместителю Шилову, спросил, какая обстановка. Шилов поинтересовался, приедет ли министр на работу?

– Зачем? – вопросом на вопрос ответил Пуго.

Сказал, что всю жизнь старался жить честно, и попрощался. Пуго уже искали, чтобы арестовать. Людям еще не верилось, что путч провалился и заговорщики больше не представляют никакой опасности. Сергей Александрович Филатов, тогда секретарь Верховного Совета РСФСР, вспоминает, что даже после ареста членов ГКЧП «на воле оставался еще Пуго, у которого была кое-какая реальная сила».

В этот день, 22 августа, на сессии Верховного Совета России

выступил Борис Ельцин. Он рассказал депутатам о том, что генеральный прокурор возбудил уголовное дело и должны быть взяты под стражу все члены так называемого ГКЧП, кроме двух народных депутатов – Бакланова и Стародубцева. На их арест нужна санкция Верховного Совета СССР.

– На сегодняшний день задержаны бывший министр обороны Язов, бывший председатель Комитета госбезопасности Крючков, – сообщил депутатам Ельцин. – В связи с тем, что председатель кабинета министров Павлов находится в больнице, к нему приставлена соответствующая охрана. Взят под стражу Янаев. Взят под стражу генеральный директор завода имени Калинина Тизяков. И сейчас группа поехала к министру внутренних дел, бывшему министру Пуго.

Позже на сессии выступил российский прокурор Валентин Георгиевич Степанков, который доложил об арестах и добавил:

– К сожалению, не удалось завершить операцию. Час назад, во время попытки войти в квартиру министра внутренних дел СССР Пуго, тот покончил жизнь самоубийством. Тяжкое ранение получила его жена. Состояние ее тяжелое…

В аресте Пуго участвовали председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко, первый заместитель министра внутренних дел России Виктор Ерин, заместитель прокурора России Евгений Лисин и Григорий Явлинский как наблюдатель от российской власти.

Пуго звонили на дачу, на квартиру, никто не брал трубку. Потом Ерин сообразил, что аппараты правительственной АТС бывшему министру уже отключили. Иваненко узнал у себя в справочной номер городского телефона Пуго, позвонил ему. Тот сам снял трубку. Иваненко очень вежливо сказал, что надо встретиться. Борис Карлович не менее вежливо ответил, что готов к встрече. Его квартира находилась в доме на улице Рылеева. Приехали через пятнадцать минут. Дверь никто не открывал. Сверху из своей квартиры спустилась невестка Пуго, сказала:

– Звоните, звоните, они дома.

Открыл тесть Пуго – очень пожилой человек. Он только что обнаружил мертвого зятя и свою дочь, залитую кровью. По горячим следам Явлинский рассказал все подробности газете «Московский комсомолец». Это был первый рассказ о смерти Бориса Пуго.

– Вместе с вами были автоматчики, группа захвата?

– Нет. Они должны были подъехать. В принципе группа захвата была наготове, но ехали порознь. И мы, не дожидаясь их, начали действовать.

– И что же в квартире? По Москве ходят слухи, что Пуго стрелял в жену.

– Она была изранена, в крови. Лицо измордовано в кровь.

– Это были ножевые или огнестрельные ранения?

– Там невозможно было разобраться. Она сидела на полу с одной стороны двуспальной кровати, а непосредственно на кровати с другой стороны в тренировочном костюме лежал Пуго. Его голова откинулась на подушку, и он дышал. Но внешний вид у него был, как у мертвеца.

– Кто-то еще находился в квартире?

– Мы не видели. Потом туда пришла соседка, а затем приехала бригада врачей. Через некоторое время прибежал лечащий врач, вызванный соседкой. Удивительно, что врачи абсолютно не обращали внимания на искалеченную женщину, а занимались только Пуго.

– Его жена дала какие-то показания?

– Она выглядела невменяемой. Все движения у нее были абсолютно некоординированы, речь – несвязной.

– А где была охрана Пуго?

– Ему до этого сняли охрану.

– Находясь на лестничной площадке, вы слышали выстрелы?

– Нет. Дверь оказалась двойной, да еще с тамбуром. Так что звукоизоляция была полной.

– Окна в комнате были зашторены?

– Нет.

– А в каком состоянии находилась квартира? Вы не видели следов обыска, пепел от сожженных документов?

– Все было в порядке. Но было видно, что до этого Пуго работал за письменным столом в другой комнате.

– Вам не показалось что-либо странным или привлекающим внимание?

– Я не профессионал и тогда не задумывался над обстоятельствами. Передо мной лежал государственный преступник. И только после того, как мы с Иваненко уехали, а Ерин и Лисин остались ждать экспертов, после того, как я оказался в спокойной обстановке, помимо моей воли в голове нарисовалась картинка происшедшего. И память высветила два обстоятельства, которые я не могу объяснить.

Первое. Светло-серый пистолет аккуратно лежал на тумбочке. Причем так, как лежал Пуго, положить пистолет на тумбочку ему было очень трудно: как до выстрела, так и после (что само по себе абсурдно). Тумбочка стояла за головой, и, для того чтобы туда положить пистолет, надо было делать это либо через плечо, либо развернуться. Второе. Были три стреляные гильзы.

– По своему характеру как человек Пуго способен на такой поступок?

– Я-то его не знал, но Иваненко сразу же, когда начали искать Пуго и долго не могли найти, сделал такое предположение. А когда мы поехали, то в машине Иваненко охарактеризовал Пуго как самого циничного, жестокого и твердого человека из этой «восьмерки»: «Он нам может преподнести любой сюрприз». Мне он сказал, что надо быть готовым к любому повороту событий… В результате следствия стало известно, что последней стреляла жена. Она же положила пистолет на тумбочку…

В реальности все было несколько иначе. Я беседовал с тогдашним председателем КГБ РСФСР Виктором Иваненко, который участвовал в аресте Пуго.

– Когда вы вошли в квартиру Пуго, то сразу решили, что это самоубийство, или же были сомнения?

– Сомнения были, – сказал Иваненко. – Вопросы у профессионала всегда возникают, поэтому следственная группа проверяла все версии. Но посторонних в квартире не было. Запертую изнутри дверь нам открыл старик, отец его жены, человек слабого здоровья. И с балкона никто не прыгал, как утверждали. Супруги еще накануне решили уйти из жизни. Пуго искренне верил в определенные идеалы. Жаль, что он не мог понять, что тот строй отжил, и надо идти вперед…

По факту смерти Бориса и Валентины Пуго было возбуждено уголовное дело. Следственная группа Прокуратуры России восстановила обстоятельства самоубийства Пуго и смерти его жены. Когда Пуго-младший уходил из дома в начале девятого утра, Борис Карлович писал прощальную записку:

«Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению.

Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил. Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей.

Единственное оправдание происшедшему могло быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элинка, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Все это ошибка! Жил я честно – всю жизнь».

Валентина Пуго тоже оставила короткую записку:

«Дорогие мои! Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде. Мама».

Примерно без десяти девять в спальной комнате Пуго из своего «вальтера РРК» выстрелил в висок своей жене, а потом выстрелил себе в голову. Его тесть Иван Павлович Голубев услышал выстрелы, зашел в их комнату и увидел, что Пуго лежит

на кровати с пистолетом в руке, а жена вся в крови сидит на полу возле кровати.

Девяностолетний тесть Иван Павлович автоматически взял у зятя из рук пистолет и положил его на тумбочку. Жена сына позвонила лечащему врачу Пуго. Через десять минут врач был в квартире с бригадой «скорой помощи». Врачи констатировали смерть Пуго. Его жена еще была жива, ее увезли в Центральную клиническую больницу, где она, не приходя в сознание, умерла 24 августа.

Все необходимые следственные действия и экспертизы были проведены, и ни у кого не осталось сомнений в том, что Борис Карлович Пуго застрелился сам. Возможность убийства третьим лицом исключена. Вадим Пуго тогда говорил следователям:

– У меня нет сомнений, что родители покончили жизнь самоубийством. Они очень любили друг друга, и я знаю, что мать не смогла бы жить без отца.

Через несколько лет Вадим Пуго скажет корреспонденту «Комсомольской правды»:

– Я убежден, что отец и мать застрелились после ГКЧП не столько потому, что считали, что их ждут позор и тюрьма, а потому главным образом, чтобы отсечь свое прошлое от моего будущего. Чтобы груз их жизни не мешал их сыну…

Хоронить своего недавнего министра в МВД отказались. Четыре месяца его сын не мог найти место, чтобы захоронить урны с прахом. В конце концов похоронил их на Троекуровском кладбище.

По мнению Бориса Ельцина, которого во время путча Пуго хотел арестовать, министр покончил с собой в приступе отчаяния: «Он сломался под грузом свалившейся ответственности».

После Пуго обязанности союзного министра ровно сутки исполнял Василий Трушин. 23 августа министром был назначен Виктор Баранников, который был на стороне Ельцина в августе 1991 года и выступил против Ельцина в октябре 1993-го. Баранников умрет сравнительно молодым – от сердечного приступа, уже после того, как его освободят из тюрьмы.

В 1993 году в Ярославле поставили оперу под названием «Великий гражданин», посвященную Борису Пуго и событиям августовского путча. Поставили оперу поклонники авангардистского театра. По их собственным словам, опера имеет «мистически-магический характер». Едва ли бы она понравилась самому герою. Борис Карлович Пуго к авангардизму и модернизму относился скептически.

Глава 13
Ахромеев. Последняя ночь в кремлевском кабинете

24 августа 1991 года, сразу после провала путча, в своем кремлевском кабинете покончил с собой советник президента, бывший начальник генерального штаба маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев.

В вихре событий, захлестнувших в те дни страну, смерть маршала была не так уж заметна, но многие удивились: что заставило его уйти из жизни? В отличие от застрелившегося министра внутренних дел Бориса Пуго маршал Ахромеев не играл такой уж заметной роли в августовских событиях. Советник президента – заметная, но не слишком влиятельная фигура.

Почти сразу стали известны детали смерти Сергея Федоровича. Всех удивило то, что маршал не застрелился (офицерам положено табельное оружие), а повесился. Причем повесился сидя, привязав шпагат к ручке оконной рамы. Оперативники и работники прокуратуры знают, что таким путем обычно совершают самоубийства в тюрьмах, где это надо сделать незаметно для надзирателя.

Отсюда и возникла версия, что самоубийство не было добровольным, что маршала запугали угрозами репрессий против него и семьи и потребовали уйти из жизни. После этого его заперли в кабинете и ждали, пока он покончит с собой.

Эта версия продолжает жить. Уже через много лет после его смерти минская «Народная газета» писала:

«Это было убийство, обставленное с такой дьявольской хитростью и изощренностью, на какую способны только мастеровые своего кровавого ремесла самой высшей квалификации, с целью убедить следователей и общество, что это было самоубийство. Но режиссеры и исполнители явно перестарались.

Если с технической стороны эта дьявольская операция была выполнена, может быть, и безукоризненно, и следователи не нашли никаких зацепок, чтобы раскрутить дело, то в психологическом плане бросаются в глаза грубые просчеты. Похоже, организаторы кровавого спектакля не могли отказать себе в удовольствии вывалять в грязи даже последний час этого человека, любой ценой очернить его светлый образ.

Каждому ясно, что даже зэк (ведь он тоже человек), решив

уйти из жизни, предпочел бы (будь у него револьвер) пустить себе пулю в висок, чем свести счеты с жизнью таким способом. Так что же говорить о военном человеке, которого знал весь мир!

Вторая явная неувязка. Стал бы здравомыслящий человек описывать перед смертью технологию собственного самоубийства (как об этом кричит официальная версия)? А ведь никто не может сказать, что С.Ф. Ахромеев был шизофреником. Его могли убрать не только по политическим причинам. Будучи правой рукой Президента СССР в военных вопросах, он слишком много знал о коррупции в армии, и особенно о разворовывании средств и техники в Западной группе войск».

Самую фантастическую версию выдвинул в газете «Завтра» любитель геополитики Александр Дугин. Он специализируется на разоблачении «мондиализма».

«Слово «мондиализм», – пишет Дугин, – от французского «monde», «мир» – означает особое направление в политическом истеблишменте Запада, которое считает, что пришло время для установления прямого правления

Мирового Правительства… Я указывал на опасность влияния подобных идей на советское руководство (тогда еще существовал Советский Союз)…

Расследование деятельности мондиалистских организаций и их связей с советским руководством представляло собой важнейшую задачу для судеб народа страны. Тем не менее, на этот сигнал никак не отреагировали, и представители «Трехсторонней комиссии» (во главе с самим Дэвидом Рокфеллером) прибыли в 1991 году в Москву, где в Кремле встречались с советским президентом и его окружением.

На встрече присутствовал маршал Ахромеев, и не исключаю, что его трагическая гибель как-то связана с этим эпизодом, ведь он оказался свидетелем очень важных контактов, возможно, предопределивших последующие трагедии, которые маршал Ахромеев, будучи искренним патриотом, не мог не предвидеть».

Полвека в армии

Сергей Федорович Ахромеев не собирался быть военным. Он родился в мае 1923 года в зажиточной мордовской семье. Но рано остался без отца – Федора Ивановича Ахромеева репрессировали в 1929 году и выслали в Среднюю Азию.

Маршал об этих обстоятельствах своей личной жизни до перестройки предпочитал не упоминать. Впрочем, в автобиографии об этом писать приходилось – попытка утаить сведения об аресте и ссылке отца была равносильна преступлению и могла стоить карьеры. Ахромеев сообщал: «В 1929 году мать с отцом разошлась по личным мотивам, и больше мы с ним не жили, и я его не видел. Материальной помощи от него не получали, так как он уклонялся от выплаты алиментов. В 1938–1939 гг. где-то в Средней Азии он умер».

Выходит, умер Федор Иванович Ахромеев, отец маршала Советского Союза, совсем молодым человеком – ему и сорока не было. Такая судьба постигла большую часть так называемых кулаков, а в реальности умелых и работящих крестьян, попавших в жернова коллективизации. Едва ли он мог платить алименты – спецпереселенцы и на хлеб себе не зарабатывали.

Уже в перестроечные годы Ахромеев рассказывал журналисту, приехавшему из родной Мордовии:

– Нашу семью раскулачили, и она пропала буквально в течение нескольких месяцев. Большинство погибло.

Несложно представить себе, какая трагедия стоит за этой историей. Видимо, мать, спасая себя и детей, поспешно развелась с репрессированным мужем, чтобы не ехать за ним в ссылку, где их всех могла ждать смерть. Она взяла детей и перебралась в Подмосковье, к сестре. Нашла работу на заводе «Красный богатырь». В школу будущий маршал пошел уже в Москве. Тяжелое детство, репрессированный отец – это не могло не наложить отпечатка на его мироощущение. Наверное, он всю жизнь неосознанно пытался доказать, что не только не имел никаких отношений с раскулаченным отцом, но и что сын кулака может быть отличным офицером.

История его жизни подробно изложена в сборнике документов и материалов «Маршал Ахромеев: роковой август», изданном в Саранске небольшим тиражом. Жена Сергея Федоровича (они вместе учились в школе) потом рассказывала, что муж увлекался литературой и намеревался поступить в знаменитый перед войной ИФЛИ – Московский институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского.

Но его мать перебралась к дочке (она вышла замуж), чтобы ей помогать. Сергей Ахромеев остался один, пришлось выбрать занятие надежнее литературы или философии. По комсомольской путевке в 1940 году поступил в

Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Он собирался стать морским офицером. Но успел окончить только первый курс. Летом курсантов отправили на практику в Либаву, там он и встретил войну.

Курсантов-моряков включили в 3-ю бригаду морской пехоты. Старшину второй статьи Ахромеева назначили заместителем командира взвода. С осени 1941 до января 1942 года воевал на Ленинградском фронте, на знаменитом пятачке под Ораниенбаумом. Был тяжело ранен, обморожен – едва не лишился обеих ног. В госпитале врачи запретили ему курить, и он послушался. Он всегда был дисциплинированным: дал слово – держи.

К службе на флоте его признали непригодным и отправили во 2-е Астраханское пехотное училище на двухмесячные офицерские курсы. В октябре 1942 года ему присвоили звание лейтенанта, отправили на Сталинградский фронт командиром стрелкового взвода. Через полгода назначили старшим адъютантом стрелкового батальона (это начальник штаба), потом помощником начальника штаба полка и, наконец, дали под командование батальон. В 1944 году его послали учиться в Высшую офицерскую школу самоходной артиллерии бронетанковых и моторизованных войск.

После войны его не демобилизовали, а оставили в кадрах как перспективного офицера. Он два года командовал батальоном в тяжелом танко-самоходном полку, пять лет проучился на командном факультете Военной академии бронетанковых войск имени И.В. Сталина. Окончил ее с золотой медалью, что открывало перед молодым офицером хорошие служебные перспективы.

После академии Ахромеев получил назначение начальником штаба полка в Дальневосточный военный округ. Здесь прослужил восемь лет, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Сначала оказался в Китае – на советской военной базе в Порт-Артуре. Первый год провел без семьи, столько времени жене офицера оформляли поездку за границу. Когда Хрущев вернул Порт-Артур китайцам, советские войска поспешно вывели на родину, где их, как водится, не ждали.

Жить было негде, но на бытовые условия Сергей Федорович никогда не жаловался. Он был офицером до мозга костей, ревностно относился к службе и с утра до ночи пропадал в части.

Ахромеев говорил, что первую настоящую квартиру он получил только в 1960 году, став командиром 36-й танковой дивизии в Бобруйске. В апреле 1964 года ему присвоили звание генерал-майора танковых войск.

Он добился права поехать в Москву – поступил в Военную академию Генерального штаба. Золотая медаль, полученная Ахромеевым, открывала дорогу к вершинам военной карьеры. Он получил под командование 7-ю танковую армию, штаб которой размещался в Борисове. Для него это было большим событием. Командарм – номенклатура секретариата ЦК КПСС, перед назначением с ним беседовали на Старой площади.

А потом Ахромеев вновь вернулся в знакомые места – начальником штаба Дальневосточного военного округа. В марте 1974 года его перевели в Генеральный штаб. Ахромеев рассказывал, что это назначение его не обрадовало. Он надеялся в скором времени стать командующим войсками округа, то есть получить самостоятельный пост. Вместо этого он опять засел в штабе. Его назначили начальником главного оперативного управления. Это ключевое подразделение Генерального штаба. Оно разрабатывает планы боевого использования армии и флота.

Ахромеева сразу оценили на новом месте. У него были все качества, необходимые для генштабиста: исключительное трудолюбие, широкие познания, отличная память и пунктуальность. Этому сопутствовали сухость и педантичность. Начальник Генерального штаба маршал Николай Васильевич Огарков писал в его аттестации: «Твердо изучил и хорошо знает состояние и перспективы развития наших Вооруженных Сил и вероятного противника. Волевой и решительный генерал. Ответственности и трудностей в работе не боится».

Сергей Федорович ничего не знал, кроме работы. Не занимался домашними делами, не ходил по магазинам, не мог сказать, сколько стоит батон хлеба. Компании не любил с молодости, практически не пил, застольем тяготился.

Генерал Александр Антонович Ляховский, один из его подчиненных в Главном оперативном управлении, рассказывал мне:

– Фантастически работоспособный человек. Приезжал в Генштаб рано утром и уезжал поздно ночью, а мог и ночевать на работе. Для него не существовало ни выходных, ни праздников. Мы даже не знали, отдыхал ли он когда-нибудь.

Жена Ахромеева говорила потом журналистам, что каждое утро Сергей Федорович поднимался в 5:20, полтора часа в любую погоду делал зарядку на улице. В 7:30 уезжал на работу, раньше одиннадцати вечера не возвращался.

Впрочем, не все генштабисты восхищаются Ахромеевым. Они признают, что он многое знал, вникал в такие детали, что иногда ставил в тупик офицера, сидящего на этом направлении:

– Но вообще-то начальнику Генштаба это не обязательно. Он был классным исполнителем, держал в голове все нюансы, тонкости. Зато у него не было стратегического мышления. А у его предшественника Огаркова оно было.

Но вот министру обороны Дмитрию Федоровичу Устинову Ахромеев нравился, а Огарков, напротив, нет. Один из журналистов, близких к семье Ахромеевых, рассказывал:

«В узком дружеском кругу Дмитрий Федорович Устинов называл Ахромеева, который был моложе его на пятнадцать лет, «сынком». Когда «спрыскивали» в 1974 году вступление С.Ф. Ахромеева в должность начальника Главного оперативного управления Генштаба, Устинов со смехом говорил: «Что же ты, сынок, такой слабак? Мы, старики, водку пьем, а ты вином балуешься». Действительно, из спиртного Сергей Федорович пил только вино, и то в небольших количествах».

Золотая Звезда

В феврале 1979 года Ахромеев стал первым заместителем начальника Генштаба, через два месяца ему присвоили звание генерала армии. А в конце года ему пришлось полностью посвятить себя Афганистану.

Позднее будут говорить, что Ахромеев возражал против ввода советских войск в Афганистан. В реальности он предлагал отложить эту операцию, чтобы лучше к ней подготовиться. А против был его предшественник на посту начальника Генерального штаба Огарков. Когда министр обороны Устинов вызвал его и приказал готовить ввод войск, Огарков сказал, что это безрассудство.

На заседании политбюро начальник Генштаба высказался против ввода советских войск в Афганистан, заявил, что такая акция чревата очень большими внешнеполитическими осложнениями для Советского Союза – особенно в исламском мире. Предупредил, что афганцы не терпят вооруженных иноземцев и наши войска неминуемо втянутся в боевые действия.

Председатель КГБ Юрий Андропов оборвал маршала:

– У нас есть кому заниматься политикой. Вам надо думать о военной стороне дела, то есть как лучше выполнить поставленную вам задачу.

Огарков возразил:

– Но я начальник Генерального штаба!

Андропов жестко ответил:

– И не более того.

Устинов перестал обсуждать с Огарковым вопросы, относящиеся к Афганистану, а все поручил Ахромееву, который стал доверенным лицом министра обороны. Сергей Федорович всегда отстаивал правильность решения о военном вмешательстве в Афганистане: «Фактически режим потерял всякий авторитет. Он был бы свергнут в первые месяцы 1980 года… Мы стояли перед дилеммой: или смириться с поражением революции в Афганистане и победой контрреволюции, или вводить войска. Других вариантов не было…»

Маршал Устинов полагал, что достаточно советским войскам появиться в Афганистане, как бандиты разбегутся. Первый заместитель министра обороны Сергей Леонидович Соколов, которому поручили руководить вводом войск, сказал жене, что через месяц он вернется и тогда они поедут в санаторий. А провел в командировке год.

Генерала армии Ахромеева назначили начальником штаба

оперативной группы Министерства обороны в Афганистане. Группу возглавил Соколов, который потом станет маршалом и Министром обороны. Оперативная группа 14 декабря 1979 года прибыла в Термез, откуда руководила вводом войск в Афганистан. 3 января 1980 года оперативная группа прилетела в Кабул.

Первоначально Соколов и Ахромеев исходили из того, что советские войска не могут участвовать в боевых действиях. Но уже в феврале 1980 года антиправительственные выступления охватили Кабул, было обстреляно советское посольство. Тогда в Москве приняли решение начать совместно с армией Демократической Республики Афганистан боевые действия с целью разгромить вооруженную оппозицию. Операции советских войск начались в марте 1980 года.

Полковник Александр Кузнецов, который служил в штабе оперативной группы, рассказывал мне:

– Я практически никогда не видел Ахромеева отдыхающим. Он даже папку с документами не доверял дежурному, таскал всегда с собой, ночью клал под подушку. Работал допоздна и рано вставал. Он не мог не работать, натура такая, трудоголик.

Некоторые подчиненные Ахромеева жаловались на то, что он заваливал людей ненужной работой, которая, это было понятно сразу, пойдет в корзину. Он приказывал делать вещи, которые заведомо не были нужны.

Полковник Кузнецов не согласился с такой оценкой:

– Шла война. В любой момент дня и ночи ему мог позвонить Дмитрий Федорович Устинов и потребовать отчета о том или ином направлении работы, о ситуации в любом районе боевых действий. Поэтому делается лишняя работа или нет – это может оценить только начальник. А подчиненный этого решить не может…

Некоторые офицеры, воевавшие в Афганистане, говорят, что Ахромеев не жалел людей. Ему докладывали о том, что войска несут большие потери, но его это не интересовало, и он отвечал:

– Сколько вам надо солдат, столько и пришлют. Выполняйте поставленную перед вами задачу.

У Ахромеева был очень неприятный, пронизывающий взгляд. Казалось, перед тобой рентгеновская установка. Полковник Кузнецов тоже как-то попытался сверлить его взором. Ахромеев удивился:

– Ты чего это на меня так смотришь?

– А вы как на меня смотрите?

– У меня некоррекция зрения, я даже в кино не хожу. Ты на меня не обращай внимания.

Афганская командировка тяжело далась Ахромееву. Накануне ввода войск Сергей Федорович заболел, у него диагностировали воспаление легких, лечиться его отправили в Москву. В Афганистане Ахромеев провел в общей сложности два полных года, а потом еще часто приезжал.

В последний раз был в 1984 году. Пули его миновали, но дважды у него случались серьезные приступы стенокардии.

Все-таки ему было пятьдесят шесть лет, а приходилось много летать по стране. Вылетали из Кабула в шесть утра, пока еще прохладно. Но когда добирались до отдаленного гарнизона, там температура уже доходила до сорока градусов – жара невыносимая, все мокрые. Ахромеев частенько чувствовал себя неважно.

– Он был очень худой, бледный, чувствовалось какое-то недомогание, – вспоминает полковник Кузнецов. – Но он никогда не жаловался.

Оперативная группа сначала располагалась в штабе 40-й армии, потом в правительственной резиденции. Кормили офицеров афганцы, потому что маршал Соколов принципиально отказался от советских поваров и отечественной еды. Сказал: раз мы гости Афганистана, то должны жить по его обычаям.

А у Ахромеева была больная печень. Ему надо было сидеть на диете. И без того худой, он потерял тринадцать килограммов. Чувствовал себя очень плохо. Он вызвал из дома жену, чтобы она помогла ему сохранить работоспособность.

– Один раз я видел его поющим, – вспоминает Анатолий Кузнецов. – В оперативной группе была традиция: все праздники – день Советской Армии, день танкиста – он же танкистом был – отмечали вместе. Собиралась вся группа, а нас было человек сорок, садились за один стол. Жена маршала Соколова посылала с самолетом какую-нибудь деликатесную закуску – селедочку, соленые огурчики, помидорчики. Сергей Федорович вообще не пил, но под Новый год я видел его поющим «Три танкиста».

Пока Ахромеев находился в Афганистане, в январе 1981 года ему была присвоена Ленинская премия в области науки и техники по закрытому списку с туманной формулировкой – «за работу в области специальных систем управления». Ахромеев как заместитель начальника Генштаба был заказчиком работы, которую выполнял большой коллектив военных ученых; им, наверное, и полагалась премия. Но это было время, когда для маршалов и генералов ничего не жалели – ни наград, ни званий.

Однажды заведующий отделом административных органов ЦК Николай Савинкин сказал Брежневу:

– Леонид Ильич, все-таки надо нам прекращать присваивать

генеральские звания и раздавать ордена направо и налево. Совсем обесценились.

Брежнев рассмеялся:

– Тебе что, Коля, железа жалко? Пусть получают свои ордена и медали. Получат, выпьют, у них настроение лучше, и есть стимул работать. Зачем же их этого лишать?..

В 1981 году на XXVI съезде КПСС Ахромеева избрали кандидатом в члены ЦК – это тоже было знаком доверия. 7 мая 1982 года Брежнев подписал указ о присвоении Ахромееву звания Героя Советского Союза «за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан и проявленные при этом мужество и героизм». Золотую Звезду он получил за подготовку и проведение знаменитой Панджшерской операции по уничтожению отрядов вооруженной оппозиции.

Известный дипломат Юлий Квицинский вспоминает, как Ахромеев с горечью говорил ему, что служба требует выполнять указания политического руководства, даже если в чем-то с ними не согласен:

– Вы думаете, я счастлив, что получил Звезду Героя за Афганистан? Приказ я выполнил, но там одна кровь, грязь, и никакой перспективы.

В марте 1983 года Ахромеев, еще будучи первым заместителем начальника Генерального штаба, получил и звание маршала Советского Союза, хотя это не маршальская должность и даже не всякий начгенштаба имел маршальские звезды. Второго такого случая в истории Генерального штаба не было. А на следующий год, в 1984-м, Ахромеев возглавил Генеральный штаб и стал первым заместителем министра обороны. Это произошло, когда Устинов окончательно решил избавиться от маршала Огаркова.

Николая Васильевича Огаркова в Вооруженных Силах уважали. Он в войну начинал с должности военного инженера, потом стал общевойсковым командиром, командовал военными округами. В 1977 году Устинов, недавно назначенный министром обороны, сам выбрал Огаркова на пост начальника Генерального штаба.

Говорили, что со временем Устинов увидел в Огаркове соперника. Это, конечно, не так. Огарков не мог быть соперником Дмитрию Федоровичу Устинову, который принадлежал к числу тех немногих, кто реально управлял страной. Так было и при Брежневе, который считал Устинова своим другом, и особенно после смерти Брежнева. Устинов дружил с Андроповым, а после его смерти именно Дмитрий Федорович выбрал Черненко на роль

генерального секретаря.

Дело в другом.

У маршала Огаркова было много идей, в том числе те, которые реализовались много позже, например, о слиянии военно-воздушных сил и противовоздушной обороны. И Огаркова министр всегда поддерживал. Но начальник Генерального штаба, чувствуя поддержку министра, стал на коллегиях возражать и самому министру, демонстрировать самостоятельность. У него по всякому поводу было свое мнение. А какому начальнику нравятся непослушные подчиненные? Зная настроения Устинова, и Андропов стал плохо относиться к Огаркову, называл его «Наполеончиком».

– В Генштабе многие смотрят в рот министру, – говорил маршал Огарков своему старому знакомому и крупному партийному работнику Виталию Ивановичу Воротникову, – а я не могу так.

Николай Васильевич рассказывал о принципиальных разногласиях с Устиновым:

– Войска перенасыщены ядерными установками поля боя. Много на переднем крае отсталой техники. Заказы промышленности оформляются главкомами родов войск, минуя Генштаб. Они стремятся во что бы то ни стало использовать выделенные средства и нередко заказывают промышленности устаревшую технику. Западники подбрасывают дезинформацию в расчете спровоцировать нас на дополнительные экономические затраты. А мы попадаемся на удочку, бросаемся вдогонку.

Огарков с сожалением говорил о том, что военно-промышленный комплекс – монополия Устинова. ЦК напрасно все передоверил Дмитрию Федоровичу, фактически объединив в одних руках Министерство обороны и ВПК. А еще нужны социальная защита и большая забота об офицерах и солдатах, потому что материальные и бытовые условия службы очень трудные…

Примерно то же самое маршал Огарков, уже выйдя на пенсию, рассказывал писателю Владимиру Карпову:

– Министр обороны Устинов, по сути дела, был не военный человек, а производственник. Он умело гнал промышленность на создание всех видов вооружений. И добился больших результатов. А теперь вот выясняется – способствовал этим перекосу, милитаризации экономики, чем, не желая того, как бы помогал нашим противникам, стремившимся вовлечь нас в беспредельную гонку вооружений…

Устинову упрямство Огаркова надоело, и он нашел способ сменить начальника Генерального штаба. На Совете обороны в

августе 1984 года Дмитрий Федорович предложил образовать группы военных округов по направлениям (Западное, Южное, Дальневосточное) и создать главные командования войск направлений. Каждый главком получал бы под свое начало несколько округов, флот, воздушную армию. Полагали, что это упростит систему управления, потому что из Москвы трудно руководить такими мощными вооруженными силами.

Предложение утвердили. После этого Устинов вызвал Огаркова и сказал:

– Есть необходимость вам стать главнокомандующим войсками Западного направления.

– Почему я, а не Соколов? – удивился Огарков.

– Во-первых, вы моложе. Во-вторых, это ваша идея, вам ее и реализовывать.

Огарков пытался сопротивляться, попросил содействия у Виталия Воротникова, который стал членом политбюро. Воротников отговорил Огаркова обращаться к генеральному секретарю Черненко, зная, что тот во всем прислушивается к Устинову, но устроил маршалу беседу с Горбачевым, который был фактически вторым секретарем ЦК КПСС. Но позиции Устинова были непоколебимы.

20 сентября 1984 года в Ореховой комнате Кремля, где перед заседанием политбюро собирались высшие руководители страны для неофициального обмена мнениями, председатель Совета министров Николай Тихонов неуверенно завел разговор о судьбе маршала:

– Может, не трогать Огаркова?

Воротников и Горбачев его поддержали. Черненко вопросительно посмотрел на Устинова. Тот твердо сказал:

– Нет, в Генштабе необходимо оздоровить обстановку.

Спорить с министром обороны никто не решился. Огарков был освобожден от должности начальника Генерального штаба. А через три месяца Устинов неожиданно скончался…

В роли начальника Главного направления Николай Огарков оказался в положении бесправного свадебного генерала – вся власть оставалась у командующих округами. Вскоре Огарков отошел от дел. А его место в Генеральном штабе занял Ахромеев. Он обосновался в хорошо знакомом ему большом кабинете, где в углу стоял огромный глобус.

Устинов ценил Ахромеева за знания, за фантастическую работоспособность и преданность делу. В отличие от Огаркова Ахромеев с министром не пререкался, был послушным и исполнительным и не позволял себе иметь точку зрения, отличную от позиции Устинова. Устинова на посту министра

сменил маршал Сергей Соколов, который вместе с Ахромеевым воевал в Афганистане.

Бывший председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков вспоминал о том, что Ахромеев сам занимался ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС:

«Мне нравились его педантичная четкость, его немногословность, умение уходить от суеты и паники даже в самых трагических ситуациях, делать то, что нужно сию минуту, и не размениваться на пустяки. Казалось бы, чему тут удивляться? Военный же человек! К сожалению, я встречал и других военных…

Благодарен судьбе, что именно он, а не кто-то другой реально руководил действиями армии, хотя формально руководство осуществлял, конечно же, министр обороны. Но я на собственном опыте отлично познал разницу между формальным и реальным».

Встреча с врагом

Сергей Ахромеев возглавил Генеральный штаб незадолго до начала перестройки. Он и не подозревал, каким трудным окажется для него это время. Он был воспитан совсем в иных представлениях.

В 1981 году в Советском Союзе на вооружение был принят мобильный ракетный комплекс с двухступенчатой баллистической ракетой средней дальности РСД-10 «Пионер». Натовцы назвали новую ракету СС-20. Она имела разделяющиеся головные части индивидуального наведения с тремя ядерными боезарядами. Дальность полета превышала пять тысяч километров.

Установка «Пионеров» вдоль западных границ шла стремительными темпами. Американцы фиксировали, что каждую неделю появляются две новые ракеты. Всего было поставлено на вооружение 650 ракет. Появление такого количества современного ядерного оружия меняло баланс сил в Европе.

В ответ в декабре 1979 года НАТО приняло решение разместить в Западной Европе 464 новые крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» и заменить 108 устаревших ракет «Першинг» модернизированными ракетами «Першинг-2», которые еще только дорабатывались. Но пока ракеты не установлены, страны НАТО предложили Москве вступить в переговоры, чтобы сократить численность ядерного оружия в Европе.

Президент Рейган предложил «нулевое решение»: Советский Союз убирает свои ракеты «Пионер», Соединенные Штаты отказываются от установки «Першингов» и «Томагавков». Советские военные с негодованием отвергли это предложение. Начальник Генерального штаба Ахромеев объяснил дипломату Юлию Александровичу Квицинскому, которому поручили заняться ракетной проблемой, что количество «Пионеров» будет увеличено. Кроме того, есть план развернуть еще несколько сотен оперативно-тактических ракет меньшей дальности.

Квицинский был поражен:

– Как же так? Только что в соответствии с директивами, одобренными политбюро, я заявлял, что количество ракет не увеличится, что их число надо заморозить.

– Тогда об этом нельзя было говорить, а сейчас нужно сказать, – равнодушно ответил маршал. – Сегодня скажете «да», а завтра – «нет». Мало ли чего вы там заявляете, вы же не Брежнев.

То есть Брежнев публично говорил, что установка новых

ракет заморожена, вся пропагандистская машина была приведена в действие, чтобы доказать миролюбие Советского Союза, а военные лихорадочно наращивали ядерный потенциал в Европе.

Ахромеев показал Квицинскому карту объектов НАТО в Европе, по которым должен быть нанесен ядерный удар; на ней значилось девятьсот с лишним целей. На каждую цель для верности было наведено несколько ядерных боезарядов…

В перестройку Михаил Горбачев, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев поставили перед собой задачу покончить с холодной войной, помириться со вчерашними врагами, сократить ядерные вооружения и не тратить на армию столько денег.

Внешняя политика, которую они проводили, перевернула всю птолемееву картину мира. Если США и НАТО не собираются на нас нападать, если Запад не враг, а друг, то зачем содержать такую армию и самоедскую военную экономику? Зачем пугать людей неминуемой войной, призывать их голодать и теснее сплачиваться вокруг КПСС?

Новая внешняя политика выполняла главную задачу-обеспечить добрые отношения с теми, кто раньше считался главным врагом, и создать условия для прогресса внутри страны. Надо было вывести Советский Союз из враждебного окружения, уменьшить давление на него, дать возможность заняться внутренними делами. Но каждый шаг вперед на этом направлении делал ненужными и идеологических секретарей, и генералов, и директорский корпус Военно-промышленного комплекса. И они восстали против такой политики, стали говорить, что Горбачев и Шеварднадзе во всем уступают Западу и не думают об интересах страны.

Это не так. Напротив, они первыми задумались: что составляет наш интерес? Военных вопрос о деньгах не интересовал: будет решение политбюро, будут и деньги. Теперь стали звучать вопросы: а есть ли на это деньги? Надо ли создавать все то оружие, которое хотят иметь военные?

Военные восстали против новой внешней и оборонной политики Горбачева. Ахромеев оказался в центре этой борьбы. С одной стороны, он сам понимал, что нужно сокращать непосильные для страны военные расходы и договариваться с американцами о сокращении ядерных арсеналов. С другой, он настаивал на том, чтобы сокращения были очень умеренными. И он органически не мог принять нового взгляда на мир и на Запад в частности.

«В юности он был очень категоричным, – рассказывала его жена в газетном интервью. – Для него было только «черное-

белое», и ничего кроме он не признавал».

Помощник Горбачева Анатолий Сергеевич Черняев вспоминает, как в июне 1985 года военную учебу с сотрудниками аппарата ЦК КПСС проводил Сергей Ахромеев. Маршал был огорчен тем, что не все еще делается для того, чтобы превратить страну в военный лагерь. Вот его идеал для страны…

Уже в горбачевские времена Ахромеев показывал Юлию Квицинскому карту европейского театра военных действий. Огорченно заметил, что сокращение ракет среднего радиуса приведет к тому, что на каждую цель не хватит боезарядов – а нужно бы иметь возможность в Европе взорвать над каждой целью два ядерных заряда. Он словно не понимал, что это уже будет не уничтожение, а самоуничтожение.

Вместе с тем Ахромеев видел, что нельзя бессмысленно растрачивать ресурсы страны. Он считал ошибкой участие в военном конфликте в Анголе и в войне между Сомали и Эфиопией. Советский Союз поставлял туда оружие, оказывал африканцам помощь, вырывая из бюджета огромные деньги. Анатолий Черняев вспоминает, что в начале 1988 года на заседании политбюро Ахромеева спросили о ситуации в Эфиопии, которую снабжали оружием, чтобы она воевала с Сомали за провинцию Эритрея. Ахромеев честно сказал, что эфиопский лидер Менгисту четырнадцать лет воюет за Эритрею, но дела его идут все хуже.

– А мы, – сказал маршал, – проводим в Эфиопии его политику, вместо того чтобы проводить свою.

В роли начальника Генерального штаба Ахромеев в 1987–1988 годах руководил изменением военной доктрины, приданием ей последовательно оборонительного характера. Началось обучение высшего состава вооруженных сил ведению оборонительных операций. Министра обороны США, приехавшего в Москву, в Академии Генерального штаба ознакомили с системой подготовки нашего высшего командного состава.

Самого Ахромеева с уважением принимали в Соединенных Штатах, когда он приезжал на переговоры. Появился исторический шанс покончить с враждой и установить с Соединенными Штатами партнерские отношения. А Сергей Федорович продолжал искренне верить, что американцы все-таки могут в какой-то момент совершить нападение на Советский Союз.

Маршал Ахромеев был против перехода к профессиональной (он говорил «наемной») армии. Возражал против попытки восстановить реальную историю страны, сказать правду о преступлениях Сталина. Несмотря на судьбу отца, маршал

продолжал считать, что коллективизация и раскулачивание были исторически оправданными.

Говорил в газетном интервью:

– Поверьте, я неисправимейший оптимист, а оптимизм – это знаете что? Это когда глядят вперед, а не упиваются тягостным прошлым до самозабвения.

Даже в перестроечные времена Министерство обороны не хотело заниматься судьбой бывших советских военнопленных, которых фактически приравняли к тем, кто служил немцам. Солдат и офицеров, попавших в плен, продолжали считать предателями, не хотели давать им льготы, положенные участникам войны. В анкетах все еще значился зловещий вопрос: были ли в плену? Комиссия политбюро по реабилитации жертв политических репрессий во главе с Александром Николаевичем Яковлевым не могла преодолеть сопротивление министерства.

Резко возражал начальник Генерального штаба маршал Ахромеев. Он говорил, что, если простить бывших военнопленных, это снизит боевой дух армии, отрицательно скажется на состоянии воинской дисциплины и нанесет ущерб обороноспособности страны. Ахромеев свято верил в сталинскую идею насчет того, что солдат не сдается в плен. Он должен сражаться до последнего, в крайнем случае застрелиться.

В 1988 году Ахромеев подал рапорт с просьбой освободить его от обязанностей начальника Генерального штаба. Ему исполнилось шестьдесят пять лет. В декабре он покинул Генштаб и был назначен генеральным инспектором группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

В газетном интервью Ахромеев объяснял свой уход:

– Исполнение обязанностей начальника генерального штаба требует 14-15-часовой работы и большого напряжения. Ежедневно. Силы мои, как и любого человека, не беспредельны. Подошло время, когда я почувствовал: такие нагрузки скоро будут для меня слишком велики. Дело не только в возрасте. Я прошел войну, несколько раз был ранен, контужен.

Его сменил генерал-полковник Михаил Алексеевич Моисеев, который до этого командовал войсками Дальневосточного военного округа, человек, близкий к новому министру обороны Дмитрию Тимофеевичу Язову.

Горбачев не захотел отпускать Ахромеева на пенсию. С середины декабря 1988 года Ахромеев стал советником председателя Верховного Совета СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Горбачев взял его к себе в советники, чтобы легче было решать разоруженческие вопросы. Ахромеев должен был договариваться с советскими генералами и одновременно

производить впечатление на американцев, которые с почтением относились к маршалу, бывшему начальнику Генерального штаба.

Работал Ахромеев по-прежнему по двенадцать часов в сутки – с восьми утра до восьми вечера. Корреспондент «Красной звезды», который брал у него интервью, изумился:

– Сергей Федорович, но это же работа на износ!

– Я слишком ценю свою жизнь, чтобы без пользы транжирить время. А так хочется еще много сделать.

Ахромеев защищал объявленное Горбачевым сокращение вооруженных сил на полмиллиона человек. Признавал, что благодаря политике Горбачева снизилась военная напряженность в мире. В интервью «Красной звезде» говорил: «Михаил Сергеевич всегда четко ставит задачи, проявляет наряду с высокой требовательностью внимание и терпение».

Но чем дальше, тем меньше ему нравилось происходящее в стране.

Хорошо помню, как маршал Ахромеев в 1991 году появился в редакции журнала «Новое время», где я тогда работал. В те времена кремлевские «доброжелатели» следили за тем, чтобы расчерканные красным карандашом номера «Нового времени» ложились на стол президента Горбачева: вот, дескать, каковы ваши либеральные помощники и ваша либеральная пресса… Таким образом рассчитывали натравить Горбачева на неугодного номенклатурным читателям журнала помощника президента по прессе – Виталия Игнатенко, бывшего главного редактора «Нового времени». Уйдя к Горбачеву, он остался членом редколлегии.

Однажды советник президента Сергей Ахромеев ворвался в кабинет Горбачева, потрясая очередным номером журнала, в котором была опубликована статья о необходимости военной реформы, и потребовал призвать «Новое время» к ответу за подрыв обороноспособности Советской армии. Вызванный в кабинет Горбачева Игнатенко резонно предложил:

– Сергей Федорович, а вы скажите о ваших замечаниях не президенту, а самим журналистам.

И Ахромеев пришел к нам в журнал. Это был выходной день. Мы все расположились в кабинете нашего нового главного редактора Александра Борисовича Пумпянского. Оппонировал маршалу известный ученый Сергей Михайлович Рогов, ныне член-корреспондент Академии наук, директор Института США и Канады.

Ахромеев пришел с помощником, принес карту, на которой карандашом были нанесены (по-моему, его собственной рукой) американские базы по всему миру. Маршал как хороший генштабист вообще любил карты. Другую ахромеевскую карту, на

которой Советский Союз находился не только в кольце американских баз, но и авианосцев и подводных лодок, Горбачев неожиданно развернул перед американским президентом Джорджем Бушем-старшим, когда они встречались в 1989 году на Мальте.

Увидев карту, Буш растерялся.

– Я вижу, вам нечего сказать, – язвительно заметил довольный произведенным впечатлением Горбачев.

Присмотревшись, Буш сказал, что советская территория почему-то изображена на карте в виде гигантского белого пятна без намека на огромные вооруженные силы, которым-то и противостоит американская армия.

– Может быть, мне стоит заполнить эти белые пятна? – быстро нашелся Буш. – Я поручу ЦРУ составить новую карту с учетом нашего видения ситуации, а потом сравним, кто из нас более точен…

На беседу в «Новое время» Ахромеев захватил толстую тетрадь с записями. Отвечая на тот или иной вопрос, он отыскивал нужную страницу в своей тетради и зачитывал нам. Говорил он довольно тривиально – о военной угрозе, которая, несмотря ни на что, исходит от зловредного американского империализма.

Но когда в дискуссии возник перерыв и редакционная стенографистка на минуту вышла из комнаты, Сергей Федорович оторвался от своей тетради, поднял голову и буквально на глазах изменился. Его лицо утратило привычную суровость. Он стал говорить очень разумно и спокойно, фактически соглашаясь со своим ученым оппонентом. И уж во всяком случае его слова совсем не походили на то, что он зачитывал из своей универсальной тетради.

Помню, что именно тогда я задумался над тем, что маршал страдает некоей раздвоенностью. Человек умный и весьма образованный в военном деле, он, конечно, не мог отрицать очевидные вещи. Но и не в состоянии был перечеркнуть все, с чем и ради чего он прожил всю жизнь. На него давили и настроения офицерского корпуса; в армии не принимали сокращений вооруженных сил и вооружений и продолжали считать Соединенные Штаты и НАТО врагами. Не понимали, как можно допустить роспуск Варшавского договора и вывод советских войск из Восточной Европы?

Офицеры, особенно старшие, возмущались политикой Горбачева и недоуменно смотрели на Ахромеева: почему он так плохо советует президенту? А он разрывался между привычкой подчиняться старшему начальнику, в данном случае – Горбачеву,

и неприятием его политики.

Сергей Федорович не подозревал, что некоторые американские военные тоже постоянно возмущались действиями своих дипломатов на переговорах с русскими, считая, что те предают интересы Родины ради добрых отношений с Москвой. Таких американских военных в Советском Союзе называли «ястребами» и «поджигателями войны». Они уходили в отставку и нещадно разносили собственное правительство, но в военных мятежах все-таки не участвовали…

Министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе считал, что если подписал договор – нужно выполнять, если обманул – надо признаться, если что-то сделал неправильно – надо извиниться. В политике главное – интересы, но мораль и нравственность тоже многое значат. Военные смотрели на этот вопрос по-иному: если можно обмануть потенциального противника, то как же упустить такую возможность?

Министерство обороны в нарушение договоренностей о сокращении обычных вооружений перебросило за Урал несколько тысяч танков и попыталось их там укрыть. Американцы обнаружили уловку. Тогда советские военные заявили, что танки принадлежат морской пехоте, чье вооружение не подпадает под сокращение. Западные военные законно решили, что над ними просто издеваются – за Уралом спрятали несколько тысяч танков, у морской пехоты такого количества тяжелого вооружения отродясь не бывало.

Шеварднадзе пожаловался Горбачеву. Тот поручил Ахромееву разобраться. Маршал написал, что Министерство обороны действует правильно. Но тем временем уже возник международный скандал. От танков все равно пришлось отказаться, но вдоволь нахлебавшись обвинений в попытке обмануть партнера.

По словам Юлия Квицинского (его назначили заместителем министра иностранных дел СССР), Ахромеев «как-то замкнулся, изолировался от своих коллег, стал раздражителен и ясно давал понять, что большая часть поручений не согласуется с его представлениями. Но есть воинский долг и обязанность выполнять указания высшего руководства».

Отношение Ахромеева к демократическим переменам дополнительно ухудшилось, когда его атаковала пресса. Критиковали его не только за взгляды. Он стал одной из жертв борьбы против привилегий. 17 августа 1990 года из Москвы вылетел самолет Ту-134. На борту не было пассажиров. Самолет сел в городе Николаеве, взял на борт маршала Ахромеева, доставил его в Сочи и вернулся в Москву. История получила

огласку. Депутаты подсчитывали, сколько стоит такой рейс, и укоряли Ахромеева за использование служебного положения в личных целях.

3 апреля 1991 года министр обороны Дмитрий Язов подписал приказ, основанный на результатах ревизии дачного фонда Министерства обороны. Приказ попал в руки журналистов. А в нем говорилось, что дачи руководящего состава Министерства обороны содержались «за счет средств по смете Министерства обороны СССР, а не за счет личных средств арендаторов», как это должно быть. На одной из этих двухэтажных министерских дач в Баковке жил и Ахромеев. Об этом писали в газетах. Ахромеев к такой публичности не привык, чувствовал себя оскорбленным и обиженным, считал, что в его лице обижают все вооруженные силы.

Ахромеев вел дневник (отрывки потом печатались в «Советской России»):

«По отношению ко мне, например, органы печати, начиная с газеты «Известия» до «Литературной газеты», развернули настоящее преследование, изо дня в день пишется заведомая неправда. Совершенно бесполезно говорить о какой-то справедливости. Шабаш преследования можно сравнить с кампаниями, которые были организованы против Лигачева Е.К. Цель одна – заставить меня замолчать. Не удастся – скомпрометировать…

Мне понятно, что соответствующая пресса свое дело будет делать и дальше. Всегда найдутся бойкие перья, которые за хорошие деньги напишут любую гнусность, тем более, что отвечать за это никто не будет. И есть политические силы, которые им эту гнусность закажут…»

17 июня 1991 года Ахромеев выступал на печально знаменитом закрытом заседании Верховного Совета СССР. Тогда премьер-министр Валентин Сергеевич Павлов попросил наделить его чрезвычайными полномочиями. Обсуждение ситуации в стране превратилось в атаку на перестройку и лично на Горбачева. Именно на этом заседании председатель КГБ Владимир Александрович Крючков рассказывал о том, что социализм в Советском Союзе разрушают агенты влияния, завербованные американским ЦРУ.

Выступил и Ахромеев:

– Наша страна насильственно, вопреки воле народов, выраженной на референдуме 17 марта сего года, расчленяется… Некоторые руководители республик, и в первую очередь Ельцин Борис Николаевич, на словах выступают за Союз, а на деле разрывают его на части… В такой опасной обстановке наша

страна находилась только в 1941–1945 годах. Но тогда Сталин сказал народу правду о нависшей смертельной опасности, и общими усилиями народа под руководством КПСС угроза гибели Отечества была преодолена… Президент СССР в настоящей обстановке бездействует, а Верховный Совет позволяет ему бездействовать, не желая замечать всего, что происходит вокруг…

Маршал Ахромеев полностью поддержал будущих участников ГКЧП, не подозревая о том, какие планы они строят.

22 июня 1991 года отмечалось пятидесятилетие начала Великой Отечественной войны. По этому случаю Ахромеев провел свою последнюю пресс-конференцию в пресс-центре ЦК КПСС в гостинице «Октябрьская» (теперь это «Президент-отель»).

Его спрашивали о Сталине. Он отвечал:

– Никто сейчас не отрицает, и я в этом глубоко убежден, что Сталин принес огромные бедствия советскому народу, что он диктатор, что многие его действия можно квалифицировать как преступление. Но наряду с этим разве можно отрицать, что Сталин достиг крупных военно-дипломатических успехов?

Ахромеев назвал Сталина «талантливым политиком». Это многих смутило. Ахромеев одобрительно вспоминал, что члены политбюро Хрущев, Жданов, Булганин были членами военных советов на очень важных фронтах:

– Я считаю, что эти люди вели себя мужественно, смело, и все, что они могли делать как члены военных советов, они делали. Держались они достойно. На Ленинградском фронте лично видел в окопах Жданова. Правда, за всю войну это был единственный случай.

Эти слова тоже смутили историков. Известно, что член политбюро и первый секретарь Ленинградского обкома Андрей Александрович Жданов, питавший пристрастие к горячительным напиткам, в решающие дни обороны Ленинграда вовсе вышел из строя. У него было то, что врачи дипломатично именуют нервным срывом. Его попросту изолировали в резиденции. Руководство осажденным городом взял на себя деятельный секретарь горкома Алексей Александрович Кузнецов, впоследствии расстрелянный. Что касается члена политбюро Николая Александровича Булганина, то о его пребывании на фронте у свидетелей тоже остались не лучшие воспоминания – он не забывал об удовольствиях и потому не очень был занят делом…

Ахромеева спрашивали и о Горбачеве.

– Не считаете ли вы, что нынешняя ситуация сходна с той, которая была накануне войны? И сейчас мы остались без союзников. Сталин не обладал военным образованием, да и нынешний Верховный главнокомандующий – тоже.

Маршал отвечал очень лояльно:

– Главы современных государств редко имеют основательное военное образование. Но в этом и нет особой необходимости. Их задача и ответственность несколько другие – военно-политическая стратегия. В этом отношении Михаил Сергеевич Горбачев вполне компетентен. Опыт президента в руководстве страной и Вооруженными силами постоянно растет, обогащается. Случается и спорить с президентом, и настаивать на своем, и конфликтовать. Михаил Сергеевич способен понимать других и корректировать свои взгляды…

– Есть ли у вас расхождения с президентом по военным вопросам, и если есть, то в чем их суть?

– Я таких двух человек не знаю, у которых не было бы расхождений. Но только у нас разное положение. Я советник, а он – президент. Я могу советовать, могу его убеждать, а он должен принимать решения. И, кстати, нести ответственность тоже должен он.

В реальности отношения президента со своим советником по военным делам разладились. Валерий Иванович Болдин, тогдашний руководитель президентского аппарата, вспоминает, что Ахромеев подал заявление об уходе и сказал, что в сложившихся условиях шельмования военных и поспешного, непродуманного, а главное одностороннего разоружения не имеет права занимать пост рядом с президентом и не будет участвовать в разрушении армии и государства.

Горбачев был озадачен таким поворотом дел и просил Сергея Федоровича повременить. Договорились, что вернутся к этому вопросу после того, как оба побывают в отпуске. После отпуска они уже не встретятся…

На той, последней в его жизни, пресс-конференции Ахромеева попросили охарактеризовать политическую ситуацию.

– Я убежден – в стране идет борьба политических сил за власть, – отвечал он. – И если бы она шла конституционными методами, то никаких проблем бы не было. Но когда заявляют с трибуны – президента страны долой, а власть передать Совету Федерации, то это самый настоящий государственный переворот. Вооруженные силы против такого решения вопросов. Они говорят: нет, мы по долгу своих обязанностей являемся защитниками конституционного строя и защитниками Конституции…

Ахромеев имел в виду российского президента Бориса Ельцина, который призвал отправить Горбачева в отставку и передать власть Совету Федерации. В одной из статей Ахромеев писал: «Теперь стало понятно, почему Б.Н. Ельцин и его команда так настойчиво выступают вот уже в течение трех лет против

генералов и адмиралов». Цель-опорочить армию и «путем массовых демонстраций, бойкотов и забастовок свалить верховные органы власти нашей страны».

Через несколько месяцев маршал, поспешно забыв о своих словах, охотно примет участие в антиконституционной попытке переворота и не возразит против отстранения от власти своего президента.

Письмо президенту

В первых числах августа 1991 года вся кремлевская администрация отправилась отдыхать. 6 августа и у Ахромеева начался отпуск. Он проводил его вместе с женой Тамарой Васильевной в военном санатории в Сочи. Обратные билеты взял на 1 сентября.

19 августа, утром до завтрака он плавал, потом Ахромеевы пошли в столовую. Затем Сергей Федорович включил телевизор и узнал, что происходит в Москве. Сначала он никак не отреагировал на сообщения об отстранении президента Горбачева и переходе власти к Государственному комитету по чрезвычайному положению. Ахромеев ходил, думал. Вдруг сказал жене:

– Я должен быть на работе.

Жена удивилась: ведь никто его не вызывал в Москву. Врачи уговаривали остаться, настаивали на том, что он нуждается в отдыхе и лечении. Но маршал уже принял решение. Он вылетел в Москву, жена и внучка остались в Сочи.

Ахромеев сразу приехал в Кремль. Пришел к вице-президенту Геннадию Ивановичу Янаеву, который взял на себя исполнение обязанностей президента, предложил свои услуги и включился в работу ГКЧП. Сотрудники президентского аппарата отметили, что Ахромеев был в очень хорошем настроении, веселый и бодрый.

Он участвовал в заседании штаба при ГКЧП. В протоколе № 1 его фамилия стоит рядом с фамилией Олега Даниловича Бакланова, одного из руководителей ГКЧП. В протоколе записано: «Принято к сведению согласие т. Ахромеева… принять участие в работе штаба при ГКЧП». Штабу было предложено получать информацию от Министерства обороны, МИД, МВД, КГБ, правительства и ЦК КПСС и готовить обобщенные сводки для ГКЧП – одну утром в половине восьмого, другую вечером – в половине седьмого.

Сергей Ахромеев вместе с министром обороны Дмитрием Язовым и заместителем министра по чрезвычайным ситуациям Владиславом Ачаловым изучали план захвата Белого дома, где находилось все российское руководство во главе с Ельциным. Три крупнейших военачальника страны готовили штурм здания, охранявшегося горсткой милиционеров… Ахромеев сам составил план мероприятий, необходимых для введения чрезвычайного положения. Он попросил принести ему раскладушку и постельное белье, собирался ночевать в Кремле.

Но Сергей Федорович быстро понял, что из этой затеи ничего

не выйдет. Настроение его ухудшилось. Когда путч провалился, всех его участников назвали преступниками. Руководителей ГКЧП арестовали. Вероятно, маршал тоже ждал ареста. Отношение к нему изменилось. Он приезжал в Кремль, сидел в своем кабинете. Но никто к нему не заходил, никто не звонил. Когда встречал знакомых в коридоре, они отводили глаза. Из всех помощников, советников и референтов Горбачева он один поддержал ГКЧП.

22 августа он своим аккуратным почерком написал письмо Горбачеву. Перепечатывать не стал:

«Президенту СССР

товарищу М.С. Горбачеву

Докладываю о степени моего участия в преступных действиях так называемого «Государственного Комитета по чрезвычайному положению» (Янаев Г.И., Язов Д.Т. и другие).

… До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто, даже намеком, мне не говорил о его организации и организаторах, то есть в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал.

Утром 19 августа, услышав по телевидению документы указанного «Комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 4 часа дня на рейсовом самолете. В 6 часов прибыл в Кремль на свое рабочее место. В 8 часов вечера я встретился с Янаевым Г.И. Сказал ему, что согласен с программой, изложенной «Комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работу с ним в качестве советника и.о. Президента СССР.

Янаев Г.И. согласился с этим, но, сославшись на занятость, определил время следующей встречи примерно в 12 часов 20 августа. Он сказал, что у «Комитета» не организована информация об обстановке и хорошо, если бы я занялся этим.

Утром 20 августа я встретился с Баклановым О.Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно. В середине дня Бакланов О.Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организовали сбор и анализ обстановки. Практически эта рабочая группа подготовила два доклада: к 9 вечера 20 августа и к утру 21 августа, которые были рассмотрены на заседании «Комитета».

Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г.И. на Президиуме Верховного Совета СССР. Вечером 20 августа и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «Комитета», точнее той его части, которая велась в присутствии приглашенных.

Такова работа, в которой я участвовал 20 и 21 августа с.г. Кроме того, 20 августа, примерно в 3 часа дня, я встречался в

Министерстве обороны с Язовым Д.Т. по его просьбе. Он сказал, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он попросил пройти с ним вместе к заместителю министра обороны генералу Ачалову В.А., где шла работа над планом захвата здания Верховного Совета РСФСР. Он заслушал Ачалова В.А. в течение трех минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе – никто меня из Сочи не вызывал – и начал работать в «Комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а, приехав в Москву, еще раз убедился в этом.

Дело в том, что начиная с 1990 года я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вся она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом. Посчитал, что мое участие в обеспечении работы «Комитета» и последующее связанное с этим разбирательство даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, неубедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было.

Мне понятно, что, как Маршал Советского Союза, я нарушил военную присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР. Ничего иного, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось».

На следующий день, 23 августа Ахромеев участвовал в работе комитета Верховного Совета по делам обороны и безопасности. Все заседание просидел молча, застыв в одной позе. Записал для себя: «Кто организовал этот заговор – тот должен будет ответить». Он собирался попросить слова на сессии Верховного Совета и писал текст выступления.

Коллегам по Верховному Совету он свой поступок намеревался объяснить так же, как и президенту:

«Такое решение я принял потому, что начиная с середины 1990 года был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Обычные выступления не помогали. Я искал способ, как громко заявить об этом, и посчитал, что участие на заключительном этапе этой авантюры… даст мне возможность громко сказать о своей тревоге на Верховном Совете СССР и при ведении следствия. Остальные последствия для меня имеют второстепенное значение. Наверное, это звучит неубедительно, но это правда…

Поскольку, по всей видимости, я буду находиться длительное время под следствием, а преступление – нарушение военной присяги – мной совершено, независимо от того, какими мотивами

я при этом руководствовался, обязанности члена Верховного Совета и народного депутата СССР с меня необходимо снять…»

Вадим Валентинович Загладин, советник Горбачева по международным делам, в тот день разговаривал с Ахромеевым – их кабинеты в первом корпусе Кремля были рядом. Загладин потом расскажет следователю, что маршал был совершенно подавлен, руки у него дрожали. Ахромеев сказал Загладину, что «переживает, много думает, даже ночевал в кабинете, не знает, как все будет дальше».

У маршала была тяжелая депрессия. Он, конечно же, нуждался в помощи опытного врача. Но ни ему самому, ни окружающим и в голову не приходило, что в такой ситуации надо прибегнуть к помощи медицины. Последнюю ночь, с пятницы на субботу он провел на даче с дочерьми Натальей и Татьяной.

Младшая дочь Татьяна окончила Московский физико-технический институт. Старшая – Наталья – Минский институт иностранных языков и преподавала в военной академии. Ее муж – Валентин Мороз – военный, был в Афганистане. Сергей Федорович сказал зятю:

– Зато никто не упрекнет тебя, что ты прятался за чьей-то спиной, когда другие воевали.

Ахромеев был сторонником спартанского воспитания. Внучка Оксана недобрала баллов при поступлении в медицинский институт, Сергей Федорович не стал ее устраивать, велел поработать санитаркой. Через год она поступила.

Дети фактически не видели отца четыре дня: во время путча он возвращался очень поздно, пил чай и сразу ложился спать. 23 августа Наталья купила большой арбуз, устроили семейный ужин. Наталья спросила отца:

– Ты всегда утверждал, что государственный переворот невозможен. И вот он произошел, и твой министр обороны Язов причастен к нему. Как ты это объясняешь?

Ахромеев хмуро ответил:

– Я до сих пор не понимаю, как он мог…

Говорили о том, что его, вероятно, арестуют, что в доме будет обыск. Сергей Федорович сказал:

– Я ни в чем не виноват, но со мной расправятся.

Дочери пытались его успокоить, говорили:

– Ничего, мы наймем тебе адвоката.

24 августа, в субботу он по привычке встал рано, полтора часа делал зарядку. За завтраком говорили о том, что надо встретить Тамару Васильевну и внучку. Дочери попросили мать поскорее вернуться домой. Она поменяла билеты и срочно возвращалась из Сочи. Находясь далеко от Москвы, она не очень

понимала, что происходит. Удивлялась:

– Что у вас стряслось? Почему не дали долечиться?

Живым она мужа уже не увидит.

В Кремль Сергей Федорович поехал к девяти часам – по субботам позволял себе появиться на службе позже обычного. Водителю Ахромеев сказал:

– Езжайте на базу. Я вас вызову.

Его по-прежнему обслуживала машина автобазы Генерального штаба.

В половине десятого дочь позвонила ему и сказала, что они поехали в аэропорт. По ее словам, голос у отца был веселый, добрый. Сергей Федорович явно скрывал свое настроение – какой у него в те дни мог быть веселый голос? Маршал уже написал прощальную записку, в которой говорилось:

«Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом в моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право уйти из жизни. Я боролся до конца».

В письме, адресованном родным, Ахромеев фактически говорит, что лишает себя жизни ради того, чтобы избавить семью от позора, связанного с его ожидаемым арестом и тюремным заключением:

«Всегда для меня главным был долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами. Прошу вас мужественно пережить эти дни. Поддерживайте друг друга. Не давайте повода для злорадства недругам…»

Он оставил еще записку, адресованную бывшему министру обороны маршалу Сергею Леонидовичу Соколову и генералу армии Владимиру Николаевичу Лобову, который был у Ахромеева заместителем в Генштабе, с просьбой помочь организовать похороны и поддержать семью. Попросил вернуть долг в столовую за три последних дня и оставил пятьдесят рублей.

Потом следствие установит, что в 9:40 утра Ахромеев в первый раз пытался покончить с собой. Не получилось. Он оставил записку:

«Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9:40) не удалась. Порвался тросик. Очнулся в 10:00. Собираюсь с силами все повторить вновь. Ахро-меев».

Это странная записка. Он словно отрезает себе путь назад, к жизни.

Без десяти одиннадцать водитель Николай Платонов позвонил маршалу и попросил отпустить его на обед. Ахромеев разрешил и приказал в час вернуться на автобазу. Потом

удивлялись, зачем Ахромеев взял трубку, если он задумал покончить с собой? Наверное, маршал не хотел, чтобы кто-то забеспокоился и его нашли раньше, чем он исполнит задуманное.

Вторая попытка удалась.

Вадим Загладин, который тоже в ту субботу приезжал в Кремль, потом расскажет, что слышал, как дверь Ахромеева открывалась и закрывалась. Загладин считал, что это входит и выходит сам маршал, потому что в субботу секретари не работали. Загладин ушел в три часа дня. Он потом скажет следователям, что ключа в кабинете Ахромеева не было, поэтому он решил, что маршал уехал, и выключил свет в коридоре, разделяющем их кабинеты.

Эти показания Загладина станут причиной серьезных сомнений: а действительно ли маршал покончил с собой? Или же его заставили уйти из жизни? Когда Загладин уходил, Ахромеев уже был мертв. Кто же в таком случае вставил потом ключ в замок его кабинета?

Но опытные оперативные работники всегда исходят из того, что свидетельские показания очень часто ненадежны, их нужно проверять и перепроверять. Да и мы сами сталкиваемся с этим: память подводит нас на каждом шагу. Возможно, Вадим Валентинович Загладин запамятовал насчет ключа…

Ахромеева нашли вечером. Это сделал дежурный офицер охраны Владимир Коротеев в 21 час 50 минут. Он доложил коменданту первого корпуса Кремля Михаилу Ивановичу Барсукову, что в двери кабинета № 19/а торчит ключ, а света в комнате нет. Барсуков пришел. Они открыли кабинет и увидели мертвого маршала.

На появление в этой истории Михаила Барсукова обратили внимание позднее – тогда его никто не знал. А вот потом, когда Барсуков стал одним из фаворитов Ельцина, возглавил Главное управление охраны (обеспечение безопасности высших должностных лиц государства), а затем Федеральную службу безопасности, сторонники версии убийства Ахромеева стали подозревать: а не организовал ли все это Барсуков?

Это предположение может увлечь только тех, кто не имел удовольствия познакомиться с Михаилом Ивановичем Барсуковым. Исполнительный службист и бесконечно осторожный человек, он менее всего годился для заговоров, тайных операций и махинаций…

Следователи вошли в кабинет Ахромеева в половине двенадцатого ночи, запечатлели все на видеопленку и составили описание:

«Труп находился в сидячем положении под подоконником

окна кабинета. Спиной труп опирался на деревянную решетку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплен на ручке оконной рамы клеящейся лентой типа «скотч». Каких-либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено…»

Следы борьбы в кабинете отсутствовали. Повсюду идеальный порядок, свойственный маршалу.

А дома никто не знал, что он уже мертв. Когда женщины вернулись из аэропорта, позвонили ему. Но трубку никто не снял. Поздно вечером на дачу позвонил его водитель, спросил с надеждой: может, Сергей Федорович уже сам вернулся? Дело в том, что Ахромеев так и не позвонил на автобазу, а без его разрешения водителя не отпускали домой.

Семья не знала, что и предположить. Забеспокоились – вдруг у Сергея Федоровича сердечный приступ? Он страдал от сильной стенокардии. Но не знали, что предпринять. В Кремль не приедешь спросить: где тут наш папа? Утром отправились в Москву, только вошли в квартиру-позвонили из управления кадров Министерства обороны и сказали, что маршал скончался.

Изучением обстоятельств его самоубийства занимался старший следователь по особо важным делам генеральной прокуратуры Леонид Прошкин. На следующий день после смерти маршала была проведена судебно-медицинская экспертиза, которая не обнаружила на теле маршала телесных повреждений, помимо оставленных петлей. Эксперты не нашли признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве Ахромеева. Он ушел из жизни без посторонней помощи.

После изучения материалов дела следователь пришел к выводу, что это самоубийство: «Лиц, виновных в наступлении смерти Ахромеева или каким-либо образом причастных к ней, не имеется». Заместитель прокурора России Евгений Лисов, который руководил бригадой по расследованию обстоятельств захвата власти членами ГКЧП в августе 1991 года, дело о смерти Ахромеева прекратил «за отсутствием события преступления».

Военное руководство попрощалось с Ахромеевым в морге военного госпиталя имени Бурденко, на кладбище почти никто не поехал. Маршал был вроде как под подозрением. Ахромеева похоронили на Троекуровском кладбище без воинских почестей как участника путча. Позднее Российская прокуратура прекратила уголовное дело в отношении маршала Ахромеева по

фанту участия в деятельности ГКЧП ввиду отсутствия состава преступления.

Бывший министр иностранных дел Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе так откликнулся на его смерть:

«Меня потрясла весть о самоубийстве маршала С.Ф. Ахромеева. Он был человеком долга, и я уважал в нем это. Мы не были друзьями, он сам сказал об этом. Коллегами – да, но друзьями не могли быть. И все-таки я по-хорошему был неравнодушен к нему. Боец без забрала. Не один час провели вместе за столом переговоров и в обсуждении наших позиций. Он – соавтор многих важнейших решений по вопросам разоружения. Не скрывал, почти не скрывал своего отношения к нам и нашей политике. Умел взглядом, выражением лица, жестом подчеркнуть свою неприязнь.

Солдат долга – это было видно сразу. Правда, подчас смущало то, что во имя долга он мог позволить себе отступить от требований чести. Например, хранить молчание, когда нас яростно критиковали за решения, которые принимались при его участии. Или заявлять, что он был против ввода войск в Афганистан, и это при том, что требовал лишь отсрочки.

Заставила призадуматься его фраза об отце, который сгинул во времена коллективизации: «Но я не в обиде за это на Советскую власть, ибо коллективизация была исторической необходимостью». Чувство долга, поставленное выше нравственного чувства, внушает ужас. Если оно предпишет человеку во имя «исторической необходимости» уничтожить собственного отца, а с ним вместе тысячи других – уничтожит».

С искренним сожалением восприняли смерть Ахромеева американцы – его недавние партнеры на переговорах.

Бывший президент США Джордж Буш-старший писал в своей книге: «У меня как у президента была однажды запомнившаяся мне встреча с маршалом Ахромеевым, который затем трагически погиб. Ему не нравились перемены, которые он видел… Он был коммунистом, он отличался от нас по своим убеждениям. Но он был военным человеком и с почетом служил своей стране. Это-то и произвело на меня огромное впечатление!»

Бывший председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США Уильям Кроу, приезжая в Россию, всякий раз заходил к вдове Ахромеева и посещал его могилу. Кроу писал в «Тайме»:

«Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев был моим другом. Его самоубийство – это трагедия, отражающая конвульсии, которые сотрясают Советский Союз… В 1987 году маршал впервые посетил Вашингтон. Тогда он приехал вместе с

Горбачевым, прибывшим на подписание Договора об уничтожении ракет средней и меньшей дальности. Я пригласил его в Пентагон. Когда спустя два дня он приехал на завтрак, он был один. Советский военачальник вступил в лагерь противника без охраны и свиты помощников. Это была впечатляющая демонстрация уверенности в себе.

Во время этой встречи он сказал мне, что в его жизни есть две вещи, которыми он больше всего гордится: участие в Великой Отечественной войне и присутствие на церемонии подписания Договора об уничтожении ракет средней и меньшей дальности…

В 1989 году он сказал мне, что недооценил глубину неудовлетворенности в стране. Он хотел улучшений, но не мог свыкнуться с полным отрицанием прошлого, с полным объединением Германии, бесславным концом Варшавского договора, требованиями о сокращении военных расходов и численности войск.

Мы встретились в 1990 году в Москве, уже уйдя со своих постов.

– Не вы разрушили коммунистическую партию, – сказал он мне. – Это мы сделали сами. И пока это происходило, мое сердце разрывалось тысячу раз в день. Испытываешь гнетущее чувство, когда тебе говорят, что все, ради чего ты работал и боролся пятьдесят лет, неверно.

Когда тяжесть этих разочарований стала для него невыносимой, он пришел к выводу, что не может жить под этим гнетом… В конце концов он не смог примирить свои противоречивые убеждения с тем, что захлестывало его».

В сентябре 1990 года в Хельсинки проходила встреча Горбачева и Буша-старшего. Советник американского президента по национальной безопасности Брент Скоукрофт оказался за обедом рядом с Ахромеевым. Маршал говорил с американцем очень откровенно. Показав на Горбачева, заметил:

– Вот мой начальник. Я ему предан и делаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему. Но я замешательстве.

Сергей Федорович говорил, что то, ради чего он жил и служил, оказалось ложью. Его мир обрушился. Он больше не знал, чему верить. «Его дети, – записал Скоукрофт слова советского маршала, – ненавидят систему, которую он представляет».

Блестящая карьера Ахромеева в определенном смысле вводила в заблуждение. Казалось, что он шел вверх по пушистому ковру. В реальности жизнь его была трудной, и мировосприятие у него было отнюдь не лучезарным.

В интервью «Красной звезде» он однажды признался:

«Неприятностей, несправедливости, ударов судьбы пережил достаточно, как, впрочем, и каждый строевой офицер и генерал. Но все это выработало у меня характер, упорство, понимание, что жизнь у подчиненного тоже нелегкая. Что жесткая требовательность должна быть рядом с человечностью…»

Его жена рассказывала в газетном интервью, что Сергей Федорович часто повторял: «Никогда бы не хотел прожить свою жизнь заново. То, что я пережил, не дай бог никому».

Помогают ли нам все эти объяснения понять, почему все же он ушел из жизни?

Андрей Серафимович Грачев, последний пресс-секретарь президента Горбачева, вспоминает: «Трудно сказать, что послужило причиной: поражение ли переворота, к военному планированию которого он оказался причастен, и перспектива держать за это ответ перед победителями и президентом или психологический кризис? В оставленной записке он написал, что не может вынести, что рушится все, чему он посвятил свою жизнь».

Маршал, как, вероятно, и другие участники августовского путча, боялся позора. Люди, которые знали Ахромеева, говорили, что ему хватило характера сделать так, чтобы избежать позора. Но не хватило характера пережить все это…

Почему он не покончил с собой дома, где никого не было, потому что семья постоянно жила на даче? Вероятно, не хотел осквернять смертью свой дом. Наверное, представлял себе, каково будет родным, если они обнаружат в квартире его труп.

Почему он ушел из жизни таким странным способом, почему не застрелился? Выяснилось, что личное оружие, положенное ему как всякому офицеру на действительной службе, после ухода с поста начальника Генерального штаба он сдал. Ему дарили оружие – тоже сдал. Это подтвердил потом его адъютант. Ахромеев был очень аккуратен.

В ночь с 31 августа на 1 сентября преступники залезли в свежие могилы маршала Ахромеева и похороненного рядом с ним генерал-полковника Геннадия Васильевича Средина из Главного политуправления (он умер от рака и был похоронен на несколько дней раньше Сергея Федоровича). Обнаружили это, как ни странно, американские журналисты, которые накануне побывали в семье Ахромеева. Они приехали сфотографировать могилу маршала и утром 2 сентября позвонили его вдове предупредить, что с могилой что-то неладно. Преступники проломили крышки обоих гробов и сняли с трупов всю одежду – даже носки.

Расследование вел следственный отдел Гагаринского РУВД – в Москве еще существовали районы. Уголовное дело возбудили

по статье 229 Уголовного кодекса РСФСР – «Надругательство над могилой». В этом ограблении подозревали нечто политическое, желание поглумиться над мертвым маршалом. Но это было обычное ограбление.

К сожалению, грабили могилы и раньше, грабили даже на Новодевичьем кладбище, охотились за орденами и мундирами крупных военачальников. Коллекционеры платили за них большие деньги, часто перепродавали за границу – таким же любителям военных регалий. Милиция задержала несколько человек, которые, вероятно, участвовали в ограблении генеральских могил, продаже и перепродаже мундиров. Но один из подозреваемых, скупщик антиквариата и военного обмундирования, через несколько дней был убит в собственной квартире. Его труп сожгли.

Остальных пришлось отпустить, потому что, как говорилось в постановлении о приостановлении предварительного следствия, «добыть неоспоримые доказательства их вины не представилось возможным». Что касается кителя маршала Ахромеева, то «китель не найден и предположительно форма перепродана коллекционерам из-за границы…»

В материалах уголовного дела фигурировал некий иностранец, который привозил в Советский Союз на продажу форму американских вооруженных сил, а покупал советскую форму, высоко ценил генеральские мундиры. Но доказательств его вины не нашли…

В стане радикальной оппозиции всегда говорили, что не верят в самоубийство Ахромеева и клялись отомстить за его смерть. Особенно громко эти клятвы звучали в августе 1993 года, когда на Троекуровском кладбище собрались представители Союза офицеров и Фронта национального спасения, а также полузабытые теперь Сажи Умалатова, Станислав Терехов, Олег Шенин, Александр Стерлигов. Выступавшие не столько поминали маршала, сколько клялись «в предстоящих событиях» не уронить офицерской чести. Участие в вооруженном мятеже и кровопролитии октября 1993 года едва ли украсило чью-то офицерскую честь…

Семья Ахромеева и по сей день не верит, что он покончил с собой. За что же его могли убить? Считают, что он слишком много знал и для многих был неудобен. Такое предположение часто кажется логичным. Но с тех пор прошло много времени. И никто из участников августовских событий, даже посвященные в большие тайны, чем Ахромеев, не рассказал ничего такого, что произвело бы сильное впечатление на публику, ради чего кто-то мог убрать нежелательного свидетеля.

Одна из дочерей маршала считает, что Ахромеева боялись: он, сильный и цельный человек, мог бы стать признанным лидером оппозиции… У Сергея Федоровича, бесспорно, было много достоинств. Но он больше проявил себя умелым исполнителем, чем самостоятельным лидером.

В 1995 году в мордовском селе Виндрей, откуда маршал родом, ему открыли памятную доску. Теперь его вспоминают реже, но обычно с сочувствием. О судьбе маршала Ахромеева и других самоубийц того времени задумалась замечательная писательница Светлана Алексиевич. Она стала автором документального фильма «Крест» – о том, как ушли из жизни маршал Сергей Ахромеев, защитник Брестской крепости Тимерен Зинатов, поэтесса Юлия Друнина.

В интервью «Известиям» на вопрос: вы теперь больше других знаете, почему они это сделали? – она отвечала:

– Возможно, я думала об этом больше других, записывая людей, которые решались быть самоубийцами не из-за любви или болезни – из-за краха идеи. Мы – соборные люди, до сих пор мы не жили со своим одиночеством, а жили с идеей, с коллективом, народом. Нашей религией было государство, которое делало нас соучастниками всего, что с ним было, – и страшного, и великого. Гигантский социалистический материк исчезает на глазах тех, кто его обустраивал и заселял. Люди идеи, выросшие в ее воздухе и культуре, не могут перенести ее катастрофу. Я была потрясена степенью одиночества этих людей. Целое поколение жило как бы на улице, дома им нечего было делать. Теперь нам надо самим добывать смысл жизни, порой вот такой немыслимой ценой… Смысл этого фильма – мы больны справедливостью. Все наши трагедии оттого, что нам хотелось все справедливо поделить – поэтому друг на друга с вилами шли…

Всякий добровольный уход из жизни – трагедия и загадка. Нам все равно не дано понять до конца, отчего человек расстается с жизнью. Но эта загадка не из сферы политических интриг или уголовных сюжетов.

На Троекуровском кладбище рядом с могилой маршала Ахромеева теперь находится и могила генерала Льва Яковлевича Рохлина, чья смерть от руки собственной жены не менее загадочна.

Глава 14
Кручина, Павлов, Лисоволик. Золото партии и его хранители

Эпидемия самоубийств в августовские дни 1991 года казалась настолько заразительной, что каждый день ждали новых трагических сообщений.

Последний пресс-секретарь президента СССР Андрей Грачев вспоминает: «Арестовывать вице-президента Янаева в его кабинете в Кремле (как мне как-то говорил сам Янаев со смешанным чувством ужаса и гордости, в сталинские времена он принадлежал Лаврентию Берии) по поручению прокурора явились два советника Горбачева – Ярин и Карасев. В кабинете они обнаружили разбросанные вещи и одежду Янаева. Сам вице-президент, закрывшись с головой, лежал на тахте в задней комнате.

По словам Ярина, он даже заподозрил, что Янаев последовал примеру Пуго, своего бывшего коллеги по ЦК комсомола. К счастью, тот всего лишь крепко спал. Когда Янаев потянулся за одеждой, Ярин из предосторожности выхватил у него пиджак, опасаясь, что в нем пистолет. Однако оружия при вице-президенте не оказалось».

Но уже после того, как августовский путч закончился, его активные участники были арестованы и страна задумалась о том, как жить дальше, в Москве произошли одно за другим три загадочных самоубийства. В представлении людей они были тесно связаны между собой.

Он унес свои тайны в могилу

Ранним утром 26 августа выбросился из окна управляющий делами ЦК КПСС Николай Ефимович Кручина. Он не играл никакой роли в августовском путче, и, казалось, ему ничего не угрожало.

Через месяц с небольшим, 6 октября, выбросился из окна предшественник Кручины на посту управляющего делами партии Георгий Сергеевич Павлов. Ему было за восемьдесят, его давно отправили на пенсию, и никакого участия в политике он не принимал.

А еще через десять дней покончил с собой бывший заведующий сектором международного отдела ЦК КПСС Дмитрий Андреевич Лисоволик. И он тоже бросился вниз, на асфальт…

Цепочка одинаковых самоубийств казалась более чем странной. Всех потряс способ самоубийства, требующий отчаянной решительности. В Москве заговорили, что наверняка всем троим помогли уйти из жизни. После путча ждали громких разоблачений.

Все трое покончили с собой в тот момент, когда общество заинтересовалось судьбой золота партии, когда открывались партийные секреты и многие боялись суда над КПСС. Общественное мнение легко обнаружило нечто общее между тремя выбросившимися с балкона: все они имели отношение к золоту партии – огромным деньгам, которые руководство КПСС загодя спрятало как внутри страны, так и за рубежом.

Знаменитый тогда следователь Тельман Гдлян уверенно заявил:

– Бывшего управляющего делами ЦК КПСС Георгия Павлова подтолкнули к самоубийству. Это жертва, принесенная на алтарь сохранения финансовых интересов КПСС. Павлов играл одну из ведущих ролей в «узбекско-кремлевском» деле.

Накануне смерти Кручины – 24 августа, в субботу – было опечатано здание ЦК КПСС на Старой площади. Может быть, Кручина боялся, что будут найдены какие-то секретные и разоблачительные документы? Многие тогда предположили, что это цепь преступлений, совершенных чьей-то умелой рукой.

Это предположение казалось более чем естественным: вся партийная касса была в руках Управления делами ЦК, а международный отдел ведал их переправкой за рубеж. Вот теперь, выходит, подлинные хозяева партийных денег убрали тех, кто знал, куда делись все капиталы. Казалось, впереди фантастические разоблачения. И трое выпавших (или

выброшенных?) из окна – всего лишь первые жертвы в борьбе за деньги партии.

В «Юридической газете» появилась зловещая статья:

«Лишь генеральные секретари ЦК и отдельные члены политбюро знали правду о чрезвычайной казне партии. Только М.С. Горбачев может назвать суммы, местонахождение сокровищ, тайные пароли, по которым любому беспрепятственно выдадут деньги. Только ему известны тайники. Серия «самоубийств» ответственных работников сократила число тех, кто знал о сокровищах. М.С. Горбачева и его семью ждут окаянные дни. Предполагаю, что охота за Горбачевым начнется уже в ближайшее время. Не помогут и телохранители…

Страшны многочисленные группы отчаянных людей, в том числе профессионалов, способных на все. Сумеют – вырвут секреты. Не получится – выкрадут великого перерожденца, прикарманившего деньги партии для собственных нужд, или похитят Раису Максимовну, дочку, внучку.

Проклятие пало на семью Горбачева. Проклятие в виде присвоенных несметных партийных богатств. Не нужно вскрывать сейфы, делать подкопы, перестреливаться с полицией – несколько условных словечек, и тот, кто сумеет вырвать их из уст Горбачева, богат, как Крез. Но Горбачев не вечен. На тот свет украденного у КПСС ему не унести. Думаю, что сведения о сокровищах он сообщил жене или дочери. Умрет – хранителями тайны будут они. И охота продолжится за ними».

Тогда широко цитировалась хлесткая статья из французского журнала «Пари-матч»:

«В конце августа 1991 года Олег Шенин был арестован по приказу Ельцина. А ведь он не принимал участия в путче. Но Ельцин – сам старый аппаратчик – знал, что тот владеет важной информацией по финансовым вопросам. Впрочем, Бориса Ельцина ждало разочарование. Даже в тюрьме Олег Шенин так и не заговорил. Он все еще достаточно могуществен, чтобы его осмелились пытать. Кое-кто в Москве даже поговаривает, что это именно он из тюрьмы организовал странную эпидемию самоубийств в 1991 году, исключая возможные разоблачения…

Говоря об эпидемии самоубийств, конечно, нельзя не принимать во внимание, что это были вовсе не самоубийства, а самые настоящие преступления.

В один августовский день 1991 года Николай Кручина, как всегда, утром вышел из своей роскошной квартиры в Плотниковом переулке, где он жил по соседству с Шеварднадзе – горбачевским министром иностранных дел. Как всегда, «ЗИЛ» отвез его на работу, на Старую площадь. Сотрудникам он

показался совершенно спокойным и нисколько не подавленным. Николай Кручина, долгое время пребывавший бесцветным аппаратчиком, резко изменил свою судьбу в 1983 году. Юрий Андропов, бывший шеф КГБ, ставший генеральным секретарем Компартии, назначил его казначеем всего имущества и финансов Компартии.

Официально этот седовласый человек контролировал миллиарды рублей, поступающих от членов КПСС, а также издательства, типографии, гостиницы, квартиры, здания, дома отдыха, санатории, заводы, тысячи автомобилей, магазины. Именно он раздавал дачи и бесплатные путевки на Черное море партийным кадрам.

Но его деятельность не ограничивалась лишь официальной стороной. Под руководством Олега Шенина он занимался всеми подпольными финансовыми операциями партии. О нем говорили, что он обладал феноменальной памятью и помнил наизусть сотни тайных счетов, рассеянных по всему миру. Ходили слухи, что он управлял номерными счетами, на самом деле принадлежавшими Михаилу Горбачеву…

Больше о странной смерти Николая Кручины так никто ничего и не узнает. Никто никогда не увидит записки, которую он якобы оставил, даже Борис Ельцин. Хотя он настаивал на том, чтобы допрос Олега Шенина проводился именно в присутствии Николая Кручины. Шенин продолжал упорно молчать, а с исчезновением Кручины порвалось главное звено подпольной партийной цепи… Борису Ельцину не оставалось ничего другого, как только попытаться самому разыскать улетучившиеся миллиарды долларов».

И более серьезные люди полагали, что Кручина унес с собой в могилу тайны крупных финансовых операций. Прокуратура и следственная группа, расследовавшая обстоятельства загадочных самоубийств, полагали тогда, что причину самоубийств надо искать в тайных финансовых операциях Управления делами ЦК КПСС.

Последний советский министр обороны маршал авиации Евгений Иванович Шапошников одно время был представителем президента в компании «Росвооружение». В одном из газетных интервью его спросили:

– Евгений Иванович, действительно ли Россия потеряла рынки, где раньше успешно торговала оружием? Утверждают, что, если бы мы сохранили на прежнем, «советском» уровне продажу наших вооружений за рубеж, хватило бы денег и на конверсию оборонных отраслей, и на социальные программы…

– Говорить можно все, что угодно, но факты свидетельствуют

об ином. Действительно, считалось, что в былые времена Советский Союз продавал за рубеж оружия и военной техники на сумму около пятнадцати миллиардов долларов (примерно столько же, сколько и США). Но реально почти все оружие уходило к так называемым «братьям по социалистической идее» бесплатно. По принципу: уважаешь ли ты меня и мой социализм? Если уважаешь – проси что хочешь! Такие партнеры у нас были в Африке, на Ближнем Востоке, еще в некоторых местах. Кроме заверений в вечной любви и поддержке курса, СССР получал немножко бананов, апельсинов и лимонов, иногда кислое вино. В целом наша «прибыль» никогда не превышала двух миллиардов долларов, да и те в конечном итоге уходили на поддержку международного коммунистического движения. Во всяком случае, я не смог найти никаких «концов» от денег, вырученных за оружие. Возможно, эта тайна ушла вместе с Кручиной…

Впрочем, как обычно в таких случаях, появились и вовсе фантастические версии. Еженедельник «Мегаполис-экспресс» сообщил, что некий Московский комитет экологии жилища собрал для прокуратуры материалы о применении властями психотронного оружия против жителей столицы; возможно, казначей Компартии Николай Кручина шагнул в окно после соответствующей обработки…

Когда в августовские дни 1991 года люди собрались вокруг памятника Дзержинскому, чтобы его свергнуть, по Москве распространились слухи, будто в его постаменте спрятана часть золота КПСС. И кто-то ведь в это поверил! Такие были настроения.

Конец ЦК – конец жизни?

Первым ушел из жизни Николай Кручина.

В 5:25 утра 26 августа 1991 года он выбросился с шестого этажа своей квартиры в Плотниковом переулке, дом 13. Ему было шестьдесят три года. Его вдова Зоя Кручина потом рассказывала, что настроение мужа резко переменилось после провала путча. В пятницу 23 августа муж неожиданно приехал со службы примерно без четверти семь.

Она удивленно спросила мужа:

– Почему так рано?

Николай Ефимович печально ответил:

– Я свое уже отработал.

Смысл этого ответа она поняла уже позже.

В доме, где жил Кручина, получили квартиры и другие видные фигуры, так что дом охранялся. Сотрудник службы охраны (бывшее Девятое управление) КГБ СССР Евланов докладывал потом:

«В воскресенье, 25 августа, Кручина возвратился домой в 21:30. Обычно он человек приветливый, всегда здоровается. В этот раз был какой-то чудной. Я находился у входа в дом, на улице, когда подъехала его машина. Он вышел из машины, не поздоровался, ни на что не реагировал, поднялся к себе. Чувствовалось, что он чем-то расстроен. С утра вышел один человек, а возвратился совсем другой…»

Трудно сказать, заранее ли Николай Ефимович принял решение уйти из жизни или это произошло ночью, когда человек остается наедине с самим собой, когда все проблемы приобретают безысходный характер и когда некому его поддержать…

Зоя Кручина рассказывала:

«После десяти вечера он велел мне идти спать, а сам собирался еще поработать. Около половины одиннадцатого он прилег на диван в своем кабинете и уснул. Я пошла к себе. Однако заснуть мне не удалось, так как на душе было неспокойно. Я не спала практически всю ночь. В половине пятого посмотрела на часы и мгновенно уснула.

Проснулась я от сильного стука в дверь. Когда я вышла из спальни, меня встретили сын Сергей и работники милиции».

Труп Кручины обнаружил все тот же сотрудник службы охраны Евланов:

«В пять часов двадцать пять минут, находясь внутри здания, я услышал сильный хлопок снаружи. Впечатление было такое, как

будто бросили взрывпакет. Выйдя на улицу, я увидел лежащего на земле лицом вниз мужчину… Немного поодаль валялся сложенный лист бумаги…»

Евланов подобрал лист, это была предсмертная записка:

«Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу.

Н. Кручина».

Другую записку Николай Ефимович оставил в квартире на журнальном столике в холле:

«Я не преступник и заговорщик, мне это подло и мерзко со стороны зачинщиков и предателей. Но я трус.

Прости меня, Зойчик, детки, внученьки.

Позаботьтесь, пожалуйста, о семье, особенно вдове.

Никто здесь не виноват. Виноват я, что подписал бумагу по поводу охраны этих секретарей. Больше моей вины перед Вами, Михаил Сергеевич, нет. Служил я честно и преданно.

Кручина 5:15 мин. 26 августа».

В его квартире провели обыск, изъяли документы. Было видно, что перед смертью Кручина никакие документы уничтожить не пытался. Патологоанатомы установили, что перед смертью физическому насилию он не подвергался, следовательно, нет оснований сомневаться в том, что произошло самоубийство.

Единственную вину, которую он признал за собой, это то, что обеспечил охраной членов ГКЧП, которые выступили против своего генерального секретаря. Невелика вина. За это не наказывают.

Но еще удивительнее была смерть его предшественника Георгия Сергеевича Павлова. Персональный пенсионер союзного значения Павлов 6 октября 1991 года выпрыгнул из окна своей квартиры на улице Щусева, дом 10. Ему шел восемьдесят второй год.

Он жил в элитном доме, где построили квартиру и для Брежнева. Но Леонид Ильич от нее отказался. Никто другой не решался ее занять, пока туда не вселился в пору своей бурной, но короткой карьеры председатель Верховного Совета России Руслан Имранович Хасбулатов.

Георгий Павлов, по рассказам членов семьи, вел размеренную жизнь, на здоровье не жаловался, психически был уравновешен. И даже после смерти Кручины вроде бы сказал:

– Я бы так не поступил, да и не смог бы.

Что же с ним случилось? И что произошло с Дмитрием Андреевичем Лисоволиком? Это совсем непонятная история. Ему было всего сорок четыре года, он не занимал высоких постов в партии, работал в международном отделе ЦК.

Л исоволик родился в селе Белоусовка № 2 Тульчинского района Винницкой области. В детстве хотел стать летчиком и в четырнадцать лет пошел в Луганскую специальную школу военно-воздушных сил, но, получив аттестат, поступил в Винницкий педагогический институт, оттуда перевелся в Нежинский пединститут. Молодого выпускника взяли преподавателем английского языка в восьмилетку и тут же призвали в армию. Демобилизовавшись, начал преподавать английский в Винницком пединституте, но сразу же оказался на комсомольской работе.

Год Лисоволик был заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Винницкого обкома комсомола, еще четыре года – инструктором в республиканском ЦК. В 1964 году его перевели на партийную работу – в аппарат ЦК Компартии Украины.

Интерес к иностранным языкам и обходительность отметили кадровики, в 1966 году его отправили в Москву-

слушателем Высшей дипломатической школы (ныне – Дипломатическая академия) Министерства иностранных дел. Он проучился три года – изучал персидский язык. После академии зачислили в аппарат МИД и отправили вторым секретарем в посольство в Кабуле, где не было еще ни революции, ни войны.

Через год его повысили в дипломатическом звании и вернули на привычную партийную стезю – утвердили заместителем секретаря партийной организации при посольстве. Так он и пошел по этой линии. Формально дипломат, а фактически – партийное око в советской колонии. Главная задача состояла в том, чтобы советские загранработники и их семьи работали спокойно и слаженно, без конфликтов и загулов.

Еще пять лет Дмитрий Лисоволик проработал секретарем парткома в посольстве в Турции. Это номенклатурная должность. Секретарь парткома был важным человеком в посольстве, с ним приходилось считаться и самому послу. Видимо, Лисоволик умел со всеми ладить, поэтому, когда он вернулся в Москву, то был взят инструктором в отдел ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу. А через три года уже в ранге советника отправился в лучшую из возможных командировок – секретарем парткома в советское посольство в Соединенных Штатах.

В 1984 году его вернули в Москву и утвердили заведующим сектором Соединенных Штатов Америки в международном отделе ЦК КПСС. Сектор занимался не определением внешней политики, а в основном коммунистическим и рабочим движением в Северной Америке, ведал отношениями с компартиями США и Канады, в частности снабжал их деньгами. Тем не менее

назначение было странноватым – формально главным американистом в ЦК стал человек, который не был к этому готов. Дмитрий Андреевич несколько лет провел в Вашингтоне, но не изучал страну, а улаживал конфликты внутри советской колонии.

В 1989 году Лисоволика сделали руководителем группы, а после сокращения партаппарата в 1990-м – заместителем руководителя группы в международном отделе ЦК. К августовскому путчу он не имел никакого отношения, как и международный отдел в целом. Во время путча на Старой площади вообще жизнь замерла. Но отчего же тогда он тоже покончил с собой, 17 октября 1991 года прыгнув с балкона собственной квартиры?

«Я всего лишь завхоз»

Георгий Павлов и Николай Кручина принадлежали к разным поколениям, но в их биографиях много общего: они оба были профессиональными партийными работниками, и оба заняли эту должность в силу особых, доверительных отношений с первым лицом в государстве.

Георгий Сергеевич Павлов родился в 1910 году. Он окончил Днепродзержинский металлургический институт, что определило его будущую жизнь, потому что гранит науки он грыз вместе с Леонидом Ильичом Брежневым. Из этого института вышли многие будущие соратники Брежнева, которых будут именовать «днепропетровской мафией».

В 1936 году, окончив институт, Павлов стал заместителем директора учебного комбината при заводе. Перед войной его перевели на партийную работу. После войны – первый секретарь Днепродзержинского, Магнитогорского горкомов партии, второй секретарь Челябинского, Костромского обкомов. С 1957 года – первый секретарь Марийского обкома. На излете хрущевской эпохи Павлова перевели в Москву и назначили заведующим отделом в очень влиятельном тогда Комитете партийно-государственного контроля. Им руководил молодой секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, который в ту пору был в большой силе. Работа у Шелепина в комитете считалась престижной, начальниками отделов в комитет брали первых секретарей обкомов.

Но с Шелепиным Павлов проработал недолго. О старом знакомом вспомнил Леонид Ильич Брежнев, который повсюду расставлял свои кадры. В 1965 году Павлова назначили управляющим делами ЦК КПСС. Шелепин предлагал в управляющие делами ЦК своего недавнего подчиненного- Гранта Тиграновича Григоряна, бывшего комсомольца. Он был заместителем управляющего. Но Брежнев его не утвердил. Зачем ему шелепинский выдвиженец на такой важной должности?

Все знали, что Павлов был доверенным человеком Брежнева. Но его считали неплохим администратором.

– Он всегда вежливо относился к моим просьбам, – рассказывал бывший первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев. – Правда, Павлов знал, что, если он мне откажет, я всегда мог напрямую договориться с Леонидом Ильичом. Наверное, периферийным секретарям обкомов было потруднее добиться своего.

– Павлов был вежлив, не грубил, внимательно относился к

просьбам, – вспоминал бывший член политбюро Александр Яковлев. – Не был вредным, не старался демонстрировать свою власть – хочу так, хочу этак. Для злых дел держал заместителя. А ему самому не хотелось ни с кем ссориться. Зачем портить отношения, если есть возможность людям помочь?

Но эта доброта распространялась только на нужных людей. Добреньких в большой политике не бывает.

«Из-за близости к Брежневу, – пишет академик Евгений Чазов, – Павлов не выдержал испытания властью и из скромного секретаря Марийского обкома превратился в партийного босса, полного амбициозности и гонора».

Павлов расточительно тратил деньги на строительство грандиозного комплекса отдыха в Форосе, гостиницы «Октябрьская» (ныне «Президент-отель») в Москве, на здания для партийного аппарата. «Будучи министром здравоохранения, – вспоминает Чазов, – я побывал в различных районах Советского Союза, и не раз мне приходилось слышать справедливый упрек, почему у нас прекрасные здания обкомов и райкомов и старые, разваливающиеся больницы?»

Бывший член политбюро Вадим Андреевич Медведев называет Павлова одной из ключевых фигур теневого кабинета Брежнева. Медведев столкнулся с ним, получив в 1978 году назначение ректором только что созданной Академии общественных наук при ЦК КПСС, центрального партийного учебного заведения и научного центра. Медведев стал создавать условия своим профессорам для нормальной творческой деятельности и натолкнулся на сопротивление управляющего делами ЦК Павлова, который исходил из того, что профессора-бездельники даром получают зарплату.

На роскошные административные здания, престижные санатории и гостиницы для аппарата деньги тратились без ограничений, а ученым старались ничего не дать, вспоминает Вадим Медведев. Потом он понял, что вопрос не в деньгах, финансовые рычаги были удобны для того, чтобы держать людей и целые учреждения под контролем.

Медведев роптал. Но руководители аппарата ЦК прекрасно владели методами укрощения строптивых. Управление делами устроило дополнительную ревизию финансово-хозяйственной деятельности академии. Она закончилась негативными выводами: профессора и преподаватели мало работают, зато получают слишком много продовольственных заказов. К тому же во время ремонта академии допущен перерасход обоев. Медведеву устроили в ЦК показательную экзекуцию, в которой ключевую роль играл управляющий делами Георгий Павлов. Распекали

Медведева полтора часа. И потом придирки такого рода продолжались, пока не сменилась власть и место Павлова не занял Николай Кручина…

Когда умер Брежнев, его людей стали убирать с ключевых постов. Пост управляющего делами был одним из важнейших. К тому же Георгия Павлова не выносил Горбачев. Когда Михаил Сергеевич перебрался в Москву, Павлов не угадал в нем будущего руководителя партии, не проявил должного внимания. Напротив, пренебрегал Горбачевым…

У генерального секретаря Андропова не нашлось подходящей кандидатуры. Горбачев предложил назначить Кручину, которого хорошо знал и которому доверял. Черненко был против. Андропов колебался, по традиции Управление делами курировал генеральный секретарь, поэтому держал на этом посту своего человека. Зачем же ему креатура Горбачева? Но Михаил Сергеевич настаивал и добился своего. В 1983 году Кручина возглавил Управление делами ЦК КПСС.

Николай Ефимович Кручина родился в 1928 году в селе Ново-Покровка Хабаровского района Алтайского края. В 1953 году окончил Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт. Еще в институте, в 1949 году вступил в партию и рано начал комсомольскую карьеру. В 1952 году он первый секретарь Новочеркасского горкома комсомола, затем второй и первый секретарь Каменского обкома комсомола (это город Шахты).

«Ни тогда, ни после ни от кого не слышал, чтобы Николай Ефимович в гневе кричал на подчиненных или унижал их достоинство, – вспоминал Леонард Лавлинский, работавший тогда областной молодежной газете. – Даже в том случае, если кто-то из них поступал очень скверно».

Область – шахтерская, а это значит постоянные трагедии. Более опасного труда нет.

Леонард Лавлинский:

«Если на такой-то шахте среди рабочих вспыхнуло недовольство, если у них возникли трения с начальством, обком партии пошлет туда Кручину. Можно было с большой долей уверенности предсказать, что конфликт будет мирно разрешен, напряженность снята, шахтеры более или менее удовлетворены. А для этого надо было, во-первых, быть верным своему слову, а во-вторых, говорить с людьми на их языке».

Уже после XX съезда Кручина стал первым секретарем Смоленского обкома ВЛКСМ. Вместе с группой комсомольских работников его в 1956 году отправили в Венгрию-после подавления антисоциалистического восстания. Всем комсомольским секретарям дали звание майора, они должны

были восстановить в Венгрии комсомол. О том, что они там увидели, Николай Ефимович рассказывать не любил. Едва ли эта командировка укрепила веру Кручины в скорое торжество социалистических идеалов. Но участники этой поездки потом часто встречались – их собирал Кручина.

Он вообще умел дружить. Поднимаясь по карьерной лестнице, не забывал тех, с кем раньше работал. Всегда старался помочь тем, кого знал. Вообще был добрым человеком, отзывчивым на просьбы и робким перед начальством.

Журналист Валерий Кондаков вспоминал в газете «Трибуна»: «Отдав полжизни комсомолу, Николай Ефимович был невысокого мнения об этой организации… Он вспоминал, как в военные годы на оккупированной Смоленщине был принят в первичную организацию и получил комсомольское поручение: быть связным с партизанским отрядом. Как после войны смоленские парни и девушки впрягались в плуг вместо лошадей, ничегошеньки не получая за каторжный труд. От комсомольских работников они ждали конкретных дел, а не речей. «А сейчас все топится в словах», – сетовал Кручина.

Николай Ефимович относился к аппаратной суете с иронией, но позволял ее лишь в откровенных застольных беседах. На службе же был, как он выражался, «солдатом партии»…

В 1959 году его перевели в Москву, назначили заведовать сельскохозяйственным отделом ЦК ВЛКСМ. Через три года, в 1962-м, перевели на Старую площадь в сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС инструктором. А через год Кручина поехал в Казахстан секретарем Целинного крайкома.

Казахстан, между прочим, по масштабам больше Украины. Республику при Хрущеве поделили на три крайкома, каждый из которых объединял несколько областных комитетов, так что Кручина занимался сельским хозяйством на огромных просторах. Когда в 1964 году первым секретарем ЦК Казахстана избрали Динмухамеда Кунаева, он распустил крайкомы – они были лишней надстройкой, а их секретарей расставил по обкомам.

Кручина в 1965 году стал первым секретарем Целиноградского обкома Компартии Казахстана. То есть в тридцать семь лет он вошел в высший эшелон, став первым секретарем областного комитета партии – это личная номенклатура генерального секретаря (тогда еще первого секретаря).

«Агроном по образованию, – пишет Кондаков, – Кручина по-крестьянски относился к абсурдным шараханиям вокруг кукурузы и других «чудес». Вспоминаю совместную поездку на целинную жатву. В Северном Казахстане уже валил мокрый снег, а вдоль

грейдерной дороги стояли неубранными бескрайние поля, на токах в огромных буртах гнил хлеб. Кручина рассуждал о судьбе целины:

– Если бы средства, которые угрохали в этой степи, дать русскому мужику, наше село круто пошло бы на подъем. Но целина нам позарез нужна, потому что она позволила всего за несколько лет решить зерновую проблему. Другое дело, что ведем себя в степи, как дикари. То, что мы сегодня видели, – это лишь цветочки. Ягодки будут, когда начнется массовая эрозия почвы. Тогда целину сдует с лица земли пыльными бурями. Это будет конец земледелия. Надо срочно внедрять научный севооборот, разрабатывать специальную целинную агротехнику…

Целинные годы он вспоминал как лучшие в жизни:

– Вот тогда я действительно занимался делом, а не говорильней».

В 1973 году за хороший урожай на целине Кручина получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. В 1976 году его ввели в ЦК, а через два года вернули в Москву. Новый секретарь ЦК Михаил Сергеевич Горбачев, курировавший аграрные дела, сделал Кручину первым заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС.

Потом Кондаков встретил Кручину уже в роли управляющего делами ЦК КПСС. Николай Ефимович жаловался:

– Я всего лишь завхоз. Правда, хозяйство огромное. Кто только ко мне не идет, и все чего-то просят, просят… Иной раз диву даюсь: известный человек, как сыр в масле катается. Так нет же идет с протянутой рукой за подачкой…

Империя благ и привилегий

На счета Управления делами ЦК КПСС каждый год поступали почти три миллиарда тех еще, полновесных рублей: более полутора миллиардов давали членские взносы, миллиард приносила издательская деятельность. Из этих денег финансировался огромный партийный аппарат. Управление делами ЦК распоряжалось всеми финансами партии и владело всей партийной собственностью: зданиями, издательствами и типографиями, поликлиниками и больницами, гаражами, жилыми домами и санаториями.

Владения партии – это 114 издательств, 81 типография, два с лишним десятка санаториев и домов отдыха, около тысячи различных учреждений – музеи, дома политпросвещения, Институт марксизма-ленинизма с филиалами во всех республиках, Академия общественных наук, Институт общественных наук при ЦК, шестнадцать высших партийных школ, сеть постоянно действующих курсов со своими зданиями, издательства ЦК КПСС «Правда» и Политиздат, типография «Красный пролетарий», Центральный музей В.И. Ленина с государственным историческим заповедником «Горки Ленинские». Зарплату в партии получали почти триста тысяч чиновников.

В Управлении делами были транспортная часть, финансово-бюджетный отдел, производственный отдел партийных издательств, сектор капитального строительства.

Все обкомы и ЦК национальных республик зависели от управляющего делами. Без него нельзя было построить новое здание обкома, поликлинику для начальства, детский сад для детей аппарата, получить новые машины для партийного гаража. Обком партии руководил всеми сторонами жизни огромного региона, но не смел потратить лишнюю копейку сверх утвержденного бюджета и в финансовых вопросах полностью зависел от Управления делами.

Например, в мае 1983 года член политбюро первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов просил Управление делами выделить 72,6 тысячи рублей на реставрацию и установку перед зданием ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина исторического броневика, с которого Ленин выступал в апреле 1917 года, и изготовление электрифицированной карты «Ленинские места в Ленинграде и области». Даже этого вопроса член политбюро самостоятельно решить не мог!

В то же время первый секретарьТатарского обкома просил Управление делами выделить тридцать тысяч рублей на осуществление плана мероприятий «по восстановлению мемориальное™, благоустройству улиц и территорий, прилегающих к домам-музеям В.И. Ленина в г. Казани и месте первой ссылки В.И. Ленина…»

Какую роль управляющий делами ЦК КПСС играл в жизни правящей верхушки?

Управляющий делами руководил всей империей распределения благ в Советском Союзе. В его империи были спецбазы продовольственных и промышленных товаров. Существовали не только ателье и мебельные цеха для руководства, но даже и аффинажный заводик, где женам начальства делали золотые кольца и другие ювелирные изделия.

Управление делами заведовало и спортивно-оздоровительным комплексом в доме приемов на Ленинских горах. Он был предназначен для высшего партийного руководства, но сами престарелые члены политбюро ни плавать в бассейне, ни играть в теннис не были приучены. Здесь занимались спортом дети и внуки членов политбюро.

Вся жизнь высокого партийного чиновника и его семьи зависела от управляющего делами и его аппарата. Он лечил, он и хоронил: организовывал траурную церемонию и выделял места на престижных кладбищах.

Бывший член политбюро Александр Яковлев вспоминал:

– От управляющего делами многое зависело, например, какую дачу предложить, другие блага. Одному – это можно дать, другому – то. Или, например, чтобы получить квартиру для родственников, надо было к нему идти. А мог и сам предложить. Воту вас сын взрослый или дочь…

Порядок был такой. Все просьбы и пожелания членов политбюро, кандидатов и секретарей ЦК к управляющему делами выполнялись только после того, как докладывались генеральному секретарю, и тот давал разрешение. При этом сам Кручина был высокопоставленным слугой генерального секретаря, бытом которого он занимался лично, не смея перепоручить его заботам своего аппарата.

Прежде всего управляющий делами обслуживал генсека, и оценку его работе давала семья генерального секретаря – насколько он лоялен в самом широком смысле слова, сговорчив, уважителен, предупредителен. Валерий Болдин вспоминает, что Кручина сам занимался выделением квартир членам семьи генерального секретаря Черненко, ремонтом квартиры самого Константина Устиновича, обставлял ее мебелью. Квартиры и дачи

генсеков обустраивались на партийные деньги.

В ведении Кручины находился склад подарков, в котором было много всего – и какие-то пустяки, и настоящие ценности, сокровища, ювелирные изделия. Перед каждой поездкой Горбачева за границу сотрудники Управления делами приносили ему варианты подарков. Выбирал подарки Горбачев вместе с Раисой Максимовной. Придавал этому большое значение.

Управляющий делами был влиятельной фигурой. С ним считались. Он обязательно присутствовал на заседаниях секретариата ЦК, как и заведующий общим отделом.

Секретарь ЦК мог заказывать продуктов на двести рублей. Это были номинальные цены, потому что получаемых на базе продуктов хватало и на большую семью, и на то, чтобы достойно принимать гостей. У всех секретарей ЦК были личные повара, и им приносили в кабинеты специально для них приготовленные блюда.

Бывший посол в Соединенных Штатах Анатолий Федорович Добрынин был избран секретарем ЦК в марте 1986 года. Ему были положены охрана из трех человек, «ЗИЛ» с радиосвязью и большая дача с обслуживающим персоналом: два повара, четыре официантки, два садовника. Дачу охраняли. На даче- кинозал, библиотека, теннисный корт, сауна, оранжерея, сад. Всем этим (кроме охраны – это дело КГБ) ведало Управление делами.

Бывший руководитель президентского аппарата Валерий Болдин:

«Формально члены политбюро, включая и председателя Совета министров, до 1987 года имели заработную плату 800 рублей. Это была относительно небольшая сумма, но не она определяла уровень благосостояния руководителей партии и государства…

Члены политбюро могли бесплатно получать со специально для них созданной базы Девятого управления КГБ продукты питания (экологически чистые и проверенные врачами) на общую сумму около 400 рублей, кандидаты в члены политбюро – на 300 рублей…

Те секретари ЦК, кто непосредственно работал в аппарате ЦК, пользовались также бесплатными завтраками, обедами и ужинами, фруктами и всем остальным, что они пожелали заказать… Мне не раз приходилось видеть, как охранники, сгибаясь под тяжестью коробок или портфелей, сопровождали своих суверенов к машинам, чтобы отправить охраняемых и их пакеты на дачу…

Причем продукты проходили через санитарную проверку либо изготовлялись в специальных цехах при строгом

медицинском контроле. Как-то мне в руки попала книга перечня продуктов, которые заказывали руководители государства во времена Брежнева. Этот фолиант «вкусной и здоровой» пищи с перечнем наименований, свидетельствующий о богатстве нашей земли, достигал чуть ли не сотни страниц…

Н.Е. Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, не раз приходил ко мне с пачкой накладных счетов, в которых обозначались значительные ежедневные суммы расходов членов политбюро и секретарей ЦК на представительские цели и свое содержание. Это было дорогое удовольствие… За счет государства оплачивались квартиры, дачи, машины и многое другое. Как правило, квартиры предоставлялись в домах повышенной комфортности и позволяли при необходимости иметь под рукой охрану и обслуживающий персонал…

Дачи располагались в районе к западу от столицы вдоль Москвы-реки. Это были, как правило, современной постройки виллы, расположенные обычно на участках соснового леса размером до 50 гектаров. На территориях имелись теплицы, вольеры для птицы, загоны для другой живности. К виллам в последнее время пристроили бассейны и сауны…

Дачи были в несколько этажей со множеством комнат, спален, ванн, туалетов. Имелись большие столовые, бильярдные-кинозалы, в которых легко могло разместиться до 40–50 человек гостей. К дому, как правило, примыкал хозблок, комнаты с морозильниками, кухнями. На территории имелся теплый гараж, в котором круглосуточно могли находиться специальные машины…

Кроме подмосковных дач, в курортных местах существовали для членов руководства виллы и дворцы, оставшиеся еще с царских времен, для летнего отдыха. Практически для каждой семьи имелась своя курортная дача, и тем не менее строительство их продолжалось».

Не только само медицинское обслуживание, но и лекарства были для них бесплатными. «Бесплатно предоставлялись специальные самолеты с салонами не только для деловых поездок, но и на отдых… Существовали специальные магазины, закрытые мастерские, распределители, где члены политбюро и их семьи могли приобрести все импортное и практически в неограниченном количестве».

Георгий Павлов в роли управляющего делами ЦК построил жилой дом для высших руководителей – место хорошее, рядом Москва-река. На каждом этаже – только две квартиры. Внизу – помещения для охраны. Планировалось, что там возьмут квартиры Брежнев и члены политбюро – Подгорный, Полянский,

Громыко. Но Николая Подгорного освободили от должности председателя Президиума Верховного Совета СССР, Дмитрия Полянского перевели в министры, потом отправили подальше от Москвы послом. И Брежнев отказался от новой квартиры. Что же делать с домом? Председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин посоветовал отдать дом академикам.

Еще один дом Павлов построил на улице Щусева. И опять Брежнев, который жил на даче и никогда не ночевал в городе, отказался туда въезжать. Виктория Петровна даже не сумела его уговорить заехать посмотреть квартиру.

Горбачеву, когда он стал генеральным секретарем, Управление делами (то есть Кручина) построило другой дом – на улице Косыгина. Там помимо Горбачева поселились секретарь ЦК Егор Лигачев, руководитель президентского аппарата Валерий Болдин, тогдашний президент Академии наук Гурий Марчук.

В 1990 году Кручина, учитывая новые реалии, пытался кое-что поменять в своей империи. Написал Горбачеву записку:

«По сложившейся практике и с согласия секретариата ЦК КПСС Управление делами ЦК КПСС предоставляет квартиры в городе Москве персональным пенсионерам – бывшим руководителям партийных комитетов республик, краев и областей при наличии их просьб об этом.

Для ответственных работников аппарата ЦК КПСС, направляемых на работу в другие регионы страны и за рубеж, оплата расходов по ременту высвобождаемых ими квартир производится за счет средств партбюджета.

Для первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС стоимость текущего ремонта занимаемых ими квартир оплачивается за счет средств, предусматриваемых в партбюджете на капитальный ремонт зданий парторганов и партучреждений. Для первых секретарей крайкомов, обкомов КПСС установлена в одинарном размере оплата занимаемой площади вне зависимости от ее размеров.

В связи с этим в целях соблюдения норм жилищного законодательства и экономии средств бюджета КПСС вносится предложение:

– прекратить практику предоставления квартир в городе Москве персональным пенсионерам – бывшим руководителям партийных комитетов республик, краев и областей…

– считать утратившими согласие секретариата ЦК… по вопросу оплаты расходов на текущий ремонт квартир…

– установить порядок оплаты жилой площади, занимаемой первыми секретарями крайкомов, обкомов КПСС на общих основаниях».

Центр власти переместился со Старой площади в Кремль, куда окончательно перебрался Горбачев со своими помощниками. Аппарат ЦК КПСС еще существовал, но утратил свою власть над страной и даже над Управлением делами. Вот почему Кручина вознамерился лишить высокопоставленных аппаратчиков некоторых бесплатных радостей:

«По сложившейся многолетней практике для секретарей ЦК КПСС через первое отделение шестого отдела Девятого управления КГБ производится отпуск продуктов питания. Кроме того, сектором общественного питания хозяйственного отдела управления делами производится отпуск буфетной продукции (чай, кофе, сушки и т. д.) для заведующих отделами и их заместителей, а секретариатам секретарей ЦК КПСС отпускаются также некоторые продукты и бутерброды.

Расходы на эти цели возмещаются управлением делами ЦК КПСС за счет средств партийного бюджета. С учетом требования о сокращении затрат из бюджета КПСС считали бы целесообразным отпуск продуктов питания для секретарей ЦК КПСС и работников секретариатов секретарей ЦК КПСС производить за наличный расчет.

Расходы за счет средств партийного бюджета можно было бы сохранить на отпуск буфетной продукции (чай, кофе, молоко, печенье, сушки и сухари) в приемные и кабинеты секретарей ЦК КПСС, их помощников и референтов, заведующим отделами ЦК КПСС, их заместителям, а также при приемах отделами ЦК КПСС зарубежных делегаций и гостей.

Обслуживание президиумов собраний и совещаний, проводимых по решениям политбюро и секретариата ЦК КПСС, производить в каждом случае по отдельному меню с отнесением расходов на счет средств партийного бюджета».

Что делать с деньгами?

Бывший председатель КГБ Вадим Бакатин вспоминает, что в день, когда покончил с собой Кручина, ему позвонил вице-мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков и сказал, что есть человек, который располагает важными данными, и этого человека надо выслушать.

Бакатин поручил это своему помощнику Вячеславу Алексеевич Никонову. Тот буквально на следующий день составил записку председателю КГБ:

«По сведениям, полученным от источника, имевшего прямое касательство к описываемым событиям, в ЦК КПСС в течение последних 25 лет существовал фонд левых и рабочих партий, куда КПСС ежегодно вносила взнос в размере до 22 миллионов долларов. Деньги находились во Внешэкономбанке на депозите № 1…

Непосредственным распорядителем фонда в последнее время выступал секретарь ЦК В.М. Фалин. Он имел право заказывать требуемые суммы, которые хранитель депозита лично доставлял в ЦК КПСС. Там они передавались сотруднику КГБ, потом поступали резиденту в соответствующей стране и от него – доверенному лицу «субсидируемой» партии. Последний давал расписку, которая по каналам Первого главного управления КГБ возвращалась в ЦК КПСС.

На депозите находилось около 11,5 миллиона долларов. 23 августа Фалин забрал и запер у себя в сейфе всю документацию по фонду, а также 600 тысяч долларов, полученных как возврат кредита Польской объединенной рабочей партии.

В начале 1991 года была подготовлена записка на имя одного из членов политбюро с предложением разместить валюту из фонда левых и рабочих партий на подставных банковских счетах КГБ за границей».

Бакатин не стал поручать расследование сотрудникам КГБ, которым не доверял, и позвонил министру внутренних дел Виктору Баранникову. Следователи МВД изъяли из сейфов международного отдела КПСС эти 600 тысяч, а потом в казну перевели и все 11 миллионов долларов.

Прокуратура России обнаружила секретный депозит номер один во Внешэкономбанке. Потом многие члены политбюро скажут, что они не подозревали о существовании этого депозита или знали, но никогда не интересовались: а для чего он использовался?

На этом депозите держались деньги так называемого

Международного фонда помощи левым и рабочим партиям. В год через него проходило 20–25 миллионов долларов. Деньгами распоряжался непосредственно генеральный секретарь, об этом знали секретарь ЦК по международным делам, заведующий международным отделом и руководитель его секретариата. Эти деньги передавались различным компартиям, которые благодаря этому и существовали. После августа 1991 года большинство из них благополучно скончались.

Нашли в «особой папке» (высший гриф секретности для партийных документов) выписки из постановлений политбюро такого содержания: «Правлению Госбанка (т. Геращенко) выдать т. Фалину В.М. двадцать два миллиона долларов на специальные цели».

Ходили слухи о переводе за рубеж 200 миллиардов долларов. Но вся валютная выручка в свободно конвертируемой валюте Советского Союза в 1989 году составляла 29 миллиардов долларов, вспоминает бывший глава Союзного правительства Николай Рыжков. Нельзя вывезти больше того, что есть. Рыжков пишет, что он не подписал ни одного документа о передаче золота в ЦК или продаже за границу от его имени.

Александр Яковлев, который до Фалина был секретарем ЦК по международным делам, объяснял мне:

– Когда политбюро принимало решение помочь какой-то компартии, формально никакого нарушения не происходило. Брали деньги из партийной кассы и по существовавшему тогда курсу меняли их на валюту. Доставка денег поручалась КГБ.

В последние годы существования КПСС искали способы не потратить, а зарабатывать деньги в новых условиях. С 1987 года в местных партийных комитетах сократили количество легковых автомобилей на 850 единиц. В аппарате ЦК количество автомобилей сократили на 15 процентов, уменьшили число тех, кому положен персональный автомобиль, ввели лимит использования машин и перевели автомобили на конвейерное обслуживание.

Ругали местных секретарей, которые по привычке ездили на свой машине и за пределы своего района. Скажем, ехали учиться в другую область – на своей машине, чтобы не испытывать на месте никаких трудностей. Бензин брали в подведомственных организациях. Жаловались, что «Волга» – слишком дорогая машина и нужно переходить на более экономичные.

От Управления делами требовали при строительстве домов для партийного аппарата отказываться от излишеств, от дорогостоящих отделочных материалов, вводили ограничения на строительство жилых домов по индивидуальным проектам. В

последние годы местным Советам передавали партийные здания – всего двести пятьдесят, – в основном освободившиеся помещения райкомов. Отдавали ненужные дома, а боялись, что отберут все деньги и все имущество.

Еще в феврале 1990 года Николай Кручина написал секретную записку руководству партии:

«Нельзя исключать и возможности нарастания требований об изъятии у партии ее имущества, прежде всего зданий, предоставленных партийным комитетам, другим организациям и учреждениям КПСС, издательств, типографий, домов отдыха, санаториев и иных объектов социальной сферы, транспортных средств и т. д…

Нужно безотлагательно рассмотреть вопрос об основаниях и порядке пользования специальными средствами связи (в частности, шифросвязью, ВЧ, линиями правительственной связи), которыми располагают ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, ряд других партийных комитетов…

Необходимо проработать проблемы информационного обеспечения деятельности партии, охраны партийных тайн, руководителей КПСС (не занимающих высших государственных постов), зданий КПСС, ЦК компартий союзных республик, других партийных учреждений, учитывая, что в новых условиях, видимо, будет нецелесообразным привлечение для этих целей органов КГБ СССР…»

После путча нашли записку заместителя генерального секретаря Владимира Антоновича Ивашко от 23 августа 1990 года «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии». В записке говорилось: «Нужно создавать структуры «невидимой» партийной экономики, к работе в которой будет допущен узкий круг людей, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его заместителем».

Управление делами получило право приобретать имущество, создавать совместные фирмы как с иностранными предпринимателями, так и с советскими – государственными предприятиями, кооперативами и отдельными гражданами. Начались операции по переводу денег за границу с помощью сотрудников внешней разведки КГБ.

В мае 1991 года была закончена работа Управления делами ЦК по поиску документов на партийную собственность. На некоторые объекты документы не нашли. Управление делами предложило на базе хозяйств с сомнительными документами создать общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, совместные предприятия с участием иностранного

капитала или «передавать на длительный срок в аренду надежным советским и зарубежным партнерам…»

В начале июля 1991 года Горбачев подписал постановление политбюро «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений». Оно было подготовлено по записке Кручины в связи с резким сокращением доходов партийного бюджета. Управляющий делами предлагал предоставить крайкомам и обкомам право создавать собственные предприятия и образовать фонд инвестирования производственно-хозяйственной деятельности, из которого выдавать кредиты на высокоэффективные проекты местных партийных организаций.

Местные партийные организации заинтересовались возможностью заработать. Управление делами Ленинградского обкома образовало коммерческий банк и тут же попросило Управление делами ЦК перевести в этот банк полмиллиарда рублей. Кручина согласился дать в десять раз меньше – пятьдесят миллионов.

В ЦК боялись национализации, того, что отберут все имущество. Что же делать? Искали способ спрятать деньги. Следователи нашли один документ, на котором было написано рукой Кручины: «Взять сто миллионов рублей. Спрятать». Имелось в виду, конечно, не спрятать миллионы где-то в подполе, а вывести партийные деньги из-под контроля.

В квартире Кручины – после его самоубийства – нашли докладные записки, которые позволяют понять, как именно пытались решить свои финансовые проблемы в Управлении делами ЦК. Эти документы были опубликованы в газете «Труд».

Предполагалось создавать банки, которые бы имели счета за границей, частную авиакомпанию – совместно с Союзом ветеранов Афганистана, торговый дом, который бы занимался поставкой, как тогда говорили, товаров народного потребления, образовать специальный фонд приватизации – собрать деньги на грядущую приватизацию, чтобы обеспечить переход важной собственности в надежные руки и создать рабочие места для сотрудников партийного аппарата.

Отыскался еще один документ в связи с ожидаемой национализацией – «О дополнительных мерах по закреплению и эффективному использованию партийной собственности»:

«Требуется разработка специальных мер, позволяющих сократить до минимума потери в случае осуществления оппозицией своих планов. По ее предварительным оценкам, конфискации подлежит не менее 80–90 процентов собственности КПСС. При принятии своевременных мер эти показатели могут

быть снижены до 40–50 процентов…»

Предлагалось производственные подразделения вывести из ведения Управления делами и преобразовать в малые предприятия, акционерные общества и совместные с иностранцами предприятия. Доходы, которые поступают в партийную кассу, не отражать в финансовых документах и пустить на покупку акций компаний, предприятий и банков. Гостиницы, дома отдыха передать трудовым коллективам, а «материальные интересы партии обеспечить закрытыми соглашениями». Гостевые особняки и государственные дачи продать за рубли или валюту.

«Принятие данных мер, – говорилось в документе, – потребует организовать срочный отбор особо доверенных лиц, которым будет поручено выполнение отдельных пунктов программы. Не исключается возможность создания категории негласных членов партии, которые будут обеспечивать ее жизнедеятельность в любых условиях чрезвычайного периода».

Даже была разработана форма личного обязательства члена партии:

«Личное обязательство перед КПСС.

Я…, член КПСС с… года, партийный билет №… настоящим подтверждаю сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять доверенные мне партийные задания на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц.

Обязуюсь хранить и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства, возврат которых гарантирую по первому ее требованию. Все заработанные мною в результате экономической деятельности средства признаю собственностью партии, гарантирую их передачу в любое время и в любом месте».

В апреле 1991 года заместитель генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Ивашко подписал постановление, разрешающее Управлению делами ЦК «участвовать в создании совместных с левыми партиями стран Центральной и Восточной Европы хозяйственных структур за рубежом».

До последнего момента партия располагала достаточными средствами для того, чтобы удовлетворять все нужды своих руководителей. После августовского путча нашлась записка Управления делами в политбюро – «О расходах на лечение т. Фролова И.Т.» Речь шла о помощнике Горбачева – академике Иване Тимофеевиче Фролове:

«Член Политбюро ЦК КПСС т. Фролов И.Т. 7 августа 1991 года выехал в ФРГ сроком на 10 дней по приглашению

Гамбургского университета для чтения лекций.

Вместе с т. Фроловым И.Т. выехали его жена (за счет средств партбюджета) и 2 работника КГБ СССР (за счет средств КГБ).

По сообщению советского посольства в ФРГ, т. Фролову И.Т. проведена операция, после которой он будет находиться в клинике примерно в течение месяца. Расходы на операцию и лечение составят около 25 тысяч марок ФРГ.

Учитывая сложившуюся ситуацию, вносится предложение продлить срок пребывания в ФРГ т. Фролова И.Т. с женой на период его лечения в клинике с оплатой расходов за счет партийного бюджета».

Предложение Управления делами было принято.

Николай Кручина цепко держался за свое имущество. Помню, как пытался вырваться из системы управления делами ЦК КПСС журнал «Новое время», в котором я тогда работал.

Политический еженедельник «Новое время» никогда не был чьим-то органом. Разумеется, как и вся советская печать, журнал подчинялся ЦК, но формально сохранял независимость. Таким его задумал Сталин в 1943 году. В 1986 году ЦК КПСС принял секретное решение подчинить всю производственно-финансовую деятельность журнала партии. В ее казну стали уходить миллионные тогда доходы «Нового времени».

В конце 1990 года редакция по закону о печати обрела формальную независимость (учредителем стал журналистский коллектив) и обратилась к управляющему делами ЦК КПСС Кручине с просьбой перевести на счет «Нового времени» принадлежащие журналу деньги (выручка от продажи журнала) и вернуть на баланс редакционное здание.

Деньги пришлось выручать целый год. Вернуть здание Кручина наотрез отказался. В нашем здании вознамерились поселить теоретический журнал дочерней компании КПСС – компартии России, который создавали, но не успели создать Иван Кузьмич Полозков и его секретарь по идеологии Геннадий Андреевич Зюганов…

Дело не закрыто

После путча российский президент Борис Ельцин приостановил деятельность российской компартии, а потом вообще прекратил деятельность КПСС и распустил ее организационные структуры. 24 августа 1991 года Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС и предложил ЦК самораспуститься.

25 августа Ельцин объявил все движимое и недвижимое имущество КПСС и КП РСФСР, включая партийные вклады в банках, государственной собственностью. Право пользования партийным имуществом передавалось правительству и местным органам власти. Министерству иностранных дел России поручалось обратиться к правительствам других стран с просьбой сообщить о размерах партийных средств, размещенных за рубежом.

ЦК КПСС прекратил свое существование. Комплекс зданий партаппарата на Старой площади был опечатан. Кручина остался без работы, без дела.

Виктор Максимович Мишин, который был в 1991 году первым заместителем управляющего делами ЦК КПСС, рассказывал в газетном интервью:

– Я не разделяю мнения тех, кто говорит, будто самоубийство Николай Ефимовича – инсценировка. Этого человека нельзя было заставить сделать что-то против своей воли. Кручина покончил счеты с жизнью, не став дожидаться предательств и унижений, которые неизбежно обрушились бы на него. Мы разговаривали с Николаем Ефимовичем в последний вечер перед его гибелью, планировали дела на завтра… Словом, мы с Николаем Ефимовичем вели вечером нормальный деловой разговор, а на следующее утро я узнал о случившемся…

И спустя годы о Кручине отзываются с нескрываемой симпатией. Наиль Бариевич Биккенин многие годы проработал в аппарате ЦК:

«Органически чуждый какого-либо чванства и барства, Кручина был со всеми прост в обращении, доступен и внимателен, щепетилен во всем, что касалось его лично».

Перед тем как покончить с собой, он, видимо, думал о том, что его ждет. Наверное, он боялся ареста, допросов, суда, тюрьмы, конфискации имущества, позора. Того, что лишат квартиры, испортят жизнь родным…

А что же произошло с Павловым и Лисоволиком?

Павлов ушел на пенсию в 1983 году и не имел ни малейшего

отношения к тому, что делалось в Управлении делами ЦК накануне крушения реального социализма. Люди, знавшие Георгия Сергеевича Павлова, убежденно говорили мне, что причиной самоубийства было что-то личное. Просто личная трагедия совпала с революционными переменами в стране. И это лишь усилило депрессию.

Рассказывают, что когда-то Павлов – он еще был управляющим делами ЦК – влюбился в одну молодую женщину. У них начался роман. И вроде бы Георгий Сергеевич уговорил своего сына жениться на этой женщине. Сын работал за границей. А тайный роман продолжался, любовь не угасла. Когда у Павлова-старшего умерла жена, он решил узаконить отношения. Георгий Сергеевич пошел к Брежневу и все ему рассказал:

– Так и так, мы любим друг друга.

Брежнев, сентиментальный по натуре, махнул рукой и благословил старого друга на новый брак:

– Ну, давайте.

И Павлов женился на своей бывшей невестке. Видимо, наступил момент, когда личная жизнь рухнула…

Смерть Дмитрия Лисоволика, возможно, была спровоцирована разговорами о золоте партии. Он боялся, что ему станут задавать вопросы о передаче денег братским компартиям. И вообще не знал, что делать, когда ЦК закрыли и он остался без работы. 19 октября 1991 года помощник Горбачева Анатолий Черняев, бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС, записал в дневнике:

«Позавчера Лисоволик (мой бывший подчиненный, зав. сектором США в Международном отделе ЦК) выбросился из окна. Кстати, что-то точит меня. Неласково, помню, я с ним обошелся, когда он просил, чтоб я настоял перед Фалиным не переводить его на должность зам. зав. сектором (мол, унизительно). Сказал, что не раз отстаивал его, но его не приемлют в отделе. Он по-хохляцки хороший был человек, искренний, болеющий за дело, честный, хотя и хитроватый (недаром и фамилия такая)… Но слабенький профессионально. «Известия» изобразили его смерть как крах идеалов… Но он предан был перестройке, обожал Горбачева. Если и крах, то потому, что его выбросили за борт, несмотря на то, что он своевременно перешел в перестроечный лагерь, и перешел искренне!»

Тогдашний помощник первого секретаря ЦК Компартии Украины Виталий Врублевский:

«Диму Лисоволика я хорошо знал еще с того времени, когда он работал в Киеве. Это был честный, скромный человек, очень чувствительный и деликатный. Мы в шутку называли его

«красной девицей». И я не верю, что он был замешан в каких-то детективных историях. Думаю, что его тонкая натура не вынесла столь резкого краха иллюзий. Он не сумел адаптироваться к реальностям жизни, остался безработным. Психологический шок толкнул его к единственно возможному, как ему казалось, выходу».

Генерал Виктор Иваненко в 1991 году был председателем КГБ РСФСР. Он рассказывал мне:

– Я не участвовал в расследовании этих дел. Ими занимались органы прокуратуры. Знаю, что версии отрабатывались всякие – и злой умысел, и попытки скрыть какие-то следы. Но одна версия не получила подтверждения. Для многих происшедшее было психологической контузией, и кто-то просто не выдержал. Конечно, людей тяготило начавшееся расследование деятельности КПСС. Наверное, были какие-то злоупотребления. Не хотели, чтобы вышло наружу. Но версии о заказных убийствах, о желании спрятать концы в воду с золотом партии не подтвердились. Потом обо мне говорили, что это я был диспетчером этих самоубийств. Я не имел к этому отношения.

Сомнения были порождены способом самоубийства, который они для себя выбрали: они все выбросились из окна.

– Вам это не казалось странным? – спрашивал я генерала Иваненко.

– Когда человек находится в состоянии аффекта и думает о самоубийстве, – говорит Иваненко, – ему не до логических рассуждений. Логика уступает место внезапному порыву.

– Им было чего бояться?

– Радикалы настаивали на жестких мерах, запрете КПСС, люстрации, – говорит Иваненко. – Но значительная часть старой номенклатуры сразу перескочила в новый поезд. Я, кстати, к этой номенклатуре отношу и себя. И вот эта новая элита не позволила событиям пойти по радикальному пути.

– Все же странно, что они поспешили уйти из жизни. Все это были люди с достаточно крепкой нервной системой. Почему они вдруг сломались?

– Я встречал очень сильных людей, которые с честью выдерживали самые серьезные испытания и боль пересиливали, но не могли стерпеть предательства. У них было ощущение, что их предали, сдали. Я тоже пережил нечто подобное. Когда идешь за человеком, веришь в него, а тебя как ненужную шахматную фигурку смахивают с доски, это тяжелый момент в жизни. Не веяному дано пережить это достойно.

– История с самоубийствами произвела сильное впечатление на общество. Все это горячо обсуждалось. А какой была реакция в

высшем эшелоне власти? Например, президента Ельцина эти самоубийства интересовали?

– Сразу после путча началась борьба за власть, – напоминает Виктор Иваненко. – Стали дожимать команду Горбачева. Да и Ельцин сразу исчез из Москвы, уехал на юг отдыхать. Я, председатель КГБ, три дня не мог дозвониться до президента, чтобы доложить о захвате здания управления госбезопасности Чечено-Ингушетии в Грозном и согласовать какие-то совместные действия. А вы говорите о каких-то самоубийствах…

Осенью 1991 года в просторном кабинете начальника Главного управления внутренних дел Москвы на Петровке я разговаривал с только что назначенным главным милиционером Москвы Аркадием Николаевичем Мурашевым, который еще носил значок народного депутата СССР. Я спросил его об итогах расследования загадочных самоубийств.

– Что касается троих бывших сотрудников ЦК КПСС, – ответил он, – которые совершили самоубийство, то мы тщательно расследовали это дело. Никто их из окна не выбрасывал – это точно, в тот момент дома находились семьи. Так что если их кто-то и шантажировал, то решение покончить с собой каждый из них принял самостоятельно.

А как же поиски золота партии?

В 1991 году сотрудники российской разведки обратились к президенту Ельцину с предложением найти исчезнувшие за границей валюту и золото партии с помощью крупнейшего в мире частного детективного агентства «Кролль». По мнению разведчиков, в агентстве работали профессионалы высшей категории. Им среди прочего удалось найти секретные счета иракского президента Саддама Хусейна.

Агентство возглавлял Жюль Кролль. Юрист по образованию, он стал сыщиком после того, как его отца разорили нечистоплотные дельцы. Многие предприниматели говорили, что благодарны Кроллю. Он спас их от конфуза и сохранил им деньги. Кролль любит говорить: наша задача – чистить аквариум. Он следил за тем, чтобы его люди не нарушали определенные правила. Его агентство отказывалось нелегально устанавливать в помещении подслушивающие устройства. В агентстве работало примерно триста человек. Выполняя заказ, Кролль брал с клиента около полутора тысяч долларов в день. Ежегодный доход составлял семьдесят миллионов долларов.

Президент Ельцин одобрил идею.

Егор Тимурович Гайдар, который тогда был вице-премьером, рассказывал мне, как в феврале 1992 года он встретился в Испании с представителями детективного агентства и подписал с

ними контракт. Агентству «Кролль» заплатили девятьсот тысяч долларов в надежде, что оно найдет миллионы.

Если судить по книгам и кинофильмам, то частные детективы могут все. В жизни это выглядит иначе. Российские дела оказались детективам не по зубам. Через несколько месяцев стало ясно, что реального результата агентство не добилось. Может быть, в Москве переоценили тогда скромные возможности детективного агентства, пусть даже и самого знаменитого. А может быть причиной неудачи было нежелание тогдашнего Министерства безопасности России (его возглавлял Виктор Баранников) сотрудничать в этом деле. Такова была точка зрения Егора Гайдара. Возможно, нашлись и другие, не менее влиятельные персоны, которые позаботились о том, чтобы золото партии (будем называть это так) искали не столь активно?

Когда в середине девяностых я работал в «Известиях», то мы поместили сообщение из Парижа о том, что огромные валютные богатства из сейфов КПСС в результате тайных многоступенчатых махинаций оказались на Каймановых островах, находящихся в Карибском море между Кубой и Флоридой.

С таким утверждением выступил на страницах журнала «Пари-матч» известный французский романист и публицист Жерар де Виллье, который провел собственное расследование загадочного исчезновения партийных миллиардов. Он ссылался на некоего сотрудника ЦРУ. С помощью осведомителей в различных европейских учреждениях, сообщил этот сотрудник ЦРУ, выяснилось, что огромные суммы были переведены из России вначале в Швейцарию, а потом – на Каймановы острова. Ключевую роль в этих операциях будто бы играл казначей КПСС Николай Кручина…

Виктор Мишин, который был первым заместителем Кручины, рассказывал в интервью:

– Николай Ефимович ушел, и золото партии стали из меня вытрясать. А что было трясти?

– Неужели нечего?

– Речь шла о двенадцати миллиардах рублей в ценах 1991 года. В семь с половиной миллиардов оценивалась недвижимость, принадлежавшая КПСС, остальные деньги – партвзносы, доходы от деятельности издательств, ряда других предприятий партии. Все это было протокольно оформлено и передано в управление представителям новой власти.

– Помните разговоры о банках, АО, ТОО и т. д., созданных на деньги партии? Эти речи что-то подозрительно быстро заглохли.

– Да, действительно, в 1990 году значительная часть финансовых средств КПСС была размещена на депозитных счетах

в различных коммерческих банках. Когда в августе 1991 года началась вся эта свистопляска, некоторые банкиры поспешили перевести деньги партии в госбюджет, а остальные оставили средства на счетах…

Иначе говоря, не было никаких тайных номерных счетов, таинственных курьеров с чемоданчиками, прикрепленными к руке, паролей и прочей романной чепухи. Умелые люди приватизировали партийные деньги и пустили их в оборот. Они уже давно приносят кому-то прибыль. Люди компетентные знают кому.

Газета «Коммерсант» опубликовала в 1999 году справку «О размещении на депозитных счетах в других банках, ассоциациях, предприятиях средств с текущего счета Управления делами ЦК КПСС в 1990–1991 гг.»

Из этого документа следует, что со счетов партии в некоторые коммерческие банки ушли немалые деньги: например, один миллиард рублей (в деньгах 1990 года) – в Автобанк, 150 миллионов – в Токобанк, 200 миллионов – в Уникомбанк… Часть денег отправили за границу.

Бывший председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко:

– Поручили мне вместе с прокуратурой искать деньги партии. Пытались мы открыть некоторые источники. Но определенная часть новой номенклатуры не захотела глубже копнуть. А концы были. Деньги уводили люди с разведывательным опытом, с опытом международной финансовой деятельности. А в прокуратуре расследование вели следователи, которые опыта такого не имели. Им, извините, лапшу на уши вешали. Деньги ушли, в совзагранбанки, в их дочерние предприятия. Я хотел там поискать, да меня остановили. Но вообще-то даже сейчас, если хорошо поискать, можно выйти на след этих денег.

Дело о золоте партии не закрыто?

Вместо послесловия
Самоубийство глазами психиатра

Самоубийства – это десятая по распространенности причина смерти в современном мире. Чаще всего люди лишают себя жизни из-за неспособности справиться со множеством обрушившихся на них проблем. Когда общество втягивается в острые политические баталии, это тяжело влияет на психическое состояние людей. Они испытывают неуверенность, страх за будущее свое и детей. Неопределенность, нестабильность, неуверенность порождают стресс и ведут к психическим расстройствам.

Но что же заставляет совершать самоубийства крупных военных и политиков? Как-то все это не вяжется с обликом этих людей, решительных, жестких, способных преодолевать любые препятствия. Неужели и они кончают счеты с жизнью из-за сорвавшейся карьеры, страха перед начальством, неуверенности в своем будущем?

На эту тему я беседовал с нашим крупнейшим психиатром Татьяной Борисовной Дмитриевой, академиком медицины, директором Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского. Татьяна Борисовна рано ушла из жизни, очаровательная, умная женщина, беседы с которой всегда были и удовольствием, и открытием…

Будучи министром здравоохранения России, Татьяна Борисовна часто говорила о том, что очень многие люди, не подозревая об этом, нуждаются в помощи психиатра, и призывала не избегать специалистов: главное – вовремя получить врачебную помощь, чтобы не произошло худшего. Если человек не в состоянии сам справиться со стрессом, считала Татьяна Дмитриева, не надо бояться попросить совета у психиатра. Даже просто разговор с хорошим психиатром благотворно действует на человека, изнемогающего под грузом нерешенных проблем.

Депрессиям подвержены очень известные люди. Скажем, у первого российского президента Бориса Ельцина, как утверждают, бывали приступы депрессии. Психика Ельцина сильно пострадала в результате того, что Горбачев попытался выбросить его из политической жизни. То же самое произошло с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем, который страдал от депрессии после неожиданного поражения на парламентских выборах в 1945 году. Когда Борис Николаевич внезапно исчезал из Кремля, отсиживался где-то вдали от людей, запирался, не хотел никого видеть, злоупотреблял горячительными напитками,

скорее всего, это означало, что он погружался в депрессию. Это происходило в тех случаях, когда он сталкивался с проблемами, которые не в силах был решить.

Действительно ли депрессия так широко распространена?

– Это больная тема, – говорила мне Татьяна Дмитриева. – Фактически каждый второй, кто приходит в поликлинику, нуждается в психиатрической помощи.

– А почему разные люди, сталкиваясь с одними и теми же проблемами, реагируют так по-разному? – спросил я Татьяну Борисовну. – Одному вообще на все наплевать, с него, как с гуся вода. Другой выпьет стакан водки, стукнет кулаком по столу и придет в себя. Третий уедет на рыбалку, расслабится и вернется спокойным и веселым. А вот четвертый лезет в петлю. В чем же тут дело?

– Если подходить с научной точки зрения, – объясняла Дмитриева, – есть несколько причин и условий, которые иногда меняются местами. Конечно, основную роль тут играет неустойчивость к стрессам. Это зависит от наследственности, от генов. Это не значит, что нельзя себя укрепить, натренировать, но изначально люди находятся в неравных условиях.

Так что первая причина самоубийства – это биологическая предрасположенность. А вторая – специфика личностной структуры, психологические особенности личности. Есть люди более ранимые, а есть те, у кого, как говорят в народе, толстая кожа. Одному каждое обидное слово – боль, беда, а другой даже к гибели близких относится спокойно: бог дал – бог взял. В этой формуле, кстати, своя защитная философия. Так легче перенести горечь утраты – исправить-то ничего уже невозможно. Каждый должен понять: жизнь не бывает безоблачной. Нужно вырабатывать систему защиты. Не всякое горе пускать внутрь себя.

– А как быть с крупными политиками или военачальниками, которые прошли через войну или чудовищные испытания в мирной жизни и вдруг покончили с собой? Почему? Все это были люди, наделенные способностью легко преодолевать стрессы, иначе бы они не добрались до вершин власти. Что же с ними происходит?

– Помимо биологических причин надо учитывать внешнее воздействие и восприятие внешнего мира. Очень важна система нравственных ценностей. Подчас, если на одну чашу весов кладется жизнь, а на другую – честь и человек выбирает честь, тогда он способен добровольно лишить себя жизни.

Или другая ситуация – человек смертельно болен, знает, что обречен, что медицина бессильна, его мучают страшные боли. И

он решает уйти из жизни. Я не могу одобрительно отнестись к такому выбору, потому что считаю, что всегда есть шанс. Тем не менее человек должен иметь право выбора. И когда сильные, достойные люди делают такой выбор, я к нему отношусь с уважением.

– Значит, в подобных случаях самоубийство – это не следствие какой-то болезни? Не патология психического развития? Не генетическая предрасположенность, не помутнение разума, а нечто иное?

– Никакой патологии личности или болезни. Это выбор нормального здорового человека, нравственный выбор. И ни в коем случае не надо оценивать его с позиции психиатрии. Что такое самоубийство? Это крайняя степень дезадаптации. То есть человек больше не видит себе места в жизни. Повторяю, это либо болезнь, либо осознанный выбор.

– Решение уйти из жизни – мгновенное, импульсивное решение? Или долго вынашиваемый замысел?

– В тех случаях, когда можно говорить о какой-то «подмоченное™» биологических механизмов, срабатывают эмоции – и в пылу скандала человек способен выброситься из окна. Перехлестывают эмоции – и гибель. Если бы человек чуть-чуть подождал, если бы у него было время глубоко вздохнуть, сосчитать до десяти, на секунду отвлечься от трагических мыслей, то, может быть, этого оказалось бы достаточно, чтобы сохранить себе жизнь.

А бывает человек приходит к мысли о самоубийстве после долгих размышлений, взвесив все «за» и «против». Это его выбор. И, если этот человек здоров, психиатр может только развести руками. Хотя, думаю, что и в такой ситуации хороший врач может помочь, вывести из депрессии, которая приводит к роковому шагу.

– И в таких случаях мы не должны подозревать генетическую, биологическую предрасположенность к самоубийству?

– Нет-нет. Если выбор сделан после серьезных размышлений, то это, как правило, решение очень сильного человека. Здесь действует иной механизм – нравственные ценности важнее собственной жизни.

– Но тогда получается, что кончают с собой только порядочные люди. А тот, кто не решился на этот шаг, не очень порядочный?..

– Каждую историю жизни и смерти нужно анализировать отдельно. Обобщать нельзя. Люди, о которых мы с вами говорим, поднялись из самых низов и преодолели много препятствий. Как правило, такие люди способны устоять при любых стрессах. Но

еще раз повторяю – вопрос не в стрессоустойчивости. Действуют другие факторы. И вряд ли мы в состоянии понять, что же стало последней каплей для каждого из них. Это могут быть какие-то глубинные механизмы, о которых, может быть, мы никогда не научимся узнавать.

– Некоторые болезни можно на ранней стадии выявить с помощью анализа крови, другие – рентгеновским обследованием. А предрасположенность к стрессам, о которой вы говорите, медицина в состоянии выявить?

– Да. Именно с помощью анализа крови. В последние годы стало известно, что устойчивость к стрессам связана с нейромедиаторными системами организма, то есть с функциями мозга. Для того чтобы передать импульс, информацию с одного нейрона на другой, должен выработаться передатчик. Это и есть нейромедиатор, химическое вещество. Скорость синтеза и распада этого вещества генетически детерминирована. Оказывается, их активность можно определить. Мы делаем такие анализы крови.

– Положим, определили. Выяснилось, что у человека низкая устойчивость к стрессам. И что же ему делать?

– Надо тренировать себя. С учетом специфики генов. Раз есть такая проблема, нужно искать, как защитить себя от ударов. Существуют психотерапевтические методики, позволяющие человеку подготовиться к определенным стрессам. Никто заранее не знает, с какой стороны последует удар. И никто не защищен. Но если человек знает, что у него есть проблемы, он может заранее найти свою формулу подготовки к стрессу, окружить себя защитной оболочкой.

– Звучит красиво. А на практике-то это возможно?

– Возможно. Существует много психологических методик приспособления к различным сложностям жизни. Если не помогает аутотренинг, если не удается поработать с самим собой и вообще нет желания себя воспитывать (такое обычно свойственно мужчинам, ведь мужчины считают, что это ниже их достоинства), остается единственный выход – подобрать лекарство, которое поможет справиться с постоянным напряжением.

Кстати, очень важно то, что психиатры называют ритуалами. Скажем, вера в приметы. Что сделать, чтобы начальник отпустил без выговора? Например, постучать по дереву, или через плечо плюнуть, или положить в карман талисман. Ритуалы выполняют психотерапевтическую роль. Они придают уверенность. Если человеку кажется, что ему какой-то талисман помогает, пусть этот предмет всегда будет рядом: на работе, дома, в автомобиле.

В этом заложен глубинный смысл. Талисман – та же борьба против стресса.